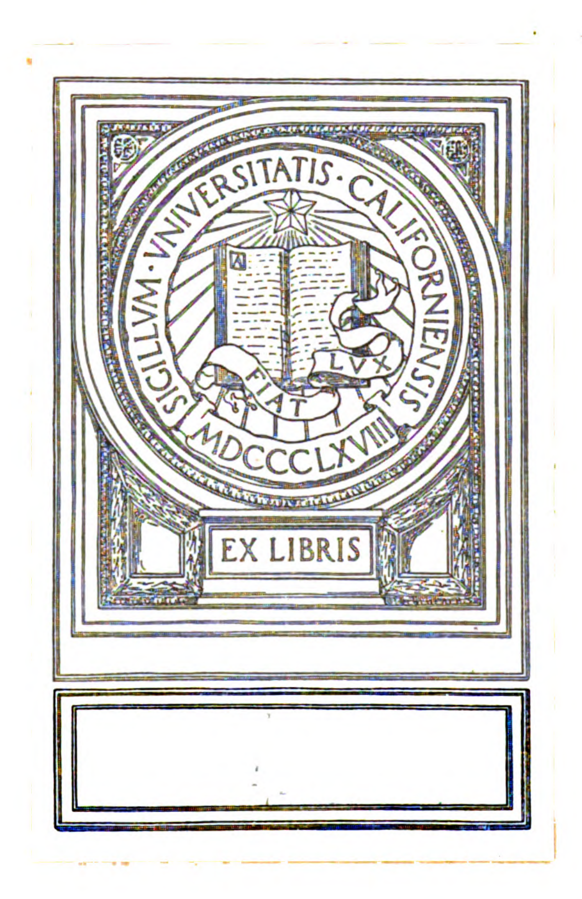

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

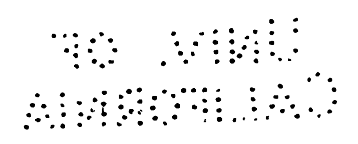
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ.

1905 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го февраля 1905 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

18-го февраля опубликованы слѣдующіе правительственные акты:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Неисповѣдимому промыслу Божію благоугодно было посѣтить Отечество наше тяжкими испытаніями:

Кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только Нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ,—потребовала отъ народа русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многія дорогія, родныя сердцу Нашему жертвы.

Въ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣтною храбростію сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь свою за вѣру, Царя и Отечество,—въ самомъ Отечествѣ нашемъ поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби.

Ослѣпленные гордынею злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, Отечеству Нашему несвойственныхъ.

Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго первопрестольную столицу и безвременно погибшаго лютою смертью среди священныхъ памятниковъ Московскаго Кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава нашей родины.

Со смиреніемъ принимая всѣ сіи, ниспосланныя Правосудіемъ Божіимъ испытанія, Мы почерпаемъ силы и утѣшеніе въ твердомъ уповaніи на милосердіе Господа, отъ вѣка Державѣ Россійской являемое, и въ извѣстной Намъ исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Нашего.

Молитвами Святой Православной Церкви, подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти и въ неразрывномъ единеніи съ Нею, земля русская не разъ переживала великія войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненій съ новою силою несокрушимою.

Но внутреннія настроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить правительственнымъ учрежденіямъ и властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней долгъ службы и велѣнія присяги и призвать къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ престоломъ и Отечествомъ.

Непрестанно помышляя о благѣ народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ Наше терпѣніе, благословитъ оружіе Наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ Нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній Нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка.

Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами.

И да подастъ Господь въ Державѣ Россійской: Пастырямъ—святыню, Правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе, къ вящшему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ 18-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано

„НИКОЛАЙ“.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ.

Александръ Григорьевичъ.

Вѣрныя исконному обычаю народа русскаго — нести къ Престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радости и печалей, переживаемыхъ Отечествомъ,—дворянскія и земскія собранія, купеческія городскія и крестьянскія общества, со всѣхъ концовъ земли Русской, принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія, по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи Государственнаго порядка.

Отъ Имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное переживаемое нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему, придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію: совмѣстною работою Правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

Преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ Моихъ — собираніе и устроеніе земли Русской, Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Соображая особыя условія обширнаго Отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государи Россійскіе въ мудрости Своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованія, лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающей неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія

въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи.

А по сему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствованіемъ Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли.

Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ ввѣреннаго Мнѣ народа.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

18-го февраля 1905 г.,
гор. Царское Село.

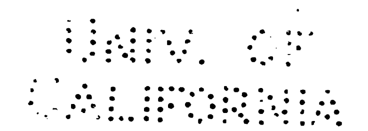
ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату 1905 года, февраля 18-го.

Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи Россійской, признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными. Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ совѣтъ министровъ сверхъ дѣлъ ему нынѣ подвѣдомственныхъ разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе.

НАКАНУНѢ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Историческій очеркъ).

Среди многочисленныхъ преобразованій великой освободительной эпохи земская реформа 1864 года представляетъ, быть можетъ, наибольшій интересъ для исторіи политическаго развитія Россіи. За скромнымъ «Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ» скрывалось широкое и богатое красками общественное движеніе, содержаніе котораго наложило неизгладимую печать на всю послѣдующую дѣятельность русскаго земства. Кромѣ того, непосредственно и конкретно поставивъ вопросъ о предѣлахъ политическихъ правъ освобожденнаго отъ крѣпостного гнета населенія, земская реформа явилась естественнымъ центромъ, вокругъ котораго сгруппировались старыя и зародились новыя теченія русской общественной мысли, впослѣдствіи развившіяся и измѣнившіяся, но до сихъ поръ сохранившія черты первоначальнаго происхожденія. Цѣнность многихъ общественныхъ силъ, дѣйствующихъ въ современной и, въ частности, земской Россіи, не можетъ быть опредѣлена съ достаточной точностью безъ обстоятельнаго изслѣдованія условій ихъ возникновенія въ тотъ великій моментъ, когда процессъ глубокой соціально-экономической эволюціи впервые столкнулся съ архаическими формами сословно-крѣпостного уклада жизни. Между тѣмъ, въ настоящее время, когда предпринятъ рядъ реформъ, чувствуется особенно острая потребность объективнаго учета силы и направленія различныхъ общественныхъ теченій. Къ сожалѣнію, полное освѣщеніе эпохи шестидесятыхъ годовъ еще невозможно: мы не располагаемъ даже самыми важными и существенными матеріалами, необходимыми для сколько-нибудь исчерпывающей характеристики періода русскаго возрожденія. Современный изслѣдователь въ состояніи только намѣтить главныя линіи мощнаго общественнаго движенія той эпохи и сопоставить ихъ съ непосредственно достигнутыми практическими результатами. Первую часть этой задачи мы и пытаемся разрѣшить, примѣнительно къ земской реформѣ, въ предлагаемой статьѣ.

Глава I.

Основныя черты дореформеннаго мѣстнаго управленія.

Земская реформа 1864 года, какъ и другія преобразованія той эпохи, находится въ непосредственной и неразрывной связи съ крестьянскою реформою. Уничтоженіе крѣпостной зависимости милліоновъ крестьянскаго населенія съ логическою неизбѣжностью поставило на первую очередь и вопросъ о коренномъ преобразованіи всей системы мѣстнаго управленія. Это преобразованіе повелительно диктовалось не только многочисленными техническими недостатками дореформенныхъ мѣстныхъ учрежденій, но и полной ихъ непригодностью въ условіяхъ обновленнаго строя русской жизни.

Дореформенное государство во всѣхъ своихъ частяхъ твердо опиралось на фундаментъ крѣпостного права. Порабощенное населеніе не имѣло и не могло имѣть сколько-нибудь существенныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Оно было подчинено почти неограниченной власти помѣстнаго дворянства, которому принадлежали и личность, и имущество крестьянина. Государственная власть, естественно, отодвигалась въ сторону отъ населенія, такъ какъ экономическія отношенія крѣпостного строя требовали для руководителей и организаторовъ дореформеннаго сельскохозяйственнаго производства, помѣстныхъ дворянъ, наиболѣе полнаго и свободнаго распоряженія личностью и трудомъ рабочаго-крестьянина. Всякая попытка государственной власти стать лицомъ къ лицу съ населеніемъ являлась, при такихъ условіяхъ, нарушеніемъ освященныхъ вѣками правъ помѣщика и, дѣйствительно, противорѣчила самой сущности крѣпостныхъ отношеній. Элементарные матеріальные интересы помѣстнаго дворянства вынуждали его къ упорной и стойкой борьбѣ съ нивеллирующими тенденціями государственной власти; и пока дворянство находило опору въ соціально-экономическихъ устояхъ русской жизни, оно всегда оказывалось достаточно сильнымъ, чтобы обезпечить свои привилегіи. Въ моментъ наибольшаго политическаго вліянія русскаго дворянства помѣщичье село, по яркому изображенію г. Побѣдоносцева, «представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большого; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчаетъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ

бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ «собрався съ своими крестьяны». Подъячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо «ступайте вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете съ людьми на село, будете побиты до смерти.» Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь и освобождалъ лишь по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большею частью онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе» *)... Эти слова относятся къ XVIII столѣтію; въ XIX вѣкѣ, съ усиленіемъ государственной власти, открытыя возстанія, разумѣется, прекратились, независимость помѣщичьяго двора отошла въ прошлое, но и тогда дворянство упорно отстаивало неприкосновенность своихъ владѣній отъ посягательствъ государства. Уже вначалѣ XIX столѣтія, напр., нѣкоторые помѣщики Тульской губерніи, при выемкѣ въ ихъ имѣніяхъ дезертировъ и помѣщичьихъ бѣглыхъ людей, оказывали земской полиціи такое сопротивленіе, что убили одного рядового въ находившейся при томъ командѣ и, не смотря на это, были почти оправданы уѣзднымъ судомъ и палатой **). Взгляды дворянства на свое политическое положеніе измѣнялись очень медленно. Сущность же этихъ взглядовъ чрезвычайно выпукло обрисовывается въ писаніяхъ извѣстнаго дѣятеля александровской эпохи, Каразина, создавшаго цѣлую теорію помѣщичьей власти, теорію, для обоснованія которой авторъ обращался не только къ соображеніямъ чистаго разума, но и къ постановленіямъ дѣйствовавшаго законодательства. «Народу,—писалъ Каразинъ,—невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей: и кому же приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ? Помѣщикъ и по отличному воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными, и по пріятной сердцу обязанности передать свое наслѣдіе, предметъ человѣколюбивыхъ его заботъ, дѣтямъ своей крови, точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха»... «Помѣщика я разумѣю наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ими и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами,

---

*) Цит. по книгѣ: Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права". Спб. 1870 г. Стр. 352.

**) Ibid. Стр. 353.

однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ... Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ своего отечества, не что иное, какъ намѣстники своихъ великихъ государей, каждой во ввѣренной ему части» *). Эта теорія, для полнаго пониманія которой необходимо замѣтить, что наслѣдственныя вотчинныя права дворянства Каразинъ считалъ лучшею замѣною парламентскаго представительства, глубоко коренится въ конкретныхъ условіяхъ сословно-крѣпостного строя и, въ своихъ существенныхъ чертахъ, воплощалась въ дореформенной организаціи мѣстнаго управленія Россіи. Въ то время дворянство было нашимъ pays légal. Оно пользовалось такими правами въ дѣлѣ государственнаго управленія, которыя открывали широкую возможность всесторонняго вліянія на направленіе внутренней политики. Не только предводители, депутаты и другіе представители сословнаго дворянскаго общества, но и цѣлый рядъ чиновниковъ, являвшихся органами государства въ мѣстномъ управленіи, были выборными ставленниками дворянства. По закону, дворянство избирало предсѣдателя и двухъ членовъ уѣзднаго суда, земскаго исправника и засѣдателя земскаго суда, предсѣдателя и двухъ членовъ совѣстнаго суда, двухъ членовъ приказа общественнаго призрѣнія. Глава дворянскаго общества, губернскій предводитель, засѣдалъ на первомъ мѣстѣ послѣ губернатора въ коммиссіи народнаго продовольствія, общественнаго здравія, дорожной, оспенномъ комитетѣ, комитетѣ коннозаводства, комитетѣ и особомъ присутствіи по земскимъ повинностямъ. Во всѣхъ временныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, касавшихся сколько-нибудь значительныхъ нуждъ губерніи, также всегда и непремѣнно участвовали представители дворянства.

Вліяніе дворянства на мѣстныя дѣла, достаточно обезпеченное юридически, усиливалось, кромѣ того, и фактическимъ положеніемъ господствующаго сословія. Всѣ высшіе чиновники губернской администраціи принадлежали къ дворянству и были крѣпко связаны съ нимъ не только общимъ происхожденіемъ, но и одинаковыми матеріальными интересами. Представители другихъ сословій, обладавшихъ правомъ нѣкотораго участія въ мѣстномъ управленіи, въ дѣйствительности не играли и не могли играть никакой роли въ тѣхъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ, куда ихъ допускало законодательство. Даже духовенство находилось въ полной фактической зависимости отъ дворянства и нерѣдко служило прямымъ орудіемъ помѣ-

*) См. написанное Каразинымъ: „Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества". Цит. Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи". Стр. 385.

щичьей власти. Вся мѣстная жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, подчинялась, такимъ образомъ, властному руководству первенствующаго сословія. Судъ, администрація, церковь сосредоточивались въ его рукахъ и являлись лишь организаціей господства землевладѣльческаго класса надъ безправнымъ и закрѣпощеннымъ населеніемъ. Этотъ патріархально-аристократическій, почти феодальный строй дореформеннаго русскаго государства неизбѣжно отражался и въ той области мѣстнаго управленія, которая послѣ реформы 1 января 1864 года отошла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій и которая заключала въ себѣ такъ называемыя земскія повинности. Подъ земскими повинностями, согласно опредѣленію всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ 2 мая 1805 года, разумѣлись «разные денежные сборы и работы, сверхъ учрежденныхъ въ казну податей, по требованію правительства и по внутренней губернской раскладкѣ и по распоряженію по временамъ и ежегодно обывателями отправляемые». Эти повинности обнимали собою даже болѣе широкую область, чѣмъ такъ называемыя хозяйственныя пользы и нужды мѣстности, вскорѣ составившія предметъ компетенціи новорожденныхъ земскихъ учрежденій. Одно перечисленіе ихъ занимаетъ восемь страницъ Свода законовъ. Сюда относились какъ повинности, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе потребностей всего губернскаго населенія и отдѣльныхъ сословныхъ обществъ, такъ и повинности, направленныя на удовлетвореніе общихъ нуждъ государства. Въ виду этого земскія повинности раздѣлялись, по своему значенію, на государственныя и губернскія. По способу же ихъ отправленія, онѣ дѣлились на денежныя и натуральныя. Къ государственнымъ повинностямъ относилось содержаніе почтовыхъ лошадей на главныхъ почтовыхъ дорогахъ, содержаніе почтовыхъ помѣщеній, участіе въ содержаніи главныхъ общеимперскихъ дорогъ, содержаніе земской полиціи, устройство тюремъ для пересыльныхъ арестантовъ и домовъ для стражи по главнымъ этапнымъ путямъ, содержаніе преступниковъ, расходы при совершеніи казни, содержаніе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, устройство или наемъ зданій для временно квартирующихъ или проходящихъ войскъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе, наемъ земли подъ лагери, для маневровъ и для пастбищъ военныхъ лошадей. Къ денежнымъ губернскимъ повинностямъ были отнесены расходы отчасти на тѣ же государственныя потребности, поскольку онѣ касались данной губерніи, отчасти на мѣстныя потребности. Такъ, по дорожной части земскими повинностями являлись: содержаніе шоссе для внутреннихъ сообщеній губерніи и техническія сооруженія на грунтовыхъ дорогахъ, содержаніе воспитанниковъ губерніи въ строительномъ училищѣ; по квартирной части—устройство зданій для губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, участіе въ содержаніи губернскихъ и уѣздныхъ тюремъ, вспоможеніе городамъ на отопленіе и освѣщеніе тюремъ, содержаніе нѣкоторыхъ чи-

новниковъ губернаторской канцеляріи, казенной палаты и уѣзднаго казначейства, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и содержаніе разныхъ чиновъ министерства юстиціи. Далѣе, въ губернскія земскія повинности входили расходы по межеванію, содержаніе земскихъ случныхъ конюшенъ, оспоприviваніе и т. п., а также и частныя повинности, падавшія только на отдѣльныя сословія, дворянъ, горожанъ, крестьянъ. Наконецъ, сюда же причислялись и натуральныя повинности: дорожная, подводная и постойная, лежавшія почти исключительно на податныхъ сословіяхъ.

Въ кругъ обязанностей дореформеннаго земства входили и заботы по общественному призрѣнію, вѣдавшіяся приказомъ общественнаго призрѣнія, предсѣдателемъ котораго былъ губернаторъ, а членами—выборные представители дворянъ, горожанъ и крестьянъ. Приказъ общественнаго призрѣнія содержалъ больницы въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, дома для умалишенныхъ, богадѣльни, воспитательные дома, училища дѣтей канцелярскихъ служителей, сиротскіе дома, фельдшерскія школы, тюремно-исправительныя заведенія; кромѣ того, онъ оказывалъ вспоможеніе гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, содержáлъ стипендіатовъ въ гимназіяхъ, женскихъ учебныхъ заведеніяхъ императрицы Маріи и на медицинскихъ факультетахъ университетовъ.

Этотъ краткій перечень земскихъ повинностей показываетъ, что дореформенное законодательство не возводило въ принципъ строгое раздѣленіе мѣстныхъ и государственныхъ нуждъ. Земскія повинности были, въ сущности, тѣмъ же государственнымъ дѣломъ, поскольку оно ограничивалось предѣлами данной территоріи, и земскіе органы признавались одними изъ органовъ государственной власти. Ихъ особенный строй объяснялся только тѣмъ, что правительство всегда признавало, по крайней мѣрѣ принципіально, необходимость особаго порядка управленія земскими повинностями, въ виду ихъ своеобразнаго характера. Въ одной изъ резолюцій императора Николая I, 3 мая 1821 года, опредѣленно говорится: «лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть жители, ибо они ближе знаютъ, гдѣ, кто и что самъ можетъ исправить деньгами, гдѣ, кто и что самъ собою, своими руками, своею лошадью». Въ 1849 году восемь членовъ государственнаго совѣта также указывали въ одномъ мнѣніи, что «никакая правительственная раскладка не можетъ быть уравнительнѣе и справедливѣе той, которую составляютъ сами общества и сословія. Но принципіальное признаніе значенія и необходимости мѣстнаго самоуправленія, въ конкретныхъ условіяхъ сословно-крѣпостного общества, означало только признаніе управляющей власти господствующаго сословія, тѣмъ болѣе, что земскія повинности, по самому существу своему, ложились, главнымъ образомъ, на крестьянское населеніе, находившееся во владѣніи помѣстнаго дворянства. Участіе мѣстныхъ людей въ дѣлахъ государственнаго управленія дореформенной Россіи,

какъ показываетъ организація дореформенныхъ земскихъ учрежденій, сводилась преимущественно къ участію дворянскихъ преставителей.

Наиболѣе высшимъ земскимъ учрежденіемъ дореформенной эпохи являлся комитетъ земскихъ повинностей, который собирался въ губернскомъ городѣ чрезъ каждые три года. Комитетъ составлялся изъ губернатора, какъ предсѣдателя, управляющихъ палатою государственныхъ имуществъ и удѣльною конторою съ подвѣдомственными или удѣльными начальниками, предсѣдателя казенной палаты, губернскихъ и уѣздныхъ предсѣдателей дворянства, дворянскихъ депутатовъ, губернскаго городского головы и депутатовъ отъ прочихъ городовъ. Комитетъ имѣлъ два присутствія: *общее*-губернское, отдѣльныя или по уѣздамъ. Губернское присутствіе, въ свою очередь, раздѣлялось на *общее*, въ которомъ участвовали всѣ члены комитета, и *особое*, которое составлялось изъ главныхъ лицъ выборнаго и чиновнаго разрядовъ. Отдѣльныя присутствія образовались подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства изъ прибывшихъ отъ каждаго уѣзда дворянскихъ и городскихъ депутатовъ и окружного и прочихъ уѣздныхъ начальниковъ вѣдомства государственныхъ и удѣльныхъ имуществъ. Существеннаго и самостоятельнаго значенія отдѣльныя присутствія не имѣли. Проектъ смѣты по государственнымъ, а по губернскимъ земскимъ повинностямъ и проектъ раскладки составлялись особымъ присутствіемъ губернскаго комитета на каждое трехлѣтіе. Оно же производило и повѣрку хозяственныхъ отчетовъ за предшествующіе годы. Проэктированная смѣта вносилась въ общее присутствіе, которое разсматривало, сообразно ли съ законами внесены въ смѣту различныя статьи, необходимъ ли самый расходъ, въ какомъ именно размѣрѣ и, въ случаѣ надобности, исправляло и дополняло представленный проектъ. Дворянскіе депутаты, кромѣ того, повѣряли отчетность по земскимъ сборамъ предъ каждымъ періодическимъ собраніемъ дворянства и представляли собранію соотвѣтствующіе доклады. Если собраніе признавало наличность неправильныхъ дѣйствій или безпорядковъ, оно имѣло право представлять объ этомъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Составленный и подписанный членами общаго присутствія комитета проектъ смѣтъ и раскладокъ за десять мѣсяцевъ до наступленія новаго трехлѣтія вносился въ подлинникѣ—къ министру финансовъ въ копіяхъ—къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, къ генералъ-губернаторамъ, и въ выпискахъ, по касающимся предметамъ,—къ прочимъ министрамъ и главноуправляющимъ. Въ министерствѣ финансовъ составлялся общій сводъ проектовъ въ трехъ отдѣлахъ: повинностей государственныхъ, губернскихъ и частныхъ. По каждому отдѣлу, предварительно департаментомъ государственнаго казначейства, а затѣмъ министромъ финансовъ и его совѣтомъ дѣлались предназначенія объ измѣненіи или утвержденіи и

давались заключенія по замѣчаніямъ комитетовъ земскихъ повинностей, генералъ-губернаторовъ и министерствъ. Изъ министерства финансовъ общая роспись денежнымъ сборамъ и расходамъ на земскія повинности переходила въ государственный совѣтъ и разсматривалась первоначально въ департаментѣ экономіи, съ участіемъ министровъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ, а затѣмъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Послѣ окончательнаго разсмотрѣнія въ общемъ собраніи роспись восходила на Высочайшее утвержденіе. Исправленные и утвержденные проекты смѣтъ и раскладокъ обращались къ исполненію въ губерніи чрезъ правительствующій сенатъ. Исполненіе смѣтъ совершалось обычнымъ порядкомъ. Сборы поступали въ казначейства и выдавались подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ. Значительная часть земскихъ суммъ вполнѣ ввѣрялась тѣмъ центральнымъ учрежденіямъ или ихъ мѣстнымъ агентамъ, къ вѣдомству которыхъ относились потребности, удовлетворявшіяся земскими сборами. Расходованіе и отчетность производились вѣдомствами на основаніи ихъ особыхъ уставовъ, земскимъ же учрежденіямъ сообщались лишь свѣдѣнія, необходимыя для общаго хозяйственнаго учета суммъ. Остальные земско-хозяйственные расходы производились преимущественно по распоряженіямъ начальника губерніи и особаго присутствія по земскимъ повинностямъ. Спеціальныхъ земскихъ исполнительныхъ органовъ не существовало; ихъ замѣняли общія учрежденія, т.-е. почти исключительно земская полиція. Въ уѣздахъ были учреждены различные комитеты и коммиссіи смѣшаннаго состава изъ чиновниковъ и выборныхъ представителей сословій, напримѣръ, дорожныя коммиссіи, квартирные комитеты и т. п., но они, по оффиціальнымъ отзывамъ, числились только на бумагѣ, и фактически не оказывали никакого вліянія на приведеніе въ дѣйствіе земской смѣты. Уѣздный предводитель дворянства и находившаяся въ рукахъ дворянства земская полиція были единственными административными органами, вѣдавшими уѣздныя дѣла. Эта полная неорганизованность уѣзднаго земства составляетъ характерное политическое слѣдствіе сословно-крѣпостного экономическаго строя дореформенной Россіи, въ особенности, если принять во вниманіе, что и въ общей уѣздной администраціи главнымъ лицомъ являлся уѣздный предводитель дворянства. Вотчинная власть помѣщиковъ оставляла такъ мало мѣста государственной дѣятельности, что задачи государства осуществлялись въ уѣздѣ почти исключительно земскою полиціею, которая служила, главнымъ образомъ, помѣстному дворянству. Государство ограничивалось, въ большинствѣ случаевъ, фиктивнымъ высшимъ надзоромъ за органами сословнаго управленія. Всѣ нужды населенія находились внѣ сферы непосредственнаго вліянія государства и составляли предметъ естественныхъ, по теоріи Каразина, заботъ помѣщика о своемъ достояніи, о своей крещенной собственности. Несомнѣнно, обезпечивая преобладающее

вліяніе дворянства въ мѣстной жизни, дореформенный строй земскихъ учрежденій уже заключалъ возможность развитія и усиленія государственнаго начала. Сложный путь утвержденія земскихъ смѣтъ въ законодательномъ порядкѣ создавалъ готовую форму воздѣйствія государственной власти на мѣстное управленіе и, при извѣстныхъ условіяхъ, легко могъ превратиться въ могучее орудіе бюрократическаго господства.

Однако, эти условія вырабатывались весьма медленно, по мѣрѣ разрушенія крѣпостного уклада. Въ теченіе долгаго времени, несмотря на внѣшнюю зависимость отъ бюрократическихъ центровъ, дореформенныя учрежденія по земскимъ повинностямъ оказывались достаточно сильными и самостоятельными, чтобы обезпечить экономическіе интересы помѣстнаго дворянства. «Для всѣхъ сословій, кромѣ податныхъ,—говоритъ кн. Васильчиковъ,—прежніе порядки земскаго хозяйства были самые дешевые, какіе только можно себѣ представить» *). Главная тяжесть денежныхъ земскихъ сборовъ лежала на крестьянахъ; они же цѣликомъ несли бремя многочисленныхъ натуральныхъ повинностей.

Вообще, дореформенная бюрократическая централизація была гораздо болѣе бумажной, чѣмъ дѣйствительной. По словамъ современника и виднаго дѣятеля эпохи реформъ А. А. Головачева, «всякія системы, изобрѣтавшіяся законодательствомъ и центральной администраціей, были сами по себѣ, а жизнь—сама по себѣ. Послѣдняя никакъ не укладывалась въ тѣ рамки, которыя предписывались ей выше» **). И не укладывалась не только потому, что административныя изобрѣтенія были неудачными, а и потому, что никакая централистическая система не могла быть проведена сколько-нибудь выдержанно и послѣдовательно въ государствѣ, гдѣ каждый помѣщикъ являлся судьей, администраторомъ и попечителемъ подавляющаго большинства населенія. Жалобы на бюрократическій централизмъ дореформеннаго строя мѣстнаго управленія, которыми полны записки людей конца пятидесятыхъ годовъ, имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ однородныя жалобы людей послѣдующихъ эпохъ. Главное зло дореформенной русской жизни заключалось не въ централизаціи управленія; оно было скорѣе децентрализованнымъ на дѣлѣ, чѣмъ централизованнымъ. Это зло и не въ бюрократизмѣ; бюрократизмъ того времени былъ робкимъ и чахлымъ растеніемъ, заглушеннымъ вотчинными привилегіями. Головачевъ вполнѣ справедливо утверждалъ, что дѣйствительное значеніе система административной централизаціи пріобрѣла только въ періодъ, наступившій за преобразованіями шестидесятыхъ годовъ. Недостатки и грѣхи дореформенной системы упра-

*) Кн. И. Васильчиковъ. „О самоуправленіи". С.-Пб. 1872. Т. II, стр. 399.
**) А. А. Головачевъ. „Десять лѣтъ реформъ". С.-Пб. 1872. Стр. 149.

вленія были неразрывно связаны съ разрушеніемъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка крѣпостного фундамента дореформеннаго государственнаго строя. Патріархально-сословное управленіе могло быть цѣлесообразнымъ въ періодъ процвѣтанія крѣпостного права, какъ формы производственныхъ отношеній. Но, вмѣстѣ съ постепеннымъ разрушеніемъ этой формы организаціи производства, должно было наступить разрушеніе и возвышавшагося надъ ней зданія центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій.

Глава II.

Разложеніе сословно-крѣпостного строя.

Экономическая эволюція, результатомъ которой явилось паденіе крѣпостного права, совершалась медленно и постепенно въ нѣдрахъ народнаго хозяйства, но уже къ первой четверти прошлаго столѣтія она сдѣлалась настолько замѣтной, что была воспринята общественнымъ сознаніемъ. Въ теченіе долгаго царствованія Николая I непрерывно учреждались и засѣдали различные тайные комитеты для обсужденія вопроса о ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Ихъ работы не принесли никакихъ существенныхъ результатовъ. Между тѣмъ, потребность реформы назрѣвала и давала себя чувствовать многочисленными столкновеніями между реальными нуждами жизни и отжившими правовыми и политическими нормами. Пониженіе доходности крѣпостного хозяйства, возраставшая колоссально задолженность дворянскихъ имѣній, паденіе естественнаго прироста населенія, массовое бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ, ослабленіе платежныхъ способностей населенія,—всѣ эти симптомы разложенія стараго порядка громко говорили о созрѣваніи новаго строя экономическихъ и правовыхъ отношеній.

Въ области мѣстнаго управленія умираніе исконнаго уклада выражалось еще болѣе рѣзкими признаками. До тѣхъ поръ, пока кольцо крѣпостного производства крѣпко обхватывало крестьянина, вотчинная власть помѣщика оказывалась достаточно сильной, чтобы обезпечить мирное повседневнне теченіе общественной и государственной жизни, хотя отдѣльные случаи возмущенія крестьянъ противъ своихъ господъ наполняютъ всю исторію крѣпостного права. Но съ ослабленіемъ хозяйственной связи вотчинное управленіе не только не поддерживаетъ спокойствія въ странѣ, но, наоборотъ, обостряетъ гнетъ экономическихъ противорѣчій. Въ послѣднія десятилѣтія существованія крѣпостного права Россія находилась, вслѣдствіе непрерывныхъ крестьянскихъ волненій, въ состояніи тяжелой гражданской войны.

Въ 1843 году волненія крестьянъ происходили въ 11 губерніяхъ. Причиною ихъ, по оффиціальному объясненію, были отяготительныя повинности крестьянъ, жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и

слухи объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Въ 1845 году крестьянскія волненія возникали въ 13 губерніяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ повторялись нѣсколько разъ. Въ 1846 г. крестьяне волновались въ 10 губерніяхъ, въ 1847 г.—въ 20, въ 1848 г.—въ 22, въ 1849 г.—въ 15, въ 1850 г.—въ 8 губ. Послѣднія волненія отличались особеннымъ ожесточеніемъ и сопровождались изувѣченіемъ управителей, побоями помѣщиковъ, покушеніями на ихъ жизнь и убійствами. Въ 1851 г. крестьянскія волненія происходили въ 22, а въ 1853 г.—въ 33 имѣніяхъ. Въ 1854 г. было 26 случаевъ, а въ 1855 г.—19 случаевъ крестьянскихъ волненій. Волненія 1854—1855 годовъ носили очень серьезный характеръ. Народъ въ доступной ему формѣ громко требовалъ реформъ *).

Эти цифры, которыя едва ли исчерпываютъ дѣйствительныя волненія крѣпостныхъ крестьянъ, ясно показываютъ, что «генералъ-губернаторы въ маломъ видѣ», какъ Каразинъ именовалъ помѣщиковъ, не имѣли возможности удовлетворить элементарнымъ запросамъ государственнаго управленія. Для подавленія крестьянскихъ возстаній требовались сплошь и рядомъ значительныя военныя силы, располагать которыми могла только центральная власть. Во время волненій 1854—1855 гг., охватившихъ Рязанскую, Владимірскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Воронежскую и Кіевскую губерніи, войскамъ пришлось выдерживать упорныя стычки съ тысячными толпами крестьянъ **).

Необходимость сильнаго вмѣшательства центральной власти въ отношенія между помѣщиками и крестьянами, естественно, вело къ умаленію мѣстнаго значенія дворянства и къ развитію государственнаго вліянія на мѣстныя дѣла. Государство, вынужденное возстановлять миръ внутри страны, не могло ограничиться вооруженнымъ воздѣйствіемъ на мятежныя толпы возставшихъ крестьянъ, но должно было позаботиться о предотвращеніи возстаній болѣе глубокимъ путемъ законодательнаго преобразованія общихъ условій быта. И правительство Николая I неоднократно предпринимало попытки урегулировать ненормальное положеніе, создавшееся недовольствомъ крестьянъ и полновластіемъ помѣщиковъ. Въ 1851 г. былъ изданъ законъ о земскихъ повинностяхъ, который имѣлъ цѣлью установить болѣе справедливыя и болѣе равномѣрныя основанія для взиманія земскихъ сборовъ съ различныхъ сословій. Но, на почвѣ крѣпостного права, государственная власть не могла ввести сколько-нибудь существенныхъ улучшеній въ мѣстное управленіе.

Въ трудной борьбѣ между старымъ и новымъ дореформенныя

*) Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи". Стр. 367.

**) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". 1860. Т. I. Стр. 82.

учрежденія, какъ административныя, такъ и земско-хозяйственныя, не могли играть никакой положительной роли. Основанныя на вывѣтрившихся принципахъ вотчинной власти и патріархальной опеки, эти учрежденія возбуждали недовольство всѣхъ сословій. Они потеряли даже техническое значеніе и работали больше для вида, чѣмъ для дѣла, и преимущественно на пользу выборныхъ и коронныхъ чиновниковъ, чѣмъ на пользу государства. Земско-государственная организація переживала полный упадокъ. Земскія смѣты переписывались изъ года въ годъ и представляли скорѣе образцы счетоводнаго искусства, чѣмъ дѣйствительное изображеніе земскихъ расходовъ. Дворянскіе депутаты и собранія относились къ нимъ безучастно, поскольку смѣты не затрогивали помѣщичьихъ интересовъ. Мѣстныя нужды не удовлетворялись, хотя земскія деньги безслѣдно исчезали. Князь Васильчиковъ, бывшій предводителемъ дворянства въ концѣ сороковыхъ годовъ, разсказываетъ «невообразимые» факты изъ исторіи земскаго управленія того времени. Въ Новгородской губерніи, въ теченіе 20 лѣтъ, платилось по 3 или 4 тысячи рублей на ремонтъ упраздненной парусной фабрики, которая во все это время также якобы чинилась и ремонтировалась изъ суммъ военныхъ поселеній.

Въ сороковыхъ годахъ, по случаю Высочайшаго проѣзда, повелѣно было выстроить промежуточную станцію въ селѣ Вишерѣ на московскомъ шоссе; на постройку ассигновано было около 16.000 рублей. Эта сумма, представлявшая единовременный расходъ, взыскивалась въ теченіе 6 или 9 лѣтъ ежегодно; постройка же станціи, вслѣдствіе открытія желѣзной дороги, была отмѣнена и никогда не производилась.

Многіе мосты, на содержаніе которыхъ отпускались суммы, никогда не могли быть отысканы и давно уже не существовали.

Цѣлые тракты состояли въ откупномъ содержаніи мѣстныхъ исправниковъ или строительныхъ коммиссій, которые получали на содержаніе ихъ тысячи рублей и, съ вѣдома всѣхъ начальствъ и всѣхъ мѣстныхъ жителей, чинили ихъ всегда натурой, нарядомъ обывателей, и то только передъ проѣздомъ губернаторовъ или другихъ сановниковъ *).

Подобная дезорганизація мѣстныхъ учрежденій, вѣдавшихъ цѣлый рядъ дѣлъ общегосударственнаго значенія, являлась прямымъ слѣдствіемъ разложенія сословно-крѣпостнаго строя. Вотчинная власть, потерявшая силу и вліяніе, не могла выполнить задачъ государственнаго управленія. Государственная власть, оттѣсненная привилегіями помѣстнаго дворянства отъ непосредственнаго воздѣйствія на мѣстную жизнь, также лишена была возможности осуществить общегосударственныя требованія. Взаимныя столкновенія только осложняли дѣло. Объяснительная записка къ проекту о новомъ земскомъ устройствѣ,

*) Кн. И. Васильчиковъ. „О самоуправленіи". Спб. 1872. Т. II, стр. 398.

составленная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуетъ, что «въ дѣлахъ по земскимъ повинностямъ представители правительственной власти постоянно указываютъ на бездѣйствіе и невниманіе къ дѣлу представителей мѣстныхъ сословій и, не безъ основанія (?), упрекаютъ сихъ послѣднихъ въ стремленіи къ одной безплодной и раздражительной оппозиціи; съ другой стороны, земскіе депутаты, безпрерывно и съ горечью, отзываются, что ихъ замѣчанія, возраженія и предположенія не удостоиваются ни разбора, ни даже вниманія и остаются безъ послѣдствій, что правительственная власть рѣшаетъ все по своему усмотрѣнію и распоряженію, часто съ явнымъ вредомъ и дѣлу, и земскимъ интересамъ; при такихъ пререканіяхъ дѣйствительная власть и распоряженія по земскимъ дѣламъ иногда остаются, въ сущности, въ рукахъ канцелярій и второстепенныхъ исполнительныхъ органовъ власти». Въ результатѣ, дореформенныя учрежденія должны были вызвать недовольство и центральной власти, какъ носительницы общенаціональныхъ задачъ государства. Ихъ недостатки, съ точки зрѣнія государственнаго механизма, были признаны и получили довольно обстоятельную формулировку въ цитированной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. По словамъ этого оффиціальнаго, документа, «общія присутствія комитетовъ земскихъ повинностей, лишенныя дѣйствительной власти въ своемъ дѣлѣ, собирающіяся въ три года одинъ разъ, и то на короткое время, исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности весьма неудовлетворительно. Обсужденіе смѣтъ, раскладокъ и отчетовъ остается одною формальностью, ибо члены комитетовъ не успѣваютъ, по краткости времени, не только разсмотрѣть, но даже прочесть ихъ. Предъявляемыя замѣчанія, если таковыя бываютъ, остаются безъ послѣдствій и даже безъ вниманія, и общее присутствіе, въ сущности, нерѣдко дѣлается только мѣстомъ канцелярской работы, приготовляемой дѣлопроизводителемъ. Особыя присутствія комитетовъ, состоя изъ лицъ должностныхъ, имѣющихъ свои особыя и важныя занятія, предоставляютъ бо́льшую часть дѣла канцеляріи; самъ начальникъ губерніи не можетъ слѣдить за всѣмъ и входить въ подробности, иногда весьма важныя, по отвлеченію его прямыми обязанностями его власти. Отдѣльныя присутствія о земскихъ повинностяхъ почти никогда не собираются въ надлежащемъ составѣ для своихъ занятій; свѣдѣнія, отъ нихъ требуемыя, онѣ собирать не имѣютъ возможности и часто вовсе ихъ не доставляютъ, а если доставляютъ, то въ самомъ неисправномъ видѣ... По денежнымъ земскимъ повинностямъ, опредѣленіе размѣра многихъ расходовъ по смѣтамъ зависитъ отъ усмотрѣнія и надобностей отдѣльныхъ вѣдомствъ и не подлежитъповѣркѣ со стороны представителей земства.

«Самый порядокъ составленія смѣтъ, по требуемымъ закономъ формальностямъ, затруднителенъ для мѣстныхъ учрежденій; утвержденіе, а въ большей части сборовъ и самое установленіе раскладокъ цен-

тральною властью возбуждаетъ жалобы на неуравнительность. Затрудненія въ составленіи смѣтъ нерѣдко имѣютъ послѣдствіемъ при исполненіи сверхсмѣтные расходы, сумма которыхъ по одной изъ губерній сравнялась почти съ суммою смѣтныхъ.

«Удовлетвореніе вновь возникающихъ требованій производится иногда изъ могущихъ быть остатковъ земскаго сбора, вслѣдствіе чего заимствованія обременяютъ земство и затрудняютъ текущіе необходимые расходы. Исполненіе повинностей, предоставленное лицамъ, чуждымъ мѣстнымъ интересамъ, производится иногда безъ заботливаго соблюденія выгодъ земствъ.

«Повѣрка расходовъ и, вообще, контроль, удовлетворяя только формальнымъ требованіямъ, едва ли имѣютъ какія-либо полезныя послѣдствія.

«По натуральнымъ повинностямъ, хотя по закону управленіе ими возложено преимущественно на губернскія учрежденія, но на практикѣ большею частью находится въ рукахъ мѣстной полиціи, а такъ какъ свойство и размѣръ натуральныхъ повинностей опредѣлены закономъ лишь въ общихъ чертахъ, то это даетъ возможность къ произвольнымъ требованіямъ, что̀ преимущественно замѣтно по отправленію подводной повинности. Разверстки натуральныхъ повинностей между уѣздами губерніи не дѣлается, а на каждомъ уѣздѣ считается лежащею та повинность, которой исполненіе требуется въ границахъ его; изъ внутренней уѣздной раскладки изъемлются въ повинностяхъ дорожной и подводной города и во всѣхъ натуральныхъ повинностяхъ частные уѣздные землевладѣльцы; самая разверстка дѣлается на основаніи только числа ревизскихъ душъ въ селеніяхъ. Всѣ эти причины ведутъ къ неуравнительности раскладки и отягощенію сельскихъ обществъ. Правила обращенія натуральной повинности въ денежную, весьма затруднительныя для выполненія, отнимаютъ возможность уравненія повинности и заставляютъ обывателей прибѣгать къ тайнымъ денежнымъ сборамъ на ея выполненіе».

Необходимость коренныхъ реформъ была очевидна. Отжившій сословно-крѣпостной порядокъ задерживалъ развитіе производительныхъ силъ, причинялъ ущербъ матеріальнымъ интересамъ всѣхъ сословій, ослаблялъ государственный организмъ и дѣлалъ его неспособнымъ даже къ элементарной національной самооборонѣ. Наиболѣе мощнымъ проявленіемъ общаго стремленія къ новымъ формамъ соціально-политическаго быта были, несомнѣнно, многочисленныя и бурныя крестьянскія возстанія. Наиболѣе сознательнымъ выраженіемъ освободительнаго движенія являлись дворянскія ходатайства и записки уже въ концѣ царствованія Николая I, обращавшіяся къ императору съ указаніями на неотложную потребность страны въ коренныхъ реформахъ и желательность созванія общей земской думы для выработки цѣлесообразнаго и творческаго плана обновленія русской жизни. Высшее

правительство, какъ показываютъ многочисленные комитеты николаевской эпохи по вопросу о крѣпостномъ состояніи, улавливало голоса новой жизни, но страхъ политическаго переворота, никогда не оставлявшій Николая I, не позволялъ ему прикоснуться къ исконнымъ устоямъ дореформенной Россіи, и всѣ начинанія правительства оканчивались частичными и безплодными поправками и починками безнадежно испорченнаго механизма. Даже несомнѣнное возрастаніе значенія государственной власти выражалось только или въ отдѣльныхъ случаяхъ вмѣшательства въ междусословныя отношенія, или въ томъ общемъ гнетѣ, который распространялся на всю русскую жизнь, охватывая искусство, науку, литературу и подавляя всякую общественную и сословную самодѣятельность. Этотъ гнетъ обострялъ всеобщую неурядицу переходнаго момента и въ особенности болѣзненно чувствовался дворянствомъ, какъ наиболѣе культурнымъ и политически развитымъ элементомъ дореформеннаго русскаго общества. Усиленіе бюрократической опеки одинаково и противъ старыхъ привилегій дворянства, и противъ новыхъ запросовъ той его части, которая, подъ давленіемъ измѣнившихся экономическихъ условій, привело къ выводу о необходимости свободы личности и свободы капитала, какъ основныхъ принциповъ успѣшнаго веденія помѣщичьяго хозяйства.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Николая I разложеніе крѣпостного строя и покоившихся на немъ административныхъ и земско-хозяйственныхъ учрежденій опредѣлилось съ полною ясностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общихъ чертахъ, уже тогда обрисовалось какъ направленіе дальнѣйшей правительственной политики, такъ и содержаніе грядущаго освободительнаго движенія. Крымская война ускорила развитіе событій и приблизила неизбѣжную развязку.

Военныя дѣйствія потребовали громаднаго напряженія духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны, потребовали стройной и чрезвычайной работы всѣхъ частей государственнаго механизма. И это требованіе обнаружило полную негодность старой и расшатанной машины. Севастопольскій разгромъ открылъ глаза самымъ ослѣпленнымъ людямъ и наглядно показалъ невозможность дальнѣйшаго существованія патріархально-крѣпостныхъ условій государственнаго и общественнаго быта. Если до Севастополя внутренняя неурядица покрывалась, въ глазахъ обывателя, внѣшнимъ блескомъ военнаго могущества, то паденіе Севастополя разбило послѣднія иллюзіи. Разстроенный коренными противорѣчіями между формой и содержаніемъ, государственный порядокъ оказался безпомощнымъ и слабымъ даже въ оборонительной войнѣ. Въ мучительныхъ перипетіяхъ севастопольскаго сидѣнія предъ Россіей, какъ въ миніатюрѣ, развертывалась вся русская жизнь съ ея неустройствами и бѣдствіями. Россія была потрясена, нѣмая страна вздрогнула отъ гнѣва и удивленія. Дальше такъ жить нельзя—стало общею мыслью, общимъ чувствомъ. Въ небольшомъ заброшенномъ го-

родкѣ на берегу Чернаго моря былъ подписанъ смертный приговоръ сословно-крѣпостному періоду русской исторіи. О частныхъ же исправленіяхъ никто не думалъ. На очереди стояло обновленіе всего строя жизни, весь строй былъ безповоротно осужденъ. Разрушеніе стараго порядка было настолько очевидно, что даже Валуевъ, вскорѣ ставшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы заговорить прямымъ, яснымъ и выразительнымъ языкомъ. «Благопріятствуетъ ли, — писалъ онъ въ своей извѣстной «Думѣ Русскаго»,—развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то, по крайней мѣрѣ, постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, — и рѣдко гдѣ окажется прочная плодотворная польза. Сверху блескъ, снизу—гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины...

«Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе.

«Неужели результаты нынѣшней системы признаются удовлетворительными? Неужели пагубное вліяніе этой системы доселѣ не доказано ни внѣшними неудачами, ни внутренними недостатками, ни всеобщимъ недовѣріемъ къ нашимъ начальствамъ, ни проявляющимся въ виду нынѣшнихъ событій недостаткомъ стойкости въ общемъ направленіи умовъ, ни признаками безнадежности, сопровождающими повсемѣстную смиренную, покорную, безотвѣтную готовность къ пожертвованіямъ» *).

Суровая критика высокопоставленнаго чиновника являлась, однако, только слабымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, которое, въ лицѣ наиболѣе чуткихъ своихъ представителей, ясно сознавало послѣдствія севастопольскаго разгрома. «Политическій ударъ, нанесенный намъ, и подъ которымъ мы до сихъ поръ еще находимся,—писалъ Самаринъ князю Черкасскому, — вынуждаетъ насъ стать откровенно на путь прогресса въ нашей внутренней политикѣ... Не въ томъ дѣло, чтобы исправить нѣкоторыя вопіющія несправедливости или раздать нѣкото-

*) „Русская Старина" 1891 г., кн. V.

рыя подачки; надо пробудить отъ сна всѣ производительныя силы страны, какъ нравственныя и умственныя, такъ и матеріальныя, уничтоживъ рабство (казенное и помѣщичье крѣпостное право), возвративъ слово церкви, давъ болѣе широкое основаніе народному просвѣщенію, преобразовавъ нашу подушную податную систему и то же рекрутскую. Однимъ словомъ, необходимъ опредѣленный планъ, надо знать, чего хотимъ, а не пробавляться изо дня въ день разными изворотами» *).

Русская жизнь всколыхнулась. По непосредственнымъ впечатлѣніямъ современниковъ, «война вызвала въ русскомъ обществѣ явленія доселѣ небывалыя. Она дала ему толчокъ, отъ котораго оно расшевелилось до самыхъ низшихъ слоевъ. Интересы каждаго лица и сословія были живо затронуты тяжелыми обстоятельствами, въ которыхъ находится отечество, и каждый поневолѣ устремилъ все свое вниманіе на общественныя дѣла. Дремавшія дотолѣ мысли внезапно явились на свѣтъ: то, объ чемъ думали немногіе, съ неимовѣрною быстротою перешло въ сознаніе всѣхъ. Закравшіеся въ общественную жизнь пороки и недостатки сдѣлались ясны; со всѣхъ сторонъ послышались толки и сужденія; заговорило русское общество. До какой степени политическіе интересы, которые прежде стояли на заднемъ планѣ, сдѣлались теперь насущною пищею всѣхъ сословій, видно изъ неимовѣрнаго умноженія подписчиковъ на политическіе журналы»...

Но рамки подцензурной журналистики были слишкомъ тѣсны, чтобы удовлетворить кипѣвшее общественное чувство и напряженную общественную мысль. Россія «вся, отъ царя до поденщика, встрепенулась отъ мертвеннаго оцѣпенѣнія, въ которое до сихъ поръ была погружена, удивленными глазами измѣрила свое бѣдственное положеніе, и плодомъ этого была какъ бы волшебствомъ вызванная обширная рукописная литература, предлагающая отвѣты на тысячи вопросовъ современной русской жизни.

«Въ нѣсколько мѣсяцевъ русская мысль воспрянула и ожила, какъ будто стараясь вознаградить себя за потерянные сорокъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, она является достойною великаго народа; не растрачиваясь въ желчныхъ, безполезныхъ сожалѣніяхъ и мелкой, безплодной злобѣ, она величаво и спокойно устремлена на изученіе нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго; безъ малодушія, робости и преувеличенія измѣряетъ она пучину золъ, въ которую мы погружены, и отыскиваетъ врачеванія для нашего болѣющаго политическаго тѣла.. Никогда еще Россія не представляла зрѣлища столь многозначительнаго и радостнаго»... *).

Вспоминая въ 1864 году это время, Герценъ, съ обычною мѣткостью и красотою, писалъ: «Въ 1855 и 1857 гг. передъ нами была

---

*) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго Москва. 1901 г. Т. I. Стр. 87.
**) „Голоса изъ Россіи". Статьи 1855 года.

просыпавшаяся Россія... Новое время сказалось во всемъ, въ правительствѣ, въ литературѣ, въ обществѣ, въ народѣ. Много было неловкаго, неискренняго, смутнаго, но всѣ чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идемъ. Нѣмая страна пріучалась къ слову, страна канцелярской тайны—къ гласности, страна крѣпостного рабства—роптать на ошейникъ. Правительство дѣлало, какъ іерусалимскіе паломники, слишкомъ много нагрѣшившіе, три шага впередъ и два назадъ, одинъ все же оставался. Партія дураковъ, партія стариковъ была въ отчаяніи; крѣпостники прикидывались конституціонными либералами»...

Это оживленіе, разумѣется, сосредоточивалось въ имущихъ и болѣе или менѣе образованныхъ слояхъ русскаго общества. Но въ общемъ учетѣ силъ, перестроившихъ крѣпостную Россію, нельзя сбрасывать со счетовъ и крестьянства, несмотря на его политическую отсталость. Народъ, не принимая никакого участія въ разрѣшеніи вопросовъ о его кровныхъ нуждахъ, тѣмъ не менѣе, какъ грозная тѣнь, стоялъ предъ правящими классами; милліоны волнующагося крестьянства невольно чувствовались всѣми. Ю. Самаринъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. О. Смирновой, весьма удачно отмѣтилъ ростъ сознанія въ народной массѣ. «Въ то время, какъ мы муштровали солдатиковъ,—писалъ онъ,—строили театры и цирки, возстановляли въ Европѣ австрійскіе порядки и не думали объ одиннадцати милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-таки жилъ, хотя въ смыслѣ чисто стихійнаго, чисто безсознательнаго развитія. Это развитіе совершалось такъ же незамѣтно и таинственно, какъ постепенное разложеніе зерна, брошеннаго въ глубь земли, какъ образованіе ростка, корня,—вообще, какъ весь процессъ растительности. Нужды, потребности, боли и муки всякаго рода усиливались съ каждымъ днемъ, удовлетвореніе и уврачеваніе становились болѣе и болѣе необходимыми, а между тѣмъ мы объ нихъ и не думали» *).

Такимъ образомъ, всѣ слои и всѣ классы населенія сливались въ общемъ недовольствѣ старымъ порядкомъ и въ общемъ стремленіи къ реформамъ. Никакія препятствія не могли заглушить голосъ истрадавшейся страны. Обветшалый строй безсильно уступалъ напору новой жизни. На общественно-политической сценѣ все ярче и ярче обрисовывались тѣ силы, которымъ суждено было сыграть роль повивальной бабки новаго общества.

Глава III.

Первые шаги дворянской оппозиціи.

Въ 1857 году общественное возбужденіе получило, наконецъ, практическій исходъ. 20-го ноября 1857 года правительство, послѣ долгихъ колебаній, перешло Рубиконъ: высочайшій рескриптъ на имя

*) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго". Т. I, стр. 314.

генералъ-губернатора Назимова далъ литовскому дворянству разрѣшеніе заняться составленіемъ проекта условій освобожденія крестьянъ, а черезъ пять мѣсяцевъ по всей Россіи были учреждены губернскіе комитеты для разработки вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права, и 21-го апрѣля 1858 года имъ была разослана подробная программа занятій, составленная главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу. Эта программа привлекала дворянство къ обсужденію не только экономическихъ, но и правовыхъ послѣдствій уничтоженія крѣпостной зависимости. Представители господствующаго сословія должны были высказаться о желательныхъ преобразованіяхъ въ строѣ мѣстнаго земско-государственнаго управленія, съ паденіемъ крѣпостного права терявшаго возможность существованія. Такая постановка вопроса должна была встряхнуть дворянство до самыхъ низовъ. Предполагавшаяся коренная реформа затрогивала уже не отдѣльныя частности крѣпостныхъ отношеній и не могла окончиться призывомъ къ христіанскому обращенію съ крестьянами, какъ обыкновенно оканчивались реформы Николая I. На этотъ разъ на очередь была поставлена судьба всего сословно-крѣпостного строя въ его цѣломъ, какъ экономическаго и политическаго явленія исторической жизни. Предъ правящимъ сословіемъ стараго общества раскрывалась перспектива неизбѣжнаго исчезновенія. То, что вчера было всѣмъ, завтра могло сдѣлаться ничѣмъ. Соціально-политическія условія назрѣвшей реформы складывались такимъ образомъ, что правительство должно было объявить непримиримую войну всѣмъ феодальнымъ привилегіямъ дворянства, опираясь на остальныя сословія русскаго населенія и, главнымъ образомъ, на крестьянство, убогая политическая идеологія котораго, составлявшая естественное послѣдствіе примитивнаго натуральнаго строя крестьянскаго хозяйства, въ связи съ вѣковою ненавистью народа къ своимъ угнетателямъ, являлась прочнымъ залогомъ успѣха централистическихъ государственныхъ стремленій. Дворянство, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ политически своихъ представителей, ясно предвидѣло, что крестьянская реформа, при данныхъ историческихъ условіяхъ, приведетъ не къ уравненію привилегій съ правами, а къ равенству въ безправіи, къ господству полицейскаго государства съ его бюрократическимъ всевластіемъ. Предъ наиболѣе проницательными умами дворянскаго сословія стояла, слѣдовательно, дилемма: или государственный гувернементализмъ, какъ основа грядущаго строя русской жизни, или буржуазный правовой порядокъ, въ которомъ, даже при сохраненіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ сословныхъ преимуществъ, основою общественно-политическаго вліянія явится имущественный цензъ. Эта ситуація опредѣляла содержаніе начинавшейся политической драмы. Исторія толкала дворянство къ знамени правового порядка такъ же, какъ она толкала правительство къ знамени твердой бюрократической власти.

*

Однако, позиціи противниковъ опредѣлились лишь постепенно, въ процессѣ развитія крестьянскаго дѣла. Первоначально, возвѣщенная сверху, эта реформа вызвала неопредѣленное, но сильное довѣріе къ правительству и сплотила около власти разрозненныхъ сторонниковъ обновленія Россіи. Полная непригодность отжившаго правительственнаго механизма сознавалась, конечно, всѣми, но въ широкихъ кругахъ это сознаніе принимало конкретную форму недовольства «своеволіемъ администраціи». Политическая литература того времени, выражавшая завѣтныя пожеланія общества, не шла дальше требованій преобразованія полиціи, суда и внесенія въ общественныя дѣла общественнаго контроля хотя бы въ видѣ нѣкоторой свободы печати. Даже «Колоколъ» въ 1858 году ограничивалъ свою программу освобожденіемъ крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, отмѣной предварительной цензуры, тайнаго слѣдствія, безгласнаго суда и тѣлесныхъ наказаній. При такой умѣренности требованій первый рѣшительный шагъ правительства на путь реформъ легко наполнилъ истомившіяся сердца вѣрою въ окончательную гибель николаевскихъ порядковъ и заставилъ съ надеждою смотрѣть впередъ, ожидая животворныхъ и коренныхъ преобразованій. Знаменитое восклицаніе Герцена: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» — этотъ крикъ побѣжденнаго, радующагося своему пораженію, звучалъ призывомъ къ довѣрію и отдавалъ судьбу реформъ въ руки пробудившейся власти.

Но свѣтлый моментъ кажущагося единства правительства и общества былъ и не могъ не быть краткимъ. Неизбѣжное столкновеніе между созрѣвавшимъ и развертывавшимся бюрократическимъ и строемъ политическими стремленіями различныхъ общественныхъ группъ вскорѣ разрушило оптимистическія иллюзіи, причемъ бюрократія одинаковымъ образомъ столкнулась какъ съ защитниками стараго режима, такъ и съ представителями новыхъ жизненныхъ запросовъ. Уже работы губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу вызывали серьезныя тренія между дворянствомъ и администраціей. Первое по вполнѣ понятнымъ причинамъ стремилось къ свободѣ обсужденія вопроса, вторая налагала всевозможные запреты и ограниченія и старалась втиснуть вырабатываемые проекты въ узкія рамки, негодность которыхъ была настолько очевидна, что впослѣдствіи правительство само должно было отказаться отъ нихъ. Значеніе этихъ треній первоначально затуманивалось тѣмъ, что правительство употребляло свою власть для того, чтобы поддерживать болѣе или менѣе прогрессивные, хотя и умѣренные, элементы дворянства. Поэтому первый протестъ противъ стѣсненій свободы обсужденія вопроса вышелъ изъ среды крѣпостниковъ, на которыхъ административное давленіе падало главною тяжестью. Такъ называвшаяся дворянская партія начала группироваться около нѣкоторыхъ представителей петербургской знати и намѣчать свою политическую программу. Оживленныя сношенія между петербургскими

и провинціальными сторонниками этой партіи, установившіяся въ половинѣ 1859 года, когда жажда свѣдѣній наполнила столицу предводителями дворянства, членами губернскихъ комитетовъ и простыми помѣщиками, интересовавшимися ходомъ кровнаго дѣла, вскорѣ привели къ опредѣленнымъ политическимъ заявленіямъ. Кружокъ дворянъ, группировавшійся вокругъ сенатора Безобразова и его сыновей Михаила и Николая, составилъ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, ходившій по рукамъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для доставленія адреса отъ дворянства къ государю, собранные въ маѣ 1859 года». Адресъ не былъ поданъ, такъ какъ иниціаторы не могли собрать желательнаго количества подписей, но онъ пользовался значительнымъ успѣхомъ среди людей извѣстнаго направленія, и содержаніе его имѣетъ значительный историческій интересъ. Составители адреса указываютъ, прежде всего, на то, что административная власть угрозами и застращиваніями заставила губернскіе комитеты написать проекты, «которые не выдерживаютъ критики здравомыслія» и представляютъ только выраженія взглядовъ мѣстныхъ властей. «Мы,—продолжаютъ составители адреса,—не разсуждаемъ, Государь, о намѣреніи и усердіи лицъ, дѣйствующихъ нынѣ, но утвердительно говоримъ, что нужной опытности и знаній нѣтъ въ правительственномъ кругу для исполненія воли Вашего Величества и осуществленія ожиданій государства по предмету устройства быта крестьянъ, и что свойствъ этихъ въ немъ быть не можетъ.

«Убѣжденіе наше подтверждается тѣмъ, что во всѣхъ правительственныхъ актахъ по крестьянскому вопросу не было ни одного правильнаго распоряженія и хорошо обдуманнаго соображенія; они почти всѣ противорѣчили мудрому рескрипту Вашего Величества и противорѣчили одинъ другому. Шаткость мнѣній, нетвердость мыслей, измѣнчивость направленій, соединенныя съ рѣшительнымъ тономъ, обнаруживаютъ всѣмъ, что правительственныя лица не знакомы съ этимъ предметомъ и стараются скрыть свое незнаніе... Нельзя не признать, что положеніе, создаваемое государству этой шаткостью, сопряжено съ большими опасностями; ошибки могутъ сдѣлать ему зло безповоротное и даже гибельное для его твердости и цѣлости, ибо тутъ невозможно въ видѣ опыта класть основанія и возводить на нихъ устройство, рискуя разореніемъ всѣхъ сословій, голодомъ, паденіемъ заводовъ, фабрикъ, торговли, а тѣмъ самымъ всей жизненной силы государства...

«Ручательство, что эта будущность не постигнетъ Россію, мы имѣемъ только въ добромъ желаніи людей, ознаменовавшихъ себя рядомъ ошибокъ и угрозой поставить Россію въ осадное положеніе, создавъ произволъ губернаторовъ и исправниковъ надъ честью и состояніемъ всѣхъ обреченныхъ на то россіянъ, показывая тѣмъ впередъ, что составится не улучшеніе быта, при которомъ крестьяне и дворяне

должны тотчасъ почувствовать свое благополучіе, а нѣчто столь притѣснительное, что надо будетъ необычайныя мѣры для подавленія общаго негодованія.

«При накопляющейся и приближающейся со всѣхъ сторонъ грозѣ, дворянство, зная призваніе свое къ тому, что оно есть хранитель престола царскаго, отечественнаго благосостоянія, осмѣливается предстать предъ Вашимъ Величествомъ помимо всѣхъ тѣхъ формъ, коими бюрократія столь тщательно обстановила путь къ государю и посредничествомъ своимъ лишила народъ и царя прямого, тѣснаго, спасительнаго между ними соединенія...

«Государь, просьба наша состоитъ въ слѣдующемъ...

«Дворянство... проситъ дозволить избрать по два выборныхъ съ каждой губерніи, но съ полнымъ уполномочіемъ отъ своего сословія и составить изъ нихъ Собраніе Дворянства для разсмотрѣнія положеній, какія редакціонной комиссіей и главнымъ комитетомъ заготовлены.

«Собранію этому предоставить изъ числа сановниковъ, окружающихъ престолъ, избрать предсѣдателя, коему открыть прямо доступъ къ Вашему Величеству. Разсмотрѣнное и обсуженное положеніе представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества чрезъ государственный совѣтъ.

«Многіе выражаютъ опасенія, что собраніе выборныхъ будетъ имѣть видъ собранія штатовъ и можетъ имѣть направленіе революціонное, это—неправда, и таковыя опасенія выражаются лицемѣрно большею частью тѣми, которые сознательно или безсознательно приняли революціонное направленіе, прикрытое административными формами, и боятся обличителей...

«Предлагаемой мѣрой мы надѣемся, что будетъ достигнута цѣль Высочайшаго рескрипта, къ которой мы, дворяне, отъ всей души стремимся; производительная жизненная сила государства не подвергнется гибели и установятся правомѣрныя отношенія безъ колебанія общественнаго спокойствія» *).

Болѣе ясно политическія идеи дворянской партіи выразились въ появившемся почти одновременно съ адресомъ Безобразова письмѣ графа Орлова-Давыдова, напечатанномъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Lettre d'un député de Comité a Mr le président de la Commission de rédaction, aide-de-camp général Rostovtzeff». Авторъ утверждаетъ, что вся отвѣтственность по устройству крестьянскаго дѣла принадлежитъ дворянству и исключительно ему одному, что обязанности депутатовъ начнутся только тогда, когда главный комитетъ окончитъ возложенный на него трудъ, и что хотя подобное собраніе представителей дворянства будетъ имѣть лишь временное существованіе, но тѣмъ не менѣе оно необходимо, чтобы положить окончательную печать воли

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". Т. II. Стр. 97.

дворянства на дѣло, начавшееся исключительно по его иниціативѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Орловъ-Давыдовъ находитъ крайне не справедливымъ, что въ то время, когда заботятся о подъемѣ массъ, ничего не дѣлаютъ для выгодъ высшей, образованнѣйшей и лучшей части народа. «И для чего,—спрашиваетъ онъ,—ставить крестьянъ въ враждебное отношеніе къ людямъ, на которыхъ до сихъ поръ они смотрѣли какъ на отцовъ? Зачѣмъ отнимать у дворянства право избирать исправниковъ, которые составляютъ первую ступень self-government, т.-е. управленія посредствомъ крупной собственности, par la grande propriété?» Затѣмъ слѣдуетъ очень туманная и запутанная фраза, въ которой современники, однако, «ясно усматривали» стремленіе къ конституціонно-аристократическому образу правленія. «Ne serait-il pas prudent de dérober l'autorité á l'influence de ce hazard et de lui donner un cours légal dans toutes les régions plus rapprochées du trône, d'où elle puisse s'écouler graduellement et également dans les classes inférieures de la sociétè». Письмо заканчивается рѣзкимъ порицаніемъ бюрократіи и централизаціи и похвалами self-government, между прочимъ, какъ болѣе дешеваго, сравнительно съ правительственной администраціей, средства управленія *).

Въ этихъ документахъ, ставившихъ цѣлью воздѣйствіе на высшія сферы, съ необходимою осторожностью, но въ достаточной степени ясно намѣчаются политическія требованія консервативно-дворянской партіи. Графъ Орловъ-Давыдовъ, говоря о прелестяхъ англійскаго аристократическаго самоуправленія, очевидно, имѣлъ въ виду пересадить на русскую почву и политическое вліяніе англійскаго дворянства. Безобразовъ, предлагая созывъ всероссійскаго дворянскаго собранія, указывалъ практическій способъ установленія такого порядка, при которомъ дворянскія привилегіи могли бы быть расширены. Хотя это собраніе должно было заняться исключительно крестьянскимъ вопросомъ, но въ то время крестьянскій вопросъ, по мнѣнію общества и правительства, заключалъ въ себѣ вопросъ и объ административной и даже судебной реформахъ. Дворянское собраніе, несомнѣнно, превратилось бы въ генеральные штаты, несмотря на энергичныя увѣренія Безобразова въ противоположномъ.

Идеи Безобразова и графа Орлова-Давыдова находили многочисленныхъ сторонниковъ въ средѣ помѣстнаго дворянства и въ особенности въ верхнихъ его слояхъ, гдѣ суровое николаевское царствованіе только заглушило, но не истребило традиціи дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка и гдѣ еще слишкомъ живо сохранялось воспоминаніе о 14 декабря. Но эти идеи встрѣчали горячее сопротивленіе въ бюрократическихъ сферахъ, лелѣявшихъ идеалъ полицейскаго государства и надѣявшихся найти опору въ милліонахъ крестьянства, освобожден-

*) Ibid. Стр. 113.

наго отъ гнета крѣпостной зависимости и помѣщичьяго произвола. Съ негодованіемъ упоминаемое и въ адресѣ Безобразова, и въ брошюрѣ Орлова-Давыдова уничтоженіе выборности земскаго исправника, отнимавшее у дворянства возможность держать въ своихъ рукахъ уѣздную полицію, было первою вѣхою на томъ пути, куда бюрократія старалась направить предстоящія преобразованія. Въ маѣ 1858 года министерство внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ потребовало отъ губернаторовъ отзывовъ на главныя начала реформы уѣзднаго управленія, сущность которыхъ не осталась тайной для дворянства и еще болѣе уяснила грозившую ему опасность.

Проектъ предполагалъ сосредоточить административную власть въ уѣздѣ въ рукахъ уѣзднаго начальника, назначаемаго преимущественно изъ военныхъ и облеченнаго большими полномочіями. Земскій судъ и городническое правленіе соединялись подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника въ одно присутствіе подъ названіемъ уѣзднаго управленія. Онъ же долженъ былъ предсѣдательствовать въ уѣздной расправѣ, особомъ учрежденіи, которое предполагалось образовать для разбора недоумѣній или спорныхъ дѣлъ между крестьянами и помѣщиками. Уѣздный предводитель дворянства, не подчиняясь непосредственно уѣздному начальнику, обязывался, однако, исполнять всѣ его требованія. Это предположеніе вызвало крайнее недовольство дворянства, которое увидѣло въ немъ униженіе званія предводителя и оскорбленіе всего дворянскаго сословія *). Правительству пришлось отказаться отъ первоначальнаго проекта, такъ какъ даже губернаторскіе отзывы отнеслись къ нему отрицательно. Пріемъ же, встрѣченный имъ въ дворянской средѣ, ярко характеризуется словами Самарина, который далеко не былъ сторонникомъ дворянскихъ привилегій. «Проектъ уѣзднаго управленія, составленный въ Петербургѣ,--писалъ Самаринъ,—есть произведеніе нелѣпѣйшее и въ то же время дурной признакъ. Замѣтно стремленіе все земство поставить въ осадное положеніе» **).

Но отказъ отъ «осаднаго положенія» въ этой формѣ не служилъ ручательствомъ, что оно не возродится въ иной. Выработка проектовъ совершалась въ глубокой канцелярской тайнѣ. Бюрократія тщательно опасалась гласности. Литература, въ началѣ работъ по освобожденію крестьянъ получившая нѣкоторую свободу обсужденія назрѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ, вскорѣ снова подверглась цензурному гнету и ограниченіямъ, изъявшимъ изъ ея вѣдѣнія наиболѣе жгучія и злободневныя нужды страны. О ходѣ крестьянской и связанныхъ съ нею неразрывно реформъ общество узнавало только по темнымъ и противорѣчивымъ слухамъ, еще болѣе волновавшимъ умы

*) Ibid., т. I, стр. 271.

**) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, т. I, стр. 153.

и разжигавшимъ недовольство. Оппозиціонная мысль росла и шла къ послѣднимъ логическимъ выводамъ. Въ августѣ 1858 года въ Петербургъ должны были съѣхаться депутаты губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Ихъ настроеніе къ этому времени уже настолько опредѣлилось, что бюрократія постаралась приготовиться къ неизбѣжному столкновенію. Депутаты, дѣйствительно, помышляли о рѣшительномъ боѣ. Основываясь на словахъ государя тверскому дворянству по поводу приглашенія членовъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ, депутаты считали себя равноправными участниками редакціонныхъ коммиссій и думали энергично отстаивать свои требованія. Имъ не удалось этого сдѣлать. Министерство внутреннихъ дѣлъ употребило всѣ усилія, чтобы свести роль дворянскихъ депутатовъ къ нулю. Изъ законодателей, какими они себя считали, они превратились въ простыхъ экспертовъ, мнѣніе которыхъ пожелали выслушать высшіе чиновники. Кромѣ того, во избѣжаніе нарушенія депутатами указанныхъ имъ границъ, противъ нихъ былъ принятъ рядъ мѣръ полицейскаго характера, какъ, напримѣръ, запрещеніе имъ общихъ совѣщаній, запрещеніе общихъ постановленій, подача письменныхъ отзывовъ только по своей губерніи и только по мѣстнымъ вопросамъ и т. п. Причины такого отношенія къ дворянскимъ представителямъ съ достаточной опредѣленностью, хотя и безъ должной откровенности, выражены въ запискѣ, представленной государю въ августѣ 1859 года земскимъ отдѣломъ редакціонной коммиссіи и составленной Николаемъ Милютинымъ и Яковомъ Соловьевымъ.

По мнѣнію авторовъ, губернское дворянство раздѣлилось на три партіи. Первая—партія противниковъ освобожденія крестьянъ вслѣдствіе корыстныхъ побужденій. Она «первоначально старалась остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта» и усиливаясь доказать, что въ освобожденіи крестьянъ «таится глубоко обдуманный планъ демократической революціи въ Россіи». Но твердость правительства убѣдила противниковъ освобожденія въ невозможности противодѣйствовать уничтоженію крѣпостной зависимости, и они, дѣйствуя безъ ясно установленнаго плана, стремятся только къ тому, чтобы обратить реформу въ годную для себя операцію. Вторая партія представляетъ «направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобную англійской, и вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ ввести другую, не менѣе привилегированную на началахъ феодальныхъ... Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, и высшихъ госу-

дарственныхъ учрежденіяхъ». Вопросъ о «вотчинныхъ правахъ» первоначально былъ возбужденъ въ петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе. Третья партія желаетъ полнаго уничтоженія крѣпостного права и помѣщичьей власти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Члены этой партіи расходятся между собою по частнымъ вопросамъ, но, въ общемъ, вполнѣ сочувствуютъ видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею...

«Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться въ послѣднее время желаніе вызвать какое-либо явное проявленіе того, что они называютъ общественнымъ мнѣніемъ, дабы измѣнить направленіе правительства»... Большинство изъ депутатовъ, по свѣдѣніямъ авторовъ, принадлежитъ къ первымъ двумъ партіямъ (записка говоритъ вмѣсто «партіи»—«мнѣнія»).

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ явится съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія, выразивъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, постараются достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и не образовались партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено... Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ»... Признавая, однако, необходимымъ вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, записка предполагаетъ «предоставить имъ первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи» и «даровать дворянамъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей», для чего, по мнѣнію составителей записки, «полезно было бы прямое участіе дворянъ въ выборахъ мировыхъ судей и другихъ общихъ для обоихъ сословій должностныхъ лицъ въ собраніяхъ, общихъ какъ дворянскаго, такъ крестьянскаго сословій» *).

Эта записка, несмотря, на старательное подчеркиваніе крѣпостническихъ тенденцій дворянства и освободительныхъ намѣреній чиновни-

---

*) Изъ „Записокъ“ М. А. Милютиной. „Русск. Старина.“ 1899 г. кн. 3. См. также Иванюковъ. „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“. Стр. 166. Джаншіевъ. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Москва. 1894. Стр. 121.

чества, самыми непригля дными красками рисуетъ ея авторовъ. Даже Джаншіевъ, относившійся съ слѣпымъ благоговѣніемъ къ каждому шагу дѣятелей крестьянской реформы, вынужденъ былъ назвать цитированный документъ «откровеннымъ profession de foi благонамѣреннаго бюрократа старой школы, пугавшейся, несмотря на всю свою кажущуюся самоувѣренность и самонадѣянность, всякаго самомалѣйшаго общественнаго шороха, шопота нѣсколькихъ единомышленниковъ, всякаго коллективнаго движенія нѣсколькихъ лицъ сообща, скопомъ, въ союзѣ»... *) Джаншіевъ ошибался только въ одномъ: онъ напрасно привлекалъ къ отвѣтственности старую школу чиновниковъ. Милютинъ и Соловьевъ были людьми новой бюрократической школы. Непригля дныя черты записки о направленіяхъ губернскихъ комитетовъ относятся ко всѣмъ бюрократическимъ «школамъ» безъ различія ихъ особенностей. Николай Милютинъ и Яковъ Соловьевъ также боялись народной стихіи, также считали себя непогрѣшимыми и также обвиняли несогласно мыслящихъ въ злыхъ умыслахъ, какъ и ихъ многочисленные предшественники и преемники.

Обвиненіе большинства дворянства въ стремленіи сохранить крѣпостное право было, на самомъ дѣлѣ, слишкомъ тенденціознымъ и пристрастнымъ. Во всякомъ случаѣ, для бюрократическихъ сферъ оно служило, прежде всего, пріемомъ борьбы съ «мечтаніями» дворянства и предлогомъ для устраненія депутатовъ отъ участія въ законодательной работѣ. Бюрократія приступала къ созиданію полицейскаго государства и должна была для успѣха своихъ начинаній облечься въ демократическую одежду, чтобы вѣрнѣе поразить своихъ противниковъ. Но этотъ демократизмъ былъ совсѣмъ особаго рода. Уже представленное государю въ томъ же августѣ 1859 года «мнѣніе» министра внутреннихъ дѣлъ по поводу записки В. Апраксина, одного изъ членовъ дворянской оппозиціонной партіи, отмѣчаетъ не только экономическій, но и политическій характеръ борьбы между дворянствомъ и чиновничествомъ. «Прочитавъ со вниманіемъ записку В. Апраксина,—писалъ Ланской,—я убѣдился, что она заключаетъ въ себѣ тѣ же основныя идеи и такія же стремленія, какія высказываются, съ нѣкоторыми лишь оттѣнками, въ рукописномъ проектѣ адреса, ходящаго по рукамъ, въ двухъ печатныхъ запискахъ Николая Безобразова, въ мнѣніи, написанномъ Михаиломъ Безобразовымъ и представленномъ оффиціально членомъ здѣшняго комитета Платоновымъ; въ брошюрѣ графа Орлова-Давыдова, напечатанной въ Парижѣ; наконецъ, въ брошюрахъ Шедо-Ферроти (барона Фиркса) и въ разныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ теченіе двухъ минувшихъ лѣтъ въ иностранныхъ журналахъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ проявляется мысль о дарованіи русскому дворянству участія и власти въ дѣлахъ политическихъ. Раз-

*) Джаншіевъ. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ". Стр. 121.

говоры мои съ помянутыми лицами и съ другими, не столь явно выражающими свою задушевную мысль, подтверждаютъ мое убѣжденіе. Но если бы на этотъ счетъ могло быть какое-либо сомнѣніе, то оно вполнѣ устраняется послѣднимъ разговоромъ моимъ съ Апраксинымъ. Когда я объявилъ ему приказаніе Вашего Величества, то онъ, покоряясь искренно Вашей волѣ, выразилъ прискорбіе, что Вы могли усумниться въ чистотѣ его побужденій, полагая, что онъ кому-либо сообщилъ изложенную предъ Вами откровенную свою исповѣдь. Но, тѣмъ не менѣе, въ развитіе своихъ мыслей, онъ положительно высказалъ, что, упоминая объ уступкѣ дворянству части правительственной власти, помышлялъ о конституціи, что эта мысль распространена повсемѣстно въ умахъ всѣхъ дворянъ и что, если правительство не внемлетъ такому общему желанію, то должно будетъ ожидать весьма опасныхъ послѣдствій.

«Вотъ окончательная разгадка всѣхъ разнородныхъ брошюръ, мнѣній и записокъ, которыми нѣкоторыя лица старались послѣднее время дѣйствовать на общественное мнѣніе. Съ самого появленія рескриптовъ, противники освобожденія крестьянъ пугали, что дворянство въ замѣнъ крѣпостного права потребуетъ правъ политическихъ. Думаю, что и теперь есть люди, которые говорятъ о конституціи лишь съ цѣлью напугать правительство и задержать крестьянское дѣло. Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы понемногу ввести представительное начало въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ. Всѣ поименованныя статьи и брошюры служатъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ.

«Вообще, послѣднее время, такое стремленіе стало заявляться, особенно въ высшихъ кругахъ, съ такою гласностью и смѣлостью, которыя, какъ думаю, не должны быть терпимы. Зараженные аристократическими идеями или, лучше сказать, властолюбіемъ и чванствомъ, нѣкоторые изъ нашихъ баричей мечтаютъ о боярской думѣ, т.-е. правленіи олигархическимъ. Другіе прославляютъ англійское устройство и требуютъ сословнаго самоуправленія; къ нимъ присоединяются нѣкоторые изъ провинціальныхъ дворянъ, далеко не аристократы по рожденію, образованію и общественному положенію своему, но требующіе также дворянскаго представительства.

«Это движеніе, очевидно, вызвано горстью людей, которые не могли бы подвинуть массу дворянства, еслибъ они не возбуждали страстей, разыгравшихся по случаю крестьянскаго вопроса. Мои сношенія, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, убѣждаютъ меня, что дворянство, въ общей массѣ, не можетъ и не должно мечтать о представительномъ правленіи, какъ совершенно противномъ и нашимъ нравамъ, и степени образованія, и кореннымъ государственнымъ интересамъ. Въ этомъ

отношеніи нельзя не полагаться на общій здравый смыслъ и практическій складъ русскаго ума. Но въ настоящее время происки нѣсколькихъ честолюбцевъ могутъ производить минутное дѣйствіе на дворянъ болѣе покойныхъ и благоразумныхъ. Самыя несправедливыя обвиненія, скажу даже—клеветы противъ правительства распространяются людьми, не сочувствующими предпринятой реформѣ, не исключая, къ сожалѣнію, даже лицъ высшаго управленія. Такимъ образомъ, искусственно поддерживается и разжигается неудовольствіе въ дворянствѣ, которое безъ того не помышляло бы о конституціонномъ правленіи.

«Самый грустный фактъ тотъ, что противодѣйствіе волѣ Вашего Величества находитъ наиболѣе горячихъ представителей въ томъ кругу, который приближенъ ко двору и своимъ положеніемъ дѣйствуетъ обаятельно на массу. Изъ лицъ этого круга бо̀льшая часть или вовсе не желаетъ освобожденія крестьянъ, или требуетъ освобожденія безземельнаго. Теперь желаютъ воспользоваться прибытіемъ вызванныхъ сюда членовъ губернскихъ комитетовъ, стараясь дать имъ значеніе депутатовъ дворянства. Нѣкоторые изъ членовъ, наиболѣе властолюбивые, пытаются образовать общіе съѣзды или совѣщанія такъ называемыхъ депутатовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они не удовольствуются разсужденіями о примѣненіи общихъ правилъ къ каждой мѣстности, но будутъ прямо или косвенно опровергать самыя начала, изложенныя въ рескриптахъ.

«Если губернскимъ членамъ удастся устроить изъ себя особое совѣщательное собраніе, то они не остановятся на этомъ. Уже теперь заявляется ими мысль, что надо дождаться членовъ изъ остальныхъ губерній. Кромѣ того, многіе открыто выражаютъ необходимость общаго дворянскаго собранія для рѣшенія крестьянскаго дѣла, согласно съ извѣстнымъ рукописнымъ проектомъ адреса. Не смѣю скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества глубокое убѣжденіе мое, что такое положеніе дѣлъ весьма важно, ибо грозитъ поколебать государственное спокойствіе.

«Понятно, что руководители всего этого движенія стараются прикрыть его разными законными причинами и, выражая свою вѣрноподданническую преданность, громко устраняютъ отъ себя всякое подозрѣніе въ преступномъ посягательствѣ на самодержавную власть. Но справедливо ли это?»

Затѣмъ авторъ «мнѣнія», попытавшись опровергнуть упреки, будто освобожденіе крестьянъ нарушаетъ историческія права дворянства и ведетъ его къ полному разоренію, снова возвращается къ политическимъ требованіямъ дворянскаго движенія. Недовольные «нападаютъ на всю администрацію, на развитіе бюрократіи, на учрежденіе полиціи отъ правительства и, особенно, на власть губернаторовъ. Отсюда вы-

водятъ необходимость ввѣрить администрацію дворянству и даже предоставить ему постоянныхъ представителей въ высшемъ государственномъ управленіи. Конечная цѣль такого стремленія очевидна»...

Министръ не отрицаетъ, однако, справедливости нѣкоторыхъ «нападокъ». «Недостатки нашей администраціи,—говоритъ онъ,—извѣстны Вашему Величеству. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ я излагалъ искренно слабыя стороны внутренняго управленія, и по Высочайшей волѣ предприняты обширныя работы по этой части. Теперь составляются проекты объ устройствѣ уѣздной полиціи согласно съ утвержденными началами. Затѣмъ будутъ представлены соображенія о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ губернскомъ управленіи и даже въ составѣ самого министерства. Всѣ эти перемѣны требуютъ зрѣлаго обсужденія и времени, какъ на составленіе положенія, такъ особенно на приведеніе его въ дѣйствіе. Онѣ находятся въ тѣсной связи съ преобразованіями по судебной части, изъ коихъ нѣкоторыя уже разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, улучшенія предприняты въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною постепенностью. Среди этихъ правительственныхъ трудовъ, вызванныхъ заботливостью Вашею о благѣ Вашего народа, общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія.

«Полагаютъ, что стоитъ передать административную власть дворянству, чтобы исправить всѣ нынѣшніе недостатки. Но на чемъ же это основано? Дворянство, какъ сословіе, ничѣмъ еще не доказало своихъ административныхъ знаній и способностей. Напротивъ, всѣ дѣла, которыя до сихъ поръ поручались сословному управленію дворянства, шли крайне дурно. Примѣромъ могутъ служить хозяйственныя распоряженія по бывшему ополченію; другой примѣръ вѣковой—дворянскія опеки. Въ нихъ, какъ и въ другихъ дворянскихъ дѣлахъ, распоряжаются преимущественно канцеляріи, составленныя изъ чиновниковъ низшаго разбора.

«Да и кто главные злоупотребители и лихоимцы, если не исправникъ и не судья, избираемые дворянствомъ? Даже лица, назначаемыя правительствомъ, принадлежатъ почти исключительно къ дворянскому сословію, и потому на него же падаетъ большая часть упрековъ, дѣлаемыхъ мѣстному управленію. И при такомъ низкомъ уровнѣ нашего общества мечтаютъ о сословномъ управленіи и даже конституціи! Все это есть не что иное, какъ пошлое подражаніе иностраннымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ. Этимъ однимъ можно объяснить дерзкія выходки, коими наполнены поименованныя выше записки и статьи.

«Вамъ, Государь, осмѣливаются говорить, что всякое довѣріе къ

правительству потеряно и что оно неспособно для предстоящей реформы; осмѣливаются бездоказательно порицать всѣ правительственныя распоряженія и клевещутъ на мѣстныя управленія, будто они насиловали выборы членовъ въ губернскіе комитеты, доходятъ, наконецъ, до безсмысленной дерзости: будто правительство призвало дворянство къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія...

«Неудовольствіе помѣщиковъ понятно. Оно возбуждено было еще рескриптами. Имъ тяжело разставаться съ плантаторскими преимуществами. Теперь, стыдясь сознаться въ этомъ, силятся принять размѣры политической оппозиціи... Чтобы довершить святое дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить общественное спокойствіе, необходимо устранить враждебные происки, не допуская разыгрываться партіямъ и смыкаться имъ въ политическую оппозицію. Вмѣшательство дворянскихъ депутатовъ въ рѣшеніе крестьянскаго дѣла неминуемо повлечетъ за собою новыя требованія; уже и теперь гласно показываютъ желаніе вмѣшиваться въ финансовые вопросы, преувеличивая затруднительное ихъ положеніе.

«Если вызванные изъ губерній члены проявятъ свое противодѣйствіе Высочайшей волѣ подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ ни было, то нельзя терпѣть подобныхъ проявленій въ виду высказанныхъ конституціонныхъ стремленій... По крайнему моему убѣжденію, всякая малѣйшая уступка въ настоящее время была бы несовмѣстна съ достоинствомъ верховной власти. На скользкомъ пути уступокъ было бы трудно остановиться» *)...

Это «мнѣніе», составленное, очевидно, при участіи Н. Милютина, вполнѣ объясняетъ борьбу редакціонныхъ коммиссій съ дворянскими депутатами. Бюрократія устами Ланского должна была признать, что противъ нея не только крѣпостники, и ясно опредѣлить свое отношеніе къ общественному движенію. Съ классическими оговорками о томъ, что оппозиція создается горстью злонамѣренныхъ агитаторовъ, незнакомыхъ съ народною жизнью и увлекающихся западно-европейскими идеями, съ горькими жалобами на знатныхъ честолюбцевъ, съ традиціонными утѣшительными словами о здравомъ смыслѣ русскаго человѣка, Ланской и Милютинъ вынуждены признать наличность общественной группы, которая ставитъ своею цѣлью «ввести представительное начало въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ», не связывая этой цѣли съ сохраненіемъ крѣпостного права, признать наличность либеральной партіи. Но объ ней «мнѣніе» говоритъ только туманными намеками. Оно попрежнему старается окрасить общественное движеніе конца пятидесятыхъ годовъ сплошною черною краскою крѣпостниче-

*) Изъ „Записокъ“ М. А. Милютиной. „Русская Старина“ 1899 г., кн. 4.

ства. Между тѣмъ, въ это время министерство внутреннихъ дѣлъ уже не имѣло основаній предаваться иллюзіямъ. Работы губернскихъ комитетовъ уже были тогда получены въ Петербургѣ и показали, что недовольство дворянства и его оппозиціонныя требованія представляютъ болѣе сложное явленіе, чѣмъ простое стремленіе удержать крѣпостной строй. Не одни противники освобожденія крестьянъ или сторонники ихъ безземельнаго освобожденія выступили съ опредѣленными политическими требованіями. Тверской комитетъ, первый высказавшійся за земельный надѣлъ и за обязательный выкупъ и, слѣдовательно, ушедшій гораздо дальше пресловутаго экономическаго демократизма редакціонныхъ коммиссій, въ своей объяснительной запискѣ категорически настаивалъ на упраздненіи вотчинныхъ отношеній въ ихъ старомъ видѣ. Но, отвергая помѣщичью власть, комитетъ еще болѣе отрицательно отнесся къ бюрократическому строю управленія. «Несмотря на все зло крѣпостного права,—говоритъ объяснительная записка,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали произволъ чиновниковъ». Чѣмъ будетъ ограниченъ этотъ произволъ послѣ уничтоженія помѣстной власти дворянства? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русскаго населенія, проникло насквозь и правительственную власть; если уничтожить крѣпостную зависимость въ тѣсномъ смыслѣ слова, оставивъ все прежнее по старому, это будетъ не уничтоженіемъ крѣпостного права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебныхъ лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ боязливыхъ рабовъ, но не истинныхъ гражданъ. Единственнымъ цѣлесообразнымъ выходомъ изъ дореформенной неурядицы мѣстной и государственной жизни тверской комитетъ считалъ развитіе самоуправленія, т.-е. самостоятельнаго управленія общинъ.

Въ основаніе своей системы комитетъ клалъ безсословность съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента, причемъ во главѣ самоуправляющихся единицъ должны были стоять волостной попечитель и уѣздный предводитель, избираемые волостнымъ и уѣзднымъ собраніями, вѣдѣнію которыхъ подлежали бы всѣ мѣстныя дѣла по управленію и суду. Объединеніе сословій на почвѣ общихъ интересовъ и постепенное уничтоженіе всѣхъ привилегій являлись, по мнѣнію тверского комитета, наиболѣе настоятельными требованіями переживаемаго историческаго момента. Кромѣ того, комитетъ высказался за необходимость точнаго раздѣленія властей, учрежденія независимаго суда присяжныхъ и свободу печати. Программа тверского комитета,

очевидно, не заключала въ себѣ ничего крѣпостническаго и плантаторскаго. И она не была единичнымъ исключеніемъ. Тверскіе либералы имѣли многочисленныхъ сторонниковъ въ дворянской средѣ. Нѣкоторыя требованія этой программы не были чужды и прогрессивнымъ элементамъ бюрократіи. Но основная идея либерализма, безъ которой его практическія положенія превращаются въ безжизненныя части разрозненнаго цѣлаго и теряютъ всякое значеніе, находилась въ коренномъ противорѣчіи со всѣмъ политическимъ міросозерцаніемъ даже передового чиновничества того времени и возбуждала въ немъ органическую ненависть. Для Ланского и Милютина всякія общественныя указанія, всякая общественная помощь въ разработкѣ правительственныхъ проектовъ были непріемлемы. «Среди правительственныхъ трудовъ» «указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства» «теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія», потому что эти частныя лица исходятъ изъ совсѣмъ иныхъ общихъ воззрѣній на государственную жизнь, чѣмъ бюрократія. Поэтому, даже наиболѣе прогрессивные представители правящихъ сферъ конца пятидесятыхъ годовъ считали своимъ долгомъ объявить непримиримую войну обществу, употребить всѣ силы, чтобы раздѣлить группировавшіяся коллективныя единицы и не дать имъ сложиться въ политическія партіи, вліяніе которыхъ могло бы помѣшать дѣйствіямъ бюрократіи.

Эти усилія, по самому существу своему, являлись безнадежно утопическими. Правительственная власть обладала, конечно, всѣми средствами для того, чтобы разбить извѣстную общественную организацію, но она никогда и нигдѣ не имѣла силы разбить общественное движеніе. Въ то время, какъ Ланской и Милютинъ на бумагѣ строили планы разсѣянія своихъ противниковъ и заблаговременнаго разрушенія назрѣвавшихъ политическихъ партій, эти партіи складывались у всѣхъ на глазахъ и, подъ ударами бюрократіи, пріобрѣтали все большую и большую опредѣленность. Если первоначально открытыми противниками правительства выступали только представители консервативно-помѣщичьей партіи, либеральная же часть дворянства считала необходимымъ поддерживать оффиціальную программу реформъ, то полное презрѣніе къ самостоятельной общественной мысли и настойчивое проведеніе въ жизнь далеко не совершенныхъ плановъ преобразованій, выработанныхъ въ различныхъ канцеляріяхъ, рвали одна за другою нити, связывавшія общество и правительство. Дворянство, очевидно, формировалось въ двѣ большія партіи: партію аристократической конституціи, привлекавшей наиболѣе знатные и богатые элементы дворянства, и партію конституціи болѣе или менѣе либерально-демократической, которая отвѣчала пожеланіямъ мелкаго и средняго дворянства и немногочисленныхъ еще тогда представителей русской промышленной буржуазіи. Въ главныхъ чертахъ эти партіи намѣтились уже въ

періодъ засѣданій губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Но—и въ этомъ записка министра внутреннихъ дѣлъ приближается къ истинѣ—борьба дворянства въ тѣсномъ кругу провинціальныхъ учрежденій задерживала развитіе политической мысли и выдвигала впередъ преимущественно отдѣльные, наиболѣе сознательные элементы, которые постепенно строили содержаніе грядущей партійной программы. Дворянская масса еще только бродила, только переживала общее недовольство и частныя стѣсненія, не дѣлая окончательныхъ политическихъ выводовъ. И крѣпостники-конституціоналисты, и либералы—и либералы болѣе, чѣмъ крѣпостники—посвящали силы преимущественно положительной работѣ, создавая реформаторскіе планы и еще не теряя увѣренности въ возможности склонить государственную власть на свою сторону. Мѣры, принятыя противъ дворянскихъ депутатовъ въ Петербургѣ, открыли глаза на дѣйствительное политическое положеніе, и дворянское оппозиціонное движеніе сдѣлало слѣдующій шагъ впередъ.

Борьба депутатовъ съ редакціонной комиссіей расширила и углубила оппозиціонныя теченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она объединила ихъ усилія, въ значительной степени очистивъ конституціонно-аристократическую партію отъ элементовъ реакціоннаго утопизма и сблизивъ ее съ болѣе послѣдовательною и жизненною либеральною партіею. Гнетъ бюрократическаго произвола сплотилъ, вопреки ожиданіямъ Ланского и Милютина, въ сомкнутый строй разрозненные элементы оппозиціи.

Ник. Іорданскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Въ плѣну желѣза и огня.

Съ пилой, съ зубиломъ за станкомъ
Когда-то я стоялъ
И счастье жизни молоткомъ
Старательно ковалъ...
Ковалъ и думалъ: «тяжко мнѣ,
Но станетъ легче вамъ!»
И о грядущемъ свѣтломъ днѣ
Я грезилъ по ночамъ...
О, какъ мнѣ вѣрилось тогда
Въ зарю желанныхъ дней...
И гимнъ свободнаго труда
Звучалъ въ душѣ моей...
Я не видалъ цѣпей и стѣнъ;
Отчаянья не зналъ...
И средь камней желѣзный плѣнъ
За подвигъ я считалъ...
Мнѣ мнилось: молотомъ стальнымъ
Въ чаду паровъ, огня
Кую я будущность другимъ—
Кую я счастье дня...
Такъ грезилъ я и счастливъ былъ,
Питая грудь мечтой...
И свѣтло-радостенъ и милъ
Мнѣ путь казался мой...

. . . .

Да, грезилъ я, а годы шли
И разумъ мнѣ шепталъ:
«Несчастный пасынокъ земли,
Несчастье ты ковалъ»...

Ѳ. Поступаевъ.

---

*

СМѢНА „ФИРМЫ“.

Повѣсть.

(Изъ воспоминаній мастерового).

(*Продолженіе* *).

V.

Мастера были удивлены странной перемѣной въ Иванѣ Ивановичѣ, которая произошла съ нимъ какъ-то вдругъ. Онъ не сторонился ихъ, вступалъ съ ними въ разговоръ, разспрашивалъ о родныхъ, о женѣ, о хозяйствѣ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, изрѣдка заходилъ вмѣстѣ съ ними въ трактиръ и выпивалъ за компанію рюмку, двѣ водки, причемъ расплачивался собственными деньгами, а не требовалъ дарового угощенія, какъ это дѣлалось ранѣе, когда ему приходило желаніе побаловаться чайкомъ; во время работъ не отказывался помочь мастеру или скрыть какой-нибудь промахъ отъ хозяина, не тревожилъ Семена Петровича своими докладами. Но что всего удивительнѣе, сталъ свободно давать взаймы и ограничивался весьма скромнымъ процентомъ, даже, бывали случаи и вовсе отъ нихъ отказывался. Съ учениками и съ тѣми сталъ мягче, иногда шутилъ съ ними и отказался отъ чаевыхъ, получаемыхъ съ заказчиковъ, предоставляя ребятамъ самимъ носить заказы на дома.

Мастера поражались такой перемѣнѣ, не вѣрили въ ея безкорыстіе, строили разныя догадки и намеками давали понять Ивану Ивановичу, что они не прочь бы узнать, чего онъ хочетъ отъ нихъ, но тотъ былъ скрытенъ и ловко отдѣлывался разными шуточками. Прижали къ стѣнѣ Митрича, но и тотъ не могъ сказать ничего опредѣленнаго, хотя и высказывалъ свои догадки.

— Конечно, не даромъ же онъ: можетъ затѣваетъ что, а можетъ и совѣсть проснулась, это тоже бываетъ.

Хотя Митричъ говорилъ тономъ, какъ будто все ясно и рѣшено, и притомъ увѣренно разводилъ руками, но мастерамъ такая догадка

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1905 г.

ничего не давала. Митричъ пробовалъ спросить по душамъ у Ивана Ивановича, но его попытки ни къ чему не привели. Развъ только Иванъ Ивановичъ будто проговорился.

— А что, пошелъ бы ты ко мнѣ въ мастера, если бы случай такой вышелъ?

Митричъ вытаращилъ глаза, а Иванъ Ивановичъ спохватился въ излишней торопливости и добавилъ.

— Это, вѣдь, я такъ, къ примѣру... Ты не подумай чего.

Теперь Митричу стало ясно, въ чемъ дѣло.

— Такъ. Значитъ, хозяйствовать хочешь? Дѣло хорошее, всякому лестно. Только насчетъ меня ты это напрасно. Первое, какъ же я передъ хозяиномъ, можно сказать, свиньей окажусь? Второе— самъ понимаешь, мнѣ къ тебѣ въ мастера идти совсѣмъ уже не того, чтобы этакъ... А дѣло хорошее, особливо, если по совѣсти.

— Да ты не подумай, что я въ серьезъ. Такъ, вѣдь, къ слову.

— Ладно, ладно. Небось, понимаю.

Ивану Ивановичу оставалось только просить, чтобы тайна была сохранена. Митричъ обѣщалъ и сталъ съ большимъ интересомъ слѣдить за тонкой игрой пріятеля.

Впрочемъ, эта игра продолжалась не долго, не болѣе мѣсяца.

Однажды Иванъ Ивановичъ, хотя и смущенный, но особенно развязно подошелъ къ хозяину и потребовалъ «пачпортъ».

— Жениться хочу,—объяснилъ онъ тотчасъ же, не давъ хозяину хорошенько удивиться.

Семенъ Петровичъ посмотрѣлъ пытливо, но истинной причины прочитать не могъ. Напротивъ, Иванъ Ивановичъ и смущался, и улыбался именно такъ, какъ и слѣдуетъ смущаться и улыбаться человѣку, который собирается жениться. Ранѣе Семенъ Петровичъ присматривался къ тому, что раздѣлывалъ Иванъ Ивановичъ, былъ увѣренъ, что тотъ затѣваетъ что-нибудь недоброе, и выжидалъ. Теперь одна эта смущенная улыбка разогнала всѣ его сомнѣнія; ему стало понятно, почему Иванъ Ивановичъ такъ подобрѣлъ за послѣднее время. Онъ пожурилъ мастера, что тотъ скрывалъ отъ него такой важный шагъ въ жизни, намекнулъ, что не прочь былъ бы быть посаженнымъ, на что Иванъ Ивановичъ тотчасъ же отозвался цѣлымъ потокомъ благодарности, разспросилъ о невѣстѣ, о приданомъ и отпустилъ съ миромъ.

Прошла недѣля—Иванъ Ивановичъ не появлялся; прошла другая—дошли вѣсти, что было обрученіе, потомъ услыхали о свадьбѣ. Не прошло мѣсяца, и вдругъ трое мастеровъ сразу попросили «пачпортъ». Семенъ Петровичъ нахмурился и сталъ догадываться, а вечеромъ того же дня мальчишки, носившіе заказъ, сообщили, что видѣли Ивана Ивановича и что у него своя мастерская.

— Такъ,—только и сказалъ Семенъ Петровичъ и посмотрѣлъ на Митрича.

Тотъ, чувствуя угрызенія совѣсти, уткнулся въ работу.

Вскорѣ Семенъ Петровичъ потерялъ одинъ заказъ, затѣмъ другой; онъ насторожился, но болѣе заказовъ не отходило, да и эти скоро вернулись обратно.

Не долго нахозяйствовалъ Иванъ Ивановичъ. Его разсчеты не удались и счастье съ первыхъ же шаговъ повернулось къ нему спиной.

Первое огорченіе вышло по поводу приданаго. Отецъ невѣсты хоть и обѣщалъ двѣ сотни, но собрать ихъ маленькому человѣку — Иванъ Ивановичъ женился на дочери мелкаго лавочника—дѣло трудное и потому, какъ только сватовство стало налаживаться, онъ сталъ торговаться: и торговля идетъ плохо, и дочерей у него много, которымъ всѣмъ нужно припасать приданое, и самъ онъ женился безъ денегъ. Однимъ словомъ, Иванъ Ивановичъ долженъ былъ уступить, по крайней мѣрѣ, четвертной, и онъ изъ уваженія къ будущему тестю уступилъ. Однако, тѣмъ дѣло не ограничилось. Стороной у невѣсты узнали, что Иванъ Ивановичъ собирается хозяйствовать, и этого было достаточно, чтобы поприжать его поплотнѣе. Если хочетъ хозяйствовать, значитъ жениться ему непремѣнно надо, а гдѣ онъ успѣетъ найти невѣсту, да еще съ хорошимъ приданымъ, когда постъ на носу; къ тому же и невѣста ему пришлась по душѣ, пожалуй, не такъ-то просто отказаться отъ нея. Въ силу такихъ соображеній Ивану Ивановичу предложили пойти еще на уступки. Иванъ Ивановичъ не уступалъ. Начались торги, распинанія отца, полуупреки матери, грустные взгляды невѣсты, въ которыхъ выражалась боязнь потерять жениха, толки бабъ, приставанья свахи. Иванъ Ивановичъ сталъ колебаться—и денегъ-то было жаль, и невѣсты-то потерять не хотѣлось, и время-то шло. Въ концѣ концовъ онъ сдался и получилъ лишь одну сотню.

«Погорячился,—раздумывалъ Иванъ Ивановичъ, оплакивая потерянныя деньги,—и очень погорячился. Мнѣ бы сначала все устроить, а потомъ и бѣжать отъ хозяина».

Однако, тутъ же находилъ себѣ утѣшеніе.

«Ну, авось ничего, справлюсь какъ-нибудь, а дѣвка хорошая, съ перваго взгляда видно».

Дальше опять все пошло не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Расходы оказались непомѣрно большими, пришлось нанять квартиру, купить многое по хозяйству, самому принарядиться, невѣстѣ подарки, а тамъ обѣды, да угощеніе, да самая свадьба, да какіе-то родственники, да знакомые, и не приведи Господи, кому, кому только ни приходилось совать денегъ. Крѣпился, сильно

крѣпился Иванъ Ивановичъ, поссорился съ тестемъ, со свахой разругался, даже Маша посмотрѣла на него какъ-то нехорошо, а когда все это кончилось, то оказалось, что не только приданое ушло, а ему пришлось приплатить изъ своихъ. Это было уже совсѣмъ плохо. Иванъ Ивановичъ пригорюнился, да некогда было предаваться печали, надо дѣло дѣлать, устраивать мастерскую, а тутъ еще жена молодая, да красивая, да ласковая. Пошла у него голова кругомъ.

Деньги плыли, а мастерская не клеилась. Мастера шли неохотно, надо было ихъ угощать, да уговаривать, да давать впередъ денегъ, а онъ возьметъ да и пропьетъ задатокъ и на работу не явится; тутъ еще какъ на грѣхъ появился какой-то плюгавенькій человѣчекъ и, какъ по писанному, доказалъ, что безъ машины ничего не подѣлаешь, и всучилъ ему по случаю, старую, которая черезъ недѣлю же оказалась никуда негодной. Ко всему этому не только крупныхъ казенныхъ, а и маленькихъ заказовъ совсѣмъ было мало. Измучился, завертѣлся Иванъ Ивановичъ, а деньги плыли и плыли.

Черезъ полгода все кончилось. Конечно, онъ могъ работать съ помощью одного-двухъ подмастерьевъ, могъ обойтись съ одними учениками—на такой оборотъ хватило бы, какъ-нибудь обернулся бы. Но развѣ того желалъ Иванъ Ивановичъ? Развѣ для того онъ столько старался, чтобы задѣлаться кустаремъ? Извѣстно, что такое кустарь. Какъ попалъ, такъ всю жизнь и не выкарабкаешься, а тамъ дѣти пойдутъ, расходы. Нѣтъ, не того хотѣлъ Иванъ Ивановичъ. Ужъ лучше снова идти въ неволю, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такого безпокойства, да и надежда не покидаетъ—можетъ, судьба и смилуется.

Тяжело было Ивану Ивановичу, но, къ чести его сказать, все перенесъ онъ стойко и не срывалъ злобы на своей женѣ. Напротивъ, онъ сталъ и мягче, и нѣжнѣе съ ней, и какъ будто винился передъ нею.

— Не задача, что подѣлаешь?—утѣшалъ онъ ее.—Прошибся... очень даже... Надо было бы все это иначе... Ну, да ничего, Маша, ничего. Приналяжемъ, поправимъ еще... время еще не ушло... Ничего, все устроимъ, только бы передохнуть... только не такъ... Нѣтъ, ужъ это будетъ—ученъ. Примусь, вотъ какъ раздѣлаю... Ничего, голубчики, покланяетесь и вы.

И онъ грозилъ невидимымъ врагамъ.

А Маша?

Хотя всѣ кругомъ и говорили про Ивана Ивановича, что онъ человѣкъ трезваго поведенія и не мотъ, но такъ, вѣдь, про всѣхъ жениховъ говорятъ, и потому она шла за него съ нѣкоторымъ трепетомъ и ждала всякаго случая. Она знала подругъ, которыя

также выходили за трезваго человѣка, а глядишь, въ день же свадьбы онъ налижется, какъ стелька, и затѣетъ съ кѣмъ-нибудь ссору и драку, а на другой день, если не въ тотъ же, бьетъ и жену. Да иного и ожидать было трудно: такъ ужъ изстари ведется, что мужъ работаетъ четыре дня въ недѣлю, остальное же время пьянствуетъ да измывается надъ женою, а та всю жизнь мается, ухаживаетъ за пьянымъ мужемъ да съ опасностью для жизни спасаетъ вещи отъ жаднаго взора своего истукана, который только и думаетъ, какъ бы снести что въ кабакъ, къ благодѣтелю Степану Гаврилычу, и получить за то облегченье души въ видѣ двухъ-трехъ стаканчиковъ водки. Такова ужъ женская доля.

Но прошелъ день, недѣля, мѣсяцъ, полгода пролетѣли точно во снѣ, а Маша все еще не вѣрила своему счастью. Мужъ не пилъ, работалъ, старался принести въ домъ, а не изъ дому—этого было достаточно, чтобы считать Ивана Ивановича особымъ человѣкомъ. Съ нею онъ не былъ очень ласковъ, но и дурного она отъ него не видала—онъ ни разу не ударилъ ее, не сказалъ слишкомъ грубаго слова. По временамъ Маша даже какъ будто жалѣла объ этомъ. Ей казалось, что онъ мало ее любитъ, если не бьетъ, у нея возникли сомнѣнія, пробудилась ревность. Но время шло, и сомнѣнія Маши разсѣялись: просто человѣкъ очень занятъ и не до того ему.

Иной разъ Маша обратится къ нему съ какимъ-нибудь глупымъ бабьимъ вопросомъ, но онъ только рукой махнетъ.

— Дѣлай, какъ знаешь; твое дѣло.

Другой начнетъ корить: и это не такъ, и то не по вкусу, и денегъ много выходитъ, и не дѣлаешь ничего, и на мужниной шеѣ выѣзжаешь. Въ немъ этого не было. Маша все болѣе и болѣе проникалась уваженіемъ къ мужу. Подруги, изрѣдка навѣщавшія ее, слышали отъ нея только восторги, завидовали, вздыхали и думали: «дастъ же Богъ такое счастье».

— Онъ у меня вотъ какой...—И Маша, наклонившись къ самому уху, шепчетъ подругѣ о тайнахъ семейной жизни, сама смѣется и играетъ глазами.

Дѣвушка тоже улыбается, съ тайнымъ трепетомъ слушаетъ откровенную подругу, то съежится, то вспыхнетъ, а потомъ вздохнетъ и скажетъ:

— Счастливая ты! А вотъ Дуняша—все тѣло въ синякахъ, бѣжать хотѣла, да куда убѣжишь.

Теперь все это рушилось. Больно было разставаться ей съ своимъ хозяйствомъ, съ своимъ угломъ, до слезъ стыдно передъ подругами, и все-таки она первая сказала мужу:

— Что-жъ, и я теперь пойду въ люди. Вдвоемъ-то скорѣе оправимся.

Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на нее, и хорошо сдѣлалось отъ этого взгляда. Она забыла и свой уголъ и подругъ, и вся отдалась бодрому, рѣшительному настроенію.

Когда Иванъ Ивановичъ явился съ повинной къ Семену Петровичу, тотъ не посмѣялся надъ нимъ, не обругалъ, не прогналъ его, но принялъ сухо, взялъ паспортъ и, не сказавъ ни слова, указалъ работу.

Мастера зло шутили надъ Иваномъ Ивановичемъ, то и дѣло выдумывая для него прозвища, одно ядовитѣе другого, или съ ироніей разсказывали о его хозяйствѣ, или разспрашивали его и бередили его рану. Одинъ Митричъ остался въ сторонѣ и не одобрялъ товарищей. Съ Иваномъ Ивановичемъ онъ не разговаривалъ, боясь сдѣлать ему больно; онъ только спросилъ, какъ зовутъ его жену и какъ она характеромъ.

Мѣсяца черезъ два все вошло въ свою колею. Иванъ Ивановичъ снова отдался своей мечтѣ и копилъ деньги, снова сталъ носить заказы и давать деньги подъ проценты, но только уже отъ другого лица, какъ будто у самого у него не было денегъ, а мастера снова затихли и подчинились Ивану Ивановичу, лишь рѣдко, подъ пьяную руку; кто нибудь осмѣлѣетъ и вспомнитъ, какъ задумалъ хозяйничать Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ жилъ у Семена Петровича и только по праздникамъ навѣщалъ жену. Маша сначала поступила въ услуженіе, а потомъ, когда появился ребенокъ, наняла себѣ квартиру у какой-то старушки, брала на домъ стирку, ходила мыть полы, когда не было подходящей работы, мыла бутылки на одномъ заводѣ за двугривенный въ день, а вскорѣ удалось пристроиться и къ патронному заводу. Въ то время заводъ работалъ хорошо, расцѣнки стояли высокія, и она зарабатывала порядочно, во всякомъ случаѣ могла существовать безъ помощи мужа и даже иногда у нея заводился лишній рубль. Она молча передавала его мужу, тотъ молча бралъ его, чтобы положить въ кассу, и оба переживали хорошее бодрое настроеніе.

Когда на свѣтъ Божій появился второй ребенокъ, супруги опечалились.

— Ты, Маша, теперь того бы... осторожнѣй.

Маша виновато улыбнулась и законфузилась.

— Совсѣмъ нельзя. Этакъ никогда изъ нужды не вылѣзешь. Нашла какую забаву... Тутъ только поддайся, и полѣзутъ, какъ грибы.

— Да какъ же, Иванъ Ивановичъ? Я сама бы рада, да...

Она въ смущеніи одергивала кофточку.

— Нельзя. Понимаешь?..

Подѣйствовало ли внушеніе, нашелся ли добрый человѣкъ,

который понялъ это нельзя и далъ добрый совѣтъ, но Маша оказалась послушной и больше не разстраивала Ивана Ивановича.

Время шло, уходили силы, уходила молодость, а этой тяжелой, несуразной жизни и конца не предвидѣлось. Хотя было скоплено порядочно, но первый опытъ былъ слишкомъ крутъ, и Иванъ Ивановичъ не рѣшался рисковать второй разъ. Онъ сталъ раздражительнѣй и не разъ срывалъ досаду на Машѣ, а Маша не сносила покорно его брюжжанья, и ссоры стали повторяться чуть не при каждомъ свиданіи.

VI.

На дворѣ мастера разлеглись въ тѣни подъ заборомъ. Ребятишки, начавшіе было какую-то игру, при появленіи мастеровъ прекратили ее и тоже усѣлись около забора, на почтительномъ разстояніи отъ взрослыхъ. Они сидѣли смирно, чтобы не безпокоить дремавшихъ мастеровъ и задумчиво посматривали передъ собой, потомъ кому-то пришла мысль, что недурно было бы искупаться, остальнымъ она понравилась, и другъ за другомъ, боязливо посматривая въ сторону хозяйскаго окна, они двинулись на улицу. Иванъ, какъ взрослый, не сегодня, завтра—мастеръ, нѣкоторое время сомнѣвался, къ кому примкнуть. Однако, выкупаться было заманчиво, и онъ поспѣшилъ нагнать дѣтей.

— Ты куда?—остановилъ было Иванъ Ивановичъ.

«Вотъ придирается», подумалъ Иванъ и, не отвѣчая, скрылся за калиткой.

Иванъ Ивановичъ стиснулъ зубы. Онъ былъ оскорбленъ такимъ невниманіемъ мальчишки.

Тѣмъ временемъ Василій велъ разговоръ съ Семеномъ Петровичемъ.

Онъ долго не рѣшался войти къ хозяину; изъ мастерской шелъ во дворъ, со двора возвращался въ мастерскую, подходилъ къ хозяйской двери, покашливалъ и вообще проявлялъ нерѣшительность, а между тѣмъ ему непремѣнно надо достать денегъ. Онъ съ утра думалъ о томъ, какъ проведетъ вечеръ, пообѣщалъ знакомымъ встрѣтиться въ трактирѣ и тамъ провести пріятно время. Двѣ недѣли онъ работаетъ у Семена Петровича—срокъ вполнѣ достаточный, чтобы подумать и о настоящемъ отдыхѣ. И въ Москвѣ онъ не работалъ болѣе двухъ недѣль подрядъ. Однимъ словомъ, онъ желалъ потѣшить свою душу. Да и почему онъ смущается? Въ Москвѣ не смущался, а тутъ... Глупости. Онъ не проситъ впередъ, а свои собственныя онъ можетъ всегда получить.

Василій подбодрился и вошелъ къ Семену Петровичу. Хозяинъ

собирался отдыхать и потому взглянулъ непривѣтливо. Мастръ смутился, но, не желая показать хозяину своего смущенія, заговорилъ нѣсколько грубо и въ приподнятомъ тонѣ.

— Да, вѣдь, ты вчера получилъ полтинникъ,—возразилъ Семенъ Петровичъ, пытливо всматриваясь въ мастера.

И этотъ взглядъ былъ такого свойства, что мастеръ противъ воли сталъ заикаться.

— Мнѣ бы... домой послать надо... нужда тамъ.

Легкая усмѣшка скользнула подъ усами Семена Петровича когда онъ спросилъ, какъ будто даже съ участіемъ.

— Да рубликовъ пять одолжите...

— Пять рубликовъ? А выработалъ? Смотри впередъ не дамъ, этого баловства у меня не водится. Тебѣ дашь, а ты пропьешь, да и съ Богомъ, ищи тамъ тебя.

— Нѣтъ, зачѣмъ пропивать, я этимъ не занимаюсь. Да я и не беру впередъ. Вы сосчитайте, работаю двѣ недѣли, а взялъ...

– Ладно, ладно. Не безпокойся, счетъ знаю и самъ съумѣю сосчитать.

Василій повеселѣлъ, удивляясь добротѣ этого суроваго человѣка, но когда Семенъ Петровичъ повернулся къ нему спиной, чтобы идти въ спальню, сердце его екнуло.

— Такъ пожалуйте,—съ умиленіемъ произнесъ онъ.

— Что тебѣ? Денегъ? Успѣешь еще. Ты мнѣ ужо, а не то завтра скажешь, куда послать.

Мастеръ отъ неожиданности разинулъ ротъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на хозяина. Отродясь онъ не посылалъ денегъ домой и вдругъ такой случай. Что это? Шутка?

— Зачѣмъ вамъ, хозяинъ, безпокоиться,—мягко и заискивающе сказалъ Василій,—я и самъ могу.

— Шалишь, другъ, это намъ достаточно извѣстно, знаемъ очень хорошо даже. А у меня, другъ, свой порядокъ. Можетъ, не знаешь? Такъ изволь, скажу, деньги я пошлю самъ, а тебѣ квитанцію въ руки, почтовую, чтобы, значитъ, сомнѣнія не было. Вотъ какъ у насъ дѣлается.

Глаза Семена Петровича лукаво посмѣивались. Но мастеру не понравился такой оборотъ дѣла. Онъ вспыхнулъ и рѣшилъ грудью отстаивать свои права. Его собственныя деньги, заработанныя, а хозяинъ еще хочетъ мудрить. Нѣтъ, этого онъ не допуститъ.

— Нѣтъ, не пошлете,—заговорилъ Василій запальчиво, сразу повысивъ голосъ.—Деньги мои, какъ хочу, такъ и поступаю. Я свои прошу. Нѣтъ такихъ порядковъ, чтобы заработанныя не отдавать.

Мастеръ все болѣе и болѣе горячился. Ему смутно вспом-

нился чей-то разсказъ о томъ, какъ Митричъ бунтуетъ, и хозяинъ ему уступаетъ.

«Значитъ, у него нравъ такой, на отмашь любитъ», пронеслось у него въ головѣ, и онъ чуть не крикнулъ:

— Подай мой заработокъ.

Василій—парень молодой и чувствительный. Кинувъ эту фразу, онъ окончательно почувствовалъ себя Митричемъ, онъ даже сдвинулъ брови и широко размахивалъ руками, невольно подражая тѣмъ жестамъ, какіе продѣлывалъ мастеръ, копирующій Митрича.

Семенъ Петровичъ смѣрилъ фигуру тщедушнаго мастера съ какой-то обидной для него насмѣшкой.

— Зеленъ еще такъ говорить-то, вотъ что. Я хозяинъ, понимаешь? Смотри, небось, у тебя жена, аль кто тамъ безъ хлѣба сидитъ, да побирается, а ты тутъ бариномъ жить хочешь, свой капризъ тѣшишь. Я такихъ порядковъ не люблю, и иди себѣ съ Богомъ. Приставать будешь—разочту.

— Что-жъ, разсчитывайте. Эка важность. Я и въ другомъ мѣстѣ работу найду.

— Хорошо, завтра подочту.

— Не завтра, а сегодня. Мнѣ сейчасъ нужно...

— Не егози,—оборвалъ хозяинъ, теряя терпѣніе.—Завтра пошлю твоей женѣ, сколько слѣдуетъ, а остальное получишь на руки. Ну, и ступай, говорить намъ нечего.

— Мнѣ сейчасъ надо. Не хочу я...

Василій не успѣлъ договорить, какъ Семенъ Петровичъ сдѣлалъ нѣкое движеніе, и онъ очутился въ мастерской. Онъ стоялъ ошеломленный и озадаченный, поводя рукой по плечу и растерянно повторя:

— Ловко... Живымъ манеромъ... Въ сурьезъ вышло... Отлично... Силища-то какая... Превосходно... За свои-то деньги?..

Странное ощущеніе переживалъ Василій, продолжая стоять по срединѣ мастерской и соображая о случившемся. Ему было досадно, что хозяинъ не далъ денегъ и обошелся, какъ съ мальчишкой; обидно, что поступили съ нимъ несправедливо и слишкомъ вольно; обидно было сознавать свое безсиліе, и въ то же время онъ проникался уваженіемъ къ хозяину, къ его рѣшительности и силѣ. Его настроеніе вылилось въ концѣ концовъ въ восклицаніи:

— Чисто. Нечего сказать. Старикъ сурьезный...

Василій отправился на дворъ и растянулся тамъ вмѣстѣ съ товарищами, а Семенъ Петровичъ, точно ничего и не случилось, ни на минуту не задумываясь надъ этимъ, съ спокойною совѣстью завалился на свою широкую кровать и предался отдохновенію.

Мастера одинъ за другимъ начали всхрапывать. Иванъ Ивановичъ не спалъ, хотя глаза его были закрыты. Легкія морщинки на лбу, складка около губъ показывали, что голова его надъ чѣмъ-то работаетъ. Время отъ времени глаза полуоткрывались, смотрѣли на Василія, который лежалъ рядомъ, и на Митрича, затѣмъ снова закрывались, а на лицѣ выражалась досада.

«Что онъ не спитъ?—думалъ Иванъ Ивановичъ о Митричѣ.— Смотритъ, точно малый ребенокъ, на небеса и любитъ. Небось, тучки. А что тучки? Идутъ и идутъ себѣ, и ничего этакаго веселаго въ томъ нѣтъ, а онъ любитъ, весело ему. Глупый, совсѣмъ глупый сталъ».

Не спалъ и огорченный Василій. Онъ бранилъ хозяина, что такъ безцеремонно обращался съ нимъ; бранилъ себя, что поступилъ къ нему; бранилъ товарищей, что не предупредили его раньше о нравѣ хозяина; вспоминалъ Москву, разжигалъ свое воображеніе, какъ бы хорошо онъ распорядился съ пятью рублями, ворочался съ боку на бокъ и досадливо отмахивался отъ надоѣдавшихъ мухъ.

Иванъ Ивановичъ въ послѣдній разъ взглянулъ украдкой на Митрича и рѣзко повернулся на бокъ, спиной къ Митричу, какъ будто желалъ выразить протестъ противъ его глупаго поведенія. Василій лежалъ къ нему лицомъ.

— Аль не спится?—съ участіемъ спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Мухи одолѣли,—мрачно отвѣчалъ Василій и свернулся калачикомъ.

— Мухи? Толкуй, мухи. Небось, хозяинъ разстроилъ, денегъ не далъ.

Василій еще сильнѣе скорчился и энергичнѣе сталъ отмахиваться отъ мухъ. Иванъ Ивановичъ продолжалъ тѣмъ же ласковымъ голосомъ:

— Хочется погулять-то? а? Вечеркомъ выпилъ бы у Занозы, сыгралъ съ пріятелемъ въ картишки, у своей побывалъ бы... а?

— Не растравляй,—угрюмо проворчалъ Василій и повернулся къ Ивану Ивановичу спиной.

— Ишь какой чувствительный.

Съ минуту Иванъ Ивановичъ помолчалъ, затѣмъ бросилъ какъ бы между прочимъ.

— А помочь дѣлу можно...

Мастеръ прислушался и затаилъ дыханіе.

— А какъ помочь?—соображаетъ онъ вслухъ, а въ голосѣ уже звучитъ что-то похожее на надежду.

— Кабы достать гдѣ? Да гдѣ тутъ... Кто меня знаетъ? У Николки просилъ, и тотъ отказалъ.

— Я, пожалуй, тебѣ раздобуду,—говоритъ Иванъ Ивановичъ

и говоритъ такъ просто, какъ будто рѣчь идетъ о какихъ-то пустякахъ.

Василій даже присѣлъ отъ волненія.

— Ну? Достанешь? Не врешь?

— Постараюсь. Жаль смотрѣть на тебя, какъ ты мучаешься... А много просилъ у хозяина?

— Да я... просилъ... конечно, у хозяина, вѣдь... просилъ пятерку... да это что...

— Вишь какой. Пятерку. Это, братъ, деньги-то какія? Шутка сказать. Рубль—это можно, а ты пятерку...

— Что-жъ, достань рубль. Вѣдь, это я такъ у хозяина... И съ рублемъ можно погулять.

Василій повеселѣлъ.

— То-то, а то вдругъ пятерка.

Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ допустить, чтобы къ деньгамъ относились такъ легкомысленно. Ему, конечно, нѣтъ дѣла до Василія, но пять рублей, въ одинъ вечеръ бросить на вѣтеръ пять рублей, пропить ихъ? Ему каждая копейка достается съ такимъ трудомъ, а этотъ вотъ съ легкимъ сердцемъ готовъ выбросить пятерку? Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на мастера, и что-то злое, ненависть какая-то свѣтилась въ его глазахъ. Василій чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, но не понималъ его причины.

— Есть тутъ у меня одинъ человѣкъ,—началъ Иванъ Ивановичъ, когда его волненіе нѣсколько поулеглось,—могу сходить. Рублевку дастъ.

— Такъ сходи.

— Изволь, удружу. Значитъ, гуляешь сегодня? Хорошее дѣло. Я бы тоже гулялъ, да года ужъ не тѣ, пора остепениться, да и нутро къ тому же не выноситъ. А въ твои годы погуливалъ съ товарищемъ. Не очень, а все-таки... И краля же у меня была.

Иванъ Ивановичъ вретъ, но у него свой разсчетъ въ головѣ; онъ ведетъ политику.

— Знаешь, только,—продолжаетъ онъ съ сожалѣніемъ,—даромъ, вѣдь, не дастъ, надо будетъ заплатить и не мало.

— Что-жъ пусть беретъ. Безъ этого, разумѣется, нельзя,—безпечно отвѣчаетъ Василій.

— Застану ли только я его дома?—сомнѣвается Иванъ Ивановичъ и украдкой наблюдаетъ мастера.

Митричъ ворочается. Василій насторожился, въ глазахъ легкій испугъ. Иванъ Ивановичъ невозмутимо спокоенъ.

— Иванъ Ивановичъ, вы бы сейчасъ сходили,—проситъ мастеръ и заискивающе смотритъ на Ивана Ивановича.

— Я думалъ соснуть маленько,—равнодушно говоритъ Иванъ Ивановичъ.

Парень волнуется и упрашиваетъ.

— Пожалуйста, сходите, спасибо скажу.

— Что мнѣ твое спасибо? Гривенникъ дашь, схожу.

— Стоитъ объ этомъ говорить—гривенникъ... Сходи только.

Иванъ Ивановичъ медленно приподнялся, отряхнулся, поправилъ волосы, зѣвнулъ и сказалъ, не смотря на мастера.

— Знаешь, онъ жидъ и беретъ дорого... Столько же.

Послѣднее слово Иванъ Ивановичъ бросилъ скороговоркой, жадно впился глазами въ мастера и замеръ въ ожиданіи отвѣта. Щеки его раскраснѣлись, въ глазахъ блеснулъ огонекъ хищника.

— Значитъ, я принесу тебѣ рубль,—пояснилъ Иванъ Ивановичъ, етараясь казаться совершенно спокойнымъ,—а ты мнѣ за ходьбу заплатишь гривенникъ, и за тобой будетъ два.

— Два рубля? За рубль? Да какъ же это?

— Какъ хочешь,—поспѣшилъ отступить Иванъ Ивановичъ,—я, пожалуй, не пойду, только у него такой обычай. Праздникъ... къ тому же жидъ—одно слово.

Иванъ Ивановичъ съ видимымъ равнодушіемъ опустился на землю. Теперь онъ былъ блѣденъ, сердце хотѣло выпрыгнуть. «Сорвалось иль нѣтъ», гвоздемъ точило въ головѣ.

Мастеръ колебался не долго. Припомнивъ всѣхъ матерей на свѣтѣ, обругавъ крѣпко хозяина, который доводитъ его до такой крайности, еще крѣпче жидовъ, что такъ безбожно давятъ народъ православный, онъ мало-по-малу стихъ и покорился судьбѣ. Что-жъ дѣлать, онъ заплатитъ два рубля, если такъ выходитъ, а деньги ему все-таки сейчасъ нужны.

Иванъ Ивановичъ приподнялся, съ удовольствіемъ потянулся, подавляя готовую расплыться улыбку и спросилъ:

— Что-жъ, идти?

— Поди, да скажи ему, чтобы лучше не попадался. Такой глянецъ наведу, поганая жидовская морда.

Приподнялся и Митричъ. Онъ давно прислушивался къ разговору и ожидалъ развязки. Онъ интересовался игрой Ивана Ивановича, но картина охоты исчезла и теперь оставалась одна жертва. Митричъ вдругъ возмутился и вступился за нее, хотя и не безъ нѣкоторой робости, зная, что Иванъ Ивановичъ не проститъ ему такого вмѣшательства. Но какъ же онъ такъ? Что-то ужъ черезчуръ. То бралъ двугривенный, много тридцать, а вдругъ рубль на рубль, да еще гривенникъ... гривенникъ... Митричъ откашлялся и обратился къ мастеру:

— Слушай, Василій, я тебѣ раздобуду цѣлковый. Какіе тутъ еще проценты? Вотъ хозяинъ проснется, и достану—небось, дастъ.

Василій колебался. «Шутитъ Митричъ или вправду достанетъ? Дастъ хозяинъ или нѣтъ?»

— Да ужъ будь увѣренъ,—успокоилъ Митричъ, читая на его лицѣ нерѣшительность.—Сказалъ, достану. Хозяинъ не дастъ, еще гдѣ перехвачу, будь ужъ безъ сомнѣнія.

Иванъ Ивановичъ сжалъ зубы и хрустнулъ ими.

Однако, заговорилъ спокойно, какъ будто все шло, какъ слѣдуетъ. Но Митричъ понималъ, что онъ бросаетъ камешки въ его огородъ, когда послышался его сдержанный голосъ:

— Вотъ и хорошо, Митричъ. Конечно, товарищу помочь надо, а то шутка ли, такъ будутъ наживаться? Небось, всякому обидно.

Онъ растянулся на травѣ и закрылъ голову руками. Его душила злоба. Митричъ сидѣлъ понуро и не смѣлъ взглянуть на Ивана Ивановича.

Вбѣжали ребята, раскраснѣвшіеся, жизнерадостные. За ними выступалъ Иванъ, также бодрый, улыбающійся.

Иванъ Ивановичъ вскочилъ, точно ужаленный.

— Гдѣ были? Были-то гдѣ?—наступалъ онъ на перваго попавшагося.—Купались? У кого спросили?

Мальчикъ взвизгнулъ отъ затрещины, которою наградилъ его Иванъ Ивановичъ, и вмѣстѣ съ остальными поспѣшилъ въ мастерскую.

Иванъ потемнѣлъ и вызывающе смотрѣлъ на обозлившагося мастера.

— Это все ты мутишь, твоихъ рукъ дѣло,—шумѣлъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ парню.—Туда же...

— Ты зачѣмъ ударилъ то его? Ты тутъ хозяинъ?

— Вона какъ! Ну, да ладно, увидимъ... Намъ достаточно извѣстно... Кто сегодня въ кабакѣ былъ? Водку кто пилъ? а? А деньги откуда? На какія такія деньги другихъ угощалъ? Хозяйское добро таскать? Воришка.

— Ты бы на себя сначала посмотрѣлъ?

— Что? Ахъ ты... Да я тебя... рожу своpочу... въ кровь разобью.

Иванъ Ивановичъ, блѣдный, дрожащій отъ гнѣва, наступалъ на Ивана и замахнулся рукой съ явнымъ намѣреніемъ привести угрозу въ исполненіе.

Иванъ отскочилъ, схватилъ съ земли камень и прижался къ стѣнѣ.

— Тронь, только тронь. На смерть хвачу.

Иванъ Ивановичъ всталъ въ замѣшательствѣ.

— Эй вы, черти!—крикнулъ одинъ изъ мастеровъ, поднимая заспанное лицо.—Ты, пѣтухъ, что тамъ у забора дѣлаешь? Именно черти. Спать не даютъ. Шелъ бы въ мастерскую.

— Будетъ вамъ. Срамота одна,—вступился и Митричъ.—Какъ

праздникъ, такъ драка. Иванъ Ивановичъ, будетъ тебѣ, стыдно, небось.

Иванъ Ивановичъ опустился на землю. Иванъ бросилъ камень и прошелъ въ мастерскую.

— Ладно. Мы это увидимъ,—прошипѣлъ Иванъ Ивановичъ ему въ догонку.

Когда хозяинъ всталъ и баловался чайкомъ, сидя около окошка и, подставивъ раскрытую волосатую грудь легкому вѣтерку, предавался созерцанію виднѣвшейся за заборомъ колокольни, къ нему вошелъ Митричъ.

— Что скажешь, Митричъ,—ласково смотря на него, спросилъ Семенъ Петровичъ.

— Къ тебѣ, Семенъ Петровичъ... ты бы того... вишь дѣло тутъ... мнѣ бы... знаешь... гм... оно, конечно, ну, а какъ ежели серьезно... все-таки надо...

Митричъ окончательно спутался и смолкъ.

— Говори, Митричъ, толкомъ,—подбодрилъ его Семенъ Петровичъ.—Такъ, хоть убей, ничего не пойму.

Митричъ замялся и вдругъ неожиданно выпалилъ:

— Рубликъ-съ.

Семенъ Петровичъ удивился.

Митричъ никогда не просилъ денегъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его мутилъ бѣсъ, и онъ загуливалъ. О всѣхъ нуждахъ зналъ самъ хозяинъ. Онъ напоминалъ ему, что надо сшить одежонку, надо послать старухѣ-матери, даже о томъ, что надо же провѣтриться немного, и тогда давалъ двугривенный на разгулъ. Когда Митричъ доходилъ до чего-нибудь своимъ умомъ, онъ денегъ не просилъ, а говорилъ всегда иносказательно.

— Эхъ, удочка хороша у Максима.

Хозяинъ догадывался, что ему нужны деньги купить удочку.

Или:

— Кабы я да богатъ былъ, сейчасъ завелъ бы себѣ шляпу хорошую.

Это означало, что его картузъ сталъ никуда негоднымъ.

И вдругъ онъ приходитъ не въ урочное время, да еще проситъ денегъ.

— Зачѣмъ это тебѣ понадобилось?—спрашиваетъ Семенъ Петровичъ, но тутъ на него находитъ просвѣтлѣніе, и онъ дѣлаетъ догадку.—Ужъ не этому ли?

— А то кому же еще?

— Совсѣмъ напрасно. Баловстно одно.

— Разгорячился больно парень-то.

— Разгорячился, эка штука. Надо и терпѣнье имѣть. Вчера получилъ и достаточно. Да и что ты больно жалостливъ сталъ?

— Не хорошо, чего тутъ. Оберутъ еще, славно, думаешь, будетъ? Только тѣнь на мастерскую наводить.

Семенъ Петровичъ догадался въ чемъ дѣло, и покачалъ головой.

— А если я не дамъ?

— Какъ же не дашь, если нужно?—въ свою очередь спросилъ Митричъ, увѣренный, что хозяинъ не можетъ не дать.

Семенъ Петровичъ улыбнулся.

— Ну, ужъ если ты говоришь: нужно, значитъ, приходится давать. Напрасно только. Смотри, загуляютъ—съ тебя взыщу,—пошутилъ Семенъ Петровичъ и добавилъ строго:—скажи Василью, пусть придетъ повинится, а то рыло больно воротитъ.

Мастеръ повинился, а Семенъ Петровичъ выдалъ ему рубль, причемъ дѣло не обошлось безъ теплыхъ словъ.

Мастеръ вышелъ отъ Семена Петровича вполнѣ довольнымъ. Онъ сопоставилъ, что было давеча и что теперь, взглянулъ на рублевку, улыбнулся и проникся уваженіемъ къ хозяину... «Умственный старикъ: нашего брата во-какъ,—и правильно. Что правильно, то правильно—всякъ скажетъ. Пятерку ахнуть не долго, а потомъ какъ?»

Слѣдомъ за Василіемъ къ хозяину вошелъ Иванъ Ивановичъ. Предчувствуя непріятность, Семенъ Петровичъ нахмурилъ брови и сухо спросилъ, что надо.

— Да я насчетъ ребятъ. Опять купаться бѣгали.

— Гм... Да. Хорошо. Только ты другого времени не нашелъ? Спѣшное дѣло? Хозяину отдохнуть нельзя? Ладно. Ступай, да пришли ребятъ.—Но Иванъ Ивановичъ не уходилъ.

— Все Иванъ ихъ смущаетъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбился, за мастерами тянется, компанію какую-то завелъ...

Иванъ Ивановичъ остановился въ ожиданіи, что скажетъ хозяинъ. Хозяинъ молчалъ и хмуро смотрѣлъ въ окно, а пальцы выбивали дробь по столу.

— Сегодня опять водку пилъ. Должно быть, и воровствомъ занялся.

Семенъ Петровичъ повернулъ голову. Его лицо было красно. Иванъ Ивановичъ зналъ, что это означаетъ, и смутился, ища причины его гнѣва.

— Не лѣзь ты ко мнѣ, пожалуйста,—вотъ что я тебѣ скажу. У меня и свои глаза есть. Не надоѣло тебѣ кляузы-то разводить?

Иванъ Ивановичъ опѣшилъ. И что это сдѣлалось съ хозяиномъ? Никогда еще онъ такъ не говорилъ съ нимъ. Старъ сталъ, изъ ума выживаетъ, иль Ивана боится? Да и какъ говоритъ? Хозяинъ—это вѣрно, а все же нельзя такъ обращаться съ первымъ мастеромъ. И Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на хозяина съ почтительной, но крайне ядовитой усмѣшечкой.

— Я что-жъ, какъ хотите. Другимъ повадно, а, впрочемъ, это дѣло не мое. А если онъ грозитъ вамъ...

— Поди вонъ... Поди! Поди!.. закричалъ хозяинъ и стукнулъ кулакомъ по окну.

Иванъ Ивановичъ поспѣшилъ скрыться за дверью.

VII.

Мастерская опустѣла. Дѣти болтались на дворѣ, Иванъ Ивановичъ пошелъ навѣстить свою Машу, мастера отправились въ трактиръ, и только Митричу какъ будто и дѣваться было некуда. Онъ прошелся раза два по мастерской, насвистывая себѣ что-то подъ носъ, постоялъ у окна, безцѣльно уставаясь въ какой-то заборъ, не торопясь, набилъ трубку, не торопясь, выкурилъ ее, потомъ досталъ работу, съ полчаса повозился около нея и отправилъ ее обратно на свое мѣсто. Больше рѣшительно нечего было дѣлать,—становилось скучно. Тогда онъ вышелъ во дворъ, постоялъ въ дверяхъ, посмотрѣлъ какъ играютъ ребята,—и вдругъ лицо его расплылось въ широкую улыбку. Его осѣнила пріятная мысль и ее надо было исполнить, а для этого необходимо было переговорить съ Аграфеной Никитичной. Онъ вернулся въ мастерскую, сталъ покашливать, заглядывать въ кухню, хлопать дверями и вообще проявлять нѣкоторое безпокойство. Неспокойное состояніе Митрича было замѣчено на хозяйской половинѣ.

— Аграфена Никитична, слышишь?—сказалъ Семенъ Петровичъ, который сидѣлъ у окна и наслаждался предвечерней прохладой.

Аграфена Никитична улыбнулась, пошарила у себя въ карманахъ, пошла къ комоду, тамъ порылась и вышла въ мастерскую, изображая на своемъ лицѣ полную невинность.

— А ты тутъ, Митричъ?—сказала она, какъ будто присутствіе Митрича было для неожиданностью и крайне ее удивило.— А я слушаю, что это въ мастерской точно ходитъ кто-то. Дай, думаю, посмотрю.

— А это я, Аграфена Никитична,—отвѣчалъ Митричъ, довольный, что случай не измѣнилъ ему,—я тутъ хожу.

— Что-жъ ты никуда не пошелъ? Небось, скучно.

— Да вишь, я тебя дожидался. Случай у меня такой. «Авось, думаю, выйдетъ моя Аграфена Никитична». Ты вотъ и вышла.

— А что такое?

— Дала бы ты мнѣ двугривенный? а?

— Двугривенный? Зачѣмъ же тебѣ двугривенный? Смотри,— небось опять ребятишекъ баловать.

— Есть грѣхъ, Аграфена Никитична. Скучно, вотъ я и побалуюсь. Мячикъ хочу купить.

*

— Эхъ, Митричъ, только деньгамъ изводъ. Давно ли покупалъ? Опять въ чужомъ огородѣ искать будете?

— Зачѣмъ такъ? Нѣтъ, теперь ужъ этого не будетъ. Я его легонько, знаешь, такъ изъ-подъ низу, ну, и полетитъ вверхъ, а въ косую, разумѣется, нельзя... Не залетитъ. Зачѣмъ ему залетать? Не каждый же разъ.

— Баловникъ ты у меня. Митричъ, совсѣмъ ребятъ избалуешь.

— Ничего, какое тутъ баловство. А ты все-таки Семену Петровичу не говори, не безпокой зря,—будто ребята сами купили.

Митричъ получилъ двугривенный и, не надѣвъ даже картуза, ринулся изъ мастерской. Онъ, точно мальчикъ, въ припрыжку, подкидывая и ловя на лету двугривенный, направился въ ближайшую лавку, а минутъ черезъ пять уже появился среди дѣтей, запыхавшійся, радостный, взволнованный, съ чисто дѣтской улыбкой на раскраснѣвшемся лицѣ. Дѣти обступили его кругомъ и ждали, догадываясь, что онъ пришелъ къ нимъ не съ пустыми руками.

Небольшой упругій мячъ взлетѣлъ кверху. Дѣти взвизгнули, столпились въ кучу и, угощая другъ друга локтями, подняли руки кверху, не спуская глазъ съ падавшаго мяча, но онъ скользнулъ по пальцамъ, нѣсколько разъ подпрыгнулъ среди торопившихся схватить его рукъ и упалъ на землю. Одинъ наклонился, чтобы поднять его, другой выбилъ ногой изъ-подъ самыхъ рукъ, мячъ покатился по двору, и всѣ бросились за нимъ вдогонку. Отбиваясь другъ отъ друга, толкаясь, падая, вставая и снова падая, ползали они по землѣ съ серьезными, нѣсколько озлобленными лицами, переплетаясь и образуя живой комокъ, а Митричъ смотрѣлъ на нихъ мягкимъ, ласкающимъ, нѣсколько возбужденнымъ взглядомъ и кричалъ: «Мала куча». Наконецъ, раздался торжествующій крикъ счастливца, который, держа мячикъ высоко надъ собою, побѣжалъ къ Митричу. Шалости мячика кончились. Кинули жребій, поволновались, поспорили, на чьей сторонѣ будетъ играть Митричъ, и началась игра въ лапту.

На дворѣ воцарился настоящій адъ. Одни бѣжали,—кто смѣло, надѣясь на быстроту своихъ ногъ, кто украдкой, сторонкой, другіе норовили попасть въ нихъ мячомъ и перекидывали его изъ рукъ въ руки. И тѣ и другіе кричали, зорко слѣдя за движеніями противника и давая совѣты. «Бѣги, бѣги же... Стой... Назадъ... Дай мнѣ, мнѣ дай мячъ... Жарь его... Да куда-жъ ты?..» Вотъ одинъ замѣшкался, прямо противъ него врагъ съ мячомъ въ рукахъ. Онъ цѣлится, мячъ летитъ съ силою, и сейчасъ городъ сдадутъ. Но мальчикъ быстро соображаетъ и бросается на землю, какъ разъ подъ ноги противника. Оба уже копошатся на землѣ, кругомъ дружный хохотъ, а мячъ пролетѣлъ надъ голо-

вами и спрятался гдѣ-то въ травѣ у забора. Пока его ищутъ, всѣ успѣютъ перебѣжать, и городъ на долгое время запасаться свѣжими силами защитниковъ. Въ своемъ увлеченіи Митричъ не уступаетъ ребятамъ. Онъ торопитъ очередныхъ бѣжать, топчется на мѣстѣ въ тактъ ихъ бѣгу, размахиваетъ руками и кричитъ, когда грозитъ опасность сдать городъ, и все это живо, искренно, отдаваясь всей душой игрѣ. При этомъ онъ такъ забавно бѣгалъ, дѣлая саженные шаги и чуть не вровень съ землею склоняя свое туловище, такъ комично готовился, когда наступалъ его чередъ бить, и призывалъ на помощь Богородицу, что дѣти, казалось, увлекались имъ не менѣе, чѣмъ самой игрой, и до упаду хохотали надъ Митричемъ.

Въ окно смотрѣлъ Семенъ Петровичъ и тихо смѣялся, чувствуя, какъ его самого подмываетъ броситься въ этотъ вихрь, завертѣться въ немъ, также пробѣжать отъ черты до черты, также ударить по мячу палкой и запустить его въ поднебесье, также ожечь противника... А тутъ же рядомъ съ нимъ стояла Аграфена Никитична, которая съ такимъ же вниманіемъ всматривалась въ игру, также высунулась въ окно, также тихо смѣялась и переживала какое-то хорошее, теплое и бодрящее чувство.

Когда Митричу надо было бить, онъ плевалъ на руки, разминался, прицѣливался, то отодвигалъ, то придвигалъ подававшаго мячъ, намѣчалъ, какъ его кинуть, и вообще старался. Да, иначе и нельзя было: ему хотѣлось засвѣтить мячъ, чтобы ребята ахнули, и было страшно, какъ бы не сорвалось и не ударить мяча ошибочно. И каждый разъ, рано или поздно, случалось, что Митричъ прошибался, и мячъ, вмѣсто того, чтобы летѣть ввысь, на время останавливаться тамъ чуть замѣтной точкой, и затѣмъ возвращаться съ такой силой, что мальчики, желавшіе поймать его, только обжигали себѣ руки,—мячъ летѣлъ вдоль и исчезалъ гдѣ-то на сосѣднихъ дворахъ.

То же случилось и теперь. Двое, болѣе расторопныхъ, едва замѣтили направленіе мяча, опрометью бросились со двора. За нимъ послѣдовали остальные. Какъ всегда, поиски мальчиковъ остались тщетными. Они вернулись унылыми и огорченными.

— Нашли?—спросилъ Митричъ съ жалкой и виноватой улыбкой, хотя и видѣлъ по ихъ лицамъ неудачу поисковъ.

— Нѣтъ,—отвѣтили мальчики.—Тамъ развѣ найдешь. Вездѣ застроено да нагорожено, а хозяйка сердится...

— Что тутъ подѣлаешь? Каждый разъ такъ-то,—недоумѣвалъ Митричъ и присѣлъ на крылечкѣ.

Дѣти постояли среди двора и пошли за Митричемъ. Ихъ огорченіе было непродолжительно. Потные раскраснѣвшіеся, они сьютились около Митрича, смѣялись, вспоминали нѣкоторые слу-

чаи изъ только что окончившейся игры и передавали свои впечатлѣнія. Мало-по-малу ихъ голоса затихали, улыбка исчезала, взглядъ становился мечтательнымъ—тихій, теплый вечеръ охватывалъ ихъ, ласкалъ и оказывалъ свое дѣйствіе. Тогда Митричъ прислонился къ стѣнкѣ, облокотился на ближайшаго мальчика и началъ разсказывать одну изъ своихъ выдумокъ, которая якобы совершилась вотъ въ такой же вечеръ. Дѣти сдвинулись потѣснѣе, разинули рты и не отрывали глазъ отъ Митрича. Когда говорилось объ очень мрачныхъ вещахъ, ихъ лица становились печальны, около губъ появлялись морщинки жалости, глаза покрывались влагой и смотрѣли тоскливо, а Митричъ, какъ нарочно, начинаетъ говорить медленно, тянетъ и поддерживаетъ настроеніе мальчиковъ. Общее настроеніе передается и Митричу, и ему становится тяжело и грустно. Но тутъ, какъ свѣтлый лучъ, является герой,—сильный, смѣлый, справедливый Онъ вступается за обиженныхъ, и правда торжествуетъ. Разсказъ конченъ. Все мрачное разсѣялось; дѣти облегченно вздохнули, глаза искрятся, на лицахъ улыбка удовлетворенія. Нѣкоторое время дѣти молчатъ, еще не совсѣмъ отдѣлавшись отъ чаръ, и вдругъ затараторили всѣ сразу, волной хлынули вопросы, одобреніе, удивленіе, а Митричъ улыбается и повторяетъ наиболѣе трогательныя мѣста событія.

Дѣтей позвали домой. Они должны были приготовить постели, затѣмъ ужинать и ложиться спать. Долго еще они будутъ ворочаться на своихъ соломенныхъ подстилкахъ, вспоминать, что говорилъ Митричъ, иной разскажетъ, что онъ слыхалъ у себя дома, другой выдумаетъ, попробуетъ подражать Митричу, потомъ шопотъ перейдетъ въ медленное, вялое бормотанье, то тотъ, то другой отвѣтитъ неохотно, сквозь сонъ, невпопадъ, а тамъ и все смолкнетъ, успокоится. Позднѣе этотъ вскрикнетъ, тотъ проснется, испуганно оглянется кругомъ и тѣснѣе прижмется къ сосѣду, иной засмѣется, и смѣхъ его какъ-то странно и дико прозвучитъ въ ночной тишинѣ, а Петя вскочитъ, подойдетъ къ двери, пробурчитъ что-то и снова, точно сдѣлалъ важное дѣло, пойдетъ на свое мѣсто,—съ нимъ это случается часто. А тамъ уже ранній лѣтній разсвѣтъ, утренній холодокъ,—всѣ грезы, все безпокойство исчезаетъ, всѣми охватываетъ крѣпкій, глубокій сонъ.

Иванъ остался съ Митричемъ. Онъ облокотился на колѣни, зажалъ голову руками и погрузился въ свои думы. Изъ городского сада доносились заунывные звуки оркестра. Митричъ молчалъ, прислушивался къ этимъ звукамъ и мечтательно смотрѣлъ на звѣздочки, какъ онѣ, одна за другой, едва-едва загорались на свѣтломъ еще небосклонѣ.

— Вечеръ-то хорошъ,—проговорилъ онъ и замолкъ.

— Семенъ Петровичъ, должно, въ садъ пошелъ; хорошо тамъ,— сказалъ онъ, долгое время спустя, и опять замолкъ.

Кругомъ тишина, и только эти за душу хватающіе звуки мелодіи. Потомъ и они смолкли, и совсѣмъ стало мертво.

— Да ты что, Ванюша, будто не веселъ?—обратился Митричъ къ парню, который продолжалъ сидѣть все въ той же позѣ и не проронилъ ни одного звука.

— Скучно... Томитъ что-то...—слабо отвѣтилъ Иванъ, не мѣняя позы: голосъ его былъ печаленъ; трепетно разливающіяся нотки проникли Митричу въ самое сердце.

Митричъ взглянулъ на Ванюшу, хотѣлъ что-то спросить, спросить, что его томитъ, но только покачалъ головой, и снова надолго воцарилось молчаніе.

— А тотъ опять на меня жаловался,—чуть не шепотомъ, сквозь зубы сказалъ Иванъ, выпрямился и прислонился къ стѣнкѣ.

— Ну?

— Самъ слышалъ, какъ онъ тамъ заскрипѣлъ.

— Про водку?

— А то про что же? Разумѣется, про водку.

— А хозяинъ что?

— Не знаю. Я ушелъ. Да, что?.. Конечно, что...

— Экій человѣкъ. И что ему надо, прости Господи. Такъ ужъ нутро у него такое, неспокойное.

— Просто убѣжалъ бы куда ни на есть.

— А ты не горюй. Велика бѣда—хозяинъ поучитъ...

Иванъ встрепенулся весь.

— Не могу я, Митричъ. Понимаешь, не могу. Я не маленькій, не игрушка ему досталась. Да и правовъ такихъ нѣтъ, чтобы бить. Отцу и то не полагается, если сынъ въ возрастѣ, а онъ мнѣ что?

— Отецъ не отецъ, а не хуже иного отца,—убѣдительно сказалъ Митричъ.

— Да если я этого не желаю? Если я хочу самъ по себѣ быть? Слава Богу, могу и своимъ умомъ жить,—не маленькій. Пилитъ, пилитъ за каждую малость... Да опять же это не то... Ну, пусть говоритъ, коли у него такой норовъ, а, вѣдь, онъ что? Въ рыло норовитъ, ремнемъ... Нѣтъ такихъ правовъ, чтобы бить. Не по его дѣлаю—прогони, а бить не смѣй. Я, вѣдь, и въ судъ пойду. Вонъ, Василій говоритъ, небось самъ слышалъ.

— Такъ то въ Москвѣ. Опять же какой хозяинъ. Хозяинъ хозяину рознь. Иной ужъ звѣрь такой и выгоду свою соблюдаетъ. А развѣ Семенъ Петровичъ такой?..

— А мнѣ какое дѣло, такой онъ иль не такой.

— Не хорошо такъ, Ванюша. Онъ тебя ремеслу обучилъ, въ

люди вывелъ, а въ тебѣ никакой благодарности. Смотри вонъ, въ другихъ мѣстахъ...

— Знаю я и въ другихъ мѣстахъ. Вонъ на заводѣ пальцемъ не ударятъ, потому—законъ. Отработалъ свое и никакого разговору. А здѣсь что? Неблагодаренъ, говоришь? Такъ не даромъ же я на него работаю? Работа-то моя чего-нибудь стоитъ? За его ученье-то я шесть лѣтъ лямку ломаю. На худой конецъ три года мастера замѣняю. Подочти-ка. Глядишь за обученье все заплатилъ, еще много лишняго. А ты говоришь—неблагодарный.

— Не хороши твои рѣчи,—съ укоромъ сказалъ Митричъ.— О себѣ ты много думаешь, заносишься очень.

Иванъ, казалось, не слыхалъ, что говорилъ Митричъ. Онъ вдругъ повернулся къ нему, схватилъ его за руку и, наклонясь почти къ самому лицу его, зашепталъ страстно:

— Митричъ, поговори съ нимъ, тебя онъ послушаетъ. Пусть отпуститъ. Много ли тутъ осталось. Я лучше заплачу ему, заработаю и заплачу, а такъ я не могу. Ты скажи ему... Тебя онъ любитъ. Онъ послушаетъ тебя.

Митричъ разсердился.

— Будетъ ерунду-то пороть. Ни съ чѣмъ не сообразное. Ну, какъ я пойду къ хозяину? Пойду и скажу: «Ты, хозяинъ, дѣла совсѣмъ не знаешь, дай я тебя поучу». Такъ, что ли? И что только не взбредетъ въ глупую голову.

Митричъ сплюнулъ и отвернулся, но сейчасъ же продолжалъ ласковѣе:

— Какой ты чудной, Ванюша. Развѣ одного тебя учитъ? Всѣхъ учитъ. И мнѣ въ свое время попадало, и Ивану Ивановичу, и Пашкѣ, и ничего. потому что за дѣло. Зря Семенъ Петровичъ не тронетъ; не таковскій человѣкъ. А если за дѣло, такъ какъ же не перенести? Благодарить еще надо, что во вниманіи держитъ... Ты думаешь, ему съ тобой любо канительничать? А ты этого не цѣнишь. Вонъ у тебя что въ головѣ: на хозяина, молъ, работаю, ему выгоду даю. Вотъ у Кузьмина тоже шесть лѣтъ живутъ, а какіе мастера выходятъ? Серега-то оттуда. Хорошо работалъ? А почему? Потому хозяину до него дѣла не было, не пріучалъ къ работѣ,—сваляль, и ладно. И выходитъ, что ты долженъ Бога благодарить за такое мѣсто да молиться за Семена Петровича.

— Зачѣмъ онъ бьетъ?—съ болью въ головѣ простоналъ Иванъ, не проникаясь убѣдительностью Митрича, и сжалъ свою голову, точно она была виновницей всѣхъ его бѣдъ.

— Опять свое. Молодъ ты, ну, и нѣтъ въ тебѣ разумѣнья. Посмотришь, недотрога какой, точно дите барское, да и тѣхъ не

всегда балуютъ, иной разъ такъ распишутъ, потому безъ этого никакъ нельзя.

— Этакъ я и Ивану Ивановичу уступать долженъ.

— Иванъ Ивановичъ дѣло другое, не хозяинъ, да и человѣкъ совсѣмъ другой. А если говорить по совѣсти, конечно, долженъ, уваженіе оказать. Онъ постарше тебя, да и мастеръ къ тому-жъ, и хорошій мастеръ. Опять же не зря онъ на тебя нападаетъ. Теперь, хоть бы и сегодня, зачѣмъ водку пилъ? За мастерами гоняешься, а того не берешь во вниманіе, что они, можетъ, и сами не рады своей привычкѣ, да силъ нѣтъ преодолѣть.

— Скучно, вѣдь. Надо и отдыхъ знать. Мастерская-то поперекъ горла стала. Все одно и то же, одно и то же... Тамъ хоть народъ увидишь.

— Можно и другое занятіе найти.

— Да какое же?

— Мало ли какое. Будто другихъ и занятіевъ нѣтъ. Ну, по саду погулялъ пошелъ, аль за книгу присѣлъ. Вотъ кто по этой части пошелъ, такъ очень хвалитъ, и такъ говорятъ, что книга отъ водки отшибаетъ.

— А Василій?

— Что-жъ Василій?

— Да то же самое. Читаетъ вотъ какъ, даже газету можетъ. А не пьетъ онъ?

— Этотъ ужъ такой пропащій. А Иванъ Ивановичъ?

— Такъ это развѣ мастеръ? Онъ брата родного продастъ, а не то, что какъ... Онъ только и думаетъ, какъ бы хозяиномъ задѣлаться да на нашу шею сѣсть.

— И слова-то какія у тебя несуразныя. На шею сѣсть. Что жъ, по твоему, и Семенъ Петровичъ на шеѣ сидитъ?

— А, по твоему, нѣтъ?

Митричъ не ожидалъ этого и запнулся. Затѣмъ его охватилъ гнѣвъ и онъ приподнялся даже.

— Какъ же это ты такъ? и откуда это въ тебѣ точно бѣсъ поселился? Сидитъ на шеѣ... А ну-ка, закрой онъ мастерскую? Что тогда дѣлать станешь, куда сунешься? Ну, ты одинокъ, а у кого семья ежели, чѣмъ кормить-то? Понимать это надо, а не то, что на шеѣ сидитъ. Хозяйское дѣло тоже не легкое, не даромъ оно дается. Онъ о дѣлѣ подумай, и о себѣ подумай, да и мастеровъ не забудь. Заботъ много, а ты—на шеѣ сидитъ. Смотри, какъ онъ всѣхъ въ аккуратѣ держитъ. Нѣтъ тебѣ, чтобы обидѣть аль обсчитать, опять насчетъ пьянства тоже. Въ другихъ мѣстахъ вотъ какъ пьютъ, а у него строго, не даетъ воли; а ты—на шеѣ сидитъ. Безъ разума говоришь, такъ только злобствуешь.

— То-то онъ и раздобрѣлъ отъ хлопотъ да заботъ.

— А ну тебя. Я думалъ, ты въ понятіи, а ты...

Митричъ не договорилъ, съ сердцемъ отворилъ дверь въ мастерскую и съ силою захлопнулъ ее за собою.

Къ ужину изъ мастеровъ вернулся одинъ Иванъ Ивановичъ. Семенъ Петровичъ былъ не въ духѣ, и потому за ужиномъ царило молчаніе. Иванъ былъ блѣденъ и почти не ѣлъ, съ минуты на минуту ожидая, что хозяинъ начнетъ свой урокъ.

Подъ конецъ ужина Семенъ Петровичъ съ укоромъ сказалъ Митричу:

— Вотъ рубль-то твой. Гляди, и завтра не очухаются.

Митричъ спокойно выслушалъ, находя, что дѣло это обыкновенное и ничего особо предосудительнаго въ себѣ не заключаетъ.

Иванъ Ивановичъ многозначительно взглянулъ на Ивана и замѣтилъ:

— Съ малыхъ лѣтъ балуются, а потомъ уже и привычка.

Иванъ вспыхнулъ и тотчасъ поблѣднѣлъ. Рука, несшая ложку, дрогнула. Онъ чувствовалъ, какъ голову обдало жаромъ. Вотъ-вотъ хозяинъ вспомнитъ и начнетъ свою расправу. Но хозяинъ только насупилъ брови и громче потянулъ изъ ложки.

Кончился ужинъ. Иванъ уже въ мастерской раздѣвается, ложится спать, а хозяинъ не зоветъ. Забылъ онъ? или такъ, во вниманіе не взялъ? Значитъ, прошло мимо. Иванъ потянулся, зажмурилъ глаза, по тѣлу пробѣжала легкая дрожь и затѣмъ расплылось что-то теплое, пріятное... Почти тотчасъ же онъ заснулъ.

Заслышавъ его легкое сопѣнье, Митричъ приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ въ сторону Ивана Ивановича.

— Не спишь?—тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Что же это ты парня изводишь?

Иванъ Ивановичъ отвѣтилъ не сразу, сдерживая свой гнѣвъ.

— По твоему, что ли. Нѣтъ, я не люблю повадки давать, Кабы онъ честь-честью, не говори, молъ, хозяину, а то видалъ. что онъ дѣлаетъ, разбойникъ, прямо разбойникъ.

— И хозяина въ грѣхъ вводишь, и мальца растравляешь. Бросилъ бы.

— А онъ не задирай носа. Въ наше время ученикъ норовилъ, какъ бы мастеру угодить, а этотъ что? Чуть было камнемъ давеча не пустилъ.

— Поневолѣ въ драку полѣзешь, когда ты все спыняешь его. На меня, небось, не лѣзетъ.

— На тебя-то. Да, вишь ты, какой. Въ тебѣ гордости на эстолько вотъ нѣтъ. Онъ тебя ни въ грошъ не ставитъ.

— Съ Васильемъ дружбу ведетъ, да и съ остальными...

— Еще бы съ Васильемъ-то, —вмѣстѣ водку жрутъ, да компаніи не вести.

— Такъ-то вотъ. Со всѣми ладитъ, а съ тобою нѣтъ. Скажи лучше, что у тебя ужъ такой характеръ скверный, все мутитъ тебя.

— Скверный характеръ, да скверный характеръ. А это, по твоему, хорошо? Это хорошій характеръ—изъ-подъ носу у меня цѣлый рубль выхватилъ. Это какъ, по твоему, хорошо?

— Да и ты хорошъ. Эка заломилъ, на рубль—рубль. Шутка ли!

— А тебѣ жаль? Эхъ ты, елейная душа! Диви бы, я попусту, на вѣтеръ деньги пускалъ. Самъ знаешь, на дѣло. Ну, что ему рубль, все равно, вѣдь, въ трактирѣ оставитъ такъ зря, а мнѣ, глядишь... Кисель, прямо кисель. И родятся же такіе люди. Ну, скажи, какъ ты дальше-то жить будешь? Аль всю жизнь думаешь подъ крылышкомъ у Семена Петровича?

Митричъ не возражалъ, молчалъ и Иванъ Ивановичъ. Оба отдались своимъ думамъ.

Ивану Ивановичу мерещилась картина его будущаго хозяйства. Онъ найдетъ небольшое помѣщеніе, отыщетъ гдѣ-нибудь хорошій заказецъ, чтобы сразу на ноги встать, сманитъ у хозяина хорошихъ мастеровъ, а тамъ и заказчиковъ отобьетъ и станетъ первымъ хозяиномъ на весь городъ. Теперь у него все это выйдетъ. Да пора и Семену Петровичу отойти къ сторонкѣ, уступить дорогу. Будетъ, нажилъ капиталы...

Маша будетъ по дому управлять. Можетъ, тоже заведетъ какое не то мастерство—на первое время все помощь, а тамъ дѣти подрастутъ, бойко пойдетъ дѣло... Съ мастерами онъ поставитъ себя не такъ. Нѣтъ, совсѣмъ не такъ, какъ Семенъ Петровичъ. Ему хорошо распускать мастеровъ, когда у него денегъ много. Мастеръ съ работой-то возится, возится, и въ окно зѣваетъ, и трубку сосетъ, да работу съ мѣста на мѣсто перекладываетъ, вальяжничаетъ. Нѣтъ, у него работай, даромъ времени не теряй. Не нравится, съ Богомъ, другихъ мастеровъ найдетъ: свѣтъ не клиномъ сошелся. Пусть попадетъ пьяница—это ничего. Вонъ, Беркманъ, что значитъ человѣкъ съ умомъ, живо обмозговалъ, какъ устроиться и самому хорошо, и мастера довольны.

Во снѣ Иванъ Ивановичъ видѣлъ мастерскую, свою собственную, распоряжался въ ней, и все шло хорошо, только тамъ въ углу, дѣлается что-то неладное. Мастеръ не работаетъ, уставился глазами въ Ивана Ивановича и смѣется. Но вотъ улыбка таетъ, лицо вытягивается, темнѣетъ, глаза блестятъ, голова все ниже и ниже склоняется надъ нимъ.

«Да это Иванъ», думаетъ Иванъ Ивановичъ и ему становится страшно. Онъ хочетъ бѣжать и не можетъ; хочетъ схватить что-

нибудь и защититься, но руки не повинуются... Иванъ Ивановичъ проснулся, сердце немилосердно стучало, страхъ еще не прошелъ, страшное лицо казалось еще тутъ. Иванъ Ивановичъ оглянулся кругомъ, перекрестился и пришелъ въ себя.

«Экая дрянь приснится, вотъ дьяволъ-то, и ночью грезится», подумалъ онъ, еще разъ перекрестялся и легъ поудобнѣе.

На разсвѣтѣ пришли мастера. Заслышавъ ихъ шумъ, Митричъ толкнулъ было мальчишку, но тотъ только пробормоталъ что-то и повернулся на другой бокъ. Жалко стало тревожить дѣтскій сонъ, въ которомъ онъ, быть можетъ, видитъ своихъ мать, деревню, поле. Митричъ пошелъ отпирать самъ.

Мастера были пьяны, но употребляли всѣ усилія, чтобы безъ большого шума дойти до мѣста.

— Онъ, братъ, ни-ни... Того... Очень даже... Не дай Богъ въ лапы попадешь... Надо тихо... Чинно надо... Чтобъ какъ слѣдуетъ... Старикъ, а поди-ка... Онъ тебя образумитъ.

— Конечно, не похвалитъ,—поддакивалъ Митричъ и помогалъ мастерамъ добраться до постели. Дѣйствительно, Семенъ Петровичъ не жаловалъ шуму. Бывали случаи, что мастеръ запоетъ или начнетъ ругаться, тогда старикъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ выходилъ изъ своей половины, бралъ буяна за шиворотъ и выносилъ его на улицу, наградивъ двумя-тремя тумаками, отъ которыхъ потомъ недѣлю ныла спина, а если и этого было мало, то набавлялъ, пока мастеръ не угомонится. Такъ дѣло обстояло лѣтомъ. Зимой хлопотъ было больше, на улицѣ оставить пьянаго было нельзя, еще замерзнетъ тамъ. Тогда хозяинъ начиналъ приводить его въ чувство своими домашними средствами, въ числѣ которыхъ видную роль играло натираніе ушей. Мастеръ въ концѣ концовъ успокаивался.

Митричъ посмотрѣлъ на мертвыя тѣла, покачалъ головой, почесался, зѣвнулъ и завозился рядомъ съ ними.

Иванъ Ивановичъ, разбуженный шумомъ, брезгливо посмотрѣлъ и выругался.

VIII.

Мастера уважали Семена Петровича, и къ тому у нихъ было много причинъ.

Прежде всего, Семенъ Петровичъ обладалъ хорошей головой; хорошія головы вездѣ въ цѣнѣ, а тѣмъ болѣе въ средѣ ремесленниковъ, гдѣ онѣ встрѣчаются такъ рѣдко. Онъ умѣло управлялъ дѣлами, до тонкости зналъ всякій разсчетъ, обладалъ необычайной памятью, отъ которой не ускользали никакіе промахи, имѣлъ про-

ницательный взглядъ, хорошо зналъ каждаго мастера и точно читалъ ихъ мысли, или, говоря словами Семена Петровича, видѣлъ подъ каждымъ изъ нихъ цѣлыхъ три аршина. Онъ говорилъ вѣско, рѣшительно, не допуская сомнѣній и умѣлъ обращаться съ словомъ. Иной разъ скажетъ какъ будто такъ себѣ, отъ простоты бросилъ словечко, безъ гнѣва и спокойно, а мастеръ готовъ провалиться отъ стыда и съ большимъ бы удовольствіемъ вынесъ бы грубое, рѣзкое замѣчаніе. Захочетъ хозяинъ кого-нибудь одобрить, и для этого у него есть свои слова, которыя вызываютъ въ мастерѣ подъемъ духа, заставляютъ вырастать въ собственномъ мнѣніи.

Семенъ Петровичъ былъ прекрасный мастеръ и развѣ одинъ Митричъ могъ бы потягаться съ нимъ въ искусствѣ: никто не съумѣетъ такъ выкроить сапогъ, такъ аккуратно его сдѣлать. Иной и сдѣлаетъ, посмотришь, все въ немъ хорошо и даже фасонъ есть, а начнетъ заказчикъ мѣрять и пошли жалобы: и тутъ-то ему жметъ, и тутъ-то стягиваетъ, а тамъ вонъ получилась складка, и сидитъ онъ некрасиво. Мастеръ смотритъ, разувѣряетъ заказчика, а самъ глазами хлопаетъ: что-то не такъ, чего-то не хватаетъ, что-то сдѣлать надо. А что и какъ, своимъ умомъ не дойдетъ. Съ Семеномъ Петровичемъ этого никогда не случалось. Его сапогъ точно вылитъ на ногѣ, и заказчикъ только похваливаетъ, другой и хотѣлъ бы по привычкѣ придраться, да не къ чему. Семенъ Петровичъ и вкусъ угадаетъ: кому носокъ сдѣлать пошире, кому поуже, кому каблукъ съ фасончикомъ, кому подъемъ повыше—все это сообразитъ и сдѣлаетъ именно такъ, какъ нравится заказчику. Бывали и капризные заказчики, въ особенности изъ дамъ, на которыхъ никакъ не угодишь, которыя и сами не знаютъ, чего имъ надо. Съ ними Семенъ Петровичъ поступалъ строго.

— Не нравится? Пусть у меня остается, закажите въ другомъ мѣстѣ.

И кончено. Изящные башмачки на виду заказчицы запираются въ шкафъ, и ничто не можетъ Семена Петровича заставить ихъ вынуть оттуда. Покипятится, покипятится заказчица, да такъ ни съ чѣмъ и уйдетъ, развѣ только дверью въ сердцахъ хлопнетъ. Семенъ Петровичъ всю трескотню ея внимательно и хладнокровно выслушаетъ, а уйдетъ она, улыбнется и хитро посмотритъ на мастеровъ.

— Бабья нація, любитъ языкомъ чесать. Поди теперь, попрыгай.

Скажетъ и спокойно примется за работу.

И гордъ былъ Семенъ Петровичъ. Никому не спуститъ, будь это хоть самъ полицеймейстеръ, а этихъ частныхъ квартташекъ

прямо ни во что не ставилъ, да еще посмѣивался надъ ними, когда съ заказомъ придутъ. «Знаю я, молъ, чѣмъ пахнутъ ваши заказы», говоритъ его улыбка, а коробитъ отъ нея высокую въ ремесленномъ міру особу. Ну, и они ему платили тѣмъ же, и хотя все у него было въ аккуратѣ, а нѣтъ, нѣтъ, да и получитъ повѣстку отъ судьи. Не любилъ онъ по судамъ таскаться, да настойчивъ былъ: не хотѣлъ уступить... Самостоятельный человѣкъ былъ Семенъ Петровичъ.

Семенъ Петровичъ терпѣть не могъ сутяжничества. У другого хозяина постоянно дрязги съ мастерами. То и дѣло жалуются другъ на друга въ управу, а то и судьѣ, и выходитъ одна проволочка, пустая трата времени, невыгодная ни хозяину, ни мастеру. Семенъ Петровичъ этого не любитъ и справляется по своему, по домашнему. Не беретъ слово—прикрикнетъ, не помогло—дастъ встряску, повторитъ въ крайнемъ случаѣ, а когда и это не беретъ, выкидываетъ паспортъ, не погонится за тѣмъ, что мастеръ долженъ ему какой-нибудь рубль, два. Только ужъ завзятый какой-нибудь забулдыга, который норовитъ поболтаться по всѣмъ мастерскимъ да сбѣжать въ другой городъ, допуститъ до этого, а то кому же охота такъ получить паспортъ отъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго въ ремесленномъ міру хозяина,—одного сраму не оберешься, послѣдній мальчишка засмѣетъ тебя.

Противъ семейнаго способа расправы протестовъ не было: смотрѣли на это, какъ на нѣчто обыкновенное и даже должное, на то, молъ, онъ и хозяинъ, чтобы въ страхѣ держать. Къ тому же, поди-ка, справься съ нимъ, силища-то какая. И эта сила была также однимъ изъ предметовъ особой гордости мастеровъ.

За все время, какъ хозяйствуетъ Семенъ Петровичъ, только разъ случилась съ нимъ непріятная исторія. Поступилъ къ нему какой-то солдатъ и на другой же день сталъ держать себя не въ мѣру вольно. Смѣхъ и угрозы товарищей, что хозяинъ этого не любитъ и покажетъ Кузькину мать, только подзадоривали его, и онъ сталъ грубить хозяину. Семенъ Петровичъ осадилъ разъ, другой, прикрикнулъ—ничего: хозяинъ слово, мастеръ въ отвѣтъ десять, хозяинъ крикнетъ, а тотъ еще громче. Не вытерпѣлъ Семенъ Петровичъ, подошелъ къ мастеру, какъ всегда, молча, покойно и величаво, съ сознаніемъ своего права и силы, сграбасталъ его, занесъ уже кулакъ, чтобы дать въ шею—излюбленное мѣсто для хозяйскаго кулака, и вдругъ почувствовалъ, что происходитъ нѣчто совершенно неожиданное. Этотъ невидный человѣкъ ощетинился и не поддается хозяину. Мало того, Семенъ Петровичъ странно какъ-то очутился въ его лапахъ, которыя собирались продѣлать съ нимъ ту же процедуру, какую слѣдовало по плану продѣлать хозяину надъ мастеромъ.

Тутъ вступились мастера. Митричъ первый ринулся съ мѣста на выручку хозяина, а тамъ подбѣжалъ Иванъ Ивановичъ и другіе, и хозяинъ былъ спасенъ. Всѣ ждали только слова. Митричъ мирный человѣкъ, но тутъ сжималъ кулаки, готовый, по первому призыву кинуться на этого дерзкаго чужеземца, который осмѣлился поднять руку на хозяина, да на какого еще хозяина. Остальные были въ такомъ же настроеніи. Мигни хозяинъ—и солдату, пожалуй, не сдобровать бы, мастера съ удовольствіемъ поучили бы выскочку, нарушителя ихъ порядковъ, но Семенъ Петровичъ молчалъ и не проявлялъ ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва. Онъ потеръ себѣ плечо, усмѣхнулся, подошелъ къ солдату, помялъ мускулы его руки и одобрительно замѣтилъ:

— Какой ты здоровый. Молодецъ. По виду и не похоже, а силища какая.

Семенъ Петровичъ добродушно посмѣивался, посматривая на солдата съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Ему пришло даже желаніе попробовать силу, сразиться съ нимъ по всѣмъ правиламъ искусства и посмотрѣть кто кого одолѣетъ, но онъ вспомнилъ и свои годы и свое положеніе. Главное — онъ хозяинъ. Тогда выраженіе его лица сразу измѣнилось и приняло тотъ оттѣнокъ сосредоточенности, по которому легко отличить настоящаго хозяина.

— Ну, солдатъ, намъ съ тобой разойтись надо. Вишь ты какой сильный, съ тобой сладу нѣтъ. Это ужъ не порядокъ самъ знаешь.

Семенъ Петровичъ вынесъ паспортъ. Солдатъ молча взялъ его и дружелюбно разстался съ хозяиномъ, понимая, что тотъ былъ правъ и что оставаться въ мастерской ему теперь. нельзя. Семенъ Петровичъ все-таки не утерпѣлъ, и на прощаніе они долго жали другъ другу руку, пробуя силу.

Митричъ долго волновался въ этотъ день.

— А? Какого мастерка Богъ послалъ?— безпрестанно говорилъ онъ то тому, то другому.—Ославили было совсѣмъ мастерскую... Мастеръ и на хозяина. Срамъ, срамъ... А надо было его поучить. Я бы ему тоже отъ сердца этакъ бы въ морду, въ морду-то поганую. Слухъ теперь пойдетъ.

Онъ никакъ не могъ простить солдату его дерзость...

Много было хорошихъ качествъ въ Семенѣ Петровичѣ, и славу лучшаго хозяина онъ заслужилъ не даромъ.

Когда мастера изъ разныхъ мастерскихъ сходились въ трактирахъ и послѣ хорошей попойки пьяными голосами наводили критику на хозяевъ, Семенъ Петровичъ оставался въ сторонѣ. Въ этомъ случаѣ всѣхъ охватывало умилительное единодушіе. Какъ-то языкъ не поворачивался противъ него и только не свои, пришлые изъ разныхъ мѣстъ еще пробовали наводить ‚туману,

но и то съ рискомъ быть поколоченными разошедшимися мастерами.

Хозяева другихъ мастерскихъ, всѣ знали Семена Петровича въ лицо, при встрѣчахъ на улицахъ почтительно съ нимъ раскланивались и считали за честь поздороваться съ нимъ за руку. Въ своемъ кругу они отзывались о немъ съ нѣкотораго рода подобострастіемъ и скрытой завистью. О какой бы то ни было конкуренціи не могло быть и рѣчи. Немногіе имѣли еще скромныя мастерскія человѣка въ четыре, въ пять, большинство же ограничивалось однимъ подмастерьемъ, въ лучшихъ случаяхъ имѣли двухъ трехъ мальчиковъ. Съ такими ли силами бороться противъ Семена Петровича? Къ тому же всѣ они не чувствовали себя крѣпкими въ своемъ положеніи и всегда были готовы къ тому, что счастье повернется къ нимъ спиною. Жизнь давала имъ постоянные примѣры превратности судьбы. Сегодня хозяинъ, завтра, глядишь, надо идти въ люди, а его мѣсто займетъ другой, которому счастье улыбнулось. Эти смѣны происходили постоянно и перестали даже удивлять и вызывать толки. И вотъ среди этихъ-то смѣнъ, какъ богатырь, стоитъ Семенъ Петровичъ, который двадцать лѣтъ сидитъ на одномъ мѣстѣ, и только посматриваетъ, какъ около него рушатся и возникаютъ новыя хозяйства. Человѣкъ, съумѣвшій такъ крѣпко встать и вынести всякія случайности, невольно приковывалъ къ себѣ и вниманіе и симпатіи мелкихъ людей.

Былъ ли то плодъ долгихъ размышленій или такъ ужъ сложились обстоятельства, только Семенъ Петровичъ усвоилъ себѣ особый взглядъ на свою персону, какъ на таковую, которая должна подать примѣръ хозяйскаго домостроительства. Онъ долженъ вести дѣло строго, равномѣрно, быть примѣрнымъ мастеромъ, разсчетливымъ хозяиномъ, и въ то же время отечески заботиться о мастерахъ, чтобы они были сыты, одѣты, чтобы не предавались излишествамъ и не забывали своихъ семей, чтобы они въ совершенствѣ постигли сапожную науку и всегда, если выпадетъ случай, могли задѣлаться хозяевами-мастерами. Въ своихъ заботахъ о мастерахъ Семенъ Петровичъ руководился разумомъ и совѣстью. Высшимъ судьей между мастеромъ и имъ могъ быть только одинъ Богъ которому, по глубокому убѣжденію Семена Петровича, онъ отвѣтитъ за каждаго, кто работалъ въ его мастерской. Большинство мастеровъ были его собственные выученики, и это много способствовало патріархальности отношеній. Они съ малыхъ лѣтъ привыкли бояться и слушаться хозяина. Онъ за долгіе годы привыкъ считать ихъ чуть не членами собственной семьи. Методъ обученія былъ весьма простъ—тасканье за уши, за волосы, вытягиванье ремьнемъ, тукманки—однимъ сло-

вомъ что-нибудь такое, что бы давало себя чувствовать и ясно указывало на строгость Семена Петровича. И все это продѣлывалось не то, что сгоряча, невольно напротивъ, ему самому иногда казалось возможнымъ обойтись безъ возмездія, какъ будто даже жаль было мальчишекъ, но именно тогда-то онъ и наказывалъ жестче. Такъ нужно. Только строгостью и можно добиться хорошихъ результатовъ, а всякія поблажки балуютъ человѣка и, стало быть, налагаютъ на душу Семена Петровича лишній камень, называемый грѣхомъ. Семенъ Петровичъ при наказаніяхъ всегда слѣдилъ за собой, чтобы не ударить слишкомъ сильно, если же нечаянно причинялъ большую боль, то разстраивался и даже вздохнетъ иной разъ, Аграфена же Никитична должна была искупать грѣхъ мужа и побаловать мальчишку чѣмъ-нибудь сладенькимъ.

Выучка продолжалась долго, цѣлыхъ шесть лѣтъ. Первый годъ мальчикъ служилъ на посылкахъ, помогалъ на кухнѣ и приглядывался къ работамъ. Ему дозволялись даже нѣкоторыя отступленія отъ дисциплины, и хозяинъ его не наказывалъ, развѣ за какую-нибудь уже отчаянную шалость. На второй годъ ему давали кое-что дѣлать, причемъ Семенъ Петровичъ самолично объяснялъ ему и принималъ отъ него работу, далѣе учили кройкѣ и разсчету матеріала. Послѣдніе два три года ученикъ работалъ какъ мастеръ, уступая настоящему мастеру лишь въ скорости. Въ это время Семенъ Петровичъ приступалъ къ обученію грамотѣ. Обучалъ онъ такъ, какъ самого его обучали, называя буквы по старинному—азъ, буки, и заставляя слагать слоги, потомъ уже слова. Обученіе шло туго, но Семенъ Петровичъ терпѣливо переносилъ скучную зубрежку и методично занимался каждый праздникъ до обѣда. Грамоту онъ цѣнилъ высоко и говаривалъ, что безъ грамоты и хорошій мастеръ идетъ за полъ-мастера. Ребята напротивъ. Работали они съ охотой, а похвала, до скупости, рѣдкая изъ устъ хозяина, удваивала ихъ энергію, но грамоту они терпѣть не могли и питали къ книгѣ неопреодолимую ненависть, росшую съ каждымъ урокомъ, хотя хозяинъ за грамоту не бранилъ и не наказывалъ за ошибки, поправляя ихъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Хозяинъ видѣлъ такое отношеніе дѣтей къ книгѣ, скорбѣлъ, но не находилъ способовъ сдѣлать грамоту интересной и успокаивалъ себя только тѣмъ, что ребяты глупы, а когда понадобится грамота, тогда вспомнятъ его и поблагодарятъ. Онъ точно закрывалъ глаза и не желалъ видѣть, что его грамота не нравилась никому, если не считать Ивана Ивановича, который свободно могъ читать и даже, хоть съ трудомъ, каракулями, но и писать.

Работа въ мастерской продолжалась долго: отъ солнца до

солнца, но работали спрохвала, не пороли горячки и не дергали нервовъ. Если Семенъ Петровичъ былъ въ благодушномъ настроеніи, а въ иномъ онъ бывалъ очень рѣдко,—въ мастерской работалось весело и шумно, слышались остроты, посмѣиванье а то и пѣсня, въ которой непремѣнно приметъ участіе и самъ хозяинъ. Все это нисколько не мѣшало работѣ; напротивъ, подъ тактъ пѣсни работалось хорошо и дружно, а разныя шутки веселили мастера, что опять-таки помогало работѣ. По крайней мѣрѣ, такъ думалъ Семенъ Петровичъ и поддерживалъ веселое настроеніе мастерской. Однако, если мастеръ увлекался и откладывалъ работу къ сторонѣ, Семенъ Петровичъ прикрикивалъ или, того хуже поднималъ его на смѣхъ. Въ тѣ рѣдкіе дни, когда Семенъ Петровичъ бывалъ не въ духѣ, въ мастерской становилось тоскливо: слышенъ стукъ молотка да своеобразный визгъ дратвы; мастера смотрятъ изъ подлобья въ ожиданіи чего-нибудь непріятнаго, почти не отходятъ отъ мѣста, а когда нужно взять у товарища инструментъ, спрашиваетъ въ полголоса, шепотомъ, а то и просто ограничивается мимикой; если непремѣнно нужно идти, то идетъ неувѣренной походкой, слѣдитъ за своимъ движеніемъ и косится на хозяина. Такой день всегда заканчивался облегченнымъ вздохомъ, когда мастера прямо послѣ ужина, даже не посидѣвъ и не побалагуривъ другъ съ другомъ, разбитые, истомленные разваливались въ мастерской. А Митричъ каждый разъ говорилъ одно и то же:

— Ну, слава Богу, Иванъ постный прошелъ.

И дѣйствительно, на другой день Семенъ Петровичъ былъ въ своемъ обычномъ настроеніи, а въ мастерской было даже какъ будто вольнѣе послѣ поста.

Въ длинномъ рабочемъ времени мастера не видѣли ничего предосудительнаго. Работать отъ зари до зари казалось вполнѣ естественнымъ, такъ какъ съ свободнымъ временемъ положительно не знали, что дѣлать. Такіе опытные люди, какъ Митричъ, увѣряли, что безъ работы мастеру остается одно—просиживать дни въ кабакѣ и пропивать все, что имѣешь на себѣ.

Семенъ Петровичъ относился снисходительно къ слабости мастеровъ и только сдерживалъ, чтобы въ своемъ стремленіи напиться, они не переходили мѣры. Самъ онъ водки не пилъ, за исключеніамъ какихъ-нибудь необычайныхъ обстоятельствъ, вродѣ именинъ, крестинъ и т. п., но и въ такихъ случаяхъ онъ пилъ немного, исключительно ради поддержанія компаніи.

Казалось, жизнь Семена Петровича устроилась вполнѣ благополучно. Ему было дано все, что краситъ ее: и матеріальная обезпеченность, и почетъ, и власть, и даже идея жизни, нѣчто такое, что освѣщало ее, давало ей смыслъ. Не разъ, въ тяжелыя

минуты раздумья, онъ утѣшалъ себя, что прожилъ честно и дѣльно, что послѣ него останется цѣлая школа учениковъ, хорошихъ мастеровъ съ его закваской, что онъ хозяйничалъ на совѣсть и давалъ хорошій примѣръ хорошаго хозяина. Вотъ онъ умретъ, кто будетъ продолжать его дѣло? Кому достанется мастерская? При одной мысли, что она разойдется по рукамъ или достанется какому-нибудь нехорошему человѣку, который или пропьетъ ее, или начнетъ хозяйствовать нечестно, гоняться за прибылью, ронять искусство, заводить машины, при одной такой мысли, Семенъ Петровичъ сразу опускался какъ-то, становился мрачнымъ, даже лишался сна. А деньги? Ради чего онъ ихъ копитъ? Для кого старается? Ему иной разъ приходила мысль при жизни продать мастерскую и жить на проценты, а лишнія деньги завѣщать на какое-нибудь богоугодное дѣло—на церковь, богадѣльню. Но привычка брала свое. Немыслимо было представить, какъ онъ будетъ жить безъ мастерской, безъ работы, не имѣя заботъ, не слыша мастеровъ, стука молотковъ, гармоничныхъ звуковъ работы. Аграфена Никитична все чаще и чаще настаивала, чтобы взять пріемыша. Мысль была хорошая и Семенъ Петровичъ останавливался на ней. Но кого взять? Если взять малыша, а вдругъ Семенъ Петровичъ умретъ, умретъ раньше, чѣмъ онъ подрастетъ и будетъ въ состояніи наслѣдовать ему? Года его большіе, приливы къ головѣ дѣлаются все чаще и чаще—долго ли до грѣха? Что тогда будетъ? Да и какъ найти подходящаго мальчика? Какъ быть увѣреннымъ, что изъ него выйдетъ именно то, что нужно Семену Петровичу? И онъ медлилъ. Иногда ему приходило въ голову, что можно было бы завѣщать все кому-нибудь изъ мастеровъ,—и доброе дѣло сдѣлать, осчастливить человѣка, да и самому быть покойнымъ, что мастерская и послѣ его смерти будетъ работать также, сохранитъ тѣ же порядки, какіе онъ завелъ. Но гдѣ такой мастеръ, которому можно было бы довѣрить? Мысль останавливалась на Митричѣ. Честный мужикъ и работаетъ хорошо, и есть въ немъ этакая жилка, гордость ремесленника. Но онъ плохой хозяинъ, совсѣмъ даже не годится. Онъ не сумѣетъ справиться съ людьми, распуститъ всѣхъ и погубитъ дѣло по своей слабости. Иванъ Ивановичъ? Это—хозяинъ, лучшаго и ожидать трудно, дѣло можетъ повести форменно и мастеровъ приберетъ къ рукамъ. Но онъ души не имѣетъ, у него одно въ головѣ—нажива. Падаетъ ремесло, скверно работаютъ, мастера пьянствуютъ,—ему это безразлично, лишь бы сбыть работу. И онъ не годится. Нѣтъ, совсѣмъ не годится. Прямо грѣхомъ было бы отдать ему такую мастерскую... Остальные? Да кто же? Ихъ и не видно. Такъ себѣ мастера и мастера, и ни за одного нельзя поручиться, что у

него выйдетъ, когда станетъ хозяиномъ, вѣрнѣе—ничего, такъ, спуститъ хозяйство, и дѣлу конецъ.

Съ Аграфеной Никитичной Семенъ Петровичъ не дѣлился своими мыслями. Что она понимаетъ въ этомъ дѣлѣ? Бабьяго ли оно ума? Притомъ стоитъ только заикнуться, какъ она вспомнитъ своего Гаврюшу, который умеръ на третьемъ годикѣ, заплачетъ, запричитаетъ и только разстроитъ Семена Петровича. Но съ своимъ пріятелемъ, о. діакономъ, онъ разъ побесѣдовалъ, излилъ свою душу и надѣялся отъ него получить разрѣшеніе своихъ сомнѣній. О. діаконъ человѣкъ ученый, къ тому же стоитъ при престолѣ Божіемъ и хоть не то, что священникъ, а все же на немъ благодать есть. Умомъ не возьметъ, такъ можетъ по наитію свыше дастъ добрый совѣтъ. О. дьяконъ внимательно выслушалъ, пособолѣзновалъ, похвалилъ доброе намѣреніе,—тѣмъ дѣло и кончилось. Правда, онъ говорилъ еще что-то отъ священнаго писанія, приводилъ какіе-то примѣры, какіе-то тексты какого-то апостола, но все это было слишкомъ по наитію и нисколько не могло удовлетворить Семена Петровича.

Ему приходилось самому разрѣшать свои сомнѣнія, а время все шло и шло и не несло съ собой ничего успокоительнаго. Въ концѣ концовъ Семенъ Петровичъ сталъ надѣяться на какой-нибудь необычайный случай.

В. Васильевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вопросъ о происхожденіи половъ.

Всему читающему міру извѣстно, какъ много шуму надѣлала нѣсколько лѣтъ тому назадъ пресловутая теорія Шенка. Этотъ вѣнскій эмбріологъ утверждалъ, что ему удалось открыть законъ, регулирующій происхожденіе мужского и женскаго пола, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способъ вліять на женщину такъ, чтобъ она произвела, по желанію, дѣвочку или мальчика. Какъ практическій, такъ и теоретическій интересъ, вызванный этимъ сенсаціоннымъ заявленіемъ, вполнѣ понятенъ. Отъ «теоріи» Шенка въ настоящее время (черезъ какія-нибудь шесть лѣтъ!) не осталось ничего, но самый вопросъ о происхожденіи половъ въ новѣйшее время привлекъ къ себѣ особое вниманіе ученыхъ и научная литература обогатилась нѣсколькими новыми и весьма интересными работами по этому вопросу *).

Уже въ глубокой древности высказывались разныя теоріи о происхожденіи половъ и о томъ, какъ нужно поступать, чтобы получить потомство того или другого пола. Такъ, напримѣръ, утверждали (Анаксагоръ, Парменидъ), что правый яичникъ и правая сѣменная железа человѣка производятъ мальчиковъ, а половыя железы лѣвой стороны— дѣвочекъ. Ученики Гиппократа увѣряли, что при производствѣ мужского пола имѣетъ значеніе крѣпкое стягиваніе правой сѣменной железы, что женскій полъ происходитъ при зачатіи во время менструаціи, а мужской — при зачатіи вскорѣ послѣ прекращенія менструаціи и проч. Нечего и говорить, что всѣ эти мнѣнія и рецепты были совершенно произвольны и не имѣютъ ровно никакого научнаго значенія.

*) Главныя и новѣйшія изъ этихъ работъ слѣдующія: *Cuénot*. „Sur la determination du sexe chez les animaux" (Bulletin scientifique de la France et de la Belgique, т. 32, 1899); *Lenhossék*. „Das Problem der geschlechtsbestemmenden Ursachen". Iena, 1903; *Beard*. The determination of sex in animal development. (Zoologische Iahrbücher, Abtheil. für Anatomie und Ontogenie der Thiere, Bd. 16, 1902); *O. Schultze*. „Zur Frage von den geschlechtsbilden den Ursa hen" (Archiv für mikroskopische Anatomie, Bd. 63, 1904). Изъ болѣе старыхъ сочиненій по этому вопросу укажемъ на книгу *Düsing*. Die Regulierung des Geschlechtsverhältnisses bei der Vermehrung der Menschen, Thiere und Pflanzen", Iena 1884, гдѣ собрана обширная статистика и литература.

Научное изслѣдованіе вопроса о причинахъ, обусловливающихъ возникновеніе мужского или женскаго пола, началось только въ XIX столѣтіи, причемъ долгое время главную, почти исключительную роль играли здѣсь данныя статистики. Прежде всего былъ установленъ фактъ, что численное отношеніе половъ у каждаго даннаго вида животныхъ и раздѣльнополыхъ растеній, а также число мужскихъ и женскихъ рожденій у людей, болѣе или менѣе постоянно; такъ, напр., извѣстно, что на 100 самокъ домашнихъ *свиней* рождается 105—111 самцовъ, у *лошадей* число самцовъ на 100 самокъ равняется 89—101, у *быковъ*—104—107, у *барановъ* — 97 — 115, у *крысы-пасюка* 105, у *индюшекъ*—102, у *куръ*—94—101, у *мухъ*—96, у двудомнаго растенія *пролѣски* (*Mercurіadis annua*) на 100 женскихъ цвѣтовъ 105—106 мужскихъ, у *человѣка* (въ Европѣ) на 100 дѣвочекъ—104—106 мальчиковъ. Обыкновенно преобладаетъ число самцовъ, рѣже число самокъ (напр. у *лягушекъ*). Замѣчено было также, что отношеніе это можетъ сильно варіировать по мѣстностямъ; напр., что касается *человѣка*, то, по словамъ Геккеля, у сингалезовъ (на Цейлонѣ) на 100 дѣвочекъ родится до 125 мальчиковъ.

Имѣя въ виду эти отношенія, спеціалисты по разнымъ отраслямъ теоретической и прикладной біологіи стали доискиваться, чѣмъ эти отношенія опредѣляются и что заставляетъ ихъ иногда измѣняться; появился цѣлый рядъ теорій, преимущественно нѣмецкаго происхожденія. Особенно заинтересовались этимъ вопросомъ скотоводы, такъ какъ, разумѣется, нерѣдко бываетъ весьма важно имѣть въ рукахъ средство получить отъ домашнихъ животныхъ, по желанію, потомство опредѣленнаго пола; равнымъ образомъ весьма интересовались этимъ дѣломъ гинекологи и акушеры. Такъ Альфельдъ, Гофакеръ, Сэдлеръ (Sadler) и другіе полагали, что для произведенія того или друго пола имѣетъ большое значеніе относительный возрастъ родителей: по Альфельду мальчиковъ рождается тѣмъ больше, чѣмъ старше становится мать; по Гофакеру и Сэдлеру индивидовъ мужского пола рождается тѣмъ больше, чѣмъ старше отецъ въ сравненіи съ матерью. Въ пользу этихъ заключеній приводились болѣе или менѣе обширныя статистическія данныя. Тюри видоизмѣнилъ эту теорію, обративъ вниманіе не на возрастъ копулирующихъ индивидовъ, а на относительный возрастъ или, такъ сказать, относительную свѣжесть ихъ половыхъ продуктовъ,—живчиковъ и яицъ. По его мнѣнію, если оплодотвореніе происходитъ въ началѣ течки или менструаціи, т.-е. половыя клѣтки (главнымъ образомъ женскія) свѣжи, молоды, — то въ потомствѣ преобладаетъ женскій полъ; если же оплодотвореніе происходитъ въ концѣ течки, то рождаются преимущественно особи мужского пола. Выводы Тюри были основаны на очень незначительномъ матеріалѣ: онъ сдѣлалъ всего 29 опытовъ съ коровами. Опыты надъ другими объектами, произведенные для провѣрки этой сильно нашумѣвшей въ свое время

теоріи, привели къ очень противорѣчивымъ результатамъ и въ большинствѣ случаевъ не подтвердили ея. Сходная съ нею теорія, высказанная впервые французскимъ скотоводомъ Фикэ, состоитъ въ томъ, что придается особенное значеніе половому напряженію или истощенію одного изъ производителей; одинъ изъ рьяныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія, Дюзингъ, формулируетъ его такъ: «Чѣмъ сильнѣе недостатокъ въ индивидахъ одного какого-нибудь пола, чѣмъ больше, вслѣдствіе, этого, предъявляемыя къ нимъ требованія въ половомъ отношеніи, чѣмъ быстрѣе и моложе тратятся ихъ половые продукты,—тѣмъ болѣе склонны они производить индивидовъ своего пола». Приводя въ пользу этихъ выводовъ обширную статистику (по отношенію къ лошадямъ), Дюзингъ усматриваетъ въ способности организмовъ производить именно тотъ полъ, въ которомъ ощущается недостатокъ,—одно изъ проявленій естественнаго подбора; этимъ цѣлесообразнымъ приспособленіемъ объясняетъ онъ, напр., обильныя рожденія мальчиковъ послѣ большихъ войнъ и проч. Это воззрѣніе болѣе или менѣе родственно взгляду, высказанному Янке (Janke), что для полученія потомства мужского пола отецъ долженъ быть истощенъ, а мать упитана, и наоборотъ: здѣсь, слѣдовательно, особое значеніе придается относительному питанію производителей. Въ новѣйшее время нашъ русскій изслѣдователь Оршанскій пытался свести способность произведенія того или другого пола къ относительной силѣ наслѣдственности производителей. По его теоріи организмъ въ расцвѣтѣ силъ наклоненъ передавать потомству свой общій складъ и свой полъ; и который изъ производителей въ данный моментъ сильнѣе въ этомъ отношеніи, тотъ и передастъ свой полъ потомству. Такъ какъ женщина начинаетъ развиваться въ половомъ отношеніи ранѣе мужчины и нѣкоторое время имѣетъ надъ нимъ перевѣсъ въ этомъ смыслѣ, а затѣмъ быстрѣе его старѣетъ, то отсюда получаются различнѣйшія комбинаціи, съ перевѣсомъ то на мужскую, то на женскую сторону, даже въ предѣлахъ одного супружества.

Всѣ только что изложенныя теоріи происхожденія половъ опираются главнымъ образомъ,—почти исключительно,—на статистическія данныя и лишь въ весьма малой степени на результаты опыта. Но по отношенію къ сложнымъ вопросамъ, въ особенности къ вопросамъ біологіи, данныя статистики всегда имѣютъ сомнительную цѣнность. Чтобы претендовать на какое-либо значеніе, статистическіе выводы должны здѣсь опираться на колоссальныя цифры, въ которыхъ могли бы стушеваться неизбѣжныя разнообразныя случайности, да и при этомъ условіи они могутъ быть приняты развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда будутъ подтверждены прямымъ опытомъ. Яркій примѣръ того, къ чему можетъ привести въ біологіи излишнее довѣріе къ статистикѣ, представляетъ недавняя работа софійскаго профессора П. Бахметьева (извѣстнаго физика, составившаго себѣ почетное имя въ біологіи

изслѣдованіями надъ температурою насѣкомыхъ). Въ этой работѣ, желая разрѣшить вопросъ о партеногенетическомъ развитіи пчелъ, авторъ сравниваетъ разныя варіаціи въ числѣ крючковъ на переднемъ краю заднихъ крыльевъ у трутней и рабочихъ пчелъ (всего взято только по 50 экземпляровъ тѣхъ и другихъ!) и приходитъ къ удивительному выводу, что у трутней правое крыло происходитъ дѣвственнымъ путемъ, а лѣвое—черезъ оплодотвореніе, у работницъ же—наоборотъ, и что, поэтому, рабочія и трутни развиваются черезъ какое-то «полу-оплодотвореніе». Надо сознаться, что такіе выводы никоимъ образомъ не располагаютъ въ пользу «введенія въ энтомологію статистическаго метода», о чемъ такъ хлопочетъ авторъ въ началѣ своей статьи. Впрочемъ, и сами статистики-спеціалисты все болѣе и болѣе признаютъ непригодность статистики для рѣшенія біологическихъ вопросовъ. Такъ, Штида «склоняется къ мысли, что статистикамъ придется предоставить эту область (т.-е. вопросъ о происхожденіи половъ) въ исключительное вѣдѣніе физіологовъ», а Карльбергъ прямо говоритъ о безрезультатности статистическихъ изслѣдованій въ этомъ вопросѣ.

Но если статистика въ данномъ случаѣ оказывается безпомощною, то посмотримъ, не сдѣлала ли чего-нибудь біологія съ ея методами наблюденія и опыта? Обзоръ біологической литературы показываетъ, что дѣйствительно біологіею накопленъ довольно богатый матеріалъ по этому вопросу, какъ въ области зоологіи, такъ и въ области ботаники.

Факты изъ этихъ обѣихъ областей совершенно для насъ равноцѣнны и никоимъ образомъ нельзя согласиться съ Кэно, который принципіально исключаетъ изъ области своего изслѣдованія ботаническіе факты, находя почему-то «невозможнымъ и безполезнымъ сравнивать раздѣленіе половъ у животныхъ и растеній». Напротивъ, все, что мы знаемъ о созрѣваніи половыхъ продуктовъ у животныхъ и растеній, убѣдительно доказываетъ намъ, что наиболѣе важные основные процессы размноженія совершенно однородны въ обоихъ царствахъ; и вполнѣ можно присоединиться къ словамъ Пфеффера, что «для физіологическаго изслѣдованія въ высшей степени важно одновременно обращать вниманіе какъ на животныхъ, такъ и на растенія».

Если начать нашъ обзоръ съ растеній, то умѣстно, какъ указываетъ О. Шульце, обратить вниманіе прежде всего на гермафродитныя и однодомныя формы, т.-е. на такія, у которыхъ и мужскіе и женскіе половые продукты развиваются на одномъ растеніи, хотя бы въ разныхъ мѣстахъ или въ разное время. Такія формы особенно удобны для постановки опытовъ надъ ними, такъ какъ сама природа раздѣлила въ нихъ половые продукты, не разобщивъ ихъ по отдѣльнымъ особямъ. Этому условію удовлетворяютъ, напримѣръ, *папоротники*. Они размножаются, какъ и другія споровыя растенія, посредствомъ споръ,

причемъ изъ споры не сразу развивается папоротникъ, а такъ называемый предростокъ, маленькая пластинка, на которой образуются (на разныхъ мѣстахъ) половые органы—антеридіи, выпускающіе изъ себя живчики, и архегоніи, образующіе яйца. Когда яйцо оплодотворится живчикомъ, то изъ него развивается папоротникъ, а предростокъ постепенно отмираетъ. Съ этими-то предростками весьма интересные опыты продѣланы были Прантлемъ. Онъ заставлялъ расти предростки нѣкоторыхъ папоротниковъ на питательныхъ растворахъ, богатыхъ азотистыми веществами или лишенныхъ этихъ послѣднихъ. Оказалось, что при отсутствіи азота развивались только одни антеридіи, архегоніевъ же не появлялось вовсе; но стоило только прибавить къ питательному раствору азотнокислаго аммiака, какъ начинали появляться и архегоніи; можно было даже довести до того, что антеридіи совсѣмъ исчезали и развивались только архегоніи. Къ подобнымъ же результатамъ вело очень густое высѣваніе споръ: и здѣсь вслѣдствіе голоданія развивались только мужскіе половые продукты; къ тѣмъ же выводамъ пришелъ и Клебсъ, показавъ, что при маломъ доступѣ свѣта развиваются только антеридіи. Сходные результаты были получены разными авторами и для другихъ споровыхъ растеній (*водорослей, хвощей*), такъ что въ общемъ для этихъ организмовъ можно вывести правило, что хорошее питаніе благопріятствуетъ производству женскихъ половыхъ продуктовъ, а при плохомъ питаніи развиваются только мужскіе. Но у нѣкоторыхъ *двудомныхъ споровыхъ растеній* не удалось констатировать никакого вліянія измѣненій въ питаніи на производство половыхъ продуктовъ: такъ, Ноллъ многолѣтними работами убѣдился, что у *Marchantia polymorpha* мужскія растеньица всегда производятъ только антеридіи, а женскія—только архегоніи. Ниже мы увидимъ, что этотъ отрицательный результатъ вполнѣ согласуется съ новѣйшими данными о развитіи половыхъ продуктовъ у высшихъ растеній и животныхъ. Переходя къ *цвѣтковымъ* растеніямъ и начиная съ *однодольныхъ*, мы можемъ указать на *кукурузу* (*маисъ*),—однодомное растеніе, у котораго мужскіе цвѣты сидятъ метелкою на вершинѣ стебля, а женскіе—ниже, въ пазухахъ верхнихъ листьевъ. Въ южной Германіи, гдѣ маисъ разводится, какъ кормовая трава, онъ сѣется очень густо и созрѣваютъ только мужскіе колоски, женскіе же остаются въ зачаточномъ состояніи; въ болѣе же южныхъ странахъ, гдѣ кукуруза воздѣлывается какъ хлѣбное растеніе, ради ея питательныхъ зеренъ, ее сѣютъ рѣже и получаютъ развитые «початки» съ женскими цвѣтами и сѣменами. И здѣсь, слѣдовательно, ухудшеніе питанія влечетъ за собою остановку въ развитіи женскихъ половыхъ продуктовъ. Если мы хотимъ знать, какъ относятся къ этимъ вліяніямъ *однодомныя двудольныя* растенія, то извѣстно, что у *арбуза* при плохомъ питаніи не развиваются женскіе цвѣты. Изъ гермафродитныхъ цвѣтковыхъ растеній у *мака*, по де-Фризу, при улучшенномъ питаніи

внутреннія тычинки превращаются въ плодники. Что же касается до *двудомныхъ цвѣтковыхъ* растеній (каковы, напр., *конопля, шпинатъ, пролѣска* и др.), то многочисленные опыты разныхъ ученыхъ привели къ общему выводу, что здѣсь никакъ не удается вліять на производство продуктовъ того или другого пола: растеніе, приносящее мужскіе цвѣты, только ихъ всегда и приноситъ при всякихъ условіяхъ; равнымъ образомъ женское растеніе ни при какихъ условіяхъ не начинаетъ приносить мужскихъ цвѣтовъ. Здѣсь, слѣдовательно, результатъ получился тотъ же, что и для двудомныхъ споровыхъ растеній (*Marchantia polymorpha*).

Въ области зоологіи также собранъ порядочный запасъ данныхъ по интересующему насъ вопросу, и данныя эти, въ общемъ, удивительно гармонируютъ съ тѣмъ, что добыто ботаниками. Имѣются наблюденія надъ *кишечнополостными* животными, нѣкоторыми *червями, членистоногими, позвоночными*, а также болѣе отрывочные факты изъ другихъ отдѣловъ животнаго царства. Изъ *кишечнополостныхъ* была изслѣдована *прѣсноводная гидра* (*Hydra*)—небольшой и весьма широко распространенный полипъ, на которомъ біологія сдѣлала много различныхъ открытій. Этотъ полипъ—гермафродитъ; мужскіе половые продукты образуются въ стѣнкахъ его тѣла ближе къ ротовому отверстію, а женскіе—ближе къ основному (слѣпому) концу полипа. По многолѣтнимъ наблюденіямъ и опытамъ М. Нуссбаума оказывается, что можно по желанію превратить этотъ полипъ временно въ раздѣльнополый: при ухудшеніи питанія (скудость пищи, обильное скопленіе полиповъ въ тѣсномъ водоемѣ), онъ начинаетъ производить только мужскіе половые продукты, а при улучшеніи питанія—только женскіе. Изъ *червей* интересныя данныя имѣются относительно *коловратокъ*, въ частности относительно одной изъ обыкновеннѣйшихъ прѣсноводныхъ формъ—*Hydatina senta*. Коловратки—эти микроскопически-малыя водныя существа—обладаютъ, какъ извѣстно, сильно развитою способностью къ дѣвственному размноженію (партеногенезу). У *Hydatina* бываетъ три сорта самокъ: однѣ, встрѣчающіяся лѣтомъ, кладутъ неоплодотворенныя яйца съ мягкою скорлупою, изъ которыхъ развиваются снова самки; другія, встрѣчающіяся также лѣтомъ, кладутъ также неоплодотворенныя яйца съ мягкою скорлупою (обыкновенно нѣсколько меньшей величины и съ меньшимъ количествомъ питательнаго желтка), изъ которыхъ развиваются самцы; третьи, наконецъ встрѣчаются осенью и кладутъ оплодотворенныя яйца съ твердою скорлупою (такъ называемыя зимнія яйца), изъ которыхъ развиваются самки. Оказывается, по наблюденіямъ Мопà (Maupas) и Нуссбаума, что для произведенія того или другого сорта лѣтнихъ самокъ, а слѣдовательно и для опредѣленія пола ихъ потомства, главное значеніе принадлежитъ количеству и свойству пищи, воспринятой самкою-родоначальницей до того момента, какъ созрѣетъ первое изъ откладываемыхъ ею яицъ: если она хорошо питалась въ это время, то изъ

ея яицъ разовьются только самки; если плохо—то самцы. При этомъ вліяніе голода должно наступить въ строго опредѣленный промежутокъ времени (по Мопà въ періодъ отъ 20 до 43 часовъ послѣ вылупленія испытываемой самки): если этотъ моментъ упущенъ, то уже никакое вмѣшательство не измѣнитъ хода развитія; яичникъ, разъ принявъ опредѣленное сложеніе, уже можетъ производить только яйца одного какого-нибудь пола. Мопà сперва думалъ, что полъ опредѣляется температурою (при высокой температурѣ развиваются «женскія», а при низкой—«мужскія» яйца), но Нуссбаумъ показалъ, что дѣло сводится исключительно къ питанію: если при высокой температурѣ коловратки такъ размножатся въ тѣсномъ водоемѣ, что пищи для нихъ станетъ въ немъ недостаточно, то изъ яицъ развивается лишь мужской полъ. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, является возможность по произволу предопредѣлить полъ потомства, ставя животное, въ опредѣленный моментъ его развитія, въ извѣстныя условія питанія. Опыты Нуссбаума были провѣрены Ленссеномъ и вполнѣ имъ подтверждены. Что касается «зимнихъ» яицъ, то извѣстно относительно *Hydatina*, что если самка черезъ короткое время послѣ появленія своего на свѣтъ оплодотворяется самцомъ, то она производитъ «зимнія» яйца, дающія, какъ мы знаемъ, начало самкамъ; Нуссбаумъ полагаетъ, что это относится только къ тѣмъ случаямъ, когда молодая самка оплодотворяется послѣ испытаннаго ею кратковременнаго голоданія, т.-е., что если бы она не была оплодотворена, то произвела бы яйца, изъ коихъ развились бы самцы; такимъ образомъ оплодотвореніе какъ бы измѣняетъ здѣсь природный полъ яйца. Аналогичное явленіе мы встрѣтимъ при разсмотрѣніи размноженія *пчелъ* и позднѣе увидимъ, какъ смотрятъ на это выдающіеся біологи въ новѣйшее время; здѣсь же отмѣтимъ только, что у другихъ коловратокъ (*Asplanchna*) находили въ ихъ половыхъ путяхъ одновременно «зимнія» яйца и яйца, ведущія къ появленію самцовъ.

Только что изложенные факты исторіи развитія нѣкоторыхъ полиповъ и коловратокъ полны, конечно, выдающагося біологическаго интереса; но что ихъ не слѣдуетъ чрезмѣрно обобщать, видно изъ наблюденій Мопà надъ гермафродитными *круглыми червями* (*Nematoda*), гдѣ измѣненіями условій питанія удается повліять только на количество развивающихся яицъ (при плохомъ питаніи ихъ развивается, конечно, меньше), но не удается превратить гермафродитовъ въ раздѣльнополыхъ червей.

Довольно большое число весьма интересныхъ данныхъ собрано относительно нѣкоторыхъ *членистоногихъ*. Такъ, изъ *ракообразныхъ* изслѣдованы *дафніи* или *водяныя блохи*. Эти мелкіе, большею частью прѣсноводные рачки также развиваются очень часто партеногенетически и такъ же, какъ коловратки, кладутъ лѣтнія и зимнія яйца. Французскій изслѣдователь де-Керервэ показалъ, что при условіяхъ обильнаго питанія дафніи долго размножаются дѣвственнымъ путемъ,

производя лѣтнія яйца съ тонкою скорлупою; если же заставить ихъ голодать, то въ нихъ развиваются зимнія яйца съ твердою скорлупою, требующія оплодотворенія, и одновременно нѣкоторыя изъ лѣтнихъ яицъ даютъ начало не самкамъ, а самцамъ. Такимъ образомъ, ухудшеніе питанія ведетъ здѣсь къ прекращенію партеногенеза и къ появленію самцовъ. Изъ *насѣкомыхъ* подобные же факты давно извѣстны у *тлей* (*Aphidae*): въ учебникахъ постоянно цитируются старинные опыты пастора Кибера, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ держалъ тлей на растеніяхъ въ теплой комнатѣ и онѣ размножались партеногенетически, производя все самокъ и самокъ; самцы и яйца, требующія оплодотворенія, и здѣсь могутъ быть вызваны къ появленію лишь ухудшеніемъ питанія. Особый интересъ представляютъ *пчелы* (*Apidae*) и *осы* (*Vespidae*), у которыхъ самцы (напр., трутни *домашней пчелы)* развиваются изъ неоплодотворенныхъ яицъ, т.-е. партеногенетически, а самки (напр., царица и рабочія *домашней пчелы)* могутъ развиться только изъ оплодотворенныхъ яицъ. Несмотря на возраженія, о которыхъ мы уже говорили въ нашей статьѣ о партеногенезѣ, фактъ этотъ можетъ считаться прочно установленнымъ. Господствующій въ настоящее время взглядъ таковъ, что одно и то же яйцо пчелиной матки можетъ дать начало и трутню, и рабочей или царицѣ, смотря по тому, будетъ ли оно оплодотворено или нѣтъ: если будетъ оплодотворено, то изъ него разовьется особь женскаго пола, если не будетъ,—то мужского. Такимъ образомъ принимается, что въ этомъ случаѣ опредѣляющимъ моментомъ для развитія пола служитъ оплодотвореніе, какъ въ другихъ случаяхъ, нами выше разсмотрѣнныхъ, такимъ моментомъ служило питаніе. Этого взгляда рѣшительно держится Вейсманъ, и еще недавно Буттель-Рэпенъ посвятилъ доказательству этого же взгляда цѣлую статью. Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Мы начали нашъ обзоръ зоологическаго матеріала съ гермафродитныхъ формъ, какъ *гидра*, которыя могутъ быть сравнены съ однодомными растеніями; затѣмъ мы перешли къ такимъ формамъ, у которыхъ яйца не всегда требуютъ оплодотворенія, а могутъ развиваться и партеногенетически. Но большинство животныхъ раздѣльнополы и развиваются только изъ оплодотворенныхъ яицъ. Спрашивается, можно ли указать, чѣмъ опредѣляется полъ у этихъ формъ, которыя можно сравнить съ двудомными растеніями?

Къ числу животныхъ съ такою полною раздѣльностью половъ и съ обязательнымъ оплодотвореніемъ яицъ принадлежитъ и большинство *насѣкомыхъ*. Не было недостатка въ попыткахъ указать для разныхъ видовъ этихъ существъ опредѣляющія полъ условія. Такъ, еще въ 1867 году Ландуа продѣлалъ опыты надъ кормленіемъ гусеницъ *бабочки-крапивницы* (*Vanessa urticae*), причемъ въ результатѣ обильнаго кормленія получались самки, а въ результатѣ скуднаго питанія—самцы. Подобные же результаты были получены Джентри (Gentry) и миссъ

Мэри Тритъ (Treat) въ 1873 году надъ другими видами бабочекъ. Съ другой стороны, не было недостатка и въ противоположныхъ утвержденіяхъ (Бессельсъ, Бриггсъ, Флетчеръ и др.), согласно которымъ степень питанія гусеницъ не имѣетъ никакого вліянія на полъ развивающихся изъ нихъ бабочекъ. Поэтому нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кэно нашелъ нужнымъ повторить эти опыты надъ насѣкомыми, хотя ему и была извѣстна прекрасная работа Бессельса, въ которой авторъ доказалъ, что полъ у *бабочекъ* обозначается уже въ зародышѣ, до вылупленія гусеницы изъ яйца; извѣстно было Кэно также, что подобные же факты были указаны разными авторами и для другихъ насѣкомыхъ. Въ результатѣ своихъ опытовъ надъ нѣсколькими видами *бабочекъ* (*Cossus ligniperda*, *Ocneria dispar*, *Bombyx rubi*) и *мухъ* (*Calliphora vomitoria*, *Lucilia caesar*, *Sarcophaga carnaria*, *Curtoneura pabulorum*) Кэно (Cuénot) пришелъ къ выводу, что ни обильное, ни скудное питаніе личинокъ не имѣютъ ровно никакого вліянія на полъ взрослыхъ насѣкомыхъ, какъ этого и слѣдовало ожидать. Ландуа, Тритъ и др., очевидно, ошибались и выводы ихъ были основаны на случайномъ подборѣ матеріала; разъ полъ уже опредѣленъ въ гусеницѣ, только что вылупившейся изъ яйца, то передѣлать самку въ самца или самца въ самку, очевидно, уже невозможно.

Къ числу животныхъ съ постоянной раздѣльностью половъ (за крайне рѣдкими исключеніями) и съ развитіемъ только изъ оплодотворенныхъ яицъ относятся и *позвоночныя*. Изъ нихъ относительно опредѣляющихъ полъ условій изслѣдованы, напр., нѣкоторыя *амфибіи*. Въ 1881 году Борнъ попробовалъ испытать на *лягушкахъ* вліяніе сильно разведеннаго водою мужского сѣмени и разныхъ условій питанія головастиковъ. Ленгоссэкъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время, конечно, никому не пришло бы въ голову приписывать какое-либо вліяніе разжиженію сѣмени, такъ какъ мы знаемъ, что яйцо для нормальнаго развитія можетъ воспринять только одинъ живчикъ, сколько бы живчиковъ вокругъ него ни находилось. Борнъ пришелъ, однако, къ выводу, что разведенное сѣмя и благопріятное питаніе благопріятствуютъ развитію женскаго пола; у него получился громадный процентъ (95%!) самокъ. Но въ скоромъ времени Пфлюгеръ (1882) показалъ, что выводы Борна были ошибочны и основывались на невѣрномъ опредѣленіи пола молодыхъ лягушекъ; ни разведеніе сѣмени, ни питаніе нисколько на полъ лягушекъ не вліяютъ и нормальнаго отношенія половъ не могутъ измѣнить. Къ тѣмъ же результатамъ пришелъ въ новѣйшее время и Кэно (1899).

Что касается высшихъ позвоночныхъ, въ частности *млекопитающихъ*, то къ нимъ относятся перечисленныя въ началѣ этой статьи теоріи и данныя Тюри, Янке и др. Чтобы про[illegible] всѣ эти показанія и утвержденія, О. Шульце предпринялъ въ послѣдніе годы цѣлый рядъ точныхъ, научно обставленныхъ опытовъ надъ *бѣлыми мышами*. Онъ заставлялъ плодиться мышей разныхъ относительныхъ

возрастовъ, въ разной степени полового истощенія, кормленныхъ различною пищей, находящихся въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ между собою,—словомъ, ставилъ ихъ во всевозможныя условія, требуемыя разными теоріями происхожденія половъ,—и получилъ только отрицательные результаты. Изъ цѣлаго ряда полученныхъ имъ таблицъ возможенъ только одинъ неумолимый выводъ: у бѣлыхъ мышей (и, вѣроятно, вообще *млекопитающихъ*) мы не можемъ искусственно повліять на образованіе пола; полъ у нихъ, очевидно, опредѣляется уже весьма рано, въ самыхъ раннихъ стадіяхъ развитія яйцевыхъ клѣтокъ или въ предшествующихъ клѣточныхъ поколѣніяхъ, такъ что всякое внѣшнее вмѣшательство приходитъ слишкомъ поздно.

Чтобы заключить нашъ краткій обзоръ экспериментальнаго матеріала по вопросу о происхожденіи половъ, скажемъ вкратцѣ также о теоріи Шенка и о тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыя она опирается. Шенкъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ женщинъ возможно бываетъ найти слѣды сахара въ мочѣ, у другихъ же этихъ слѣдовъ нѣтъ. Присутствіе сахара указываетъ на неполное сгараніе питательныхъ веществъ при процессѣ питанія тканей, и слѣдовательно, на сравнительно плохое питаніе; такія женщины, по его мнѣнію, склонны къ произведенію потомства женскаго пола. Правда, все, что мы знаемъ о вліяніи разныхъ причинъ на производство половъ у разныхъ животныхъ и растеній, говоритъ, какъ мы видѣли, наоборотъ, въ пользу того, что если питаніе имѣетъ здѣсь какое нибудь значеніе, то именно въ томъ смыслѣ, что улучшеніе, а не ухудшеніе питанія покровительствуетъ развитію женскаго пола. Но Шенкъ это игнорируетъ, примыкая, повидимому, къ мнѣнію Янке и другихъ, что хорошо упитанный организмъ склоненъ къ произведенію пола, противоположнаго своему, а плохо упитанный—къ произведенію своего собственнаго пола. Поэтому, если женщина хочетъ произвести на свѣтъ мальчика, то передъ зачатіемъ она должна (особенно если въ мочѣ у нея есть сахаръ) продѣлать извѣстную діэту, чтобы изъ мочи исчезли всѣ продукты неполнаго сгаранія, всѣ «возстонавляющія» вещества; ее кормятъ обильною бѣлковою пищею, всячески избѣгая углеводовъ. Въ доказательство правильности своихъ соображеній Шенкъ ссылается на нѣсколько случаевъ изъ его практики, подтвердившихъ только что изложенныя положенія. Но число этихъ «опытовъ» совершенно ничтожно, чтобы они могли доказать его теорію, которую Шенкъ вскорѣ и самъ видоизмѣнилъ, признавъ, что для произведенія мужского пола нужно ухудшеніе питанія матери, выражающееся въ распаденіи бѣлковъ и уменьшеніи вѣса тѣла. Поэтому-то ее и надо кормить передъ зачатіемъ (и почему-то еще и во время беременности) азотистою пищею. Эта поправка, конечно, не содѣйствовала успѣху теоріи Шенка, которая возбудила много вниманія въ публикѣ, но учеными никогда не признавалась и въ настоящее время можетъ считаться окончательно выброшенною за бортъ.

Что же, въ общемъ выводѣ, показываютъ намъ собранныя фактическія данныя? Возможно ли какое-либо искусственное вліяніе на полъ растеній, животныхъ или человѣка? Если имѣть въ виду только двудомныя растенія и раздѣльнополыхъ животныхъ, яйца которыхъ для своего развитія непремѣнно требуютъ оплодотворенія, то отвѣтъ получается вполнѣ отрицательный: здѣсь мы рѣшительно ничего не можемъ сдѣлать, чтобы содѣйствовать появленію того или другого пола. Если же мы оперируемъ съ гермафродитными растеніями или животными или съ такими формами, яйца которыхъ (хотя бы только для нѣкоторыхъ поколѣній ихъ жизненнаго цикла или для нѣкоторыхъ особей) могутъ развиваться партеногенетически,—то здѣсь иногда оказывается возможнымъ по произволу опредѣлить полъ потомства, причемъ выяснилось, что въ этихъ случаяхъ обыкновенно играютъ рѣшающую роль своевременно произведенныя измѣненія условій питанія: улучшеніе питанія ведетъ къ производству женскаго пола, а ухудшеніе—къ производству мужского пола. Почему же это такъ происходитъ и откуда такая разница между высшими раздѣльнополыми животными и растеніями съ одной стороны, гермафродитными и партеногенетическими формами—съ другой? Чтобы приблизиться къ рѣшенію этихъ вопросовъ, необходимо обратить вниманіе на половыя клѣтки, яйца и живчики, формы и развитіе которыхъ до послѣдняго времени совсѣмъ мало принимались въ соображеніе при обсужденіи занимающаго насъ вопроса. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ становится все яснѣе, что ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи половъ лежитъ именно въ изученіи половыхъ клѣтокъ: этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о партеногенезѣ, все болѣе и болѣе сводится на цитологическую почву.

Мы видѣли, что полъ потомства коловратки *Hydatina senta* возможно предопредѣлить только въ томъ случаѣ, если мы повліяемъ на самку-родоначальницу въ строго опредѣленный промежутокъ времени и непремѣнно въ молодости ея, въ періодъ отъ 20 до 43 часовъ послѣ вылупленія ея изъ яйца (а вся жизнь этой коловратки продолжается при + 18° C. около 13 сутокъ). Этотъ фактъ указываетъ на то, что лишь молодыя, еще не вполнѣ сложившіяся половыя клѣтки (яйца) способны поддаться вліянію пищи: какъ только онѣ окончательно сформировались,—никакое вліяніе уже не измѣнитъ ихъ природы. Слѣдовательно, здѣсь вся возможность нашего произвольнаго вліянія на полъ потомства основывается на томъ, что мы можемъ уловить моментъ, когда созрѣваютъ яйца; послѣ этого момента яйца уже являются безповоротно или «мужскими», (т.-е. производящими самцовъ), или «женскими» (способными производить только самокъ). Но и въ этомъ случаѣ возможны два предположенія: или раннія стадіи половыхъ клѣтокъ индифферентны, такъ что изъ одной и той же клѣтки при хорошемъ питаніи можетъ развиться женское яйцо, а при плохомъ—мужское; или же онѣ и въ этой ранней фазѣ своей жизни соб-

ственно уже предопредѣлены по отношенію къ полу и обильнымъ питаніемъ мы только подавляемъ дальнѣйшее развитіе мужскихъ яицъ, а плохимъ питаніемъ—развитіе женскихъ. Что же изъ двухъ? Нѣтъ ли еще какихъ-либо данныхъ, которыя показали бы намъ, насколько рано опредѣляется полъ яицъ, и не приведутъ ли насъ эти данныя еще къ какимъ-нибудь выводамъ?

Дѣйствительно, чѣмъ больше мы знакомимся съ ранними стадіями развитія животныхъ и съ формами половыхъ клѣтокъ, тѣмъ чаще приходится встрѣчаться съ весьма раннимъ опредѣленіемъ пола. Мы видѣли, что уже Бессельсъ доказалъ существованіе половыхъ различій въ зародышѣ бабочекъ еще до вылупленія гусеницы изъ яйца; это сводится къ тому, что уже яйца имѣютъ полъ. Есть показанія, что полъ этотъ иногда обозначается извнѣ самою формою и величиною яицъ; такъ Брокаделло находитъ, что въ одной и той же кладкѣ яицъ *тутоваго шелкопряда* (*Bombyx mori*) можно бываетъ различить мелкія и крупныя яйца; изъ первыхъ выходятъ самцы, изъ вторыхъ—самки. По Жозефу подобнымъ же образомъ можно различать полъ яицъ у *непарнаго шелкопряда* (*Ocneria dispar*). Но есть случаи, гдѣ различіе половъ выражается въ двоякой формѣ яицъ съ полною рѣзкостью и несомнѣнностью. Такъ у червя *Dinophilus apatris* яйца, дающія начало самцамъ, гораздо мельче яицъ, дающихъ начало самкамъ. То же наблюдается и у всѣмъ извѣстной *виноградной филлоксеры* (*Phylloxera vastatrix*). У одного вида тлей хвойныхъ деревьевъ, у *Chermes strobilobius*,—различіе половъ выражается не въ величинѣ, а въ цвѣтѣ яицъ: изъ зеленыхъ яицъ выходятъ самцы, а изъ красноватыхъ самки. Въ своей чрезвычайно интересной и талантливой статьѣ объ опредѣленіи пола англійскій эмбріологъ Джонъ Бирдъ (Beard) рѣшительно отстаиваетъ мысль, что вообще, по всему животному царству, полъ всегда предопредѣленъ уже въ яйцѣ и что у каждаго вида животныхъ яйца бываютъ двухъ сортовъ—мужскія и женскія, хотя бы по внѣшнему виду они и ничѣмъ не различались. Къ этому же мнѣнію склоняются и другіе авторитетные писатели, изслѣдовавшіе въ новѣйшее время этотъ вопросъ: Ленгоссэкъ и О. Шульце. Послѣдній прямо говоритъ, что зачатокъ опредѣленнаго пола такъ же заложенъ съ самаго начала въ яйцѣ, какъ и видовыя свойства; какъ изъ яйца аскариды развивается только аскарида, изъ яйца таракана—тараканъ, изъ яйца воробья—воробей, такъ же точно изъ мужского яйца развивается непремѣнно только самецъ, а изъ женскаго—только самка.

Но какъ согласовать съ этимъ тѣ случаи, когда, повидимому, полъ опредѣляется оплодотвореніемъ или неоплодотвореніемъ самки? Мы видѣли, что Нуссбаумъ допускаетъ это для зимнихъ яицъ у *Hydatina senta*; относительно же *трутней* у *пчелъ* рѣшительно господствуетъ широко распространенное мнѣніе, что они развиваются изъ неоплодотворенныхъ яицъ именно потому, что эти яйца не были оплодотворе-

ны: если же эти самыя яйца были бы оплодотворены, то изъ нихъ развились бы самки. Такова теорія Дзирзона, развитая Зибольдомъ и еще недавно категорически поддержанная Вейсманомъ и его учениками. Вполнѣ ли, однако, вѣрна эта теорія? Дикель и другіе пчеловоды въ новѣйшее время сильно оспаривали ее, но такъ какъ они исходили изъ ложныхъ представленій о вліяніи на яйца слюны пчелъ и т. п., то старанія ихъ успѣха не имѣли и Вейсману съ его школою не трудно было ихъ опровергнуть. Бирдъ (къ которому опять-таки и здѣсь примкнули Ленгоссэкъ и О. Шульце) подходитъ къ этому вопросу съ другой стороны. Нисколько не оспаривая, что трутни обыкновенно развиваются партеногенетически и что яйца, дающія имъ начало, не нуждаются въ оплодотвореніи, онъ утверждаетъ, однако, что суть дѣла тутъ не въ наличности или отсутствіи оплодотворенія, а въ существованіи и здѣсь, какъ вездѣ, «мужскихъ» и «женскихъ» яицъ, заранѣе предназначенныхъ къ развитію опредѣленнаго пола. Яйца, изъ которыхъ развиваются трутни, утратили только потребность въ оплодотвореніи: они обыкновенно не оплодотворяются,—можетъ быть, по малой величинѣ микропиле (отверстія въ скорлупѣ), черезъ которое не проходятъ живчики; но, по мнѣнію Бирда, иногда эти яйца все таки бываютъ оплодотворяемы (напр. особенно мелкими живчиками, такъ какъ размѣры живчиковъ не абсолютно одинаковы), и тогда все таки изъ нихъ развиваются самцы (трутни). Бирдъ указываетъ на то, что въ самой работѣ Петрункевича, въ общемъ подкрѣпляющей теорію Дзирзона, есть фактъ, подтверждающій возможность оплодотворенія трутневыхъ яицъ: изъ 272 яицъ, взятыхъ изъ трутневыхъ ячеекъ и изслѣдованныхъ Петрункевичемъ, одно оказалось оплодотвореннымъ. По теоріи Вейсмана, изъ этого яйца должна была бы развиться самка, а не трутень, но, по мнѣнію Бирда, для такого допущенія нѣтъ никакихъ основаній и ему противорѣчатъ опыты Дзирзона и другихъ пчеловодовъ надъ гибридизаціей пчелъ. Дзирзонъ случилъ пчелиную матку нѣмецкой породы съ трутнями итальянской пчелы, отличающейся золотисто-желтыми волосками. Образовавшаяся помѣсь представляла въ рабочихъ и маткахъ, развивающихся изъ оплодотворенныхъ яицъ и получающихъ, слѣдовательно, наслѣдственныя свойства и отъ отца, и отъ матери,—соединеніе признаковъ обоихъ породъ; трутни же, получающіе наслѣдственную субстанцію только отъ матери, должны были удержать исключительно материнскія свойства, т.-е. окраску нѣмецкой пчелы. Большинство ихъ и удержали эту окраску, но нѣсколько экземпляровъ трутней-ублюдковъ отличались яркимъ золотистымъ оттѣнкомъ. Это навело Дзирзона на сомнѣнія въ правильности его теоріи. Зибольдъ и другіе, желая поддержать теорію партеногенетическаго развитія трутней, старались ослабить значеніе только что изложеннаго факта, допуская, что, можетъ быть, въ данномъ опытѣ матка была не чистой «нѣмецкой» крови, а потому и могла передать нѣкоторымъ особямъ

своего мужского потомства чужія свойства. Конечно, такая вспомогательная гипотеза была придумана ad hoc и никакихъ серьезныхъ основаній не имѣла. Позднѣе не разъ высказывалась мысль, что яйца, дающія начало трутнямъ, могутъ быть оплодотворены; изъ русскихъ изслѣдователей она была высказана Тихомировымъ (1900 г.). Перецъ въ 1877 году произвелъ опыты скрещиванія черной французской пчелы съ золотисто-желтою итальянскою; оказалось, что изъ трутней, происшедшихъ отъ итальянскихъ матокъ, оплодотворенныхъ французскими трутнями, половина представляла смѣсь характеровъ обѣихъ расъ, что явно говоритъ въ пользу возможности развитія трутней изъ оплодотворенныхъ яицъ. Сансонъ, желая избѣжать признанія этой возможности, высказалъ гипотезу, что полученные трутни-гибриды представляютъ результатъ «атавизма»,—возвращенія къ типу предковъ, имѣвшихъ болѣе свѣтлую окраску. Произвольность этой гипотезы очевидна. Но «человѣческое воображеніе,—говоритъ Бирдъ,—не знаетъ границъ въ изобрѣтеніи несуществующихъ вещей; умъ нашъ сказывается чрезвычайно ограниченнымъ, когда предъ ними предстаютъ простые грубые факты природы: онъ никакъ не можетъ просто принять и понять ихъ. Между тѣмъ, одно изъ основныхъ правилъ научнаго мышленія гласитъ: «entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem», т.-е. никогда не слѣдуетъ увеличивать безъ необходимости числа допущеній. Вмѣсто того, чтобы стараться нагроможденіемъ дополнительныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, гипотезъ устранить факты, противорѣчащіе господствующему догмату, — не проще ли допустить, что и здѣсь, какъ въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ, отложенныя яйца сами по себѣ уже предопредѣлены по отношенія къ полу и что оплодотвореніе тутъ ничего не измѣняетъ? Такъ смотритъ на дѣло и О. Шульце, говоря: «Взвѣсимъ этотъ вопросъ хладнокровно: съ одной стороны, многочисленныя доказательства, что полъ уже предобразованъ въ яйцѣ, а съ другой—безсмысленное заключеніе, что живчикъ играетъ здѣсь какую-то роль!» Словомъ, приходится заключить, что живчикъ (а слѣдовательно и оплодотвореніе) не имѣетъ никакого вліянія на опредѣленіе пола. Что это дѣйствительно такъ, показываютъ явленія партеногенеза: у нѣкоторыхъ животныхъ и самцы, и самки развиваются изъ неоплодотворенныхъ яицъ.

Итакъ, теорія Дзирзона, вѣрная въ томъ смыслѣ, что яйца, дающія начало трутнямъ, обыкновенно развиваются безъ оплодотворенія и не нуждаются въ немъ, не должна быть толкуема такъ, что яйца эти и не могутъ быть оплодотворены и что именно оплодотвореніе опредѣляетъ женскій полъ пчелы, а неоплодотвореніе—мужской полъ.

Приведя рядъ неотразимыхъ доказательствъ въ пользу раздѣленія половъ уже на стадіи яйца и существованія «мужскихъ» и «женскихъ» яицъ, Бирдъ указываетъ, что подобное же раздѣленіе половъ существовало прежде, а во многихъ случаяхъ существуетъ и понынѣ—

также и для мужскихъ половыхъ клѣтокъ,—живчиковъ. Дѣло въ томъ что у нѣкоторыхъ животныхъ найдено двѣ формы живчиковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, повидимому, только одна имѣетъ функціональное значеніе, т.-е. служитъ для оплодотворенія. Такъ, давно уже было извѣстно, что у весьма обыкновенной живородящей улитки *лужанки* (*Paludina vivipara)*, кромѣ обыкновенныхъ нитевидныхъ живчиковъ, служащихъ для оплодотворенія яицъ, имѣются еще толстые, червеобразные живчики, которые, насколько извѣстно, въ оплодотвореніи не участвуютъ и значеніе которыхъ не выяснено. Давно извѣстны также двоякія формы живчиковъ у нѣкоторыхъ *коловратокъ* (*Notommata Sieboldi*) и *ракообразныхъ* (*Asellus aquaticus*). Въ новѣйшее время изученіе сперматогенеза у животныхъ сильно подвинулось впередъ и результатомъ этого было, между прочимъ, нахожденіе двоякихъ живчиковъ у цѣлаго ряда различныхъ видовъ въ очень многихъ классахъ животнаго царства: *у моллюсковъ*, *червей*, *членистоногихъ*, *амфибій*, *птицъ*, *млекопитающихъ*, включительно до *человѣка*, у котораго также, кромѣ обыкновенныхъ, весьма мелкихъ живчиковъ, попадаются иногда еще такъ называемые гигантскіе живчики. У нѣкоторыхъ *амфибій* (*жабы*, *лягушки*) въ сѣменникѣ или придаткѣ его, такъ называемомъ Биддеровомъ органѣ, находятся крупныя клѣтки, считаемыя обыкновенно за яйца, впрочемъ, не способныя къ развитію, такъ что у этихъ животныхъ допускается, такъ сказать, зачаточный гермафродитизмъ. Бирдъ утверждаетъ, однако, что эти предполагаемыя яйца—не яйца, а особыя сѣменныя клѣтки (сперматогоніи), которыя остановились въ развитіи, а если бы развились, то дали бы начало второй формѣ живчиковъ. Это объясненіе, весьма вѣроятное (такъ какъ гермафродитизмъ вообще чуждъ *позвоночнымъ* и присутствіе неспособныхъ къ развитію яицъ въ мужской половой железѣ совершенно непонятно), приложимо, конечно, и къ другимъ случаямъ, когда (какъ, напр., у *пауковъ-сѣнокосцевъ*) въ сѣменникѣ развиваются, кромѣ живчиковъ, и «яйца».

Итакъ, по Бирду, при началѣ раздѣленія половъ въ животномъ царствѣ было четыре рода половыхъ клѣтокъ или гаметъ: мужскія и женскія яйца, мужскіе и женскіе живчики. Но впослѣдствіи сохранилось только три рода функціонирующихъ гаметъ: два сорта яицъ и только одинъ сортъ живчиковъ; второй же сортъ живчиковъ или исчезъ, или сохранился въ рудиментарномъ и не функціонирующемъ состояніи. Можно спросить, почему же именно редуцировалась одна изъ формъ живчиковъ, а не яицъ? Очевидно, прежде всего, потому, что женская половая клѣтка есть единственно необходимая для развитія новаго организма и можетъ обходиться даже вовсе безъ участія живчика, какъ показываютъ многочисленные факты партеногенеза, причемъ изъ такихъ неоплодотворенныхъ яицъ въ однихъ случаяхъ развиваются самцы, а въ другихъ—самки. Что же касается роли жив-

чика, то она, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, двоякая: во-первыхъ живчикъ возбуждаетъ яйцо къ развитію, внося въ него центрозому *); во-вторыхъ, онъ прибавляетъ къ ядерному веществу женской клѣтки ядерное вещество мужской клѣтки и этимъ обусловливаетъ новую комбинацію материнскихъ и отцовскихъ наслѣдственныхъ свойствъ. Ни то, ни другое для развитія яйца не необходимо, какъ показываютъ тѣ же факты партеногенеза; и во всякомъ случаѣ для выполненія этихъ функцій достаточно одной формы живчика. Такимъ образомъ, вторая форма мужскихъ половыхъ клѣтокъ могла редуцироваться, какъ ставшая лишнею. Первоначальною формою полового размноженія была, безъ сомнѣнія, изогамія, т.-е. копуляція двухъ однородныхъ клѣтокъ, какъ это встрѣчается и теперь у многихъ одноклѣточныхъ организмовъ; результатомъ такой копуляціи является такъ называемая зигота, причемъ всѣ зиготы одинаковы и раздѣльности половъ еще нѣтъ. Даже если копулирующія клѣтки (гаметы) будутъ двухъ сортовъ, напр., малыя и большія, какъ это наблюдается у многихъ простѣйшихъ организмовъ, то и это еще не ведетъ необходимо къ раздѣльности половъ, такъ какъ зиготы опять будутъ всѣ одинаковыя. Для того, чтобы самыя зиготы, т.-е. тѣ клѣтки, изъ которыхъ возникаетъ новый организмъ, были неодинаковы, необходимо участіе, по крайней мѣрѣ, трехъ сортовъ гаметъ, напр., одного сорта мелкихъ гаметъ (живчиковъ) и двухъ сортовъ крупныхъ гаметъ (яицъ). Но фактъ рудиментарнаго существованія двухъ формъ живчиковъ заставляетъ предположить, что вначалѣ и мужскихъ гаметъ было два сорта; каждый сортъ мужскихъ половыхъ клѣтокъ копулировалъ съ соотвѣтствующимъ сортомъ женскихъ гаметъ и результатомъ было образованіе двухъ сортовъ зиготъ и развитіе изъ нихъ двухъ сортовъ организмовъ: самцовъ и самокъ. Впослѣдствіи, съ окончательнымъ раздѣленіемъ труда между половыми клѣтками, причемъ яйцо взяло на себя роль накопленія питательнаго матеріала, а живчикъ—выработку подвижности для активнаго отыскиванія женской гаметы, функціи живчиковъ все болѣе ограничивались и оказалось достаточнымъ существованіе только одной, обыкновенно нитевидной и весьма подвижной формы живчиковъ (возможно, что неподвижныя или малоподвижныя формы ихъ, встрѣчающіяся, напр., у *круглыхъ червей* и *ракообразныхъ*, соотвѣтствуютъ удержавшейся здѣсь другой формѣ мужскихъ гаметъ, тогда какъ нитевидная форма здѣсь исчезла).

Но, кромѣ раздѣльнополыхъ организмовъ, существуютъ и двуполые, гермафродитные, въ которыхъ развиваются какъ мужскія, такъ и женскія половыя клѣтки. Таково большинство цвѣтковыхъ растеній, таковы и многія животныя, какъ низшія, такъ и высоко-организованныя (напр., многіе *моллюски*). Спрашивается, какъ же слѣдуетъ смотрѣть на гер-

---

*) См. статью о партеногенезѣ въ № „Мірѣ Божьемъ“ 1905 г., январь.

мафродитизмъ и въ какомъ отношеніи находится онъ къ раздѣльности половъ?

Въ зоологіи до сихъ поръ широко распространенъ взглядъ, проповѣдуемый и во многихъ учебникахъ, что гермафродитизмъ представляетъ первичную форму полового устройства, изъ которой, черезъ подавленіе мужского или женскаго полового зачатка, произошла раздѣльность половъ у животныхъ. Особенно любятъ ссылаться при этомъ на исторію развитія половой системы у *млекопитающихъ*, въ частности у *человѣка*. Весьма распространено, напр., утвержденіе, что человѣческій зародышъ первоначально гермафродитенъ, что полъ его опредѣляется лишь на третьемъ мѣсяцѣ беременности и что слѣды первоначальнаго гермафродитизма удерживаются и въ зрѣломъ состояніи полового аппарата, причемъ въ мужскомъ аппаратѣ имѣются рудименты женскихъ частей (напр., такъ называемая «мужская матка»), а въ женскомъ—мужскихъ. Однако, еще въ 1885 году талантливый нѣмецкій зоологъ Фрицъ Мюллеръ доказалъ въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Kosmos», что гипотеза «первичности» гермафродитизма совершенно не выдерживаетъ критики и что, напротивъ, есть всѣ данныя считать раздѣльность половъ за первичное состояніе. Реферируя статью Ф. Мюллера и присоединяясь къ его мнѣнію *), пишущій эти строки, въ дополненіе къ доказательствамъ нѣмецкаго ученаго, указалъ на то, что и для *позвоночныхъ* нѣтъ никакого основанія принимать первичную гермафродитную закладку половой системы, что все общее для мужского и женскаго полового аппарата заимствовано, такъ сказать, со стороны, т.-е. отъ зародышеваго мочевого аппарата, вступающаго въ тѣсную связь съ половою системою. Почти тѣ же доводы приводитъ въ новѣйшее время г. Ленгоссэкъ, также признавая гермафродитное устройство за производное отъ раздѣльности половъ.

Того же мнѣнія держится и Бирдъ. По его представленію, гермафродитизмъ произошелъ изъ раздѣльнополаго состоянія, причемъ самцы исчезли (какъ исчезаютъ они и при укрѣпленіи партеногенетическаго способа размноженія) или сохранились въ рудиментарномъ состояніи (какъ «дополнительные самцы» *усоногихъ раковъ* и др., не имѣющіе функціональнаго значенія); самки же стали производить, кромѣ яицъ, и живчики, и именно такъ, что «женскія яйца» остались яйцами, а «мужскія» яйца (т.-е. служившія первоначально для развитія самцовъ) превратились въ сперматогоніи, дающія начало живчикамъ (въ случаѣ существованія дополнительныхъ самцовъ, конечно, надо допустить, что не всѣ «мужскія» яйца претерпѣли такое превращеніе). Поэтому гермафродиты могутъ развиться только изъ самокъ, но никакъ не изъ самцовъ. Такова гипотеза Бирда; вѣрна ли она, или нѣтъ, сказать трудно и мы разбирать этого не станемъ, такъ какъ для нашей темы

---

*) „Русское Богатство“ за 1886 годъ.

вопросъ о гермафродитизмѣ вообще имѣетъ сравнительно второстепенное значеніе.

Итакъ, что же мы получаемъ въ концѣ концовъ? Можемъ ли мы предопредѣлять полъ потомства, а если можемъ, то насколько, и почему въ однихъ случаяхъ это возможно, а въ другихъ невозможно? Бирдъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими безотрадными словами: «Какое-либо вліяніе на опредѣленіе пола находится совершенно внѣ предѣла человѣческой власти. Надѣяться, что мы когда-нибудь будемъ вліять на проявленія этого опредѣленія, такъ же напрасно и безполезно, какъ надѣяться, что человѣкъ когда-нибудь сможетъ вдохнуть жизнь въ неодушевленную матерію». На этотъ разъ, однако, англійскій ученый, повидимому, нѣсколько «хватилъ черезъ край». Разсказанные нами опыты Нуссбаума и Мопà надъ *гидрами* и *коловратками*, а также результаты, полученные ботаниками надъ нѣкоторыми однодомными растеніями, ясно показываютъ, что мы иногда можемъ обусловить преобладаніе или исключительное проявленіе (въ потомствѣ) извѣстнаго пола, измѣняя въ соотвѣтственный моментъ развитія условія питанія испытуемаго организма. Большею частью при этомъ мы, повидимому, просто подавляемъ развитіе нѣкоторыхъ половыхъ клѣтокъ и въ частности посредствомъ ухудшенія питанія—развитіе яицъ, что и понятно, такъ какъ яйца, всегда содержащія и требующія болѣе питательныхъ элементовъ, чѣмъ живчики, и иногда очень богатыя питательнымъ желткомъ, требуютъ, конечно, для своего развитія гораздо лучшаго питанія, чѣмъ бѣдные протоплазмою живчики. То же относится и къ развитію «мужскихъ» и «женскихъ» яицъ. Такимъ образомъ мы здѣсь, собственно, не измѣняемъ полового характера клѣтокъ, а только даемъ развиваться одному сорту ихъ, подавляя другой; эти факты могли бы быть еще согласованы съ заключительнымъ утвержденіемъ Бирда. Но есть факты, заставляющіе допускать, что въ нѣкоторыхъ,—можетъ быть, лишь рѣдкихъ,—случаяхъ подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній измѣняется и самая основная природа половыхъ клѣтокъ. Въ пользу этого говорятъ, напримѣръ, приведенные нами опыты де-Фриза надъ *макомъ*, у котораго, при улучшеніи питанія, нѣкоторыя тычинки (мужскіе органы) превращаются въ плодники (женскіе органы). Если вѣрна гипотеза Бирда о происхожденіи гермафродитизма, то и яйца могутъ превращаться въ живчики; такимъ образомъ, гипотеза эта также противорѣчитъ мысли о полной неизмѣняемости опредѣленія половъ.

Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ, напр. для всѣхъ двудомныхъ растеній и раздѣльнополыхъ высшихъ животныхъ, мы, дѣйствительно, повидимому, не можемъ вліять на опредѣленіе пола. Причина этого заключается, вѣроятно, именно въ самой высотѣ и сложности организаціи этихъ растеній и животныхъ, дающей имъ большую степень независимости отъ внѣшнихъ условій, и въ невозможно-

сти найти надлежащій моментъ въ развитіи ихъ, когда мы могли бы съ успѣхомъ повліять на половыя клѣтки, какъ это намъ удается по отношенію къ нѣкоторымъ низшимъ животнымъ и растеніямъ. Въ частности, напримѣръ, не предвидится возможности уловить такой моментъ у *млекопитающихъ* и у *человѣка*. По Вальдейеру въ яичникѣ у новорожденной дѣвочки уже имѣется около 100.000 яицъ, большая часть которыхъ, конечно, впослѣдствіи погибаетъ (при менструаціяхъ и проч.) и лишь весьма немногія окончательно созрѣваютъ и достигаютъ своего назначенія. Хотя вначалѣ яйца эти и не вполнѣ еще зрѣлы, но опыты, произведенные надъ *млекопитающими*, показываютъ, что, во всякомъ случаѣ, яйца новорожденной самки уже не поддаются внѣшнимъ вліяніямъ: моментъ для воздѣйствія на нихъ долженъ находиться раньше, въ утробной жизни, и если можно на нихъ вліять, то лишь черезъ посредство организма матери данной самки. Другими словами, если мы хотимъ питаніемъ регулировать полъ потомства, то слѣдуетъ вліять не на мать этого потомства, а на бабушку. О. Шульце ставилъ и такіе опыты, но и здѣсь получилъ только отрицательные результаты,—потому ли, что вліяніе всетаки не было примѣнено въ строго опредѣленный моментъ, или потому, что половой зачатокъ *млекопитающихъ* вообще недоступенъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ,—во всякомъ случаѣ опыты окончились неудачею.

Можемъ ли мы, однако, выводить изъ этого, что предопредѣленіе пола высшихъ растеній и животныхъ всегда останется недоступною для насъ задачею? Едва ли это не будетъ чрезмѣрно смѣло. Слишкомъ много разъ наука переступала указываемыя ей границы, чтобы можно было безусловно повѣрить такому утвержденію. До изобрѣтенія спектральнаго анализа, напримѣръ, не должна ли была казаться совершенно несбыточною мысль о томъ, что мы когда-нибудь будемъ въ состояніи изслѣдовать химическій составъ небесныхъ тѣлъ, отстоящихъ отъ земли на милліоны верстъ? И, однако, теперь мы его изслѣдуемъ. Быть можетъ, настанетъ день, когда и многое другое, кажущееся въ настоящее время недоступнымъ и недостижимымъ, сдѣлается предметомъ опыта и наблюденія, этихъ двухъ могучихъ орудій неутомимаго, вѣчно ищущаго себѣ задачъ, человѣческаго разума

Н. Холодковскій.

На нормандскомъ берегу.

Маріи Конопницкой.

Пер. съ польскаго **Н. К—ой.**

1.

Въ рыбачьемъ поселкѣ.

Въ понедѣльникъ съ ночнымъ или утреннимъ приливомъ рыбацкая флотилія выходитъ въ море, и до субботняго прилива вечеромъ или тоже ночью въ селеніи остаются однѣ только женщины.

Но это не ведетъ къ анархіи. Всѣ домашнія, семейныя, а особенно денежныя дѣла и безъ того всегда въ рукахъ женщинъ. Нормандская рыбачка энергична, находчива, расторопна и жадна къ деньгамъ. Дѣтей она любитъ больше, чѣмъ мужа, но деньги у многихъ стоятъ на первомъ планѣ. Достаточно посмотрѣть на тонкія, плотно сжатыя губы нормандки, и всякому ясно станетъ, что изъ ея рукъ копейка не выскочитъ. Дома, съ дѣтьми, она пробавляется чѣмъ попало—картофелемъ, бобами изъ своего огорода, а заработокъ мужа, который составляетъ предметъ утѣхи и разговоровъ въ воскресенье, въ понедѣльникъ она относитъ въ сберегательную кассу.

Рента, копить деньги для ренты—вотъ главная страсть нормандки. Ей посвящаетъ она большую часть своей жизни, проходящей въ лишеніяхъ и трудѣ, подчасъ очень тяжеломъ.

Супружеское счастье и всѣ достоинства мужа оцѣниваются исключительно съ точки зрѣнія барышей и удачъ рыбнаго промысла. Здѣсь не говорятъ: «мой мужъ добрый человѣкъ» или «мужъ меня любитъ», но говорятъ: «мой мужъ зарабатываетъ, мужъ мой приноситъ домой столько-то». И если онъ приноситъ много, всѣ сосѣдки завидуютъ такому мужу, какъ хорошему капиталу.

«Много зарабатываетъ»—это не только самая лучшая похвала, но и основа любви, мѣрка уваженія. И это знаетъ каждый мужъ.

Если онъ несетъ домой мало, то плетется съ пристани тихо, печально, чувствуя, что дома ничто пріятное не ждетъ его. Несетъ много—совсѣмъ иное дѣло: земля горитъ у него подъ ногами и онъ уже заранѣе предвкушаетъ любимый перечный соусъ за обѣдомъ.

Но одно только неизмѣнно ожидаетъ того и другого: это жена, одѣтая почти кокетливо, иногда во всемъ парадѣ—въ длинныхъ серьгахъ, бѣлой косынкѣ, заколотой на черномъ лифѣ брошкой, иногда съ пучкомъ огненной герани у корсажа. Чѣмъ меньше приноситъ мужъ съ собой, тѣмъ жаднѣе всматривается онъ въ эти прелести, зная очень хорошо, какъ они кратковременны. Когда жена не насчитываетъ въ кошелькѣ мужа ожидаемой суммы,—серьги, брошка идутъ въ футляръ еще до обѣда, герань ставится въ воду, а послѣ обѣда, за которымъ о соусѣ ни слова, жена говоритъ, что у нея болитъ голова, или идетъ къ сосѣдкѣ, либо принимается за домашнія дѣла, причемъ кокетливый передничекъ замѣняется большой грубой тряпицей.

О послѣполуденномъ воскресномъ шоколадѣ нѣтъ и помину, а когда провинившійся мужъ осмѣливается напомнить о сидрѣ, хотя въ подобныхъ случаяхъ такая смѣлость бываетъ рѣдка, то ему даютъ его «изъ той, другой», т.-е. изъ той бочки, гдѣ остатки доливаются водой послѣ того, какъ слитъ первый яблочный сокъ.

Что же долженъ дѣлать бѣдняга-мужъ послѣ всего этого?

Очевидно, то, что онъ и дѣлаетъ: посмотритъ, посмотритъ немного печально, немного безсмысленно, затѣмъ, закуритъ трубку съ коротенькимъ чубукомъ, натянетъ на уши свой колпакъ изъ бумажной матеріи и потихоньку, несмѣлой поступью отправляется на ступеньки лѣстницы, гдѣ иногда до самаго вечера просидитъ, сгорбившись и опустивъ голову, какъ виноватый, не вѣдая, не готовитъ ли ему судьба еще болѣе суровыхъ испытаній.

Совсѣмъ иная судьба мужа, который принесъ домой много. Жена его цѣлый день позвякиваетъ по дому сережками и не только ничего не снимаетъ изъ своихъ нарядовъ, но еще время отъ времени подбѣгаетъ къ зеркальцу, чтобы пригладить волосы. Перечный соусъ деретъ языкъ, а сидръ «изъ этой первой» золотится и пѣнится въ стаканахъ. Счастливецъ покуриваетъ свою трубочку не на лѣстницѣ, а въ комнатѣ, развалившись за столомъ и положивъ ноги на скамью, причемъ говоритъ много, громко и смѣло, плюетъ прямо передъ собой. Онъ чувствуетъ себя господиномъ. Нѣтъ, мало того: онъ—воплощеніе дохода, онъ—самъ капиталъ!

Такъ подходитъ пріятный часъ воскреснаго шоколада. Разведенный въ водѣ, съ размоченнымъ въ немъ хлѣбомъ, онъ представляетъ для непосвященнаго глаза какую-то густую, сѣрую непривлекательную массу, послѣ которой тѣмъ не менѣе дѣти облизываются до самаго вечера. Затѣмъ, мужъ надѣваетъ синюю куртку изъ овечьей шерсти, такую же шапку и принаряженный, приглаженный даже до кокетливости, прогуливается подъ руку со своей нарядной женой по улицамъ поселка, веселый, счастливый и торжествующій къ вящему посрамленію мужей, сидящихъ на ступенькахъ.

Нечего и говорить, что счастливые супруги ведутъ между собой рѣчь о своихъ доходахъ. Такъ проходитъ время до вечера; весь домъ мало-по-малу затихаетъ, и дѣти идутъ спать на чердакъ.

Но на биржѣ супружескаго счастья еще высшей цѣнностью, чѣмъ мужъ, который «хорошо добываетъ», пользуется «застрахованный мужъ».

Нормандская рыбачка ни за что не довѣритъ морю «своего человѣка» безъ опредѣленной гарантіи. Она страхуетъ его почти что въ день свадьбы, почти въ тотъ мигъ, какъ онъ вмѣстѣ со своей лодкой и сѣтями дѣлается ея собственностью, и смотритъ на него, несмотря на всю привязанность, какъ на предметъ, который не только при жизни, но и послѣ смерти долженъ приносить ей прибыль.

— Если мой мужъ умретъ, я буду получать пятьсотъ франковъ,— говоритъ наша хозяйка съ ясной, спокойной улыбкой, какъ еслибы дѣло шло о какой-нибудь радостной минутѣ ея жизни.

И это совсѣмъ не значитъ, чтобы «Mére Toutaint» не любила своего «Père Toutaint». Отнюдь нѣтъ! Она его очень любитъ. Однако-жъ все таки пріятно подумать, что даже и смерть его принесетъ ей нѣкоторую выгоду.

Но, кромѣ женъ и вдовъ рыбаковъ, въ поселкѣ есть еще матери молодыхъ моряковъ, которыхъ море унесло далеко.

И тѣ также получаютъ свой опредѣленный доходъ.

По обычаю, сынъ морякъ предоставляетъ матери опредѣленную часть получаемаго имъ на суднѣ жалованья. И вотъ каждый мѣсяцъ тянется къ морскому бюро процессія одѣтыхъ въ черное женщинъ, шествующихъ за этими сыновними деньгами. Черное не означаетъ здѣсь траура: это—парадъ. Каждая изъ женщинъ вынимаетъ изъ сундука что есть у ней лучшаго и надѣваетъ на себя, потому что въ томъ и заключается вся материнская гордость, чтобы показать, что это не какая-нибудь нищая идетъ за необходимой ей помощью, но мать за данью сердца и памяти о ней ея сына.

Колышутся тогда серьги, блестятъ большія круглыя броши, шелестятъ шелковые передники, и лица свѣтятся какимъ-то гордымъ счастьемъ. Это настоящее тріумфальное шествіе матерей. Воспитали, выкормили, взростили—и вотъ теперь награда!

Если въ семьѣ двое сыновей, то одинъ изъ нихъ непремѣнно морякъ и, конечно, старшій, это дѣло рѣшенное. Другой остается рыбакомъ. Только третій берется за какое-нибудь другое ремесло или готовится въ священники. Такимъ образомъ море забираетъ себѣ львинную часть потомства, а земля едва третью. Но есть матери, которыя получаютъ дань съ далекаго моря даже отъ двухъ сыновей. Нормандіи не грозитъ вырожденіе, какъ это предсказываютъ болѣе обширной, чѣмъ она, французской землѣ. Въ этомъ здоровомъ климатѣ, у этихъ тоскующихъ другъ по другу супруговъ родится достаточное количество дѣтей, особенно мальчиковъ.

Наша «Mére Toutaint» единственная сестра семи братьевъ, покоящихся уже большею частью на днѣ далекихъ морей, и въ то же время мать семи сыновей, изъ которыхъ старшій морякъ.

И она тоже участвуетъ въ процессіи матерей, такъ какъ она «touche cinq francs» (получаетъ пять франковъ) отъ своего Жака. Она идетъ прямая, сухощавая, высокая. Въ ней есть что-то римское; ея профиль, съ чисто античной линіей узкаго лба, съ легкой горбинкой носа, тонкихъ губъ и рѣзко очерченнаго подбородка, можно было бы выбить на медали. Черный одноцвѣтный нарядъ еще болѣе усиливаетъ выразительность ея смуглаго лица. Прямо изъ морского бюро она идетъ въ сберегательную кассу.

А капиталъ растетъ и растетъ.

2.

Къ землѣ.

— Охъ, плохо будетъ: что то ласточки очень кружатъ!—сказала какъ-то подъ вечеръ наша хозяйка, глядя на неспокойный полетъ этихъ прибрежныхъ птицъ.

А онѣ, дѣйствительно, безпокойно кружились, то слетались стаями, то поспѣшно разсыпались въ разныя стороны съ громкими криками. Ихъ черныя крылья то погружались въ воду, то вырисовывались на фонѣ принявшей мрачные, зловѣщіе оттѣнки алой зари, подъ которой вздымалось волнами и переливалось съ глухимъ шумомъ темное, съ багровымъ отблескомъ море.

Не успѣла еще погаснуть эта, предвѣщавшая бурю, заря, какъ съ востока начали на нее надвигаться тяжелыя, почти черныя тучи и, затемнивъ послѣдніе проблески дневного свѣта, нависли надъ землей низкимъ, давящимъ сводомъ.

Быстро спустилась на землю преждевременная ночь, такая душная, что въ маленькихъ, тѣсныхъ рыбачьихъ домикахъ стало трудно дышать даже при открытыхъ окнахъ.

Казалось, вотъ-вотъ блеснетъ молнія и разразится грохотъ бури. Въ тучахъ какъ будто слышалось время отъ времени грозное и глухое ворчаніе, то приближающееся, то отдаляющееся грохотаніе.

Однако, буря не пришла.

Вмѣсто того на самомъ разсвѣтѣ пронесся сильный восточный вѣтеръ, ударилъ въ тучи, разорвалъ ихъ и въ эту разорванную щель проглянула узкая полоса блѣднаго свѣта, подъ которой на далекомъ пространствѣ темнаго, почти синяго моря разлилось какъ бы озеро, отливающее серебромъ.

Явленіе это продолжилось едва одну минуту, и снова надвинулись и затемнили свѣтъ тяжелыя, еще болѣе густыя тучи, но и этой минуты было достаточно, чтобы въ полосѣ дрожащаго свѣта замѣтить

легкое судно, которое съ трудомъ ее пересѣкало, направляясь къ берегу. Потомъ все разомъ исчезло и погрузилось въ хаосъ мятежнаго мрака.

Но вотъ около семи часовъ утра навстрѣчу восточному вѣтру подулъ и забушевалъ сильный западный вѣтеръ. Сначала онъ налеталъ на море съ короткимъ и сердитымъ воемъ, вздымая волнующуюся водную ширь острыми, встающими ребромъ и покрытыми бѣлой пѣной валами, которые подскакивали вверхъ иногда на значительную высоту. Потомъ, достигнувъ необычайной ярости, гналъ волну за волной, громоздилъ ихъ одна на другую, толкалъ такъ, что онѣ начинали вздымать по морю цѣлыя горы воды, надъ которыми разверзлась бездна густого, почти осязаемаго мрака.

Между тѣмъ, новый порывъ встрѣчнаго вѣтра разорвалъ тучи, и ладья снова вынырнула изъ дикаго хаоса этого страшнаго мрака.

Теперь можно было разобрать, что это рыбачье судно со свернутымъ парусомъ и спущенной до половины мачтой, которое разъяренное море кидало съ неслыханной силой.

На берегу, между тѣмъ, начали останавливаться и собираться кучками люди, а изъ слуховыхъ оконъ домовъ высовывались то тутъ, то тамъ подзорныя трубы.

У насъ было все спокойно.

Вдругъ дверь, отворилась и наша самая близкая сосѣдка, оглядѣвъ комнату, спросила, дома ли «Mère Toutaint».

Той не было дома. Вскорѣ, одкако, она пришла, неся полныя воды ведра, и, увидѣвъ сосѣдку на порогѣ, начала издалека спрашивать:

— А кого это тамъ такъ треплетъ буря?

Она спрашивала небрежно и безпечно. И дѣйствительно, это не могъ быть кто-нибудь изъ близкихъ, даже кто-нибудь изъ поселка. Рыбацкая флотилія, которая въ воскресенье ночью вышла изъ пристани, ожидалась назадъ только въ субботу съ вечернимъ приливомъ, а теперь было только утро четверга.

Кромѣ того, рыбаки соединялись всегда по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, и если кто изъ нихъ хотѣлъ возвратиться домой, то летѣлъ на челнокѣ, а судно оставлялъ на мѣстѣ рыбнаго лова.

Ни малѣйшаго безпокойства не было въ ея голосѣ.

Но сосѣдка подняла на нее серьезный взглядъ и, помолчавъ съ минуту, проговорила:

— Une barque en perdition *).

Тутъ «Mère Toutaint» вдругъ остановилась, вспыхнула, открыла ротъ, глаза ея округлились, какъ глаза птицы, и, стоя съ ведрами, она смотрѣла на пришедшую, пораженная, точно окаменѣлая. Потомъ губы ея вдругъ начали дрожать. Она опустила ведра и бросилась на чердакъ.

---

*) Барка погибаетъ.

А въ двери, между тѣмъ, начали заглядывать и уже болѣе далеко живущія рыбачки, со сложенными подъ передникомъ руками. Въ окно было видно все больше и больше людей, спѣшившихъ къ морю. Они шли съ глухимъ, быстрымъ постукиваніемъ деревянныхъ башмаковъ, и шумъ ихъ голосовъ то приближался, то удалялся.

— Une barque... Une barque en perdition.

Но мы уже бѣжали на чердакъ, гдѣ «Mère Toutaint» старалась установить у края слухового окна подзорную трубу. Ей не удавалось. Руки ея дрожали, пальцы не хотѣли слушаться, точно оцѣпенѣлые и напряженные.

Никто, однако, не спѣшилъ ей помочь. Сосѣдки остановились у входа кучкой, робкія, молчаливыя. Наконецъ, она установила трубу и начала смотрѣть. Сначала казалось, что она ничего не видитъ или видитъ то, чему не хочетъ вѣрить. Она трясла головой, протирала глаза, какъ человѣкъ, который хочетъ снять съ нихъ пелену. Вдругъ зубы ея начали громко стучать.

— Iésus Dieu! Notre goêlette! * —воскликнула она какъ бы не своимъ голосомъ.

Ее хотѣли оторвать отъ зрительной трубы, но она сжимала ее съ конвульсивной силой, повторяя безпрестанно то тише, то громче:

— Iésus Dieu!.. Iésus Dieu!..—и трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Лицо ея потемнѣло, какъ будто его обвѣяло дымомъ, губы совсѣмъ побѣлѣли.

А судно теперь попало между двухъ встрѣчныхъ вѣтровъ, которые, подхвативъ его съ бѣшеной силой, бросали имъ съ такой необычайной яростью, что гибель его казалось неизбѣжной. То одинъ валъ толкнетъ его, то другой отброситъ, а море гонится за нимъ, пѣнясь и бурля, и стаи темныхъ растрепанныхъ тучъ ползутъ надъ нимъ, заслоняя и скрывая свинцовое небо, подъ которымъ чернѣетъ смертельная бездна. Однако, западный вѣтеръ превозмогалъ и несчастное судно все подвигалось къ берегу, то вертясь и крутясь, то, подброшенное внезапнымъ толчкомъ, подхватывалось напоромъ вздымающихся волнъ, чтобы снова погрузиться и снова вынырнуть.

Теперь было ясно видно и простымъ глазомъ, что палуба закрыта наглухо и пуста, что изъ трехъ мачтъ осталась только одна—главная. Но всѣ понимали, что подъ этой закрытой палубой, въ этомъ ужасномъ, бросаемомъ моремъ, гробу заперты люди, для которыхъ наступаетъ послѣдній часъ.

На берегу, между тѣмъ, собралась значительная толпа людей. Но это были не рыбаки, а люди разныхъ ремеслъ, менѣе привычные къ морю. Глаза ихъ выражали безпомощную тревогу и растерянность. Кромѣ нихъ, въ толпѣ были только женщины и дѣти. Вдругъ громкій

*) Господи! Наше судно!

крикъ смѣшанныхъ голосовъ. Мачта рухнула. Судно погибало. Въ этотъ самый мигъ «Mère Toutaint» крикнула раздирающимъ голосомъ:

— Mon gosse! Mon gosse!—и, бросивъ трубу, побѣжала, расталкивая насъ, внизъ по лѣстницѣ, черезъ сѣни, прямо на пристань.

Въ этотъ послѣдній моментъ, почти что моментъ смерти, дѣло шло не о ея мужѣ, а о среднемъ сынѣ, ея Карлѣ, который уже два года помогалъ отцу на морѣ и теперь былъ съ нимъ. Съ пристани въ это время спустили спасательную лодку, на которую вызвалось сѣсть четверо охотниковъ съ баграми, веревками и спасательными поясами.

Едва, однако, лодка отошла отъ берега, какъ бѣшеный порывъ вѣтра закружилъ ее, рванулъ, понесъ и снова толкнулъ къ берегу. Въ толпѣ поднялся крикъ и суматоха. Покачивали сокрушенно головами, подымали кверху плечи и руки, лица у всѣхъ были возбуждены и разгорячены. Между тѣмъ, еще два новыхъ охотника вскочили въ лодку, которая, съ увеличеннымъ числомъ гребцовъ, снова пустилась въ море. И дѣйствительно казалось одну минуту, что они превозмогутъ силу вѣтра, который какъ будто немного уменьшился и стихъ. Но не успѣли они миновать послѣднихъ укрѣпленій старой плотины, какъ волны начали кидать лодку такъ бѣшено, что не было никакой возможности подвигаться впередъ. Тогда, покружившись нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, напрасно стараясь попасть въ болѣе ровное теченіе, не въ состояніи дѣйствовать рулемъ и веслами, они ухватились за брошенный имъ съ мола канатъ и съ громаднымъ усиліемъ и опасностью, еле живые, выбрались при помощи его на помостъ. Лодка была предоставлена ея собственной судьбѣ.

Съ этой минуты всѣмъ стало очевидно, что пуститься въ море значило бы неизбѣжно погибнуть.

Но «Mère Toutaint» видя, что люди возвращаются назадъ,бросилась къ нимъ съ безумнымъ крикомъ:

— Mon gosse!... Mon gosse!... Mon gosse!...

Нужно было удерживать ее силой, такъ какъ она рвалась прямо въ море. Между тѣмъ, сумракъ, и безъ того уже очень густой, еще болѣе усилился, такъ что собаки начали выть, какъ при затменіи.

Тогда фонарщикъ, высокій коренастый бородачъ, выйдя на галлерею маяка, зажегъ тамъ зеленый фонарь, отъ котораго люца людей стали казаться призрачными, и началъ навивать на скрипящую рукоятку спасательный канатъ. Но разстояніе до судна было такъ велико, что, смѣривъ его взглядомъ, онъ опустилъ рукоятку, махнулъ безнадежно рукой и, дернувъ за веревку колокола, началъ бить тревогу.

Въ толпѣ все стихло. Всѣ преклонили колѣна, мужчины обнажили головы и подъ гулъ моря начали творить молитву за погибающихъ съ той простотой и серьезностью, которая характеризуетъ минуту смерти.

Только крикъ матери, крикъ, рвущійся изъ нѣдръ материнской

груди, раздавался среди этихъ спокойныхъ голосовъ, крикъ, раздирающій душу, острый, полный безсильнаго отчаянія.

И когда произнесена была эта страшная молитва, казалось, и тамъ, подъ закрытой палубой кидаемаго бурей судна, также стоятъ на колѣняхъ и молятся люди.

Но судно все еще держалось, несмотря на разрушенную мачту.

Теперь, однако, это былъ только мертвый, безформенный остовъ, который черезъ нѣсколько минутъ долженъ быть разбиться вдребезги.

Онъ собственно держался не самъ собой, его держала почти одинаковая сила двухъ встрѣчныхъ вѣтровъ.

Когда одинъ изъ нихъ слабѣлъ, судно валилось на бокъ, какъ трупъ, пока его не подхватывалъ, не вздымалъ и не толкалъ дальше другой вѣтеръ.

Было около одиннадцати часовъ и молитва подходила къ концу, когда восточный вѣтеръ свирѣпо завылъ и, налетѣвъ на море, закружилъ его огромной ужасной воронкой, въ которую погрузилось несчастное судно и скрылось изъ нашихъ глазъ.

Вслѣдъ за тѣмъ началъ надвигаться мракъ, и гулъ и тьма наполнили всю бездну.

Голоса молящихся стали еще какъ будто усерднѣй и строже, а колоколъ, дернутый за веревку, прозвучалъ глухо и смолкъ.

Но въ это время западный вѣтеръ рванулъ съ такой необыкновенной и яростной силой, что, казалось, весь воздухъ сотрясся и завенѣлъ, какъ мѣдная струна. Затѣмъ ураганъ завылъ, загрохоталъ, ударилъ въ море и, отбросивъ въ обратную сторону волны, разрушавшіяся встрѣчнымъ вѣтромъ, выхватилъ судно изъ гибельнаго водоворота и толкнулъ его съ такой силой, что оно, пролетѣвъ почти надъ моремъ, какъ птица, врѣзалось съ размаха въ груды прибрежнаго песку, какъ пушечное ядро, и зарылось въ нихъ бокомъ.

Въ это время на берегу поднялся шумъ и крикъ, произошло замѣшательство; молитвы были прерваны, и «Mère Toutaint», думая, что все уже кончено, упала безъ чувствъ.

Никто не спѣшилъ къ ней на помощь, потому что всѣ бѣжали къ пескамъ.

Однако, не успѣли еще добѣжать до перваго развѣтвленія песковъ, какъ изъ подъ палубы расколотой, расщепленной барки высунулась половина тѣла «Père Toutaint»; онъ внимательно осмотрѣлся, скрылся и показался снова, таща на плечахъ длинный, завернутый въ парусъ, предметъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было угадать мертвое человѣческое тѣло.

При видѣ этого тѣ, которые бѣжали впереди, крича, смолкли и остановились. За ними остановились и другіе. Всѣ вытянули шеи, вытаращили глаза, на лицахъ рисовался ужасъ.

Съ минуту стояла такъ эта кучка людей, неувѣренная, тихая, какъ

бы окаменѣлая, потомъ головы начали покачиваться, а изъ устъ вырвался глубокій, подавленный шопотъ:

— Le gosse!... Le gosse!...

Глаза всѣхъ обратились теперь къ несчастной матери; нѣсколько женщинъ направилось поспѣшно къ ней, чтобы привести ее въ чувство и помочь ей.

А тѣмъ временемъ по широко раскинутымъ পескамъ, подъ синевой бурнаго неба, шелъ старый рыбакъ съ открытой головой, растрепанный вѣтромъ, сгорбившись подъ своей страшной ношей.

Этого момента, этого неба, этого образа нельзя никогда забыть.

Вдругъ крикъ безумный, неистовый...

«Mère Toutaint» летѣла съ распростертыми руками прямо на тѣхъ стоявшихъ стѣной людей, которые заслоняли отъ нея потерпѣвшихъ крушеніе.

Она летѣла, не помня себя, ничего не видя, совершенно обезумѣвъ.

Она врѣзалась въ толпу, расталкивая ее, вся охваченная бурнымъ порывомъ, безуміемъ.

— Mon gosse!.. Mon gosse aimé!..

А онъ, ея «gosse», дѣйствительно бѣжалъ, цѣлый и невредимый, отъ разбитой барки и, опередивъ отца, летѣлъ прямо въ объятія матери.

Они налетѣли другъ на друга, какъ буря.

Такой радости, доходящей до безумія, я еще никогда не видала.

Смѣясь и плача въ одно и то же время, «Mère Toutaint» охватила руками юношу, закрыла его своимъ передникомъ, всѣмъ своимъ тѣломъ. Казалось, если-бы Господь Богъ захотѣлъ въ тотъ мигъ взять его у нея, то не только цѣлой земли, но и всѣхъ звѣздъ небесныхъ было бы мало для этого.

Тѣмъ временемъ «Père Toutaint» положилъ на песокъ утопленника, котораго никто не зналъ.

Оказалось, что собственно этотъ утопленникъ и былъ причиной всего несчастія.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ утопленниковъ, столь частыхъ у береговъ Нормандіи, которые вмѣсто того, чтобы идти попросту ко дну и «ne pas faire de l'ennuie» *), какъ выразился «Père Toutaint», расказывая намъ исторію своего преждевременнаго возвращенія—упираются и силой хотятъ къ землѣ.

— Все шло отлично,—объяснялъ «Père Toutaint» своей женѣ,—какъ вдругъ вчера вечеромъ говоритъ мнѣ парень:

— Утопленникъ плыветъ за нами.

А я ему на это:

— Ну, и пусть плыветъ.

А парень на это:

---

*) „И не надоѣдать“.

— А онъ въ бортъ толкаетъ.

А я ему опять:

— Ну, и пусть его толкаетъ.

А парень:

— Онъ знаки подаетъ.

А я ему:

— Пусть подаетъ! Не будемъ его брать. Будетъ съ нимъ горе.

А утопленникъ и не думаетъ отъ насъ отвязаться. Куда мы, туда и онъ, и все о бортъ бьется. Вижу, не быть добру. Ну, думаю себѣ, когда ужъ такъ тянетъ тебя къ этой святой землѣ, то заберу тебя. Сегодня тебѣ, завтра мнѣ. Пускай ужъ!

Втащили мы его съ парнемъ на палубу и прикрыли парусомъ. Пусть лежитъ. Какъ вернемся, похоронимъ.

А тѣмъ временемъ вѣтеръ началъ волновать море. Извѣстно, для лова рыбы это самое лучшее время. Закидываемъ, а тутъ сѣти не хотятъ въ море идти. Тащимъ, тащимъ—не хотятъ! Бросаемъ камни, грузъ—нѣтъ, ничего не беретъ. Не хотятъ и не хотятъ. Вижу я, что это утопленнику такъ погребенія хочется, вотъ онъ и сѣти тянетъ, и руль поворачиваетъ. Ну, что-жъ! Натѣшься святой землей, когда ее такъ жаждешь. Только стали мы поворачивать назадъ, а тутъ какъ сорвались два вихря одинъ противъ другого! Какъ начало насъ трепать по морю! Ну, думаю—конецъ! И такъ говорю тому утопленнику:

— Эге-ге, мой милый! Такъ вотъ ты какой гость.

Тутъ «Père Toutaint», обращается къ намъ, профанамъ, и поясняетъ:

— Вѣдь извѣстно, что два вихря всегда при утопленникѣ сходятся, потому что земля тянетъ его въ свою сторону, а море въ свою.

Потомъ онъ продолжалъ:

— Такъ я говорю: «такой-то ты гость? Когда такъ, то короткая съ тобой расправа: за ноги и въ воду! Я, видишь, рыбакъ, такъ за море долженъ стоять».

Но говорилъ я это только такъ, въ шутку, потому что онъ смотрѣлъ на меня своими тусклыми глазами такъ пристально, точно говорилъ: «къ землѣ, къ землѣ!» А тутъ насъ море какъ тараномъ бьетъ. Само за нимъ идетъ. Такъ мнѣ его жаль стало. Стащилъ я бѣднягу подъ палубу, заперся, завалилъ дверь и жду, что будетъ. Ну, еще хуже! Море, какъ жандармъ, добивается своего утопленника. Барка трещитъ, скрипитъ, каждая доска, каждый кусочекъ желѣза особо стонетъ и звенитъ въ ней... Думаю: «выдержитъ или нѣтъ?» А вода такъ черезъ насъ и скачетъ, какъ по большой дорогѣ. Тутъ я крикнулъ: «Ну, малый, читай молитву»! А мальчуганъ со страху не можетъ молитву вспомнить, только упалъ на колѣни, трясется и повторяетъ все одно:

— Матерь Божья! Матерь Божья! Ты такая добрая! Такая милостивая, такая прекрасная! О, Матерь Божья! Матерь Божья!

Такъ вотъ мальчуганъ поплакалъ, поплакалъ, упалъ и заснулъ.

Въ это самое время какъ треснетъ! Мачта полетѣла къ чорту. «Ну, думаю, тысяча чертей, смерть наша пришла!»

Море сильнѣе тянетъ!

А неправда! Земля-таки перетянула своего!

И «Père Toutaint» усмѣхнулся, пуская дымъ изъ своей трубки.

. . . .

На другой день похоронили на собранныя деньги неизвѣстнаго никому утопленника.

3.

Море ушло.

Море ушло. Оно ушло въ смятеніи, въ поспѣшности, собравъ съ внезапнымъ шумомъ свои громадныя волны; и вотъ оно уже только мелкими, неровно набѣгающими волнами разливается по сѣрой глади песковъ, подобно пѣнящемуся вину, блестящіе перлы котораго съ шипѣніемъ лопаются и гаснутъ.

Оно уже далеко, но все еще медлитъ, все вздыхаетъ, возвращается, приливаетъ, сметаетъ въ кучу крупный песокъ, забираетъ его съ собой горстями и снова уходитъ, и снова возвращается и еще, и еще...

А пески открываются все больше. Каждый прибой, каждый взмахъ волны покрываетъ ихъ меньше и меньше; каждый отливъ все прибавляетъ ихъ къ берегамъ.

И они лежатъ такъ, нанесенные и наваленные моремъ, высыхая тонкими пластами, изрѣзанные правильными извилинами, какъ громадное, широко раскинутое полотнище золотисто-пепельной муаровой ткани, по краю которой еще мелькаетъ челнокъ, заканчивающій ее серебряной каймой. А море все дальше, все тише, все короче слышится шумъ его; оно собираетъ, стягиваетъ, поглощаетъ въ себя разметавшіяся волны и, наконецъ, возвративъ ихъ всѣ къ вершинамъ скрытаго въ безднѣ основанія своего, колышится надъ ней тихо, тяжело; полное, какъ глазное яблоко, бездонное, почти неподвижное. Большія рыбачьи лодки, которыя отливъ унесъ съ собой съ пристани, стоятъ на поднявшейся водѣ, также почти неподвижныя, образуя на отдаленномъ планѣ прихотливые арабески.

А на берегу тѣмъ временемъ начинаетъ клубиться и дымиться голубоватый туманъ, льющій мало-по-малу въ жемчужную ясность утра цѣлую гамму тонкихъ аметистовыхъ тоновъ.

Низкое, бѣлѣющее на склонахъ небо съ минуту мерцаетъ блѣднымъ свѣтомъ, пробивающимся сквозь туманъ, вслѣдъ за тѣмъ свѣтъ этотъ исчезаетъ, гаснетъ, тонетъ въ лиловыхъ тонахъ задумчивости.

Ясно выступили глубокія груды песковъ, блистающихъ гравіемъ, и, внезапно потемнѣвъ, расцвѣтились, какъ длинныя, длинныя гряды

гіацинтовъ, и протянулись до самыхъ скалистыхъ выступовъ въ океанъ.

Направо, на фіолетовомъ небосклонѣ, тонкое кружево перекладинъ и арокъ Большой плотины; налѣво чуть виднѣющіяся среди густого тумана пристань, мачты и реи которой производятъ впечатлѣніе исполинскихъ, колеблющихся надъ мутной бездной, ирисовъ.

А тамъ, далеко, далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ, сквозь дымку тумана, синѣетъ темное, отливающее внутренней прозрачностью, пятно. Это море.

Что-то музыкальное есть въ этомъ моментѣ, что-то симфоническое.

Какое-то безконечное, монотонно вибрирующее созвучіе расплывающихся линій и тусклыхъ, сонныхъ красокъ. Какая-то безпредѣльно мягкая, волнообразно вздымающаяся и упадающая гармонія неуловимыхъ, неосязаемыхъ, совершенно призрачныхъ образовъ.

Какая-то близость и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленность всего.

Какая-то тонкая гамма мельчайшихъ тоновъ и полутоновъ отъ серебристаго блеска крыльевъ чайки, трепещущихъ въ прозрачно-лиловомъ воздухѣ, до густой фіолетовой окраски дико заросшихъ, изборожденныхъ пригорковъ, торчащихъ, какъ большія гнѣзда аметистовъ.

Какое-то безмѣрное единеніе, сліяніе красокъ, свѣта и тѣней; какое-то проникновеніе свѣта въ удивительный, призрачный фонъ, на которомъ чуть рисуются неясные контуры и быстро исчезающія явленія.

Вдругъ пѣсня.

Простая, тихая пѣсня, скорѣе даже не пѣсня, а слова, произносимыя нараспѣвъ, гармонично сливающіяся съ музыкой момента.

...Ils ont choisi la mer,
Ils ne reviendront plus...
Et puis, s'ils vous reviennent,
Les reconnaitrez-vous?
...Or, ils n'ont plus leur âme,
Elle est restée en mer.
Il ne vous reviendront plus:
Ils ont choisi la mer *)...

Я знаю эту пѣсню и голосъ мнѣ также знакомъ. Это блѣдная, высокая Иветта поетъ въ своемъ палисадникѣ, заросшемъ темной

---

*) Они избрали море,
Они не вернутся уже.
А если бы и вернулись,
Развѣ вы узнаете ихъ?
...Вѣдь, у нихъ нѣтъ болѣе души,
Она осталась въ морѣ.
Они не вернутся ужъ больше:
Они избрали море.

зеленью букса и большихъ кустовъ лаванды, вѣтви которой, покрытыя мелкими цвѣтами, спускаются лиловыми кистями со стараго, почернѣлаго ствола, какъ у насъ весенніе ростки съ лишенной верхушки ивы.

Иветта еще молодая женщина, хилая, худенькая, печальная. У нея нѣтъ дѣтей.

Я вижу часто, какъ она, стоя у изгороди своего палисадника, смотритъ на море и поетъ. И чѣмъ дольше она такъ поетъ, лицо ея все больше блѣднѣетъ и взоръ убѣгаетъ далеко, далеко, за линію рыбацкой флотиліи. Взоръ горячій, жадный, ревнивый. Она тоскуетъ. Она несомнѣнно тоскуетъ, и тоска съѣдаетъ ее.

Сначала я думала, что она тоскуетъ по мужѣ. Но мужъ возвращался, былъ дома, покуривалъ на ступенькахъ крыльца свою трубочку, а жена, сдѣлавъ ему все, что нужно, точно такъ же шла къ изгороди садика и точно такъ же, стоя тамъ, смотрѣла на море и напѣвала свою пѣсню. Даже какъ будто голосъ ея тогда становился еще болѣе глубокимъ, болѣе полнымъ, еще болѣе проникнутымъ тоской, а ея безнадежный взглядъ убѣгалъ еще дальше.

Можетъ быть, у ней есть любовникъ и она по немъ такъ...

Но наша хозяйка трясетъ отрицательно головой и руками и не даетъ мнѣ докончить.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ!.. Это, знаете, просто у нея душа болитъ по дали.

Итакъ, значитъ, она больна. Больна тоской по дали.

И вотъ неожиданно открывается передо мной интересный уголокъ человѣческой души, какъ бы освѣщенный дрожащимъ, зеленоватымъ свѣтомъ, отражающимся отъ вѣчно убѣгающей морской волны.

Молодая, не имѣющая дѣтей, рыбачка тоскуетъ. Сначала она тоскуетъ по мужѣ; по такомъ, какой у ней есть и котораго она видитъ разъ въ недѣлю, разъ въ двѣ недѣли и даже рѣже. Это чувство простое, естественное и на первыхъ порахъ совсѣмъ не сложное.

Но тоска обладаетъ таинственной силой сообщать удивительную привлекательность своему предмету до такой степени, что онъ становится въ глазахъ тоскующей души не такимъ, каковъ онъ есть, но совсѣмъ инымъ—преображеннымъ и въ высшей степени одухотвореннымъ. И сколько есть въ тоскующемъ сердцѣ поэзіи, блеска и красоты—все тоска переноситъ на отсутствующаго и онъ становится чѣмъ-то безконечно желаннымъ, любимымъ больше всего на свѣтѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ-то совершенно не похожимъ на дѣйствительность и недостижимо далекимъ.

Такимъ непохожимъ и такимъ далекимъ, что когда барки причаливаютъ къ пристани и мужъ ступаетъ на порогъ дома своей собственной особой, то онъ кажется тоскующей душѣ какимъ-то чуждымъ, не тѣмъ, по которому она тосковала.

...Et puis, s'ils vous reviennent,
Les reconnaitrez-vous?

И дѣйствительно его лицо, съ растрескавшейся отъ морского вѣтра кожей, его покраснѣвшіе отъ безсонницы глаза, его одежда, покрытая грязью и залитая рыбьимъ жиромъ, его волосы, слипшіеся отъ соленой влаги, его безпрерывные плевки, щетинистая борода, черные зубы и вѣчно торчащая въ нихъ трубка, его тяжелые шаги, его прожорливость, отяжелѣлость, сонливость и то отупѣніе, которому подвергаются на берегу люди моря, все это такъ странно не похоже на тотъ образъ, который рисовался глазамъ тоскующей, напѣвавшей пѣснь печали.

...Or, il n'a plus son âme,
Il l'a laissée en mer...

И она отрываетъ взоръ свой отъ дѣйствительности и устремляетъ его далеко, далеко, чтобы снова увидѣть тамъ миражъ, созданный ея тоскующей душей.

Но когда съ теченіемъ времени миражъ этотъ повторяется не только какъ обусловленное внѣшними причинами явленіе, но, наоборотъ, чѣмъ дальше, все растетъ въ квадратной пропорціи, какъ активный, развивающійся и имѣющій свои неизбѣжныя послѣдствія психическій элементъ, тогда дѣйствительность и идеальный предметъ тоски совершенно отдѣляются другъ отъ друга, и женщина тоскуетъ уже не о своемъ мужѣ-рыбакѣ, не въ его отсутствіи, но и при немъ, по отвлеченному образу, созданному ея воображеніемъ.

Итакъ, между ними—море.

Но время идетъ, а это вызванное тоской видѣніе, сначала такое яркое и живое, что заслоняетъ собой дѣйствительность, постепенно блѣднѣетъ и стирается.

Оно какъ будто приходитъ и уносится вмѣстѣ съ моремъ, каждый разъ все дальше и дальше...

Въ сердцѣ простой рыбачки не прибавляется ни блеска, ни красокъ, которые могли бы поддержать живость идеальнаго образа и самый образъ блѣднѣетъ и стирается, но чувство разъединенія съ дѣйствительностью остается.

Оно остается, какъ впечатлѣніе какого-то огромнаго, туманнаго пространства, какой-то безконечной дали, въ которую стремится душа, летитъ и никогда не можетъ долетѣть. Зачѣмъ она летитъ туда, чего ищетъ въ той дали, что хочетъ охватить собой и чѣмъ жаждетъ быть заполоненной сама, она не знаетъ и даже не спрашиваетъ.

Знаетъ только, что тамъ, далеко, далеко, что-то пылаетъ, горитъ, свѣтится ярко, тамъ есть какая-то любовь, что-то прекрасное, хорошее, что-то такое, чего нужно ждать, къ чему стремиться... Что-то такое, что ее тянетъ, зоветъ, чаруетъ. Что-то, къ чему стремится ея взоръ, ея пѣсни, все ея существо...

Такъ зарождается опаснѣйшая тоска—тоска безпредметная, которую ничто не можетъ утолить и которая, при несложности такой простой души, дѣлается подчасъ не только самымъ сильнымъ, но единственнымъ выраженіемъ этой души.

И вотъ женщина тоскуетъ ради самой тоски. Она очарована ею, опутана, околдована; она блѣднѣетъ, худѣетъ, становится равнодушной ко всему, что ее окружаетъ.

Она больна.

Она больна тоской по дали, какъ опредѣлила въ своемъ сжатомъ, но глубоко психологическомъ діагнозѣ «Mère Toutaint». А море уходитъ все дальше и дальше, и мрачная, волнующаяся бездна дѣлается все необъятнѣе, все грандіознѣе, а шумъ и гулъ долетаютъ все изъ большей и большей дали.

А тамъ, на горизонтѣ всегда мелькаетъ какой-то туманный, туманный парусъ, какой-то призракъ паруса, который расплывается, разсѣивается, исчезаетъ и снова появляется въ пустой, безпредѣльной, таинственной дали, въ которую уносится взоръ и пѣсня Иветты.

...Or elle n'a plus son âme,
Elle est restée en mer *)...

4.

Въ сумерки.

Не знаю, случайно это или съ расчетомъ, но всегда на другой день послѣ возвращенія рыбаковъ съ большой ловли бываетъ или храмовой праздникъ съ торжественной службой, или ярмарка.

А иногда и то и другое вмѣстѣ.

Если не въ Dives, то Beuzeval; если не въ Beuzeval, то въ Houlgate; если не въ Houlgate, то въ La Tougne; если не въ La Tougne, то въ Villers.

И вотъ—красныя афиши на заборахъ, ослы съ бубенчиками, балаганы, китайскіе фонарики, саженныя цвѣтныя свѣчи, процессіи монаховъ и непремѣнно свиная печонка за обѣдомъ.

Едва кончатся вечерни, какъ плотно поѣвшая и принаряженная толпа жителей высыпаетъ на главную улицу селенья. Сразу дѣлается шумно и празднично. Верхъ въ этой толкотнѣ, безцеремонно дѣйствуя локтями, берутъ, конечно, «mousse»'ы, что-то вродѣ корабельныхъ юнгъ, которые здѣсь обыкновенно имѣются на всѣхъ рыбачьихъ суднахъ.

Вымытые, причесанные, съ папиросами въ зубахъ, съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ, толпятся они кучками на самой серединѣ улицы.

---

*) У нея нѣтъ болѣе души,
Она осталась въ морѣ...

Это морскіе волчата, которые корчатъ изъ себя старыхъ волковъ, повторяютъ бранныя слова, плюютъ и смотрятъ съ величайшимъ презрѣніемъ и важностью на «малышей», которые не имѣютъ ничего общаго съ моремъ, кромѣ лазанья въ него за ракушками. Это, однако-жъ, не мѣшаетъ имъ вести съ этими самыми «малышами» торгъ ножами, поясками, даже шапками, и нерѣдко торгъ этотъ заканчивается жестокой дракой, къ посрамленію «mousse»'овъ, получающихъ шишки и синяки. «Малыши» хотя и моложе, зато многочисленнѣе ихъ, а кромѣ того гораздо болѣе искусны въ сухопутныхъ битвахъ, такъ какъ девять десятыхъ своей жизни проводятъ, упражняясь въ кулачныхъ бояхъ.

Но потерпѣвшіе «mousse»'ы отнюдь не теряютъ своего побѣдоноснаго вида; наоборотъ, они съ еще большимъ высокомѣріемъ собираются «своей компаніей», которую разгоняетъ обыкновенно какая-нибудь шайка противоположнаго лагеря, ищущая тутъ поживы въ видѣ чужихъ окурковъ. Важничаютъ «mousse»'ы не только передъ «малышами»; они съ еще большимъ, повидимому, пренебреженіемъ относятся къ дѣвочкамъ и даже взрослымъ дѣвицамъ, называя ихъ не иначе, какъ «ces mioches là», что не мѣшаетъ имъ, однако-жъ краснѣть и смущаться самымъ ужаснымъ образомъ при каждой встрѣчи съ этими «mioches».

А дѣвицы ходятъ по улицѣ пестрой вереницей, въ шелковыхъ косыночкахъ, скрещенныхъ на груди на цвѣтныхъ корсажахъ; держатся за руки по четыре, по пяти, по семи, такъ что заграждаютъ дорогу; хихикаютъ, шепчутся и совсѣмъ не замѣчаютъ маленькихъ глупыхъ «mousse»'овъ, всецѣло занятыя бросаніемъ робкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающихъ взглядовъ изъ-подъ темныхъ или русыхъ рѣсницъ въ сторону взрослой рыбачьей молодежи. Онѣ неловки, неувѣрены въ своихъ движеніяхъ, ходятъ точно не на своихъ ногахъ, спотыкаются, какъ на кочкахъ, толкая другъ друга локтями, поминутно разражаются неестественно смѣхомъ, пискливыми возгласами и вспыхиваютъ огненнымъ румянцемъ.

А тѣмъ временемъ молодые люди, интересъ къ которымъ вызываетъ этотъ румянецъ, успѣли уже одѣться по-городски и, съ цвѣткомъ въ зубахъ, съ шапкой на бекрень, въ невѣроятныхъ галстукахъ, прогуливаются небольшими группами, самодовольные, щеголеватые, готовые къ услугамъ дамъ, поглядывая на всѣхъ съ видомъ превосходства.

Что-жъ! Каждый почти изъ нихъ знаетъ свѣтъ отъ Гавра до Шербурга, а есть и такіе, которые побывали даже въ Парижѣ. А дневной свѣтъ тихо догораетъ, тускнѣетъ, создавая удивительно спокойный и пріятный фонъ для всѣхъ этихъ людей и окружающихъ предметовъ. Сѣро-перламутровое, чуть-чуть матовое небо не перестаетъ быть яснымъ и чистымъ. Легкія духколесныя телѣжки пере-

сѣкаютъ путь пѣшеходамъ, везя публику изъ дальнихъ селеній на обѣщанный большой фейерверкъ. Но до фейерверка еще далеко. Эта блѣдная ясность воздуха, сквозь которую просвѣчиваетъ какая-то серебристая глубь, очень упорно и долго держится надъ моремъ.

Всѣ прохаживаются пока вдоль берега, гдѣ тянется рядъ балагановъ отъ старой плотины вплоть до Roches Noires. Здѣсь есть на что посмотрѣть.

Въ балаганахъ этихъ можно найти все: и зрѣлища, и ярмарку, и азартныя игры, что-то возбуждающее, что-то такое, что именно требуется возвратившимся изъ полныхъ великаго молчанія безпредѣльныхъ пустынь океана.

Карусели, паяцы, качели, фокусники, вертящіяся съ соблазнительнымъ шумомъ рулетки, голландскія кегли, бельгійскіе «коньки», позолоченныя лодки, шарманки, трубы, бубны, размалеванныя дѣвицы въ мишурѣ и трико, кролики, стрѣляющіе изъ ружей, обезьяны, попугаи,—однимъ словомъ, все, что только можетъ выманить деньги изъ кармана. Но, вѣдь, это случается не каждый день. А кромѣ того: что бы дѣлали люди со своими деньгами?

За балаганами тянутся лавочки,—это узенькія, подъ полотнянымъ навѣсомъ будки, наполненныя пряниками, орѣхами, разгрызаемыми съ трескомъ конфектами, сушеными фруктами и апельсинами. Тщетно охраняемыя отъ осаждающихъ ихъ мухъ и дѣтей, онѣ находятся въ постоянной опасности свалиться со своихъ искусно устроенныхъ подпорокъ.

Другая сторона улицы представляетъ тоже не менѣе привлекательный видъ.

Тамъ на длинныхъ жердяхъ развѣваются темные кафтаны, юбки «въ три шва»—господствующая здѣсь мода, оставшаяся отъ великой революціи, красные чулки, платки, передники. Тутъ же навалены груды башмаковъ, шляпъ, ночныхъ колпаковъ, бѣлыхъ нормандскихъ чепцовъ, начиная съ безспорно щегольскихъ «au vent» и кончая «bas fand»—самыми скромными и почтенными, даже какъ будто порядочно поношенными.

Передъ устроенной спеціально для этого случая кофейней «парижскій» оркестръ изъ Dives (на ярмаркѣ все изъ Парижа) деретъ смычками съ невозможнымъ визгомъ и трубитъ въ трубы до изступленія.

Тутъ собирается аристократія поселка, владѣльцы барокъ съ женами. Разговоры здѣсь ведутся степенно, важно, размѣреннымъ голосомъ. Мнѣнія высказываются не спѣша, а черезъ большіе промежутки времени, которые проходятъ въ покуриваньи трубокъ и въ безчисленныхъ клубахъ дыма. Никто никого не перебиваетъ среди неудачной рѣчи. Каждый, прежде чѣмъ начать говорить, можетъ вдосталь надуматься. А можетъ, подумавъ, даже и ничего не сказать.

«Молчаливый товарищъ—добрый товарищъ», говорятъ въ Нормандіи. Поэтому здѣсь можно часто слышать:

— Что же вы говорили?

— Ничего не говорили.

И это совершенная правда. Товарищескія потребности мужчинъ вполнѣ удовлетворяются трубкой, выкуренной у того или у другого сосѣда въ полномъ молчаніи, не нарушаемомъ ни гостемъ, ни хозяиномъ отъ встрчи до разставанья. Но сегодня всѣ разговариваютъ, всѣ оживлены. Каждый чувствуетъ у себя въ карманѣ приливъ денегъ, а это въ здѣшнихъ мѣстахъ равняется приливу крови въ жилахъ. Кромѣ того, праздникъ. А праздникъ и полагается на то, чтобы сбросить съ себя всѣ правила ежедневной жизни, начиная съ кошелька и до настроенія. И потому мужчины одѣты въ синія, или коричневыя, вязанныя на спицахъ и крашенныя куртки, а женщины, въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ и такихъ же большихъ передникахъ принимаютъ немалое участіе въ разговорѣ, побрякивая съ особенной живостью своими длинными сережками, когда наклоняются одна къ другой, чтобы пошептать на ухо о третьей, роняя при этомъ съ тарелки, расписанной цвѣтами, тяжелый блинъ съ творогомъ и обильно проливая расплескавшійся бурый кофе.

Сейчасъ же за кофейней театръ маріонетокъ. Передъ нимъ кишитъ самое младшее поколѣніе поселка, хотя нѣтъ недостатка и въ бабушкахъ въ большихъ чепцахъ. Тутъ стоитъ почти нечеловѣческій пискъ такъ какъ полишинель только что покончилъ съ чортомъ, который, высынувъ ярко-красный языкъ и свѣсившись почти до половины черезъ рампу, опустилъ рога и издыхаетъ совершенно обезсиленный.

А около старшей молодежи увивается итальянецъ съ небольшимъ музыкальнымъ ящикомъ, на которомъ между гирляндой красныхъ и бѣлыхъ розъ виднѣется позолоченная надпись: «Fortuna d'amore». Арія изъ «Травіаты» дребежитъ и стонетъ внутри жалкой, разбитой шарманки, а маленькая измученная птичка вытаскиваетъ изъ крутящагося надъ ея головой колеса билетики со случайными именами дѣвицъ, а также съ кабалистическимъ совѣтомъ, какъ за какой ухаживать. Не только «mouss'ы», но и «малыши» тѣснятся къ шарманкѣ и велятъ погадать себѣ про любовь. Рѣдко даже кто ограничивается однимъ разомъ. Берутъ по два, по три билетика, а если нѣтъ денегъ, то безцеремонно вырываютъ бумажку изъ клюва бѣдной птички и утаскиваютъ ее, хлопая себя по бедрамъ отъ удовольствія. Билетики читаютъ громко, всѣ вмѣстѣ, а прочитанные бросаютъ на землю и разбѣгаются. Хотя, впрочемъ, между «mouss'ами» нерѣдко возникаетъ драка, когда они не могутъ разобрать, какая дѣвица которому изъ нихъ предназначается. А дѣвицамъ точно такимъ же образомъ предлагаетъ билеты другой итальянецъ съ шарманкой, на крышкѣ которой

изображенъ франтъ въ желтомъ фракѣ, крутящій усы и собирающійся пуститься въ плясъ.

Птичка имѣетъ здѣсь еще болѣе несчастный видъ; съ синимъ, почти голымъ брюшкомъ, она трепещетъ остатками своихъ перьевъ и работаетъ, какъ волъ, вытаскивая съ упорствомъ отчаянія билетики изъ кружка, вертящагося въ тактъ марша изъ «Аиды».

На билетикахъ имена кавалеровъ въ видѣ длиннаго перечня, а также средства не только возбудить любовь, что дѣвицы сами хорошо знаютъ, но и выйти замужъ.

Подростки не принимаютъ въ этомъ участіе: для нихъ это слишкомъ серьезно, слишкомъ практично и мудрено. Что же касается старшихъ, тѣхъ цвѣтущихъ «mioches», что прохаживаются рядами, тѣ посмѣиваются, пожимаютъ плечами, смотрятъ въ другую сторону, но время отъ времени которая-нибудь изъ дѣвицъ беретъ билетикъ, внимательно читаетъ про себя, краснѣетъ и, прочитавъ, прячетъ себѣ за корсажъ.

Между тѣмъ, дневной свѣтъ постепенно переходитъ въ легкія, голубоватыя, прохладныя сумерки. Море становится свѣтлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачнымъ. Прозрачное, мягкое, ровное, охваченное властью ночи, сосредоточивъ на себѣ исчезающій блѣдный свѣтъ дня, оно блеститъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чернѣетъ, кажется яснымъ и вмѣстѣ темнымъ, мѣняясь отъ окраинъ неба до самыхъ послѣднихъ глубинъ, какъ черный кристаллъ съ серебряными изгибами.

А на горизонтѣ, тамъ, гдѣ солнце задолго передъ закатомъ погрузилось въ туманныя облака легкимъ, прозрачнымъ, лишеннымъ блеска шаромъ, еще остается съ минуту узкая, отливающая матовымъ, жемчужнымъ свѣтомъ полоса.

Весь скалистый мысъ Гавра залитъ со стороны моря тихимъ свѣтомъ этой полосы и рисуется, во всей своей мощи и неприступности, съ той необычайной ясностью далекихъ предметовъ, которые вдругъ какъ бы начинаютъ приближаться, подходить, почти надвигаться. Сумерки—это величайшій чародѣй и гигантъ, который обѣими руками охватываетъ міръ, чтобы поскорѣй накрыть его сѣрой, сѣрой пеленой.

И вдругъ среди самаго разгара бьющей ключомъ жизни и молодой радости начинаетъ бить «колоколъ утонувшихъ».

Онъ звонитъ медленно, уныло, глухо. Ударитъ три раза—и смолкнетъ.

И опять три раза—и снова смолкнетъ. Музыка прерывается на полутонѣ, музыканты, шарманщики, комедіанты, черти обнажаютъ головы; рыбаки повынимали изо рта трубки, женщины въ черныхъ платьяхъ стоятъ со сложенными руками, занятая любовью эгоистическая молодежь опускается на колѣни, гдѣ кто шелъ или стоялъ; своевольные «mousse'ы» и малыши усердно бьютъ себя въ грудь.

Молитвенный шопотъ носится надъ склоненными головами, а къ

шопоту этому присоединяется далекій, глубокій шумъ моря, которое вдругъ заговорило въ тиши. Сумерки густѣютъ. Шумъ моря и гудѣнье колокола перебиваютъ другъ друга, рыдаютъ, растутъ, тревожатъ.

Старой колокольнѣ принадлежитъ изстари право покровительства и милости. Старое доброе право, данное ей старыми, добрыми королями, тѣми королями, что носили короны изъ желѣза, а изъ серебра лили колокола.

А море имѣетъ за собой право уничтоженія. Гораздо болѣе старое, превосходящее всѣ другія—право стихіи. Старое, какъ міръ, забытое въ своей давности, оно существуетъ еще съ тѣхъ временъ, когда Духъ носился надъ водами, самъ себѣ царь и самъ себѣ владыка.

Каждый день въ сумерки гудитъ такъ колокольня, старая колокольня «Du bon secour» и каждый день шумитъ море. И нѣтъ между ними согласія, нѣтъ мира во вѣки вѣковъ.

И влечетъ колоколъ жизнь въ свою сторону, а море въ свою.

Власть моря въ томъ, что оно въ союзѣ со смертью. Власть колокола въ томъ, что онъ имѣетъ сердце, а въ сердцѣ надежду.

Говорятъ, монахи звонятъ только три раза по три «Ave». Но когда буря разыграется, колокола начинаютъ бить ночью сами собой.

Тогда, говорятъ люди, это звонитъ святой Жанъ, самъ святой Жанъ, заступникъ погибающихъ. Тогда всѣ встаютъ съ постелей, зажигаютъ свѣчи, молятся. Однако же, нѣкоторые увѣряютъ, что это звонитъ «мать утопленниковъ». У матери этой, послѣ того, какъ утонули ея трое сыновей заразъ, помутилось въ головѣ. Много лѣтъ сиживала она въ такую пору у этой колокольни, разговаривая со своими утопленниками, которые протягивали къ ней руки изъ сумрака; и теперь, когда буря шумитъ и ударяютъ волны, они не могутъ лежать въ своей могилѣ, встаютъ изъ гробовъ, подымаются на колокольню и дергаютъ веревку.

— Но я тамъ ни одного изъ нихъ не видалъ,—прибавилъ «Père Miard» со здравымъ смысломъ своей нормандской души.

Звонъ какъ разъ умолкъ, толпа зашевелилась и встала, когда на старой плотинѣ заблестѣлъ маякъ, отвѣчая сильнымъ и рѣзкимъ свѣтомъ далекимъ, мигающимъ огнямъ у англійскихъ береговъ. Стало опять шумно, весело. Молитва за погибшихъ влила въ грудь живыхъ какъ будто еще больше жизненнаго пыла.

Зашелестѣли черныя шелковыя платья, задымились трубки, молодежь зидвигалась, затѣснилась, молодые парни начали толкать въ бокъ локтями дѣвушекъ, заглядывая имъ совсѣмъ близко въ глаза. Но вотъ съ площади передъ меріей грянулъ выстрѣлъ и воздухъ огласился звуками Марсельезы. Это былъ знакъ, что фейерверкъ готовъ. И дѣйствительно въ ту же минуту вспыхнула надъ нами искрометнымъ блескомъ огромная сѣверная зоря, изъ краевъ которой начали взлетать

въ небо сотни ракетъ, съ трескомъ разрываясь разноцвѣтными огнями и тихо осыпаясь въ море букетами ирисовъ, розъ и златоцвѣта.

Толпа хлынула теперь одной волной въ ту сторону, откуда пускали фейерверкъ. А его пускали съ большого грузового судна, которое тихо и незамѣтно въ сумеркахъ приплыло изъ Шербурга, а теперь горѣло, гремѣло и выпускало изъ себя звѣзды, солнца, радуги, пламя, драконевъ и фонтаны огня, заставляя глаза всѣхъ устремляться кверху, уста открываться въ упоеніи и сердца замирать отъ восторга. Цѣлый ураганъ криковъ и возгласовъ привѣтствовалъ каждую смѣну. Малыши и «mousse'ы» метались, крича во все горло. Дѣвицы, совсѣмъ ошалѣлыя, сбились въ одну кучу и замерли въ нѣмомъ экстазѣ.

Старые рыбаки съ поднятой кверху головой стояли на широко разставленныхъ ногахъ, какъ вкопанные, и хотя трубки давно погасли, но никто не думалъ о нихъ.

Между тѣмъ, съ запада подулъ небольшой вѣтеръ и заколыхалъ море мелкими, темными, неспокойными волнами.

Небо заволоклось, нахмурилось, вѣтеръ усиливался, росъ, крѣпчалъ, забѣгалъ то тутъ, то тамъ, словно искалъ дороги. Наконецъ, напавъ на нее, онъ свирѣпо ринулся на море. Волны начали отбивать твердый, сильный ритмъ, вздымая изъ бездны все болѣе глубокій мракъ.

Могучее біеніе пульса безконечности. Великій покровъ ночи.

А тамъ, у «Roches Noires», въ самомъ темномъ углу скалъ, борется съ моремъ противъ вѣтра одинокій челнъ. Сначала я вижу его, какъ тѣнь, потомъ какъ призракъ тѣни. Вдругъ блескъ. Огромное электрическое солнце заливаетъ небо и землю искристымъ бѣлымъ свѣтомъ. Въ этомъ свѣтѣ я замѣчаю стоящую въ лодкѣ могучую фигуру одинокаго гребца, на обнаженной головѣ котораго торчитъ пучокъ связанныхъ на макушкѣ волосъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Къ полуторавѣкому юбилею: 1755—1905).

(*Продолженіе* *).

V.

Въ общемъ итогѣ, московскій университетъ во второмъ періодѣ своего существованія имѣлъ очень немного выдающихся профессоровъ, да и тѣ, какъ видѣлъ читатель, въ большинствѣ случаевъ были не безъ крупныхъ недочетовъ въ отношеніи ученой подготовки или преподавательскихъ способностей. Несравненно больше было такихъ профессоровъ, которые не возвышались надъ среднимъ уровнемъ, а иногда даже стояли гораздо ниже его. Неудивительно поэтому, что въ литературѣ воспоминаній о второмъ періодѣ такъ часто встрѣчаются общіе неодобриттельные отзывы о составѣ профессоровъ и объ университетскомъ преподаваніи.

По воспоминаніямъ Егора Тимковскаго **), относящимся къ первымъ годамъ разсматриваемаго періода, большинство профессоровъ посѣщались студентами «по долгу ученической исправности, для исполненія предписаннаго начальствомъ годичнаго учебнаго курса». Сафоновичъ, перечисливъ восемь профессоровъ и отозвавшись болѣе или менѣе хорошо только о пятерыхъ, далѣе говоритъ: «прочіе профессоры тянули гужевую, т.-е. читали кое-какъ, безъ всякой энергіи, лишь бы просидѣть свои часы». Кошелевъ, учившійся на словесномъ отдѣленіи въ 1822—1823 году говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (Berlin 1884), что даже лекціи лучшихъ профессоровъ оставили въ немъ «мало живыхъ воспоминаній: профессора читали, а мы ихъ слушали только *по обязанности*. Возбудительнаго животворнаго они намъ ничего не сообщали» (стр. 7).

По словамъ Пирогова, московскій университетъ 1820-хъ годовъ могъ похвалиться такими профессорами, какъ Лодеръ, Фишеръ, Гофманъ, Гильдебрандтъ, Мудровъ, Мухинъ, Мерзляковъ и Каченовскій.

*) См. „Міръ Божій", № 1, февраль 1905 г.

**) „Кіевская Старина" 1894 г., № 4.

Но даже «не всѣ изъ этихъ извѣстныхъ профессоровъ пеклись о полномъ изложеніи своего предмета, а главное (за исключеніемъ Лодера) не владѣли достаточными научными средствами для преподаванія своей науки; а сверхъ того, несравненно бо́льшая часть профессоровъ Московскаго университета составляли живой и уморительный контрастъ съ своими знаменитыми коллегами». «Теперь—продолжаетъ Пироговъ, нельзя себѣ составить и приблизительно понятія о томъ господствѣ комическаго элемента, который я засталъ въ университетѣ... Элементъ смѣшного, впрочемъ, свойственъ былъ въ то время всѣмъ коллегіямъ не въ одной Москвѣ: и въ европейскихъ университетахъ встрѣчались курьезные оригиналы между учеными; но у насъ оригинальность была не только смѣшна, но и глупа, потому что была отставшею отъ времени и науки. Дѣйствительно, отсталость того времени была невообразимая; читали лекціи по руководствамъ 1750-хъ годовъ и это тогда, какъ у самихъ студентовъ, по крайней мѣрѣ у многихъ, ходили уже по рукамъ учебныя книги текущаго столѣтія» (стр. 304, 307).

Подводя итоги своему пребыванію въ московскомъ университетѣ, Пироговъ говоритъ, что онъ «не дѣлалъ ни одной операціи, не исключая кровопусканія и выдергиванія зубовъ, и не только на живомъ, но и на трупѣ не сдѣлалъ ни одной и даже не видѣлъ ни одной, сдѣланной на трупѣ, операціи». Изъ университета онъ вынесъ, по собственнымъ его словамъ, «весьма ничтожный запасъ свѣдѣній и свѣдѣній болѣе книжныхъ, тетрадныхъ, а не наглядныхъ, не пріобрѣтенныхъ подъ руководствомъ опыта и наблюденія». «Хорошъ я былъ—говоритъ Пироговъ—лекарь съ моимъ дипломъ, дававшимъ мнѣ право на жизнь и смерть, не видавъ ни однажды тифознаго больного, не имѣвъ ни разу ланцета въ рукахъ! Вся моя медицинская практика въ клиникѣ ограничивалась тѣмъ, что я написалъ одну исторію болѣзни, видѣвъ только однажды моего больного въ клиникѣ и для ясности прибавивъ въ эту исторію такую массу вычитанныхъ изъ книгъ припадковъ, что она поневолѣ изъ исторіи превратилась въ сказку» (стр. 313, 323, 324). Не много лучше отзывается о медицинскомъ факультетѣ и гр. М. В. Толстой, учившійся въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Костенецкій о юридическомъ факультетѣ начала 1830-хъ годовъ говоритъ, что читатели его воспоминаній «едва ли повѣрятъ, что Московскій университетъ былъ когда-либо въ такомъ жалкомъ положеніи». «И если кто изъ студентовъ—говоритъ дальше Костенецкій—не старался самъ образовать себя чтеніемъ и изученіемъ иностранныхъ писателей, а довольствовался только профессорскими лекціями, тотъ выходилъ изъ университета при самой хорошей атестаціи въ успѣхахъ, невѣждой и неразвитымъ существомъ». По свидѣтельству Аксакова, «профессора преподавали плохо, студенты не учились и скорѣе забывали, что знали прежде». Вообще, говоритъ Аксаковъ, съ профессорскихъ каѳедръ «очень тускло и холодно освѣщало наши умы солнце истины».

Существуютъ, правда, и противоположные отзывы. «Личный со-

ставъ нашихъ профессоровъ,—говоритъ Гончаровъ,—былъ очень удачный съ малыми, едва замѣтными исключеніями». Еще неожиданнѣе снисходительный отзывъ Герцена, по словамъ котораго, «профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей». Но много ли было такихъ профессоровъ?

Подтвержденіемъ приведенныхъ неодобрительныхъ отзывовъ о московскихъ профессорахъ служитъ цѣлый рядъ заурядныхъ, а иногда прямо бездарныхъ личностей, увѣковѣченныхъ въ студенческихъ воспоминаніяхъ. Рѣдкая каѳедра не имѣла хотя одного такого профессора, который получилъ отрицательную оцѣнку и нерѣдко служилъ посмѣшищемъ цѣлаго факультета, а иногда и всего университета. Такъ, на каѳедрѣ философіи цѣлую треть столѣтія (1788—1821) подвизался Брянцевъ, который во второмъ періодѣ былъ своего рода «антикъ въ пыли ходячій». Маленькій ростомъ, неуклюжій, въ старомодномъ костюмѣ XVIII вѣка, съ косою, «онъ всецѣло,—говоритъ Свербѣевъ,—принадлежалъ какому-то допотопному времени, объяснялъ намъ свои премудрости въ сухихъ выраженіяхъ, недоступныхъ нашему пониманію. Его ученая терминологія была латино-германская; его наука была нещадно сухая и схоластическая; даже русскій языкъ испещренъ былъ какими-то старинными словами, оскорблявшими нашъ слухъ... Тѣшилъ онъ юныхъ студентовъ, самъ того, конечно, не желая, презабавными примѣрами, избираемыми имъ для своихъ силлогизмовъ и логическихъ доказательствъ». «Такой фигуры,—говоритъ о Брянцевѣ Погодинъ,—нынѣ уже не встрѣтишь. Во фракѣ съ большими пуговицами, въ короткихъ штанахъ съ пряжками, въ сапогахъ съ отворотами, изъ-за которыхъ виднѣлись чулки. Его никто не понималъ, а можетъ быть, что-нибудь и было въ его гіероглифахъ».

Комиченъ былъ и Снегиревъ - отецъ, занимавшій каѳедру почти четверть вѣка (1796—1820) и читавшій во второмъ періодѣ лекціи о правахъ естественномъ, политическомъ и народномъ, а также по исторіи философіи и по исторіи церкви. Когда онъ умеръ, Мерзляковъ посвятилъ ему эпитафію, гдѣ сказано:

„Всѣ Снегирева дни добру посвящены...
Наставникъ, другъ, отецъ, онъ какъ училъ, такъ жилъ
И въ скудномъ жребіи богатъ для бѣдныхъ былъ“.

Но если Снегиревъ и былъ добрымъ человѣкомъ, то, какъ профессоръ, онъ былъ «совершенная пошлость», употребляя выраженіе Погодина. По отзыву Сафоновича, это былъ «весьма забавный профессоръ съ манерами до того странными, что онѣ порождали множество на него каррикатуръ и разныхъ сатирическихъ произведеній». Свербѣевъ также называетъ Снегирева «самымъ потѣшнымъ преподавателемъ», увеселявшимъ студентовъ разнаго рода анекдотами и любопытными повѣствованіями.

Не дальше ушелъ отъ отца Снегиревъ-сынъ, занимавшій каѳедру римской словесности около двадцати лѣтъ (1816—1835). Латинистъ онъ былъ посредственный и гораздо больше смыслилъ въ древностяхъ русскихъ, чѣмъ въ римскихъ. Что же касается его лекцій, то онъ увеселялъ своихъ слушателей не только анекдотами, но еще и передразниваніемъ. «Мы ждали его прихода,—говоритъ Галаховъ,—какъ ожидаютъ появленія на сценѣ актера, умѣющаго смѣшить публику». «Балагурство было, кажется, господствующею чертою его характера», говоритъ о Снегиревѣ другой его слушатель, Гончаровъ. «Всѣ его пріемы и слова,—по свидѣтельству Прозорова,—заранѣе были разсчитаны на то, чтобы потѣшить и посмѣшить другихъ какою-нибудь неожиданною выходкою или остротою. Для переводовъ со студентами онъ выбиралъ такія мѣста изъ классиковъ, которыя отличались нескромностью».

Комиченъ былъ и Гавриловъ, преподававшій четверть вѣка (1804—1829) эстетику и славянскій языкъ и упражнявшій студентовъ въ чтеніи божественныхъ книгъ, главнымъ образомъ, Четьихъ-Миней, а также въ переложеніи псалмовъ на русскій языкъ. Кромѣ того, Гавриловъ выдавался крайней нетерпимостью къ «чужакамъ», т.-е. къ студентамъ другихъ факультетовъ. Такихъ «чужаковъ» онъ самолично выводилъ за руку вонъ изъ аудиторіи, причемъ случалось, что въ путешествіяхъ профессора отъ каѳедры къ скамейкѣ, гдѣ оказывался «чужакъ», отъ скамейки къ дверямъ и отъ дверей къ каѳедрѣ, по свидѣтельству Галахова, проходила значительная часть лекціи *).

Посмѣшищемъ медицинскаго факультета былъ профессоръ Котельницкій, читавшій въ теченіе всего второго періода «врачебное веществословіе». «И теперь,—писалъ Пироговъ въ 1881 году,—безъ смѣха нельзя себѣ представить Вас. Мих. Котельницкаго, идущаго въ нанковыхъ бланжевыхъ штанахъ въ сапоги (а сапоги съ кисточками), съ кулькомъ въ одной рукѣ и съ фармакологіею Шпренгеля, переводъ Іовскаго, подъ мышкою. Это онъ, Вас. Мих. Котельницкій (проживавшій въ университетѣ), идетъ утромъ съ провизіею изъ Охотнаго ряда на лекцію. Онъ отдаетъ кулекъ сторожу, а самъ ранехонько утромъ отправляется на лекцію, садится, вынимаетъ изъ кармановъ очки и табакерку, нюхаетъ звучно, съ храпомъ, табакъ и, надѣвъ очки, раскрываетъ книгу, ставитъ свѣчку прямо передъ собою и начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ ошибками. Василій Михайловичъ, съ помощью очковъ, читаетъ въ фармакологіи Шпрен-

---

*) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по свидѣтельству Пирогова, „нетерпимость и ненависть къ чужакамъ были какимъ-то повѣтріемъ“, и „комизмъ, соединенный съ преслѣдованіемъ чужаковъ на лекціяхъ, доходилъ по-истинѣ до чудовищныхъ размѣровъ“.

геля, переводъ Іовскаго: «Клещевинное масло, oleum ricini,—китайцы придаютъ ему горькій вкусъ». Засимъ кладетъ книгу, нюхаетъ съ вхрапываніемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: «вотъ, видишь ли, китайцы придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ». Мы между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ вмѣсто китайцевъ: «кожицы придаютъ ему горькій вкусъ» (стр. 304). Свои «лекціи» Котельницкій часто заканчивалъ до звонка и уходилъ домой со словами: «а мнѣ пора къ Надеждѣ Андреевнѣ (женѣ), она у меня нездорова».

Посмѣшищемъ юридическаго факультета былъ проф. Смирновъ. По словамъ Костенецкаго, «это былъ мужчина огромнаго роста съ большими на выкатѣ глазами, суровою миною, по наружности звѣрь, а не человѣкъ». Но страшный по наружности, Смирновъ былъ добродушнаго нрава и очень недалекаго ума, и студенты просто забавлялись на его лекціяхъ, задавая ему глупые вопросы вродѣ: «Что выше — уѣздный судъ или гражданская палата?» И Смирновъ вполнѣ серьезно отвѣчалъ: «Помилуйте, какъ вы это не знаете? еще у васъ дядюшка сенаторъ!» Когда же Смирновъ оканчивалъ свою лекцію, состоявшую въ чтеніи собственнаго руководства о россійскихъ законахъ, ему приходилось, по словамъ Галахова, выдерживать настоящую «осаду отъ пустыхъ рѣчей и потѣшныхъ выходокъ».

Но едва ли не самой комической фигурой среди московскихъ профессоровъ второго періода былъ эллинистъ Ивашковскій, занимавшій каѳедру въ 1819—1835 годахъ. По свидѣтельству Буслаева, Ивашковскій являлся всегда въ высокихъ ботфортахъ и въ бѣломъ галстухѣ. Студенты, ожидая его на лекцію, непремѣнно должны были всѣ до одного ходить взадъ и впередъ по аудиторіи, такъ чтобы Ивашковскій незамѣтно вошелъ въ нее и незамѣтно же смѣшался съ толпою, будто на толкучемъ рынкѣ. «Сохраняя такое инкогнито, онъ, разумѣется никому не кланялся, и мы—говоритъ Буслаевъ не должны были замѣчать его присутствія. Задѣвать и тѣснить его въ толпѣ не только позволялось, но даже было ему пріятно». «Главною задачею нашею—продолжаетъ Буслаевъ—было, чтобы вмѣстѣ съ профессоромъ прогулять если не всю лекцію, то, по крайней мѣрѣ, насколько возможно. На это были между нами горазды молодцы, человѣка два-три. Они умѣли подластиться къ нему и будто невзначай обронить словечко и исподволь втянуть его въ бесѣду, а онъ, очнувшись изъ забытья, сначала отвѣтитъ нехотя, а потомъ мало-по-малу разговорится. Цѣль достигнута: раздался звонокъ, и лекція благополучно покончена». Благодаря такимъ прогулкамъ и бесѣдамъ, Ивашковскій рѣдко читалъ больше получаса. Лекціи же его состояли въ переводѣ греческихъ классиковъ. По словамъ К. Аксакова, Ивашковскій кричалъ и переводилъ; а вслѣдъ за нимъ кричалъ и переводилъ вызванный студентъ, часто ничего не знавшій по-гречески. Вслѣдствіе такого преподаванія, профессоръ, по

словамъ Гончарова, «никогда не могъ отличить знающихъ по-гречески отъ незнающихъ».

По словамъ одного изъ слушателей Ивашковскаго, «всего интереснѣе были вопросы его изъ греческой словесности: онъ начиналъ, обращаясь къ которому-нибудь изъ студентовъ: «Что такое будетъ греческая словесность?»—«Поле, Семенъ Мартыновичъ», громко отвѣчалъ вопрошаемый.—«Да, будетъ, поле, но какое?» И если студентъ не вдругъ отвѣчалъ, то Ивашковскій подхватывалъ съ жаромъ и скороговоркою: «греческая словесность, будетъ, поле и поле обширное, будетъ»... и оставался очень доволенъ такимъ опредѣленіемъ». Комическое впечатлѣніе производила и привычка Ивашковскаго шпиговать свою рѣчь словомъ «будетъ» некстати, безъ всякой надобности. «Скажите—будетъ—мнѣ, какъ вы понимаете—будетъ—вотъ этотъ стихъ—будетъ—въ третьей пѣснѣ Иліады» и т. д. — говорилъ онъ. Сначала насъ это забавляло, — разсказываетъ Гончаровъ, — а потомъ мы привыкли, и для потѣхи приводили товарищей изъ другихъ факультетовъ послушать. Тѣ ушамъ не вѣрили и помирали со смѣху».

Комическіе профессора въ большинствѣ случаевъ были и плохими, бездарными преподавателями, наводившими неодолимую скуку своими лекціями. Число такихъ профессоровъ можно пополнить еще нѣсколькими экземплярами. Такъ, Черепановъ, профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики въ 1799—1823 годахъ, «былъ бичемъ студенческаго рода», несмотря на все свое смиреніе, простоту и христіанскую нравственность, о которыхъ говоритъ Грановскій въ «Біографическомъ словарѣ». «Онъ умерщвлялъ въ насъ—говоритъ Свербѣевъ—всякое умственное стремленіе къ исторической любознательности, будучи самъ воплощенною скукою и бездарностью... Читалъ онъ вяло, длинно, монотонно и какимъ-то гробовымъ голосомъ... Такой даровитый профессоръ у всѣхъ, у кого только могъ, отбилъ надолго охоту изучать всякую человѣческую исторію». Побѣдоносцевъ двадцать лѣтъ (1814—1834) преподавалъ риторику и піитику «съ соблюденіемъ всѣхъ условій схоластики» и кромѣ скучныхъ лекцій донималъ студентовъ требованіемъ писать «хріейки». Чумаковъ, преподававшій прикладную математику, по свидѣтельству Герцена, «подгонялъ формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное». — Естествовѣдъ Ловецкій, ботанизируя со студентами въ окрестностяхъ Москвы, на просьбы опредѣлить то или другое растеніе, по свидѣтельству Пирогова, давалъ отвѣтъ: «Отдайте моему кучеру, я потомъ дома опредѣлю ихъ» *). Василевскій, очень

---

*) О томъ же Ловецкомъ разсказывали, какъ передаетъ Аѳанасьевъ, что однажды, начавъ читать о зайцѣ, онъ перепуталъ листки и незамѣтно перешелъ на льва, а на другой день поправился: „Все сказанное мною въ прошлый разъ о зайцѣ—относи ко льву".

слабо и неохотно читалъ лекціи по международному праву и увлекался только тогда, когда дѣло касалось римскихъ героевъ. «Тутъ онъ воодушевлялся—говоритъ Костенецкій—былъ въ высшей степени краснорѣчивъ и увлекалъ насъ до самозабвенія. Когда онъ разсказывалъ намъ смерть Сенеки или исторію Регула, то у насъ волосы становились дыбомъ, и мы настраивались до самопожертвованія. При этомъ и голосъ его и жесты были почти трагическіе, и часто въ порывѣ восторга, онъ вскакивалъ съ кресла, стучалъ о столъ и пр. Чуть ли Гоголь не его имѣлъ въ виду, описывая въ «Ревизорѣ» учителя исторіи». Шедритскій, профессоръ политической экономіи и статистики, по словамъ Костенецкаго, «хорошо сознавалъ свое невѣжество въ статистикѣ и поэтому былъ увѣренъ, что никакія его усилія не заставятъ студентовъ слушать его глупыя лекціи, и потому махнулъ на все рукой и ограничился тѣмъ, что лишь бы только исправно ходить въ аудиторію и читать какія-нибудь лекціи».

Вообще, юридическій факультетъ особенно выдавался бездарнымя профессорами. На этомъ же факультетѣ былъ и самый несимпатичный изъ московскихъ профессоровъ разсматриваемаго періода, а именно Маловъ, читавшій теорію гражданскаго и уголовнаго права. «Физіономія его,—говоритъ Костенецкій,—отражала на себѣ вполнѣ всю его глупость: это была кругленькая, маленькая и рябенькая рожица, съ узенькими, ко рту сходящимися бакенбардиками, съ маленькими, впалыми и изъ глубины сверкающими глазками, съ лысиной посреди головы и со взбитыми скудоволосыми висками—совершенно голова пугливой кошки или обезьяны, съ миной, то серьезной до смѣшнаго, то осклабляющейся самой отвратительной сладенькой улыбкой, росту небольшого, худенькій и съ быстрыми тѣлодвиженіями... Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ глупый, самолюбивый и съ претензіями на самыя изящныя манеры. Одѣвался онъ всегда щегольски, и особливо бѣлые воротнички, подпирая бакенбарды, очень изяшно округляли эту прилизанную и пошлую физіономію». Лекціи Малова, по словамъ Костенецкаго, были «какой-то смѣсью отрывковъ изъ разныхъ иностранныхъ теоретиковъ... чистой чепухой безъ системы и идеи, какой-то компиляцiей, откуда-то имъ самимъ или кѣмъ-другимъ выбранной, но въ которой нашему законодательству отдавалось преимущество предъ всѣми другими европейскими законодательствами, и наше правленіе было выставлено идеаломъ всѣхъ правленій». Студенты, по свидѣтельству Герцена, презирали Малова и смѣялись надъ нимъ. «Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи? спросилъ какъ-то попечитель у студента... «Безъ Малова девять», отвѣчалъ студентъ. По отзыву Мурзакевича, «жальче, смѣшнѣе, безполезнѣе всѣхъ были чтенія Малова». Даже благодушный Ляликовъ, отзывающійся о профессорахъ почти съ благоговѣніемъ, для одного Малова дѣлаетъ исключеніе и говоритъ, что «все отталкивало отъ него».

*

Интересно отмѣтить, что отзывы студентовъ о плохихъ профессорахъ московскаго университета находятъ подтвержденіе и въ оффиціальныхъ документахъ. Отзывы графа Панина мы уже приводили выше (въ главѣ II). Въ отчетѣ Уварова, ревизовавшаго московскій университетъ въ 1832 году, въ число устарѣвшихъ и отсталыхъ профессоровъ были помѣщены знакомые Снегиревъ-сынъ, Ивашковскій и Котельницкій. Сошелся также Уваровъ съ Костенецкимъ и въ общей оцѣнкѣ юридическаго факультета. По его отзыву, это—«совершенный обломокъ факультета, въ въ которомъ юридическія науки не имѣютъ ни одного надежнаго преподавателя» *).

Съ плохимъ знаніемъ и преподаваніемъ своего предмета московскіе профессора нерѣдко соединяли еще и грубое обращеніе. Деликатное и вѣжливое обращеніе — это была такая рѣдкость, которая отмѣчается въ литературѣ воспоминаній, какъ нѣчто выдающееся. Большинство профессоровъ говорило студентамъ «ты», а нѣкоторые зиъ университетскихъ наставниковъ не только позволяли себѣ грубыя шутки на манеръ Сандунова, но даже прямо обзывали студентовъ «дураками», «болванами» и даже «канальями» **). Нѣкоторымъ профессорамъ такая патріархальная безцеремонность охотно прощалась. Говоря однажды о непреодолимой боязни профессоровъ и учителей при входѣ въ аудиторію или въ классъ, Мудровъ, по свидѣтельству Пирогова, добродушно прибавилъ: «а съ чего бы васъ-то бояться,— вѣдь вы бараны». «И аудиторія,—прибавляетъ Пироговъ,—наградила его за эту остроту общимъ веселымъ смѣхомъ». Совершенно иначе относились студенты къ подобнымъ выходкамъ со стороны непопулярныхъ профессоровъ. Когда Погодинъ позволилъ себѣ назвать своихъ слушателей «мальчишками» или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, «аудиторія наша,—говоритъ Аксаковъ,—не вспыхнула, не зашумѣла на сей разъ, но слова эти оставили глубокій слѣдъ негодованія».

Дурное преподаваніе и грубое обращеніе неизбѣжно вызывали протестъ со стороны живой молодежи, которая не могла, конечно, примириться ни съ убійственной скукой снотворныхъ лекцій, ни съ презрительнымъ отношеніемъ къ личности студента. Профессора, читавшіе свой предметъ болѣе или менѣе интересно, не могли пожаловаться на невнимательность или проказы своихъ слушателей. Такіе случаи, какъ хлопушка, раздавшаяся на лекціи Мерзлякова, были, во всякомъ случаѣ, исключительными явленіями на лекціяхъ лучшихъ профессоровъ. Но за то плохимъ профессорамъ крайне рѣдко удавалось поддержать въ своихъ аудиторіяхъ не только вниманіе, но даже

*) Отчетъ Уварова напечатанъ во II-мъ томѣ „Сборника постановленій по министерству народнаго просвѣщенія".

**) Между прочимъ, Бѣлинскій удостоился этого послѣдняго ругательства со стороны проф. Щепкина (Пыпинъ, I, 46).

внѣшній порядокъ. Галаховъ прямо заявляетъ, что «нѣкоторые преподаватели своимъ нравомъ, либо странностью привычекъ и грубостью обращенія, либо, наконецъ, безинтересностью лекцій сами вызывали слушателей на невнимательность и безпорядокъ». Такъ, напримѣръ, на лекціяхъ Черепанова, по свидѣтельству Свербѣева, можно было слышать «сопѣнье, а потомъ и храпѣнье то въ томъ, то въ другомъ углу обширной аудиторіи... Не засыпали у него только тѣ, которые запасались какой-нибудь книгой». На лекціяхъ Щедритскаго студенты, по словамъ Костенецкаго, «страшно шумѣли, то уходили, то входили... однимъ словомъ, поступали такъ, какъ бы и не было въ аудиторіи профессора».

Не довольствуясь шумомъ, студенты отъ скуки затѣвали съ профессорами споры, задавали глупые вопросы, устраивали травлю «чужаковъ» и т. д. Были и другія шалости и проказы, въ общемъ, довольно безобидныя. Такъ, на лекціи одного профессора былъ выпущенъ воробей, и студенты, какъ бы въ негодованіи на такое нарушеніе порядка, вскочили со своихъ мѣстъ и принялись ловить воробья. Того же профессора студенты встрѣтили однажды пѣніемъ: «Се женихъ грядетъ во полунощи!» Пѣніе и насвистываніе иногда раздавалось и во время самыхъ лекцій, особенно, если профессоръ плохо слышалъ.

«Въ мое время,—говоритъ одинъ изъ студентовъ второй половины двадцатыхъ годовъ,—едва ли не на каждой лекціи Побѣдоносцева на первомъ курсѣ повторялось слѣдующее. Обычный шумъ (господствовавшій въ его аудиторіи) на минуту прекращался и водворялась глубочайшая тишина; преподаватель нашъ, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать намъ что-нибудь о Ломоносовѣ... или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался тихій, мелодичный свистъ, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, и за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ». «Трудно повѣрить,—прибавляетъ разсказчикъ,—что подобная продѣлка повторялась безнаказанно безчисленное множество разъ» *).

Если же профессоръ былъ слабъ зрѣніемъ, то проказы студентовъ принимали другой характеръ. «Одинъ изъ профессоровъ-чудаковъ,—разсказываетъ Пироговъ,—былъ такъ слабъ глазами, что безъ очковъ не могъ ни одной буквы прочесть въ своей тетрадкѣ, а вся лекція у него и состояла въ прочтеніи слушателямъ своей тетрадки. Ясно было, что лишить его очковъ—значило сдѣлать лекцію для него вполнѣ невозможною. Слушатели замѣтивъ, что онъ, приходя на лекцію, прежде всего снимаетъ свои очки и кладетъ ихъ на каѳедру, умудрялись устроить такъ, что положенные очки должны были неминуемо

*) Пыпинъ. „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", т. I, стр. 63.

провалиться въ пустоту каѳедры на самое ея дно. Положеніе профессора было критическое; онъ, видимо, потерялъ голову и не зналъ, что ему дѣлать. Тогда тѣ же слушатели явились передъ нимъ совѣтниками на помощь; одинъ изъ нихъ, долго не думая, притащилъ отъ сторожа кочергу, запустилъ ее въ провалъ и началъ, къ ужасу профессора, ковырять ею во всѣ стороны такъ безжалостно, что очкамъ, очевидно, грозила опасность полнаго разрушенія. Вся аудиторія, между тѣмъ, собралась около каѳедры и злополучнаго наставника; совѣтамъ, толкамъ, сожалѣніямъ не было конца, и вотъ, наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшили, что нѣтъ другого болѣе надежнаго средства сдѣлать лекцію возможною, то-есть достать очки, какъ перевернуть каѳедру вверхъ дномъ и вытрясти ихъ оттуда. Принялись за дѣло, увѣнчавшееся успѣхомъ: вытрясли полуразрушенные очки; когда достигли этого результата и профессоръ разсматривалъ уныло нарушеніе цѣлости своего зрительнаго инструмента, въ аудиторію вошелъ другой профессоръ и остолбенѣлъ при видѣ необыкновеннаго зрѣлища. Такимъ образомъ, лекціи, то-есть прочтенію театрадки, къ удовольствію многихъ слушателей, не суждено было состояться» (стр. 314—315).

Особенно много проказничали студенты на лекціяхъ проф. Смирнова. Даже графъ Панинъ въ своей запискѣ отмѣтилъ: «его классъ всегда похожъ въ отсутствіи моемъ на лубочную комедію».

Болѣе серьезныя выходки противъ профессоровъ встрѣчались сравнительно рѣже. Иногда случалось, что на грубость начальника студентъ отвѣчалъ тою же монетою. Такъ, о Полежаевѣ разсказываютъ: когда профессоръ, возвращая его стихи, сказалъ, что отъ нихъ, «пахнетъ кабакомъ», поэтъ отвѣтилъ: «и не мудрено, они цѣлыхъ двѣ недѣли лежали у васъ». Извѣстно также, что Лермонтовъ возбудилъ противъ себя нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ своими дерзкими отвѣтами. Но на явныя дерзости профессорамъ покушались немногіе. Чаще нелюбимыхъ профессоровъ преслѣдовали сатирическими стихами и каррикатурами или просто надписями. Сатирическому осмѣянію подвергались даже наиболѣе выдающіеся профессора. Одна изъ такихъ сатиръ была даже напечатана въ Москвѣ въ 1834 году, подъ заглавіемъ: «Подарокъ ученымъ на 1834 годъ. О царѣ Горохѣ» и т. д. Брошюра эта, принадлежащая Кастору Лебедеву, впослѣдствіи сенатору, представляетъ протоколъ «чрезвычайнаго засѣданія философовъ, историковъ и эстетиковъ», разрѣшающихъ вопросъ: что такое царь Горохъ? гдѣ, когда и точно ли былъ царь Горохъ? Вопросъ этотъ разрѣшаютъ ученые, названные буквами въ порядкѣ греческаго алфавита, причемъ подъ буквами, кромѣ журналистовъ Полевого, Сенковскаго, Булгарина и кн. Вяземскаго, подразумѣваются московскіе профессора Каченовскій, Надеждинъ, Давыдовъ, Павловъ и Погодинъ. Каждый изъ участниковъ этого ученаго спора подаетъ мнѣніе, ловко

составленное изъ любимыхъ взглядовъ и даже выраженій осмѣиваемыхъ лицъ» *).

Не обходилось дѣло и безъ болѣе серьезныхъ демонстрацій противъ профессоровъ. Случалось, что студенты всѣ поголовно покидали аудиторію послѣ какой-нибудь грубости профессора или вовсе не являлись на лекціи. Такая демонстрація была устроена даже Павлову послѣ того, какъ онъ въ порывѣ досады сказалъ одному студенту: «столъ и солдатъ у двери столько же меня понимаютъ, какъ и амфитеатръ», т.-е. студенты **). Случалось, также, что плохихъ профессоровъ вродѣ Малова встрѣчали шиканьемъ и свистками или шаркали ногами гораздо долѣе, чѣмъ это было нужно для привѣтствія. Наиболѣе серьезная демонстрація была устроена Малову въ 1831 году. Это— извѣстная «Маловская исторія», разсказанная въ воспоминаніяхъ Герцена и Костенецкаго. Пока Маловъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, онъ обращался со студентами «деликатно до униженія». Но, получивъ ординатуру, онъ рѣзко перемѣнилъ свое обращеніе, сдѣлался строгимъ и грубымъ и однажды обругалъ студентовъ «мальчишками». Подобная брань отъ профессора, котораго считали «олицетворенной глупостью и ничтожествомъ», переполнила чашу студенческаго терпѣнія. На слѣдующей лекціи Малова началось необыкновенное шарканье ногами. Маловъ еще подлилъ масла въ огонь. Тогда «всѣ студенты,—говоритъ Костенецкій,—вскочили съ мѣстъ своихъ, начали ногами уже не шаркать, а колотить о переднія доски скамеекъ, закричали на него: вонъ, вонъ!.. и пустили уже въ него кто шапкой, а кто книжкой. Онъ стремглавъ бросился изъ аудиторіи, едва успѣлъ схватить свою шубу и шапку и побѣжалъ черезъ дворъ на улицу. Тутъ вслѣдъ ему студенты кричали, атукали, какъ на зайца, ругали его, и когда онъ выбѣжалъ на улицу, то полетѣли въ него и камешки, и толпа далеко по Тверской улицѣ провожала его съ гиканьемъ, бранью и атуканьемъ, какъ дикаго звѣря».

Изгнанный съ такимъ позоромъ, профессоръ сдѣлалъ шефу жандармовъ доносъ, что студенты произвели демонстрацію на лекціи, когда онъ читалъ о монархической власти, какъ о самомъ лучшемъ образѣ правленія. По справкамъ оказалось, что Маловъ читалъ тогда совсѣмъ о другомъ. Кромѣ того, попечителю кн. Голицыну было представлено письмо студентовъ съ перечисленіемъ всѣхъ недостатковъ Малова, какъ профессора и человѣка. Въ результатѣ всей этой много нашумѣвшей исторіи было удаленіе неспособнаго профессора изъ университета по высочайшему распоряженію. Студенты же, произведшіе демонстрацію, почти нисколько не пострадали. Главные виновники

*) „Русская Старина“ 1878 г., № 6.

**) Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 3. Спб. 1879.

остались неизвѣстными университетскому начальству, а принявшіе на себя вину Герценъ, кн. Оболенскій, Розенгеймъ и др. отдѣлались семидневнымъ заключеніемъ въ карцерѣ, гдѣ наказанные провели время очень весело. «Насъ велѣно было,—говоритъ Герценъ,—содержать на хлѣбѣ и на водѣ, ректоръ прислалъ какой-то супъ, мы отказались и хорошо сдѣлали. Какъ только смерклось и университетъ опустѣлъ, товарищи принесли намъ сыру, дичи, сигаръ, вина и ликеру. Солдатъ сердился, ворчалъ, бралъ двугривенные и носилъ припасы. Послѣ полуночи онъ пошелъ далѣе и пустилъ къ намъ нѣсколько человѣкъ гостей. Такъ проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днемъ».

Прежде чѣмъ разстаться съ профессорами второго періода, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ недостаткѣ, которымъ страдали многіе изъ нихъ и который, конечно, не могъ вызывать особеннаго уваженія къ представителямъ высшаго образованія со стороны студентовъ и общества. Недостаточно обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи казеннымъ жалованьемъ (2.000 руб. асс.), нѣкоторые профессора были черезчуръ неразборчивы въ своихъ побочныхъ доходахъ. Такъ, напримѣръ, они содержали пансіоны, гдѣ подготовляли богатыхъ юношей къ поступленію въ университетъ, брали за нихъ иногда по 2.000 руб. въ годъ и крайне снисходительны были къ нимъ на экзаменахъ. Подобные пансіоны доставляли нѣкоторымъ профессорамъ большіе доходы. Не даромъ корыстолюбивый Погодинъ, получивъ извѣстіе о предполагаемомъ запрещеніи профессорамъ имѣть пансіонеровъ, въ 1834 году рѣшился было выйти въ отставку (Барсуковъ, IV, 203).

Приготовленіе студентовъ къ вступительнымъ экзаменамъ посредствомъ домашнихъ уроковъ также имѣло характеръ замаскированнаго взяточничества. Вистенгофъ говоритъ, что передъ самымъ началомъ вступительныхъ экзаменовъ къ нему на домъ ходилъ профессоръ Ивашковскій, который далъ нѣсколько уроковъ греческаго языка и заранѣе предупредилъ своего ученика, о чемъ спроситъ его на экзаменѣ, а также указалъ то мѣсто въ греческой хрестоматіи, которое надо было вызубрить. Студенты, оканчивавшіе курсъ, также доставляли профессорамъ экстраординарные доходы. По словамъ Мурзакевича, нѣкоторые студенты брали у профессоровъ частные уроки, платя по 12—15 рублей за часъ, и только благодаря этому оканчивали курсъ кандидатами. «Видно,—замѣчаетъ по этому поводу Мурзакевичъ,—овощи Курія Дентата не пришлись по желудкамъ престарѣлыхъ профессоровъ». Еще большій доходъ доставляли профессорамъ чиновники, готовившіеся къ такъ называемымъ «комитетскимъ экзаменамъ», дававшимъ право на чины, полученіе которыхъ по закону 1809 года было обусловлено университетскимъ дипломомъ. По словамъ Герцена, эти экзамены были «нѣчто въ родѣ золотыхъ пріисковъ, уступленныхъ старымъ профессорамъ, дававшимъ privatissima по двадцати рублей за урокъ».

Не пренебрегали московскіе профессора первой трети XIX столѣтія и добровольными приносами. Въ воспоминаніяхъ Ляликова говорится, какъ его мать ходила съ нимъ къ профессорамъ Сандунову и Снегиреву-отцу и поднесла каждому изъ нихъ по полдюжинѣ полотенецъ съ вышивками и кружевами. И подобные факты не были, конечно, единичными. «То было время сюрпризовъ и съ пустыми руками не ходили», замѣчаетъ Ляликовъ.

Подобнаго рода доходами нѣкоторые изъ наиболѣе неразборчивыхъ профессоровъ наживали цѣлыя состоянія. По словамъ проф. Боброва, «пансіоны и т. п.» давали возможность даже адъюнктамъ покупать 30-ти-тысячные дома въ Москвѣ и пріобрѣтать стотысячныя имѣнія *). Но подобные доходы были далеко не одинаковы у разныхъ профессоровъ, и рѣзкое различіе между ними въ матеріальномъ отношеніи продолжало существовать и во второмъ періодѣ. Одни изъ профессоровъ, «въ своихъ каретахъ съ ливрейными лакеями на запяткахъ, казались намъ,—говоритъ Пироговъ,—важными сановниками, а другіе—инфантеристы или ѣздившіе на ванькахъ, во фризовыхъ шинеляхъ—имѣли видъ преслѣдуемыхъ судьбою парій» (стр. 316).

VI.

Въ XVIII вѣкѣ, какъ мы видѣли, общее число студентовъ московскаго университета не превышало ста человѣкъ. Въ XIX вѣкѣ это число быстро возрастаетъ: въ 1811 году въ университетѣ было уже 215 студентовъ, въ 1820 году до 500 человѣкъ, а въ 1825 году—876 человѣкъ, въ томъ числѣ 46 «слушателей». Кромѣ усилившагося стремленія къ просвѣщенію на увеличеніе числа студентовъ оказало не малое вліяніе и значительное пониженіе экзаменаціонныхъ требованій. Въ 1805 году было объявлено, что вступить въ университетъ могутъ даже лица, знакомыя только съ начатками исторіи, географіи, ариѳметики и геометріи, а также съ однимъ изъ новыхъ языковъ. Позже стали требовать знанія латинскаго и даже греческаго языковъ, но въ общемъ экзаменовали крайне снисходительно, и сдѣлаться студентомъ въ разсматриваемый періодъ было гораздо легче, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ и послѣ реформы 1835 года. «Въ наше безурядное время—говоритъ Свербѣевъ—въ студенты экзаменовались, когда кто захочетъ, исключая вакацій, и... въ университетъ вступали безъ всякихъ затрудненій. Меня, напримѣръ, далеко не послѣдняго изъ испытуемыхъ, врядъ ли приняли бы теперь въ 4-й классъ гимназіи». Одинъ изъ товарищей Свербѣева по пансіону Мерзлякова былъ принятъ въ студенты, несмотря на то, что «Волгу отправилъ въ Азовское море, а Дублинъ—въ Соединенные Штаты». Даже въ самомъ концѣ періода

*) „Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.“ Т. II, стр. 42. Казань. 1901.

въ университетъ вступали юноши, крайне слабо владѣвшіе русскимъ языкомъ въ отношеніи правописанія. «Чтобы дать понятіе о томъ, до какой степени всѣ мы, говоритъ Юрій Самаринъ *) были худо приготовлены, достаточно разсказать одно. На первой лекціи Шевыревъ заставилъ насъ написать подъ диктовку нѣсколько страницъ, потомъ далъ намъ полчаса на внимательное прочтеніе написаннаго, и у всѣхъ, за весьма немногими исключеніями... на каждой страницѣ оказалось, у кого десять, у кого двадцать грубѣйшихъ ошибокъ противъ правописанія». Чинъ XIV класса, а съ 1822 года—XII класса, также оказалъ свою долю вліянія на увеличеніе числа студентовъ. И студенческій мундиръ съ треуголкой и шпагой для нѣкоторыхъ юношей имѣлъ не малую притягательную силу. Снегиревъ вспоминаетъ, съ какимъ восхищеніемъ надѣлъ онъ свой мундиръ и какъ тѣшили его дѣтское тщеславіе будочники и солдаты, отдававшіе ему честь. Несравненно болѣе серьезный Бѣлинскій—и тотъ не могъ удержаться отъ удовольствія написать своимъ роднымъ: «итакъ, я теперь студентъ... имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу». Впрочемъ этимъ правомъ въ царствованіе императора Александра I пользовались очень немногіе. По словамъ Галахова, «каждый одѣвался какъ могъ и какъ хотѣлъ, почему рядомъ со студентами, щеголявшими модными костюмами, сидѣли другіе въ бѣдныхъ сюртукахъ, а иные даже не снимали съ себя фризовыхъ шинелей, прикрывая ими ветхость своихъ платьевъ». Что же касается головныхъ уборовъ, то треуголкамъ, по свидѣтельству Герцена, предпочитались «крошечныя фуражки, едва державшіяся на дѣвственныхъ волосахъ».

Вообще, какъ насчетъ костюма, такъ и въ другихъ отношеніяхъ студенты въ первую половину разсматриваемаго періода пользовались значительной свободой. Но впослѣдствіи эта свобода подверглась существеннымъ ограниченіямъ. Для облегченія надзора за студентами въ 1826 году признано было необходимымъ заставить ихъ носить синіе мундиры съ малиноваго цвѣта воротниками и мѣдными красными пуговицами. Въ 1827 году своекоштные студенты были подчинены надзору городской полиціи, тогда какъ по уставу 1804 года всѣ студенты находились въ вѣдѣніи университетскаго суда и полиціи. Вмѣстѣ съ усиленіемъ надзора былъ стѣсненъ и доступъ въ число студентовъ. Въ томъ же 1827 году указано было принимать въ университетъ только лицъ свободныхъ сословій. Въ 1831 году было сдѣлано распоряженіе «строго наблюсти», чтобы впредь въ студенты университетовъ никто не былъ принимаемъ, не окончивъ въ гимназіяхъ полнаго курса или не выдержавъ соотвѣтствующаго испытанія. Всѣ эти строгости и ограниченія въ связи съ крайнимъ нерасположеніемъ императора Николая къ московскому университету и съ подвигами

*) „Русь“ 1880 г., № 1.

такихъ исполнителей, какъ Писаревъ, графъ Панинъ и Голохвастовъ, наконецъ, не безъ вліянія участившихся случаевъ отдачи студентовъ въ солдаты, повели къ значительному сокращенію числа учащихся. Въ 1836 году въ московскомъ университетѣ было всего только 438 студентовъ, т.-е. вдвое меньше, чѣмъ въ 1825 году.

Составъ студентовъ былъ очень пестрый: тамъ были и представители титулованной аристократіи, получившіе домашнее или пансіонное образованіе, и представители духовнаго сословія, окончившіе курсъ духовныхъ семинарій, и разночинцы, учившіеся, главнымъ образомъ, въ гимназіяхъ. Кромѣ студентовъ, рѣзко дѣлившихся на двѣ группы, своекоштныхъ и казеннокоштныхъ, были еще «слушатели», къ числу которыхъ принадлежали представители податныхъ сословій, получавшіе званіе студента и связанное съ нимъ право на чинъ только послѣ успѣшнаго окончанія университетскаго курса. Кромѣ студентовъ и «слушателей», кромѣ чиновниковъ, желавшихъ сдать «комитетскіе экзамены», доступъ въ университетъ съ разрѣшенія ректора былъ предоставленъ всѣмъ желающимъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Постороннюю публику можно было очень часто встрѣтить на лекціяхъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ, напримѣръ, у Страхова, Мерзлякова, Павлова, Надеждина, даже Давыдова. Особенный наплывъ постороннихъ слушателей наблюдался въ началѣ періода, до 1812 года, когда женщины допускались даже на медицинскія лекціи. «Бывало самъ не знаешь,—вспоминаетъ Егоръ Тимковскій,—смотрѣть ли на искусственный огонь, извлекаемый Страховымъ изъ электрической машины, или защищаться отъ искръ, разсылаемыхъ дѣвическими глазами. Нехороша, очень нехороша была эта мода, занятая изъ Парижа... Сами профессора стѣснялись такою модою. Для угожденія дамамъ, они, по учтивости, должны были выбирать изъ преподаваемой науки предметы, доступные ихъ хорошенькимъ головкамъ, предметы легкіе, забавные». Далѣе Тимковскій разсказываетъ, что проф. Политковскій, «соскучившись такимъ моднымъ ограниченіемъ, для устраненія его, однажды, при своихъ милыхъ посѣтительницахъ, началъ говорить прямо, хотя и съ нѣкоторою пощадою, о дѣйствіи лѣкарствъ на очищеніе желудка». И цѣль была достигнута: «съ тѣхъ поръ модницы не заглядывали болѣе въ классъ слишкомъ откровеннаго профессора».

По свидѣтельству Герцена, «пестрая молодежь», стекавшаяся въ московскій университетъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ всѣхъ классовъ общества, «быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества». Общественныя различія, по его словамъ, среди московскихъ студентовъ не имѣли того оскорбительнаго вліянія, которое наблюдается, напримѣръ, въ англійскихъ школахъ. Студентъ, который вздумалъ бы хвастаться своей *бѣлой костью* или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ «воды и огня», замученъ товарищами. Такія же вос-

поминанія о демократическомъ духѣ, царившемъ въ московскомъ университетѣ, сохранены намъ и другими представителями дворянскаго сословія. Такъ, К. Аксаковъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ «веселое товарищество... не справляющееся ни о родѣ ни о племени, ни о богатствѣ, ни о знатности, не хлопочущее о манерахъ, а постоянно вольно себя выражающее». Но подобныя заявленія о «компактной массѣ товарищества» и о демократическомъ духѣ московскаго студенчества могутъ быть приняты только съ существенными оговорками и поправками. Тотъ же Герценъ сообщаетъ, что студенты-медики держались нѣсколько въ сторонѣ, такъ какъ состояли изъ нѣмцевъ и семинаристовъ. Нѣмцы же «были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ», а съ семинаристами, продолжаетъ Герценъ, «мы говорили разными языками: они... завидовали нашей развязности, мы досадовали на ихъ христіанское смиреніе».

Даже и среди студентовъ-дворянъ не было полнаго единенія. Свербѣевъ и К. Аксаковъ, сами принадлежавшіе къ столбовому русскому дворянству, съ пренебреженіемъ говорятъ о студентахъ-«аристократикахъ», которые сторонились отъ общей студенческой массы и, конечно, не пользовались ея симпатіями. Кромѣ «зловредной свѣтскости», студенты-аристократы вызывали негодованіе нѣкоторыхъ своихъ товарищей еще тѣмъ, что пошли навстрѣчу требованіямъ начальства относительно формы, стали носить не только мундиры, но и форменныя шинели, и являлись въ форменномъ платьѣ не только на лекціи, но и внѣ университета. «Сурово смотрѣли,—говоритъ Аксаковъ,—старые студенты на этихъ новыхъ поклонниковъ форменности, предвидѣли бѣду и держали себя съ ними гордо и далеко... Мы не пускали къ себѣ на лавки этихъ модниковъ, отъ которыхъ вѣяло бездушіемъ и пустотою ихъ среды».

По свидѣтельству Гончарова, не только единенія, но и простого знакомства иногда не было даже между слушателями одного и того же профессора. «Можетъ быть, — говоритъ Гончаровъ, — покажется страннымъ нынѣшнимъ студентамъ, что мы, собираясь ежедневно въ одной аудиторіи, могли быть другъ съ другомъ незнакомы. Это объясняется очень просто. Тогда студенты не составляли корпораціи и не были ни въ чемъ (!) солидарны между собой, не имѣли никакихъ обязательныхъ другъ къ другу отношеній... Мы собирались тамъ, какъ собираются на публичныя лекціи, въ церкви... Студенты приходили на лекцію и уходили, какъ постороннія другъ другу лица. Никто не заботился о томъ, что тотъ или другой дѣлаетъ дома, чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ особенно занимается». Сліяніе молодежи «въ компактную массу товарищества» можно было наблюдать только среди казеннокоштныхъ студентовъ да еще въ отдѣльныхъ кружкахъ. Казеннокоштные студенты, объединенные одинаковыми условіями быта и имѣвшіе общіе интересы, при случаѣ дѣйствовали заодно, напримѣръ,

когда дѣло касалось дурной пищи или чрезмѣрныхъ строгостей надзора. Такъ, въ холерный годъ казеннокоштные студенты добились улучшенія стола послѣ того, какъ согласились не ходить въ столовую, гдѣ ихъ кормили «падалью», по выраженію Бѣлинскаго. Въ томъ же 1831 году по требованію молодежи былъ освобожденъ изъ карцера студентъ, отлучившійся изъ университета вопреки запрещенію начальства, но съ разрѣшенія своихъ товарищей. Но такая солидарность казеннокоштныхъ студентовъ проявлялась только въ исключительныхъ случаяхъ. Болѣе обычнымъ было обращеніе на почвѣ духовныхъ потребностей. Каждый номеръ студенческаго общежитія представлялъ болѣе или менѣе тѣсный кружокъ студентовъ, соединенныхъ общими занятіямб и интиресами, на почвѣ которыхъ развивались дружескія отношенія. Въ этихъ номерахъ велись долгіе и горячіе споры о наукѣ, литературѣ и искусствѣ, а въ одномъ изъ этихъ номеровъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникли даже регулярные литературные вечера, на которыхъ студенты разсуждали о прочитанныхъ журнальныхъ статьяхъ, о профессорскихъ лекціяхъ, спорили о классицизмѣ и романтизмѣ, наконецъ, читали собственныя сочиненія и переводы. Главными иниціаторами такого рода литературныхъ бесѣдъ были Чистяковъ, извѣстный впослѣдствіи писатель для дѣтей, и Бѣлинскій, прочитавшій на одномъ изъ вечеровъ свою юношескую трагедію. Въ менѣе организованномъ видѣ такіе вечера существовали, конечно, и раньше.

Существовали кружки и среди своекоштныхъ студентовъ, которые, по свидѣтельству Гончарова, «дѣлились на группы близкихъ между собою товарищей, иногда прежнихъ соучениковъ въ школѣ и случайныхъ знакомыхъ, иногда просто сосѣдей на университетской скамьѣ... Эти группы не сливались между собою, ничто не связывало ихъ другъ съ другомъ. Каждая группа имѣла свой центръ; члены ея собирались между собою, вмѣстѣ вели записки лекцій, вмѣстѣ читали книги, готовились къ экзаменамъ—и, конечно, часто вмѣстѣ проводили время внѣ университета». Записываніе лекцій, кстати сказать, въ то время имѣло несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ позднѣе, потому что печатныхъ университетскихъ курсовъ было очень мало, а литографированныхъ лекцій и вовсе не было. «Мы должны были,—говоритъ Гончаровъ,—записывать изустную рѣчь профессора, и этотъ трудный процессъ приносилъ намъ массу добра. Стенографіи не было, ловить каждое слово и записывать нельзя, слѣдовательно надо было схватывать общій смыслъ каждаго періода и сжато излагать на бумагѣ. Легко понятно, какъ такая умственная гимнастика должна была изощрять соображеніе, развязывать умъ и перо! Нѣтъ, слава Богу, что у насъ не было литографированныхъ лекцій! Съ этой стороны, могу сказать, у насъ было лучше».

Кромѣ совмѣстнаго составленія лекцій, чтенія журналовъ и книгъ

и приготовленія къ экзаменамъ, нѣкоторые кружки преслѣдовали и болѣе серьезныя цѣли. Ляликовъ разсказываетъ о «литературномъ обществѣ» студентовъ, основанномъ въ 1820 году съ цѣлью читать и разбирать собственныя сочиненія членовъ. Но общество это, собиравшееся на квартирѣ студента Титова, просуществовало очень не долго. «Мы сходились,—говоритъ Ляликовъ,—раза три; потомъ слышимъ, что квартальный съ будочниками за нами наблюдаетъ, а дальше и хозяинъ дома объявляетъ Титову, что онъ держать его въ своемъ домѣ, если не прекратятся сборища, не можетъ. Нечего дѣлать, надо было бросить. Такимъ образомъ самое невинное, чистое дѣло погасло не отъ бѣса полуденнаго, а отъ неописаннаго алгвазилы».

Особенною извѣстностью въ исторіи не только московскаго университета, но и русскаго общественнаго развитія, пріобрѣли студенческіе кружки Станкевича и Герцена. Въ первомъ изъ этихъ кружковъ, къ которому, кромѣ Станкевича, принадлежали студенты Бѣлинскій, К. Аксаковъ, Клюшниковъ, Красовъ, Невѣровъ, С. Строевъ, Петровъ и нѣкоторые другіе, особенно увлекались нѣмецкой литературой и философіей, а также театромъ, Кромѣ того, «въ этомъ кружкѣ,—по словамъ К. Аксакова,—выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе, большею частію отрицательное. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то, и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей». «Я былъ пораженъ такимъ направленіемъ,—продолжаетъ Аксаковъ,—и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны были мнѣ нападенія на Россію... Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ... Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина, ни пирушекъ, которыя если случались, то очень рѣдко,—и что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондерства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще, политическая сторона занимала его мало; мысль же о какихъ-нибудь кольцахъ, тайныхъ обществахъ и проч. была ему смѣшна, какъ жалкая комедія. Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины».

Инымъ характеромъ отличался кружокъ Герцена, въ составъ котораго входили Огаревъ, Сатинъ, Сазоновъ, Вадимъ Пассекъ и др. Въ этомъ кружкѣ, собиравшемся въ домѣ Огарева, на первомъ планѣ

стояли соціально-политическіе вопросы и мѣсто нѣмецкой философіи занималъ французскій соціализмъ въ лицѣ сенъ-симонизма. Члены этого кружка сильно интересовались и политическими событіями З. Европы, особенно Франціи. «Мы слѣдили,—говоритъ Герценъ,—шагъ за шагомъ за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами (въ палатѣ депутатовъ), за генераломъ Лафайэтомъ и за генераломъ Ламаркомъ; мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты» *).

Подобные кружки, конечно, не могли превратиться въ дозволенныя учебнымъ начальствомъ студенческія общества. Изъ легальныхъ же студенческихъ союзовъ во второмъ періодѣ исторіи московскаго университета можно указать только одно «Общество математиковъ», возникшее въ 1810 году по иниціативѣ студента Муравьева, знаменитаго впослѣдствіи виленскаго генералъ-губернатора. Общество это состояло изъ кандидатовъ и студентовъ университета и ставило цѣлью распространеніе математическихъ знаній посредствомъ сочиненій, переводовъ полезныхъ книгъ и преподаванія. Впослѣдствіи «Общество математиковъ» превратилось въ «Училище колонновожатыхъ», нѣчто вродѣ академіи генеральнаго штаба; на первыхъ же порахъ, до Отечественной войны, это былъ своего рода вольный университетъ въ квартирѣ Муравьева, гдѣ для всѣхъ желающихъ безплатно читались лекціи по математическимъ наукамъ, причемъ въ числѣ первыхъ лекторовъ были и студенты.

Рядомъ съ кружками русскихъ студентовъ существовало въ Москвѣ и нѣмецкое землячество, которое имѣло свою залу собраній, гдѣ дрались на рапирахъ, устраивались попойки, а иногда происходили и дуэли, оканчивавшіяся царапинами. Не безъ вліянія нѣмцевъ и среди русскаго студенчества въ концѣ разсматриваемаго періода бродили мысли объ основаніи широкой студенческой организаціи. Послѣ маловской исторіи на собраніяхъ у одного студента «мы разсуждали—говоритъ Костенецкій,—о своемъ студенческомъ положеніи, о недостаточности собственнаго нашего образованія и о невѣжествѣ нашихъ

*) „Мы вошли въ аудиторію,—говоритъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ,—съ твердою цѣлью основать въ ней зерно общества по образу и подобію декабристовъ и потому искали прозелитовъ и послѣдователей... Проповѣдывали мы вездѣ, всегда. Что мы собственно проповѣдывали, трудно сказать. Идеи были смутны; мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и ту же революцію; мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу. Общество въ сущности никогда не составлялось, но пропаганда наша пустила глубокіе корни во всѣ факультеты и далеко перешла университетскія стѣны“.

профессоровъ, и у насъ родилось было намѣреніе, по примѣру нѣмцевъ, составить свои студенческія постоянныя собранія, или, какъ теперь говорятъ, сходки, на которыхъ бы студенты во-первыхъ, обмѣнивались свѣдѣніями и идеями по разнымъ научнымъ предметамъ, читали бы ученыя сочиненія, писали бы и читали свои сочиненія, а во-вторыхъ, имѣли бы наблюденіе и за поведеніемъ, какъ собственно своимъ, такъ и всѣхъ вообще студентовъ: стараться, чтобы всѣ студенты вели себя какъ можно благороднѣе, и въ сношеніяхъ между собою, и въ сношеніяхъ съ обществомъ, чтобы имя студента означало образованнаго, честнаго и благороднаго человѣка; въ случаѣ же какого-либо предосудительнаго поступка студента, дѣлать ему товарищескія убѣжденія и предостереженія». Кромѣ того, имѣлась въ виду и организація матеріальной помощи болѣе бѣднымъ товарищамъ.

VII.

Какъ необходимо было самообразованіе тогдашнему студенту, въ этомъ достаточно убѣждаютъ приведенные отзывы о профессорахъ. Въ литературѣ воспоминаній мы находимъ не мало свидѣтельствъ и о грубости студенческихъ нравовъ, нуждавшихся, во всякомъ случаѣ, въ смягченіи и облагороженіи «Въ Московскомъ университетѣ,—говоритъ Пироговъ,—я былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ сценъ изъ студенческой жизни, зависѣвшихъ всецѣло отъ грубости и неурядицы взаимныхъ отношеній между товарищами. Кулачный бой, синяки и фонари, площадная ругань и матерщина были явленіями незаурядными». «Рукопашныя схватки и побоища», о которыхъ упоминаютъ также Свербѣевъ, Галаховъ, Аксаковъ и Буслаевъ, происходили даже въ аудиторіяхъ, иногда во время лекцій.

Кромѣ взаимныхъ отношеній, студенческая грубость нравовъ, особенно у великовозрастныхъ семинаристовъ и помѣщичьихъ сынковъ, проявлялась и въ разнаго рода кутежахъ, сопровождавшихся буйствомъ и столкновеніями съ мирными обывателями и полиціей. Уже въ 1811 году потребовался указъ, грозившій студентамъ солдатчиной «за развратное поведеніе». Но и страхъ солдатчины, а тѣмъ менѣе облаченіе въ солдатскую шинель, практиковавшееся въ казенномъ общежитіи въ видѣ наказанія и угрозы, не удерживали студентовъ отъ серьезныхъ проступковъ противъ общественной тишины и порядка. Какъ наиболѣе яркій примѣръ студенческаго буйства, можно указать разгромъ одного неудобнаго для названія публичнаго заведенія, произведенный въ половинѣ двадцатыхъ годовъ и воспѣтый Полежаевымъ въ поэмѣ «Сашка».

Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что кутежамъ и оргіямъ предавалось меньшинство студентовъ. Большинство же если и посѣщало трактиры, то не ради кутежей, для которыхъ не у всѣхъ были и

средства, а ради чаепитія, куренія табаку, чтенія журналовъ и газетъ. Излюбленнымъ трактиромъ казеннокошныхъ студентовъ во второй половинѣ разсматриваемаго періода былъ трактиръ купца Печкина, находившійся противъ Александровскаго сада и называвшійся «Желѣзнымъ», потому что онъ помѣщался надъ лавками, гдѣ торгуютъ и теперь желѣзомъ. Въ этомъ трактирѣ для студентовъ была отведена особая комната рядомъ съ большой залой, гдѣ находился органъ. «Въ этой комнатѣ мы,—говоритъ Буслаевъ,—читали книги и журналы, готовились къ экзамену, даже писали сочиненія, болтали и веселились, и особенно наслаждались музыкою «машины», а собственно изъ трактирнаго продовольствія пользовались только чаемъ, не имѣя средствъ позволить себѣ какую-нибудь другую роскошь. Впрочемъ, когда мы были при деньгахъ, устраивали себѣ пиршество: спрашивали порціи двѣ или три, раздѣляя ихъ между собою по частямъ. Особенную привлекательность имѣлъ для насъ трактиръ потому, что тамъ мы чувствовали себя совсѣмъ дома, независимыми отъ казеннокошной дисциплины, а главное, могли курить вдоволь; въ зданіи университета это удовольствіе намъ строго воспрещалось».

Волѣе разгульные изъ числа казеннокоштныхъ студентовъ, по свидѣтельству Мурзакевича, предпочитали въ томъ же «желѣзномъ ряду» трактиръ содержателя «Сучкà»; а студенты, обладавшіе средствами. посѣщали кондитерскія и «знаменитый ѣдою» Новотроицкій трактиръ.

Кромѣ трактирныхъ чаепитій и пиршествъ устраивались и домашніе кутежи и попойки, особенно на квартирахъ богатыхъ студентовъ. Отъ этихъ кутежей не свободенъ былъ даже кружокъ Герцена и Огарева, особенно, когда праздновались сразу именины четырехъ Николаевъ (Кетчера, Огарева, Сазонова и Сатина). Подобнаго рода пирушки не всегда обходились безъ предосудительныхъ эксцессовъ, но особенно вредныхъ послѣдствій не вызывали и даже не оставляли послѣ себя непріятныхъ воспоминаній. «Я помню, — говоритъ Герценъ,—юношескія оргіи, разгульныя минуты, хватавшія иногда черезъ край, я не помню ни одной безнравственной исторіи въ нашемъ кругу, ничего такого, отъ чего человѣкъ *серьезно* долженъ былъ краснѣть, что старался бы забыть, скрыть. Все дѣлалось открыто, открыто рѣдко дѣлается дурное... Общіе вопросы, гражданская экзальтація спасали насъ; и не только они, но сильно развитой научный и художественный интересъ. Они, какъ зажженная бумага, выжигали сальныя пятна».

Были, наконецъ, у московскихъ студентовъ и болѣе скромныя и благородныя развлеченія. Въ студенческихъ воспоминаніяхъ часто можно встрѣтить разсказы о прогулкахъ по окрестностямъ Москвы, о посѣщеніи московскихъ монастырей, даже о путешествіи въ Троицкую лавру «по образу пѣшаго хожденія». Особенно видную роль игралъ въ жизни студентовъ театръ. «Не могу безъ умиленія вспомнить,— говоритъ Егоръ Тимковскій,—о сладкихъ часахъ того упоенія, въ ко-

торое приводила меня игра хорошихъ актеровъ».—«Всякій студентъ, по его словамъ,—несъ въ театръ послѣдній рубль, да и тотъ нерѣдко занятый у товарища». У казеннокоштныхъ студентовъ по традиціи, унаслѣдованной отъ XVIII вѣка, устраивался и свой собственный театръ, подъ руководствомъ такихъ любителей сценическихъ представленій, какими были профессора Страховъ и Сандуновъ. Вначалѣ разсматриваемаго періода, по свидѣтельству Егора Тимковскаго, особенно часто игрались студентами модныя въ то время пьесы Коцебу; послѣ 1812 года, по свидѣтельству Свербѣева, ставились комедіи Фонвизина, «Ябеда» Капниста; «Модная лавка» Крылова. Въ двадцатыхъ годахъ студенческій театръ пришелъ въ упадокъ, но въ холерный годъ театральныя представленія въ казенномъ общежитіи были возобновлены подъ руководствомъ артиста Щепкина.

Среди студентовъ находились ярые поклонники тогдашнихъ театральныхъ знаменитостей. Таковъ, напримѣръ, изображенный Пироговымъ студентъ-медикъ Катоновъ, восторженный обожатель Мочалова. «Катоновъ,—говоритъ Пироговъ,—декламируя, выходитъ изъ себя, не кричитъ уже, а вопитъ, реветъ, шипитъ, размахиваетъ во всѣ стороны поднятымъ вверхъ стуломъ, у рта пѣна, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горятъ. Изступленіе полное». На ряду съ поклонниками Мочалова были и поклонники Каратыгина, и студенческія собранія часто оглашались спорами о достоинствахъ этихъ артистовъ.

Необходимость организаціи товарищеской взаимопомощи также въ достаточной степени выясняется въ литературѣ воспоминаній. Какъ ни плохо жилось казеннокоштнымъ студентамъ въ теченіе большей части разсматриваемаго періода, далеко не всѣ бѣдняки пользовались казенной квартирой и казеннымъ столомъ. Многимъ своекоштнымъ студентамъ приходилось терпѣть и голодъ и холодъ, подобно Мурзакевичу, который зимою ходилъ въ лѣтней шинели и въ сапогахъ на босу ногу, да еще безъ калошъ. Но Мурзакевичъ былъ сынъ городского священника и получалъ отъ отца 240 руб. ассигнаціями въ годъ. Легко представить, какъ жилось сыновьямъ сельскаго духовенства, не попавшимъ въ казенное общежитіе. У Мурзакевича была хоть какая-нибудь шинель, а у его сожителей не было никакой верхней одежды. По свидѣтельству Морошкина, «многіе своекоштные студенты имѣли одну шинель и одинъ праздничный фракъ *на пятерыхъ*».

Добывать же средства собственнымъ трудомъ было тоже очень тяжело. Лекціи читались не только утромъ, но и вечеромъ (до 1827 года), слѣдовательно, приходилось тратить массу времени и на хожденіе въ университетъ и обратно, куда-нибудь въ отдаленный уголъ Москвы. Для частныхъ уроковъ оказывалось мало свободнаго времени, да и вознаграждались они довольно скудно. «Высокомѣрный пріемъ, скромная плата—рубля по 2 ассигнаціями за урокъ двухъ

или трехчасовой, а въ санную пору утлыя пошевни—вотъ обыкновенное возмездіе, которое, по словамъ Егора Тимковскаго, пріобрѣталъ (студентъ) тратою лучшихъ часовъ, (необходимыхъ) для собственнаго своего образованія». Что касается переводовъ, то они, по свидѣтельсзву того же Тимковскаго, еще менѣе обезпечивали студента. Мѣсто Новикова заняли невѣжественные книгопродавцы и издатели вродѣ Матвѣя Глазунова, который оцѣнивалъ рукопись не по содержанію и не по достоинству перевода, а по вѣсу. «Лучшіе переводчики, по словамъ Тимковскаго, получали за свой трудъ по 6—7 рублей ассигнаціями съ оригинальнаго листа», а иногда печатный листъ оплачивался по 3—4 руб. ассигнаціями. Если книгопродавецъ не принималъ рукописи или цѣнилъ ее слишкомъ низко, студентъ-переводчикъ, по разсказамъ Тимковскаго, спѣшилъ въ чертоги какого-нибудь вельможи и повергалъ на его великодушное воззрѣніе свой незрѣлый трудъ «съ посвятительнымъ письмомъ». Случалось, что вельможа изъ барской спеси печаталъ посвященное ему сочиненіе на свой счетъ и награждалъ переводчика сотней рублей. Но на такое униженіе рѣшались очень немногіе студенты.

Сравнительно лучше устраивались тѣ студенты, которые получали за уроки квартиру и столъ, но такія «кондиціи» не всѣмъ удавалось пріискать.

А между тѣмъ никакой организаціи для помощи бѣднѣйшимъ студентамъ не существовало. «Никакихъ баловъ, концертовъ, спектаклей въ пользу неимущихъ слушателей по словамъ Гончарова не давалось». Не было также, по свидѣтельству Костенецкаго, ни подписокъ, ни складчинъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ.

Къ чести московскаго студенчества, слѣдуетъ сказать, что они не оставались равнодушными къ судьбѣ своихъ бѣднѣйшихъ товарищей. Богатые студенты, а такихъ было не мало, содержали на свой счетъ по нѣскольку бѣдняковъ, давая имъ квартиру и столъ. Случалось также, что бѣдный студентъ кочевалъ по квартирамъ своихъ болѣе обезпеченныхъ товарищей, проживая мѣсяцъ у одного, мѣсяцъ у другого и т. д.

Не оставляя безъ помощи своихъ бѣднѣйшихъ товарищей, московское студенчество живо откликалось и на общественныя бѣдствія, постигавшія Россію. Особенно ярко это выразилось въ холерный годъ. «Весь медицинскій факультетъ, студенты и лекаря en masse,—по словамъ Герцена,—привели себя въ распоряженіе холернаго комитета; ихъ разослали по больницамъ, и они оставались тамъ безвыходно до конца заразы. Три или четыре мѣсяца эта чудная молодежь прожила въ больницахъ ординаторами, фельдшерами, сидѣлками, письмоводителями и все это безъ всякаго вознагражденія и притомъ въ то время, когда такъ преувеличенно боялись заразы». Даже студенты, получившіе отпускъ домой по важнымъ семейнымъ дѣламъ, остались «на холерѣ».

Реакція двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ также встрѣтила среди московскаго студенчества сильную оппозицію. По свидѣтельству Пирогова, «всѣ запрещенные стихи, въ родѣ «Оды на вольность», «Къ временщику» Рылѣева, «Гдѣ тѣ, братцы, острова» и т. п., ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ». Политика кн. Голицына и весь аракчеевскій режимъ подвергались рѣзкому осужденію. Наиболѣе рьяные вольнодумцы договаривались даже до проповѣди революціи, «какъ французская—съ гильотиною». Суровая расправа съ декабристами и усиленіе надзора за университетомъ еще болѣе усилили оппозиціонное настроеніе московскихъ студентовъ. Нерасположеніе къ правительству доходило до того, что студенты, по свидѣтельству Герцена «радовались каждому пораженію Дибича, не вѣрили неуспѣхамъ поляковъ». «Руководствуясь то состраданіемъ къ угнетеннымъ, то внушеніями товарищей поляковъ и нѣмцевъ», студенты, по словамъ Костенецкаго, «считали войну эту несправедливою, варварскою и жестокою: въ полякахъ видѣли страдальцевъ за родину, а въ правительствѣ нашемъ—жестокихъ тирановъ, деспотовъ».

Знакомство съ иностранной жизнью и суровый домашній режимъ давали обильную пищу для развитія политическаго свободомыслія учащейся молодежи. Если вѣрить Костенецкому, «всѣ благомыслящіе студенты» были проникнуты конституціонными идеями. Наиболѣе же пылкіе представители молодежи мечтали, подобно Герцену, что изъ ихъ аудиторіи «выйдетъ та фаланга, которая пойдетъ за Пестелемъ и Рылѣевымъ», и готовы были, подобно Костенецкому, сдѣлаться «революціонными героями» и пострадать за великое дѣло обновленія отечества. Нѣкоторые изъ студентовъ и дѣйствительно пострадали, хотя ничѣмъ не провинились, кромѣ «нецензурныхъ», съ политической точки зрѣнія, разговоровъ и стиховъ. Въ числѣ наиболѣе серьезно пострадавшихъ студентовъ были Костенецкій и Антоновичъ (впослѣдствіи попечитель кіевскаго учебнаго округа), замѣшанные въ дѣло Сунгурова *) и отданные въ солдаты.

Конечно, далеко не вся учащаяся молодежь въ своемъ свободомысліи заходила такъ далеко, какъ Герценъ и Костенецкій съ товарищами. Очень многіе студенты не чувствовали надъ собой даже никакого гнета и сторонились отъ всякаго рода политическихъ вопросовъ. «Наша юная толпа,—говоритъ Гончаровъ,—составляла собою маленькую ученую республику, надъ которой простиралось вѣчно ясное небо, безъ тучъ, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, проподаваемыхъ съ каѳедръ. Если же и бывали какія-нибудь исторіи, въ которыхъ замѣ-

*) Помѣщикъ Сунгуровъ въ 1833 году былъ обвиненъ въ составленіи тайнаго противоправительственнаго общества.

шаны бывшіе до насъ студенты, то мы тогда ничего объ этомъ не знали. Мы вступили на серьезный путь науки, и не только серьезно искренно, но даже съ нѣкоторымъ педантизмомъ относились къ ней. Кромѣ нея въ стѣнахъ университета для насъ ничего не было. Дома всякій жилъ по своему, дѣлалъ, что хотѣлъ, развлекался, какъ умѣлъ— все вразбродъ, но въ университетъ мы ходили только учиться, не внося съ собою никакихъ другихъ заботъ и дѣлъ».

Но Гончаровъ, очевидно, многое проглядѣлъ въ настроеніи московскаго студенчества тридцатыхъ годовъ. «Молодежь,—говоритъ Герценъ,—была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ все больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхется лѣнь равно исчезали, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассесоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ. Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ, наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило къ голову; тетрадки *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями, и при всемъ томъ я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного предательства. Были робкіе молодые люди, уклонявшіеся, отстранявшіеся, но и тѣ молчали».

VIII.

Никогда московскій университетъ не былъ такъ бѣденъ хорошими профессорами, никогда «солнце истины» не свѣтило съ московскихъ каѳедръ такъ «тускло и холодно», какъ въ періодъ 1805—1835 годовъ. И тѣмъ не менѣе московскіе студенты того времени сохранили объ университетѣ въ большинствѣ случаевъ восторженныя воспоминанія. «Какое свѣтлое воспоминаніе о нашей незабвенной alma mater, объ этомъ дорогомъ времени!—говоритъ Ляликовъ.—Ни одной непріятной черты не помню я во все время жизни въ университетѣ; даже прислуга была усердная и хорошая. И теперь не могу я равнодушно пройти мимо славнаго нашего святилища». Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о московскомъ университетѣ говоритъ: «благороднѣе, чище, выше этихъ воспоминаній у меня... въ молодости не было». Но Ляликовъ и Гончаровъ принадлежали къ числу студентовъ, которые были почти вполнѣ довольны и своими профессорами, и университетскими порядками. Не менѣе восторженные отзывы дали и тѣ студенты, которые не поскупились на изображеніе отрицательныхъ сторонъ уни-

верситетской жизни. Такъ, напримѣръ, Пироговъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что, «несмотря на комизмъ и отсталость» профессоровъ, онъ вынесъ изъ московскаго университета, вмѣстѣ съ курьезами разнаго рода, и такія впечатлѣнія, которыя врѣзались въ душу на всю жизнь и дали ей извѣстное направленіе.

Костенецкій, изъ студентовъ попавшій въ солдаты, въ концѣ своихъ воспоминаній написалъ слѣдующія строки: «Какъ я ни былъ несчастливъ въ жизни, какъ я ни пострадалъ чрезъ воспитаніе мое въ университетѣ, но я объ этомъ нисколько не жалѣю и всегда благословляю мое университетское воспитаніе, всегда съ какимъ-то благоговѣніемъ, когда случится, смотрю на любимое зданіе стараго Московскаго университета, всегда съ особеннымъ расположеніемъ, какъ бы собрата, встрѣчаю каждаго, когда-либо въ немъ воспитывавшагося, всегда съ особымъ сочувствіемъ читаю или слушаю о всѣхъ событіяхъ Московскаго университета, какъ будто я и теперь еще состою его студентомъ, и всегда вспоминаю о своей университетской жизни съ особеннымъ удовольствіемъ».

Еще болѣе восторженныя строки посвятилъ московскому университету авторъ «Былого и думъ». «Alma mater!—патетически восклицаетъ онъ:—Я такъ много обязанъ университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнью, съ нимъ, что не могу вспоминать о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ университету легка благодарность, она нераздѣльна съ любовью, со свѣтлымъ воспоминаніемъ молодого развитія... и я благословляю его изъ дальней чужбины!»

Даже Лермонтовъ, который, по словамъ Вистенгофа, съ негодованіемъ отзывался о «нелѣпой университетской администраціи» и называлъ московскихъ профессоровъ людьми «отсталыми, глупыми, бездарными», впослѣдствіи писалъ:

„Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры...
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящія клочками"...

Причиною такого нѣжнаго, любовнаго отношенія московскихъ студентовъ къ университету только отчасти были немногіе, лучшіе профессора. Несравненно бо̀льшую роль играли тутъ свѣтлыя воспоминанія юности съ ея идеалами и надеждами, а также тѣсное общеніе съ товарищами, содѣйствовавшее умственному и нравственному развитію студентовъ несравненно болѣе, чѣмъ университетскія лекціи. Герценъ прямо говоритъ, что «больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній». Подобное же признаніе мы имѣемъ и отъ другихъ выдающихся питомцевъ московскаго университета. Пироговъ говоритъ, что его міросо-

зерцаніе послѣ вступленія въ университетъ очень скоро измѣнилось, но не столько отъ профессорскихъ лекцій, сколько «отъ образовательнаго вліянія 10-го номера» въ казенномъ общежитіи. «Мы мало почерпнули,—говоритъ Аксаковъ,—изъ университетскихъ лекцій и много вынесли изъ университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость».

Не послѣднюю роль въ восторженныхъ отзывахъ о московскомъ университетѣ играетъ и та относительная, но все-таки ощутительная для юношей свобода, которой пользовалась учащаяся молодежь, особенно до 1825 года. «Тогда,—по словамъ Пирогова,—университетская молодежь, предоставленная самой себѣ, жила, гуляла, училась, бѣсилась по-своему. Не было ни попечителей, ни инспекторовъ въ современномъ значеніи этихъ званій... Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переклички по спискамъ на лекціяхъ и репетиціи, у иныхъ профессоровъ и довольно часто; но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ, у которыхъ и слушать было нечего, и нечему научиться» (стр. 233).

Объ этой свободѣ говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ даже студенты тридцатыхъ годовъ, видѣвшіе подвиги гр. Панина и Голохвастова. Не только Гончарову, напримѣръ, казалось, «что начальство какъ будто никакого не было», но и Костенецкій говоритъ, что въ его время «рѣшительно не было никакого надзора за студентами внѣ университета. Каждый нанималъ себѣ квартиру, гдѣ хотѣлъ, никто изъ начальства не зналъ ея и никогда въ нее не заглядывалъ, да и начальства-то не было никакого» *). К. Аксаковъ, съ своей стороны, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о свободѣ студенческихъ занятій, которая приносила много пользы въ томъ отношеніи, что «способствовала самостоятельной дѣятельности мысли». Вообще, Аксаковъ готовъ былъ предпочесть московскій университетъ первой половины тридцатыхъ годовъ университету, реформированному уставомъ 1835 года, и главной причиной такого на первый взглядъ страннаго предпочтенія была сравнительно меньшая регламентація студенческаго быта во второмъ періодѣ. «Въ наше время,—говоритъ Аксаковъ,—профессорское слово было часто бѣдно, но студентская жизнь и умственная дѣятельность, неразрывно съ нею связанная, не были подавлены форменностью и приносили добрые плоды. Въ послѣдующее время со стороны профессоровъ слово, быть можетъ, стало вообще ученѣе и умнѣе, но

---

*) Былъ, правда, инспекторъ своекоштныхъ студентовъ проф. Чумаковъ, но вся дѣятельность его, по свидѣтельству Костенецкаго, состояла только въ томъ, что онъ изрѣдка заглядывалъ въ аудиторіи, чтобы посмотрѣть, всѣ ли студенты въ форменномъ платьѣ.

зато студентская жизнь и весь университетъ подчинились вліянію ферменности».

Интересно отмѣтить, что, убѣдившись собственнымъ опытомъ въ благотворномъ вліяніи свободы, бывшіе питомцы московскаго университета не только нигдѣ не выражаютъ недовольства этой свободой, но считаютъ ее необходимымъ условіемъ университетской жизни. По мнѣнію К. Аксакова, «значеніе университетскаго воспитанія можетъ быть огромно въ жизни цѣлой страны: съ одной стороны—играющая молодая жизнь, какъ цѣлое общество, въ союзѣ юныхъ нравственныхъ силъ, жизнь, *не стѣсняемая форменностью*, *не гнетомая внѣшними условіями*; съ другой стороны—истина, грѣющая этотъ союзъ, *предлагаемая*, *но не навязываемая* никому. Хорошо бы это могло быть!»

Еще характернѣе отзывъ Пирогова, по мнѣнію котораго «университетское воспитаніе молодежи, предоставленное до 1824 года почти исключительно силамъ природы, едва ли не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ позднѣйшее искусственное». Съ 1826 года, говоритъ далѣе Пироговъ, началъ тяготѣть надъ студентами «систематическій гнетъ попечительствъ, инспекторствъ и т. п.», и этотъ гнетъ, «исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортилъ и погубилъ многія сотни и тысячи душъ» (стр. 234).

Это заявленіе знаменитаго врача и педагога заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что оно является результатомъ не только личнаго опыта, пережитаго въ московскомъ университетѣ двадцатыхъ годовъ, но и наблюденій надъ жизнью другихъ русскихъ и заграничныхъ университетовъ. Лучшей же иллюстраціей къ словамъ Пирогова о «плодахъ» московскаго университета, во второй періодъ его существованія, служатъ такіе блестящіе дѣятели русской литературы и жизни, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Чаадаевъ, К. Аксаковъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гончаровъ, къ числу которыхъ можно присоединить менѣе знаменитыя имена Веневитинова, Полежаева, Станкевича, Огарева, Кошелева и мн. др. Такого блестящаго списка художниковъ слова и дѣятелей прогрессивной мысли не далъ Россіи ни одинъ изъ русскихъ университетовъ, не далъ и московскій университетъ ни въ одинъ изъ остальныхъ періодовъ своего существованія. Даже наиболѣе замѣчательные русскіе ученые, вышедшіе въ это время изъ московскаго университета, не могли замкнуться въ узкую сферу своей спеціальности и выступали на болѣе широкую арену общественной дѣятельности. Наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи примѣрами могутъ служить Погодинъ и Пироговъ.

С. Ашевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДВѢ ЭПОХИ.

(Изъ Асныка).

I.

Когда блеснетъ во тьмѣ великая идея
И понесетъ людей черезъ событій строй
Потокомъ бурныхъ волнъ, безсильными владѣя,
Туда, гдѣ правды свѣтъ уже горитъ зарей,—

Тогда растутъ сердца, отъ счастья пламенѣя,
И каждый, какъ титанъ, надъ мелкой суетой
Растетъ, отваги полнъ, и чувствуетъ сильнѣе
Безсмертіе мечты, за ней стремясь душой!

Тогда струится свѣтъ изъ тайнаго горнила,
Отъ жизни радостной исходитъ мощь и сила,
И вѣетъ новый день живительной весной!

Жизнь увлекаетъ всѣхъ, какъ счастье молодое,
И даже, какъ вѣнецъ достойнаго героя,
Безвременная смерть прельщаетъ красотой!

II.

Когда погаснетъ блескъ разсвѣта золотого,
Живительная мысль въ безсиліи замретъ,
Духъ человѣческій тогда мельчаетъ снова
И гибнетъ въ суетѣ томительныхъ заботъ.

Тогда животный страхъ толпу ведетъ сурово,
Отчаянье, порокъ въ ея сердцахъ растетъ,
И съ ужасомъ глухимъ, полна безсилья злого,
Безъ цѣли и пути она во тьмѣ бредетъ!

Тогда старѣетъ міръ, печально измѣненный,
И горечь онъ несетъ толпѣ порабощенной;
Нѣтъ свѣта на землѣ, нѣтъ силы и чудесъ...

Жизнь вѣетъ холодомъ застывшаго движенья,
И смерть стоитъ въ толпѣ, какъ страшный призракъ тлѣнья,
Какъ неизбѣжное возмездіе небесъ!

А. Лукьяновъ.

МУЖИЧЬЯ СМЕРТЬ.

(Разсказъ).

I.

Подъ осень Григорій Ѳоминъ вздымалъ новину подъ ленъ на расчисткахъ. Пахать было трудно, то и дѣло лемеши сохи натыкались на узловатые, крѣпкіе, переплетавшіеся между собой и далеко протянувшіеся въ глубинѣ, корни. Старый, но сильный еще меринъ Лысый въ такихъ случаяхъ совсѣмъ наклонялся впередъ, изо всей силы упирался своими толстыми, какъ обрубки, ногами, Григорій, держа соху на вѣсу, налегалъ на нее и осторожно рвалъ корень. Потомъ они шли дальше и черезъ двѣ борозды опять натыкались на новый узелъ корней, глубоко вросшихъ въ землю, которыхъ ни вырубить, ни обойти было нельзя.

День склонялся уже къ вечеру, солнце пряталось за лѣсъ, и тѣни—съ той стороны, куда уходило оно,—стали длинными и прозрачно-лиловыми. Было тихо и покойно, какъ бываетъ покойно только хорошимъ вечеромъ въ лѣсу, пахло сыростью и свѣже-разворочанной землей.

«Еще съ десятокъ концовъ, и шабашить надо», подумалъ Григорій.

И Григорій, и Лысый устали. У Григорія ныли спина и руки, и когда на поворотахъ приходилось разгибаться,—это было трудно и больно. Лысый тяжело водилъ смоченными боками, на которыхъ шерсть сбилась войлокомъ, и моталъ головой. Пора было кончать.

На одномъ изъ скрывавшихся подъ землею корней, невидимыхъ снаружи, соха особенно уперлась. Григорій приподнялъ ее, но она засѣла и не подавалась. Онъ тронулъ лошадь, Лысый опять уперся, натянулся, наклонившись впередъ такъ, что почти касался мордой земли, Григорій всею силою налегъ на соху—и вдругъ и онъ самъ, и Лысый, и соха полетѣли кубаремъ одинъ черезъ другого, перевернулись и съ розмаху ударились объ землю. Лемеши сохи не выдержали, сломались и остались засѣвшими въ корневищѣ, а верхняя часть ея, вслѣдствіе страшной натуги лошади и пахаря, отлетѣла вмѣстѣ съ ними впередъ сажени на полторы.

Лысый, упавъ, тотчасъ же вскочилъ и, путаясь въ оборванныхъ постромкахъ, сталъ отряхиваться и мотать головой, очевидно, только ошеломленный неожиданностью. Но Григорій упалъ неудачно, какъ-то торчмя на голову, потомъ на спину. Что-то хруснуло около шеи, острой жгучей болью пахнуло въ спинѣ, отдалось въ груди и животѣ... И долго лежалъ онъ и не могъ подняться отъ этой боли. Въ глазахъ было темно, и среди этой темноты медленно плыли большіе, колеблющіеся красные круги, въ ушахъ стоялъ однообразный глухой шумъ, и хотя острая моментальная боль прошла, зато на смѣну ей выступила тупая, ноющая и такая сильная, что отъ нея нельзя было двинуться. Григорій попробовалъ пошевелиться, но боль тотчасъ же уколола спину и животъ, и онъ застоналъ отъ нея...

Сколько онъ такъ пролежалъ—онъ не могъ бы сказать, но когда, наконецъ, ему показалось, что онъ можетъ встать, и, кряхтя и охая, согнувъ на хруснувшей шеѣ голову и скорчившись дугой, онъ сталъ подыматься, солнце уже совсѣмъ ушло, и мягкія сѣрыя сумерки клубились на полянѣ.

Какъ онъ потомъ добрался домой, онъ плохо помнилъ. Помнилъ, что шелъ онъ медленно, поминутно останавливаясь отъ нестерпимой боли въ животѣ и у таза, помнилъ, что шелъ онъ, держась за холку Лысаго, и Лысый, словно понимая, что хозяинъ занемогъ, шагалъ медленно и задумчиво поматывалъ головой. Помнилъ, что, когда добрался онъ, наконецъ, до деревни, до своей избы, силы его совершенно оставили и мучительная боль, затруднявшая каждый шагъ, каждое движеніе, совсѣмъ измучила его и онъ сѣлъ на крыльцо, согнувшись и обхвативъ руками животъ. Больше онъ ничего не помнилъ.

Очнулся Григорій уже въ сѣняхъ, между чистой лѣтней и зимней избами, лежа на кровати, занавѣшанной ситцевымъ пологомъ. Кругомъ было темно и тихо, и Григорій не могъ уловить ни одного звука. Онъ долго лежалъ, вперивъ глаза въ темноту и силясь сообразить, что случилось съ нимъ такого, отчего онъ лежитъ на кровати, на которой никогда не спалъ и которая была не его. Самъ онъ спалъ въ избѣ возлѣ печки, а кровать въ сѣняхъ принадлежала брату. Онъ также не могъ понять, отчего онъ лежитъ одинъ и нѣтъ рядомъ Марьи, его жены. Но когда онъ пошевельнулся—ему все стало ясно: та же острая, обжигающая боль, отъ которой онъ не могъ двинуться, лежа на полянкѣ, заставила его дрогнуть и тихо, чуть слышно застонать. Жгучее, нестерпимое ощущеніе, какъ бы напомнивъ о себѣ, сразу утихло, но вслѣдъ за тѣмъ спина и низъ живота заныли тянущей и непрерывной болью, и это, казалось, было еще хуже.

И съ этого момента началось медленное и постепенное уми-

раніе человѣка, гнетущее отъ того, что оно было сознательнымъ, и томительно-страшное потому, что оно совершалось упорно и неукоснительно, какъ явленіе природы.

II.

Семья Григорія, довольно большая и плотная семья, жила простой деревенской жизнью, стоявшей въ прямой зависимости отъ земли. Земля, главнѣйшій и почти единственный фундаментъ, на которомъ зиждилась жизнь этой семьи, вливала въ нее ту опредѣленность и размѣренность дѣйствій, которыя напоминаютъ жизнь и дѣйствія пчелинаго улья. Все было въ ней стройно и точно, всякому дѣлу свое время и всякому члену семьи свое дѣло. Жизнь вылилась въ такія формы, при которыхъ всѣмъ было хорошо и удобно жить, не смотря на всю массу труда, выпадавшаго на долю этой семьи.

Матвѣй, братъ Григорія, пахалъ землю, косилъ, сѣялъ, вообще дѣлалъ мужское дѣло семьи. Бабы—жены Григорія и Матвѣя,—сновали изъ избы на дворъ, со двора въ избу, бѣгали на рѣчку, жали, грабили сѣно, ходили за скотиной, исполняли тысячи мелочей, незамѣтныхъ и могущихъ постороннему показаться даже ненужными, но еслибы отнять ихъ—образовалось бы пустое мѣсто и всѣмъ стало бы холодно и неудобно. Ребята—дѣти Матвѣя—Пронька десятилѣтній мальчишка, и Донька, дѣвка уже на выданьѣ, тоже были занятыми и нужными винтами въ сложной машинѣ крестьянскаго хозяйства. Пронька пасъ гусей, ѣздилъ съ отцомъ въ лѣсъ, возилъ снопы, Донька дѣлала тоже, что мать, стирала, носила воду, задавала кормъ скоту—и, опять таки, еслибы вынуть изъ жизни ихъ дѣло—получилась бы пустота, нарушавшая стройность рабочей семьи.

Даже отецъ Григорія и Матвѣя, котораго всѣ звали дѣдомъ, изжившійся и изработавшійся въ конецъ старикъ и тотъ былъ нуженъ семьѣ. Онъ смотрѣлъ за домомъ, когда всѣ расползались по работамъ, зналъ всѣ праздники, молился Богу и, главнымъ образомъ, имѣлъ тысячу самыхъ различныхъ свѣдѣній о томъ, когда нужно приниматься косить или сѣять, пора ли начинать пахоту,—свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ долгой, полной подобными земельными событіями жизни землероя-червяка.

Григорій, какъ большакъ въ семьѣ, занималъ особое и самое важное мѣсто. Это была власть законодательная и исполнительная въ одно и тоже время,—это былъ хозяинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ работникъ, былъ царь и рабъ всей семьи. Григорій, также какъ Матвѣй, пахалъ, косилъ, молотилъ, ѣздилъ въ лѣсъ, т. е. дѣлалъ все то, что полагается дѣлать мужику-труднику, но главнымъ

образомъ онъ смотрѣлъ. Въ этомъ было главное его значеніе въ рабочемъ ульѣ. Въ силу этого смотрѣнья Григорій, можетъ быть, и работалъ меньше хотя бы того же Матвѣя, но онъ былъ несомнѣнно нужнѣе его для семьи. Григорій былъ центръ, вокругъ котораго вертѣлось громоздкое колесо трудовой деревенской жизни. Иногда онъ *только* смотрѣлъ, но отъ этого зависѣло все. Какъ опытный, хорошо изучившій машину механикъ въ извѣстный моментъ, пуская въ ходъ локомобиль, придерживаетъ искуснымъ маневромъ не нужные пока поршни и колеса, чтобы пустить ихъ въ ходъ потомъ, когда это потребуется,—такъ Григорій управлялся со всей семьей, распредѣлялъ трудъ и отдыхъ, слѣдилъ за правильнымъ исполненіемъ каждаго винта своихъ обязанностей, исправлялъ неточности и неправильности, словомъ смотрѣлъ за всѣмъ, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

Григорій былъ всѣми признанный авторитетъ и поэтому смотрѣнье его не ложилось гнетомъ на другихъ членовъ семьи. Всѣ съ нимъ соглашались и подчинялись ему уже по одному тому, что сознавали преимущество Григорія. Если, случалось, бабы въ праздничный день ходили за грибами и приносили мало,—Григорій замѣчалъ имъ это и всѣ соглашались, что, дѣйствительно, маловато, потому что не дальше какъ два дня назадъ самъ Григорій, ѣдучи на мельницу, въ то время какъ лошадь шла версты двѣ шагомъ, набралъ, не отдаляясь отъ дороги, въ два раза больше. Григорій все умѣлъ и все дѣлалъ лучше всѣхъ. Въ этомъ была сила Григорія. Пронька, пріучаясь къ молотьбѣ, сбивалъ тактъ, мѣшалъ другимъ, словомъ не умѣлъ молотить. Отецъ его, Матвѣй, раза три показывалъ ему и, разсерженный его безтолковостью, сбивался самъ и ругался. Григорій, хотя это было совсѣмъ не его дѣло, такъ какъ онъ подавалъ и слалъ снопы, бралъ цѣпъ и такъ легко, свободно и мастерски отколачивалъ имъ, что всѣ повеселѣли, застучали сильнѣй и молотьба пошла быстрымъ, стройнымъ и несбивающимся темпомъ, при которомъ работа всѣмъ показалась легкой и даже забавной. И Пронька, поглядѣвъ на дяденьку, на его пріемы, на то какъ держитъ онъ цѣпъ и вертитъ имъ—тотчасъ же понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, и сразу примѣнился.

На покосѣ Пронька долго путался съ косой, зубилъ ее, рылъ ею землю и оставлялъ цѣлые шматы нескошенной травы. Григорій съ легкой усмѣшечкой—не надъ Пронькой и его неумѣньемъ косить, а надъ собой, надъ тѣмъ, что вотъ-молъ за какое дѣло пришлось взяться—ребятъ учить,—широкими и свободными взмахами начиналъ «брить» траву, обходя каждый камушекъ, каждую яминку, холмикъ. Все это у него выходило легко и свободно и нельзя было подумать, что онъ дѣлаетъ трудную, тяжелую работу.

Григорій смотрѣлъ за всѣмъ и на всѣхъ и, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ, всѣ старались сдѣлать свое дѣло какъ можно лучше. И въ стройности жизни рабочаго улья наблюденія Григорія было главнѣйшимъ элементомъ.

Соха,—казалось бы такой примитивный и нехитрый инструментъ, вѣроятно со временъ Гостомысла не потерпѣвшій никакихъ измѣненій,—требуетъ одного непремѣннаго условія, при которомъ ею можно хорошо управлять: она должна быть настроена. Тысячелѣтняя практика выработала извѣстныя формы ея, выработала всѣ эти лемеши и присошники, и взаимоотношеніе ихъ между собой должно быть стройнымъ Если присошникъ, эту, казалось бы, глупую палку съ желѣзкой на концѣ, пустить чуть-чуть выше или ниже, если одинъ лемешъ сдѣлать чуть-чуть короче или длиннѣе, стройность нарушается и пахарь будетъ не орать, а «биться» съ сохой.

Какъ скрипка для того, чтобы на ней можно было играть, должна быть настроена, такъ и соха, чтобы пахать ею было легко, требуетъ того же условія. Крестьянинъ идетъ за сохой, обливаясь потомъ, натуживая руки и спину, но спросите его,—онъ скажетъ, что пахать легко. Легко потому, что работа идетъ именно такъ, какъ должна идти: стройно и хорошо. Но если соха зарывается въ землю, кривитъ и тянетъ,—пахать трудно, стройность труда нарушена, пахарь мучается.

Легкость жизни семьи Григорія зиждилась также, какъ и жизнь ея предковъ, современниковъ Гостомысла, на безусловной стройности. Какъ хорошо настроенная соха, она ровно и прямо шла своей бороздой и хотя всѣ обливались потомъ, неся непомѣрную тяжесть крестьянскаго труда, всѣмъ было легко, потому что все шло именно такъ, такъ должно было идти. Смотрѣнье Григорія поддерживало эту стройность, давало смыслъ и цѣлесообразность каждому обороту каждой машинной гайки. Если бы ее вынуть изъ жизни, стройность тотчасъ же нарушилась бы, и въ дотолѣ полной и занятой совершенно жизни явилось бы пустое мѣсто, которое нечѣмъ было бы заполнить и которое начало бы смущать всѣхъ своею пустотой...

III.

Дня черезъ три послѣ событія на расчисткахъ, Григорія рѣшили свезти къ доктору въ земскую больницу, находившуюся въ шестнадцати верстахъ отъ Добрывичей, деревни, гдѣ жилъ Григорій. Прежде чѣмъ придти къ такому рѣшенію, всѣ долго и упорно думали, и пришли къ нему не потому, чтобы считали это

необходимымъ, нужнымъ, а потому, что оставить Григорія лежать такъ, не предпринимая ничего, казалось неудобнымъ.

Самъ Григорій отнесся къ этому рѣшенію вполнѣ безучастно. По признакамъ, ему самому непонятнымъ и неуловимымъ, по характеру не прекращавшейся тупой боли въ спинѣ и въ животѣ онъ чуялъ,—не чувствовалъ, не думалъ,—а просто чуялъ, что его дѣло кончено и что онъ уже не жилецъ. Съ того момента, какъ онъ очнулся, лежа въ сѣняхъ на кровати Матвѣя, онъ какъ-то сразу и ясно увидѣлъ, что все бывшее раньше отодвинулось отъ него и что теперь ему надо ждать чего-то новаго, чего онъ еще не знаетъ, но что придетъ непремѣнно.

Когда ночью Марья, его жена, пришла къ нему и заглянула за занавѣски кровати, вѣроятно желая спросить, легче ли ему и не надо ли ему чего-нибудь, онъ замѣтилъ, что и Марья, его жена и близкій до сихъ поръ человѣкъ, тоже какъ-то отошла отъ него и, несмотря на то, что она попрежнему была его женой, а онъ ея мужемъ, она была чужда ему и онъ почувствовалъ себя одинокимъ. А когда утромъ и потомъ впродолженіи цѣлаго дня къ нему заглядывали всѣ члены семьи, родственники, сосѣди, вообще люди, которые были ему прежде близки и дороги, онъ еще яснѣе и опредѣленнѣе увидѣлъ, что между ними и имъ, Григоріемъ, порвалась и навсегда исчезла какая-то существовавшая прежде связь. Было странно и ново сознавать отсутствіе этой связи, и странно и ново было чувствовать себя чужимъ и одинокимъ среди другихъ людей. Казалось, всѣ остались тѣми же, какими были и раньше, и только онъ одинъ былъ боленъ, но чувствовалось, будто онъ одинъ остался тотъ же, а всѣ измѣнились и стали чужими. И это неясное ощущеніе отчужденности и одиночества послужило причиной равнодушнаго и холоднаго отношенія ко всему, что прежде было важно и нужно. Всѣ люди, здоровые и сильные, такіе, какимъ такъ недавно былъ онъ, именно въ силу того, что остались тѣми же и не измѣнились, и стали чужими и неинтересными. Поэтому Григорій равнодушно слушалъ ихъ соболѣзнованія и разсказы и хриплымъ, прерывающимся отъ боли, скучнымъ голосомъ отвѣчалъ имъ нехотя и рѣдко. Потомъ онъ махалъ рукой и они уходили, а онъ оставался лежать, одинъ со своей тянущей, волнообразно то повышающейся, то понижающейся болью.

Иногда боль стихала и онъ забывался на нѣкоторое время. Это забытье не было сномъ и даже дремотой и міръ дѣйствительности въ немъ странно путался съ міромъ неясныхъ и смутныхъ грезъ. Григорій лежалъ за занавѣской въ сѣняхъ и сознавалъ, что онъ лежитъ здѣсь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что кругомъ него волнуется необозримымъ моремъ ржаное поле,

и колосья на немъ шумятъ и кланяются, и небо пышетъ жаромъ, и горячій, пахнущій хлѣбомъ воздухъ спираетъ грудь. Потомъ ржаное поле незамѣтно переходило въ рѣку, гладкую и сверкающую, съ хлопотливыми всплесками торопливыхъ волнъ и тысячью другихъ едва уловимыхъ звуковъ, гдѣ смѣшалось нестройнымъ хоромъ и звонъ кузнечиковъ надъ аиромъ, и стрекотанье стрекозъ, и сухой шелестъ остролистаго камыша. И во всѣ эти звуки вмѣшивался и переплетался съ ними монотонный и ровный звонъ пустого желѣза, и Григорій догадывался, что это Марья доитъ корову и до него доносится со двора черезъ тонкую переборку сѣней звукъ падающей струи молока въ пустой подойникъ.

Но стоило Григорію пошевелиться,—боль, словно отъ толчка снаружи, сначала медленно, тихо, потомъ все сильнѣй и крѣпче сжимала низъ живота, росла и становилась невыносимою. Тогда Григорій начиналъ тихо стонать, и стоны его, жалобные и безпомощные, какъ-то не вязались съ его большой, широкогрудой фигурой и суровымъ, обросшимъ темной бородой лицомъ.

Вслушиваясь въ эти стоны, всѣмъ становилось не по себѣ и всѣ чувствовали, что надо что-то сдѣлать, но не знали что. Наконецъ, Марья, жена Григорія, первая сказала:

— Къ дохтуру бы...

Она сказала неувѣренно и словно боясь, то ли она сказала, что нужно. Но мысль была подана, выходъ найденъ, и всѣ поддержали.

— Надо бы,—согласился Матвѣй.

— Авось полегчаетъ,—прохрипѣлъ съ печи старикъ.

— Какъ ни какъ, а все-жъ...—неопредѣленно отозвалась Настасья, жена Матвѣя.

И Григорія рѣшено было везти къ доктору.

До земской больницы было шестнадцать верстъ и это разстояніе можно было проѣхать свободно въ два часа, но ѣхать приходилось только шагомъ, часто и подолгу останавливаясь, такъ какъ нестерпимая боль отъ толчковъ телѣги заставляла Григорія стонать и метаться. Каждый ухабъ, каждый едва замѣтный камушекъ жгучимъ ощущеніемъ отзывался въ тѣлѣ Григорія. Онъ крѣпился, до крови закусывалъ губу, лицо его приняло землистый оттѣнокъ и на немъ легло выраженіе страданія и жестокости. Какъ будто тѣ муки, которыя приходилось выносить ему, озлобили его и онъ негодовалъ на весь міръ за то, что ему приходится испытывать ихъ.

Попадались встрѣчники, по большей части знакомые крестьяне изъ сосѣднихъ деревень; съ равнодушнымъ любопытствомъ глядѣли они на жестокое, искаженное лицо Григорія и коротко бросали:

— Въ Жуково?

Матвѣй встряхивалъ головой и отвѣчалъ:

— Въ Жуково... Къ дохтуру...

Потомъ встрѣтившіеся разъѣзжались въ разныя стороны и отъ ихъ короткихъ фразъ оставалось такое впечатлѣніе, будто они не ждутъ ничего хорошаго отъ Жукова и доктора. Раза два попадались на дорогѣ бабы. Онѣ тоже съ любопытствомъ заглядывали въ лицо Григорію, но въ ихъ любопытствѣ намѣчался какой-то трусливый страхъ, словно онѣ боялись увидѣть что-то такое, что могло постичь и ихъ. И когда онѣ слышали стоны Григорія—онѣ сочувственно кивали головами и шептали что-то сухими, ушедшими внутрь рта, губами.

Задерживая дыханіе, стиснувъ зубы и полузакрывъ глаза, лежалъ Григорій въ телѣгѣ. Моментами, когда боль достигала невыносимой мучительности, его сознаніе заволакивалъ туманъ и голова начинала кружиться. Тогда ему казалось, что его не везутъ въ телѣгѣ по ухабистой дорогѣ въ Жуково къ доктору, а за какіе-то невѣдомые ему грѣхи пытаютъ, подбрасывая и толкая его изнемогшее тѣло. И внезапно открывъ глаза, онъ съ изумленіемъ видѣлъ надъ собою голубое, высокое небо, тихо плывшіе по нему легкіе облака, слабо колыхавшіяся вѣтви кустовъ по бокамъ дороги. И тишина и покой, чувствовавшіеся во всемъ этомъ, не вязались съ тѣми муками, которыя испытывалъ онъ. Было что-то необыкновенное въ безучастномъ равнодушіи окружающаго, тогда какъ онъ такъ ужасно страдаетъ. Отъ этого въ душѣ подымалась темная обидная злоба и ее хотѣлось сорвать на комъ-нибудь, чтобы и другой человѣкъ смутился бы и почувствовалъ хоть часть того, что чувствуетъ онъ.

Въ такія минуты Григорій чуть-чуть приподнимался на локтѣ и хрипло, сердито кричалъ брату:

— Стой!

И, закрывъ глаза, опустившись опять на сѣно, шепталъ:

— Не могу... мочи нѣтъ... жжетъ!..

Лицо Матвѣя принимало еще болѣе обезкураженный видъ, онъ останавливалъ лошадь и принимался суетливо поправлять сѣно подъ братомъ, вздыхалъ и шепталъ:

— Ахъ ты, Господи Боже мой, и что-жъ это такое?

Жалость, сознаніе безпомощности, невозможности буквально ничѣмъ помочь больному томили душу Матвѣя. И вмѣстѣ съ тѣмъ изъ глубины ея подымалось нехорошее, раздраженное чувство и онъ сердито обдергивалъ сбруи и рѣзкимъ движеніемъ выправлялъ дугу на Лысомъ.

Потомъ они опять трогались, и опять въ мучительной истомѣ Григорій закрывалъ глаза, и ему казалось, что они не ѣдутъ къ доктору, а кто-то за что-то пытаетъ его. Быстрая, мелькающая

мысль о несправедливости этихъ страданій, о томъ, кому и зачѣмъ нужны они, порождала холодное отчаяніе.

Наконецъ, когда боль достигла высшаго предѣла, и Григорію хотѣлось кричать, биться головой объ грядку телѣги, выть, Матвѣй робко промолвилъ:

— Эво, Жуково видать уже!..

И отъ этихъ словъ боль вдругъ упала и спряталась, забилась куда-то и чуть-чуть только напоминала о себѣ, а на смѣну ей выступила надежда. Надежда была не на доктора, не на облегченіе страданій, а только на то, что цѣль, которой достигали съ такими страданіями, Жуково, близка.

Но черезъ минуту, при толчкѣ колеса телѣги объ камень, лежавшій въ колеѣ дороги, боль сразу и сильно кольнула Григорія,— онъ опять застоналъ. И все время, пока телѣга не подъѣхала къ крыльцу земской больницы, онъ не переставалъ стонать сдержанно, жалобно и злобно.

Доктора въ больницѣ не было, онъ уѣхалъ куда-то на вскрытіе, и Григорія осмотрѣлъ фельдшеръ, суровый по наружности и мало разговорчивый старикъ, извѣстный всей волости подъ прозвищемъ «сыча»; названіе это появилось, вѣроятно, вслѣдствіе большихъ, круглыхъ, въ желѣзной потемнѣвшей оправѣ очковъ, которые носилъ фельдшеръ, придававшихъ ему, дѣйствительно, сходство съ филиномъ. Чтобы не тревожить больного, Сычъ не велѣлъ вынимать его изъ телѣги и вышелъ для осмотра на улицу.

Онъ ощупалъ Григорія, потыкалъ ему пальцемъ въ животъ и молча выслушалъ объясненія Матвѣя.

— Черезъ голову?—переспросилъ онъ, когда тотъ кончилъ.

Григорій повелъ на него воспаленнымъ взглядомъ (тыканье фельдшера сильно обезпокоало его) и съ усиліемъ подтвердилъ:

— Какъ есть черезъ голову... Сперва черезъ соху, послѣ торчмя на голову...—потомъ опять отвелъ глаза и умолкъ.

— Кишка, надо полагать, лопнула,—предположилъ Матвѣй, заискивающе глядя на фельдшера.

Сычъ помолчалъ, пожевалъ губами и буркнулъ:

— Кишка!.. Самъ ты кишка... Пойдемъ, капли дамъ.

Онъ кивнулъ Матвѣю и пошелъ въ больницу. Минутъ черезъ десять они вернулись, и лицо Матвѣя было сумрачно и сосредоточенно.

— Когда стонать очень начнетъ—пять капель въ рюмку... А то и семь,—говорилъ Сычъ, останавливаясь на крыльцѣ и глядя, какъ Матвѣй принялся оправлять сбившееся подъ братомъ сѣно.

— Понимаемъ... Упомнимъ: пять, а то и семь капель,—отвѣчалъ тотъ,—такъ прощенья просимъ... Не обезсудьте!

— Прощай!

Матвѣй нахлобучилъ шапку на уши, крякнулъ, похлопалъ себя по поясу и усѣлся на грядку.

— Н-н-о-о, трогай,—крикнулъ онъ и опять добавилъ:—такъ прощенья просимъ!

— Прощай!—повторилъ Сычъ и полѣзъ въ карманъ за табакеркой.

Телѣга тронулась, и опять начались мученія больного, измученнаго тѣла, опять засверкало вверху голубое равнодушное небо, закачались по сторонамъ четко вырисовывающіеся въ немъ запыленные листы придорожныхъ кустовъ. Только увѣренность, что для него все кончено и что впереди только смерть, въ душѣ Григорія стала тверже и опредѣленнѣе. Онъ это чувствовалъ и прежде, но ѣхалъ все-таки къ доктору. Когда его рѣшили везти въ больницу—никто изъ его семейныхъ не ждалъ отъ этого перемѣны къ лучшему. Всѣмъ почему-то казалось, что ничего изъ этого не выйдетъ, но всѣ хотѣли, чтобъ Григорія осмотрѣлъ докторъ. Послѣ этого совѣсть домашнихъ успокоилась отъ сознанія, что для Григорія сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Это дѣлалось для себя не меньше, чѣмъ для самого Григорія. И когда ему объявили объ этомъ рѣшеніи—онъ безпрекословно подчинился ему, хотя въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что никакого толку изъ этого не выйдетъ. Но послѣ этого онъ долженъ былъ почувствовать себя расчитавшимся съ семьею, такъ какъ съ его стороны будетъ сдѣлано все, чтобы остаться среди нихъ. Это путешествіе къ доктору предпринималось имъ больше для семьи, для ея спокойствія, чѣмъ для себя.

И съ твердой увѣренностью въ томъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, по обоюдному согласію въ томъ, что это необходимо нужно, Григорія свезли за шестнадцать верстъ въ больницу, измучали его въ конецъ и успокоились. И только смутная мысль о безплодности и ненужности причиненныхъ ему и вынесенныхъ имъ страданій копошилась у всѣхъ, и никто не могъ разобраться въ ней и отвѣтить себѣ:

— Точно ли это такъ нужно было?

IV.

Жизнь въ избѣ Ѳоминыхъ начиналась рано, какъ вообще въ деревнѣ. Еще солнце только готовилось подняться и въ воздухѣ, остромъ и чистомъ, еще стояла крѣпкая свѣжесть ночи, а отъ луговъ шелъ легкій, призрачно колеблющійся паръ,—въ избѣ раздавался сухой, надтреснутый кашель родоначальника семьи Ѳомы. Старикъ, лѣтомъ и зимою спавшій на печи, просыпался первымъ и своимъ старческимъ скрипучимъ кашлемъ давалъ

сигналъ къ общему пробужденію. Дѣдъ просыпался оттого, что всю жизнь привыкъ вставать въ лѣтнее время съ солнышкомъ, и оттого, что онъ весь день дремалъ.

Проснувшись, онъ долго и тупо глядѣлъ въ темный, закопченный потолокъ избы, какъ будто желая что-то вспомнить или увидѣть на черныхъ потрескавшихся доскахъ потолка. Съ первымъ движеніемъ онъ начиналъ кашлять, сначала слабо и рѣдко, потомъ все громче и чаще и когда, наконецъ, садился—кашель колотилъ его старое тѣло непрерывно. Во время кашля онъ пригибалъ голову совсѣмъ внизъ, такъ что она уходила въ согнутыя угломъ острые и костлявые колѣни, а спина выгибалась правильной дугой и вздрагивала съ каждымъ ударомъ кашля. Лицо его, сухое и сморщенное, съ изжелта-сѣдой длинной бородой, съ лысымъ лбомъ, по бокамъ котораго торчали спутанные во снѣ клочки бѣлыхъ, похожихъ на пухъ, волосъ, съ бѣлесоватыми, совершенно выцвѣвшими отъ старости глазами, измѣнялось, и обычное покойное, слегка величавое выраженіе его переходило въ натуженное и дѣтски-безсильное.

Когда старику удавалось откашляться и въ груди его, какъ отзвуки промчавшейся бури, хрипѣли и лопались какія-то ржавыя пружины, онъ подымалъ голову и, широко открывъ свой беззубый и оттого похожій на черную пустую яму ротъ, начиналъ дышать жадными, короткими вздохами. Износившіяся за восьмидесятилѣтнее существованіе легкія не могли справиться съ нахлынувшей волной воздуха и скрипѣли, какъ старая машина, которую слишкомъ скоро пустили въ ходъ. Иногда дѣдъ чувствовалъ порывы новаго кашля, но громаднымъ усиліемъ старался сдержать его и это ему удавалось.

Такъ, вбирая воздухъ, онъ сидѣлъ довольно долго, уставивъ свои безцвѣтные глаза въ одну точку; и отъ этой черной, широко открытой ямы рта, чуть-чуть искривленной, отъ неподвижнаго взора, по которому казалось, что дѣдъ все что-то хочетъ вспомнить или разсмотрѣть, отъ мягко прогнутыхъ морщинъ у носа, придававшихъ выраженіе легкой усмѣшки, отъ всей его фигуры, согнутой, съ поднятыми колѣнями и лысымъ, склоненнымъ на бокъ черепомъ, получалось такое впечатлѣніе, будто старикъ что-то видитъ и знаетъ, таинственное и важное, такое, что знаетъ только онъ одинъ и чего не могутъ знать и видѣть другіе люди...

Отъ кашля старика просыпались остальные члены семьи. За стѣной въ сѣняхъ хлопала дверь—это Марья, жена Григорія, высокая и костлявая баба съ немного суровымъ и спокойнымъ лицомъ, шла смотрѣть скотину. Марья подымалась первая и сразу же, едва стряхнувъ послѣдніе остатки крѣпкаго сна, который можетъ быть только послѣ цѣлаго дня непрерывной толкотни изъ

избы на дворъ, изъ двора въ избу, потомъ въ поле, на гумно, на рѣчку, едва только поднявшись, зѣвая и крестя ротъ, начинала дѣлать свое бабье дѣло, которое всегда какъ-то прячется и котораго даже какъ будто стыдятся, но отъ котораго въ тридцать лѣтъ спина сгибается, ноютъ ноги, закладываетъ грудь, на лицо ложатся глубокія и частыя морщины, а глаза пріобрѣтаютъ тупое, безсмысленное выраженіе.

Она шла во дворъ, гдѣ уже проснувшіяся овцы и коровы толклись въ жидкомъ навозѣ, ожидая или пойла, или времени, когда ихъ выпустятъ въ поле. Внимательнымъ, заботливымъ взглядомъ оглядывала она свою команду и сразу замѣчала тѣ неуловимыя для свѣжаго человѣка измѣненія, которыя произошли въ ней.

— Ишь, Буреха-то будто въ тѣлѣ поспала,—шептала Марья,—должно, пастухъ плохо гоняетъ, по неухожимъ мѣстамъ все, въ бору, а въ бору что взять?.. А Рублевка словно бы затосковала... Съ чего бы такъ?

Она осматривала каждаго отдѣльнаго члена своей семьи и отъ ея глаза не могло укрыться даже настроеніе какой-нибудь Рублевки или Бурехи. Марья твердо и давно изучила характеръ каждой коровы или овцы, знала манеру и «повадку» каждаго теленка и, какъ генералъ передъ сраженіемъ осматриваетъ свое войско, стараясь отыскать въ немъ по ему одному только видимымъ признакамъ залогъ будущей побѣды, отыскивала тѣ едва примѣтныя черточки, по которымъ можно было думать, что все въ теченіе ночи прошло благополучно.

Напоивъ кого слѣдуетъ, кого слѣдуетъ выпустивъ въ проходящее мимо воротъ стадо, Марья шла въ огородъ и копалась тамъ. А въ избѣ въ это время одинъ за другимъ, медленно и неохотно, подымались всѣ остальные ея обитатели. Вставалъ Матвѣй и, сопя и отхаркиваясь, хриплымъ со сна голосомъ разсуждалъ вслухъ о томъ, что надо ѣхать орать. Онъ думалъ и говорилъ долго, долго почесывался и кряхтѣлъ, и было досадно смотрѣть на него.

— Да иди, иди... надо, такъ иди... справляй коня-то,—хрипѣлъ съ печки дѣдъ, шумно вбирая въ себя воздухъ передъ тѣмъ, какъ сказать два слова,—чего чешешься... иди!

Его, какъ стараго и нѣкогда бойкаго работника, про которыхъ говорятъ, что они «злы работать», вынесшаго на своихъ плечахъ всю тяготу крестьянства, сердила медлительность Матвѣя и его разсужденія.

— Я и иду,—отзывался Матвѣй и громко зѣвалъ, причемъ изъ его горла вылеталъ звукъ: аа-ахххa-а-а!

— Ну и иди!

— И иду... Надо нонеча на Десятскій Клинъ ѣхать, тамъ

пообсохло, повыше онъ, такъ значитъ туда,—разсуждалъ Матвѣй,—потому въ низахъ мокро, вязнетъ соха-та...

Онъ долго еще сидѣлъ и говорилъ о томъ, что было всѣмъ понятно и ясно, чесался и зѣвалъ на великую досаду хрипѣвшаго и ворочавшагося на печи дѣда.

Пока онъ разсуждалъ и думалъ, Настасья, его жена, живая и шустрая баба, успѣвала нащепать лучины для тагана, принести воды, подмахнуть полъ, перемыть молочные горшки, успѣвала слазить раза три въ подъизбицу, сбѣгать на дворъ, помочь Марьѣ въ огородѣ.

Послѣдними поднимались Донька и Пронька. Они спали на сѣновалѣ, и для того, чтобы разбудить ихъ и призвать къ участію въ общей жизни семьи, Настасья принуждена была подыматься туда раза три и неистово расталкивать ихъ. Донька выходила сонная, вялая и, какъ отецъ, долго не могла отдѣлаться отъ одури сна.

Она вообще была похожа на отца, такая же не предпріимчивая, медленная въ движеніяхъ, слегка лѣнивая и какъ-бы мечтательная. Только лицо ея, красивое и—что такъ рѣдко встрѣчается у крестьянъ—съ тонкими чертами, не походило на его лицо, грубое и будто вырубленное грубымъ инструментомъ изъ грубаго матеріала. Донька также какъ отецъ долго не могла приняться за дѣло, почесывалась и думала. Но она думала про себя, мало говорила, и въ то время, когда думала, смотрѣла куда-то своими большими выпуклыми глазами и въ такія минуты казалось ничего не видѣла, что творилось вокругъ нея.

— Ну что стала, идолъ каменный? — кричала на нее мать, шмыгая по избѣ, — не знаешь что ли дѣла своего? Иди хряпы свиньямъ наруби! Ну поворачивайся, что ли, столбъ, право столбъ!..

Данька поводила на нее взглядомъ устремленыхъ куда-то вдаль глазъ и медленно, попрежнему почесываясь и покачиваясь своимъ стройнымъ и казавшимся слабымъ станомъ, такъ негармонировавшимъ съ грубымъ сарафаномъ, въ который онъ былъ облеченъ, шла на дворъ.

Настасья глядѣла ей вслѣдъ, качала головой, потомъ набрасывалась на мужа:

— Ну что сѣлъ, тетёха, чего сидишь-то слюни распустилъ? Ну на Десятскій клинъ такъ на Десятскій—чегожъ толковать-то? Иди, иди, обряжай коня, время... Да иди-же, дубина стоеросовая, вертись что-ли... И въ кого ты уродился такой, Господи Ты Владыко нашъ!

— Я иду, иду,—такъ же какъ отцу отвѣчалъ Матвѣй женѣ,—чего ты орешь-то? Видишь—иду!

Онъ дѣйствительно вставалъ и шелъ на дворъ, гдѣ Пронька, шустрый весь въ мать мальчишка уже обряжалъ Лысаго.

И тяжелое, трудно двигающееся, колесо жизни, пускалось въ ходъ и крутилось вплоть до свѣта, когда всѣ, измученные трудомъ голодные и отъ того сердитые, собирались опять вмѣстѣ.

За обѣдомъ говорили немного, старались больше ѣсть, и то, что говорили, относилось къ работѣ и впечатлѣніямъ первой половины дня. И такъ какъ всѣ чувствовали, что въ работѣ идетъ что-то не такъ, а за обѣдомъ выяснялось, что не сдѣлано то или другое изъ того, что должно быть сдѣланнымъ, — то разговоръ принималъ напряженный и даже враждебный характеръ. Говорили отрывисто и коротко, и, слушая со стороны, можно было бы подумать, что собравшіеся къ обѣду усталые и голодные люди не говорятъ, а бранятся.

— Клинъ дооралъ ли?—коротко освѣдомлялась Настасья.

— Не, не поспѣлъ,—также коротко отвѣчалъ Матвѣй.

Настасья вздыхала, и по этому вздоху всѣ понимали, что она удивляется медлительности мужа.

— Муки нѣтъ, на мельницу надо ѣхать,—заявляла Марья, не поднимая глазъ отъ чашки,—завтра тѣсто творить...

Она говорила негромко и быстро, какъ бы чего-то боясь. Съ тѣхъ поръ какъ заболѣлъ Григорій, она какъ будто испугалась чего-то и стала постоянно бояться. На лицѣ ея, прежде спокойномъ и суровомъ, появилось робкое трусливое выраженіе, не ваязвшееся съ ея прямой и крѣпкой фигурой. Ѣсть она тоже старалась какъ будто меньше, словно стѣснялась, а когда ей приходилось брать щей или похлебки въ отдѣльную чашку, чтобы снести лежавшему въ лѣтней избѣ Григорію—она торопилась и видимо волновалась, какъ будто дѣлала что то несправедливое или воровское, чего однако не въ силахъ была не дѣлать, хотя и не смѣла. И Григорій, принимая отъ нея принесенную чашку, тоже старался не глядѣть на нее, скосивъ глаза въ бокъ, какъ будто не признавая за собой права ѣсть и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣя возможности отказаться отъ пищи. Было ли это только результатомъ особаго убѣжденія, по которому ѣсть имѣетъ право только тотъ, кто самъ работаетъ, или это было на самомъ дѣлѣ, — но Марьѣ иногда казалось, что въ то время, какъ она наливаетъ въ чашку Григорія похлебку или накладываетъ картошки, всѣ другіе, стараясь сдѣлать это незамѣтнымъ, искоса слѣдятъ за тѣмъ, не слишкомъ ли много она взяла. И хотя Григорій въ большинствѣ случаевъ отказывался, и не обѣдалъ, онъ все таки испытывалъ то же, что испытывала его жена. Имъ обоимъ казалось, что они потеряли право ѣсть также и столько же, сколько ѣдятъ другіе люди. Вмѣсто того, чтобы работать—Григорій лежалъ, и,

хотя Марья старалась работать за двоихъ — они всетаки стѣснялись.

Эта стѣсненность и робость, неувѣренность въ томъ, можетъ-ли человѣкъ поступать такъ, какъ поступаетъ — передавались и всѣмъ остальнымъ членамъ семьи. Они боялись, чтобы Григорій или Марья не упрекнули ихъ въ жадности, въ томъ, что имъ жалко для нихъ хлѣба. Натянутое настроеніе какъ темная давящая туча висѣла надъ всей семьей, всѣмъ было тяжело и трудно, всѣ досадовали и на другихъ и, главнымъ образомъ, на себя, замѣчая, что гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, шевелится обидное чувство совершающейся постоянно неясной несправедливости.

Поэтому всѣ, кромѣ Матвѣя, старались говорить кратко, но это выходило сердито. Самъ Матвѣй говорилъ много и безъ толку и брюзжалъ по самому малѣйшему поводу.

— Нѣтъ муки?—переспрашивалъ онъ.—А мѣшки зерномъ насыпали?

— Не, еще не поспѣли,—отвѣчала Настасья.

— Ну вотъ! И посмотрю я на бабъ, такъ чистое удивленіе! Толкутся цѣлый день, бѣгаютъ, а дѣла не дѣлаютъ. И чѣмъ заняты, спросить только? Тутъ работаешь, бьешься, а онѣ... удивленію просто подобно!..

И онъ начиналъ брюзжать скучно и долго, до конца обѣда. По его словамъ выходило такъ, что работаетъ только онъ одинъ, а всѣ остальные ничего не дѣлаютъ, только толкутся. Чувствуя несправедливость этихъ словъ, Настасья начинала упрекать его въ томъ, что онъ самъ тяжелъ на подъемъ и лѣнивъ, и они заканчивали бранью. Во всемъ, что они говорили, было много правды и много неправды, много заботы о семьѣ, и много несправедливаго отношенія другъ къ другу. Но всегда между ихъ словъ проглядывала не высказываемая, но всѣми сознаваемая мысль о причинѣ всей этой разладицы, о болѣзни Григорія. Эта мысль угнетала ихъ сознаніемъ, что они не имѣютъ права упрекать одинъ другого, потому что этимъ они какъ бы упрекаютъ Григорія за его болѣзнь, такъ какъ отъ нея все это и пошло, и они сердились еще болѣе. И когда обѣдъ кончался, всѣ вставали и быстро расходились, облегченно вздыхая, избавившись отъ необходимости быть вмѣстѣ.

Послѣ обѣда всѣ спали часа два, потомъ шли на работу, на вечернюю упряжку и работали до вечера. Вечеромъ опять всѣ собирались, утомленные и голодные, и ужинали. Матвѣй также брюзжалъ, ему отвѣчали сердито и скупо, и темная туча недовольства другъ другомъ росла и давила людей.

Потомъ шли спать. Засыпая, каждый думалъ о томъ, что все это не такъ и не ладно, искалъ, почему это не такъ, и не могъ

рѣшить. И чувство тяжелаго, непонятнаго недоумѣнія охватывало всѣхъ.

Григорій, лежа въ холодной лѣтней избѣ, куда его помѣстили частью для того, чтобы не безпокоить его, частью потому, чтобы не быть стѣсняемымъ имъ, не могъ не слышать всего того, что происходитъ въ семьѣ. И несмотря на то, что всѣ тѣ люди, которые были ему близки съ момента его болѣзни, вдругъ отодвинулись и онъ потерялъ интересъ къ нимъ и ихъ дѣламъ, онъ все-таки не могъ не смутиться духомъ отъ той враждебности, которая вдругъ проявилась среди его родныхъ. Въ тѣ промежутки когда боль, словно уставъ мучать его большое тѣло, стихала и замирала, въ его головѣ начинали шевелиться темныя и боязливыя мысли, смутныя и безформенныя, не вполнѣ опредѣлившіяся, но тяжкія и нерадостныя. Онъ не думалъ еще о томъ, что произойдетъ отъ его смерти, но страхъ забирался въ его душу и моментами ему казалось, что вмѣстѣ съ его жизнью прикончится и жизнь его семьи...

Григорій собственно не лежалъ, а сидѣлъ. Какъ то однажды, случайно, онъ подогнулъ угломъ ноги, оперся спиной о стѣнку, къ которой примыкала лавка, и вдругъ увидѣлъ, что въ этомъ положеніи боль стала тише. Онъ качнулся впередъ и съ радостнымъ изумленіемъ замѣтилъ, что это не доставило ему болѣзненнаго ощущенія. Тогда онъ отклонился назадъ—стало еще легче,— и съ тѣхъ поръ онъ мѣрно и тихо закачался впередъ и назадъ, чувствуя, что отъ этого боль дѣлается незамѣтной. Впослѣдствіи онъ попросилъ пристроить себѣ въ ногахъ сундучокъ, чтобы онѣ не скользили и не отъѣзжали, и сталъ постоянно качаться. А еще позже онъ замѣтилъ, что съ первой попыткой вытянуться, боль, словно чья-то жесткая, когтистая рука, сжимала нижнюю полость живота, тамъ, гдѣ, по его мнѣнію и лопнула та самая кишка, которая лопается съ натуги.

Равномѣрное, непрестанное покачиваніе собравшейся въ комокъ, съ подкорченными колѣнями и согнутой спиной, фигуры производило странное, дикое впечатлѣніе. Одинокій, полуживой, грязный, оттого что не было времени ухаживать и убирать за нимъ, видящій передъ собою только смерть, какъ какой то огромный маятникъ таинственной машины, качался Григорій и въ безостановочности этого движенія проглядывало что то жестокое и страшное. И такъ проходили дни, жизнь шла, смерть неотступно, неизбѣжно, но томительно медленно приближалась. Онъ не могъ ѣсть, пилъ воду и изрѣдка пробовалъ похлебку или щи, жуя съ трудомъ и глотая съ усиліемъ. Онъ изсохъ, похудѣлъ, и широкія, крѣпкія кости его большого тѣла плотно обтянулись желтой кожей и стали рельефны и выпуклы. Его лицо измѣни-

лось, носъ заострился, какъ у покойника, ротъ провалился, а глаза ушли куда то въ глубь большихъ, темныхъ ямъ. Отросшіе борода и волосы придавали этому лицу новое, суровое, аскетическое выраженіе, а страданіе влило въ него какую то особую одухотворенность и смыслъ.

Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ, давно не видѣвшій Григорія, входилъ къ нему, онъ видѣлъ предъ собою не того Григорія, котораго зналъ раньше, сильнаго, крѣпкаго и простого мужика, а новаго невѣдомаго ему человѣка, изстрадавшагося, измученнаго, какъ бы отошедшаго отъ жизни... Отъ этой перемѣны посѣтителю становилось не по себѣ и онъ уходилъ со смутнымъ и темнымъ страхомъ въ душѣ и долго потомъ не могъ отвязаться отъ этого впечатлѣнія.

Григорій страдалъ безсонницей. И эти безсонныя ночи были особенно тяжелы.

Сидя въ своемъ углу, скрюченный и скорченный, обхвативъ и крѣпко зажавъ руками животъ, Григорій, мѣрно и безостановочно покачиваясь, прислушивался, какъ мало-по-малу замирали звуки дня и выплывала ночь.

Въ той избѣ, гдѣ качался Григорій, было холодно и тихо, но онъ черезъ стѣны, неплотно притворяющуюся дверь, черезъ разбитые мѣстами стекла оконъ слѣдилъ за постепенно затихающей жизнью.

Сухой, холодный осенній вѣтеръ гудѣлъ въ трубѣ монотонно и тоскливо, тонкой звенящей струею врывался въ разбитыя окна и наполнялъ избу тѣмъ особымъ осеннимъ жуткимъ холодомъ, отъ котораго тѣло прохватывала знобкая дрожь и на душѣ становилось такъ холодно и непріятно. Солома на крышѣ двора отъ него шуршала, и въ этомъ звукѣ чудилось что-то живое и одушевленное. Когда вѣтеръ падалъ и уносился куда-нибудь за деревню и не было слышно ни его свиста, ни сухого шороха соломы, казалось, что живое, то, что торопливо шептало и шелестѣло въ ней, прислушивалось и ожидало чего-то. Порывъ налеталъ, и опять слышался тотъ же тонкій, звенящій свистъ въ окнѣ и трусливый, озабоченный шелестъ соломы, а вѣтви родныхъ березокъ подъ окнами метались изъ стороны въ сторону и листья на нихъ все о чемъ-то лепетали.

Сумерки надвигались медленно и незамѣтно, но упорно и безостановочно. Тѣни сгущались, расплывались, протягивались изъ угловъ, изъ-подъ скамеекъ, по потолку, по стѣнамъ. И въ ихъ путающей очертанія туманной дымкѣ безжизненно и рѣзко выступали два тускло-бѣлыхъ квадрата оконъ и своими свѣтлыми, опредѣленными пятнами на темной, почти черной стѣнѣ они чѣмъ-то напоминали незрячіе, растянутые бѣльмомъ, глаза мертвеца. Свѣтъ, проникавшій въ нихъ, боролся съ тѣнями, ползу-

щими изъ угловъ, изъ-за печки, выхватывалъ изъ ихъ общаго тона отдѣльные предметы и освѣщенныя части ихъ выглядѣли въ сумракѣ ново и незнакомо. И съ каждымъ мгновеніемъ свѣтъ слабѣлъ, а тѣни дѣлались сильнѣе и сильнѣе и побѣждали его, а окна теряли свою рѣзкость и опредѣленность очертаній, затягиваясь тонкой, неуловимой дымкой наступающаго вечера.

Въ сѣняхъ и въ другой избѣ, гдѣ жили другіе члены семьи, ходили и говорили люди, и голоса ихъ доносились сюда глухимъ гудящимъ звукомъ, странно сплетавшимся съ воемъ въ трубѣ, шуршаніемъ соломы, свистомъ въ стеклѣ окна. Иногда тамъ хлопала дверь и послѣ этого голоса дѣлались еще глуше и непонятнѣй, и тогда чудилось, что говорившіе люди ходятъ не здѣсь рядомъ, за стѣной, въ сѣняхъ и избѣ, а гдѣ-то глубоко подъ землею, гдѣ царитъ вѣчный мракъ и вѣчный холодъ... Казалось, что говорившіе такими задушенными, гукающими голосами люди вѣчно ходили и ходятъ и вѣчно должны ходить въ какихъ-то мрачныхъ подземельяхъ, гдѣ нѣтъ ни одной искры свѣта, въ вѣчной темнотѣ, въ вѣчномъ незнаніи, въ вѣчный тоскѣ... Они бродятъ въ подземельяхъ, чего-то ищутъ, что-то дѣлаютъ, чего-то хотятъ достичь, но охватывающая ихъ со всѣхъ сторонъ темнота, не позволяющая имъ ничего видѣть, давитъ ихъ и они бродятъ ощупью въ ней, что-то дѣлаютъ, чего-то ищутъ. Отъ ужаса и безотрадности этой темноты они страшатся и сердятся, сталкиваются въ ней другъ съ другомъ, не узнаютъ одинъ другого и всѣхъ ихъ охватываетъ слѣпой, безумный ужасъ этихъ потемокъ, изъ которыхъ они не могутъ выбиться. Они начинаютъ злиться, давить другъ друга, они готовы загрызть одинъ другого, и, въ темнотѣ, боязливо и осторожно ползаютъ они, стремясь выбраться на свѣтъ—и не могутъ выбраться. И оттого заглушенные голоса ихъ звучатъ такъ угрюмо и злобно и сами они такъ жестоки и злы...

Сухой осенній вѣтеръ шуршалъ сухой соломой, гналъ сухіе листья по холодной землѣ и они торопливо бѣжали, гонимые его порывами, и шорохъ ихъ путался съ шопотомъ соломы.

А сумерки тѣмъ временемъ совершенно окутывали землю, въ избѣ становилось совсѣмъ темно, и квадраты оконъ едва намѣчались въ черной стѣнѣ. И въ нихъ, какъ безпокойные и странные призраки, шевелились тощія березки, слабо бѣлѣя своими тонкими колеблющимися стволами.

Потомъ наступала ночь. Она была черная, безпросвѣтная, осенняя ночь, долгая и томительная для того, кому не спится. Огни деревни гасли, и все погружалось въ мертвенный мракъ, тяжелой тучей налегавшій на землю. Этотъ мракъ былъ такимъ тяжелымъ и плотнымъ, что, казалось, онъ облипалъ лицо какъ ту-

маномъ, касался его, вѣялъ на него своими черными крыльями. Каждый звукъ въ немъ казался страннымъ, заглушеннымъ и пріобрѣталъ загадочный, непонятный оттѣнокъ. Шуршанье соломы, шорохъ гонимыхъ вѣтромъ листьевъ, вой въ трубѣ — все измѣнялось въ этомъ мракѣ и звучало ново и жутко. Во всемъ чудилась непонятная и таинственная жизнь, и всѣ звуки были связаны между собою какой-то непостижимой одухотворенностью. Отсутствіе признаковъ обыкновенной жизни, человѣческаго голоса, шума шаговъ, стука колеса, вообще того неуловимаго присутствія жизни живыхъ существъ, которое всегда чувствуется днемъ, создавало новую, дикую, невѣдомую жизнь, призрачную и смутную. какъ болотный туманъ, въ которой все полно смысла и значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ все непонятно. Жизни, въ томъ значеніи, какъ къ ней привыкли люди, ощущенія жизни—не было; но были странные, едва примѣтные звуки, были таинственныя вѣянія, чувствовалось незнакомое человѣку движеніе—и все это сплеталось между собою и составляло жизнь ночи. Она была непонятна и страшна, и человѣку, слѣдящему за ней дѣлалось невыносимо жутко. Ему казалось, что по всей землѣ, на всей вселенной есть только онъ одинъ и нѣтъ больше нигдѣ ни одного живого существа. Отъ этого чувства одиночества, забытости, заброшенности ему становилось нестерпимо, и онъ готовъ былъ завыть, заметаться, закричать, лишь бы чѣмъ-нибудь прорвать эту таинственную жизнь ночи съ ея давящимъ, безпросвѣтнымъ мракомъ. Но онъ страшился и съ холоднымъ ужасомъ прислушивался, какъ глухо воетъ въ трубѣ вѣтеръ, какъ живымъ, одушевленнымъ шопотомъ шуршитъ солома и тонко звенитъ струя воздуха въ дребезжащей рамѣ...

Итакъ шли часы за часами въ безпросвѣтномъ мракѣ, полные жизни ночи, и они были мучительно долги...

А когда среди безумныхъ и дикихъ, осторожныхъ и торопливыхъ звуковъ непонятной жизни хриплымъ и неожиданно рѣзкимъ звукомъ раздавался крикъ пѣтуха и вслѣдъ за тѣмъ откуда-то издали, будто изъ другого міра, ему отзывался другой, потомъ третій, и въ задавленной мертвымъ мракомъ деревнѣ начиналась странная перекличка безсонныхъ птицъ—качающемуся непрестанно человѣку становилось легче и онъ начиналъ креститься...

V.

Григорій много думалъ. Темныя мужицкія мысли его шевелились медленно и тягуче, но въ упорномъ и непрестанномъ движеніи. За всю прежнюю жизнь Григорію некогда было думать и онъ не умѣлъ этого. Каждый день рождалъ свои работы, свои

короткія, скоро проходящія мысли, свои радости и печали несъ свой постоянный ни на секунду не прекращающійся трудъ, — и думать было рѣшительно некогда. Поэтому теперь это было ново для Григорія и онъ съ изумленіемъ прислушивался къ своимъ тяжелымъ, неповоротливымъ мыслямъ, а они тихо плыли, рождая одна другую, исчезая и снова появляясь.

Григорій, которому прежде казалось, что онъ помнитъ только насущный день и насущный трудъ — вдругъ увидѣлъ, что онъ помнитъ всю свою жизнь. Онъ помнитъ дѣтство, помнилъ себя парнемъ, помнилъ первое время женитьбы, помнилъ чуть не каждый прожитый и ушедшій назадъ день своего существованія. Ихъ было много, и много было въ нихъ нужды, горя, страданія, мелкихъ радостей и крупныхъ невзгодъ, много было тоски и грусти, и темноты, и недоумѣнія и много было тяжелаго непрестаннаго труда. Вспоминая его, Григорій видѣлъ, что имъ освѣщалась вся его жизнь, все существованіе не только его, но и всего, что соприкасалось съ нимъ. Трудъ—это было то, что занимало все пространство отъ ребяческихъ дней, до момента болѣзни, то, что согнуло его мощное тѣло въ дугу, положило на лицо морщины, сдѣлало его взглядъ угрюмымъ и унылымъ. Онъ давалъ цѣль и оправданіе каждому помышленію, каждому поступку, и если бы отнять его—жизнь тотчасъ же прекратилась бы, тѣло перестало бы двигаться и застыло. И едва только онъ, перекувырнувшись черезъ соху, потерялъ способность къ труду—сразу стало яснымъ и понятнымъ то, что онъ уже не нуженъ, что онъ лишній. Разъ нѣтъ труда—нѣтъ смысла жизни, нѣтъ оправданія существованію и Григорій почувствовалъ угрызеніе совѣсти за то что онъ живетъ. Онъ былъ уже ненуженъ, онъ обременялъ — и было совѣстно жить. Григорій ясно и опредѣленно понялъ, что жить имѣетъ право только тотъ, кто трудится. И онъ такъ же ясно понялъ то, что семейные его имѣютъ право быть недовольными и сердиться на него за то, что онъ еще не умираетъ.

Вспоминая день за днемъ всю свою жизнь, Григорій вдругъ увидѣлъ новую, удивившую его вещь. Сперва полусознательно, не отдавая себѣ отчета, потомъ все яснѣе и яснѣе, какъ звукъ приближающагося издали колокольчика, онъ началъ вдругъ улавливать между всѣми, казалось бы, совершенно разнородными фактами и случаями своей жизни страшную и таинственную связь, которою они были сцѣплены. Это сознаніе связности отдѣльныхъ и повидимому ничего между собою общаго не имѣющихъ явленій, было удивительно и непонятно, но Григорій ее чувствовалъ и ощущалъ.

Темныя мысли копошились въ головѣ и, цѣпляясь одна за другую, ползли въ непрерывномъ движеніи, а связь между от-

дѣльными, разнородными событіями сѣрой мужицкой жизни выступала яснѣе и рельефнѣе и принимала форму законности и осмысленности. И мало-по-малу, какъ человѣкъ, который съ великимъ трудомъ карабкается на крутую гору, достигнувъ вершины, видитъ, что была другая дорога, по которой можно было пройти и легче, и удобнѣе, Григорій увидѣлъ, что можно было иначе пройти—и легче, и лучше. Мелкіе, отдѣльные, будничные случаи его жизни—и не только его, а и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось жить, сливаясь въ одну общую тусклую картину, вдругъ показали ему, какъ мало было въ ней свѣта. И увидѣвъ это, Григорій увидѣлъ и другое. Онъ увидѣлъ, что во всей его трудовой и осмысленной только трудомъ жизни было такъ много ненужнаго и лишняго, такъ много неправды и зла, и такъ мало было добра и Бога... Отъ этой мысли Григорію было жаль всего того, что пережилъ онъ и чего не могъ пережить снова.

Весь безпросвѣтный мракъ его существованія всталъ тогда передъ нимъ, выдвинутый безостановочной работой памяти и мысли. Передъ концомъ жизни Григорій увидѣлъ ее вдругъ всю цѣликомъ, какою она была: темной, грязной, полной заботы и страданія. Ему вьявь представился безконечно длинный рядъ годовъ, однообразныхъ, мрачныхъ, голодныхъ... Онъ могъ бы жить свѣтло, хорошо и любовно, какъ живутъ другіе люди, жить по-Божьи, какъ, слышалъ онъ, жили люди, могъ бы быть добрымъ, справедливымъ, чистымъ, а теперь... было слишкомъ поздно! Онъ помираетъ, онъ долженъ помереть, ему нужно помереть и все, что прожито, останется такимъ, какъ было, и впереди была только смерть.

Было жаль себя за то, что такъ поздно понялъ онъ, что дѣлалъ и какъ жилъ, было больно оттого, что не могъ онъ разсказать и объяснить другимъ, чтобы они поняли понятое имъ, и было нестерпимо тяжело отъ сознанія какого-то темнаго недоумѣнія, шевелившагося въ душѣ, отъ котораго хотѣлось спросить:

«Почему же это такъ вышло?!.»

Иногда къ Григорію приходилъ дѣдъ. Шатаясь, шаркая по полу сухой старческой кожей босыхъ ногъ, придерживаясь руками за косяки дверей, за стѣну, за печку, онъ добирался до угла Григорія и кряхтя и шумно вздыхая, садился около него. Долгое время онъ не могъ проговорить ни слова и отдувался, какъ будто прошелъ дальнюю дорогу или поднялся на высокую гору, и въ тишинѣ слышалось только его затрудненное дыханіе, такое странное и громкое, что можно было подумать, что вотъ-вотъ его старая грудь захлебнется воздухомъ и не выдержитъ его напора.

— Шатаешься?—спрашивалъ, наконецъ, дѣдъ, устремляя на

Григорія тупой и невыразительный взглядъ своихъ бѣлесоватыхъ, выцвѣвшихъ отъ старости глазъ.

— Шатаюсь,—безразлично отвѣчалъ Григорій.

Дѣдъ смотрѣлъ нѣсколько мгновеній на него, какъ бы желая разглядѣть, точно ли шатается онъ, потомъ опять говорилъ своимъ прерывающимся, чуть слышнымъ изъ-за шума дыханія, голосомъ:

— Зашатаешься!... Такъ-то вотъ... Надо думать: зашатаешься... Болѣсть эта самая! Жжетъ?—спрашиваетъ онъ, помолчавъ.

— Нудитъ...

Дѣдъ качалъ головой и открывалъ ротъ, чтобы набрать больше воздуха для своей старой груди. И едва открывалъ онъ ротъ, какъ складки на темно-желтомъ, какъ у покойниковъ, лицѣ его располагались такимъ образомъ, словно онъ усмѣхался.

— Нудитъ,—бормоталъ онъ, кивая головой, точно онъ зналъ раньше, что должно нудить,—то-то вотъ я и говорю... То-то вотъ и есть... Жилъ человѣкъ и вдругъ... нудитъ! И всѣ помремъ! Слава тебѣ Господи, Владыкѣ Пресвѣтлому, пожили... То-то вотъ я и говорю!

— Помремъ!—однозвучно соглашался Григорій.

— То-то вотъ я и говорю: всѣ помремъ. Пожили, такъ и помремъ... Скорѣе бы!

— Скорѣе бы,—откликался Григорій.

— Скорѣе бы,—повторялъ дѣдъ и опять открывалъ ротъ, а въ глазахъ мелькало странное и неуловимое выраженіе не то превосходства, не то освѣдомленности въ томъ, что знаетъ только онъ одинъ и чего не могутъ знать другіе люди.

— Пора,—замѣчалъ Григорій.

— Пора,—качая трясущейся головой и словно бы подмигивая, соглашался дѣдъ.

И долго они сидѣли, молчаливые и задумавшіеся каждый о своемъ. Дѣдъ, какъ и Григорій, сознавалъ, что ему пора помирать, что онъ зажился на свѣтѣ и сталъ больше не нуженъ. Смыслъ его жизни—трудъ давно уже сталъ недоступенъ для него, и его существованіе стало пустымъ и лишнимъ, нарушавшимъ стройность жизни улья. Когда въ сохѣ изотрется лемешъ—его нужно отнять и выбросить, а на его мѣсто вставить новый и крѣпкій. И до тѣхъ поръ нельзя придѣлать новаго, пока старый не снятъ и не выброшенъ. Дѣду, нарушавшему стройность семьи, также какъ и Григорію, давно было пора въ землю, на покой, вообще вонъ изъ семьи, чтобы не тяготить собою ее. Но смерть не приходила, слабая, угасающая, чуть замѣтная искра жизни тлѣла въ его старой, хрипящей груди и могла еще тлѣть долгое время. Сколько? Этого не знали и не могли знать люди. Она

должна была тлѣть ровно столько времени, сколько хватитъ силы у этой изжившейся груди вбирать воздухъ и у стараго сердца силы биться. И не это ли зналъ и понималъ дѣдъ, когда смотрѣлъ въ пространство своими бѣлесоватыми, выцвѣвшими глазами съ такимъ выраженіемъ, по которому можно было подумать что онъ постигъ что-то таинственное и сокровенное, доступное ему одному?

Посидѣвъ, дѣдъ опять ползъ къ себѣ, въ ту избу на печь, а Григорій оставался одинъ. И опять тѣ же медленныя, упорныя, непрестанно двигавшіяся и рождавшія одна другую мысли ползли въ его головѣ, какъ тяжелыя тучи по свинцовому небу...

Жизнь шла своимъ порядкомъ. Каждый день порождалъ свои интересы и заботы и каждый день надо было работать и жить.

Сосѣди, еще въ день поѣздки Григорія въ больницу выразили предположеніе, что съ его болѣзнью хозяйство «поспадетъ» и «поослабнетъ», и хозяйство, дѣйствительно, стало спадать и слабнуть. Всѣмъ было тяжело, всѣ работали изо всѣхъ силъ и все шло какъ-то неладно. Скотина не была во-время напоена и убрана, на работу выходили не тогда, когда слѣдовало бы, работали не такъ какъ прежде, равномѣрно и хорошо, а какъ-то порывами и вмѣстѣ съ тѣмъ вяло. Никто не зналъ, когда за что надо было браться, выходили споры, сваливали работу одинъ на другого, сердились другъ на друга, и струна враждебности и недоброжелательства, едва слышная въ первое время болѣзни Григорія, зазвучала уже открыто и громко.

Самъ Григорій, качаясь какъ маятникъ въ своемъ углу, чуялъ, что въ семьѣ, дѣйствительно, что-то неладно и, несмотря на равнодушіе и отчужденность, явившіяся вслѣдствіе болѣзни, пытался иногда смягчить это неладное.

— Матвѣй!—кричалъ онъ, не переставая раскачиваться взадъ и впередъ.—Пронька, кликни... кликни батьку-то...—съ трудомъ говорилъ онъ племяннику,—скажи, молъ, дяденька зоветъ...

Матвѣй являлся недовольный, оторванный отъ работы, съ тѣмъ особеннымъ угрюмо-оторопѣлымъ выраженіемъ лица, которое какъ появилось у него въ день болѣзни брата, такъ и не сходило все время.

— Что надо? — сумрачно, не глядя на больного, спрашивалъ онъ.

Онъ не глядѣлъ на Григорія потому, что боялся, какъ бы тотъ не прочелъ въ его глазахъ упрекъ себѣ за то, что онъ еще живетъ, ѣстъ и только болѣетъ. И Григорій тоже отводилъ глаза отъ брата, словно стыдясь того, что онъ еще до сихъ поръ не умеръ, а все ѣстъ и не работаетъ, и затрудненно, переводя дыханіе, поминутно останавливаясь, говорилъ:

— Картошку-то... картошку... копали-ль? Копать надо, пора, время ее... копать-то!

— Ужо начнемъ,—бурчалъ Матвѣй.

— Время... пора... нонче осень какая... время копать поди...

— Все, что-ль?—спрашивалъ братъ.

Григорій мелькомъ взглядывалъ на него и махалъ рукой. Матвѣй поворачивался и, тяжело громыхая сапогами, уходилъ.

— И что зоветъ только,—бормоталъ онъ,—только зря отъ дѣла отрываетъ... Ужъ что тутъ, не работникъ все одно...

И еще болѣе смутная и жестокая мысль шевелилась у него подъ черепомъ и онъ самъ боялся признаться себѣ въ ней.

Онъ понималъ, что братъ конченный человѣкъ и что его замѣчанія и такое участіе въ жизни семьи не могутъ избавить всѣхъ отъ того, что темной и страшной тучей надвигалось на семью. Поэтому онъ раздражался и жестокая мысль все чаще и чаще мелькала въ его умѣ. Жить и смотрѣть, какъ Григорій мучается, не можетъ работать и только шатается и можетъ прошататься Богъ знаетъ сколько времени, было очень тяжело. Но желать смерти, скорой и избавляющей, желать брату, большаку, было жестоко и стыдно. Отъ этой двойственности чувствъ на душу осаждалась горькая муть, и закипала безпричинная, тупая злость на всѣхъ и вся за то, что приходится переживать все это.

Григорій тоже понималъ, что его совѣты не нужны теперь лишни для семьи, какъ не нуженъ онъ самъ, и дѣлалъ это какъ бы для очищенія совѣсти, съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ ѣхалъ когда-то въ больницу, хотя и безъ того отлично зналъ что ему не поправиться.

Жизнь шла все труднѣе и хуже, криво и косо, безтолково и нелѣпо и изводила своею безтолковостью. Отъ нея старались убѣгать, уходили надолго изъ дому, выбирая для работы мѣста подальше отъ него, въ свободное время ходили къ сосѣдямъ, сидѣли у нихъ по нѣсколько часовъ, боясь общества другъ друга и той напряженности, которая неминуемо возникала въ ихъ сношеніяхъ. Отсутствіе «смотрѣнья» Григорія главнѣе всего сказалось въ томъ, что всѣ расползлись врозь. Матвѣй по вечерамъ гдѣ-то пропадалъ и часто отъ него стало попахивать виномъ, Настасья судачила съ сосѣдками и торчала у нихъ цѣлые дни. Пронька приходилъ домой только поѣсть. Онъ сталъ дерзкимъ и наглымъ, часто бранился, и Григорій разъ видѣлъ его съ папироской. Онъ хотѣлъ было поругать его, но Пронька презрительно и свысока посмотрѣлъ на него, ухмыльнулся и убѣжалъ. И потомъ онъ сталъ тщательно избѣгать той избы, гдѣ лежалъ Григорій. А въ выпуклыхъ и полубезсознательныхъ глазахъ Доньки, въ ея красивомъ, такъ мало идущемъ къ грубому костюму лицѣ, во всей

ея тонкой, хрупкой, покачивающейся на ходу фигурѣ Григорій вдругъ сталъ подмѣчать что-то такое, чего не видѣлъ раньше. Какая-то неуловимая, но замѣтная перемѣна произошла вдругъ въ ея существѣ, что-то новое появилось и въ округленныхъ мягкихъ жестахъ, и въ лѣнивой походкѣ и въ медлительности рѣчи, по которой казалось, что, говоря, она думала не о томъ, что говорила, а о чемъ-то своемъ, особенномъ, составлявшемъ ея сладкую тайну. Какъ будто она заглянула и увидѣла и узнала то, чего не знала раньше, и скрыла это новое отъ всѣхъ.

Часто Григорію въ полудремѣ безсонницы чудилось, что въ предразсвѣтномъ сумракѣ за окномъ мелькала фигура возвращавшейся откуда-то Доньки. И, глядя потомъ днемъ на нее, онъ не могъ рѣшить: чудилось ему это или онъ видѣлъ ее дѣйствительно?

И одна только Марья, жена Григорія, съ тоскливымъ и окаменѣвшимъ лицомъ сновала по двору, по избамъ, по огороду, работала, выбивалась изъ силъ и никуда не уходила; но и она измѣнилась. Часто во время работы она останавливалась и съ тѣмъ же тупымъ, неподвижнымъ лицомъ упорно глядѣла въ одну точку. Она стояла долго и долго смотрѣла и ничего не видѣла. Потомъ вдругъ, какъ бы опомнившись, она вздрагивала и боязливо оглядывалась, словно боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ теченія ея невеселыхъ мыслей. И снова принималась за работу еще съ большимъ рвеніемъ и большимъ стараніемъ.

VI.

Первое октября—Покровъ былъ престольнымъ праздникомъ того прихода, къ которому принадлежали Добрывичи. Къ этому дню готовились заранѣе, о немъ мечтали чуть не цѣлый годъ, для него раздобывались деньги всѣми, кто хотѣлъ справить праздничную «какъ у добрыхъ людей». Наканунѣ добрывичскіе обыватели запасали водку и пиво изъ ближайшаго села, за недѣлю передъ нимъ ѣздили въ городъ за провизіей и обновами.

Семья Григорія, несмотря на постигшее ее бѣдствіе, болѣзнь главнаго члена, несмотря на то, что, по выраженію дѣда, пришли «грядомыя времена», когда все стало какъ-то не клеиться и шататься, и въ перспективѣ будущаго намѣчалось нѣчто тяжелое и трудное, все-таки не могла не участвовать въ общемъ празднествѣ.

Дня за три до Покрова Матвѣй свезъ въ городъ три воза сѣна, которые ему удалось хорошо продать. Настасья съ Марьей набрали грибовъ и брусники и тоже продали; деньги, стало быть, были. Наканунѣ праздника купили мяса, вина, пива, сходили въ баню, вытащили новые сапоги, пиджаки, рубахи, часы, пальто и жакеты, напекли пироговъ, хлѣба, зажгли лампады у образовъ и

стали ждать праздника. Это ожиданіе и вынужденное ничего неделаніе было томительно и скучно, но отъ него не исчезло торжественное настроеніе всей семьи. Всѣ ходили важные и ожидающіе и всѣмъ было пріятно то, что они приготовились къ празднику и встрѣтятъ его не хуже людей.

Одинъ Григорій, котораго въ виду наступающихъ холодовъ перенесли въ общую избу, оставался безучастнымъ и равнодушнымъ. Онъ спокойно смотрѣлъ на то, какъ мыли и прибирали домъ, какъ ѣздили въ городъ, пекли и варили, и съ нѣкоторымъ изумленіемъ замѣчалъ, что все это какъ будто совершенно не касается и не интересуетъ его даже. Какія-то невидимыя тонкія нити, связывавшія его съ семьей и ея жизнью, оборвались и исчезли и онъ вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ и далекимъ отъ всего, что окружало его. Та отчужденность, которая явилась въ первое время его болѣзни, внезапно усилилась, стала рѣзче и замѣтнѣе. Ничто уже не интересовало его въ существованіи его близкихъ, все было чуждо и ненужно и не трогало ни одной струны его чувства. Покуда не были порваны таинственныя нити жизни, связывавшія его съ семьей, онъ заставлялъ себя интересоваться ея дѣлами и бытіемъ, но теперь онъ чувствовалъ, что онъ остался совершенно одинъ и все то, что вокругъ него происходитъ, ему не нужно и лишне. Прежде онъ себя чувствовалъ ненужнымъ и лишнимъ для семьи и обременительнымъ, теперь же она для него стала таковою. Глядя на скучающія, но важныя лица ожидающихъ праздника родныхъ, Григорій испытывалъ такое же чувство, какое испытываетъ человѣкъ, который расплатился и расчитался со всѣми и можетъ теперь уйти. Какъ струпья глухой, тяжкой болѣзни отваливались отъ него привычки, обычаи, обряды, которые владѣли имъ всю его жизнь и сообразно которымъ жилъ онъ. Глядя на приготовленія къ празднику, на ожиданіе его, Григорій первый разъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всего того, что заставляло его прежде также готовиться и ждать. Это было свободное, гордое чувство человѣка, стоящаго на границѣ жизни и смерти, у котораго на землѣ не было ничего, что могло бы владѣть имъ.

Онъ почувствовалъ, что смерть его близка. И вслѣдъ за нимъ это сразу же почувствовали другіе. Едва только почувствовалъ онъ это, какъ все, что было до сихъ поръ съ нимъ и въ немъ, потеряло для него всякій интересъ и отодвинулось, затуманилось, отошло, какъ будто между нимъ, или, вѣрнѣе, его душой и всѣмъ міромъ протянулась тонкая пленка, которая затянула собой все: и его тѣлесную боль, и его прошлую жизнь, и его темныя медленныя мысли, и его родныхъ, и все... Ко всему этому онъ сталъ безучастенъ и холоденъ, все это было неважно и скучно. Важно

было только то, что ждало его, и Григорій собиралъ всѣ силы своей души, чтобы сосредоточиться на немъ и принять его съ вѣрой и смиреніемъ.

Ночью Григорій не спалъ, а дремалъ, не разгибаясь, сидя какъ всегда, съ поднятыми вверхъ колѣнями. Крѣпко спать онъ не могъ, потому что едва только онъ засыпалъ, ноги вытягивались, спина разгибалась, и острая жгучая боль въ нижней полости живота укалывала его. Онъ дремалъ чуткой и осторожной дремой, часто прерывающейся, скоро проходящей и не возстановляющей силъ, болѣзненной, иногда кошмарной. Въ ней временами дѣйствительность путалась съ грезами въ странныхъ и жизненныхъ комбинаціяхъ и нельзя было отличить, гдѣ кончается одно и начинается другое.

Въ такой дремѣ ему чудилось что-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слышалъ, какъ кто-то подошелъ къ той лавкѣ, гдѣ сидѣлъ онъ. И Григорій не могъ понять, чудится ли ему это, или это дѣйствительность, сонъ ли онъ видитъ, или наяву подошелъ къ нему человѣкъ; онъ силился оторваться отъ смутныхъ и нелѣпо-живыхъ образовъ сна и не могъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слышалъ, какъ подошедшій опустился рядомъ со скамьей на полъ и тихо, чуть слышно, заголосилъ. Наконецъ, Григорій сдѣлалъ усиліе и очнулся.

На полу, возлѣ него, протянувъ на лавку худыя, съ загрубѣвшими узловатыми пальцами руки, сидѣла Марья и, глядя на него полными слезъ, тоскливыми и жалкими, какъ у бездомной, брошенной собаки, глазами, голосила. Сначала Григорій не понялъ и подумалъ, что она хочетъ что-то сдѣлать или спросить.

— Что ты, Марья, что ты?—зашепталъ онъ, силясь разобрать, что она говорила.

— Родненькій мой, голубчикъ мой сизокрылый, на кого ты покинешь меня, горемычную,—тихо стонала Марья, и по лицу ея неудержимымъ потокомъ текли слезы,—что буду дѣлать я безъ тебя, соколикъ ты мой ясный!..

Григорій понялъ. Марья голосила по немъ, какъ по покойнику. Очевидно, и она почуяла то, къ чему готовился онъ. И ни возмущенія, ни жалости къ ней не почувствовалъ Григорій. Какъ будто эта Марья, съ которой онъ жилъ вмѣстѣ, съ которой работалъ и которую такъ хорошо зналъ, была не жена его, не близкій человѣкъ, а совершенно чуждый и почти незнакомый. По этой холодности къ ней, также какъ и по тому, что она заголосила надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ, онъ еще сильнѣе и яснѣе понялъ, что онъ уже отошелъ отъ жизни. Онъ съ изумленіемъ и холоднымъ любопытствомъ вслушивался въ ея голосъ и глядѣлъ на нее, какъ будто видѣлъ ее въ первый разъ.

Марья заливалась слезами, и вся ея бабья душа изнывала въ мучительной тоскѣ. Она знала, что вмѣстѣ съ его жизнью кончится ея хорошая жизнь, что съ исчезновеніемъ Григорія—исчезнетъ все, что было въ ея жизни и потомъ пойдетъ тяжелое мыканье изо дня въ день, полное горечи и обиды, тоски и одиночества, и это мыканье по свѣту будетъ не жизнь, а доживанье. Въ страстной истомѣ билась она головой о лавку, на которой скорчившись сидѣлъ Григорій, и шептала странныя, любовныя, слова, шедшія изъ измученнаго сердца ея, будто ими она хотѣла отвратить то, что надвигалось на нее.

— Родненькій... миленькій... цвѣтокъ ты мой,—всхлипывая бормотала она и, какъ дикій и страшный аккомпаниментъ ея словамъ, въ тишинѣ осенней ночи раздавались заглушенные, медленные удары головой объ лавку.

— Ясненькій ты мой, голубчикъ ты мой, свѣтикъ ты мой...

А Григорій смотрѣлъ на нее съ тупымъ, безучастнымъ любопытствомъ, словно не понималъ, почему она плачетъ и зачѣмъ бьется головой о доски, и въ душѣ его, въ отвѣтъ на безумную тоску ея, не шевельнулось ни одно чувство. Все было тамъ холодно и ясно, и все было проникнуто великимъ ожиданіемъ того, что приближалось къ ней, и чужды, и странны были для нея и эти вопли измученной ожиданіемъ одиночества женщины, и ея лицо, и глаза, и слезы...

Съ улицы доносились крики и пѣсни, и весь тотъ разнообразный шумъ и гамъ, который характеризуетъ немного пьяную, немного разгульную, разошедшуюся толпу. Гдѣ-то на отдаленномъ концѣ деревни рѣзкимъ, скрипящимъ и захлебывающимся звукомъ заливалась гармоника и, путаясь съ ея залихватской мелодіей, нѣсколько голосовъ разомъ пѣло. Пѣсни были короткія и отрывистыя, такъ называемыя припѣвки, съ простымъ нехитрымъ напѣвомъ и глупыми словами. По мѣрѣ того, какъ поющіе двигались по деревнѣ, гармоника и припѣвки дѣлались сильнѣе и отчетливѣе, выдѣляясь на сплошномъ гулѣ праздничной толпы опредѣленной и громкой нотой. Пѣли парни, какъ пѣли всегда на гуляньяхъ, идучи длинной шеренгой по обѣимъ сторонамъ того, кто игралъ на гармоніи, пѣли всѣ разомъ, вѣрнѣе не пѣли, а кричали. Короткіе речитативы припѣвки смѣнялись переливающимися голосами гармоніи, растянутой во всю длину мѣха, очень высокой по тону. Едва только замирали голоса гармоніи, голоса людей разомъ подхватывали и покрывали собой и пьяные выкрики, и топотъ ногъ, и немолчный гулъ рѣчи.

Чѣмъ ближе подходили поющіе къ Григорьевой избѣ, тѣмъ разгульнѣе и вольнѣе казалась трель гармоники и слова припѣвокъ.

Вскорѣ можно уже было ясно разобрать ихъ, и Григорій, не переставая качаться, сталъ вслушиваться.

«Мы гуляемъ, сколика знаемъ
И-и-й ку-тимъ, сколи-ка хà-ти-и-имъ,
Ма-ла-дыхъ дѣвченокъ любимъ,
Никаго знать не хà-ти-и-и-имъ»...

неслось надъ деревней и тотъ часъ же, будто оборвавшись, смолкало, и вслѣдъ за тѣмъ хриплымъ, рѣжущимъ ухо, воплемъ ахнула и застонала растянутая до послѣдней возможности гармоника, залилась переливчатой трелью и, какъ бы изнемогая, замерла.

«Я-ль въ бѣляночкѣ хо-ди-и-лъ,
Тропинку-ль ямочкамъ на-би-и-илъ,
Набилъ до жел-таго песка-а,
Спросилъ въ бѣлянки-ль пояска-а-а-а»...

орали парни, проходя мимо оконъ избы. Гармоника опять рявкнула и заторопилась, выпуская короткіе, быстрые и громкіе звуки.

Дѣдъ на печи зашевелился и закряхтѣлъ. Потомъ открылъ ротъ и сталъ шумно, съ трудомъ вбирать воздухъ, который, казалось, не хотѣлъ проходить въ его старое горло, хлопалъ и клокоталъ въ немъ, словно обрывая какія-то мѣшавшія ему перепонки.

— Хха-а-а,—перевелъ, наконецъ, духъ дѣдъ,—пѣсни играютъ... молодость зато! Все пѣсни, погулянки...

Онъ побормоталъ еще что-то и снова въ избѣ стало тихо и сонно. Звуки улицы долетали сюда, но не нарушали этой тишины. Въ ней ясно слышался шорохъ ворочающагося на печкѣ дѣда и однообразный, ни на минуту не прекращающійся скучный пискъ лавки, на которой качался Григорій.

Лампадки, горѣвшія у темныхъ, обвѣшанныхъ бѣлыми, съ расшитыми концами, полотенцами, образовъ озаряли избу спокойнымъ и пріятнымъ свѣтомъ. Полутьма, густившаяся въ отдаленныхъ углахъ и за печкой, не была угрюмой и наводящей тоску, какъ полутьма сумерекъ, и отъ нея не дѣлалось скучно. Опредѣленныя, хотя и не рѣзкія тѣни спокойно лежали рядомъ со свѣтовыми пятнами, не путались и не колебались, и въ нихъ не было ничего таинственнаго и неуловимаго. Чисто вымытый къ празднику полъ блестѣлъ своими обыкновенно затоптанными досками, кое-гдѣ треснувшими, кое-гдѣ разошедшимися и образующими широкія черныя щели. Вся изба, аккуратно прибратая и почищенная, не имѣла того неряшливаго и грязнаго вида, который дѣлается особенно замѣтнымъ въ смутномъ полусвѣтѣ. Видно было, что теперь праздникъ, и вся обстановка странно гармони-

ровала съ тишиной, съ неподвижными желтыми огоньками лампадокъ, съ смутнымъ пятномъ бѣлѣвшейся печки.

Григорій оглядывалъ избу новыми, удивленными глазами. Праздникъ бывалъ рѣдко и рѣдко изба имѣла такой опрятный домовитый видъ, отъ котораго на душѣ становилось покойно и тихо, и хотѣлось думать о чемъ-нибудь высокомъ и божественномъ. Вся грязь и неуютность жилища куда-то запрятались и исчезли, осталось только хорошее и чистое, что было красиво и благообразно. Оглядывая избу, Григорій думалъ о томъ, какъ хорошо бы было, если бы всегда можно было жить въ такой чистотѣ и опрятности. Въ мягкомъ полусвѣтѣ лампадокъ, въ чисто выметенномъ полу, въ скатерти на столѣ было что-то новое, особенное, что закрывало собою старую грязь и холодъ. Теперь трудно было вообразить себѣ эту самую избу такою, какой она выглядѣла постоянно, и трудно было вообразить въ тишинѣ, наполнявшей ее, обыденные звуки и слова, брань, ссору, крикъ. Отъ безтрепетныхъ огоньковъ лампадокъ вѣяло миромъ и праздникомъ и казалось, что теперь не можетъ случиться ничего обыкновеннаго, грубаго и темнаго, а должно быть что-то новое и хорошее. Постоянная мысль о смерти, не покидавшая Григорія все время, теперь не возбуждала въ немъ ощущенія безпомощности и неизбѣжности, которое тяжелой тоской давило его. Смерть теперь, въ тишинѣ и благообразіи, не казалась страшной, и умереть при свѣтѣ лампадокъ, въ чисто прибранной избѣ, казалось, было легко. То будущее, что обязательно постигнетъ Григорія послѣ того, какъ душа, умывшись въ выставленной на окно чашкѣ съ водой, взлетитъ вверхъ, не представлялось таинственнымъ и ужаснымъ. Умретъ Григорій, и душа его предстанетъ предъ Судью Вѣчнаго, и обратится къ ней Судья Вѣчный такъ же просто, какъ обращался съ вопросомъ о податяхъ староста Михѣй Перфильичъ: «Ну какъ подати, Григорій Ѳомичъ?»—и спроситъ:

— А ну, рабъ Божій Григорій, что ты дѣлалъ на землѣ и какъ жилъ?

И рабъ Божій Григорій съ кротостью и смиреніемъ, но такъ же просто, какъ въ вопросѣ о податяхъ, объяснитъ все, какъ было, и скажетъ:

— Боже! Помилуй мя грѣшнаго по велицей милости Твоей! Жилъ грѣшно и въ сквернахъ, не вѣдавши, что творю, злобою сокрушаемъ, жилъ худо и не по заповѣдямъ Твоимъ, злобствуя и сердясь, темно жилъ! Помилуй мя грѣшнаго!

А Судья Вѣчный скажетъ:

— А много-ль добра ты сдѣлалъ, рабъ Божій Григорій?

И отвѣтитъ рабъ Божій Григорій:

— Помилуй мя грѣшнаго, Боже мой! Дѣлалъ — не дѣлалъ — не мнѣ судить, не мнѣ думать! Сызмальства жилъ грѣшно, сызмальства пахалъ землю, сѣялъ хлѣбъ свой насущный, кормилъ семью и трудникомъ былъ... Правду Твою душой чуялъ, и ежели преступалъ ее, потому какъ слабъ и немощенъ человѣкъ есть. А добра? Не намъ судить, зло ли, добро ли жилъ! Темно жилъ! Помилуй мя грѣшнаго, Боже мой!

И казалось Григорію, что Вѣчный Судія увидитъ и узнаетъ, почему мало добра дѣлалъ онъ въ своемъ пути земномъ, почему много грѣховъ на немъ, почему такъ грубъ и теменъ онъ. Вся его, Григорьева, душа раскроется ему и увидитъ онъ въ ней каждый уголокъ, самый темный, каждый помыселъ и желаніе. И тогда, казалось Григорію, произойдетъ что-то хорошее и свѣтлое, такое, о чемъ онъ боялся и не рѣшался думать, но что наполняло его грудь большимъ и сильнымъ чувствомъ, отъ котораго трудно было дышать и на глаза навертывались слезы.

Весь наполненный этимъ предчувствіемъ чего-то важнаго и огромнаго, что обязательно произойдетъ съ нимъ, Григорій забылъ и боль, и себя, и избу, въ которой онъ лежалъ.

Не слыша однообразно мѣрнаго скрипа скамьи, дѣдъ опять завозился на печи и запыхтѣлъ. Потомъ свѣсилъ голову внизъ, и, широко открывъ свой беззубый, черной дырой выдѣлявшійся на лицѣ, ротъ, долго смотрѣлъ въ тотъ уголъ, гдѣ лежалъ сынъ. Неподвижные желтые огоньки лампадокъ не въ силахъ были бороться съ мракомъ, густившимся тамъ, и слабые, слезящіеся глаза дѣда не могли точно разсмотрѣть Григорія. Онъ видѣлъ только что-то длинное, темное, не съежившееся какъ обыкновенно въ комокъ, а прямое, вытянувшееся и неподвижное.

— Григор...—прохрипѣлъ дѣдъ, но воздуху не хватило и онъ сталъ усиленно вбирать его,—Григорій, ась? А Григорій?..

Григорій не отвѣчалъ. Дѣдъ завозился на печи сильнѣе и шумно задышалъ, отчего его старая, какъ проржавленная машина, грудь захрипѣла и захлопала.

— Сынокъ... живъ? Ась?

Григорій съ усиліемъ оторвался отъ своихъ мыслей и поглядѣлъ на печку. И тутъ онъ самъ замѣтилъ, что онъ не сидитъ, скрючившись и поджавъ острыя, исхудавшія колѣни къ подбородку, а лежитъ и что ему не больно. И вмѣстѣ съ этимъ онъ замѣтилъ, что все видимое имъ вокругъ себя покрылось какимъ-то легкимъ, едва замѣтнымъ туманомъ, неуловимымъ и слегка колеблющимся. Эта смутная дымка висѣла и колыхалась не только между тѣмъ, что его окружало и его глазомъ, но и окутывала собою всѣ долетавшіе съ улицы звуки праздничнаго гулянья, и голосъ старика, и чуть уловимый трескъ фитиля въ одной изъ

лампадокъ. Нужно было сильно сосредоточиться и употребить большое усиліе для того, чтобы разслышать и понять, гдѣ онъ, что съ нимъ и что говоритъ дѣдъ. Вслушиваясь въ звуки его голоса и въ надрывистый хрипъ и клекотъ, выходившій изъ черной дыры его рта, Григорій испытывалъ такое ощущеніе, какъ если-бы онъ лежалъ гдѣ-то глубоко-глубоко въ какомъ-то колодцѣ, окруженномъ шумящими соснами и ему нужно было употребить много вниманія, чтобы разобрать изъ-за этого непрестаннаго шума голосъ старика.

— Живъ ли... сынокъ,—понялъ онъ наконецъ.

— Живъ,—коротко отвѣтилъ Григорій и его собственный голосъ прозвучалъ для него далекимъ и малозначущимъ звукомъ какъ будто сказалъ не онъ, а кто-то другой, находящійся такъ же далеко какъ и старикъ. Онъ не изумился этому впечатлѣнію, потому что большое, широкое чувство, которое наполняло его душу, вновь охватило его и закрыло собою все...

Дѣдъ зашуршалъ опять, захаркалъ, засипѣлъ и, улегшись опять на старое мѣсто, смолкъ. Въ избѣ снова наступила тишина, спокойная и мирная, такъ странно и хорошо гармонировавшая съ легкимъ сумракомъ, окутывающимъ ее, и съ неподвижными, желтыми огоньками лампадокъ. Длинный осенній вечеръ тянулся долго, но не томительно. Минуты проходили за минутами, но тишина въ избѣ не нарушалась. Беззвучно и неподвижно лежалъ на печи старый, изжившійся и дремлющій дѣдъ, и также беззвучно и неподвижно лежалъ въ углу на лавкѣ вытянувшійся во весь ростъ Григорій, объятый своимъ огромнымъ, тихимъ и могучимъ чувствомъ...

VII.

Когда совершенно стемнѣло, толпа, непрерывно двигавшаяся по улицѣ стала таять. Гулянье кончилось; бѣлыя палатки торговцевъ пряниками и орѣхами исчезли, гулъ и гомонъ мало-помалу стихалъ. Только за деревней слышались пьяные выкрики, кто то увѣрялъ кого то и божился, потомъ опять кричало нѣсколько голосовъ разомъ и слышалась божьба и ругательства. Вѣроятно гдѣ нибудь на лужайкѣ въ прогонѣ, пили водку и пиво подгулявшіе старички. Гармоника смолкла, парни разбрелись и то тамъ, то здѣсь можно было видѣть искавшія уединенія парочки: мелькало свѣтлое пятно платка дѣвушки и слышался пониженный голосъ мужчины. Гости изъ другихъ деревень стали разъѣзжаться. Порой по улицѣ, съ звономъ и гикомъ, проносился тарантасъ, биткомъ набитый подпившимъ, оравшимъ пѣсни и ругавшимся народомъ.

— Раздайсь! Берегись, эй!—оралъ правившій, доносилось тарахтѣнье колесъ и храпъ пугавшейся и горячившейся лошади.

Потомъ колеса гремѣли дальше, пьяные выкрики дѣлались слабѣе, доносились изъ-за деревни смутнымъ отголоскомъ и тонули въ наступающемъ мракѣ.

Тишина незамѣтно, но постепенно окутывала улицу. Усталая за долгій, бездѣльный праздничный день, деревня засыпала; только крики никакъ не могущей кончить пьянство компаніи за деревней висѣли въ воздухѣ. Наконецъ, и эта компанія разбрелась, и тогда все стихло и, казалось, заснуло. Одинъ за другимъ тухли въ избахъ огни, и, озаренныя только отсвѣтомъ горѣвшихъ внутри лампадокъ, окна свѣтились спокойнымъ, красноватымъ свѣтомъ. И въ темнотѣ, опустившейся на землю, избы не выглядѣли такъ бѣдно и угрюмо, какъ это было днемъ.

Матвѣй Ѳоминъ возвращался домой, сильно пошатываясь, иногда даже толкаясь объ изгороди и стѣны избъ. Онъ пилъ съ утра, пилъ весь день и къ вечеру былъ совершенно пьянъ, настолько пьянъ, что все, вспоминавшееся ему изъ сдѣланнаго въ сегодняшній день, почему-то казалось ему обиднымъ. Пилъ онъ не потому, чтобы былъ пьяницей или любилъ бы выпить, а просто потому, что въ праздникъ полагается настоящему крестьянину быть пьянымъ, потому что вездѣ, куда бы онъ ни пришелъ, его угощали и заставляли пить, и, наконецъ, потому, что отъ выпитой водки на душѣ становилось легче, а то тяжелое, растерянное и безпомощное состояніе, въ которомъ постоянно былъ Матвѣй съ момента болѣзни брата, дѣлалось незамѣтнымъ.

Съ того самаго дня, когда всѣ, не исключая и его, Матвѣя, поняли, что Григорій не работникъ и что онъ долженъ умереть, Матвѣй чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, проявить чѣмъ-то себя, и что всѣ смотрятъ на него съ ожиданіемъ. Онъ отлично сознавалъ, что если Григорій не участвуетъ въ рабочей жизни семьи,—онъ, Матвѣй, долженъ замѣнить его. Онъ долженъ стать на его мѣсто и дѣлать то самое дѣло, которое дѣлалъ Григорій, т.-е. смотрѣть. Матвѣй тотчасъ же принялся за это, и тотчасъ же увидѣлъ, что онъ не можетъ оправдать тѣхъ надеждъ, которыя возлагала на него вся семья.

Такъ же какъ Григорій, онъ говорилъ Марьѣ, чтобы она шла задать корму скотинѣ, и Марья, такъ же какъ и мужу, повиновалась ему и шла дѣлать указанное ей дѣло. Также какъ Григорій, онъ посылалъ Проньку топить овинъ, и Пронька шелъ туда. Какъ и Григорій, онъ указывалъ, что и какъ надо дѣлать, но все дѣлалось почему-то не такъ, какъ при Григоріѣ.

Все это, вмѣстѣ сложенное, вся масса мелочей, упорно и постоянно доказывающихъ на каждомъ шагу, что изъ жизни рабочаго

улья ушла какая-то невидимая и не замѣчаемая раньше сила, дававшая смыслъ и оправданіе каждому проявленію этой жизни, ложилось на душу Матвѣя мутнымъ и плотнымъ осадкомъ, отъ котораго онъ путался и метался, не видя исхода и ясно замѣчая, что такъ долго продолжаться не можетъ. Не было въ жизни всѣхъ членовъ семьи связующаго ихъ центра и поэтому являлось несправедливое отношеніе другъ къ другу и злоба. Мысль, что все это произошло *по винѣ* Григорія, который заболѣлъ и перестал работать, а принялся умирать, да еще такъ медленно и трудно,—того самаго Григорія, который качается только, не работаетъ и ѣстъ, висѣла надъ всѣмъ домомъ какъ тяжелая, угрюмая туча, отъ которой становилось неловко и больно. Было жаль Григорія, какъ мужа, какъ брата, какъ родного человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ было обидно, что въ то самое время, когда всѣ изъ кожи лѣзутъ на работѣ, этотъ Григорій только и знаетъ, что качается въ своемъ углу да ѣстъ.

«Ужъ помиралъ бы, что ли!» мелькало у каждаго въ умѣ, и каждый боялся этой мысли, какъ боялся того, чтобы другой не прочелъ ее у него въ глазахъ.

«Ужъ померетъ бы, что ли!» мелькало въ головѣ Григорія и онъ смотрѣлъ на всѣхъ жалкимъ, извиняющимся взглядомъ, отъ котораго окружающимъ становилось еще несноснѣе.

Разъ Матвѣю мелькнулъ какъ будто выходъ изъ всей этой путаницы: выдать замужъ Доньку и взять мужа въ домъ. Приливъ новой рабочей силы долженъ былъ уравновѣсить шатающуюся жизнь. Матвѣй сильно надѣялся на этотъ праздникъ, когда онъ могъ бы повидаться и потолковать съ кѣмъ нужно. Для этого онъ съ женой съ утра, въ то время какъ Марья съ Пронькой поѣхали за попомъ для Григорія, отправились къ Пѣгарямъ, сидѣли тамъ цѣлый день, ѣли и пили. Потомъ какъ-то случилось такъ, что Настасья куда-то пропала, и Матвѣй вмѣстѣ съ Степаномъ Петровичемъ, родоначальникомъ семьи Пѣгарей, старикомъ хитрымъ и умнымъ, очутились уже не у нихъ въ избѣ, а у Митрошкиныхъ, гдѣ сидѣли до поздняго вечера и тоже пили. И опять неизвѣстно какимъ образомъ Матвѣй, спустя нѣсколько времени, увидѣлъ себя съ тѣмъ же самымъ Степаномъ Пѣгаремъ уже не въ избѣ, а на улицѣ, на той самой лужайкѣ, что выходила къ яровому полю. Было ихъ тутъ много и всѣ они орали пѣсни, о чемъ-то спорили и галдѣли и пили пиво. Былъ тутъ и Митька Пѣгаренокъ, тотъ самый, на котораго имѣлъ виды Матвѣй. Въ продолженіи цѣлаго дня онъ вспоминалъ о своемъ намѣреніи «потолковать по душѣ» съ Пѣгарями, но все откладывалъ до болѣе подходящаго момента. Тутъ же, за корзиной пива, подъ звуки откровенныхъ рѣчей, минута показалась Матвѣю подходящей.

И обнявъ одной рукою старика Степана Петровича, со стаканомъ пива въ другой, пересыпая свою рѣчь выраженіями вродѣ: «да я для тебя, Степанъ Петровичъ, во какъ... Какъ свѣча, можно сказать, воску яраго.. Тоись нѣтъ ничего на свѣтѣ, чтобы...» — Матвѣй началъ издалека тянуть свою линію.

И когда Пѣгарь понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло и уловилъ суть этой самой линіи, тутъ случилось нѣчто такое, отчего теперь, идя впотьмахъ домой, толкаясь объ изгороди и натыкаясь на неизвѣстно откуда появившіеся на чистой до сихъ поръ улицѣ камни и бревна, Матвѣй злобно и громко ругался, грозя кого-то уничтожить, избить, на кого-то сѣтуя...

Когда онъ нашелъ, наконецъ, свой домъ и, попутавшись довольно долгое время по темнымъ сѣнямъ, нащупалъ, наконецъ, дверь и тяжело ввалился въ избу,—тишина, стоявшая въ избѣ, сразу нарушилась и неподвижные прежде огоньки лампадокъ испуганно метнулись въ сторону и затрепетали.

Матвѣй пошатываясь дошелъ до скамьи у стола и грузно опустился на нее. Опустивъ голову, и упершись глазами въ одну точку, сильно и хрипло дыша, отчего воздухъ сразу наполнился грубымъ и противнымъ запахомъ перегорѣлой водки, онъ просидѣлъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, какъ бы поджидая чего-то. Дѣдъ на печкѣ захрипѣлъ и взглянулъ внизъ.

— Матвѣй... ты?—спросилъ онъ, щуря свои подслѣповатые глаза.

Матвѣй поднялъ голову и оглянулъ избу тупымъ взоромъ, въ которомъ отъ выпитой водки и пива предметы то приближались вплотную къ глазамъ, то снова уходили куда-то далеко и дрожали. Онъ старался глядѣть пристальнѣй, напрягалъ зрѣніе до рѣзи въ углахъ вѣкъ, но едва озаряемые трепетнымъ и дрожавшимъ свѣтомъ лампадокъ предметы качались и прыгали, и онъ никакъ не могъ сосредоточиться взглядомъ на чемъ-нибудь.

— А зачѣмъ обижать?—вдругъ неожиданно громко проговорилъ Матвѣй, по прежнему таращa глаза въ полумракъ избы.

— Кто тебя... обижаетъ...—прохрипѣлъ дѣдъ, снова укладываясь на мѣсто:—хмѣленъ ты, братъ, я вижу...

— Нѣтъ, зачѣмъ обижать?—снова повторилъ свой вопросъ Матвѣй,—я къ нему всей душей, а онъ смѣется... Зачѣмъ обижать?! И всѣ смѣются! Дрянь! — вдругъ рявкнулъ онъ во весь голосъ и стукнулъ кулакомъ по столу такъ сильно, что стоявшая въ поставцѣ посуда звякнула и задребезжала, а огоньки лампадокъ опять пугливо шарахнулись въ сторону,—дрянь паршивая, гадъ ползучій, проклятая...

И вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ грязно и гадко ругаться, все повышая и повышая голосъ, стуча по столу кулакомъ и топая

ногами. Онъ кричалъ долго, съ дикимъ упорствомъ, повторяя иногда одни и тѣ же выраженія и въ его пьяной брани ничего нельзя было разобрать, кромѣ того, что его кто-то обидѣлъ, оскорбилъ и какъ разъ въ то время, когда онъ открылъ свою душу.

Огоньки лампадокъ метались изъ стороны въ сторону, мирно лежавшія до сихъ поръ тѣни запрыгали и, забѣгали, путаясь съ робкими, трепещущими свѣтовыми пятнами, посуда въ поставцѣ непрерывно дребезжала, тонкимъ, жалобнымъ звукомъ, и было нелѣпо, и странно, видѣть тяжелую, одинокую фигуру мужика, сидящую за покрытымъ чистою скатерью столомъ, злобно ругающуюся, стучащую кулаками, и топающую ногами.

Григорій слышалъ голосъ брата, разбиралъ слова, но все это происходило гдѣ-то далеко-далеко, и долетало до него слабымъ отзвукомъ. Тонкая пелена, закрывавшая собою весь внѣшній міръ со всѣми его звуками, стала гуще, и плотнѣе, и нужно было сильно напрягаться, чтобы понять что-нибудь изъ того, что творилось кругомъ.

Онъ слышалъ, какъ пришла Настасья, тоже подвыпившая и тоже ругавшаяся. Онъ слышалъ, какъ мужъ и жена ругались вмѣстѣ и кого-то кляли, кто осрамилъ ихъ на всю деревню, на всю волость, на весь міръ, слышалъ, какъ они укоряли другъ друга въ томъ, что не усмотрѣли, не уберегли, и потому теперь опозорены. Но все это не достигало сознанія Григорія и не будило въ немъ ни образа, ни ощущенія. И только когда хлопнула дверь, и въ избу вошелъ кто-то, на кого съ остервенѣніемъ набросились Матвѣй и Настасья, на мгновенье въ немъ мелькнула мысль, что это пришла Донька, и ея образъ, блѣдный, слабый и колеблющійся, съ неподвижнымъ лицомъ, и задумчивыми, устремленными вдаль глазами, на одно только мгновенье всталъ въ его воображеніи, потомъ медленно качнулся, и проплылъ мимо—тихо, и безслѣдно...

Ухватившись одной рукой за растрепанные и выбившіеся изъ подъ платка волосы Доньки, Матвѣй другой рукой колотилъ ее по чемъ попало, не глядя, стараясь только ударить какъ можно больнѣе. Цѣлый хаосъ брани, безпорядочной и безтолковой, вырывался изъ-за злобно стиснутыхъ зубовъ его, и въ грубости выраженій, которыми онъ осыпалъ свою дочь, проглядывала звѣрская жестокость, душившая его. Настасья тоже била Доньку: она вытянула откуда-то ухватъ и съ розмаху била имъ по извивавшемуся тѣлу дочери. Рѣзкой, звенящей нотой ввивался въ ихъ крикъ визгъ Доньки, злобный и отчаянный, какъ визгъ убиваемаго звѣря, которому некуда убѣжать и который хочетъ дорого продать свою жизнь.

И надъ всей этой нестройной и прыгающей толпой звуковъ

висѣло одно слово, которое повторяли Матвѣй и Настасья, повторяли непрерывно и постоянно, когда не хватало другихъ оскорбительныхъ словъ. Грязный и грубый цинизмъ этого слова какъ бы разжигалъ ихъ гнѣвъ и они бросали его въ лицо дочери, злобно наслаждаясь его гадостью. Наконецъ, Матвѣй рванулъ волоса Доньки съ такой силой, что она грохнулась на полъ, и сталъ топтать ее ногами. Животный, нечеловѣческій вой рванулся и зазвенѣлъ въ воздухѣ, а въ отвѣтъ ему и отецъ и мать твердили все то же площадное слово, страшное потому, что оно примѣнялось къ дочери...

Дѣдъ давно уже, хрипя и задыхаясь, сползъ съ печки и топтался своими слабыми, трясущимися ногами около дерущихся людей и бормоталъ что-то, чего нельзя было разслышать изъ-за криковъ и воя. Но понявъ, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь Донькѣ и остановить сына и невѣстку, старикъ слабо махнулъ рукой и поползъ къ Григорію. Онъ сѣлъ возлѣ него на лавку и съ безсмысленнымъ, растеряннымъ выраженіемъ смотрѣлъ на сына. Въ душѣ его подымалось чувство темнаго недоумѣнія, въ которомъ онъ не могъ разобраться. Почему-то теперь ему показалось страшнымъ и избиваніе воющей Доньки, и то, что Матвѣй такъ пьянъ, и то, за что бьютъ Доньку. Всю жизнь онъ прожилъ среди всего этого, бывалъ самъ пьянъ, училъ самъ жену и дѣтей и сталкивался со случаями, похожими на постигшій Доньку, но никогда во всю жизнь это не казалось ему страннымъ и нехорошимъ, а было въ порядкѣ вещей и обыкновенно. И никогда онъ не чувствовалъ того, что внезапно почувствовалъ теперь: такую полную, жалкую беэпомощность, слабость и старость и ненужность себя въ жизни этихъ людей, ненужность даже въ такомъ случаѣ, когда надо было заступиться, остановить, не дать убить человѣка—и этого невозможно было сдѣлать. Вся его долгая прожитая жизнь вдругъ показалась ему какимъ-то тяжелымъ и нудящимъ сномъ, полнымъ тоски и темноты, горечи и безсилія, въ которой не были странными и нелѣпыми ни побои, ни ругательства, ни пьянство...

Донька вырвалась изъ-подъ ногъ отца и убѣжала. Матвѣй бросился было за ней, но хмель, уступившій передъ злобой, снова охватилъ его, и онъ, сильно качнувшись, сѣлъ на лавку. Настасья побѣжала за дочерью и не возвращалась. Дверь избы такъ и осталась открытой и въ нее тянулъ знобкій холодъ осенней ночи. Одна изъ лампадокъ догорала, огонекъ ея вздрагивалъ и мерцалъ, словно пугаясь обступавшей его со всѣхъ сторонъ темноты.

Григорій вдругъ зашевелился и приподнялся. Дѣдъ засипѣлъ и заерзалъ, силясь выговорить что-то, и, наконецъ, спросилъ:

— Что ты... сынокъ... что ты?

Григорій долго беззвучно шевелилъ губами, какъ будто не могъ найти силы въ горлѣ сказать что-то.

— Марья... попа-бы...—съ усиліемъ пробормоталъ онъ, обводя избу широко раскрытыми глазами.

— Поѣхала, съ утра съ Пронькой за попомъ поѣхала... Теперь скоро... Праздникъ, попа, видно, дома не было...—отвѣчалъ дѣдъ.

Григорій опять откинулся и замолчалъ.

Матвѣй сидѣлъ у стола и продолжалъ ругаться. Но какъ отзвукъ уже пролетѣвшей бури, слова его были невнятны и походили на какое-то ворчанье. Хмель, очевидно, разбиралъ его, и, поддаваясь ему, онъ спустилъ отяжелѣвшую голову на сложенныя на столѣ руки, но еще продолжалъ бормотать. И въ этомъ безсвязномъ бормотаньѣ можно было разобрать только, что его кто-то обидѣлъ, и онъ кого-то убьетъ, и повторялось все то же грязное и оскорбительное площадное слово рядомъ съ именемъ дочери.

Но Григорій этого уже почти не слышалъ. Ему казалось, что онъ засыпаетъ, и онъ чувствовалъ себя лежащимъ на скамьѣ, а надъ нимъ наклонился дѣдъ и говоритъ что-то, чего онъ не могъ разобрать и разслышать, но что онъ ясно понимаетъ. И оттого, что онъ не могъ разобрать словъ дѣда, хотя понималъ, что тотъ говоритъ, онъ зналъ, что умираетъ и что сейчасъ умретъ. Онъ нисколько не испугался этого и не удивился. Онъ видѣлъ въ себѣ какой-то красноватый свѣтъ, подобный тому, какой видитъ человѣкъ, оборотя закрытые вѣками глаза къ солнцу, видѣлъ, что этотъ свѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ дѣлается все меньше и меньше, онъ тухнетъ и какъ бы расплывается, и чувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ уходитъ и его жизнь.

«Ахъ, это вѣрно душа»! сообразилъ онъ, чувствуя, какъ по мѣрѣ угасанія этого свѣта тѣло его дѣлается все неподвижнѣе и холоднѣе, и отрывистыя, пьяныя слова засыпающаго брата ста новятся чуть слышными ему; ясно, что смерть шла и что вотъ-вотъ красноватый свѣтъ въ немъ потухнетъ и онъ умретъ. Онъ попробовалъ двинуться—и не могъ, хотѣлъ сказать что-то но голоса не было и губы его не шевелились. Полное равнодушіе и тишина охватили его. Онъ вслушивался въ сипящій голосъ дѣда, доносившійся до него издали, несмотря на то, что онъ чувствовалъ его около себя, и старался разобрать его слова. Но какъ ни усиливался, онъ не могъ этого сдѣлать. Голосъ дѣда, путаясь съ замиравшей бранью Матвѣя, дѣлался все глуше и тише, уходилъ все дальше и дальше и звенѣлъ, какъ жужжанье комара. А красноватый свѣтъ, между тѣмъ, дѣлался все слабѣе и меньше, превратился въ маленькое пламя, которое колебалось и извива-

лось, борясь съ охватывающей его тьмою, вспыхнуло, метнулось въ сторону и... погасло.

Онъ полетѣлъ въ какую-то черную бездну и въ ту же минуту отчетливо и ясно услышалъ хрипящій голосъ дѣда:—Отходитъ...

И все исчезло.

Въ избѣ было тихо, такъ тихо, что трескъ тухнущей лампады казался громкимъ звукомъ. Пьяный Матвѣй спалъ, положивъ голову на руку и налегая грудью на столъ, длинная вытянувшаяся фигура Григорія лежала особенно тяжело и неподвижно, и надъ ней, склонивъ на бокъ лысый черепъ и словно прислушиваясь къ чему-то, сидѣлъ дѣдъ. Старое, желтое, изрѣзанное морщинами лицо его застыло въ выраженіи растерянности, беззубый, похожій на глубокую, черную яму, ротъ раскрылся и въ него съ хрипомъ и свистомъ врывался воздухъ, котораго не хватало износившейся груди.

Дѣдъ смотрѣлъ на сына, строго и молчаливо лежавшаго рядомъ съ нимъ, смотрѣлъ на начавшее свѣтлѣть окно, въ которое ползли тусклыя, синеватыя и холодныя сумерки ранняго осенняго утра и, ёжась отъ набравшагося въ распахнутую дверь холода, думалъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ думалъ, въ немъ все больше и больше росло впечатлѣніе какого-то темнаго и непонятнаго недоразумѣнія, случившагося только что. Онъ копался въ немъ и думалъ и хотѣлъ рѣшить, — почему онъ, старый и слабый, изжившійся и никому не нужный дѣдъ, живъ,—а Григорій, молодой и могучій, такъ недавно еще полный жизни и всѣмъ нужный, тотъ самый Григорій, безъ котораго все пошло вкривь и вкось и стало вдругъ такъ тяжело и трудно жить, — этотъ Григорій умеръ. И не могъ рѣшить...

Викт. В. Муйжель.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНІЕ И ПАРЛАМЕНТЪ ВЪ АНГЛІИ.

(Очеркъ новѣйшаго фазиса англійской политической жизни).

I.

Обыкновенно принято считать, что государственный строй въ Англіи наиболѣе проченъ и что англійская конституція—самая старая въ Европѣ и наименѣе другихъ подвержена колебаніямъ и перемѣнамъ. Въ общемъ, взглядъ этотъ, конечно, справедливъ, но отсюда никакъ не вытекаетъ выводъ, чтобы англійская конституція не слѣдовала закону внутренней эволюціи въ духѣ тѣхъ началъ, которыя въ нее были заложены, при ея зарожденіи. Неподвижность формъ можетъ привести къ мертвящей косности даже самыя либеральныя учрежденія и ихъ жизненность опредѣляется степенью ихъ гибкости въ соотвѣтствіи съ запросами все возрастающаго числа сознательныхъ элементовъ общества. Этотъ эволюціонный процессъ, который несомнѣнно присущъ и государственному строю въ Англіи, не сразу замѣтенъ для поверхностныхъ наблюдателей, которые даже любятъ ставить англійскій «консерватизмъ» въ примѣръ другимъ странамъ, скопировавшимъ въ свое время англійскіе порядки, но не съумѣвшимъ удержать ихъ у себя надлежащимъ образомъ. И сами англичане, т.-е. большая часть средне-образованнаго класса ихъ, вполнѣ убѣждены, что по настоящее время страна управляется на основаніи статей, изложенныхъ въ «великой хартіи вольностей», подписанной въ 1215 г., Habeas corpus Act, принятомъ въ 1679 г., и въ «биллѣ правъ», принятомъ въ 1689 г.

Но стоитъ только заглянуть въ эти документы, чтобы, по словамъ профессора Герна, одного при лучшихъ изслѣдователей нынѣшняго правительственнаго строя Англіи, «оказаться совершенно разочарованнымъ», настолько эти статьи статута, названнаго когда-то лордомъ Чатамомъ «библіей британской конституціи», не примѣнимы къ условіямъ современной жизни. Въ Magna Charta, напримѣръ, вы найдете очень много статей, касающихся мѣръ и вѣсовъ, разныхъ поземельныхъ правъ и пошлинъ, но ничего нѣтъ ни о парламентѣ, ни о министрахъ, ни объ избирательномъ цензѣ. Въ «биллѣ правъ» можно прочесть о всемъ томъ, чего Яковъ II не долженъ бы былъ дѣлать,

и о томъ, что подданные короля имѣютъ право носить оружіе, «соотвѣтственно своему положенію и согласно закону», и что присяжные засѣдатели, призванные судить государственныхъ измѣнниковъ, должны быть собственниками недвижимаго имущества (freeholders). Что же касается до Habeas corpus Act, то дѣйствіе его потеряло всякое политическое значеніе, такъ какъ само понятіе о «государственномъ преступленіи» (high treason), противъ произвольнаго обвиненія въ которомъ актъ этотъ былъ направленъ, уже давно не существуетъ здѣсь, и вообще всѣ условія, при которыхъ произвольные аресты возможны, уже давно исчезли.

Профессоръ Гернъ считаетъ государственное устройство Англіи частью ея «обычнаго права». Но обычное право не есть нѣчто разъ навсегда застывшее и положенное. По самому своему характеру оно должно отвѣчать тѣмъ чувствамъ справедливости и общественнымъ условіямъ, которыя въ данное время и въ данномъ мѣстѣ господствуютъ.

Всѣ эти государственные акты, явившіеся результатомъ упорной борьбы съ королевской властью, въ свое время имѣли, конечно, большую цѣнность. Но они уже сослужили свою службу, и нынѣшняя Англія живетъ не ими и даже не тѣми «основными» законами, которые были изданы послѣ нихъ. Избирательныя реформы 1832, 1867 и 1884 гг. коснулись лишь одной и то не самой глубокой стороны англійскаго государственнаго устройства. Англійская конституція, какъ извѣстно, не писанная; но она крѣпко лежитъ въ сердцѣ каждаго англичанина. Я разъ спросилъ въ шутку одного англійскаго доктора, съ которымъ разговорился о лордѣ Солисбери: «Что бы вы сдѣлали, если бы онъ назначилъ налогъ помимо парламента?»—«Я бы не платилъ», отвѣтилъ англичанинъ. «А если бы, пользуясь властью, онъ сталъ бы силой взимать?» спрашивалъ я дальше. «На силу я отвѣтилъ бы силой, и, вѣроятно, въ тотъ же день его повѣсили бы на воротахъ Гатфильда» (замокъ лорда Солисбери), былъ отвѣтъ.

Какъ видите, мой собесѣдникъ не сослался ни на какія статьи конституціи: онъ зналъ самъ, какъ ему бы слѣдовало поступать. «Обычное право» (common law) совпадаетъ въ Англіи и по юридической терминологіи съ «правомъ справедливости» (law of Equity). Вотъ почему и англійская конституція, какъ часть обычнаго права, не застываетъ въ неподвижности незыблемыхъ формъ правленія. Вмѣстѣ съ перемѣной общественныхъ условій и взглядовъ мѣняются въ Англіи и конституціонные порядки, и смѣна эта, какъ и перемѣны во всякомъ другомъ жизненномъ организмѣ, продолжается безпрерывно и почти незамѣтно. Мѣняются самыя существенныя части государственнаго механизма, исчезаютъ старыя и возникаютъ новыя потребности, возрождаются новыя функціи съ новыми органами ихъ отправленія, въ то время какъ старые органы мало-по-малу атрофируются и отпадаютъ.

Если судить по внѣшности да по учебникамъ государственнаго права, то дѣйствительно, нынѣшній образъ правленія въ Англіи ни чѣмъ не отличается отъ того, какой былъ въ глубокой древности. При Эдуардѣ I уже Англія имѣла парламентъ, состоявшій изъ лордовъ и «бургеровъ», и при Эдуардѣ VII парламентъ также состоитъ изъ «общины» и «лордовъ». Въ незапамятные вѣка Англія была монархіей и теперь она монархія. Что же касается до парламента, то если вѣрить учебникамъ, такъ онъ всемогущъ. Въ концѣ XVIII-го вѣка женевскій ученый де-Лолмъ, первый давшій научное изложеніе британской конституціи, заявилъ въ своей книгѣ, что англійскій парламентъ «можетъ сдѣлать все, кромѣ превращенія женщины въ мужчину». И это заявленіе, бывшее преувеличеніемъ даже во времена де-Лолма, по настоящій день повторяется многими писателями и учеными, судящими объ англійской конституціи не по дѣйствію ея въ современной жизни, а по поблекшимъ хартіямъ, биллямъ и формальнымъ рѣчамъ и избитымъ пріемамъ и обычаямъ.

На самомъ же дѣлѣ всемогущество англійскаго парламента особенно за послѣдніе годы является далеко не полнымъ. Изъ всѣхъ своихъ функцій онъ исполняетъ настоящимъ образомъ лишь одну или двѣ; остальныя же за нимъ числятся лишь по формѣ, а на дѣлѣ онѣ исполняются или самимъ народомъ, или же однимъ изъ народныхъ представителей, носящимъ званіе «перваго министра». Парламентъ же, какъ собраніе народныхъ представителей, все болѣе и болѣе теряетъ значеніе и авторитетъ подъ вліяніемъ другого болѣе могущественнаго фактора—общественнаго мнѣнія, являющагося главной силой въ управленіи страной свободныхъ и самостоятельно мыслящихъ гражданъ. Такимъ образомъ, нѣкоторое ослабленіе прежняго всемогущества парламента есть лишь шагъ впередъ въ жизни народа и показатель гибкости учрежденій, при которыхъ совершился его духовный ростъ. Мы дальше скажемъ о причинахъ этого явленія, какъ и о вліяніи его на дальнѣйшій ходъ политической жизни Англіи. Пока же объяснимъ, въ чемъ именно выражается этотъ упадокъ парламента.

Формально парламентъ какъ будто все еще продолжаетъ свое прежнее дѣло, которое можно раздѣлить на четыре отдѣльныхъ функціи. Во-первыхъ, онъ законодательствуетъ; во-вторыхъ, онъ сохраняетъ контроль надъ администраціей, держа въ своихъ рукахъ исполнительную власть; въ-третьихъ, онъ вѣдаетъ финансовую политику и взиманіе государственныхъ доходовъ, и въ-четвертыхъ, въ немъ происходитъ подборъ людей, которыхъ можно было бы поставить во главѣ государственнаго управленія.

Посмотримъ же, насколько имъ исполняется каждая изъ этихъ четырехъ функцій.

*

II.

Конечно, законодательство это самое важное дѣло въ собраніи народныхъ представителей. Но именно въ отношеніи этой функціи британскій парламентъ теперь менѣе всего проявляетъ свою дѣятельность. О палатѣ лордовъ говорить нечего. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ она осмѣливается задержать билль, предложенный министерствомъ, да и то лишь тогда, когда билль этотъ ей присланъ въ первый разъ. Она не только не считаетъ возможнымъ помѣшать проведенію билля, но не пользуется даже правомъ внести въ него существенныя поправки.

Но не только палата лордовъ, но и палата общинъ, состоящая всецѣло изъ народныхъ избранниковъ, теперь оказываетъ весьма малое вліяніе на законодательство страны. Это можетъ казаться парадоксомъ, но это фактъ, о которомъ вамъ скажетъ всякій членъ парламента. Когда говорятъ, что палата общинъ—законодательное собраніе (Legislature), то приходится это понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ про всякій законъ въ Англіи, что онъ «изданъ королемъ по совѣту и съ согласія парламента». На самомъ же дѣлѣ законы издаются министерствомъ и лишь утверждаются парламентомъ. Послѣдній же, т.-е. большинство въ палатѣ общинъ, никогда министерству въ утвержденіи его биллей не отказываетъ, особенно за послѣдніе 20—25 лѣтъ. Правительство въ Англіи составляется изъ членовъ парламента, принадлежащихъ къ той партіи, которая въ данный моментъ пользуется большинствомъ голосовъ въ палатѣ общинъ. Поэтому та партія, которая въ большинствѣ, старается во всѣхъ случаяхъ поддерживать своихъ министровъ, иначе послѣдніе выйдутъ въ отставку и ихъ мѣсто займутъ представители противной партіи. Чтобы не допустить такой «катастрофы», члены палаты, принадлежащіе къ сторонникамъ министерства, готовы подавать голоса во всѣхъ случаяхъ въ пользу его, лишь бы удержать его во власти. Меньшинство можетъ, конечно, энергично протестовать и стараться помѣшать правительственнымъ предложеніямъ, но старанія его обыкновенно ничѣмъ не кончаютъ, если только министерство рѣшило воспользоваться своимъ большинствомъ. Еще Кобденъ сказалъ, что у меньшинства лишь одно право, это добиваться возможности самому сдѣлаться большинствомъ. Покуда же эти старанія не увѣнчались успѣхомъ, оно обречено на безсиліе. Партія, побитая въ Англіи на выборахъ, фактически лишается участія въ администраціи и законодательствѣ.

Правда, по теоріи, законодательная иниціатива принадлежитъ въ Англіи не только министерству, но и каждому отдѣльному члену парламента. Всякій изъ членовъ палаты общинъ или лордовъ въ правѣ внести на усмотрѣніе парламента любой законопроектъ. Но право это

въ практической жизни совершенно призрачное. Членъ парламента можетъ внести билль, но не только провести его, но и обсуждать его часто нѣтъ никакой возможности, такъ какъ почти все время палаты общинъ уходитъ на финансовые и иные билли, вносимые правительствомъ, и на дебаты по поводу разныхъ резолюцій и запросовъ партійнаго интереса.

По существующимъ нынѣ въ палатѣ общинъ правиламъ правительству принадлежитъ почти все время парламентскихъ собраній, и для обсужденія биллей, вносимыхъ рядовыми членами палаты, отведены лишь вечернія засѣданія по вторникамъ, средамъ и пятницамъ, когда палата бываетъ открыта лишь нѣсколько часовъ. Но и эти льготы прекращаются въ послѣдніе мѣсяцы сессіи, когда правительство торопится закончить проведеніе бюджетныхъ биллей. Такимъ образомъ, послѣ Пасхи правительство вправѣ присвоить себѣ вечера по вторникамъ, а послѣ Троицы оно забираетъ себѣ и вечера по средамъ, оставляя рядовому члену парламента для обсужденія его законопроектовъ лишь двѣ пятницы въ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ рядовой членъ парламента, при всей энергіи своей и какъ бы ни была въ немъ богата законодательная инипіатива, ничего существеннаго сдѣлать не можетъ. И дѣйствительно, послѣднимъ важнымъ биллемъ, проведеннымъ черезъ парламентъ по предложенію рядового члена палаты общинъ, былъ законъ объ эмансипаціи католиковъ, принятый въ 1825 году по настояніямъ сэра Франсиса Бердетта. Это былъ послѣдній примѣръ, когда билль, возбуждавшій горячіе партійные споры и внесенный не министерствомъ, а частнымъ лицомъ, былъ принятъ парламентомъ.

Подчиненіе воли большинства министерству, т.-е. представителямъ его, не только не вызываетъ въ Англіи недоумѣнія и страховъ, а наоборотъ, въ послѣдніе годы сдѣлалось доктриной, проповѣдуемой и въ печати и съ трибуны. Выдвигается при этомъ принципъ солидарности въ дѣйствіяхъ партіи, отдѣльные представители которой готовы идти на уступки въ интересахъ сплоченности въ отстаиваніи общаго направленія той или другой партіи.

Довольно опредѣленно о доктринѣ безусловнаго послушанія членовъ парламента ихъ вождямъ высказался на митингѣ въ Ричмондѣ, не далѣе какъ 6-го (19) января текущаго года лордъ Онслоу, членъ кабинета Бальфура, какъ министръ земледѣлія.

«Быть можетъ,—сказалъ этотъ министръ,—у каждаго, избраннаго въ палату общинъ, есть только одна главная обязанность, и это— поддерживать ту партію, которую избиратели послали его поддерживать. Можетъ случиться, что, проникнутый глубокими убѣжденіями, членъ парламента чувствуетъ, что онъ не можетъ больше слѣдовать указаніямъ избирателей. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ подать въ отставку и обратиться за новымъ довѣріемъ къ избирателямъ».

Насколько вопросъ о поддержкѣ партіи играетъ въ рѣшеніяхъ парламента главную роль, видно хотя бы изъ случая отказа члена парламента вотировать за собственное предложеніе, когда министерство, принадлежавшее къ его партіи, заявило, что подастъ въ отставку, если предложеніе будетъ принято. Дѣло было въ началѣ 1902 г. и шло о невыгодномъ заключеніи контракта между почтовымъ вѣдомствомъ и телефонной компаніей. Вопросъ былъ поднятъ лондонскимъ лордъ-меромъ, бывшимъ тогда и членомъ палаты общинъ. Дѣло было дѣйствительно скандальное. Контрактъ былъ, очевидно, заключенъ вслѣдствіе заинтересованности многихъ вліятельныхъ лицъ въ акціяхъ телефонной компаніи. Противъ контракта возстали всѣ главныя конторы въ сити, и лордъ-меръ явился лишь выразителемъ общаго негодованія и протеста, когда онъ внесъ «поправку» къ отвѣту на тронную рѣчь,—поправку, которая въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ осудила министра почтъ. При этомъ лордъ-меръ увѣрялъ, что онъ вовсе не хочетъ, чтобы правительство взглянуло на дѣло съ партійной точки зрѣнія и что, какъ преданный сторонникъ его, онъ и не желалъ бы паденія министерства. Однако, послѣднее поставило вопросъ на почву партійности и заявило, что принятіе парламентомъ поправки будетъ означать недовѣріе къ правительству. Въ силу этого, хотя поправка и была пущена на голосованіе, вся почти консервативная партія и въ томъ числѣ самъ авторъ поправки подали голоса противъ нея.

III.

Приведенный случай, между прочимъ, показываетъ, какъ дѣйствующая въ Англіи партійная система правительства отражается на осуществленіи и второй функціи парламента, а именно—контроля надъ администраціей. Если законодательную функцію палата общинъ всецѣло уступила министерству, которое само подготовляетъ и вырабатываетъ всѣ законопроекты, то контроль надъ администраціей она предоставила главнымъ образомъ печати и собраніямъ частныхъ лицъ. Въ странѣ, которая пользуется такой широкой свободой слова и печати, общественныхъ собраній и публичныхъ митинговъ, какъ Англія, контролирующая роль парламента сводится къ очень ограниченному вліянію. Все, что членъ парламента можетъ сдѣлать, такъ это задать вопросъ министру. Конечно, такого рода парламентскіе запросы могутъ возбудить иногда большой интересъ и сослужить хорошую службу. Но, во-первыхъ, вопросы часто зависятъ отъ усмотрѣнія спикера, а, во-вторыхъ, министръ, не желая отвѣчать, всегда можетъ отдѣлаться какой-нибудь формальной оговоркой. Между тѣмъ какъ статья въ большой газетѣ или публичный митингъ уже навѣрно обратитъ на себя вниманіе общественнаго мнѣнія и заставитъ правительство, надъ которымъ всегда виситъ дамокловъ мечъ ближайшихъ выборовъ, принять соотвѣтствующія мѣры.

Конечно, самый существенный контроль надъ администраціей парламентъ можетъ оказать при обсужденіи смѣтныхъ назначеній. Но именно въ отношеніи финансоваго контроля англійскій парламентъ оказывается наиболѣе безпечнымъ и безразличнымъ, и за послѣдніе годы десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ стали имъ разрѣшаться почти даже безъ всякихъ дебатовъ. Въ послѣднюю сессію, передъ концомъ ея было вотировано однимъ разомъ, безъ дебатовъ 28.000.000 фунтовъ стерлинговъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и третья функція парламента, касающаяся финансовъ, значительно ослабла, хотя слѣдуетъ сказать, что настоящій финансовый контроль все же существуетъ, но онъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ «комитетѣ публичныхъ отчетовъ», избираемомъ каждый годъ изъ членовъ палаты общинъ, и въ лицѣ государственнаго контролера (Comptroller-General), несмѣняемаго и независимаго ни отъ какого-нибудь министра, чиновника, являющагося отвѣтственнымъ лишь передъ парламентомъ, которому онъ и подноситъ свои доклады и отчеты.

Долгое время считали, что, какъ машина для подбиранія людей, которымъ можно было бы смѣло ввѣрять руководство государствомъ, парламентъ безупреченъ. И дѣйствительно, всѣ величайшіе политическіе вожди англійскаго народа, имена которыхъ сдѣлались всемірноизвѣстными, получили свое политичесное воспитаніе, свой, такъ сказать, аттестатъ зрѣлости въ палатѣ общинъ. Здѣсь они какъ бы держали экзаменъ на свою пригодность въ министры и въ вожди народа. Чтобы выдвинуться въ первые ряды политическихъ дѣятелей, необходимо было завоевать симпатіи и уваженіе палаты общинъ своимъ краснорѣчіемъ, своей способностью дебатировать, своимъ тактомъ и сдержанностью, своей высокой честностью и искренностью. Достаточно назвать имена сэра Роберта Пиля, лордовъ Джона Ресселя и Пальмерстона, Гладстона и Биконсфильда, не говоря уже о дѣятеляхъ до-реформированнаго парламента. Вѣроятно, именно съ этими примѣрами передъ своими глазами, Джонъ Стюартъ Милль и придавалъ такое значеніе подборной функціи парламента. Говоря въ палатѣ общинъ въ 1863 г., онъ, между прочимъ, сказалъ: «Народное собраніе знаетъ, на что оно годится и на что нѣтъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно будетъ сознавать, что не его дѣло управлять, но его дѣло смотрѣть за тѣмъ, чтобы управленіе находилось въ настоящихъ рукахъ и чтобы управляющіе исполняли свой долгъ. Надѣюсь, что и эта палата все болѣе и болѣе проникнется мыслью, что ея обязанность посадить настоящихъ людей на скамью казначейства (Treasury Bench, т.-е. избрать въ министры) и стараться, чтобы, принявъ должность, они дѣлали свое дѣло. Чѣмъ дальше, чѣмъ опытнѣе станутъ люди, тѣмъ выше оцѣнятъ они этотъ принципъ» *).

---

*) Цитирую по недавно вышедшей интересной книгѣ Сиднея Лоу; „The Governance of England“.

Но даже и эта роль палаты, роль вѣялки, отдѣляющей плевела отъ зеренъ, въ послѣдніе годы стала исполняться далеко не такъ, какъ въ былое время. И первымъ человѣкомъ, нанесшимъ жестокій ударъ принципу подбора, былъ лордъ Солисбери.

Этотъ первый министръ Англіи и по своимъ философскимъ, и по политическимъ міровоззрѣніямъ принадлежалъ къ школѣ государственнаго «ничего - недѣланія». Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ и многократно и публично высказывалъ свои убѣжденія, что ни парламентъ и ни правительство не призваны править страной. Не ихъ дѣло издавать законы, предпринимать реформы и вообще «мѣшаться въ естественный ходъ вещей». Это дѣло самого народа, который посредствомъ частныхъ организацій и мѣстныхъ управленій можетъ устроиться, какъ онъ себѣ хочетъ. Парламентъ и правительство только тогда обязаны взять на себя выработку и изданіе законовъ, если того безспорно требуетъ весь народъ. Настоящее же дѣло англійскаго парламента и правительства—это, по мнѣнію покойнаго лорда, лишь *обереганіе тѣхъ формъ жизни, въ которыхъ возможна самая широкая народная самодѣятельность*. Онъ поэтому былъ «консерваторомъ» въ лучшемъ смыслѣ слова. Но при такихъ взглядахъ на значеніе парламента и правительства онъ не видѣлъ никакой необходимости избрать въ министры людей, энергичныхъ, талантливыхъ и полныхъ иниціатива. Зачѣмъ они? Такіе люди во главѣ правленія, по его теоріи, даже вредны, такъ какъ, вмѣсто обереганія «существующихъ свободныхъ формъ жизни» и вмѣсто поощренія самодѣятельности, стали бы придумывать разныя новшества и лѣзть съ своими непрошенными «вмѣшательствами». Самое лучшее поэтому ставить во главѣ разныхъ вѣдомствъ людей среднихъ, отнюдь не выдающихся. Такимъ образомъ, когда Солисбери сдѣлался первымъ министромъ Англіи въ третій разъ, т. е. въ 1895 г., и когда онъ увидѣлъ, что большинство англичанъ смѣло довѣряется ему, онъ и не задумался передъ тѣмъ, чтобы назначить въ министры тѣхъ изъ членовъ парламента, которые были ему близки по личнымъ или даже семейнымъ отношеніямъ. И въ министры, къ удивленію всѣхъ, сразу попали сынъ, зать и двое племянниковъ самаго лорда Солисбери да такія ничтожества, какъ Бродрикъ, Гамильтонъ и др. Правда, одинъ изъ племянниковъ его, Артуръ Бальфуръ, оказался человѣкомъ выдающимся, извѣстнымъ уже по министерству Солисбери, составленному въ 1886 г., но это была случайность, вовсе не имѣвшаяся въ виду Солисбери. Системѣ своего дяди, лорда Солисбери, теперь слѣдуетъ и Бальфуръ. И этотъ, составляя свой кабинетъ, руководствовался не репутаціей, которую его избранники создали себѣ въ палатѣ общинъ, а родственными и дружескими соображеніями. И на мѣсто Чэмберлена, истиннаго продукта парламентскаго подбора, въ министры колоній попадаетъ какой-то посредственный адвокатъ Литлтонъ, женатый на кузинѣ премьера, а на мѣсто Ритчи, человѣка опытнаго, хотя и не даровитаго, въ канцлеры казна-

чейства избирается сынъ Чэмберлена, не имѣющій за собою рѣшительно никакихъ заслугъ, кромѣ того, что онъ сынъ своего отца.

Но если въ отношеніи подбора членовъ кабинета министровъ роль парламента умалилась, то все же за нимъ остался подборъ вождя партіи, т.-е. перваго министра или будущаго перваго министра. Только въ палатѣ общинъ, на этой публичной аренѣ партійной борьбы и столкновенія разнородныхъ общественныхъ интересовъ, ярко сказываются тѣ достоинства, которыя выдвигаютъ обыкновеннаго члена парламента въ первые ряды борцовъ и, наконецъ, въ вожди партіи. Если же имѣть въ виду, что вождь партіи, какъ первый министръ Англіи, является при современныхъ условіяхъ политической жизни въ Англіи главнымъ, если не единственнымъ верховнымъ правителемъ страны, то функція его подбора (замѣтьте: подбора, а не выбора) палатой общинъ несомнѣнно чрезвычайно важная и вліятельная, и, пожалуй, она одна уже могла бы оправдать существованіе парламента, если бы даже всѣ другія функціи его окончательно устарѣли и сдѣлались ненужными или потеряли полноту.

IV.

Выше, говоря объ атрофіи нѣкоторыхъ парламентскихъ функцій, мы указали на англійскую систему партійнаго правительства, какъ на одну изъ причинъ ея. Страна знаетъ только двѣ партіи, и во главѣ государственнаго управленія становится обыкновенно представитель той партіи, которая побѣдила на выборахъ. Меньшинство при этихъ условіяхъ обречено въ парламентѣ на бездѣйствіе и безсиліе, а большинство, хотя всегда можетъ сдѣлать многое, боится пошатнуть свое правительство и, чтобы не вызвать новыхъ преждевременныхъ выборовъ, всегда связанныхъ съ огромными хлопотами и расходами, предпочитаетъ подчиняться своимъ вождямъ и голосовать даже противъ своего желанія въ пользу министерства. Такимъ образомъ, интересы партіи ставятся на первый планъ и хотя бы это приводило къ умаленію самостоятельной роли парламента, его дѣятельность направляется преобладающимъ направленіемъ общественной мысли въ странѣ. Парламентъ служитъ лишь показателемъ временнаго перевѣса той или другой партіи. Мы должны отмѣтить еще одно обстоятельство, пошатнувшее исключительное значеніе парламента, какъ главнаго органа управленія, это—окрѣпшая и развившаяся система децентрализаціи государственныхъ заботъ.

Англія всегда была страною самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія. Но до принятія билля 1888 г. о совѣтахъ графствъ и билля 1894 г. о приходскихъ и участковыхъ управленіяхъ это самоуправленіе представляло собою крайне безпорядочную груду правъ и обязанностей, основанныхъ на разновременныхъ и безчисленныхъ парламентскихъ актахъ и старинныхъ королевскихъ указахъ, обычаяхъ

и привилегіяхъ. И парламенту то и дѣло приходилось разрѣшать вопросы, какъ говорили въ шутку, о parish pump, т.-е. о деревенскомъ колодезѣ. Проведеніе воды, прокладка линіи для конки и вообще всякій вопросъ, требовавшій участія нѣсколькихъ приходовъ или новаго налога, не предусмотрѣннаго въ старинныхъ актахъ и привилегіяхъ, требовали новой санкціи парламента. Этому неопредѣленному и во многихъ случаяхъ ограниченному и стѣсненному самоуправленію былъ положенъ конецъ именно законами 1888 и 1894 годовъ. Благодаря этимъ законамъ, обыватель для удовлетворенія своихъ элементарныхъ общественныхъ нуждъ вовсе не долженъ обращаться въ парламентъ. Все, что ему необходимо, онъ можетъ получить у себя дома, изъ рукъ своего мѣстнаго выборнаго учрежденія, которое получило самыя широкія полномочія для комфортабельнаго устройства обывательской жизни. Это мѣстное учрежденіе можетъ ему дать все: и школы, для которыхъ мѣстныя правленія были учреждены еще раньше, и библіотеки, и электрическіе трамваи, и какое угодно освѣщеніе, и земледѣльческія колоніи для безработныхъ, и музыкальныя залы, и муниципальныя мастерскія, и многое другое.

Что же касается «политическихъ» правъ обывателя, то парламентъ наврядъ ли можетъ ему дать еще нѣчто болѣе широкое, чѣмъ онъ пользуется теперь. Въ этомъ отношеніи парламентъ, такъ сказать, исчерпалъ себя. Остаются лишь вопросы имперіалистскіе и національно-экономическіе, которые могутъ быть рѣшены лишь въ центральномъ собраніи народныхъ представителей. Но пока эти вопросы лишь нарождаются и практическая политика, выражающаяся въ обсужденіи опредѣленныхъ законопроектовъ, ихъ еще не знаетъ. Пока ни либеральная, ни консервативная партія еще не знали билля о національзаціи земель или желѣзныхъ дорогъ, еще не обсуждаютъ въ парламентѣ новой конституціи англійской имперіи и не предлагаютъ обязательнаго для всѣхъ минимума рабочей платы.

Единственное важное дѣло, оставшееся за парламентомъ, это обсужденіе военныхъ, морскихъ и гражданскихъ государственныхъ смѣтъ. На это уходитъ почти все парламентское время, и такъ какъ ни одна партіи не беретъ на себя риска сокращенія этихъ смѣтъ, то парламентъ только то и дѣлаетъ, что послушно вотируетъ испрашиваемыя суммы, и лишь для формы и въ цѣляхъ побѣды на слѣдующихъ выборахъ то тѣмъ, то другимъ депутатомъ произносится рѣчь и заявляется протестъ.

Такимъ образомъ, уменьшеніе самостоятельнаго значенія парламента, какъ фактора народной жизни, въ Англіи, не столько зависитъ отъ случайныхъ причинъ, какъ, напримѣръ, неудачнаго состава членовъ палаты общинъ, а происходитъ оттого, что самъ народъ сталъ принимать большее участіе въ устройствѣ общественной жизни, вмѣсто того, чтобы слишкомъ полагаться на своихъ представителей, засѣдающихъ въ Лондонѣ. Въ каждой англійской деревнѣ, можно сказать,

есть теперь свой парламентъ. Развившаяся столичная и мѣстная печать зорко слѣдитъ за всякимъ шагомъ министровъ, за всѣмъ, что дѣлается въ странѣ, и лучше членовъ парламента умѣетъ обратить вниманіе «кого слѣдуетъ» на всякое злоупотребленіе или ошибку государственнаго, общественнаго или частнаго учрежденія или лица.

Быть можетъ, какъ характеристику парламентскихъ функцій, будетъ не лишнимъ привести здѣсь выдержку изъ письма Бальфура къ члену парламента Круксу, отъ 28 ноября прошлаго года.

Рабочій вождь и членъ парламента Круксъ, состоящій и членомъ попечительства о бѣдныхъ въ своемъ участкѣ, обратился недавно къ Бальфуру съ просьбой созвать парламентъ раньше положеннаго времени, съ цѣлью принятія мѣръ помощи безработнымъ. Нужно сказать, что правительство въ лицѣ министра по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія уже само постаралось что-нибудь сдѣлать частнымъ путемъ и съ этой цѣлью организовало въ Лондонѣ комитетъ изъ представителей всѣхъ лондонскихъ муниципальныхъ управленій (въ Лондонѣ 28 отдѣльныхъ муниципалитетовъ). Комитетъ долженъ былъ, при помощи частныхъ пожертвованій и черезъ сношенія съ разными лицами и учрежденіями, находить работу для нуждающихся; и слѣдуетъ ему отдать справедливость, онъ энергично взялся за дѣло и очень многаго достигъ, быстро открывъ земледѣльческія колоніи и добившись начатія многихъ полезныхъ работъ. Членомъ этого комитета состоитъ и Круксъ, который, однако, не довѣряясь успѣху частнаго дѣла и желая добиться болѣе положительныхъ гарантій для своего участка, требовалъ созыва парламента.

И вотъ, что ему на это, между прочимъ, отвѣтилъ премьеръ-министръ: «Я вижу, что вы считаете комитетъ самъ по себѣ недостаточнымъ и совѣтуете созвать спеціальную сессію парламента, которая, по вашему, требуется обстоятельствами. Позвольте мнѣ на это сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, я думаю, что необходимо подождать результатовъ новой организаціи, и, во-вторыхъ, я думаю, что не слѣдуетъ возбуждать слишкомъ большія надежды на то, что могутъ дать сейчасъ-же парламентскіе дебаты. Они неоцѣнимы, какъ критика законопроектовъ или административныхъ дѣйствій. Они воспитываютъ общественное мнѣніе. Они могутъ подготовить путь къ созидательной политикѣ; сами же по себѣ наврядъ ли могутъ что-либо создать. И насколько я могу судить, абстрактныя пренія объ общемъ положеніи явились бы плохимъ облегченіемъ для тѣхъ, которымъ намѣрены оказать помощь, и даже повредили бы имъ, такъ какъ усилія частной организаціи и самодѣятельности были бы парализованы, покуда парламентъ не рѣшитъ вопроса».

Такимъ образомъ, первый министръ Англіи, онъ же и лидеръ палаты общинъ, считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ возлагать надежды на организованную дѣятельность самихъ гражданъ, чѣмъ на собраніе представителей, имѣющее, казалось бы, прямой цѣлью своей изданіе законовъ и рѣшеніе разныхъ экономическихъ и прочихъ проблемъ.

Параллельно ослабленію главныхъ функцій парламента для всѣхъ очевиднымъ образомъ идетъ усиленіе вліянія наиболѣе выдающихся парламентскихъ вождей. Премьеръ-министръ, какъ вождь большинства, дѣлается все болѣе и болѣе независимымъ отъ парламента, потому что онъ знаетъ, что парламентъ ему все одно не измѣнитъ. Между 1867 и 1900 годами въ Англіи перемѣнилось восемь министерствъ, и въ шести случаяхъ министерство подало въ отставку не потому, чтобы противъ него вотировали въ парламентѣ, а потому, что оно потеряло на выборахъ. Что же касается до остальныхъ двухъ случаевъ, то въ каждомъ изъ нихъ неблагопріятное голосованіе парламента противъ министерства объясняется или случайностью, или же скрытымъ желаніемъ самого кабинета министровъ покончить съ непріятнымъ положеніемъ. Таково именно было паденіе кабинета лорда Розбери въ 1895 г., когда онъ съ радостью подалъ въ отставку, воспользовавшись пустымъ предлогомъ, что парламентъ большинствомъ двухъ голосовъ осудилъ необезпеченность военнаго вѣдомства кардитнымъ порохомъ. Таково же было и паденіе кабинета Гладстона въ 1885 г., несомнѣнно бывшее результатомъ намѣреннаго вызова. А было время, когда жаловались въ Англіи даже на слишкомъ большую власть парламента надъ кабинетомъ министровъ и въ одной изъ статей «Quarterly Review» за 1866 г. мы, напримѣръ, находимъ пренебрежительный отзывъ о правившемъ тогда министерствѣ графа Дарби, какъ «о слабой и послушной исполнительной власти, которая уступаетъ и должна уступать малѣйшему желанію палаты общинъ».

Сидней Лоу приводитъ слова графа Грея, заявившаго въ 1864 г., что нѣкоторое усиленіе власти кабинета министровъ сравнительно съ палатой общинъ «дѣло крайней необходимости».

И эта необходимость теперь болѣе чѣмъ удовлетворена въ Англіи, но не путемъ какихъ-либо законовъ и регламентацій, а самой жизнью, общими измѣнившимися политическими условіями и соціальными потребностями. Палата общинъ не только не «властвуетъ» надъ премьеръ-министромъ, но находится еще у него въ полномъ подчиненіи. Единственнымъ же господиномъ надъ кабинетомъ министровъ сдѣлался *самъ избиратель*. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ министры руководствуются теперь не тѣмъ, что скажетъ и что думаетъ палата общинъ, а что скажетъ и что подумаетъ *народъ* и каковъ будетъ *его* приговоръ на выборахъ. Палата общинъ обратилась какъ бы въ хоръ древне-греческой трагедіи, самъ въ ходѣ пьесы не принимающій участія, а лишь подчеркивающій и объясняющій дѣйствія актеровъ, которые въ данномъ случаѣ представляются въ лицѣ кабинета министровъ и народа.

С. И. Рапопортъ.

НАМИ-КО.

Современный японскій романъ.

Кенджиро Токутоми.

Переводъ со шведскаго **К. Ж.**

(*Продолженіе* *).

Глава VI.

Мать и сынъ.

Въ началѣ мая военное судно Такео должно было пойти на югъ къ стоянкѣ флота въ Сасэбо и потомъ на сѣверъ, чтобы принять участіе въ маневрахъ соединенныхъ эскадръ около Хакодате. И такъ какъ онъ долженъ былъ пробыть въ отсутствіи больше мѣсяца, то однажды вечеромъ пріѣхалъ домой проститься съ матерью.

Вдова за послѣднее время была положительно несносна и жестоко изводила Такео. Но въ этотъ вечеръ она была необычайно пріятна и сама присматривала за тѣмъ, чтобы ему все было сдѣлано. Хотя Такео былъ очень равнодушенъ къ мелочамъ, но почувствовалъ себя почти смущеннымъ при ея непривычной нѣжности. Каждому сыну, какъ бы старъ онъ ни былъ, всегда нравится, когда мать его балуетъ. Онъ былъ тѣмъ чувствительнѣе къ этому, что она такъ долго выказывала ему свое неудовольствіе.

Такео вкусно пообѣдалъ и потомъ взялъ ванну. Онъ лежалъ и прислушивался къ шороху дождя за окнами, и мысли его шли вереницей. Онъ думалъ о Цушѣ, какъ тамъ было сегодня, и мечталъ о томъ, что, когда онъ вернется, Нами, можетъ быть, будетъ здорова. Послѣ освѣжающей ванны, онъ накинулъ свободный халатъ и пошелъ въ комнату матери, потирая правой рукой лобъ, а въ другой держа горящую сигару.

Служанка какъ разъ массировала плечи баронессы, а она сидѣла и курила свою длинную трубку. Когда Такео вошелъ, она подняла голову и спросила:

— Ты уже готовъ? Ты ужасно похожъ сейчасъ, послѣ ванны, на

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1905 г.

своего отца. Вотъ такъ же входилъ и онъ. Хочешь сѣсть сюда? Вотъ подушка! Ну, хорошо, Матсу, принеси теперь лучше чайку.

Вдова встала и взяла съ буфета блюдо съ пирожками.

— Ты обращаешься со мной совсѣмъ какъ съ гостемъ, мама.

Такео улыбнулся и затянулся сигарой.

— Ты пріѣхалъ какъ нельзя болѣе кстати, Такео. Я хотѣла какъ разъ поговорить съ тобой немножко и желала твоего пріѣзда. Ты останавливался по дорогѣ сюда въ Цуши?

Хотя онъ зналъ, что ей не нравились его постоянныя поѣздки въ Цуши, но не могъ обмануть ее.

— Да, на очень короткое время. Ей какъ будто немножко легче. Она такъ огорчена, что причиняетъ тебѣ столько хлопотъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Она внимательно наблюдала Такео.

Въ эту минуту вошла Матсу съ чайнымъ подносомъ. Вдова взяла его и сказала дѣвушкѣ:—Ты больше не нужна намъ, Матсу. Задвинь хорошенько перегородку.

Она налила чаю себѣ и Такео. И выпивъ чашку и набивъ свою длинную трубку, начала:

— Здоровье мое теперь никуда не годится. Мнѣ чуть было совсѣмъ не пришлось плохо въ послѣдній разъ, когда у меня былъ ревматическій припадокъ. Вчера я была на могилѣ и до сихъ поръ мои ноги чувствуютъ это. Я часто думаю, что стою, пожалуй, одной ногой въ гробу. Будь остороженъ, дорогой Такео, и берегись заболѣть.

Такео стряхнулъ пепелъ съ сигары на очагъ и посмотрѣлъ на мать. Хотя она была очень жирна, но на лицѣ ея все же было порядочно морщинъ.

— Меня, вѣдь, почти никогда не бываетъ дома и нѣтъ никого, кто бы помогъ тебѣ вести хозяйство. Я хотѣлъ бы, чтобъ Нами была здорова, она могла бы тогда быть тебѣ полезной. Этого желаетъ и она сама.

— Да, это можетъ быть, но я боюсь чахотки.

— Но ей теперь гораздо лучше. Погода становится теплѣе, и кромѣ того, она молода, такъ что можетъ справиться и съ чахоткой.

— Да, но я теперь уже не вѣрю, чтобы она поправилась, Такео. Я слышала отъ доктора, что ея мать тоже умерла въ чахоткѣ.

— Она тоже говорила мнѣ объ этомъ, но...

— Чахотка наслѣдственна, не правда ли?

— Такъ говорятъ, но Нами получила ее отъ простуды. Все зависитъ отъ осторожности. Люди говорятъ о заразѣ и наслѣдственности, но на самомъ дѣлѣ это зависитъ отъ другого. Ты знаешь, какой здоровый человѣкъ отецъ Нами, а ея сестры, О-Кома-санъ, напримѣръ,

не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ чахотки. Мы не такъ нѣжны, какъ любятъ думать врачи.—Такео засмѣялся.

— Но смѣхомъ такъ легко отъ этого не отдѣлаешься.—Она вытрясла трубку, поколотивъ ее объ руку и продолжала:—я думаю, чахотка самая страшная изъ всѣхъ болѣзней. Такео, ты, вѣдь, знаешь семью губернатора Того? Мать маленькаго мальчика, съ которымъ ты обыкновенно дрался, умерла отъ чахотки, года два назадъ. А Того-санъ вскорѣ послѣ нея, не прошло еще шести мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ. Знаешь ли ты это, скажи? А сынъ, который былъ гдѣ-то инженеромъ, я слышала, тоже умеръ совсѣмъ недавно. Они всѣ получили ее отъ одной. И я могу разсказать нѣсколько подобныхъ случаевъ. Значитъ, Такео, мы должны быть осторожны, а то намъ всѣмъ придется плохо.

Вдова отложила трубку и наклонилась къ Такео, который сидѣлъ и молча слушалъ. Она сбоку смотрѣла на него, продолжая говорить:

— Я хочу поговорить съ тобой кое-о-чемъ.—Она поколебалась съ минуту, устремивъ взглядъ на Такео.—Нами, ты знаешь...

— Что?—Такео поднялъ голову.

— Чтобы ты сказалъ о томъ, чтобы отправить Нами обратно?

— Отправить обратно? Что ты подразумѣваешь подъ отправленіемъ обратно?

Не отрывая глазъ отъ Такео, вдова отвѣтила:

— Отослать къ ея родителямъ.

— Къ ея родителямъ? Ты хочешь, чтобъ они лечили ее?

— Да, они могутъ и лечить ее. Но, прежде и раньше всего, ты долженъ отослать ее обратно!

— Но Цуши для нея всего лучше. У Катаока дѣти и, кромѣ того, ей лучше оставаться здѣсь, если ты хочешь, чтобы она возвращалась въ Токіо.

Баронесса Кеи выпила свой чай, который тѣмъ временемъ совсѣмъ остылъ, и отвѣтила съ дрожью въ голосѣ:

— Такео, ты вѣдь не сошелъ съ ума, надѣюсь? Почему ты упорно не желаешь понять меня?—Пронзительно глядя на Такео, она продолжала: — то, что я подразумѣваю, это — отослать Нами обратно къ ея родителямъ.

— Отослать! Отослать! Ты подразумѣваешь: развестись?

— Не горячись же такъ! Ты, вѣдь, кричишь, Такео.—Она посмотрѣла на своею дрожащаго сына и сказала:—развестись—да, ты можешь назвать это и такъ.

— Развестись! Развестись! Но почему?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь? Какъ я уже сказала тебѣ, изъ-за ея опасной болѣзни.

— Изъ-за ея чахотки ты хочешь, чтобы я развелся съ Нами?

— Да, именно, хотя мнѣ это больно.

— Развестись!

Сигара выпала изъ руки Такео и дымилась на очагѣ. Лампа горѣла съ шипящимъ звукомъ, и ночной дождь барабанилъ объ оконныя рамы.

Баронесса Кавашима прикрыла дымящуюся сигару золой и продолжала убѣдительнымъ тономъ:

— Я не порицаю тебя за то, что ты такъ удивляешься тому, что слышалъ сейчасъ. Это слишкомъ внезапно для тебя, но я думала объ этомъ много дней, и ты долженъ помнить то, что я говорю тебѣ. Въ Нами нѣтъ ничего особеннаго, что бы мнѣ не нравилось, и ты тоже любишь ее. Поэтому тѣмъ труднѣе быть вынужденной говорить то, что я сказала. Но, говори, что хочешь, опасность чахотки заключается...

— Но ей же лучше!—прервалъ Такео и упрямо взглянулъ на мать.

— Слушай, что я говорю! Можетъ быть, ей сейчасъ не такъ плохо, но докторъ сказалъ мнѣ, что чахотка усиливается, хотя иногда и можетъ казаться, будто она совсѣмъ прошла. Достаточно одной маленькой перемѣны погоды. Никто никогда не вылечивался отъ этой болѣзни по словамъ докторовъ. Хотя Нами теперь, можетъ быть, не такъ опасно больна, но достовѣрно, что это случится рано или поздно, и что ты тоже получишь чахотку. А если у тебя будетъ ребенокъ, то онъ тоже унаслѣдуетъ ее. Подумай, не одна только Нами, но и ты, представитель рода, и твое дитя, которое унаслѣдуетъ все твое состояніе, всѣ вы умрете отъ чахотки. Нашъ родъ вымретъ. Твой отецъ своими стараніями и трудомъ создалъ все наше благосостояніе, и онъ пользовался особымъ расположеніемъ микадо, и все это пойдетъ прахомъ еще при тебѣ. Правда, можно сказать, что очень жаль Нами, и что ты будешь очень горевать, и я говорю это тебѣ не съ веселымъ сердцемъ, но подумай, какія послѣдствія можетъ имѣть ея чахотка. Какъ ни жаль Нами, но вопросъ идетъ, однако, и о тебѣ, главѣ семьи, и о самомъ родѣ Кавашима. Ты достаточно разуменъ, чтобы понять важность этого и добровольно согласиться на мое предложеніе.

Такео, все время молча слушавшій, увидѣлъ передъ собою такъ ясно, словно при яркомъ свѣтѣ, свою больную жену, которую навѣщалъ въ это самое утро.

— Мама, я не могу сдѣлать этого.

— Почему?—Голосъ ея звучалъ нѣсколько громче, чѣмъ раньше.

— Если ты сдѣлаешь что-либо подобное, то Нами умретъ.

— Ну да, она умретъ, Такео, но я больше боюсь за твою жизнь и за родъ Кавашима.

— Если ты думаешь обо мнѣ, мама, то и пойми меня! Ты, можетъ быть, найдешь это страннымъ, но я ни за что не могу сдѣлать этого. Она молода и еще не можетъ, правда, помогать тебѣ, но она любитъ тебя такъ же, какъ меня. Какъ ты хочешь, чтобъ я развелся съ такой ни въ чемъ неповинной женой только изъ-за ея болѣзни? Нѣтъ ни-

какой рѣшительно причины, чтобы ей не вылечиться. Она, кромѣ того, уже начала поправляться. Но если она должна умереть, мама, то дай ей умереть моей женой! И если чахотка такъ опасна, то я не буду ѣздить къ ней, буду остороженъ, какъ только возможно, и буду дѣлать, какъ ты хочешь. Но развестись съ ней я не могу ни за что на свѣтѣ!

— Пуфъ! Ты говоришь только о Нами, но не думаешь ни о собственной жизни, ни о родѣ Кавашима.

— А ты зато говоришь только о моей жизни, но что можетъ быть за счастье жить при помощи несправедливости и жестокости? Безчеловѣчные и несправедливые поступки никогда не влекутъ за собой счастья и вовсе не способствуютъ къ славѣ и чести рода. Я не могу развестись съ ней, нѣтъ, никогда!

Хотя она приготовилась къ сопротивленію, но была все же изумлена несговорчивостью Такео, и ея легко возбуждающійся гнѣвъ разгорѣлся до жестокости. Жилы на лбу ея надулись, и рука, въ которой она держала трубку, дрожала. Однако, она попыталась обуздать свой гнѣвъ и ей даже удалось улыбнуться.

— О, да не горячись же такъ! Подумай объ этомъ спокойно. Ты еще молодъ и мало знаешь жизнь. Но тебѣ, вѣдь, извѣстна поговорка: если хочешь спасти большое животное, то убей маленькое. Нами маленькое животное, а ты, родъ Кавашима—большое. Мнѣ жаль Нами и жаль ея родителей, но, можетъ быть, не неправильно и болѣть? Чтобы они объ насъ ни думали, все же лучше спасти родъ Кавашима. Ты говоришь о несправедливости и безчеловѣчности, но есть много случаевъ, похожихъ на этотъ. Слѣдуетъ разводиться съ женой, если она нарушаетъ почтенность дома, слѣдуетъ, если она не родитъ наслѣдника, и слѣдуетъ, если у нея опасная болѣзнь. Таковъ законъ, ты знаешь это. Значитъ, тебѣ нечего говорить о безчеловѣчности и несправедливости. Въ случаяхъ, подобныхъ этому, обязанность ея родителей взять ее обратно. Но разъ они этого не дѣлаютъ сами, то можетъ быть неправильно просить ихъ объ этомъ?

— Ты говоришь вѣрно, но мы не имѣемъ права поступать дурно, потому что другіе дѣлаютъ это! Разводиться изъ-за болѣзни— это дѣлали въ прежнія времена. Но если существуетъ такой законъ теперь, то, дѣйствительно, пора отмѣнить его. Мы должны нарушить его. Ты думаешь только о нашей семьѣ, но каково будетъ семьѣ Нами, когда она получитъ обратно свою дочь, которую недавно выдала замужъ, только потому, что она заболѣла? И дальше, какъ можетъ Нами вернуться домой, не чувствуя себя униженной? Представь себѣ, что чахоткой страдалъ бы я и они пришли бы и взяли бы Нами, потому что это опасная болѣзнь. Какъ бы ты отнеслась къ этому? Это совершенно тѣ же самыя условія.

— Нѣтъ, это совсѣмъ другое. Женщины не то же, что мужчины.

— Нѣтъ, то же. Они равны, по крайней мѣрѣ въ своихъ чувствахъ. Но будемъ говорить о томъ, что насъ ближе касается. У Нами давно нѣтъ кровохарканій, и она во многихъ отношеніяхъ стала здоровѣе. Если теперь случится что-нибудь подобное, то ей опять станетъ хуже. Она умретъ, непремѣнно умретъ. Я не могъ бы сдѣлать этого по отношенію и къ чужому человѣку. Ты хочешь, чтобы я убилъ Нами?

Такео заплакалъ.

Старуха вдругъ встала и сняла съ домашняго алтаря игаи *), которое поставила передъ Такео.

— Ты не обращаешь вниманія на то, что я говорю тебѣ, но повтори то, что ты сказалъ, передъ своимъ отцомъ. Повтори это! Духи твоихъ предковъ смотрятъ на тебя. Скажи это еще разъ! Непокорный сынъ!

Пристально смотря на Такео, она нѣсколько разъ ударила трубкой о край очага.

Какъ ни былъ Такео кротокъ со своей матерью, но на этотъ разъ онъ весь покраснѣлъ.

— Развѣ я непокоренъ?

— Что? Ты еще спрашиваешь? Развѣ это не непокорность изъ-за жены не обращать вниманія на то, что говоритъ мать? Развѣ это не непокорность не думать нисколько о той, кто дала тебѣ жизнь, и уничтожать родъ твоихъ предковъ противъ моей воли? Ты непокорный сынъ, Такео, и забываешь, чѣмъ дитя обязано по отношенію къ своимъ родителямъ.

— Но человѣколюбіе...

— Избавь меня отъ этого слова! Значитъ, ты больше заботишься о своей женѣ, чѣмъ о своихъ родителяхъ? Безумецъ! Ты говоришь только о женѣ, о женѣ, но думаешь ли ты хоть сколько-нибудь о своихъ родителяхъ? Собака тотъ, кто говоритъ все о Нами! Я проклинаю тебя!

Такео закусилъ губы, и глаза его наполнились слезами.

— Мама, ты слишкомъ жестока.

— Что, жестока?

— Я никогда не думалъ и не чувствовалъ, какъ ты говоришь. Ты не понимаешь меня.

— Ну, такъ почему же ты меня тогда не слушаешься и не хочешь развестись съ Нами?

— Но это...

— Никакихъ «но»! Послушай, Такео, или ты заботишься о матери, или о женѣ. Что? О женѣ? Что? Гм!.. Оселъ!

---

*) *Игаи*—деревянная дощечка съ буддійскимъ названіемъ, изображающая духъ умершаго.

Она гнѣвно швырнула трубку на очагъ, такъ что она разбилась на куски, и головка ея отлетѣла далеко и попала въ перегородку.

Кто-то по ту сторону перегородки издалъ негромкое восклицаніе, и дрожащій голосъ произнесъ:

— Извините!

— Кто тамъ? Что это?

— Телеграмма.

Меньше чѣмъ черезъ двѣ минуты послѣ того, какъ Такео раздвинулъ перегородку, онъ просмотрѣлъ телеграмму, въ то время, какъ дѣвушка скрылась, испуганная злобнымъ видомъ хозяйки. Но за это короткое время раздраженіе ихъ обоихъ нѣсколько улеглось, и натянутое молчаніе смѣнило ихъ прежнюю горячность.

Дождь лилъ теперь потоками.

Вдова Кавашима заговорила первая. Глаза ея еще сверкали отъ гнѣва, но слова звучали нѣсколько спокойнѣе.

— Такео, я не желаю причинить тебѣ зла своими словами. Ты мой единственный сынъ и моя единственная радость, мое счастье въ этомъ мірѣ, и я мечтаю когда-нибудь имѣть красиваго и здороваго внука.

Такео, сидѣвшій погрузившись въ глубокія думы, медленно поднялъ голову и указалъ на телеграмму:

— Я получилъ приказаніе немедленно ѣхать. Самое позднее завтра я долженъ отправляться. Вернусь я домой черезъ мѣсяцъ или около того. Не говори ни слова объ этомъ во время моего отсутствія.

На слѣдующій день Такео еще разъ взялъ съ нея обѣщаніе и посѣтилъ домашняго врача, чтобы попросить его хорошенько ухаживать за Нами. Затѣмъ онъ поѣхалъ съ дневнымъ поѣздомъ въ Цуши.

Когда онъ выходилъ изъ поѣзда, солнце только что сѣло, и молодой мѣсяцъ висѣлъ блѣдный среди сѣровато-лиловыхъ тучъ. Онъ перешелъ мостъ, перекинутый черезъ маленькую рѣчку, и пошелъ по дорогѣ, извивавшейся по темному лѣсу пиній. Выйдя изъ-подъ деревьевъ, онъ увидѣлъ высокій журавецъ колодца, вырисовывающійся чернымъ силуэтомъ на вечернемъ небѣ, и услышалъ, какъ кто-то играетъ на арфѣ.

«Это она играетъ», подумалъ онъ. Ему казалось, что сердце его разрывается, и онъ остановился у воротъ, чтобы вытереть слезы. Нами чувствовала себя необыкновенно хорошо и изливала на арфѣ всю свою тоску по Такео.

Нами увидѣла сразу, что что-то омрачаетъ душу Такео, и онъ избѣгъ ея разспросовъ, отвѣтивъ только, что долго не ложился прошлый вечеръ. Они сѣли за обѣдъ, который былъ особенно хорошо и тщательно приготовленъ въ виду его пріѣзда, но ѣли совсѣмъ мало. Нами улыбалась какъ можно веселѣе, чтобы не выдать своей печали, пришила пуговицы къ жилетамъ Такео и любовно вычистила его

платья, такъ какъ часъ разлуки подходилъ все ближе. Когда уже нельзя было больше оставаться, Такео всталъ. Нами ухватилась за его руку и сказала:

— Неужели тебѣ уже нужно идти, дорогой мой?

— Но я скоро вернусь! Лечись хорошенько и старайся поправиться.

Они крѣпко держались за руки. Въ дверяхъ стояла Ику съ его башмаками, и слуга Могеи дожидался, чтобы проводить его на станцію. Онъ держалъ мѣшокъ въ одной рукѣ и зажженный фонарь въ другой.

— Да, Ику, я оставляю Нами на твоемъ попеченіи. Нами-санъ, мнѣ нужно идти.

— Возвращайся скорѣе, милый!

Такео кивнулъ. Освѣщенный фонаремъ, онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, и потомъ обернулся. Нами стояла у воротъ въ бѣлой шали и махала носовымъ платкомъ.

— Возвращайся скорѣе!

— Да, да, обѣщаю тебѣ! Ты простудишься здѣсь. Иди лучше въ комнаты, Нами-санъ.

Только бѣлая туманная фигура мелькнула ему, когда онъ оглянулся во второй и въ третій разъ. Потомъ дорога сдѣлала поворотъ, и онъ потерялъ ее изъ вида. Но зовъ «возвращайся скорѣе!» преслѣдовалъ его умоляюще и полный слезъ. Внизу на горизонтѣ между пиніями мерцалъ тонкій, заходящій серпъ луны.

Глава VII.

Тоже невѣста.

Когда курума Ямаки остановилась у воротъ, то рѣзкій свистъ возвѣстилъ, что явился глава дома. Затѣмъ онъ взялъ ванну и сидѣлъ теперь на мягкой подушкѣ, въ англійскомъ костюмѣ, лицомъ къ алькову, гдѣ въ вазѣ цвѣло нѣсколько раннихъ ирисовъ. Онъ казался очень довольнымъ своей обстановкой, и видно было по немъ, что онъ самъ себѣ господинъ. Передъ нимъ стоялъ обѣдъ, и онъ выпилъ сначала немножко саке. Въ то же время онъ наблюдалъ свою жену, прислуживающую ему, и хотя въ глазахъ его не выражалось неудовольствія, но, повидимому, онъ все же размышлялъ объ ея незначительной наружности.

Вошла служанка съ вечерней газетой.

— Ну-съ, почитаемъ! Корея—это что-то тревожное. Что! Китай посылаетъ солдатъ. Славно! Значитъ, можно быть увѣреннымъ, что Японія тоже пошлетъ солдатъ. И тогда у насъ будетъ война! Тогда ужъ надо чеканить монету! О-Суми, выпей тоже бокальчикъ. Давай отпразднуемъ событіе!

— Неужели у насъ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ война?

— Да. Чудесно! Чудесно! Но, О-Суми, я хочу поговорить съ тобою кое-о-чемъ другомъ. Я встрѣтилъ сегодня Хидживу, и онъ сказалъ мнѣ, что дѣло налаживается.

— Да не можетъ быть! Такео согласился!

— О, нѣтъ! Его, вѣдь, нѣтъ дома, и сейчасъ невозможно получить какое-нибудь согласіе. Но у О-Нами-санъ опять шла кровь горломъ, и вдова отказалась отъ всякой надежды и сказала, что хочетъ сдѣлать это въ отсутствіе Такео. Это навѣрно такъ и будетъ, если Хиджива будетъ продолжать побуждать ее. Устроить это въ то время, какъ Такео-санъ дома, ужасно трудно, и вдова хочетъ устроить процессъ теперь, пока его нѣтъ. Затѣмъ все пойдетъ для насъ какъ по маслу. Ну-ка, ваша милость, налейте еще.

— Жалко О-Нами-санъ.

— Ты какая-то странная женщина. Сначала ты хочешь отдѣлаться отъ О-Нами-санъ, потому что тебѣ жаль О-Тойо, а когда это почти уже удалось, ты говоришь, что жаль О-Нами-санъ. Что отвѣчать на подобный вздоръ? Подумай лучше, какъ тебѣ поставить О-Тойо на ея мѣсто.

— Но я боюсь, что Такео очень разсердится, если онъ вернется домой и окажется, что О-Нами-санъ отослали къ ея родителямъ.

— Да, это можетъ быть, но ни къ чему не приведетъ, разъ уже будетъ сдѣлано. Къ тому же Такео замѣчательный сынъ, и если вдова прикрикнетъ, то онъ замолчитъ. Въ этомъ я увѣренъ. Ну, относительно главнаго—это ея милость О-Тойо. Мы подождемъ немножко, пока его самый горячій пылъ уляжется, и пошлемъ ее туда, по приглашенію или и безъ него, подъ тѣмъ предлогомъ, что она должна поучиться хорошимъ манерамъ. Разумѣется, мы заплатимъ за пансіонъ и всѣ другіе расходы. Ну, это не такъ мудрено, какъ кажется сначала. Все зависитъ отъ капризовъ вдовы. Если О-Тойо сдѣлается баронессой Кавашима, то ея самое завѣтное желаніе будетъ исполнено, а я, въ качествѣ тестя, буду завѣдывать состояніемъ всего рода Кавашима, понимаешь. Такео, вѣдь, дитя. Это великолѣпно, слишкомъ великолѣпно, чтобы пройти безъ затрудненій. Однако, прежде всего намъ надо подумать объ О-Тойо.

— Не хочешь ли теперь немножко рису?

— Нѣтъ, благодарю! Это большая честь, ты понимаешь. Но ты должна держать ее немножко построже. Иначе все лопнетъ. Такое дурное настроеніе духа каждый день можетъ напугать любую свекровь, хотя бы она была сама богиня милосердія.

— Но я не могу воспитывать ее. Ты всегда...

— Ахъ, глупости! Я не признаю этихъ отговорокъ. Доказательство лучше разговора, говорятъ. Я и докажу тебѣ. Позови О-Тойо.

— О-Тойо-санъ, вашъ батюшка желаетъ говорить съ вами.

Тойо, кончавшая какъ разъ свой вечерній туалетъ, но еще не отложившая зеркала, спокойно обернулась при словахъ служанки Такè.

— Да, сейчасъ.—Она потрогала волосы.—Скажи, Такè, здѣсь не растрепано.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Какъ это идетъ къ вамъ!

— Да, благодарствую.—Она посмотрѣлась въ зеркало и улыбнулась.

Такè отняла вуаль, который держала у рта, чтобы не показать, что она смѣется, и постаралась принять серьезный видъ, напоминая:

— Вашъ отецъ ждетъ васъ.

— Знаю. Сейчасъ иду.

Она бросила послѣдній долгій взглядъ въ зеркало и поспѣшила черезъ длинный рядъ комнатъ къ отцу.

— О-Тойо, мы ждали тебя. Поди сюда! Помоги матери наполнить мой бокалъ! Да не стучи же такъ бутылкой. Это не особенно говоритъ за твое искусство наливать чай. Вотъ такъ, такъ должно быть, пріятно, мягко!

Ямаки, уже подъ вліяніемъ выпитаго сакè, выпилъ еще, несмотря на увѣщанія своей супруги, и продолжалъ:

— О-Тойо очень мила, когда такъ красиво одѣта. Не правда ли, О-Суми? У нея тонкая кожа.

Тойо улыбалась и изгибалась такъ, что почти приняла форму буквы S.

— Любезна въ обращеніи и прямо очаровательна въ разговорѣ, если стоитъ. Только вотъ передніе зубы слишкомъ выдаются, совсѣмъ какъ у твоей матери.

— Хіоцо!—О-Суми нахмурила брови. А у О-Тойо былъ такой кисло-сладкій видъ, какъ будто она выпила уксусу сейчасъ же послѣ сладкаго.

— Если ты посмотришь на длину носа правѣе, то можешь увидѣть самое себя.

— Хіоцо!—О-Суми съ удовольствіемъ закрыла бы ему ротъ какимъ-нибудь затворомъ, еслибъ только онъ былъ.

— На длину носа! Что? Ты, кажется, обидѣлась, О-Тойо? Это портитъ твою наружность. Тебѣ нечего смотрѣть такъ раздраженно. Послушай! Я имѣю кое-что сообщить тебѣ. Налей-ка еще, я заслужилъ это, ты сейчасъ услышишь.

Онъ осушилъ бокалъ, полный до краевъ, и продолжалъ съ довольной улыбкой:

— Мы какъ разъ говорили о Такео-санъ.

Какъ лошадь, ведущая печальную жизнь и стоящая на скудномъ кормѣ, но пробуждающаяся въ одинъ прекрасный день при лакомомъ запахѣ свѣжей лѣтней травы, Тойо подняла голову и насторожила уши.

— Ты разъ расцарапала портретъ Нами-санъ, и теперь заклинаніе совершилось.

— Хіоцо!—О-Суми въ третій разъ нахмурила брови.

— Но къ дѣлу! Во всякомъ случаѣ, Нами больна, и вслѣдствіе этого будетъ разведена съ Такео. Пока, разумѣется, еще не говорили съ родителями, и сама Нами-санъ ничего не знаетъ объ этомъ, но это-то скоро будетъ сдѣлано. И тогда является вопросъ, кого дать Такео вмѣсто нея. И вотъ мы, твоя мать и я, подумали, что ты должна занять мѣсто Нами. Разумѣется, это не можетъ быть такъ скоро, и мы придумали послать тебя къ Кавашима, чтобы поучиться—подожди, не дѣлай такого удивленнаго лица—въ качествѣ кандидатки, понимаешь, но подъ предлогомъ, что ты будешь учиться манерамъ. Такъ что твоя судьба находится въ рукахъ вдовы, понимаешь? Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло.

Онъ смолкъ, чтобы передохнуть, и смотрѣлъ то на жену, то на дочь.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, да. Времени еще порядочно, но я хочу вдолбить это тебѣ сегодня же. Какъ ты знаешь, мать Такео извѣстна своей рѣзкостью, себялюбіемъ и своимъ упрямствомъ—ахъ, прости пожалуйста, я и забылъ, что она твоя будущая свекровь—но, во всякомъ случаѣ, она далеко не кроткая женщина, какъ твоя мать, сидящая здѣсь. Однако, она все же не дьяволъ и не змѣя, а человѣческое существо. Съ маленькимъ тактомъ можно быть женой и дьявола, и змѣи. Еслибъ я былъ женщиной, я съумѣлъ бы сдѣлать вдову, или кого угодно въ такомъ же сортѣ мягче воска въ два дня. Ну, моя болтовня не много поможетъ тебѣ, но я могу сказать тебѣ, какъ ты должна вести себя. Слушай же, что я скажу тебѣ, О-Тойо! Когда ты будешь въ этомъ домѣ какъ помощница — то-есть переодѣтой кандидаткой на невѣсту—ты, прежде всего, не должна быть такъ лѣнива, какъ теперь. Ты должна вставать рано поутру—старики, ты знаешь, всегда поднимаются спозаранку—и должна всячески прислуживать вдовѣ, даже пренебрегая остальнымъ. А во-вторыхъ, ты не должна такъ легко злиться, какъ теперь, должна всегда уступать. Поняла? Ты должна молчать, когда тебя бранятъ, подчиняться какой угодно безсмыслицѣ, должна молчать, даже если ты и права. Тогда они сами пойдутъ тебѣ навстрѣчу. Понимаешь теперь, что подразумѣваетъ пословица: потерять—значитъ выиграть. Ты никогда не должна сердиться, поняла? И въ-третьихъ,—объ этомъ, положимъ, еще рано говорить, но у меня твердыя надежды — представь себѣ, что вы, наконецъ, поженились. Берегись быть слишкомъ счастливой съ Такео.

Ну, да, я, вѣдь, не говорю, когда ты съ нимъ вдвоемъ, но думай о томъ, какъ ты ведешь себя съ нимъ при ней. Ты можешь быть ласкова съ свекровью, но по отношенію къ мужу ты должна собраться съ духомъ и такъ немножко сцѣпляться съ нимъ, такъ чтобы она слышала. Думаютъ, что свекровь должна радоваться, если ея невѣстка очень предана своему мужу, но, какъ это ни странно, въ общемъ, это невѣрно. Должно быть, это ревность или себялюбіе. Но, съ

другой стороны, если ты слишкомъ много станешь думать о мужѣ, то станешь пренебрегать свекровью. По крайней мѣрѣ, такъ она будетъ думать. Величайшая глупость Нами-санъ и есть именно то, что она была слишкомъ счастлива съ Такео. О, не будь такъ ревнива! Ты должна соображаться съ тѣмъ, что я тебѣ говорю. Ты должна дать вдовѣ почувствовать, что ты ея невѣста, а не Такео. То, что мать и невѣстка ссорятся, происходитъ почти всегда оттого, что старуха чувствуетъ себя очень одиноко, когда видитъ, какъ счастливы молодые. Итакъ, вообрази себя невѣстой вдовы. Только когда ты какъ слѣдуетъ подружишься съ ней, можешь начать виснуть на шею Такео. Но при вдовѣ не смѣй даже улыбаться ему. У меня есть еще одинъ совѣтъ, но я приберегу его до того времени, какъ ты будешь готова къ отъѣзду. Пока довольно и этого. Если ты хочешь выйти замужъ за своего милаго Такео, то должна приложить всѣ усилія къ тому, чтобъ быть смиренной. Начинай съ сегодняшняго дня и постарайся, насколько можешь!

Онъ еще не кончилъ говорить, какъ перегородка раздвинулась, и служанка Таке вошла съ письмомъ. Ямаки сломалъ печать, пробѣжалъ его и началъ махать имъ передъ ихъ лицами.

— Посмотрите-ка! Вдова Кавашима проситъ меня придти переговорить съ нею возможно скорѣе!

Черезъ двѣ недѣли послѣ ухода Такео въ море, и всего за нѣсколько дней до того, какъ Ямаки былъ призванъ къ Кавашима, у Нами снова пошла кровь горломъ, почему поторопились послать за докторомъ. По счастью, кровотеченіе было не сильно, и она была спасена на этотъ разъ, но мать Такео пришла въ величайшее безпокойство. Черезъ день или два послѣ этого можно было видѣть тучную фигуру вдовы Кавашима, такъ рѣдко появляющуюся на улицахъ, направляющейся по дорогѣ къ Като въ Іодамаши.

Въ тотъ вечеръ, когда она и Такео говорили о разводѣ, и Такео, къ ея удивленію, такъ опредѣленно воспротивился этому, она должна была обѣщать оставить это дѣло до его возвращенія. Но она сомнѣвалась, что онъ окажется тогда уступчивѣе, и боялась, что, вмѣсто того, время еще болѣе укрѣпитъ его любовь къ Нами, и что, можетъ быть, какое-нибудь совсѣмъ непредвидѣнное препятствіе представится совершенно само по себѣ. Она думала поэтому, что гораздо лучше устроить все, пока сына нѣтъ, но, несмотря на это, какой-то неопредѣленный страхъ или ея собственное обѣщаніе удерживали ее отъ того, чтобы сдѣлать какой-нибудь рѣшающій шагъ для удовлетворенія Хидживы, который часто приходилъ и старался уговорить ее. Сообщеніе о новомъ кровохарканіи Нами, однако, совершенно измѣнило ея настроеніе и заставило ее отправиться къ Като, которые были посредниками при бракѣ ея сына.

Хотя они жили по сосѣдству, но едва ли она была у нихъ съ тѣхъ

поръ, какъ приходила благодарить за ихъ помощь при женитьбѣ. Поэтому ея неожиданное посѣщеніе тотчасъ возбудило подозрѣніе въ графинѣ Като, относительно того, что происходитъ что-то необычайное. Она вѣжливо приняла свою гостью. Но узнавъ о поводѣ визита, она почувствовала, словно ей пронзили сердце. Кто бы могъ подумать, что ее будутъ просить, чтобы она, тѣми же самыми руками, которыми она соединила оба рода, Кавашима и Катаока, теперь порвала узы между ними!

Графиня Като только смотрѣла на свою гостью и дивилась, какъ у нея хватило духу придти къ ней и говорить такія постыдныя и безсердечныя слова. Но та сидѣла, самоувѣренно выпрямивъ свое жирное тѣло и сложивъ руки на колѣняхъ. Графиня Като была, однако, увѣрена, что она не шутитъ и не сошла съ ума. И когда она должна была признать, что та говоритъ сознательно, то удивленіе ея перешло въ пылкое раздраженіе. Горькія слова и упреки вдовѣ за ея слишкомъ большое себялюбіе готовы были сорваться съ ея губъ, но сильнымъ напряженіемъ воли ей удалось подавить ихъ, подумавъ о Нами, такъ какъ Нами была ей дорога, какъ родная дочь. И вмѣсто этого она пожелала узнать причины, обсуждала ихъ мягко и увѣряла вдову, что понимаетъ, какъ ей это тяжело, но просила ее все же быть снисходительнѣе. Но вдова была глуха къ подобнымъ разговорамъ. По глазамъ ея можно было ясно прочесть, какъ ей не нравится подобное безполезное краснорѣчіе, и что она считаетъ, что графиня Като обязана передать ея порученіе родителямъ Нами. Слушая вдову, графиня Като видѣла передъ собою смѣняющіеся образы своей больной племянницы, сестры, матери Нами, на смертномъ одрѣ, и генерала, такъ безпокоящагося о счастьѣ своей дочери. И такъ какъ она все болѣе волновалась, и глаза ея застилались слезами, то она рѣзко встала и отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ, не выслушавъ даже раньше мнѣнія своего мужа. Като оказали честь, избравъ ихъ для соединенія двухъ семействъ узами любви, но пачкать себѣ руки, способствуя такому несправедливому и безчеловѣчному поступку,—этого они не могли!

Старуха отправилась домой внѣ себя отъ раздраженія и въ тотъ же вечеръ послала письмо Ямаки. Управляющаго Тазаки она считала слишкомъ глупымъ для подобнаго порученія. Графиня Като съ своей стороны не знала, что ей дѣлать, такъ какъ ея мужъ былъ въ отъѣздѣ, но, съ помощью своей дочери Шицу, она разузнала, гдѣ можетъ находиться судно Такео, и спѣшно послала ему письмо. Несмотря на увѣренія старухи Кавашима, она все же не повѣрила, что Такео заодно съ ней. Тѣмъ временемъ вдова рѣшила обратиться прямо къ Катаока. Она настрочила Ямаки, и его курума вскорѣ направилась въ Акасаку.

Глава VIII.

Порученіе Ямаки.

Какъ разъ въ ту минуту, какъ курума Ямаки останавливалась у воротъ дома генералъ-лейтенанта Катаока, имъ встрѣтился офицеръ верхомъ. Напуганная стукомъ курумы, лошадь понесла и взвилась почти на дыбы. Всадникъ, однако, легко укротилъ и успокоилъ ее, проѣхавъ кругомъ двора прежде, чѣмъ въѣхать въ ворота.

Ямаки осмотрѣлъ элегантную фигуру и прочистилъ себѣ горло, подходя къ внушительнымъ воротамъ. Ему приходилось бывать у многихъ высокопоставленныхъ лицъ, но теперь ему казалось, будто сердце его остановилось. Наканунѣ вечеромъ, получивъ порученіе баронессы Кавашима, онъ почувствовалъ себя смущеннымъ, но теперь, стоя лицомъ къ лицу съ необходимостью, онъ пенялъ на себя за свою слабость, онъ, всегда кичившійся сердцемъ жесткимъ, какъ камень.

Ямаки далъ свою карточку, и слуга, вернувшись, провелъ его въ пріемную. На столѣ лежала разложенная карта Китая и Кореи, которая вмѣстѣ съ нѣсколькими обгорѣлыми спичками и кучкой пепла на маленькомъ подносѣ говорила о томъ, какая тема только что обсуждалась здѣсь.

Дѣло въ томъ, что возстаніе въ Кореѣ, движеніе китайскихъ войскъ, и слухи объ отправкѣ японской арміи въ это время начали привлекать къ себѣ интересъ всего міра, и хотя генералъ состоялъ только въ запасѣ, у него, во всякомъ случаѣ, было столько о чемъ подумать, что это поглощало у него все время, которое онъ иначе отдавалъ своимъ англійскимъ урокамъ.

Ямаки сѣлъ и только собирался съ любопытствомъ обозрѣвать комнату, какъ звукъ шаговъ, гремящихъ, какъ отдаленный громъ, началъ приближаться, и господинъ, внушительный, какъ маленькая гора, вошелъ и сѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Ямаки поспѣшно всталъ, но при этомъ опрокинулъ свой стулъ. Съ нѣсколькими растерянными словами извиненія, онъ смущенно поднялъ стулъ и вѣжливо поклонился нѣсколько разъ генералу. Возможно, что поклоны должны были обозначать также просьбу объ извиненіи за его неловкость.

— Пожалуйста садитесь. Вѣдь, вы Ямаки-кунъ? Я знаю, какъ васъ зовутъ, но...

— Я въ восторгѣ познакомиться съ генераломъ. Мое имя Хіоцо-Ямаки.

И съ выраженіемъ человѣка, желающаго принизить себя, добавилъ:

— И крайне неловкая личность.

Послѣ каждой фразы, онъ наклонялся, и каждый разъ стулъ трещалъ, какъ бы желая сказать: «Совершенно вѣрно!»

Обмѣнявшись нѣсколькими предварительными фразами о незначительныхъ предметахъ и нѣсколькими замѣчаніями о корейскомъ вопросѣ, генералъ пожелалъ узнать о причинѣ визита. Ямаки откашлялся и хотѣлъ открыть ротъ, но только при третьей попыткѣ ему удалось выговорить слово. Онъ дивился, почему его никогда неизсякающее краснорѣчіе изсякло именно теперь.

Наконецъ, Ямаки заговорилъ:

— Я явился по дѣламъ семьи Кавашима и съ особымъ порученіемъ.

Генералъ вперилъ въ Ямаки свои маленькіе глазки, какъ бы изумленный.

— Да?

— Вдова, баронесса Кавашима, пріѣхала бы сама, но потомъ попросила меня отправиться вмѣсто нея.

— Да, понимаю.

Ямаки вытеръ лобъ, такъ какъ невольно вспотѣлъ.

— Онѣ хотѣли, чтобъ графиня Като поѣхала къ вамъ поговорить за нихъ,—продолжалъ онъ.—Но такъ какъ она не хотѣла, то послали меня.

— Да, да, я понимаю. Но въ чемъ же дѣло?

— Да, такъ. Трудно говорить объ этомъ, но баронесса Кавашима, ваша дочь.

— Ну?

— Да, дѣло идетъ о молодой баронессѣ. Очень тяжело говорить объ этомъ, но мы были такъ встревожены ея болѣзнью. И хотя ей теперь немножко лучше, и мы очень этому рады.

— Да-да. Ну?

— Намъ очень жаль, что мы принуждены обратиться къ вамъ, потому что это значитъ предъявлять слишкомъ большія требованія на вашу доброту, но такъ какъ болѣзнь ея весьма подозрительнаго характера, и такъ какъ семейство Кавашима, какъ вамъ извѣстно, очень немногочисленно, такъ какъ Такео-санъ единственный мужской представитель, то баронесса Кавашима очень за него тревожится. Очень тяжело быть вынужденнымъ говорить вамъ это, такъ какъ это значитъ слишкомъ искушать вашу доброту, но ея болѣзнь такого рода, что если бы она заразила, что, впрочемъ, не обязательно, но всегда лучше быть предусмотрительными, и если бы случайно Такео-сана, представителя рода, постигло это несчастье, то это было бы равносильно тому, что родъ Кавашима прекратился бы. Ну, да, по нынѣшнимъ временамъ, это не имѣло бы, можетъ быть, большого значенія, но, во всякомъ случаѣ, чтобы прямо перейти къ дѣлу—очень грустно говорить объ этомъ, но въ виду того, что болѣзнь ея такого рода, что...

Голосъ измѣнилъ Ямаки, и капли пота выступали на его лбу по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ своемъ изложеніи. Генералъ, наблюдавшій его, не говоря ни слова, поднялъ правую руку.

— Ага, понимаю. Однимъ словомъ, болѣзнь Нами опасна, и вы желаете, чтобы я взялъ ее обратно домой? Я вполнѣ понимаю.

Онъ кивнулъ головой и, отложивъ докуренную сигару въ пепельницу, скрестилъ руки.

Ямаки передохнулъ и вытеръ лобъ. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его вытащили изъ трясины.

— Вы совершенно точно поняли мои слова. Мнѣ не легко было говорить это, но я надѣюсь, что вы не примете дурно.

— А Такео-санъ уже вернулся?

— Нѣтъ, его еще нѣтъ. Но онъ, разумѣется, знаетъ обо всемъ. Такъ что я надѣюсь, что вы не обижаетесь.

— Ну, хорошо..

Генералъ снова кивнулъ и посидѣлъ съ минуту со скрещенными руками и закрывъ глаза.

Довольный сравнительно легко доставшейся удачей, Ямаки взглянулъ вверхъ и замѣтилъ, что генералъ закрылъ глаза и стиснулъ губы. Онъ почувствовалъ, что въ выраженіи генерала было что-то страшное.

— Ямаки-кунъ?

Генералъ открылъ глаза и смотрѣлъ на Ямаки.

— Да,—сказалъ Ямаки.

— У васъ есть дѣти или нѣтъ?—спросилъ генералъ.

Ямаки не понялъ истиннаго смысла вопроса. Онъ поклонился.

— Да, сынъ и дочь.

— Ямаки-кунъ, значитъ вы знаете, какъ дорого дитя отцу?

— Да.

— Ну, я согласенъ исполнить ваше желаніе. Будьте добры, сказать вдовѣ Кавашима, что она можетъ быть спокойна. Нами переѣдетъ сегодня же. Сожалѣю, что мнѣ приходится затруднять васъ порученіемъ.

Ямаки всталъ и поклонился несчетное число разъ, видимо обрадованный, что визитъ законченъ, но и смущенный вызваннымъ имъ огорченіемъ.

Генералъ проводилъ своего гостя. Вернувшись, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Глава IX.

Возвращеніе домой.

Послѣ отъѣзда Такео, Нами чувствовала себя очень одинокой, и дни на виллѣ въ Цуши протекали безконечно медленно. Но она выдержала все же пять недѣль, и наконецъ пшеница была убрана, и наступила пора дикихъ лилій. Одну минуту она отчаялась относительно своего здоровья, но докторъ, по счастью, успокоилъ ея опасенія, и она снова пріобрѣла прежнее мужество. Ободренная письмомъ Такео

отъ недавняго числа, она усиленно старалась слѣдовать предписаніямъ врача и выздоровѣть и съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Такео. Но за послѣдніе дни всѣ вѣсти отъ Такео прекратились, и она не имѣла никакихъ свѣдѣній изъ своего дома въ Банчо, ни отъ родителей, ни отъ тетки изъ Іедамаши.

Чтобы провести время, она стала убирать дикія лиліи въ вазы. Когда служанка вошла съ водой, она спросила:

— Скажи, Ику, не странно ли, что мы не получаемъ почты?

— Да, пожалуй,—отвѣтила старая служанка.—Но они навѣрное всѣ здоровы, и имъ не о чемъ писать. Во всякомъ случаѣ вы навѣрно скоро получите письма, а можетъ случиться, что кто-нибудь пріѣдетъ навѣстить насъ днемъ. Все-таки какъ красивы цвѣты. Какъ бы я хотѣла, чтобъ господинъ вернулся раньше, чѣмъ они завянутъ.

Нами разсматривала лиліи, которыя держала въ рукахъ.

— Красивы, да, конечно, они красивы. Но, можетъ быть, лучше было бы оставить ихъ мирно дожить свой вѣкъ. По моему жестоко срѣзать ихъ такимъ образомъ.

Въ эту минуту послышался стукъ курумы, приближающейся къ воротамъ дачи. Это была графиня Като. Она чувствовала себя нѣсколько тревожно въ тотъ день, когда отвергла желаніе вдовы Кавашима, и отправилась въ домъ Катаока. Тамъ она, къ великому своему изумленію, услышала, что посолъ отъ Кавашима ужъ былъ и ушелъ, унося съ собой согласіе генерала. Она была очень взволнована тѣмъ, что ея планъ относительно того, что слѣдовало подождать возвращенія Такео, не удался, и тѣмъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы она могла что-нибудь сдѣлать. Но такъ какъ помочь уже ничѣмъ было нельзя, то она хотѣла, по крайней мѣрѣ, навѣстить свою племянницу въ Цуши и сама проводить ее въ домъ генерала. Отецъ Нами былъ обезпокоенъ тѣмъ, какъ она приметъ сообщеніе, вдобавокъ такъ далеко отъ дома.

— Нѣтъ, дорогая тетя, какъ забавно, что ты пріѣхала! Мы какъ разъ говорили о тебѣ.

— Да, это дѣйствительно забавно,—сказала Ику. Затѣмъ она обернулась къ Нами.—Видите теперь, что Ику была права?

— Какъ ты чувствуешь себя, милая Нами-санъ? Съ тѣхъ поръ, вѣдь, не было ничего серьезнаго?—Но она была не въ состояніи взглянуть Нами прямо въ глаза.

— Нѣтъ, благодарствую, рѣшительно ничего,—сказала Нами.—Мнѣ гораздо лучше. Но какъ ты сама поживаешь? У тебя что-то нездоровый видъ.

— Я? Ахъ, у меня немного болитъ голова. Это зависитъ, можетъ быть, отъ погоды. Имѣешь ли ты какія-нибудь вѣсти отъ Такео-сана за послѣднее время?

— Да. Онъ писалъ третьяго дня изъ Хакодате. Онъ скоро вер-

нется домой. Нѣтъ, день еще не назначенъ. Онъ пишетъ, что привезетъ мнѣ что-то.

— Вотъ какъ,—проговорила графиня Като неувѣренно.—Должно быть, должно быть, поздно... кажется, два часа?

— Но, вѣдь, ты же не такъ торопишься?—спросила Нами.—Посиди минутку. Какъ поживаетъ О-Шицу-санъ?

— Она очень тебѣ кланяется.—Графиня, говоря, взяла у Ику чашку съ чаемъ, но была такъ разсѣянна, что забыла попробовать его.

— Если бы вы сѣли поудобнѣе,—сказала Ику,—я принесла бы вамъ чудесной рыбы.

— Вотъ и отлично. Пожалуйста.

Графиня вздрогнула, словно очнувшись. Она съ минуту смотрѣла на лицо Нами, потомъ отвела глаза.

— Нѣтъ, не хлопочи объ этомъ. Мнѣ некогда долго оставаться сегодня. Нами-санъ, ты поѣдешь со мной.

— Я? Куда же?—Нами была изумлена.

— Отецъ твой хочетъ, чтобы ты вернулась домой. Это по желанію врача, потому что ты больна. Мать твоя тоже этого желаетъ.

— Онъ хочетъ, чтобы я пріѣхала? Но почему же?

— Потому что ты больна, какъ я уже говорила. И, кромѣ того, онъ такъ давно скучаетъ по тебѣ.

— Развѣ онъ скучаетъ?

Нами смотрѣла съ сомнѣніемъ и Ику тоже.

— Но, вѣдь, вы останетесь же здѣсь до вечера?—спросила Ику.

— Нѣтъ, это совершенно невозможно. Докторъ дожидается, и лучше отправляться до наступленія темноты. Мы должны ѣхать съ слѣдующимъ поѣздомъ.

— Ну, могу сказать!

Старая Ику была удивлена. Нами тоже не могла понять, въ чемъ дѣло. Но, вѣдь, принесла это извѣстіе ея тетка, и посылалъ за ней ея отецъ. И, кромѣ того, свекровь ея знала объ этомъ. Какъ бы тамъ ни было, она поспѣшно собралась, не дѣлая больше вопросовъ.

— Чего ты сидишь и думаешь, тетя? Ику, разумѣется, останется, я, вѣдь, навѣрно скоро вернусь?

— Возьми съ собой и Ику. Можетъ быть, она понадобится тебѣ,— отвѣтила графиня Като, вставая и помогая Нами одѣться.

Въ четыре часа три курумы стояли у воротъ. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ вышли путницы. Нами надѣла легкое платье изъ серебристо-сѣраго крэпа, съ шарфомъ изъ небесно-голубого атласа. Въ волосахъ у нея была большая вѣтка жасмина, и въ правой рукѣ она держала коричневый зонтикъ. Она закашлялась, держа платокъ передъ губами, и сказала потомъ Ику:

— Да, ну теперь мнѣ придется пробыть порядочно въ отсутствіи. Я, правда, очень давно не была дома. А платье, которое я шила—оно

еще немножко не кончено. Но это ничего. Я докончу его, когда вернусь. Я еще успѣю до его пріѣзда.

Тетка ея спрятала лицо за зонтикомъ. Она не могла удержаться, и слезы выступили у нея на глазахъ.

Судьба поджидаетъ насъ молча и терпѣливо. Мы идемъ навстрѣчу ей безсознательно и неизбѣжно. Но леденящее чувство неописуемаго страха иногда охватываетъ насъ, когда она близко отъ насъ.

Нами, оставлявшая свой домъ безъ дальнѣйшихъ вопросовъ, съ полнымъ довѣріемъ къ теткѣ и радуясь при мысли о предстоящемъ свиданіи съ отцомъ, почувствовала сильное сердцебіеніе, какъ только сѣла въ куруму. Чѣмъ больше она думала о своей поѣздкѣ, тѣмъ больше терялась. Она начала сомнѣваться въ томъ, что тетка сказала правду, потому что у нея былъ такой странный видъ, но и въ поѣздѣ ей не удалось ничего выяснить. Подъѣзжая къ станціи Шинбаши, она чувствовала себя подавленной неопредѣленными предчувствіями и почти забыла, какъ весело будетъ пріѣхать домой послѣ столь долгаго отсутствія.

Она вышла изъ поѣзда и, опираясь на руку своей кормилицы, медленно шла за теткой, пробираясь сквозь толпу. Какъ разъ въ выходѣ взглядъ ея упалъ на офицера, стоявшаго рядомъ. Онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ, но вдругъ повернулся къ Нами, и глаза ихъ встрѣтились. Это былъ Хиджива. Онъ смотрѣлъ на нее, не отрываясь, потомъ широкимъ жестомъ обнажилъ голову и улыбнулся. Взглядъ и улыбка заставили сердце ея сжаться отъ непонятнаго страха. Она поблѣднѣла какъ мертвецъ, и непріятная дрожь пронизала ее. Она чувствовала, что дрожь эту вызвала въ ней не болѣзнь, и она не оставляла ее долго спустя послѣ того, какъ экипажъ двинулся въ путь.

Графиня Като ничего не говорила, и Нами тоже сидѣла молча. Вечернее солнце, освѣщавшее окно кареты, исчезло, и они достигли дома Катаока въ сумеркахъ, когда воздухъ былъ мягокъ отъ аромата цвѣтущихъ грецкихъ орѣшинъ. У входа стояли повозки и лампа ярко свѣтила въ маленькихъ боковыхъ воротцахъ. За ними слышны были голоса мужчинъ и похоже было на переѣздъ. Удивляясь, чтобы это могло значить, Нами вышла изъ кареты съ помощью тетки и кормилицы, и въ это время графиня Катаока показалась въ дверяхъ и пошла къ нимъ навстрѣчу.

— А, вы уже пріѣхали? Благодарю тебя за хлопоты.

Глаза графини скользнули отъ лица Нами къ лицу ея тетки.

— Какъ ты поживаешь, мама?—спросила Нами.—И гдѣ отецъ?

— Онъ въ кабинетѣ,—отвѣтила графиня кратко.

Въ эту минуту выбѣжали младшіе братъ и сестра Нами, крича во все горло ея имя, и, не обращая вниманія на предостерегающія движенія матери, бросились къ ней. За ними шла и Кома.

— О, Ми-шанъ и Ки-шанъ, какъ поживаете? А вотъ и Кома-шанъ.

Миши крѣпко ухватился за рукавъ сестры.

— Какъ весело! Ты теперь никогда больше не уѣдешь. Всѣ твои вещи пріѣхали сюда.

Никто не успѣлъ остановить его, и лицо Нами сдѣлалось центромъ всѣхъ взглядовъ.

— Что ты говоришь?

Нами была изумлена. Она посмотрѣла сначала на мачиху, потомъ на тетку, потомъ на вещи, нагроможденныя въ кучу у воротъ. Нѣтъ, тутъ не было ошибки. Вотъ ея туалетный столъ, шкафъ и ящики, все, что она оставила у себя дома. Она задрожала всѣмъ тѣломъ, сдѣлала, шатаясь, два шага и судорожно ухватилась за теткину руку.

Всѣ заплакали.

Послышались тяжелые шаги, и вышелъ отецъ.

— О, папа!

— Дорогое дитя мое, какъ я соскучился по тебѣ!

Генералъ прижалъ тонкое, дрожащее тѣло Нами къ своей широкой груди.

Черезъ полчаса послѣ этого тишина царила во всемъ домѣ. Въ кабинетѣ генерала сидѣли двое—отецъ и дочь. Они сидѣли въ томъ же положеніи, какъ въ тотъ день, когда она покидала домъ, чтобы никогда въ него не возвращаться, и когда слушала послѣднія отцовскія наставленія—дочь на колѣнахъ плакала, положивъ голову на колѣна отцу, а отецъ тихо ласкалъ свое всхлипывающее дитя.

Глава X.

Такео и его мать.

«Экстренный номеръ! Экстренный номеръ о корейскомъ вопросѣ!» Газетчикъ, крича, прошелъ мимо, и вслѣдъ за этимъ у воротъ дома Кавашима въ Баншо остановилась курума. Такео возвратился домой.

Мать понимала, что Такео разсердится, узнавъ, что устроили въ его отсутствіе, но кто раньше пріѣзжаетъ на мельницу, тому первому и молоть, и въ тотъ же самый день, какъ Ямаки явился къ ней съ пріятной вѣстью, она отослала всѣ вещи Нами къ Катаока. Правда, она находила, что это немножко жестоко, но такъ какъ дѣлать что-либо на половину всегда безполезно, то она была довольна совершеннымъ шагомъ и нѣсколько дней была въ хорошемъ настроеніи духа. Прислуга же, напротивъ, стоявшая, разумѣется, больше на сторонѣ молодой четы, со страхомъ наблюдала ея безсердечныя дѣянія и ожидала вспышки при возвращеніи Такео. И вотъ онъ пріѣхалъ. Письмо, которое графиня спѣшно отправила Такео съ сообщеніемъ о происшедшемъ, разошлось съ нимъ, а мать, конечно, остерегалась говорить

ему объ этомъ въ своихъ письмахъ. Вслѣдствіе этого онъ не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія о своемъ положеніи и прямо изъ Іокосуры, мѣста стоянки флота, поѣхалъ домой.

Одна изъ служанокъ, вышедшая изъ гостиной, сдѣлала знакъ товаркѣ, приготовлявшей чай.

— Послушай-ка, Мат-шанъ, не похоже, чтобы Такео-санъ зналъ что-нибудь. Онъ даже привезъ ей подарокъ.

— Еще бы,—воскликнула Матсу.—Не думаю, чтобъ на землѣ была еще такая мать, которая выгнала бы жену своего сына, во время его отсутствія. Но подожди, увидишь, какъ онъ разсердится. Мнѣ кажется, что она точно злой духъ.

— Это именно она и есть,—сказала другая. Никогда въ жизни я не видѣла такой скверной и злобной старой бабы. Она ругаетъ насъ, а сама ни на что не годна. Да и то сказать, ея отецъ былъ просто бѣдный крестьянинъ въ Сатсумѣ. Непріятно быть здѣсь.

— А ты не думаешь, что Такео-санъ долженъ бы давно знать, что его жену отправили къ родителямъ?

— Нѣтъ, онъ не могъ узнать этого. Онъ былъ, вѣдь, далеко, и кому же можетъ придти въ голову, что мать выпроводитъ жену своего сына, не спросивъ его объ этомъ, точь-въ-точь какъ будто она какая-нибудь прислуга. По моему, жаль Такео-сана, а еще больше ее. Какъ-то она чувствуетъ себя. У! Опять кричитъ, вѣдьма. Мат-шанъ, если ты не поторопишься, то получишь нагоняй.

Изъ одной изъ комнатъ слышались голоса вдовы и сына. Они говорили все громче.

— Но ты обѣщала подождать, пока я не вернусь,—гремѣлъ Такео.—И ты даже не потрудилась написать мнѣ, а сдѣлала это по собственному усмотрѣнію. Я не могу потерпѣть этого. Когда я ѣхалъ сюда, то останавливался въ Цуши, и такъ какъ Нами тамъ не было, то я спросилъ объ ней Ику. Она сказала, что Нами поѣхала въ Токіо по дѣлу. Это показалось мнѣ страннымъ, но никогда я не могъ думать, что ты... нѣтъ, это выше моихъ силъ!

— Да, можетъ быть, это было дурно,—отвѣтилъ голосъ матери,— и я прошу тебя простить меня. Я, разумѣется, ничего не имѣла противъ Нами, но я такъ люблю тебя.

— Ты все думаешь обо мнѣ. Но до чести, достоинства и человѣческихъ чувствъ тебѣ нѣтъ дѣла!

— Такео, ты, вѣдь, мужчина, а не женщина, надѣюсь? Какъ ты можешь все время думать о Нами, когда видишь, какъ твоя мать унижается передъ тобою?

— То, что ты сдѣлала, больше, нежели я могу вынести,—отвѣтилъ Такео.

— Во всякомъ случаѣ, теперь это уже сдѣлано. Они согласились на это, и теперь ничего нельзя измѣнить. И что, ты воображаешь,

ты можешь сдѣлать? Говорю тебѣ, что если ты надѣлаешь какихъ-нибудь глупостей, то опозоришь не только свою мать, но и самого себя.

Такео, молча слушавшій ея рѣчь, въ отчаяніи закусилъ губы. Онъ стремительно вскочилъ, и рука его тяжело упала на корзину отборныхъ яблокъ, которыя онъ привезъ своей больной женѣ. Корзина разлетѣлась на тысячу кусковъ.

— Ты убила Нами и меня тоже. Я никогда больше не хочу тебя видѣть.

Такео немедленно же уѣхалъ на свой броненосецъ въ Іокосуру.

Корейскій вопросъ вступалъ въ рѣшительный фазисъ, и японское правительство около середины іюля послало Китаю объявленіе войны. Восемнадцатаго числа того же мѣсяца вице-адмиралъ Кабайяма былъ назначенъ начальникомъ экспедиціоннаго отряда. «Матсушима», флагманское судно соединенныхъ флотилій, на которомъ находился Такео, получило приказъ соединиться съ другими судами въ Сасебо. Такео, предпочитавшій служить мишенью для вражескихъ ядеръ, чѣмъ влачить не имѣющую цѣны жизнь, тотчасъ же послѣ этого отправился на западъ.

Генералъ Катаока немедленно велѣлъ выстроить для Нами уютный домикъ въ спокойномъ, солнечномъ уголкѣ своихъ обширныхъ владѣній, послалъ въ Цуши за старой Ику и поселилъ ее вмѣстѣ съ дочерью. Въ сентябрѣ онъ получилъ назначеніе вступить въ отправленіе служебныхъ обязанностей и, самымъ нѣжнымъ образомъ упросивъ свою жену поберечь Нами, тринадцатаго числа того же мѣсяца выѣхалъ въ главную квартиру въ Нирошимѣ, гдѣ находился и императорскій штабъ, и черезъ мѣсяцъ вмѣстѣ съ генералами Оямой, Ямайи и другими переправился въ Ліаотонгъ.

Всѣ бури и столкновенія, разыгравшіяся между описываемыми нами лицами, временно поблѣднѣли передъ великимъ національнымъ движеніемъ, вызваннымъ китайско-японской войной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I.

Битва при рѣкѣ Ялу.

Въ четыре часа пополудни шестнадцатаго сентября 1894 года наши соединенныя суда, въ боевомъ порядкѣ, двинулись изъ устья рѣки Тай-донгъ и направились на сѣверо-западъ. Они вышли на рекогносцировку непріятельскаго флота, находившагося, по слухамъ, у рѣки Ялу, конвоируя китайскія транспортныя суда, и намѣревались вовлечь его въ рѣшительное сраженіе.

Первая летучая эскадра, состоящая изъ судовъ «Такашибо», «Нанива» и «Акитсушима», съ флагманскимъ судномъ «Іошино», пошла

впередъ. Затѣмъ слѣдовала главная эскадра, состоящая изъ «Шійоды», «Итсукушима», «Хашидате», «Хіейенъ» и «Фузо», съ флагманскимъ судномъ «Матсушима». За нею шли канонерская лодка «Акаги» и вооруженное купеческое судно «Сайкіомару», съ начальникомъ экспедиціоннаго отряда, желавшимъ, какъ говорили, видѣть морской бой. Двѣнадцать судовъ покинули гавань, выстроившись въ одну длинную шеренгу, и, взрывая волны Желтаго моря, двинулись впередъ, на подобіе исполинскаго морского змѣя. Вскорѣ послѣ этого солнце сѣло въ море, и на востокѣ поднялась луна. Суда скользили впередъ, облитые яркимъ луннымъ свѣтомъ, вздымаясь на сверкающіе золотомъ и серебромъ гребни волнъ.

Въ каютъ-кампаніи на «Матсушимѣ» уже поужинали, и хотя дежурные офицеры уже ушли, но молодежь еще сидѣла, увлеченная живымъ разговоромъ. Иллюминаторы были плотно закрыты, чтобы снаружи не видно было свѣта. Въ каютѣ было жарко, и лица молодыхъ людей горѣли яркимъ румянцемъ. На столѣ стояло нѣсколько блюдъ и чашекъ и тарелка съ кексомъ, которому, видимо, была оказана должная справедливость. Оставался всего одинъ кусочекъ, ожидающій печальной участи быть взятымъ и съѣденнымъ однимъ изъ будущихъ адмираловъ.

— Армія, можетъ быть, давно ужъ заняла Піонъ-янгъ,—воскликнулъ маленькій веселый мичманъ, сидѣвшій, опершись подбородкомъ на руку, и оглянулся на товарищей.—Но что же дѣлаетъ флотъ? Этакъ намъ придется долго сидѣть и ждать между небомъ и землею.

Упитанный провіантмейстеръ замѣтилъ, улыбаясь, изъ своего угла:

— Ты, вѣдь, знаешь, что, какъ только занавѣсъ подняли, пьесѣ скоро конецъ. Я думаю, пріятно имѣть такой прекрасный длинный антрактъ.

— Ахъ, вздоръ какой! Мнѣ надоѣла эта игра въ жмурки съ «Пейянгомъ». Если они опять увернутся, то я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока мы не пробьемся въ Печилійскую бухту и не поздороваемся съ фортомъ Таку пушечнымъ ядромъ.

— Это совершенно то же, что залѣзть въ мѣшокъ. Что бы ты сталъ дѣлать, еслибъ мы были блокированы?—вѣско и серьезно спросилъ морской кадетъ.

— Вздоръ! Блокированы? Вотъ этого я, по правдѣ сказать, очень желалъ бы. Но, къ несчастью, они недостаточно активны, чтобы выполнить это. Не хочется мнѣ васъ огорчать, но мнѣ что-то сдается, что и теперь не было сраженія. Еслибъ я только могъ знать, что нужно сдѣлать съ китайцами, чтобы расшевелить ихъ.

Въ эту минуту послышались шаги, и въ дверяхъ появился высокій лейтенантъ. Маленькій мичманъ обернулся.

— А! Что новаго? Видно что-нибудь?

— Да, луну. Можете совершенно спокойно ложиться спать.—Онъ взялъ съ тарелки послѣдній кусочекъ кекса и, съѣвъ его, продолжалъ: Стоитъ пробыть на палубѣ одну минуту, какъ ужасно проголодаешься. Принесите еще кексу.

Другой мичманъ, одѣтый въ красную рубашку, улыбнулся, видимо удивляясь его аппетиту. Высокій замѣтилъ это.

— Ну, что? Развѣ это не входитъ въ наши привилегіи героевъ каютъ-кампаніи, — ѣсть кексъ и смотрѣть свысока на ветерановъ? Видишь ли, братецъ, завтра матросы не смогутъ спать отъ восхищенія. Но если мы завтра вздремнемъ, то это не ихъ вина, а...

— О, никому не придется сомнѣваться въ нашемъ мужествѣ,—съ убѣжденіемъ сказалъ другой, старшій въ обществѣ.—Намъ нужно только хладнокровіе. Надо стараться сохранять присутствіе духа.

— Въ этомъ отношеніи былъ одинъ офицеръ въ *** командѣ, который, дѣйствительно, изумилъ меня,—замѣтилъ еще одинъ.—Довольно того, что мы относимся достаточно легко къ жизни и смерти, но онъ пошелъ еще дальше и увѣрялъ, что предпочелъ бы умереть.

— Ага, ты говоришь о Кавашимѣ. Да, я помню одинъ разъ—это было при бомбардировкѣ Вей-хай-вея. Онъ завѣдывалъ тамъ чертовски опаснымъ дѣломъ. Если бы его произвели въ адмиралы, то можетъ случиться, что онъ, точь-въ-точь, какъ номеръ третій, отправится въ Печилійскую бухту, и недовольный Таку, пошлетъ насъ въ Пей-хо, попытаться поймать Ли-хунъ-чанга.

— Но какъ онъ измѣнился. Онъ раздражается изъ-за самой малости. Я пошутилъ съ нимъ насчетъ его жены, и онъ вдругъ весь почернѣлъ въ лицѣ и чуть не отколотилъ меня по спинѣ. А я больше боюсь его кулаковъ, чѣмъ 30-сантиметроваго снаряда съ «Тинь-юэна». По моему, съ нимъ что-то случилось. Послушай-ка, Гарибальди, ты съ нимъ такъ друженъ, ты навѣрно знаешь.—И офицеръ посмотрѣлъ на одного изъ остальныхъ, одѣтаго въ красную рубашку и прозваннаго Гарибальди.

Но въ эту минуту вошелъ буфетчикъ съ полной тарелкой печенья, и болтовня смолкла.

Въ десять часовъ вечера была перекличка. Вахтенные остались на своихъ мѣстахъ, остальные разошлись по каютамъ. Громко говорить и зажигать огонь было запрещено. На обѣихъ палубахъ, верхней и нижней, было тихо и пустынно. Кромѣ команды старшаго дежурнаго офицера, слышался только звукъ винта и неутомимый стонъ машины, напоминавшій біеніе исполинскаго сердца; дымъ изъ трубъ казался бѣлымъ, какъ мѣлъ, отъ луннаго свѣта.

На командирскомъ мостикѣ виднѣлись двѣ человѣческія фигуры. Одна стояла неподвижно на лѣвой сторонѣ мостика, другая беззвучно ходила взадъ и впередъ.

Послѣдняя фигура была Такео Кавашима. Онъ былъ младшимъ

начальникомъ команды N* и долженъ былъ дежурить четыре часа на вахтѣ вмѣстѣ съ старшимъ командующимъ офицеромъ.

Онъ дошелъ до правой стороны мостика, поднялъ бинокль и сталъ обозрѣвать горизонтъ. Не найдя ничего необычнаго, онъ опустилъ правую руку, и лѣвой оперся о бортъ. Два офицера, тихо разговаривая, вышли изъ-за передней пушки и прошли подъ командирскимъ мостикомъ, послѣ чего исчезли въ тѣни. Все было тихо на палубѣ. Вѣтеръ началъ свѣжѣть, и луна сіяла яснымъ, какъ кристалъ, свѣтомъ.

За исключеніемъ темныхъ фигуръ, стоявшихъ на вахтѣ на форштевенѣ, не видно было ничего, кромѣ озаренной луной воды Желтаго моря и слабаго силуэта скалистаго острова на бакбортѣ, да еще болѣе неяснаго винта «Акиисушимы», шедшаго впереди. Осенній небосводъ надъ гротмачтой, около которой высоко взлетали и исчезали искры изъ трубъ, былъ усѣянъ сверкающими звѣздами, а потемнѣвшій млечный путь, лишенный своего сіянія, простирался блѣдной полосой отъ моря до моря.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Такео въ досадѣ и раздраженіи покинулъ свою мать.

Но сколько разныхъ настроеній онъ пережилъ за это время! Сначала его возбудилъ грозный корейскій вопросъ, а затѣмъ, на волнахъ бухты Сасебо, онъ слушалъ меланхолическіе звуки прощальной музыки. Объявленіе войны удвоило его мужество, и бомбардировка Вейхай-вея была его первымъ боевымъ крещеніемъ. Необычныя для сердца и глазъ ощущенія смѣнялись одно другимъ и не давали ему время остановиться и подумать о нихъ. Это было для него тѣмъ лучше, что давало возможность избѣжать мысли о томъ одномъ, что грызло его сердце. Когда отечество находилось въ опасности, то его собственныя частныя обстоятельства, хотя бы и означавшія для него жизнь или смерть, должны были отступить на второй планъ. Такъ думалъ онъ и, хороня печаль въ душѣ, исполнялъ свой долгъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ съ мужествомъ отчаянія. Смерть имѣла для него значенія не больше, чѣмъ пылинка.

Но что бы онъ ни дѣлалъ, проводилъ ли мирную ночь на командирскомъ мостикѣ, или лежалъ безъ сна на своей койкѣ, мучительныя думы терзали его. Время шло, но даже теперь, когда его злоба, заслонившая все остальное, стала уже не такъ сильна, недовольство матерью точило его душу. Она написала ему два письма и надѣялась, что онъ благополучно вернется снова домой. Несмотря на свое раздраженіе противъ нея, онъ думалъ о томъ, какъ она одинока, и написалъ ей, извиняясь за свою рѣзкость и желая ей всего хорошаго. Но чувства его къ ней не могли никогда измѣниться. Они были слишкомъ глубоки, и каждую ночь, среди сновъ о погибели экипажа «Пейянга» и собственной смерти въ бою, онъ видѣлъ лицо своей больной жены, закутанной въ бѣлоснѣжную шаль.

Три мѣсяца онъ ничего не слыхалъ объ ней. Жива ли она? Да, она жива. Если не проходило дня безъ того, чтобы онъ не думалъ о ней, то также должна была поступать и она. Развѣ они не поклялись жить и умереть вмѣстѣ?

Такео думалъ такъ и вспоминалъ послѣдній разъ, когда видѣлъ ее. О, гдѣ она теперь, она, стоявшая у рѣшетки въ тотъ туманный вечеръ въ Цуши и звавшая его поскорѣе вернуться? Онъ задумчиво взглянулъ вверхъ. И ему показалось, точно тонкая фигурка въ бѣлой шали поднялась передъ нимъ въ яркомъ лунномъ свѣтѣ.

Завтра флотъ, можетъ быть, встрѣтится съ врагомъ. И если онъ погибнетъ отъ ядра, то вся жизнь его была одинъ сонъ. Онъ подумалъ объ этомъ, потомъ о матери, которая останется одна. Онъ подумалъ также о покойномъ отцѣ и о дняхъ, проведенныхъ въ Уедажимѣ. Потомъ мысли его вернулись снова къ Нами-санъ.

— Кавашима!

Такео быстро обернулся. Командующій офицеръ ударилъ его по плечу.

— Какая чудесная ночь. Не вѣрится, что идешь на бойню.

Такео кивнулъ. Онъ вытеръ слезы и поднялъ бинокль. Луна сіяла бѣлизной, и ничего не было видно, кромѣ широко раскинувшейся водной поверхности.

Но вотъ луна зашла, и небо начало алѣть. Семнадцатое сентября занималось надъ Желтымъ моремъ. Было около шести часовъ утра, и флотъ приближался уже къ острову Хай-янгъ. Канонерская лодка «Акаги» получила предписаніе произвести рекогносцировку береговъ вокругъ острова, но безъ результата. Флотъ поплылъ дальше и вскорѣ былъ далеко отъ Такоошана, имѣя острова Талу и Сеолу на бакбортѣ.

Часы пробили одиннадцать. Такео только что собирался подняться изъ каютъ-кампаніи на палубу, какъ раздался крикъ:

— Дымъ!

Единовременно послышались поспѣшные шаги на палубѣ. Такео остановился на лѣстницѣ съ сильно бьющимся сердцемъ. Проходившій случайно матросъ тоже остановился и обмѣнялся съ нимъ взглядомъ.

— Врагъ показался?

— Должно быть.

Такео взволнованный взбѣжалъ на палубу. Тамъ, сталкиваясь, бѣгали матросы, свистѣли сирены и свистки, и готовились поднимать сигнальный флагъ. На носу стояли группы матросовъ, а на командирскомъ мостикѣ командиръ, помощникъ и другіе офицеры, и всѣ, не отрываясь, смотрѣли въ одномъ направленіи. Вдали, на самомъ горизонтѣ можно было пересчитать полосы чернаго дыма—одна, двѣ, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

То былъ непріятельскій флотъ. Одинъ изъ офицеровъ наверху посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Еще полтора часа. Если все будетъ въ порядкѣ, то мы успѣемъ хорошенько пообѣдать раньше, чѣмъ приняться за дѣло.

Другой, стоявшій посрединѣ группы, кивнулъ и покрутилъ усы.

— Они заставляютъ насъ ждать, но не будемъ же и мы понапрасну терять время.

Вотъ взвился императорскій военный флагъ на гротмачтѣ, и звукъ рупора съ командирскаго мостика разнесся по всему судну. Матросы бросились по своимъ мѣстамъ, направо и налѣво, вверхъ и внизъ, смотря по тому, куда они направлялись: на гротмачту, въ машинное отдѣленіе, къ торпедамъ или въ лазаретъ. Въ одну минуту все было въ порядкѣ, всѣ приготовленія сдѣланы, и всѣ готовы къ дѣлу. Время близилось къ двѣнадцати часамъ и передъ боемъ нужно было подкрѣпиться.

Такео помогалъ капитану, распредѣлявшему команду у скорострѣльныхъ пушекъ на штирбортѣ. Поэтому онъ пришелъ въ каютъ-компанію нѣсколько позднѣе и засталъ своихъ товарищей уже за столомъ. Веселый маленькій мичманъ смотрѣлъ серьезно и вытиралъ потъ со лба, наклоняясь надъ тарелкой. Молодые кадеты тайкомъ наблюдали товарищей, когда тѣ изрѣдка что-нибудь говорили. Черезъ минуту одинъ изъ нихъ безшумно всталъ. Это былъ лейтенантъ въ красной рубашкѣ.

— Товарищи, я радуюсь, видя васъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, что вы можете ѣсть съ аппетитомъ, хотя мы стоимъ лицомъ къ лицу съ врагомъ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, что всѣ, сидящіе сейчасъ здѣсь, встрѣтятся снова за ужиномъ. Пожмите же поэтому другъ другу руки и простимся другъ съ другомъ.

Онъ повернулся къ Такео, стоявшему къ нему ближе всѣхъ, и пожалъ ему руку. Въ ту же минуту поднялись всѣ остальные и обмѣнялись рукопожатіями, въ то время какъ двѣ или три тарелки полетѣли со стола на полъ. Одинъ офицеръ, со шрамомъ на щекѣ пожималъ руку корабельному доктору.

— Когда мы будемъ ранены, вы должны обращаться съ нами осторожно. Это чтобы подкупить васъ.

И онъ тряхнулъ ему руку четыре, пять разъ.

Всѣ засмѣялись, но потомъ снова стали серьезны. Одинъ за другимъ офицеры выходили изъ каютъ-кампаніи, съ ея грудами пустыхъ тарелокъ и блюдъ.

Въ двадцать минутъ перваго Такео получилъ приказаніе отъ капитана подняться на командирскій мостикъ и переговорить съ помощникомъ. Сверху онъ увидѣлъ, что флотъ уже былъ выстроенъ въ одну линію. Четыре крейсера первой летучей эскадры шли впереди съ промежуткомъ около четырехъ километровъ. Затѣмъ шли шесть судовъ основной эскадры, съ «Матсушимой» во главѣ, а подъ защитой ихъ «Акаги» и «Сайкіо-мару» слѣва. Флагъ на гротмачтѣ весело развивался по вѣтру, трубы извергали клубы чернаго дыму, а бѣлыя

волны впереди штевня высоко вздымали пѣну. Офицеры на командирскомъ мостикѣ всѣ стояли лицомъ противъ вѣтра, одни смотрѣли въ бинокли, другіе держались рукой за эфесъ сабли.

Прямо къ сѣверу непрерывно возрастали десять полосъ дыма, показавшихся сначала на горизонтѣ, и непріятельскій флотъ, казалось, поднимался прямо изъ воды. Мачты, трубы и корпуса судовъ выдвигались на фонѣ неба, и даже стали виднѣться флаги на верхушкахъ мачтъ. Два гигантскихъ броненосца «Тингъ-юэнъ» и «Шенъ-юэнъ» составляли центръ. «Кингъ-юэнъ», «Ши-юэнъ», «Вей-ючинъ» и «Ци-юэнъ» образовали лѣвое крыло, а «Ляй-юэнъ», «Шинъ-юэнъ», «Шао-юэнъ» и «Янгъ-вей»—правое. Кромѣ того, на западѣ виднѣлись еще четыре военныхъ судна и шесть миноносцевъ.

Японскій флотъ приближался одной линіей къ непріятельскому центру, но на разстояніи приблизительно десяти километровъ летучая эскадра перемѣнила курсъ влѣво, для того, чтобы напасть на правый флангъ врага. Остальная часть флота тоже стала бакбортомъ въ этомъ направленіи.

Линія нападенія изъ буквы T приняла букву V, и въ такомъ положеніи суда шли, пока не приблизились до разстоянія шести километровъ. Въ эту минуту съ форштевня «Шенъ-юэна» вырвался бѣлый дымокъ, и два тридцатисантиметровыхъ снаряда просвистѣли въ воздухѣ и упали влѣво отъ летучей эскадры. Вода Желтаго моря взвилась къ небу, какъ облако.

Желтое море, наканунѣ вечеромъ серебристо-бѣлое въ лучахъ луны, ясная поверхность котораго утромъ отражало только волнистыя облака, синѣющіе острова и мирныхъ птицъ,—Желтое море сдѣлалось теперь полемъ ужасающаго сраженія.

Такео вернулся съ капитанскаго мостика къ своей пушкѣ. Капитанъ наблюдалъ въ бинокль, а канонеры сняли куртки и обнажили почти до локтей свои коричневыя, жилистыя руки. Всѣ стояли молча, ожидая приказаній. Какъ разъ въ это время летучая эскадра, все время обстрѣливаемая, проходила мимо праваго фланга непріятеля, а «Матсушима», во главѣ основной эскадры, приближался полнымъ ходомъ. Непріятельскій флотъ построился въ формѣ клина, имѣя въ вершинѣ угла «Шенъ-юэна» и «Тингъ-юэна». Такъ какъ оба огромныхъ судна держались плотно одно возлѣ другого, то оба они прекрасно были видны простымъ глазомъ. Такео вдругъ вспомнилъ, что видѣлъ ихъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ гавани въ Іокагамѣ, и наблюдалъ ихъ съ удвоеннымъ интересомъ. Да, суда были, разумѣется, тѣ же, что тогда, но когда онъ теперь увидѣлъ ихъ, грозно приближающимися, изрыгая черный дымъ, бѣшено и дико вздымая волны и непрерывно извергая огонь, то его охватило чувство ужаса. Онъ не боялся, но они производили на него впечатлѣніе двухъ кровожадныхъ, чудовищныхъ звѣрей.

Вдругъ вдали послышался громоподобный звукъ и что-то прошумѣло въ воздухѣ у самой гротмачты «Матсушимы». Когда оно упало въ море, то пѣна поднялась футовъ на двадцать. Такео вдругъ весь похолодѣлъ, но черезъ минуту справился съ собой. Онъ замѣтилъ также, что нѣкоторые изъ его матросовъ немного заробѣли, но это скоро прошло. Судно продолжало свой ходъ. Просвистѣло еще три, четыре, пять снарядовъ. Одинъ расщепилъ лодку на бакбортѣ, а остальные обрызгали судно водой.

— Капитанъ, намъ нельзя стрѣлять?—спросилъ нетерпѣливо Такео.

Часы показывали пять минутъ второго. По штирборту отданъ приказъ на «четыре километра», навели пушки и всѣ ждали. Вотъ послышалась желанная команда. При словѣ «пли!» на «Матсушимѣ» выстрѣлили пушки съ одной стороны. Судно вздрогнуло, и густое облако дыма взвилось вдоль штирборта. Въ ту же минуту, какъ бы въ отвѣтъ, у самой трубы пролетѣла вражеская граната и упала въ море. Нѣсколько канонеровъ невольно присѣли.

Капитанъ обернулся.

— Что это такое? Кто это тамъ такъ вѣжливо кланяется?

Такео, кадеты и всѣ засмѣялись.

— Пли!

Всѣ пушки по штирборту одна за другой дали залпъ. Огромный тридцатисантиметровый колоссъ тоже загремѣлъ, такъ что судно покачнулось. Суда за кормой тоже начали стрѣлять. Вдругъ непріятельская бомба разорвалась у самой пушки, и одинъ изъ канонеровъ, несшій снарядъ, упалъ возлѣ Такео. Онъ попробовалъ подняться, но снова упалъ. Кровь брызнула на мундиръ Такео. Большинство канонеровъ обернулись.

— Кто это?—спросилъ одинъ.

— Кажется, Нишіяма? Да, это онъ,—сказалъ другой.

— Онъ убитъ?—спросилъ третій.

— Пли!—загремѣлъ капитанъ, и матросы внимательно обратились къ пушкамъ.

Такео спѣшно отдалъ приказаніе унести тѣло и вернулся на свой постъ. Капитанъ взглянулъ на его мундиръ.

— Кавашима, вы ранены?

— Нѣтъ. Меня только обрызгало кровью.

— Ну, такъ отомстимъ же за товарища.

Пушки грохотали безъ перерыва, и судно шло полнымъ ходомъ. Основная эскадра проходила теперь мимо праваго крыла большой дугой, по направленію къ послѣднему кораблю врага. Первая атака кончилась, и начиналась вторая. Штирбортовыя пушки на «Матсушимѣ» смолкли на минуту, и команда и начальство вытерли потъ съ лицъ.

Японскія суда были выстроены слѣдующимъ образомъ. Летучая эскадра, сосредоточившая свое нападеніе на правое крыло непріятеля

и повредившая суда «Янгъ-вей» и «Шао-юнгъ», должна была слѣдовать за основной эскадрой, послѣ того какъ та сдѣлаетъ галсъ, имѣя въ виду напасть на непріятеля съ тыла. «Хійенъ», пятое по порядку судно основной эскадры, отставшее вслѣдствіе своей слабой скорости и рисковавшее быть захваченнымъ, смѣло рѣшилось догнать остальной флотъ и пробиться сквозь непріятельскую линію. Попытка удалась, но, вслѣдствіе сильнаго огня, судно должно было потомъ ретироваться. «Сайкіо-мару» былъ тоже внѣ опасности. Только «Акаги», маленькое судно въ шестьсотъ тонъ водоизмѣщенія, оставалось лицомъ къ лицу съ врагомъ и отчаянно билось, стараясь соединиться съ «Хійенъ». Четверо судовъ летучей эскадры, равно какъ пять главной эскадры, держались своей линіи въ нетронутомъ порядкѣ.

На сторонѣ непріятеля загорѣлся «Шао-юнгъ», «Янг-вей» былъ выведенъ изъ строя, и порядокъ праваго крыла былъ нарушенъ. Три судна съ лѣваго крыла тоже нарушили линію, чтобы преслѣдовать «Хійенъ» и «Акаги», тогда какъ миноносцы были далеко въ сторонѣ и раздѣлены другъ отъ друга. Нѣсколько судовъ, съ «Шенъ-юэномъ» и «Тингъ-юэномъ» во главѣ, измѣнили курсъ, замѣтивъ, что имѣютъ японцевъ въ тылу и попытались одной шеренгой напасть на основную эскадру.

Началась вторая атака. Когда «Сайкіо-мару» дало сигналъ, что «Акаги» и «Хійевъ» находятся въ опасности, то самыя быстроходныя суда въ летучей эскадрѣ получили приказаніе помочь имъ. Суда же главной эскадры описали одну дугообразную линію, имѣя врага посрединѣ, и открыли огонь.

Въ половинѣ третьяго они описали кругъ около непріятельскаго флота и перешли на другую сторону. Тогда летучая эскадра, прогнавшая три судна, тѣснившихъ «Акаги» и «Хійенъ» обратно въ линію непріятеля, начала нападать съ противоположной стороны. Такимъ образомъ, японскій флотъ имѣлъ врага въ центрѣ, охватывая его своими отрядами. Готовилось третье, и самое сильное нападеніе.

Оба флота, японскій и китайскій, въ которыхъ сосредоточилась вся сила обѣихъ націй на морѣ, вступили въ смертный бой. Они походили на двухъ гигантскихъ морскихъ змѣй, обвившихъ чудовищнаго кита, а вокругъ нихъ кипѣло и пѣнилось Желтое море.

Главная эскадра справа и летучая эскадра слѣва, одна противъ другой, двинулись на врага, и начался бѣшеный бой. Чѣмъ ожесточеннѣе становилось сраженіе, тѣмъ болѣе Такео забывалъ самого себя. Онъ вспомнилъ, что въ школѣ могъ забывать все, ради азарта игры въ мячъ, и что онъ чувствовалъ тогда, какъ будто какая-нибудь сверхъестественная сила гонитъ его. Теперь онъ испытывалъ нѣчто подобное. За исключеніемъ минутъ, когда судно отходило на нѣкоторое разстояніе отъ непріятельскаго флота и пыталось снова къ нему приблизиться, или когда оно заворачивало и становилось къ врагу

бакбортомъ, такъ что пушкамъ на штирбортѣ приходилось молчать, Такео ни на секунду не оставался безъ дѣла и совершенно охрипъ, выкрикивая приказанія. Но онъ былъ безусловно спокоенъ. Непріятельскіе снаряды попадали въ «Матсушиму» до того, что панцырная обшивка была пробита, деревянныя части почернѣли отъ огня, и палуба была залита кровью. Но Такео ничего не чувствовалъ. Сердце его билось въ тактъ грому непріятельскихъ пушекъ, и когда грохотъ на минуту прерывался, то онъ испытывалъ почти неудовольствіе. Команда его тоже не обращала вниманія на разрывающіяся бомбы. Матросы заряжали пушки, наводили ихъ, тянули веревку и снова заряжали, аккуратно, какъ при стрѣльбѣ въ цѣль, но со всей серьезностью настоящаго боя. Пожаръ тушился, едва начавшись, ядра притаскивались, не дожидаясь приказаній, а мертвые и раненые уносились въ мгновеніе ока. Весь боевой механизмъ дѣйствовалъ такъ быстро и спокойно, какъ только было возможно.

Поле сраженія представляло въ эту минуту полный хаосъ. Сѣрый дымъ покрывалъ море и небо, и его колыхающаяся пелена мѣстами прорывалась торчащими мачтами и флагами. Громовой грохотъ на секунду разсѣивалъ облачные столбы дыма, снаряды разрывались въ воздухѣ, и море безпрерывно вскидывало столбы кипящей воды.

Вдругъ капитанъ крикнулъ:

— Смотрите, «Тингъ-юэнъ» горитъ!

Сквозь прорвавшуюся тучу дыма можно было видѣть, что носъ непріятельскаго флагманскаго судна, на которомъ развѣвался флагъ съ дракономъ, окутанъ желтыми клубами дыма, и что экипажъ въ безпокойствѣ суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ.

Такео и его матросы крикнули «ура!»

— Ударьте его въ послѣдній разъ!

Пушки загрохотали съ удвоенной силой.

Нападеніе съ двухъ сторонъ привело непріятельскій флотъ въ разстройство. «Шао-юнгъ» уже потонулъ, загорѣвшись, а «Янгъ-вей» былъ не въ состояніи оказывать сопротивленіе. «Ши-юэнъ» потонулъ, «Тингъ-юэнъ» горѣлъ, и, наконецъ, «Ляй-юэнъ» тоже загорѣлся. Флотъ уже не могъ держаться вмѣстѣ, и, оставляя «Тингъ-юэнъ» и «Шенъ-юэнъ» на произволъ ихъ собственной судьбы, остальныя суда спасались бѣгствомъ въ разныя стороны. Летучая эскадра немедленно бросилась ихъ преслѣдовать, а главная эскадра сосредоточила огонь на «Тингъ-юэнѣ» и «Шенъ-юэнѣ».

Предстояла четвертая аттака. Было три часа пополудни. Огонь на «Тингъ-юэнѣ» распространялся, но онъ все же оставался на мѣстѣ. «Шенъ-юэнъ» храбро поддерживалъ его и оба массивныя, броненосныя чудовища обернулись къ японскому флоту. Но подобно тому, какъ легконогіе сарацины гарцовали вокругъ крестоносцевъ и напрасно стрѣляли въ ихъ двойныя желѣзныя латы, такъ и японскіе снаряды

отскакивали отъ толстой четырнадцатидюймовой брони и разрывались въ воздухѣ. Въ половинѣ четвертаго «Матсушима» находился какъ разъ противъ флагманскаго судна непріятеля. Когда Такео увидѣлъ, какъ снаряды изъ его пушки ударяются о его бокъ, отскакиваютъ и взрываются на подобіе фейерверка, его охватила злоба. Онъ закусилъ губы и, схватившись за эфесъ, воскликнулъ:

— Капитанъ, что за чертовская штука? Смотрите, здѣсь—и здѣсь, чортъ возьми!

Капитанъ стоялъ на палубѣ съ налитыми кровью глазами и топалъ ногами.

— Пли! Цѣлься въ палубу! Въ палубу!

— Пли!—скомандовалъ Такео.

Канонеры, какъ безумные, выстрѣлили въ указанномъ направленіи.

— Еще разъ!—крикнулъ Такео, когда ужасающій грохотъ потрясъ судно, словно надъ нимъ произошло изверженіе вулкана. Въ ту же минуту въ Такео попало что-то, произведшее на него впечатлѣніе разсѣянныхъ капель дождя. Его бросило навзничь.

Оба тридцатисантиметровыхъ непріятельскихъ снаряда попали въ скорострѣльную пушку и разорвались.

— Боже мой!—крикнулъ Такео, вскочилъ, но тотчасъ же снова упалъ на палубу. Онъ чувствовалъ невыразимую боль въ нижней части тѣла. Падая, онъ оглянулся. Все было покрыто кровью, огнемъ и кусками человѣческаго мяса. Капитана не было видно. Жерло пушки было похоже на пещеру, въ глубинѣ которой шевелилось что-то синее. То было море.

Обезсиленный болью и нестерпимымъ запахомъ, Такео закрылъ глаза. Онъ слышалъ стоны раненыхъ, трескъ пламени и крики: «Огонь! Горитъ! Къ насосамъ!» и затѣмъ шаги по направленію къ нему.

Вдругъ онъ почувствовалъ, какъ сильныя руки поднимаютъ его. Когда онѣ дотронулись до его ногъ, то ему показалось, что ужасающая боль отозвалась въ самомъ мозгу, и онъ съ крикомъ упалъ назадъ. Кровавая тѣнь застелила его глаза, и черезъ секунду онъ былъ въ обморокѣ.

Глава II.

Въ военное время.

Въ серединѣ октября первая дивизія уже покинула Хирошиму, чтобы соединиться съ арміей, но солдаты второй дивизіи вскорѣ начали притекать въ городъ. По особому соглашенію, жители помогали расквартировать войска. Всюду на улицахъ слышалась маршировка солдатъ, звонъ сабель и топотъ курумъ.

Вдоль по главной улицѣ были вывѣшены аншлаги, надписи на которыхъ: «Его Императорское Величество начальникъ генеральнаго штаба», «Министръ-президентъ Ито», «Генералъ-лейтенантъ Кавакаши»

и т. п., указывали мѣстожительство соотвѣтствующихъ высокихъ особъ. Дальше по улицѣ почти каждый домъ былъ снабженъ объявленіемъ о количествѣ и вмѣстимости комнатъ, а дома, уже занятые военными, не нашедшими помѣщенія въ баракахъ, были снабжены объявленіемъ съ фамиліями офицеровъ, количествомъ солдатъ и номеромъ полка. Тамъ и сямъ отдѣльныя новыя частныя конторы были заняты спѣшащими людьми, а въ большихъ магазинахъ упаковка жизненныхъ припасовъ приводила все въ безпорядокъ.

Среди всей этой суеты, къ главной квартирѣ торопливо подъѣзжалъ верхомъ генералъ. За нимъ слѣдовалъ газетный репортеръ, промчавшійся въ своей курумѣ на телеграфную станцію, а за нимъ появилось, въ направленіи отъ желѣзнодорожной станціи, лицо, несущее чемоданъ и шпагу, завернутую въ желтую матерію. Лицо это сопровождалъ мужчина, загорѣлый и одѣтый въ поношенный лѣтній костюмъ. Онъ только недавно высадился въ Уджинѣ и пріѣхалъ съ театра войны. Непосредственно за ними появился государственный дѣятель, черты котораго были хорошо извѣстны всей читающей газеты публикѣ. Онъ ѣхалъ задумчиво и представлялъ разительный контрастъ съ кули, напѣвавшимъ какую-то мелодію и никуда, видимо, не торопившимся. Среди всей этой суматохи жители города прислушивались къ двумъ родамъ музыки, частью къ военной пѣснѣ, которую съ особымъ удареніемъ пѣли солдаты съ сѣвера, частью къ мелодичной «Хиросимѣ», распѣваемой веселыми молодыми дѣвушками.

На главной улицѣ находился домъ, на фасадѣ котораго, среди прочихъ объявленій, была большая вывѣска со словами:

«Поставщикъ арміи», крупными буквами. Кучи дешевыхъ шерстяныхъ одѣялъ, толстыхъ куртокъ и тому подобныхъ вещей заполняли пространство передъ домомъ, гдѣ съ полдюжины рабочихъ были по горло заняты упаковкой. Среднихъ лѣтъ мужчина, съ довольно рѣдкими волосами на затылкѣ и большой красной бородавкой подъ лѣвымъ глазомъ, какъ разъ провожалъ посѣтителя къ двери. Онъ остановился, чтобы сказать нѣсколько словъ бухгалтеру, наблюдавшему за рабочими, и только собирался пойти обратно въ комнату, какъ замѣтилъ вдругъ куруму, приближавшуюся съ верхняго конца улицы. Онъ тотчасъ же узналъ сидѣвшаго въ курумѣ и воскликнулъ:

— Тазаки-санъ! Тазаки-санъ!

Курума проѣхала мимо, такъ какъ пассажиръ не обратилъ никакого вниманія на зовъ, но за ней погнался маленькій мальчикъ и заставилъ ее сейчасъ же вернуться. Въ курумѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, съ темной, красноватой кожей и сѣдой бородой. Онъ былъ одѣтъ въ темный «хаори» изъ простой матеріи, и шляпа его казалась довольно потертой. Повидимому, онъ былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что ему пришлось вернуться, но узнавъ человѣка, стоявшаго въ дверяхъ, въ изумленіи воскликнулъ:

— Что это? Вѣдь, это Ямаки-санъ?

— Да, какъ поживаешь, Тазаки-санъ? Когда пріѣхалъ?

— Я какъ разъ собирался домой со слѣдующимъ поѣздомъ.

Тазаки вышелъ изъ курумы и пошелъ къ двери, шагая по дорогѣ черезъ кучи соломы и веревокъ.

— Собирался домой? Гдѣ же ты былъ?

— Въ Сасебо. Я провелъ тамъ нѣсколько дней, а теперь ѣду домой.

— Въ Сасебо? Навѣщалъ Такео-сана?

— Да.

— Вотъ что, — сказалъ Ямаки. — И ты проѣзжаешь, даже не подумавъ заглянуть сюда? Я очень удивленъ поведеніемъ моей дочери и старой баронессы. Онѣ не написали мнѣ ни слова относительно тебя.

— О, я такъ страшно торопился.

— Да, но все-таки,—сказалъ Ямаки.—Не трудно сунуть носъ въ дверь на минуту. Ну, пойдемъ по крайней мѣрѣ сейчасъ. Отошли свою куруму. Это ты долженъ сдѣлать, потому что мнѣ нужно поговорить съ тобой. Ты, вѣдь, можешь поѣхать и съ слѣдующимъ поѣздомъ, не такъ ли? Какъ здоровье Такео-сана? Я слышалъ, что онъ лежитъ въ морскомъ госпиталѣ въ Сасебо, и хотѣлъ поѣхать навѣстить его. Но тутъ какъ разъ отправлялась первая дивизія, и у меня была такая спѣшка, что я не смогъ даже написать ему и выразить мое участіе. Такъ бедренная кость не повреждена вѣдь? Ну, слава Богу, что ему лучше. Я думаю, насколько его мать будетъ чувствовать себя спокойнѣе.

Тазаки посмотрѣлъ на часы и въ ту же минуту поднялся. Ямаки удержалъ его.

— О, не спѣши же такъ отчаянно. У меня есть вещь для баронессы, которую я попрошу тебя взять съ собой. Ты не можешь остаться до ночного поѣзда? Тогда тебѣ не придется торопиться. Я сдѣлаю самое важное, а потомъ мы можемъ куда-нибудь пойти и поболтать за саки. Рыба здѣсь прямо чудесная.

Вечернее солнце стояло низко надъ рѣкой Амайясу, и пурпуровый свѣтъ его озарялъ бумажную вывѣску на чайномъ домикѣ у воды. Комнаты во второмъ этажѣ были заняты шумной компаніей членовъ государственнаго совѣта, собравшихся здѣсь для обсужденія какого-то вопроса, а въ нижнемъ этажѣ Ямаки и Тазаки были такъ увлечены разговоромъ за саке, что служанкѣ даже не приходило въ голову приблизиться къ нимъ.

Тазаки былъ дворецкимъ у Кавашима еще при жизни отца Такео, и оставался имъ до сихъ поръ. Онъ постоянно приходилъ изъ своего дома, расположеннаго рядомъ съ ихъ домомъ. Онъ былъ не особенно толковъ, но не набивалъ себѣ кармана за счетъ хозяевъ, и потому Такео и его мать питали къ нему большое довѣріе. Теперь онъ былъ спеціально посланъ провѣдать своего больного хозяина въ Сасебо.

Ямаки отставилъ стаканъ и приложилъ руку ко лбу.

— Дѣло въ томъ, что я пробылъ въ Токіо только одинъ день, потому что мнѣ пришлось сейчасъ же ѣхать назадъ въ Хирошиму, и такимъ образомъ я ничего не узналъ. Вотъ какъ, повидимому, Нами-санъ была очень больна? Да, конечно, это было сдѣлано жестоко, но вѣдь, нужно же было такъ поступить ради семейства Кавашима. Такъ ей лучше, и она опять въ Цуши? Видишь ли, обыкновенно это неизлечимо. Ну, а Такео-санъ все такъ же непримиримъ?

Тазаки снялъ крышку съ суповой миски, изъ которой распространился сильный грибной запахъ, и попробовалъ содержимое.

— Да, это-то и есть самое худшее. Мать сдѣлала это все для блага семьи, и это можетъ быть простительно. Но, Ямаки-санъ, развѣ не можетъ быть, что она нѣсколько злоупотребила своей материнской властью, разведя ихъ въ то время, какъ Такео былъ въ отъѣздѣ. Я, разумѣется, совѣтовалъ ей подождать, пока онъ не вернется, но, вѣдь, всѣмъ извѣстна, какова она. Она никогда не можетъ ждать, если ей что-нибудь взбредетъ въ голову. И вотъ, что изъ этого вышло. Собственно говоря, я на сторонѣ Такео. Но у меня были ужасныя непріятности съ Хидживой. Онъ теперь, должно быть, въ Китаѣ?

Ямаки съ минуту смотрѣлъ на своего гостя.

— Хиджива? Да, онъ уѣхалъ на-дняхъ. Но у меня тоже было съ нимъ много хлопотъ, и наше знакомство обойдется мнѣ довольно дорого. Онъ былъ настолько безсовѣстенъ, что попросилъ у меня прощальный подарокъ и заявилъ, что, если онъ умретъ, онъ зачтется, какъ обыкновенное подношеніе при похоронахъ. Если онъ останется въ живыхъ, то вернется съ Золотымъ Дракономъ, говорилъ онъ. И такимъ образомъ онъ выманилъ у меня около ста іенъ. Но Такео-санъ, вѣдь, поѣдетъ домой, въ Токіо, какъ только поправится, или нѣтъ?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Онъ опять отправится драться.

— Я положительно удивляюсь его храбрости. Но, Тазаки-санъ, не думаешь ли ты, что ему слѣдовало бы поѣхать домой и помириться съ матерью? Я, вѣдь, не знаю, насколько онъ былъ привязанъ къ Нами-ко-санъ, но теперь, когда бракъ расторгнутъ, и она такъ опасно больна, онъ никакъ не можетъ снова возобновить союзъ. Единственное, что остается, это постараться забыть то, что было, и примириться. Какъ ты думаешь, Тазаки-санъ.

— У Такео такой хорошій характеръ,—отвѣтилъ задумчиво Тазаки,—что хотя мать его поступила неправильно, онъ навѣрно думаетъ, что самъ велъ себя не такъ, какъ подобало. Но мое путешествіе на этотъ разъ было по ея приказанію, такъ что о примиреніи пока не можетъ быть рѣчи. Во всякомъ случаѣ...

— Можетъ быть, глупо говорить о бракѣ до окончанія войны,—началъ Ямаки,—но было бы, конечно, лучше, еслибъ онъ женился вторично. Ты не находишь этого, Тазаки-санъ? Тогда онъ забудетъ Нами-ко-санъ

и въ то же время примирится съ матерью. Молодые люди обыкновенно немножко размалевываютъ свою первую любовь, но если встрѣчается номеръ второй, то они такъ же легко влюбляются въ него.

— Да, баронесса Кавашима тоже такъ думаетъ. Но...

— Развѣ ты думаешь, что это такъ трудно?

— У него очень сильная воля.

— Да, вѣдь, это же для блага семьи и для его собственнаго.

Разговоръ смолкъ на минуту. Наверху, повидимому, кто-то кончилъ говорить, потому что раздался громъ апплодисментовъ. Красный свѣтъ вечерняго солнца поблѣднѣлъ, и звукъ трубъ въ баракахъ донесся какъ бы съ далекаго разстоянія.

Ямаки сполоснулъ свою чашечку съ саке въ сосудѣ съ водой и передалъ ее Тазаки.

— Тазаки, ну а что моя дочь у Кавашима? Она такъ лѣнива, что баронесса вѣроятно не особенно въ восторгѣ онъ нея.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ развода Нами, Ямаки отправилъ свою дочь Тойо къ Кавашима подъ руководство баронессы, какъ онъ и предполагалъ. И теперь ему очень хотѣлось узнать что-нибудь объ ней.

Но Тазаки улыбался. Должно быть, онъ вспомнилъ что-нибудь смѣшное.

Когда Такео въ раздраженіи покидалъ родительскій домъ, мать его бросила на него такой же раздраженный взглядъ и крикнула:

— Ты своевольный сынъ. Уходи отъ меня сію же минуту!

Она знала, что Такео всегда былъ хорошимъ сыномъ, и никогда не колебался въ томъ, чтобы исполнять всѣ ея малѣйшія желанія. Поэтому она была глубоко убѣждена, что, какъ бы горячо онъ ни любилъ Нами, если его любовь къ женѣ придетъ въ столкновеніе съ его обязанностями къ матери, то послѣднія одержатъ побѣду. Съ этой вѣрой, несмотря на то, что она сама находила, что предпринятый ею шагъ дѣйствительно слишкомъ смѣлъ, она рѣшилась отправить Нами подъ тѣмъ предлогомъ, что это дѣлается ради блага Такео и семьи. Но, увидѣвъ, до какой степени это возбудило гнѣвъ Такео, она въ первый разъ поняла, что сдѣлала ошибку, и что мать не имѣетъ абсолютной нераздѣльной власти надъ сыномъ.

Она, конечно, и раньше съ ревностью замѣчала любовь Такео къ Нами, но теперь, видя, что ея собственная любовь, достоинство и материнская власть не могутъ замѣнить любви умирающей женщины, она почувствовала, что власть ея какъ бы навсегда сломлена, и что она обманута во всемъ, что по праву принадлежало ей. Гнѣвъ ея на поступокъ Такео не прошелъ, и она продолжала порочить Нами долго спустя послѣ ея отъѣзда.

Было еще одно обстоятельство, подливавшее масла въ огонь. Въ глубинѣ души она испытывала тайный грызущій страхъ, что была

несправедлива. Поведеніе Такео въ ея глазахъ было совершенно нерезонно, но она начинала чувствовать, что, пожалуй, переступила границу материнскихъ правъ. Когда она лежала безъ сна по ночамъ, вперивъ взоръ въ слабую полоску свѣта, бросаемую фонаремъ съ потолка, ей казалось, что она слышитъ словно какой-то голосъ, шепчущій ей: «Ты не права. Ты поступила дурно». И это тревожило ее и дѣлало нерѣшительной. Ничто на свѣтѣ не дѣлаетъ человѣка столь сильнымъ, какъ убѣжденіе въ томъ, что онъ поступилъ правильно. И ничего нѣтъ мучительнѣе, какъ быть вынужденнымъ унижать себя сомнѣніемъ. Раненый звѣрь рычитъ, а человѣкъ, вспоминающій о своей ошибкѣ, приходитъ въ ярость. Мать Такео находилась именно въ этомъ состояніи, и ея неукротимая злоба увеличивалась еще тѣмъ, что она понимала ее. Время шло, но Такео не возвращался. Онъ даже не написалъ, не сознался въ томъ, что былъ неправъ. Она знала, что единственная возможность положить конецъ всякому безпокойству— это дать полную волю своей злобѣ, но даже и этимъ путемъ она не могла обрѣсти спокойствія. Она имѣла обыкновеніе обрушиваться на Такео, на Нами, на прошедшее и на будущее, на свое одиночество и, наконецъ, на свое собственное безсиліе, пока не уставала до того, что засыпала.

У Кавашима вся прислуга часто испытывала искушеніе собрать свои вещи и отправиться во свояси, вслѣдствіе постояннаго дурного настроенія хозяйки. Наконецъ, пришло извѣстіе о сраженіяхъ при Фунгѣ и Азанѣ и взволновало столицу. Вдовая баронесса почувствовала себя очень задѣтой тѣмъ, что Такео осмѣлился не написать ей и не проститься передъ отъѣздомъ на войну. И, встрѣчаясь съ другими матерями, прибывшими въ Токіо проститься съ отъѣзжающими сыновьями, или съ матерями, разсказывающими, какія успокоительныя и бодрыя письма онѣ писали, она еще мучительнѣе ощущала собственное положеніе. Она представляла себѣ также возможность смерти, которая разлучитъ ихъ навсегда. И, нѣсколько растроганная, она снизошла до того, что противъ воли написала два письма сыну и послала ихъ ему на границу.

Отвѣтъ Такео пришелъ скоро. Приблизительно черезъ мѣсяцъ она получила телеграмму изъ морского госпиталя въ Сасебо о томъ, что онъ раненъ. Руки ея невольно дрожали, когда она взяла бумагу и хотя потомъ она узнала, что ему лучше, но послала Тазаки узнать о его положеніи.

Она успокоилась, когда Тазаки вернулся изъ Сасебо, но серьезно желала видѣть сына, когда онъ выздоровѣетъ, и находила, что самое лучшее найти ему другую жену, какъ только война кончится. Этимъ путемъ она надѣялась устранить Нами изъ его мыслей, поддержать родъ Кавашима и единовременно загладить свой, какъ она сама признавала, нѣсколько необдуманный поступокъ.

Заполучить хорошую невѣстку стало задачей, которой занимались ея мысли съ самаго дня отъѣзда Нами. Съ этой цѣлью она раздумывала о цѣломъ рядѣ молодыхъ дѣвушекъ, дочерей знакомыхъ лицъ ея круга, но не могла найти ни одной, подходящей для нея. Какъ разъ въ разгаръ ея размышленій Ямаки вдругъ прислалъ къ ней свою дочь Тойо, для усовершенствованія ея воспитанія и манеръ. Разумѣется, она весьма быстро проникла какъ намѣреніе Ямаки, такъ и то, что Тойо была далеко не совершенство. Но утопающій хватается за соломинку, и вдова, не находя другого выхода, согласилась въ концѣ концовъ на желаніе Ямаки и взяла Тойо на испытаніе.

Результатъ этого испытанія и заставилъ Тазаки покривить ротъ. Ни вдова, ни Тойо не были въ особомъ восторгѣ, и прислуга слышала столько, что потѣшалась надъ бѣдной дѣвушкой.

Сначала абсолютное спокойствіе, затѣмъ маленькая шпилька и, наконецъ, страшнѣйшая бомбардировка—такова была тактика, примѣняемая баронессой Кавашима ко всѣмъ. Нами была предметомъ подобныхъ атакъ, и, при ея чувствительности, онѣ глубоко задѣвали ее за живое. Теперь настала очередь Тойо. Такъ какъ у нея былъ счастливый характеръ, позволявшій ей оставаться совершенно равнодушной къ окружающему, то она обращала на шпильки старухи не больше вниманія, чѣмъ на шлепанье дождевыхъ капель. Это заставляло, разумѣется, атакующую принимать болѣе рѣшительныя мѣры.

Тойо отъ природы была безпечна, какъ будто никогда ни о чемъ не заботилась. Она медленно соображала и была лишена не только честолюбія, но, порой казалось, и индивидуальности. Когда она стояла весеннимъ вечеромъ въ саду, то производила такое впечатлѣніе, словно тѣло и душа ея расплывались въ туманѣ и становились неосязаемыми. Такою была она, когда впервые начало просыпаться въ ней понятіе о любви, и она вскорѣ научилась понимать, какъ дорого за нее придется заплатить въ домѣ баронессы Кавашима. Утромъ, чуть вставъ, она получала приказаніе сдѣлать ту или иную работу, а когда она была кончена, то наградой служили выговоры и брань. На легкія нападки она обыкновенно не обращала вниманія, но даже и она не могла остаться нечувствительной къ постоянному враждебному обращенію. Еслибъ она не находилась въ домѣ своего возлюбленнаго, то давно убѣжала бы. Но съ врѣзавшимися въ ея памяти родительскими наставленіями, она храбро выдерживала всѣ нападенія и провела много несносныхъ дней. Иногда положеніе ея дѣлалось почти нестерпимымъ и тогда она думала, что любовь нѣчто очень трудное и рѣшала про себя никогда больше не влюбляться. Вдова сдѣлала ее козломъ отпущенія для своего дурного настроенія духа, а прислуга обратила ее въ мишень для своихъ насмѣшекъ. Но не имѣя даже радости видѣть лицо своего возлюбленнаго, она ожидала лучшихъ дней съ терпѣніемъ, на которое сама не считала себя способной.

Въ Тойо мать Такео получила лишній источникъ досады. Потерянный драгоцѣнный камень неоцѣнимъ, и жена, которой уже нѣтъ, не имѣетъ недостатковъ, говоритъ пословица. Хотя далеко не похожая на Нами, Тойо, одни движенія которой раздражали вдову, вызывала все же въ памяти ея образъ той, кого она раньше столько мучила. Нами была непритязательная дѣвушка, молчаливая и скромная въ манерахъ, не поражающая при первомъ взглядѣ, но деликатная и прилежная. Свекровь пользовалась ея снисходительностью и никогда не упускала случая побранить ее, но въ душѣ не могла не сознаться, что Нами была необыкновенно разсудительна для своего возраста. Она невольно думала о Нами, когда присутствіе Тойо принуждало ее къ сравненію. Каждый разъ, какъ происходило что-нибудь непріятное, въ присутствіи нескладной и равнодушной особы Тойо, сидѣвшей съ полузакрытыми глазами и полуоткрытымъ ртомъ, вдова видѣла передъ собой блѣдное лицо и черные волосы Нами и какъ она взглядывала и кротко спрашивала, не можетъ ли она чѣмъ-нибудь помочь. Сердце старой женщины вздрагивало отъ страннаго ощущенія укора, и она всѣми силами старалась побѣдить свои чувства, ища себѣ оправданія въ словахъ: «Она поступила дурно тѣмъ, что заболѣла». Но странное ощущеніе только выростало сильнѣе. И она принимала его въ концѣ концовъ, какъ проявленіе дурного настроенія духа, и изливала чашу своей злобы на бѣдную Тойо.

Вслѣдствіе этого произошло, что, какъ разъ въ ту минуту, какъ Ямаки говорилъ съ Тазаки о своей надеждѣ сдѣлать свою дочь второй женой Такео, напряженіе между Тойо и вдовой дошло до взрыва, который былъ страшнѣе самой войны между Китаемъ и Японіей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*

НА ФОНѢ ПЕЙЗАЖА.

(Картина).

Нагруженный арбузами и дынями дощаникъ ждалъ у берега въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Воложка брала влѣво и шумно съ разбѣгу отдавалась широкой, спокойной рѣкѣ. Предстояло до разсвѣта выѣхать въ большое село черезъ Волгу. Къ закату лодка была нагружена и Игоня остался при ней.

Онъ разлегся на носу и все думалъ. Много надо было ему передумать, а мысль шла медленно; при людяхъ думалось съ опаской, осторожно, точно кто могъ подслушать и помѣшать управиться въ головѣ со своими дѣлами, а безъ людей мысль охватывала такая радость простора, что она, какъ шальная, дробилась и разбѣгалась вширь, и загнать ее, остановить на дѣльномъ было трудно.

Померкли послѣдніе свѣтлые тона остывшаго неба, и верхушки кустовъ на высокомъ берегу притока рисовались рѣзкимъ чернымъ узоромъ. За Лизаветинскимъ берегомъ показалась луна. Быстро прошла она короткій путь по низу надъ далекой и темной водой виднѣвшагося куска Волги, позолотилась въ ней волнующимся ползучимъ отраженіемъ и тихо ушла за полосу поемнаго лѣса. Послѣ нея осталось темное пятно на горизонтѣ, но и оно скоро разошлось.

Игоня все не могъ отдѣлаться отъ картины, засѣвшей въ памяти... Какъ сейчасъ, видитъ онъ и какъ горятъ стога, и какъ прошелъ этотъ человѣкъ, будто тѣнь—мелькнулъ и скрылся.

И, конечно, это былъ онъ, Иванъ, удалой Жукъ,—Арининъ, сестринъ мужъ.

Зналъ Игоня, что ермачихинскіе мужики злы на сошкинскаго управляющаго; шибко штрафовалъ онъ ихъ за потравы, измаялъ просто. И видалъ, и слыхалъ онъ не разъ, то тутъ, то тамъ загорались господскіе стога еще въ лѣтошній годъ; и всегда думалъ раньше: «такъ ему и надо». А теперь? Жутко какъ-то стало, будто самъ онъ повиненъ въ чемъ-то... Темная была ночь, съ трудомъ

дорогу можно было разобрать, а тутъ точно на мигъ прояснѣло: екнуло сердце, и Игоня ужъ зналъ, что это Иванъ.

Это было по дорогѣ на заимку. До поздней ночи бѣгали они тогда съ подпаскомъ Семкой, искали телку. Семка шелъ стороной къ рѣкѣ и они отъ времени до времени пересвистывались, чтобы не разойтись далеко другъ отъ дружки. Бѣжитъ онъ и показалось, будто Семка гдѣ-то близко присвистнулъ; оглянулся кругомъ—на полянѣ нѣтъ, а только видитъ, что за диво? огонь за пригоркомъ. Пустился туда. Бѣжитъ, а самъ свиститъ, Семкѣ знать даетъ, куда сворачивать, и тутъ-то вотъ и увидалъ онъ эту ясную тѣнь... Жутко стало Игонѣ, почему, и самъ не знаетъ: что-жъ, огонь? Можетъ костеръ развели, а увидалъ онъ, какъ прошелъ Иванъ... И остановился, окаменѣлъ. Сутки, какъ ушелъ Иванъ въ Затонъ, и домой еще не ворочался. И не видалъ еще Игоня, что горитъ, а сразу подумалъ: «стога». Слышитъ Семкинъ свистъ за пригоркомъ, хочетъ бѣжать туда, а не можетъ, дрожитъ; хочетъ назадъ повернуть—ноги не двигаются, голова не поворачивается, такъ и кажется: вотъ-вотъ Иванъ изъ-за куста выйдетъ. Свистнулъ Семка еще разъ, и точно кто кнутомъ согналъ Игоню, пустился онъ къ пригорку...

Смотрѣли они съ Семкой, какъ горѣли стога, бѣжали вмѣстѣ въ деревню, но ни тогда, ни потомъ, въ эти три дня, никому и словомъ не промолвился Игоня о томъ, что видалъ. Можетъ, знаютъ отецъ или сестра, да молчатъ. И порой такъ хотѣлось крикнуть—и я знаю, и я знаю! А вдругъ онъ одинъ, одинъ знаетъ! И въ головѣ все спорятъ два голоса: «знаю, знаю! Скажи, скажи!» мутитъ одинъ, а другой... Другой голосъ... Тотъ не велитъ.

Давно уже стемнѣло, давно звѣзды стали яркими и трудно было найти кусочекъ неба, гдѣ бы сейчасъ же не выступилъ, раньше не замѣтный, цѣлый рой маленькихъ свѣтлыхъ точекъ, а Игоню какъ будто и ко сну не клонило. Оглядываясь кругомъ, онъ словно искалъ, у кого бы спросить совѣта.

Тихонько плескала волна, ударяясь о преградившую ей путь лодку. Точно каменная гора стоялъ черный лѣсъ и трепетный листъ не смѣлъ шелохнуться въ дремавшемъ воздухѣ. За поворотомъ темнѣла даль большой воды; невольно взоръ тянуло къ ней; казалось, все главное и важное, все мудрое и мощное было тамъ, а здѣсь только выходъ туда... Но нѣмая лежала Волга, неподвижная, равнодушная; и только звѣзды шаловливо качались на этомъ громадномъ уснувшемъ просторѣ.

Отвѣта не было: темно и тихо кругомъ. А гдѣ-то тамъ, высоко-высоко, Богъ.

Игоня заложилъ руки подъ голову и сталъ смотрѣть вверхъ. Вперивъ глаза въ небо, онъ старался уйти взглядомъ какъ можно

дальше и отсчитывалъ въ умѣ каждый шагъ, который, какъ ему казалось, взоръ дѣлалъ впередъ. Онъ сбивался, не успѣвалъ замѣтить той точки, отъ которой нужно было отправляться дальше, и снова отсчитывалъ: «Теперь стой! передохну... Ну еще. Такъ пошелъ... такъ... еще дальше»... Но глаза утомлялись, счетъ снова мѣшался и точка терялась. Далеко, далеко, за звѣздами, ему все же видѣлось какое-то громадное лицо, кругомъ котораго по всѣмъ направленіямъ трепались волосы, крутились надо лбомъ, волновались по сторонамъ и мѣшались съ опрокинутымъ лѣсомъ колыхающейся бороды. Изъ бороды уходили внизъ отдѣльныя пряди; онѣ вились змѣями въ пустомъ пространствѣ... И странный обликъ то былъ похожъ на сказочнаго старика съ картинки, то вдругъ глаза обрисовывались ясно и сверкали какимъ-то безконечнымъ знаніемъ и безконечной строгостью. Тогда онъ былъ похожъ на голову Бога-Отца съ церковной иконы и представлять его себѣ было какъ-то страшно, не хватало духу смотрѣть на него, и глаза Игони мигали, громадное лицо исчезало, а небо попрежнему сіяло своей блестящей величавой пропастью.

Утомленныя вѣки неудержимо сходились рѣсницами и дрема мутила послѣднія совсѣмъ уже невнятныя думы.

Когда изъ лѣса послышались голоса, Игоня спалъ. Вскорѣ вслѣдъ за голосами донесся звукъ шаговъ и отъ темныхъ кустовъ пригорка отдѣлилась фигура коренастаго человѣка. Большими падающими шагами, не стараясь удерживать тяжести тѣла, онъ сбѣжалъ къ лодкѣ.

— Эй! Караулъ, спишь?—раздался его звонкій голосъ, дерзко врываясь въ согласную тишь надъ рѣкой.

Онъ взялъ длинную корягу и бросилъ ее въ Игоню. Тотъ вздрогнулъ и вскочилъ.

— Что ты, Иванъ, лукаешься, чортъ!

Иванъ захохоталъ.

— А ты развѣ спалъ! Вотъ что? На тотъ годъ шестнадцатый пойдетъ, а онъ караулъ во снѣ держитъ. Э-и-хи-хи! Дайко-сь весло-то!

Игоня молча кинулъ на берегъ весло и, перегнувшись черезъ край лодки, наскоро сполоснулъ лицо въ рѣкѣ.

Съ пригорка спустился отецъ Игони—Ѳедоръ; сбѣжала за отцомъ и Арина; сзади спѣша перегнать, шелъ работникъ, Осипъ. Онъ вскочилъ въ лодку и сталъ у руля. Грузно перевалившись черезъ бортъ, влѣзъ Ѳедоръ. Арина, прежде чѣмъ карабкаться, кинула на носъ связку кафтановъ и сапогъ.

Иванъ стоялъ на берегу. Когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, онъ, зажавъ руками носъ лодки, грудью вытолкалъ его съ мелкаго мѣста. Потомъ упершись весломъ въ землю, поднялся на рукахъ

и перемахнулъ въ дощанникъ, сильно покачнувъ его и взбудораживъ безпокойный товаръ. Нѣсколько яблокъ скатились съ вершины кучи, а арбузы и дыни недовольно пошатались и постукались другъ о друга. Ѳедоръ, вмѣстѣ съ Игоней сидѣвшій во второй парѣ веселъ, нахмурился и сталъ ругаться. Иванъ, посвистывая, сѣлъ загребнымъ, устроилъ поудобнѣе весла и взмахнулъ ими снова неосторожно и задорно, заливая всѣхъ брызгами воды.

— Вороти проворнѣе!—скомандовалъ онъ Осипу.

Лодка повернулась и понеслась по быстрой водѣ притока съ такой легкостью, точно и ее тянуло изъ этого преддверья, туда гдѣ было главное, гдѣ былъ просторъ.

Лизаветино было прямо напротивъ Воложки, но чтобы переплыть къ нему, нужно было забрать далеко вверхъ, по берегу, и только тогда начинать переправу.

У выхода въ Волгу весла то и дѣло цѣплялись за сучья наклонившихся въ водѣ кустовъ и бацались о землю берега. На поворотѣ лѣвыя весла сложили и помогали ходу лодки, перебирая крѣпкія прибрежныя вѣтви. Такъ шли шаговъ сто, потомъ Иванъ молча соскочилъ на берегъ, забралъ съ собой смотанную веревку, конецъ которой былъ завязанъ на мачтѣ. За нимъ вылѣзли и Ѳедоръ съ Осипомъ. Мужики, дѣлая издавна привычное дѣло, все такъ же молча взбирались повыше на берегъ и пробираясь между кустовъ, потянули лодку бичевой. Иванъ шелъ впереди, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ былъ положе, его фигура показывалась первой на фонѣ неба тоже темнаго, но все же болѣе легкаго и бѣлесоватаго, чѣмъ мрачные тоны внизу. По пригнутымъ кустамъ, по корягамъ и хворосту онъ шагалъ, точно по гладкому полу риги.

Ѳедоръ шелъ осторожно, сосредоточенно выпутывая ноги изъ оплетавшихъ ихъ стеблей, шагая дѣловито, внушительно и тяжело. Осипъ плелся за ними, согнувъ спину, оступаясь. Бичева стрѣлой натягивалась за плечомъ Ивана и рѣзала шею Осипу поворачивая отъ него къ лодкѣ, а онъ дѣлалъ столько усилій такъ напрягался, точно вся тяжесть работы лежала на немъ

Пока проходили большую песчаную мель, Арина уснула свернувшись на носу. За маякомъ всѣ снова сѣли, старикъ надѣлъ кафтанъ въ рукава, и лодка вышла въ открытую Волгу, все еще тихую, все еще темную.

— Вѣтерокъ потянулъ, Ѳедоръ Митричъ,—безучастно, лѣниво промолвилъ Осипъ и голосъ его не только не нарушилъ торжественнаго, повелительнаго покоя, а какъ будто еще больше подчеркнулъ его, прозвучавъ какимъ-то неувѣреннымъ, боязливымъ звукомъ. Иванъ перегнулся назадъ и выдернулъ изъ-подъ

ногъ спящей жены стеганное одѣялишко, пестрѣвшее разнокалиберными вставками и кусками ваты. Онъ молча подалъ его Ѳедору, тотъ осторожно переложилъ въ сторону нѣсколько арбузовъ и, занеся ногу черезъ груду остальныхъ, шагнулъ къ мачтѣ. Скоро одѣялишко дулось и трепалось на подвѣшенной поперечинѣ и дощаникъ пошелъ какъ будто легче.

На низу зарябили точками полосы огней; разноцвѣтные и спокойные сверху, они перемѣшивались волной и дрожали въ ней, сходясь и разбѣгаясь. Игоня насторожился. Послышался свистокъ, густой и низкій.

— Самолетъ!—съ важностью проговорилъ Игнатій.

— А встрѣчный-то кто? Отселѣ, кажись, и не пробѣгъ никакой,—щуря глаза на далекіе огни, замѣтилъ Иванъ.—Али можетъ, изъ еканоміи катерокъ куда побѣжалъ,—усмѣхнувшись добавилъ онъ.

— Буксиръ...—пояснилъ Ѳедоръ.—Отъ нашей пристани собирался отчалить... Мотри, отошелъ...

Лодку сильно вертѣло на низъ и Осипъ изо всѣхъ силъ удерживалъ ея носъ въ противоположную сторону. И несмотря на его старанія, ихъ снесло уже далеко ниже того мѣста, гдѣ бросили идти бичевой.

Небо стало блѣднѣть и за Кольцовскимъ берегомъ оно отошло отъ горизонта желтоватой, матововой полосой. Понемногу сдавались и звѣзды, и только самыя яркія изъ нихъ все еще горѣли и дрожали въ водѣ.

Волга просыпалась; синія полосы въ ней мѣшались съ мутными, сѣрыми, и вся она стала свинцовой. Все еще мрачная, она уже выходила изъ дремотного покоя тьмы и, играя съ вѣтромъ, неслась безконечнымъ множествомъ переломовъ своей стальной поверхности.

— Ишь силища-то! Ишь воротитъ!—пробурчалъ Ѳедоръ.

— Не сладишь? Паровой катеръ заведи!—усмѣхнулся Иванъ; улыбка быстро сбѣжала съ глазъ и они, пристальные, серьезные, стали смотрѣть куда-то въ даль.

Но тесть отнесся къ его словамъ серьезно.

— Какъ не сладишь? Совладаемъ! Жили въ старину люди, такъ и слыхомъ не слыхали, чтобы машину самоходную на воду пускать,—спокойно возразилъ онъ.

Иванъ лихо занесъ весла и такъ зачерпнулъ ими воду, что лодка чуть не прыгула впередъ. Онъ гикнулъ, опять съ толчка разогналъ дощаникъ, съ шумомъ бросилъ весла и поднялъ руки. Рукава рубахи спустились, мягко легли на плечи и оголили упругіе кряжи мускуловъ. Иванъ любовно покосился на нихъ, плюнулъ въ ладони и снова взялся за весла, тряхнувъ стоячей волной своихъ кудрей.

— Жили въ старину,—началъ онъ громкимъ голосомъ, сразу забравъ воздуха грудью, сколько могъ однимъ протяжнымъ глубокимъ вздохомъ,—жили и силушку свою пытали. И гуляла на Волгѣ вольная волюшка, баловалась душенька крестьянская... И-и-ги-и!—снова гикнулъ онъ, и весла его такъ широко прошлись по водѣ, съ такой силой толкнули ее, что Ѳедоръ опять заворчалъ.

— А чортъ... Али ужъ ты разбойникъ какой, али загребнымъ оставайся... Одно дѣло дѣлать...

— А вотъ я, значитъ, намеднись въ Васильевскомъ былъ,— раздался съ кормы высокій и глухой голосъ Осипа,—на той сторонѣ, за Спасскимъ. Ну и стоитъ, скажемъ, въ оврагѣ—гора не гора, а только, значитъ, примѣрно, земля-то быдто ровная была допрежь, а точно кто отмѣрилъ кусокъ сажени этакъ въ полторы, да округъ него землю-то и вырылъ на манеръ оврага. Да... чудно... И баитъ народъ, что, значитъ, разбойника Стеньки Разина это, примѣрно, столъ былъ, а разбойнички его округъ стола, на краешкахъ оврага сидючи, пиры эти пировали разные... Да ужъ больно чудно. Поди, такъ, зря, баютъ...

— Зря-зря!—передразнилъ Иванъ.—По тебѣ чудно—чать, что и разбойники-то были! Дивуешься? Пра!

— Нѣтъ, зачѣмъ, Иванъ Тимоѳеевичъ, я не про то. А только, значитъ, какая же это рука должна быть, чтобы до этого самаго стола достать. Не меньше какъ въ сажень! Ей-Богу! Ну и какой же, стало быть, весь-то человѣкъ былъ? Чудно!

— А что же такое? — авторитетно вмѣшался Ѳедоръ. — Въ Писаніи говорится—былъ великанъ, Голіафомъ прозывался. Да! Какъ же! Это вѣрно. Ну, а то же самое возьми у насъ. Извѣстно, разные богатыри тамъ были. Сторона у насъ же эдакая, богатырская. Да! Взять хоть Кольцово вотъ—такъ и пошло ему прозванье отъ сотоварища Ермакова; а Ермачиха! Эта зовется отъ самаго Ермака Тимоѳеича. Вѣрно. — Ѳедоръ остановился, пожевалъ губами, съ наморщеннымъ отъ соображеній лбомъ оглядѣлъ всѣхъ и добавилъ: — видать, по нашему-то берегу гулялъ Ермакъ, а по Спасскому—Степанъ. Это вѣрно...

Игоня не выдержалъ. Ему давно хотѣлось вставить свое слово.

— И оба Тимоѳеичи!—Радостно крикнулъ онъ.—А Ермакъ— покоритель Сибири, въ школѣ читали.—Онъ посмотрѣлъ робко въ сторону Ивана и повторилъ: — оба Тимоѳеичи! А вотъ ты, Жукъ, тоже Тимоѳеичъ! Пра!

— Тоже!—конфузливо согласился съ лестнымъ для него совпаденіемъ Иванъ.

— Да! Тоже! — началъ онъ опять съ шумнаго вздоха. —

Тоже! А только вотъ бережка-то мнѣ и не оставили... Вѣрно придется подальше пройти...—Онъ засмѣялся и помолчалъ.—Про Степана, про Разина, въ пѣснѣ поется: взялъ онъ въ плѣнъ персіянку, себѣ въ полюбовницы, по нашему въ матани просто, значитъ. Ну и крутился съ ней... Товарищи надъ нимъ на смѣхъ: самъ, говорятъ, ты съ ней бабой сталъ! Разсердился атаманъ, схватилъ эту самую персіянку, поднялъ надъ лодкой: «бери, говоритъ, Волга-матушка, для тебя ничего то-есть не пожалѣю!» Бухъ ее въ воду,—только ее и видѣли! Да!.. А я вотъ замѣсто персіянки-то пымаю себѣ, ха-ха-ха! Исаченкова и поѣду съ нимъ гулять въ лодочкѣ; какъ выѣдемъ, гдѣ яръ покруче, занесу его къ борту: «ну, скажу, Волга-матушка, на тебѣ! Хороша добыча, самому дороже, а тебѣ не жалко!» ха-ха-ха!.. Буль-буль-буль—пузырики надъ сошкинскимъ управляющимъ!

Иванъ покрутилъ головой и захохоталъ.

Ѳедоръ строго и пристально посмотрѣлъ на него.

— Говори, да не заговаривайся,—внушительно произнесъ онъ и мотнулъ головой въ сторону Игони. Игоня отлично замѣтилъ многозначительный взглядъ отца, и мучившая его тайна вдругъ хлынула такой неудержимой волной откуда-то изъ глубинъ, хранившихъ ее, что онъ вспыхнулъ, и языкъ его заговорилъ самъ, нетвердо, заплетаясь, совсѣмъ потерявъ нить мчавшейся ураганомъ мысли.

— Какъ стога-то... видалъ я, какъ стога-то горѣли...

Онъ остановился. Въ ушахъ сразу поднялся такой шумъ, точно кто ударилъ его по головѣ, и на минуту все закружилось передъ глазами.

Старикъ отвернулся.

— Видалъ?! Ну! Ну, дурья башка! Вона что! Поговори, поговори! А что же это ты видалъ?—отважно вертя словами, угрожающе закричалъ Иванъ.

— А что видалъ, про то знаю... — пробормоталъ Игоня. Онъ уже начиналъ владѣть собой. Онъ уже сознавалъ, что совершилось то ужасное, чего онъ ждалъ и чего боялся. Въ груди его сильно стучало, онъ сразу притихъ, ушелъ въ себя и точно ждалъ какого-то возмездія, какого-то отклика, оглушающаго, всесильнаго... Впереди надъ рѣкой пылала заря и подъ нею краснѣли переломы воды, краснѣли края рубахи Осипа. Затуманеннымъ взглядомъ слѣдилъ онъ за дымчатой полоской берега, надъ которой горѣло жаромъ ядро пурпуроваго свѣта.

И казалось ему, что въ этотъ ужасный мигъ, когда могло совершиться все грозное, могло и солнце не показаться. И онъ смотрѣлъ и жадно ждалъ его, чтобы убѣдиться, что все осталось по старому...

Глаза Ивана горѣли отъ злобы и отъ огней зари. Кудлатая темная голова съ рыжимъ отсвѣтомъ поднялась и ноздри большого твердаго носа раздувались; онъ безпокойно, не въ тактъ, дергалъ веслами.

— Видалъ! Вида-алъ!—едва сдерживая бѣшенство, кривлялся онъ.—Ну, ну! Видалъ, какъ пѣтухъ бѣжалъ? Ха, ха! Ну? Люблю важныя рѣчи послушать...

Но кругомъ него всѣ молчали. За Кольцовымъ вставало солнце. Большое, мирное, оно плавно пробѣжало своимъ длиннымъ свѣтомъ по громадной водѣ, радостно игравшей мелкой, веселой волной. Песчанная полоса берега, напротивъ, рѣзко отдѣлилась отъ стоявшаго за ней лѣса и стала вдругъ казаться совсѣмъ близкой.

Старикъ снялъ шапку и перекрестился.

— Вотъ оно, утрышко! — съ благоговѣніемъ протянулъ онъ. —Встрѣтили утро, встрѣтимъ и день. Перексти лобъ-отъ,—наставительно кинулъ онъ Игонѣ. — Когда молишься? Когда бѣда на дворѣ? А ты молись всегда! Прославлять Бога надо, вотъ что!

Игоня перекрестился и посмотрѣлъ на отца. И слѣда волнующихъ разговоровъ не было на лицѣ Ѳедора; оно было спокойное, серьезное, молитвенное. Игоня зналъ такое лицо у отца; онъ зналъ, что отецъ гонитъ грѣховныя мысли и соблюдаетъ себя. Игонѣ невольно всякій разъ передавалось это торжественное настроеніе старика, когда тотъ боялся разсердить Бога передъ базаромъ и говорилъ разныя слова о божественномъ. Онъ умилялся и въ такія минуты ему дѣйствительно хотѣлось всѣхъ любить, и жалость забиралась въ сердце.

Такъ и теперь онъ сталъ искать кого бы пожалѣть и не нашелъ никого, кромѣ сестры. Обернувшись, онъ украдкой взглянулъ на нее. Онъ увидалъ какъ спала она, сжавшись, согнувшись, какъ солнце свѣтило ей на щеку и на закрытый правый глазъ, какъ сложились губы ея въ горькую улыбку, и этого довольно было.

«Только во снѣ и своя», думалось ему, и эта мысль сложилась такъ коротко и просто, точно была прямымъ выводомъ изъ того, какъ она спитъ сейчасъ. Одинокой, одинокой показалась ему Арина, показалось, что ей жаль себя и что теперь, когда она спитъ, она думаетъ объ этомъ и вотъ-вотъ заплачетъ отъ этой— горькой жалости.

— Ну, чортъ... — стараясь погрубѣе и похуже выругаться, обратился онъ къ своему веслу и, нахмурившись, дернулъ его.

Совсѣмъ нечуткій Осипъ неосторожнымъ словомъ опять навелъ рѣчь на старое.

— А слыхать, вотъ, баютъ, значитъ, объ стогахъ-то будетъ

слѣдствіе наводиться, — засипѣлъ его тонкій голосъ съ другого конца лодки.

— Слыхать?! Слѣдствіе! Вона что! — огрызнулся Иванъ. — У насъ теперь стоговъ-то этихъ, то-есть прямо сказать нѣсколько вскинуло, ну и обо всякой охапкѣ слѣдствіе?—Онъ помолчалъ и, улыбнувшись своимъ смѣшнымъ мыслямъ, продолжалъ: — вотъ нашего Игоньку въ первую голову призовутъ: ты, де, милый человѣкъ, что видалъ?.. Игнатій... А Игнатій? Ты баилъ, про что-то знаешь?

Игоня нахмурился пуще прежняго. Не хотѣлъ отвѣчать, да злоба брала—зачѣмъ Иванъ дразнитъ.

— А про то знаю: чье дѣло,—вотъ про что!

Иванъ продолжительно свистнулъ и засмѣялся.

— Э! Эко диво сказалъ! Чье дѣло? Извѣстно чье, — огнево!

Ѳедоръ замоталъ головой и плюнулъ.

— Такъ, всякую безтолочь говорите. Говорить же всегда нужно дѣло. А эдакъ пойдетъ бай за бай, такъ взахнешь только, чего наговоришь!

— А я вотъ вамъ какую исторію разскажу, — не унимался взвинченный Иванъ.—Вызвали бы меня въ свидѣтели, вотъ это бы дѣло было. Почему? Потому, тоже какъ будто видалъ, а какъ видалъ: во снѣ или на яву, того сказать не могу—запамятовалъ. А только исторія эта самая вотъ какая: идетъ себѣ мужичокъ одинъ, за поясомъ подъ армячкомъ топорикъ у него... да! А въ кармашкѣ... какъ сказать? — птичка-невеличка эдакая: летаетъ далеко, а въ рукѣ остается; пожмешь горлышко—трахнетъ, нашумитъ, и Боже мой! А только все и дѣло, что дымъ пуститъ... Удобная! Одинъ знакомый человѣкъ полюбоваться далъ. Да! Ну, идетъ себѣ мимо стога, дѣло-то къ вечеру, и что-то задержался, да на бѣду только: какъ изъ стога-то красный пѣтухъ вылетитъ! Забѣсился, застрекоталъ!

— Брось, Иванъ, право слово, брось!—ерзая на мѣстѣ, хрипѣлъ Ѳедоръ.

— Да! Мужичокъ шарахнулся въ сторону, къ лѣсу поближе. Идетъ это онъ мимо другого стога, а глядь—эка оказія!—и тамъ языки гуляютъ. Онъ и отъ него посторонился—близко-то неудобно, очень пахнетъ непріятно, не ровенъ часъ, угоришь.

— Слышь, песья башка! Образумсь!—прервалъ старикъ.

— Вотъ оно какъ! Что видалъ—говорю! Правильно. Жду въ свидѣтели вызовутъ... А мужичокъ лѣскомъ пошелъ и очень тосковалъ даже! Можетъ статься, объ какой персіянкѣ соскучился! Ха-ха-ха!

Лицо Ивана пылало. Онъ говорилъ, захлебываясь, какъ будто боялся, что не скажетъ всего. Красивый голосъ его то игралъ

звучными переливами, то метался въ горлѣ шопотомъ и хрипомъ то вдругъ побѣдно звенѣлъ въ залихватскомъ хохотѣ. Весла летали надъ водой почти сухія, и случайно окунаясь, вырывались изъ воды съ цѣлымъ каскадомъ брызгъ.

Ѳедоръ едва сдерживалъ порывъ гнѣва.

— Греби, греби болтунъ! Что ты пляшешь на мѣстѣ!—зашамкали его губы.

Удалымъ взмахомъ Иванъ припустилъ лодку и усмѣхнулся.

— Испугался?! Пугливъ сталъ не въ мѣру, Ѳедоръ Митричъ, батюшка! А ты небойсь! Веслами мотать скучно, вотъ я и позабавилъ васъ... И еще одну исторію разскажу... и не то, чтобы сказка какая, а какъ дѣло было вправду, какъ покончилъ жисть свою одинъ доносчикъ распрекрасный... — Иванъ захохоталъ. — Игонька! Слышь! Исторія какая! Очень даже тебѣ интересно покажется!

Ѳедоръ бросилъ весло и обернулся къ Ивану.

— Слушай, Жукъ, не доводи дѣло до бѣды. Попомнишь мои слова, да поздно будетъ. Брось рѣчи непутевыя! Чѣмъ грозилъ тебѣ ранѣе, то и теперь скажу! Побойся Бога!

Иванъ дерзко, въ упоръ, посмотрѣлъ на старика.

— А развѣ и вправду плюнуть? А? Какъ ты, Игнатій, думаешь! Не ровенъ часъ бѣда можетъ приключиться? Игонька? А? Ха-ха-ха! А ты Ѳедоръ Митричъ, напрасно вотъ только грозишь-то! Не будь мнѣ ни кола, ни двора! про то знай, какъ ранѣ говорилъ, такъ и теперь скажу. И про Бога поминаешь попусту! Исторія эта самая, ну что-жъ? Наказали вреднаго человѣка,—по дѣломъ ему! Сядь... Буде съ меня, натѣшился я... Эхъ! А здорово ты испугался! А? Вѣрно? А?

Ѳедоръ сидѣлъ серьезный, довольный тѣмъ, что его послушали. И на рѣчи пустыя онъ могъ теперь снова отвѣчать свысока и соблюдать себя снова могъ. Онъ помолчалъ и, спокойно гребя въ разъ съ ровными взмахами Ивана, откашлявшись, проговорилъ:

— Вотъ ты говоришь «по дѣломъ», а въ писаніи сказано: все прощать надо! все! Обида, — прощай! Злое дѣло,—прощай! Вотъ какъ жить надо...

— Да! Вотъ какъ! Господи помилуй! А мы-то грѣшные!—донесся съ кормы полусонный голосъ Осипа. Онъ зѣвнулъ, перекрестилъ себѣ ротъ и широкое волосатое лицо его, въ рисункѣ котораго преобладалъ тупой уголъ, стало еще какъ-то безсмысленнѣе, точно съ зѣвкомъ исчезло то послѣднее, что дѣлало хоть нѣкоторый порядокъ въ этомъ небогатомъ хозяйствѣ.

— Ого-го-го!—не стерпѣлось Ивану.—Дѣло это опасное, тестюшка: очень ужъ тебѣ бока-то подожмутъ. Да и не видалъ я

ничего похожаго на то, правду сказать. Взять, положимъ ну хоть тебя же...

— Про это оставь...—Өедоръ слегка нахмурился было, но сейчасъ же взялъ прежній проповѣдничкскій тонъ.—Грѣшенъ, грѣшенъ, скажу Богу...

— Грѣшны, всѣ грѣшны...—слышался покорный отголосокъ съ руля.

— А копейку люблю,—вставилъ Иванъ.

— А соблюдать себя стараюсь по силамъ своимъ... Всякую тварь любить надо... Кому зла пожелаю? Никому...—мечтательно продолжалъ теперь уже невозмутимый Өедоръ.

Злобный и взволнованный раньше, Игоня теперь присмирѣлъ и задумался. Спокойный голосъ и странныя слова отца мало-помалу снова порабощали знакомымъ очарованіемъ.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ...—вдохновлялся вниманіемъ слушателей Өедоръ.—Ты говоришь: опасное дѣло,—прощать да прощать, а я тебѣ скажу: спасеніе наше въ этомъ. Чѣмъ меньше ты, тѣмъ ближе ты къ Богу.

— Слова эти непонятныя, Өедоръ Митричъ. На дѣлѣ съ ними не обернешься. И у тебя слова и у другихъ... Да что тутъ говорить!..—Иванъ безнадежно мотнулъ головой и угрюмо отвернулся.

— Думаемъ мы о земномъ, и мысли наши грѣховныя...

— Вѣрно! Грѣховныя!—вторилъ Осипъ.

— А премудрость Божья велика. Уму непостижима. Мы все про свое, про людское...

Рѣчь Өедора вдругъ рѣзко оборвалась. Онъ поднялъ весло надъ водой и загородивъ лицо отъ солнца сталъ смотрѣть впередъ внимательно, не двигаясь. Всѣ обернулись туда же.

— Глянь-ка, Игонька, у тебя глаза-то молодые,—это не владимірскіе ли ѣдутъ?—повелительно прозвучалъ голосъ старика; густыя свисшіяся надъ глазами сѣдыя брови его гнѣвно задвигались, маленькіе глазки заметали искры, и вся небольшая крѣпкая фигурка вдругъ сдѣлалась юркой и точно помолодѣла.

Игоня приподнялся.

— Они! Ей-Богу, они,—не то испуганно, не то радостно крикнулъ онъ.

— Ахъ, ты оказія какая! Вотъ собакины дѣти!—заохалъ Өедоръ, тормошась на скамьѣ.— Какого лѣшаго ты, Осипъ, брехалъ, что они нонѣ въ Спасское плывутъ! Греби, робя, къ берегу!

Осипъ завозился на кормѣ и сонное выраженіе сразу сползло съ его лица.

— Вона! Эхъ ты, они и взаправду... Ну да поспѣемъ впередъ ихъ. Глядь-кось и Павлинъ съ ними-же! Чтобъ ему въ останошный!

— Въ останошный!—передразнилъ Өедоръ.—Ты бы не мо-

долъ, чего не знаешь. Въ Спасское, въ Спасское! Вотъ тебѣ и Спасское. Долго ли было за Аѳоней сбѣгать; живо бы хорошавку на евоный дощаникъ нагрузили!

— А потому сказывалъ: бѣгу восѣйка на пристань, а купеческій отчаливаетъ. «Осипъ!» слышу «Осипъ!», гляжу, а это Павлинъ съ «Реалиста» кличетъ. Въ пятницу, говоритъ, въ Спасскомъ привозу будетъ мало; скажи Митричу: туда ѣхать, и мы, значитъ, тамъ выгрузимъ.

— Во... Эхъ, глупая голова, повѣрилъ! Толкомъ бы все сказалъ. А то: не будутъ въ Лизаветиномъ, да не будутъ. Грѣха съ вами, чертями, не оберешься. Куда держишь? Держи на косу! Слазій, Игонька. Бѣги черезъ косу... Да проворнѣй...

Дощаникъ подъѣхалъ къ мели около лѣса, покрывавшаго косу между устьемъ притока и лукой его, за которой лежало Елизаветино. Объѣзжать ее противъ воды было долго, а перейти напрямикъ всего версты полторы.

— Ну спрыгивай!

Весло Игони давно уже доставало дно. Онъ надвинулъ на затылокъ худую шапчонку и засучилъ штаны выше колѣнъ.

— Бѣги проворнѣй!—командовалъ въ торопяхъ Ѳедоръ.— Увидишь на берегу Михайлу Бавушина—крикни: де Ѳедоръ Митричъ въ одинъ часъ будетъ. Да скажи, цѣну сговоренную помнить, а костянки что ни есть лучшія! Ну, валяй!

Игоня шагнулъ на мель и нога его, дрогнувъ отъ холода, по щиколотку ушла въ мягкій песокъ. Отбрасывая захватившую его по колѣна воду и грузно плеща ею, онъ шагалъ съ большимъ усиліемъ, точно подымая пуды съ каждой ногой.

— Эй, не потони!—раздался сзади звучный насмѣшливый голосъ Ивана.—Старики сказываютъ, тутъ при дѣдахъ при ихнихъ знатно глыбко было! Держись за песокъ-отъ обѣими руками!

Игоня обернулся и показалъ кулакъ.

— Зачѣмъ кулакъ казать! Не гоже, парень! Да издалека больно: зарядъ-то въ немъ холостой выходитъ!

Игоня дошелъ до берега и поискалъ глазами, нѣтъ ли гдѣ камешка, лупнуть въ насмѣшника. Но кругомъ былъ чистый и ровный песокъ и до самаго ветляка однообразіе его гладкой поверхности не нарушалось ни одною чертой, ни однимъ постороннимъ предметомъ. Только извилистыя мягкія грани, украшенныя узоромъ поперечныхъ выбоинокъ,—тонкая работа сходившей за лѣто воды,—чуть прорѣзывали невозмутимую песчанную гладь; и чѣмъ дальше отъ берега шли эти грани, тѣмъ полоса за ними становилась выше и переходила, наконецъ, въ небольшіе уступы.

Игоня быстро пробѣжалъ по песку, увязая въ немъ и встряхивая на бѣгу ногами. У ветляка онъ набралъ пригоршню песку и вытеревъ, имъ воду съ ногъ, пошелъ черезъ ветлякъ.

Только что пережитое волненіе отъ стычки съ Иваномъ оставило злобу въ душѣ Игони. Онъ понялъ, что отецъ знаетъ о стогахъ, но что нужно молчать и молчать. Но простить Ивану его издѣвательства онъ не могъ и, пробираясь черезъ кусты, онъ придумывалъ, какъ бы получше отомстить ему.

Ветлякъ на большое розстояніе шелъ такой густой зарослью, что, раздирая его, Игоня проходилъ подъ навѣсомъ высокихъ вытянувшихся въ струнку красноватыхъ прутьевъ, разубранныхъ, серебряными, матовыми листочками, такими тонкими, такими ровными, что каждый изъ нихъ словно боялся скрыть свои чистыя очертанія и сидѣлъ на вѣткѣ на достаточномъ разстояніи отъ другого. Впереди и съ боковъ безконечная чаща прямыхъ, упругихъ прутьевъ, наверху небо, голубое и блѣдное, все изрѣзанное подвижнымъ узоромъ вѣтвей и листьевъ. Это было какое-то отдѣльное маленькое царство, полное однообразной, простой, но своей красоты.

Наконецъ этотъ путь пройденъ и Игоня, взбѣжавъ на заросшій повиликой пригорокъ, сразу очутился въ тѣни осокореваго лѣса.

Косые лучи, посылавшіеся изъ-за Волги, глубоко врѣзывались между деревьевъ, отбрасывали на кусты длинные ломающіяся тѣни отъ могучихъ стволовъ и, мелко просѣявшись сквозь листву первыхъ деревьевъ, бѣжали свѣтлыми брызгами на темной зелени другихъ, въ глубинѣ.

Игоня вошелъ подъ осокори и остановился, оглядѣвъ хозяйскимъ взоромъ вокругъ себя.

Все кругомъ было на мѣстѣ.

Непоколебимо стояли вѣковые осокори, едва шумя неприхотливыми листьями, выставляя на показъ оголенныя колѣни своихъ громадныхъ корней. Нескошенной стояла и стѣна травы начинающихся здѣсь поемныхъ луговъ. На мѣстѣ былъ и отживающій свой вѣкъ дуплистый осокорь, зіяя пропастью ствола въ два добрыхъ обхвата; попрежнему лежалъ около него давно, давно побѣжденный въ схваткѣ съ бѣшеной водой засохшій собратъ съ жадно перекинувшимися черезъ него стяблими ежевичника. Игоня посмотрѣлъ вверхъ и, изогнувъ губы, разрѣзалъ воздухъ рѣзкимъ удодовымъ крикомъ. Въ лѣсу пѣли птицы и онъ не могъ не отвѣтить имъ. А Жукъ все не шелъ изъ головы.

«Бахвалится!» рѣшилъ Игоня, вспоминая угрозы Ивана управляющему.

Идти становилось труднѣе. Чаща ежевичника сплеталась съ высокой, выше головы, травой заливного луга, съ мелкими кустами и густою сѣтью разстилась надъ землей.

Игоня совалъ руки въ свѣжія и влажныя отъ росы вѣтви,

тѣ раскрывались сверху, а внизу, крѣпко сплетенныя, связанныя, стояли непроницаемой чащей.

Увязавшія ноги рвали стебли, опутывались ими, окрашивались сокомъ ежевики, смятой скользившими по ногамъ колючими стеблями; мимоходомъ Игоня срывалъ ее и набивалъ себѣ ротъ налившимися, посинѣвшими своей спѣлой пылью ягодами.

«Тимоѳеичъ!» съ нѣкоторой завистью вспомнилъ онъ и усмѣхнулся И представилось ему, какъ Иванъ вправду набралъ себѣ разбойничковъ и ходитъ съ ними на стругахъ внизъ по Волгѣ, и рубитъ все, что попадается. Боятся ихъ всѣ: пароходы сторонятся, бережками проходятъ да посвистываютъ другъ дружкѣ: опасайтесь-де, самъ Иванъ Жукъ на своихъ ладьяхъ катитъ. Прельщала его картина лихого невозбраннаго разбоя, но помириться съ такой удачей Ивана все-таки какъ-то трудно было; «поймаютъ и очень просто,—рѣшалъ онъ,—наставятъ пушки, вотъ тебѣ и ладьи!..» Но образъ былъ слишкомъ увлекателенъ, чтобы такъ скоро отказаться отъ него, и вскорѣ у Игони выходило, что и изъ пушекъ стрѣляли, и гнались за ладьями, а Иванъ все-таки ушелъ и катитъ себѣ съ товарищами. «А ежели у него и настоящая персіанка будетъ? Что же тогда? Какъ же сестра? Неужели ему и эдакое дѣло простить?»

«И тогда простить!» гордо, полуобиженно рѣшалъ Игоня, припоминая разсужденія отца.

И чуднымъ это показалось ему и хорошимъ какъ будто.

Прощаютъ злодѣя, а онъ стоитъ, глаза растаращилъ, онѣмѣлъ, двинуться не можетъ... и потомъ къ нему, къ Игонѣ, бухъ въ ноги! А, онъ, Игоня самъ стоитъ смирно себѣ и лицо у него кроткое, кроткое и сіяніе отъ лица идетъ..

И Игоня, прислонясь къ стволу, дѣйствительно смотрѣлъ куда-то впередъ мягкимъ взоромъ и въ сердце его пробиралось что-то таинственное и жалостное...

Но вдругъ кроткіе глаза сдѣлались пытливыми и забѣгали, никуда не глядя, какъ будто только помогая уху вслушаться...

Непривычный для лѣса отдаленный звукъ, нѣсколько разъ чудившійся ему и раньше, и теперь повторился яснѣе и ближе. Вотъ опять... опять... Онъ шагнулъ впередъ, насторожился и сразу сталъ похожъ на собаку, выдерживающую стойку.

Откуда неслись звуки—опредѣлить было нельзя. Разодравъ мѣшавшіе кусты, съ корнемъ вырвавъ два упорныхъ, молоденькихъ гибкихъ ростка и однимъ взмахомъ собравъ листья съ цѣлой вѣтви волчьихъ ягодъ, Игоня метнулся впередъ. Остановился... нѣтъ, звукъ глуше. Онъ побѣжалъ въ сторону орѣшника, снова сталъ... и замеръ: ясно слышалось какое-то хлопанье и не то стоны, не то грозное ворчанье. Съ горящими широко раскры-

тыми глазами, съ наморщенымъ лбомъ, кинулся онъ по направленію звуковъ. Обогнувъ орѣшникъ, онъ живо добрался до мѣста, гдѣ на первомъ покосѣ выѣзжали возы и промяли подобіе дороги. Здѣсь, осторожно шагая и вслушиваясь, онъ прошелъ къ полянѣ, обычной стоянкѣ косцовъ. Видимо звукъ шелъ оттуда и онъ уже ясно различалъ, что хлопали крылья, и вѣрно большія, что кричала птица, и вѣрно давно,—обезсиленная какой-то борьбой.

Раздвинувъ послѣдніе кусты, онъ просунулъ голову между ними и остановился, захваченный зрѣлищемъ.

Такъ хорошо, съ дѣтства, знакомая ему сѣть, замотанная когда-то вешней водой вокругъ корней осокоря, старая, наполовину покрытая мохомъ, уже сгнившая, принесла теперь неожиданную, богатую добычу: большой степной орелъ, вѣрно кѣмъ-то подстрѣленный и упавшій сюда, запутался въ ней безсильными ногами. Онъ метался, рвалъ ее клювомъ, вздымалъ свои огромныя крылья, хлопалъ ими объ корни, кричалъ, хрипѣлъ, крутилъ головой и снова бился, и снова кричалъ. Еще тише, еще осторожнѣе сталъ приближаться Игоня по кустамъ окаймлявшимъ поляну и, не выходя изъ нихъ, обошелъ ее и остановился позади осокоря.

Орелъ не видалъ его: въ отчаянныхъ метаньяхъ, въ предсмертной борьбѣ, онъ, видимо, не ждалъ уже ни новыхъ мукъ, ни живого существа—врага или друга, онъ только хрипѣлъ отъ боли и грызъ оковы въ инстиктивномъ порывѣ къ свободѣ.

Глаза Игони стали дикими, наполнились кровью, и онъ, не спуская ихъ съ близкой добычи, сталъ разматывать на себѣ поясокъ съ молитвой, привезенный отцомъ изъ какого-то монастыря. Размотавъ его, сдѣлалъ арканъ, взялъ его въ обѣ руки, вытянулъ и, напряженно нагнувшись, не шевелясь, выжидалъ момента.

Вотъ крылья орла упали; онъ закрутилъ головой, стараясь разорвать сѣть, потомъ поднялъ ее и, вытянувъ шею, завылъ.

Этого и ждалъ Игоня. Ловче самаго хитраго кровожаднаго хищника, прыгнулъ онъ впередъ и закинувъ поясокъ на голову птицы, отпрянулъ. Та вдругъ встрепенулась, поднялась на ногахъ взмахнула крыльями, рванула сѣть и забилась, оглашая лѣсъ дикими криками. Игоня тянулъ поясокъ. Онъ стоялъ подъ ударами крыльевъ бившихъ его лицо, его плечи. Красныя полосы шли по щекамъ, ротъ искривился и руки его отекали отъ напряженія. Орелъ заметался безпомощно, голова его точно потяжелѣвшая клонилась надъ затянутой шеей. Отведя ногой хлеставшее его крыло, Игоня забѣжалъ сзади и наступивъ колѣнами на спину орла, сталъ заматывать поясокъ вокругъ шеи птицы. Онъ пригнулъ ея голову къ толстому корню и затянулъ петлю. Орелъ

пошевелилъ распущенными крыльями, въ горлѣ его что-то хрустнуло, заскрипѣло... и больше онъ не двинулся. Дрожа отъ волненія, Игоня завязалъ поясъ на шеѣ своей добычи и, вставъ во весь ростъ на спину ей, со всѣхъ силъ топнулъ ногой.

Дѣло было кончено.

Размотавъ сѣть съ огромныхъ лапъ, на одной изъ которыхъ чернѣли куски запекшейся крови, Игоня схватилъ конецъ пояска и поволокъ побѣжденнаго царя.

— Ага! А ну-ка, Жукъ! Полюбуйся! Ишь, смѣялся надо мной!—кружилось у него въ головѣ.

Времени было потеряно много, Игоня опоздалъ съ порученьемъ отца, но все это его теперь нисколько не занимало, отойдя куда-то на заднiй планъ. Нужно и важно было одно, чтобы Жукъ посмотрѣлъ на него съ этой добычей въ рукахъ.

Обливаясь потомъ, тащилъ онъ черезъ траву тяжелую птицу. На полузаросшей дорогѣ, куда онъ выбрался, идти было легче и онъ почти бѣгомъ кинулся по ней. Орлиныя крылья цѣплялись за невысокую траву, мѣшали ему, но онъ бѣжалъ. Тѣло орла тяжело волочилось за нимъ и перья, раздвинутыя на крыльяхъ въ минуты послѣдней борьбы, ломались о землю и о сучки корней.

Мысли объ Иванѣ также не покидали Игоню. Но теперь онѣ были уже далеко не враждебныя и какъ-то сливались въ одно съ тѣмъ чувствомъ торжества и сознанiемъ своего молодечества, которое наполняло все существо Игони.

Вдали сквозь деревья мелькнула рѣка. Вотъ и берегъ.

Слышно было, что гдѣ-то недалеко плывутъ.

Игоня торопливо положилъ орла на песокъ, обошелъ его, растянулъ ему крылья и взялъ его руками, просунувъ пальцы между перьями. Замирая отъ ожиданiя того момента, когда его замѣтятъ, онъ поднялъ распластанную птицу надъ головой.

Звукъ веселъ ближе...

Игоня стоялъ противъ просѣки, и солнце, пробравшись сквозь лѣсъ, обнимало его лучами, раскрашивало свѣжими яркими красками его розовую рубаху, золотило его волосы, ровной полоской лежавшiе надъ шеей, и слѣпило глаза. Игоня покосился въ сторону солнца и радостно, привѣтливо засмѣялся: ему вспомнился тотъ моментъ, когда онъ такъ жадно ждалъ его восхода...

Щурясь, онъ нетерпѣливо вглядывался въ поворотъ берега и ему казалось, что и берегъ и рѣка и небо дрожатъ однимъ чувствомъ его побѣды, его удали, и что недостаетъ одного только: Ивана.

Но слышны уже голоса... Иванъ сейчасъ увидитъ его.

Анна Лучинская.

Земскіе соборы и современные ихъ аппологеты.

I.

«Это было лѣтомъ 1881 года. Я—разсказываетъ кн. Мещерскій въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ дневниковъ—поѣхалъ вечеромъ навѣстить министра внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева. Онъ жилъ на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Какъ всегда, засталъ въ гостиной любезной хозяйки нѣсколько гостей. Послѣ чая графъ Игнатьевъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ садъ. Тутъ онъ мнѣ сообщилъ нѣчто совсѣмъ неожиданное. Это неожиданное было имъ высказанное мнѣ желаніе, чтобы я въ слѣдующемъ № «Гражданина» помѣстилъ статью о земскомъ соборѣ. Я совсѣмъ опѣшилъ. О соборѣ?—повторилъ я.—«Да, да, о земскомъ соборѣ, который, вѣроятно, состоится если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году».—Но, вѣдь, намъ нельзя писать ни о какомъ соборѣ?—«Я знаю, но если я вамъ говорю, это значитъ, что писать можно».—Но вы отъ кого же это говорите: отъ себя или отъ кого-нибудь выше васъ?—«Я имѣю уполномочіе свыше вамъ высказывать это желаніе»,—отвѣтилъ графъ.—Но о какомъ же соборѣ идетъ рѣчь?—«О земскомъ соборѣ, вообще»...—Я понимаю: но какія же будутъ условія его обстановки, какія причины къ его созыву, о чемъ будетъ на соборѣ рѣчь?—«Пока детали еще не опредѣлены, я только желалъ бы, чтобы вы пустили мысль о соборѣ, не входя ни въ какія подробности»...

Кн. Мещерскій, въ высокой степени добросовѣстный къ своимъ случайнымъ заказчикамъ, пока они живы и находятся у власти, въ точности выполнилъ данное ему порученіе. Что же касается самого заказчика, гр. Игнатьева, то, по мѣрѣ того, какъ детали земскаго собора постепенно опредѣлялись въ его сознаніи, онъ, въ короткій, годичный, срокъ своего управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, успѣлъ провести цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, которые, въ нашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ какъ будто совпадаютъ съ его первоначальнымъ замысломъ. Такъ, заказавъ статью о земскомъ соборѣ кн. Мещерскому, онъ въ то же время другому своему сотруднику, В. К. Плеве, заказываетъ проектъ «положенія объ усиленной и чрез-

вычайной охранѣ», каковое и вводится въ жизнь мѣсяцъ или полтора спустя послѣ появленія заказанной статьи въ «Гражданинѣ». Лѣтомъ же этого года, среди своихъ размышленій о земскомъ соборѣ, гр. Игнатьевъ пріостанавливаетъ начатый при гр. Лорисъ-Меликовѣ пересмотръ законовъ о печати, воздвигаетъ затѣмъ гоненіе противъ существовавшихъ тогда органовъ періодической прессы («Голоса», «Новой Газеты», «Русскаго Курьера»), создаетъ ограничительный законъ («временныя правила») о евреяхъ и т. д., и т. д.

Съ той поры прошло четверть вѣка. Инииіаторъ несостоявшагося земскаго собора и дѣйствующаго и понынѣ «положенія о чрезвычайной охранѣ» давно въ могилѣ... А мысль о земскомъ соборѣ вспыхнула вновь и съ новой силой. Правда, на этотъ разъ провозгласилъ ее не кн. Мещерскій. Напротивъ, имѣя на этотъ разъ, очевидно, другого заказчика, онъ даже ополчается на земскій соборъ. На этотъ разъ онъ негодуетъ противъ тѣхъ, кто «мутитъ Россію такими авантюрами внутренней политики, какъ соборъ. И я не боюсь,—надрывается онъ, удовлетворяя новаго заказчика—не боюсь, именемъ Бога и именемъ моего народа, исповѣдывать: нѣтъ ему (?) не нуженъ соборъ» *)...

При всемъ безстрашіи, какое проявляетъ теперь кн. Мещерскій, мы лично въ большой тревогѣ за него. Мы боимся, какъ бы ему не пришлось измѣнить его нынѣшнее убѣжденіе о земскомъ соборѣ съ такой поспѣшностью, какая, въ его почтенномъ возрастѣ, можетъ оказаться если не гибельной, то во всякомъ случаѣ опасной для него. Страхъ нашъ за кн. Мещерскаго вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что провозгласителемъ идеи земскаго собора въ наши дни явилось лицо, никакъ ужъ не менѣе, если только не болѣе чѣмъ онъ, чуткое къ измѣнчивымъ настроеніямъ и вкусамъ авторитетныхъ заказчиковъ. Мы имѣемъ въ виду, конечно, маститаго президента «нововременскаго парламета», А. С. Суворина, который изо дня въ день просвѣщаетъ свою аудиторію не только по части основныхъ принциповъ, но и по части нѣкоторыхъ даже мельчайшихъ деталей будущаго земскаго собора.

«Я искренно—увѣряетъ онъ—хочу реформъ, хочу земскаго собора, не кричащаго и помпезнаго, съ колоколами Ивана Великаго, въ Грановитой палатѣ, украшенной кавалергардами, со всею этою мишурою для воздѣйствія на толпу, а дѣлового, скромнаго и работающаго и непремѣнно въ Петербургѣ, гдѣ засѣдаетъ правительство. Я не могу не вѣрить искренности начатыхъ теперь реформъ. Не могу считать ихъ слишкомъ поспѣшными, какъ думаютъ нѣкоторые органы печати. Есть вещи, которыя необходимо сдѣлать быстро, какъ дѣлается хлѣбъ, безъ котораго жить нельзя. Хлѣбъ насущный и соборъ,—хлѣбъ насущный для всей Россіи».

И не одинъ А. С. Суворинъ заговорилъ нынче на эту тему. О зем-

---

*) „Гражданинъ" № 10, 3-го февраля.

скомъ соборѣ говорятъ и пишутъ, волнуются и спорятъ всѣ, кто такъ или иначе захваченъ широкимъ потокомъ освободительнаго движенія. Говорятъ о немъ и въ знаменитомъ разсадникѣ студенческихъ «денницъ»—въ «Русскомъ Собраніи», причемъ говорятъ въ условіяхъ почти спиритическаго сеанса, при абсолютной темнотѣ и какомъ-то загадочномъ шумѣ, во время котораго происходятъ не совсѣмъ пока выясненные полеты не то колокольчика отъ предсѣдателя, не то, наоборотъ, предсѣдателя отъ колокольчика. Говорятъ о земскомъ соборѣ и въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ, пишутъ о немъ въ русскихъ и въ иностранныхъ газетахъ. Наконецъ, въ печать то и дѣло проникаютъ слухи, «изъ авторитетнѣйшихъ», конечно, источниковъ, о предположенномъ будто бы въ ближайшее же время созывѣ земскаго собора изъ представителей неизбѣжныхъ вѣдомствъ, а также земскихъ, городскихъ и дворянскихъ учрежденій, хотя на самомъ дѣлѣ Высочайшій рескриптъ 18-го февраля на имя министра внутреннихъ дѣлъ не даетъ никакихъ указаній на характеръ и формы предстоящей «совмѣстной работы правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ».

Повинуясь общему настроенію, оглянемся назадъ и мы. Присмотримся ближе къ учрежденію, которое, будучи извлечено изъ потемокъ нашей исторической старины, въ одинаковой мѣрѣ прельщаетъ и гр. Игнатьева съ кн. Мещерскимъ, и А. С. Суворина съ нѣкоторыми представителями современной намъ бюрократіи, и славянофиловъ и койкого изъ либераловъ, а также и многихъ иныхъ прочихъ, которыхъ мы назвать здѣсь не можемъ, затрудняясь сопричислить ихъ къ какой бы то ни было опредѣленной школѣ, къ какому бы то ни было опредѣленному міросозерцанію.

II

Земскіе соборы въ Московской Руси, подобно первымъ сословно-представительнымъ учрежденіямъ на Западѣ, возникаютъ вмѣстѣ съ объединеніемъ государства *). Усиленіе царской власти за счетъ самостоятельности удѣльныхъ князей въ то время, когда центральная правительственная организація находилась еще въ первоначальной

*) Чтобы избѣжать частыхъ ссылокъ на источники, отмѣтимъ здѣсь, что для этой главы, представляющей простую историческую справку, мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

Проф. *И. Д. Бѣляевъ*: „Земскіе соборы на Руси", 2-е изд., М. 1902 г.; *С. Ѳ. Платоновъ*: „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ" („Журн. М-ва Народн. Просвѣщ." 1883 г., кн. 3); *онъ-же:* „Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ" („Журналъ для всѣхъ" 1905 г., № 2); *В. О. Ключевскій*: статьи въ январьскихъ книжкахъ „Русской Мысли" за 1890, 1891 и 1892 гг.; *онъ-же:* „Боярская дума древней Руси». М. 1892 г. Изд. 3-ье; *В. Латкинъ:* «Земскіе соборы древней Руси". Спб. 1885 г.; *В. Алексѣевъ:* „Земскіе соборы древней Руси", Рост.-на- Дону. 1904 г.; *П. Милюковъ*: „Очерки по исторіи русск. культуры", ч. III-я, 2-е изд., Спб., 1903 г.; *В. Мякотинъ*: „Земскіе соборы" (статья въ „Энцикл. Словарѣ" Брокгауза и Эфрона) и др.

стадіи образовательнаго процесса, естественно порождало мысль о необходимости привлеченія къ управленію самой «земли». Есть указанія, что еще при Иванѣ III, въ 1471 году, передъ походомъ на Новгородъ былъ созванъ земскій соборъ, въ составъ котораго входили священный соборъ, дума и, наконецъ, «воевода и вся воя». «И мысливше о томъ не мало», соборъ положилъ «упованіе на Господа Бога» и рѣшилъ походъ. Но собственно исторію земскихъ соборовъ ведутъ обыкновенно съ Ивана IV-го, при которомъ царская власть, достигнувъ наивысшаго своего напряженія, должна была особенно считаться съ внутреннимъ неустройствомъ разросшагося государства. Построенное на принципѣ «кормленія», управленіе страной вызывало со стороны населенія постоянный ропотъ и протесты, которые нерѣдко оканчивались самочинными расправами надъ намѣстниками-кормленщиками. А между тѣмъ правительство тѣмъ болѣе нуждалось въ успокоеніи внутреннихъ смутъ и раздоровъ, что оно жило подъ постоянными угрозами со стороны внѣшнихъ враговъ.

Средства, какими единственно возможно было отвѣчать на ту «докуку великую», которой раздраженная произволомъ и поборами «земля» постоянно донимала центральное правительство, подсказывались какъ самымъ положеніемъ вещей, такъ и непосредственно голосомъ населенія. Мы знаемъ, что князь Курбскій, въ своемъ письмѣ къ царю, страстно упрекалъ Грознаго въ его непомѣрномъ самовластіи и нежеланіи считаться съ мнѣніями добрыхъ людей и народа. «Царь,—писалъ этотъ представитель политической оппозиціи XVI вѣка,—долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ». Въ формѣ еще болѣе категорической проводилъ ту же мысль и неизвѣстный авторъ такъ называемой «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ». Царь долженъ, настаивалъ онъ, «съ радостью, безъ высокоумной гордости, съ христоподобной смиренной мудростью воздвигнуть отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ городовъ тѣхъ и безпрестанно держать при себѣ погодно ото всѣхъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ разспросить царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи всего міра и про всякое дѣло міра сего». Только при такихъ условіяхъ «царю всегда будетъ вѣдомо про всѣ дѣла его самодержавства», и онъ сможетъ скрѣпить всѣ власти, и воеводъ, и приказныхъ людей, отъ всякой неправды.

Надо думать, что эти отдѣльные голоса вполнѣ точно формулировали общественное настроеніе своего времени. Не даромъ же Грозный, такъ горячо защищавшій недавнія прерогативы самодержавной власти, доказывавшій Курбскому, что царства гибли тамъ, гдѣ властители слушались своихъ подданныхъ,—не даромъ же этотъ самодержавный монархъ считается историками основателемъ земскихъ соборовъ.

Правда, соборы XVI вѣка не являлись собраніемъ настоящихъ народныхъ представителей, они не выражали собою даже мнѣнія всей земли, какъ этого желалъ бы авторъ только что цитированной нами

«Бесѣды». Но, во всякомъ случаѣ, они представляли демократическій элементъ въ составѣ верховной власти, какъ дума—аристократическій. Озабоченная устройствомъ судьбы своихъ ратныхъ слугъ—помѣстнаго дворянства, государственная власть ихъ-то именно и привлекала къ участію въ земскомъ соборѣ для того, чтобы выслушать мнѣнія о нуждахъ ихъ самихъ и подвѣдомственнаго, управляемаго ими населенія, и затѣмъ ими же воспользоваться для осуществленія на мѣстахъ постановляемыхъ ею, государственной властью, рѣшеній. Исполняя функціи не столько политическія, сколько административныя, соборы XVI столѣтія были, говоря словами проф. Ключевскаго, органомъ интересовъ населенія, но не его воли, а члены собора представляли собою общество постольку, поскольку они управляли имъ.

Обыкновенно исторію земскихъ соборовъ XVI-го вѣка начинаютъ съ 1550 года, хотя объ этомъ «первомъ» соборѣ исторія сохранила крайне скудныя воспоминанія. Въ этомъ году именно Иванъ Грозный, собравъ въ Москву «свое государство изъ городовъ всякаго чину», обратился къ народу на Лобномъ мѣстѣ съ рѣчью. Разсказавъ о своемъ дѣтствѣ, о своеволіи бояръ, о непорядкахъ, господствующихъ въ русской землѣ, онъ просилъ народъ забыть злоупотребленія волостелей и намѣстниковъ и обѣщалъ серьезно заняться устройствомъ земли. Отвѣчалъ ли народъ царю и что именно, неизвѣстно, но можно думать, что не безъ вліянія этого собора осуществлены были послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ существенныя для того времени реформы. Кормленіе было упразднено и замѣнено земскимъ самоуправленіемъ: правительство нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мірамъ, обладавшимъ ранѣе только правомъ раскладки тягла, всѣ функціи мѣстнаго управленія—и полицію, и судъ, и финансы.

Второй земскій соборъ, созванный Иваномъ IV-мъ въ 1566 г., по случаю войны съ Польшей изъ-за Ливоніи, оставилъ болѣе цѣнные матеріалы для выясненія его состава и значенія. Соборъ состоялъ изъ слѣдующихъ основныхъ группъ: изъ духовенства (освященнаго собора), бояръ (государевой думы), представителей служилаго класса (дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ) и, наконецъ, представителей торгово-промышленнаго класса (гостей и купцовъ). Служилый классъ преобладалъ, имѣя изъ 376 участниковъ собора слишкомъ 200 своихъ представителей, тогда какъ торговые люди участвовали въ немъ лишь въ числѣ 75 человѣкъ Ни о какихъ выборахъ, а тѣмъ болѣе ни о какихъ наказахъ отъ населенія, нѣтъ указаній. Правительство призвало къ участію въ соборѣ собственныхъ своихъ агентовъ по военной (дворянство) и по финансовой (купечество) части, и притомъ, въ виду спѣшности дѣла, призвало лишь тѣхъ изъ нихъ, кого оно нашло въ данное время въ Москвѣ. Никакихъ приглашеній или вызововъ къ участію въ соборѣ внѣ Москвы не дѣлалось. И если тѣмъ не менѣе правительство считало голосъ этого собора голосомъ

«всея земли», то разсчетъ здѣсь былъ на то, что столичныя дворянство и купечество, пополняя ряды свои постояннымъ притокомъ новыхъ людей изъ уѣздовъ, находились какъ бы въ непрерывной связи съ провинціей. Участники собора раздѣлены были на множество мелкихъ группъ или статей, и каждая статья подавала свое мнѣніе отдѣльно. Поставленный собору вопросъ о продолженіи или прекращеніи ливонско-литовской войны былъ разрѣшенъ при этихъ условіяхъ въ самомъ благопріятномъ для правительства смыслѣ: соборъ утвердилъ царя въ мысли, что русская земля вполнѣ полагается на него и всѣми средствами готова поддерживать его планы, и что, слѣдовательно, всѣ прежніе толки оппозиціоннаго боярства (Курбскій) отнюдь не были выраженіемъ воли всей русской земли.

Земскій соборъ 1598 г., созванный патріархомъ и боярской думой для избранія на опустѣвшій по смерти Θеодора Іоанновича престолъ новаго государя, отличается отъ предыдущаго одной новой чертой: здѣсь помимо знакомыхъ уже намъ группъ—духовенства, боярства, столичныхъ дворянства и купечества—появляется новая группа участниковъ собора: представители уѣзднаго дворянства, «изъ городовъ выборъ», въ числѣ 34 человѣкъ. «Выборъ» обозначаетъ въ данномъ случаѣ избранныхъ провинціальнымъ дворянствомъ изъ своей среды должностныхъ лицъ, которыя и были призваны на соборъ на основаніи должностного ихъ положенія. Какъ бы тамъ ни было, но эти новые участники собора, свидѣтельствуя о начавшемся къ этому времени процессѣ дифференціаціи въ дворянствѣ, говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о возрастающемъ вліяніи этого сословія на политическую жизнь страны. Въ этомъ смыслѣ соборы даже XVI-го вѣка чутко отражали тѣ измѣненія, какія происходили въ общественныхъ отношеніяхъ московскаго государства. Дворянство, заполнявшее ряды ратныхъ и служилыхъ людей, все болѣе и болѣе выступало на поверхность соціальной и политической жизни, дѣлаясь исключительнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ: его надѣляли землями, ему облегчали тяжесть податного бремени, его призывали на частныя совѣщанія и соборы. Бояре, которыхъ Грозный истреблялъ «всеродно», къ концу вѣка утратили значительную долю своего прежняго значенія и престижа. Что же касается низшаго общественнаго слоя, то онъ—говоря словами П. Н. Милюкова—просто выходилъ изъ кругозора московскаго правительства. Оно занялось имъ лишь тогда, когда это понадобилось для того же «воинства».

Избравъ на царство Бориса Годунова, смѣнивъ династію, послѣдній соборъ XVI-го вѣка тѣмъ самымъ настолько поднялъ свое значеніе, что въ слѣдующемъ, XVII-мъ столѣтіи, для земскихъ соборовъ на Руси открывается поистинѣ «золотой вѣкъ». Земскій соборъ выростаетъ до размѣровъ органа народной воли, дающей санкцію самой верховной власти; о немъ, какъ говоритъ проф. Ключевскій, думаетъ

каждое новое правительство; каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка. Среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и этотъ образъ не похожъ на земскіе соборы прежняго времени.

Въ смутное время земскіе соборы созывались въ 1605, 1610, 1611, 1612 и 1613 гг. Мало извѣстный соборъ 1605 г., созванный для суда надъ Шуйскими, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ здѣсь потому лишь, что, по свидѣтельству иностранцевъ, это былъ первый соборъ, въ которомъ на ряду съ призванными участвовали и выборные представители земли. Избирательный соборъ 1610 г. предполагалось образовать по принципу выборнаго представительства, «всѣмъ за одинъ, всею землею, сослався со всѣми городы». Въ іюлѣ 1610 г. изъ Москвы посланы были призывныя грамоты съ приглашеніемъ «изо всѣхъ чиновъ избравъ по человѣку», прислать въ Москву для участія въ избраніи царя. Обстоятельства воспрепятствовали собраться предположенному собору новаго типа, и въ осажденной Москвѣ состоялся соборъ исключительно изъ бывшихъ въ то время въ столицѣ «людей всякаго чина». Это не помѣшало собору считать себя вполнѣ правомочнымъ не только для избранія на московскій престолъ королевича Владислава, но и для попытки ограничить его власть обязательнымъ участіемъ «всея земли», т. е. земскаго собора въ законодательствѣ.

Въ 1611 г. собраніе ратныхъ уполномоченныхъ, на этотъ разъ уже безъ патріарха и бояръ, запертыхъ въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона, объявило себя «совѣтомъ всея земли» и стало править государствомъ. Ополченіе, въ составъ котораго вошли представители 25 городовъ, образовало изъ себя земскій соборъ, издавшій даже соборное постановленіе о внутреннихъ распорядкахъ, а исполнительную власть передало своимъ вождямъ, сохранивъ за собой право судить, смѣщать и даже казнить ихъ, если они выйдутъ за предѣлы данныхъ имъ «всею землею» полномочій.

Соборъ второго, нижегородскаго, ополченія, собраннаго Мининымъ и Пожарскимъ въ 1612 г., составленъ былъ значительно полнѣе и пользовался признаніемъ не только русскихъ городовъ, шедшихъ за ополченіемъ, но и иностранныхъ правительствъ. Предводители ополченія, разсылая грамоты съ приглашеніемъ выступить на защиту отечества, выслать ополченцевъ и казну, предлагали вмѣстѣ съ тѣмъ городамъ и волостямъ прислать «для справки и для земскаго совѣта» въ Нижній-Новгородъ «дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изо всѣхъ чиновъ по человѣку». Города, повидимому, откликнулись на этотъ призывъ, и такимъ образомъ составился земскій соборъ, который управлялъ внутренними дѣлами и внѣшними сношеніями вплоть до взятія Москвы, причемъ въ Ярославлѣ личный составъ его былъ значительно обновленъ и дополненъ. Отъ

имени собора велись, между прочимъ, переговоры со шведами объ избраніи на русскій престолъ сына шведскаго короля Карла IX-го. Соборомъ же, «землею», разбиралось и дѣло о покушеніи на кн. Пожарскаго.

По взятіи Москвы этотъ соборъ былъ распущенъ и вмѣсто него грамотою отъ 15-го ноября созванъ новый. Грамотою приглашались «къ Москвѣ» всѣ власти духовныя, «и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государева избранія всѣ города прислали бы въ Москву, и чтобы власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государевомъ избраніи полные договоры».

Въ январѣ съѣхались выборные. Изъ четырехъ предложенныхъ кандидатовъ избраннымъ оказался Михаилъ Өедоровичъ Романовъ. Сохранился разсказъ, о томъ, что новому царю предложены были ограничительныя условія, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, значилось: «безъ собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самомалѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ». Былъ ли заключенъ на этой почвѣ формальный письменный договоръ, ограничивающій верховную власть, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, или нѣтъ, но соглашеніе въ этомъ смыслѣ между царемъ и соборомъ несомнѣнно состоялось. По крайней мѣрѣ въ первые годы новаго царствованія земскій соборъ изъ органа совѣщательнаго и случайнаго, созывавшагося лишь въ исключительныхъ случаяхъ и по опредѣленнымъ поводамъ, какъ это было до смуты, превращается въ учрежденіе постоянное, засѣдающее непрерывно, съ постояннымъ составомъ депутатовъ, смѣнявшихся по трехлѣтіямъ, съ широкимъ кругомъ дѣлъ не только законодательнаго и учредительнаго, но и чисто распорядительнаго характера. Онъ непосредственно, отъ своего имени, сносится съ областной администраціей. Обычная московская формула закона и указа: «государь указалъ, а бояре приговорили», смѣняется на время другою: «Мы, великій государь, учинили о томъ соборъ и приговорили» или: «по нашему великаго государя указу и по соборному приговору всей русской земли» и проч. Соборъ имѣлъ даже свою «земскую» печать. Ею, между прочимъ, запечатана была посланная въ 1613 г. непосредственно отъ собора грамота къ Сигизмунду съ предложеніемъ вывести польскія войска изъ русской земли.

Въ концѣ 1615 или въ началѣ 1616 г. выборные люди, составлявшіе земскій соборъ, избравшій Михаила Өедоровича, были распущены, и вслѣдъ за этимъ въ началѣ 1616 г. созванъ былъ соборъ новаго состава, принимавшій участіе въ дѣлахъ государства слѣдующее трехлѣтіе. Въ 1619 г. возвратился изъ польскаго плѣна отецъ государя Фи-

ларетъ. Принявъ санъ патріарха вмѣстѣ съ титуломъ «великаго государя», онъ сразу же овладѣлъ молодымъ царемъ. Многія дѣла онъ рѣшалъ единолично, даже безъ вѣдома царя, и когда въ 1622 г. окончилась третья сессія постояннаго очередного земскаго собора, Филаретъ не созвалъ новыхъ депутатовъ.

Даже польская война начата была въ 1632 г. безъ соборнаго приговора, и только неудачи ея и необходимость новыхъ дополнительныхъ расходовъ заставили Филарета въ 1633 г. вновь созвать земскій соборъ, который не былъ распущенъ затѣмъ во все продолженіе войны. Депутатовъ просили о новыхъ налогахъ именемъ Бога, но, очевидно, истощенная страна съ трудомъ откликнулась даже на призывъ собора, обѣщанный которымъ окладъ могъ быть собранъ лишь въ половинномъ размѣрѣ.

Два послѣднихъ собора, состоявшихся при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, созваны были точно также по поводу внѣшнихъ дѣлъ государства: первый—въ 1637 г.—по случаю войны съ крымскимъ ханомъ, котораго, по словамъ соборной грамоты, посылаетъ турецкій султанъ большой войной за взятіе Азова казаками, второй—въ 1642 г.—для рѣшенія вопроса, принять ли отъ донскихъ казаковъ Азовъ, взятый ими у турокъ и теперь осажденный послѣдними. Въ первомъ случаѣ соборъ разрѣшилъ поставленную ему задачу въ интересахъ созвавшаго его правительства, согласившись одинаково и на сборъ денегъ, и на сборъ ратныхъ людей. Что же касается собора 1642 г., то хотя онъ и высказался за войну, но на вопросъ о средствахъ для войны, отвѣчалъ такъ уклончиво, что правительство предпочло само отказаться отъ этого предпріятія. Духовенство отвѣтило, что его дѣло молиться Богу, а ратное дѣло ему «не за обычай». «Пуще турецкихъ и крымскихъ бусурманъ разорены мы отъ московской волокиты и отъ неправедныхъ судовъ», говорили представители городского дворянства. Торговые люди тоже жаловались на свое обнищаніе и разореніе «въ конецъ». Словомъ, несмотря на опросъ по чинамъ, несмотря на то, что мнѣнія чиновъ собора отбирались на этотъ разъ съ особою тщательностью, «на письмѣ», для чего депутаты засѣдали въ теченіе двухъ недѣль, соборъ больше высказывался о внутреннихъ непорядкахъ страны, чѣмъ отвѣчалъ на прямой, поставленный ему, вопросъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, помимо собора 1645 г., утвердившаго его на царство, было только четыре земскихъ собора, которыми и закончилась вся ихъ недолгая, вѣковая, исторія.

Первый изъ этихъ четырехъ соборовъ созванъ былъ въ 1648 г. для выслушанія Уложенія. Какъ видно изъ призывной на этотъ соборъ грамоты, Уложеніе, составленное особой редакціонной комиссіей князя Никиты Одоевскаго «съ товарищи», создано «по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и иноземцевъ, и гостей, и гости-

ныя и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей». И хотя депутаты вызваны были на соборъ только для выслушанія новаго уложенія, но и они успѣли, при помощи все того же «челобитья» внести въ него около 80 дополнительныхъ статей уже во время засѣданій собора. Соборъ 1650 г., ограниченный по составу, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ вопросъ, для разрѣшенія котораго онъ былъ созванъ—усмиреніе псковскаго мятежа—улаженъ былъ раньше, чѣмъ соборъ успѣлъ принять какія бы то ни было мѣры. Соборы 1651 и 1653 гг., точно также ограниченные по составу, созваны были по поводамъ внѣшней политики и посвящены были дѣламъ Польши и Малороссіи.

За исключеніемъ собора 1648 г., основная задача котораго затрагивала существенные интересы населенія и который поэтому не могъ не вызвать извѣстнаго подъема въ дѣятельности депутатовъ, въ послѣднихъ соборахъ XVII вѣка нельзя не замѣтить серьезныхъ признаковъ постепеннаго вымиранія этого учрежденія. Выполнившіе огромную роль въ судьбахъ Россіи въ эпоху смуты и въ первые годы царствованія новой династіи, они постепенно низводятся къ роли простого совѣщательнаго органа, созываемаго по случайнымъ поводамъ и часто въ случайномъ составѣ. Сначала дѣятельность соборовъ еще только чередуется съ «совѣщаніями», которыя укрѣпившееся правительство считаетъ для себя болѣе удобными для соглашенія порознь съ той или иной группой населенія. А затѣмъ, послѣ 1653 г., соборы и вовсе перестаютъ созываться, и функціи ихъ передаются уже навсегда тѣмъ «совѣщаніямъ», «коммиссіямъ», «комитетамъ», которые, въ полной своей неприкосновенности, дожили и до нашихъ дней.

III.

Итакъ, вѣковая исторія земскихъ соборовъ развертываетъ передъ нами картину, полную разнообразія и пестроты. Передъ нами проходятъ: 1) соборы, имѣющіе характеръ только совѣщательнаго органа при верховной власти, которая считалась съ ихъ мнѣніями въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ существовавшихъ въ данный моментъ политическихъ комбинацій; чаще всего соборы этого типа созывались въ моментъ кризисовъ, вызванныхъ войнами и имѣли прямою цѣлью добиться утвержденія новыхъ налоговъ; 2) соборы избирательные, отъ которыхъ верховная власть получала санкцію; 3) соборы смутной эпохи, сами воплощавшіе верховную власть, и, наконецъ, 4) постоянные соборы при первомъ царѣ новой династіи, раздѣлявшіе власть съ царемъ и вмѣстѣ съ нимъ участвовавшіе въ управленіи страной.

Единственное, что̀ объединяетъ эти представительныя учрежденія нашего прошлаго и даетъ возможность разобраться въ частой ихъ смѣнѣ и въ пестромъ разнообразіи ихъ организаціи, это отсутствіе въ ихъ основѣ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, которыя имѣли

бы притязаніе на общеобязательное примѣненіе. Другими словами, въ основѣ земскихъ соборовъ «лежалъ фактъ, а не право». И если въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, съ высоты птичьяго полета, мы можемъ болѣе или менѣе ясно прослѣдить процессъ зарожденія, развитія и постепеннаго вымиранія этого учрежденія, то, вслѣдствіе полнаго отсутствія опредѣлявшихъ его юридическихъ нормъ, нѣтъ никакой возможности съ тою же ясностью характеризовать его детали, всѣ онѣ находились за чертой права, въ области факта или, вѣрнѣе, въ области индивидуальнаго усмотрѣнія.

Остановимся хотя бы на вопросѣ о личномъ составѣ соборовъ. Это— деталь, но деталь такая, безъ яснаго опредѣленія которой мы ни въ какомъ случаѣ не сможемъ конкретизировать, не сможемъ наполнить содержаніемъ пустую абстракцію земскаго собора.

Изъ кого же состояли соборы?

Въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ въ составъ земскаго собора входили члены освященнаго собора и боярской думы, хотя мы знаемъ однако случаи, когда соборъ обходился и безъ нихъ, сохраняя за собой тѣмъ не менѣе и свое значеніе, и наименованіе. Дальше мы имѣемъ дѣло съ весьма случайнымъ, подвижнымъ, не поддающимся никакому учету составомъ представителей «всея земли». Начать съ того, что ни на одномъ соборѣ территоріально *вся* русская земля не была представлена. Москва всегда подавляла другіе города численностью своихъ представителей. Иногда она одна и представляла на соборахъ «всю землю», причемъ въ этихъ случаяхъ къ участію въ соборѣ призывались и кое-кто изъ жителей другихъ городовъ, случайно, по своимъ дѣламъ, находившихся въ столицѣ. Вообще же уѣзды представлялись на соборахъ крайне неравномѣрно, такъ какъ и призывныя грамоты въ отдаленныхъ отъ Москвы уѣздахъ часто приходили съ опозданіемъ, а то и совсѣмъ не получались. Мало заботясь о сколько-нибудь правильномъ территоріальномъ представительствѣ земли, правительство не интересовалось и осуществленіемъ въ этомъ дѣлѣ сословнаго принципа. Правда, ратные и служилые люди, съ которыми московское правительство должно было особенно считаться въ эту эпоху, всегда могли считать свое преобладаніе на соборахъ обезпеченнымъ. «Призывныя» грамоты съ поразительной тщательностью перечисляли всѣ, даже самыя мелкія служилыя группы, назначаемыя къ участію въ соборахъ. Посадскіе люди пользовались далеко не тѣмъ вниманіемъ, а что касается тяглаго населенія уѣздовъ, то съ достовѣрностью можно сказать о его присутствіи лишь на соборѣ 1613 г.

Число представителей отъ «чиновъ» даннаго округа по разнымъ соборамъ опредѣлялось разно, а то и совсѣмъ не назначалось,—писали просто: «сколько пригоже». Соотвѣтственно этому и общій численный составъ собора не былъ установленъ, колеблясь въ предѣлахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Выборы представителей на мѣстахъ происходили по распоряженіямъ и подъ контролемъ воеводъ. И если имъ предоставлялось выбирать, «сколько пригоже» *), то едва ли можно сомнѣваться, что выбирали они, кого имъ «пригоже». Правда, извѣстенъ случай, когда одинъ воевода получилъ выговоръ за нарушеніе свободы выборовъ. Но, съ другой стороны, извѣстны случаи, когда сами же воеводы, съ наивною вѣрою въ свою правоту, доносили о томъ, какъ «велѣли» они дворянамъ избрать такихъ-то и какъ изъ посадскихъ людей они, воеводы, «выбрали» столько-то. Очевидно, и въ дѣлѣ выборовъ «промежь себя», какъ писалось въ нѣкоторыхъ призывныхъ грамотахъ, строгой опредѣленности не было.

Объ инструкціяхъ выборнымъ со стороны избирателей, о «наказахъ», можно точно также лишь предположительно сказать, что они давались, иногда въ письменной, иногда въ устной формѣ. Точныхъ поясненій на этотъ счетъ въ призывныхъ грамотахъ нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ болѣе или менѣе ясныя указанія на необходимость предварительнаго соглашенія избирателей съ выборными. Такъ, въ грамотѣ 1612 г. города приглашаются прислать съ выборными «совѣтъ свой за руками», т.-е. свои письменныя, скрѣпленныя подписями, мнѣнія. Призывная грамота 1619 г. требовала «прислать выборныхъ, которые бы умѣли разсказать обиды, насильства и разоренія и чѣмъ Московскому государству полниться».

Въ этой послѣдней грамотѣ наказъ прямо отожествляется съ такъ называемыми «челобитными»—формой, въ которой населеніе московскаго государства обычно сносилось съ властью. И есть много основаній думать, что въ этой же непредѣленной формѣ проявлялась и законодательная иниціатива земскихъ сборовъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда соборы становились сами непосредственнымъ источникомъ законодательной власти.

Наконецъ, самый порядокъ занятій на земскихъ сборахъ, ничѣмъ не нормированный, можетъ дать намъ послѣдній штрихъ для заключенія характеристики этого учрежденія. Мнѣнія на соборахъ подавались по сословіямъ, «чинамъ» или «статьямъ», причемъ болѣе богато представленныя статьи, въ свою очередь, раздѣлялись на мелкія группы. Мнѣнія подавались когда письменно, когда устно, и отдѣльныя лица, повидимому, ни мало не были стѣснены въ подачѣ особыхъ мнѣній. Такимъ путемъ правительство получало хаотическій, никѣмъ не сведенный матеріалъ, изъ котораго и могло дѣлать соотвѣтствующія своимъ видамъ заключенія.

Выполнивъ поставленную передъ ними историческую миссію, соборы

---

*) Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда число представителей было точно обозначено въ призывной грамотѣ, „чины“ могли посылать, и дѣйствительно посылали на соборъ, представителей сверхъ нормы.

прекратили свое существованіе безъ шума, безъ политическихъ осложненіи. Правда, черезъ десять лѣтъ послѣ закрытія послѣдняго земскаго собора о нихъ заговорили снова, но голоса, говорившіе въ ихъ пользу, уже не могли повліять на рѣшеніе правительственной власти. Дѣло было такъ. Въ 1662 г. правительство обратилось къ московскимъ торговымъ людямъ съ запросомъ о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять противъ вздорожанія продуктовъ, вызваннаго паденіемъ курса мѣдныхъ денегъ. Въ отвѣтъ на это торговые люди Кадашевской слободы, а вслѣдъ за ними и представители высшаго столичнаго купечества, ссылаясь на сложность и государственную важность поставленнаго вопроса, просили о созывѣ земскаго собора. О соборѣ вспомнили, о необходимости его заговорили только торговые люди, и никто другой не поддержалъ ихъ, да и не могъ поддержать. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянская масса, и раньше почти не принимавшая участія въ соборахъ, теперь была уже окончательно закрѣпощена и, какъ политическая группа, не имѣла ровно никакого значенія. Что же касается дворянъ, интересы которыхъ, главнымъ образомъ, и выражали соборы, то теперь, именно благодаря соборамъ, ни въ какомъ представительствѣ они не нуждались. Помогая верховной власти въ дѣлѣ устроительства русской земли, соборы дали возможность центральному правительству въ теченіе одного столѣтія создать такую сильную бюрократическую организацію, которая уже не могла терпѣть рядомъ съ собой какой бы то ни было конкуренціи или даже союзничества, основанныхъ на выборномъ началѣ. Поэтому то вмѣстѣ съ прекращеніемъ созыва земскихъ соборовъ, представлявшихъ собою выборное начало на верху, бюрократія къ этому времени фактически упразднила и выборныя земскія учрежденія внизу, превративъ ихъ въ безгласныя орудія представителей центральной власти—воеводъ. Единственно сильнымъ сословіемъ, которое могло бы бороться противъ бюрократическихъ тенденцій центральнаго правительства, было дворянство, но оно то именно и составило первые кадры русской бюрократіи. Объ немъ заботилось, его интересы всегда имѣло въ виду центральное правительство, и ему оставалось лишь выполнять свою служебную роль, безпрекословно слѣдуя дававшимся изъ столицы предначертаніямъ.

IV.

Намъ пришлось уже сказать, что моментъ возникновенія соборовъ на Руси вполнѣ аналогиченъ съ моментами возникновенія западноевропейскихъ сословно-представительныхъ учрежденій. Какъ эти послѣднія на Западѣ, такъ соборы у насъ возникли вмѣстѣ съ объединеніемъ государства. Проф. Сергѣевичъ идетъ дальше и проводитъ аналогію до конца. Монархическая власть, говоритъ онъ, искавшая въ своей объединительной дѣятельности опоры въ сословномъ пред-

ставительствѣ, немедленно же упраздняла это послѣднее, какъ только объединеніе достигалось. И дѣйствительно, аналогія между земскими соборами и сословными собраніями западной Европы, особенно генеральными штатами во Франціи, мѣстами можетъ быть обнаружена до полнаго совпаденія. Правда, тамъ и въ происхожденіи представительства, и въ судьбахъ его весьма видную роль играла борьба сословій, что выражено въ нашихъ соборахъ совсѣмъ не въ такой яркой формѣ. Но и за всѣмъ тѣмъ параллель между ними напрашивается сама собой.

Значеніе генеральныхъ штатовъ, собранныхъ во Франціи впервые въ 1302 г., опредѣляется точно также, какъ и значеніе земскихъ соборовъ у насъ, не только тѣмъ, что они въ значительной мѣрѣ содѣйствовали объединенію государства. Подобно нашимъ соборамъ они служили также опорой для королей въ ихъ внѣшней политикѣ, вотируя необходимые для веденія войнъ налоги. Въ критическіе для государства моменты они становились даже во главѣ управленія, но притомъ не только не использовали эти моменты въ свою пользу, не только не утвердили за собой законодательныхъ правъ, но даже сами отдали королямъ принадлежавшее имъ право налоговъ. Организація генеральныхъ штатовъ отличалась тою же неопредѣленностью, какую мы видѣли и въ нашемъ представительномъ учрежденіи. Никакихъ статутовъ, нормирующихъ права и обязанности штатовъ и ихъ отношеніе къ королю, не существовало.

«Много было споровъ о томъ, — пишетъ Сорель — имѣла ли Франція конституцію при старомъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что можно было перерыть самые тайные архивы королевства и не найти ея текста, что короли въ нее не вѣрили и что сами легисты отрицали ея существованіе» *). Такъ, въ парламентскомъ засѣданіи 19-го ноября 1787 г. хранитель печати Ламуаньонъ отъ имени короля слѣдующимъ образомъ характеризовалъ взаимныя отношенія короля и генеральныхъ штатовъ: «Одному королю принадлежитъ право созывать генеральные штаты, онъ одинъ можетъ судить, насколько полезенъ и необходимъ этотъ созывъ; онъ не нуждается ни въ какой экстраординарной власти для управленія своимъ королевствомъ, въ представителяхъ трехъ сословій государства король можетъ видѣть только болѣе обширный совѣтъ, состоящій изъ избранныхъ членовъ фамилій, главою которыхъ онъ состоитъ, и онъ навсегда останется верховнымъ рѣшителемъ ихъ жалобъ и просьбъ» **).

Ламуаньонъ былъ правъ, поскольку рѣчь шла о юридической оцѣнкѣ генеральныхъ штатовъ въ ихъ прошломъ. Но онъ сильно ошибался, вторгаясь въ область предвидѣнія. Черезъ два года послѣ этой рѣчи

---

*) А. Сорель. „Европа и французская революція“, Спб. 1892 г., т. I, стр. 147.
**) Ibid.

генеральные штаты, не собиравшіеся съ 1614 г., были созваны королемъ. Созваны послѣ того, какъ всѣ другія попытки предотвратить финансовый крахъ страны,—всѣ эти коммиссіи, провинціальныя собранія, нотабли—оказались тщетными. Штаты, которые не пріобрѣли въ теченіе своего слишкомъ трехсотлѣтняго существованія никакихъ правъ, но на которые теперь возлагали такъ много обязанностей, а еще больше надеждъ,—штаты тоже оказались безсильными передъ поставленной имъ задачей...

Токвиль утверждаетъ, что если бы во Франціи въ это время царствовалъ государь съ характеромъ Фридриха Великаго, то онъ совершилъ бы и въ обществѣ и въ правительствѣ многія изъ тѣхъ великихъ реформъ, которыя совершены были революціей, причемъ не только не потерялъ бы своей короны, но даже значительно увеличилъ бы свое могущество (L'Ancien Régime). Противъ такого предположенія трудно возразить что-нибудь, кромѣ того, что въ дѣйствительности этого не было...

V.

Графъ Игнатьевъ, такъ причудливо совмѣстившій въ своемъ представленіи идею земскаго собора съ идеей чрезвычайной охраны, не ограничился, въ цѣляхъ осуществленія этой первой идеи, сотрудничествомъ кн. Мещерскаго. Для болѣе полнаго и всесторонняго освѣщенія этого вопроса онъ выписалъ изъ Москвы П. Д. Голохвастова, который еще въ концѣ 70-хъ годовъ сталъ извѣстенъ въ высшихъ административныхъ кружкахъ своей неутомимой пропагандой неотложности земскаго собора *). Такъ, въ 1879 г. Голохвастовъ пытался, но, разумѣется, тщетно совратить на гибельный путь «народосовѣтія» К. П. Побѣдоносцева, которому (въ письмѣ отъ 10-го декабря) онъ расписывалъ всю прелесть своей идеи въ слѣдующихъ не лишенныхъ своеобразной яркости краскахъ.

«Но вѣдь весь страхъ собора страшенъ только отъ предположенія, что въ Россіи будетъ конституція. Зачѣмъ ей и откуда быть?—Вся Европа въ конституціяхъ.—Да мало ли, въ какой проказѣ Европа грѣхами своихъ фарисеевъ и книжниковъ. Не прививать же Россіи къ, слава Богу, здоровому-то тѣлу: вмѣсто православія папизмъ и нигилизмъ, вмѣсто общины майоратъ и пролетаріатъ, вмѣсто самодержавія—конституцію и коммуну, потому только, что въ Европѣ ни Бога, ни Царя, ни народа. Ну пусть въ Европѣ нѣтъ ужъ и какой

---

*) Для освѣщенія роли Голохвастова мы пользуемся матеріалами, опубликованными г-номъ Н. В. въ статьѣ: „П. Д. Голохвастовъ о русскомъ государственномъ строеніи и земскомъ соборѣ". См. „Русскій Вѣстникъ" 1905 г., февраль, стр. 745—762.

нибудь Румыніи безъ парламента: мы не въ Румыніи, мы Россія. Россія: Царь и народъ. И въ Европѣ-то, чтобы снять корону съ монарха и сдѣлать изъ нея куафюру на конституціоннаго манкена, должны были англичане снять сперва голову съ Карла I, французы съ Людовика XVI, безъ того берутъ конституцію только съ нѣмецкихъ принцевъ школьные учителя; а даютъ конституцію только короли Сандвичевыхъ острововъ, по совѣту европейскихъ камердинеровъ» и т. д...

Мы привели здѣсь для образца лишь ничтожную часть длиннѣйшаго, но мало вразумительнаго «вступленія» къ письму. Достаточно будетъ сказать, что и въ остальной части этого вступленія авторъ старается привести мысль, что Россія—это такая страна, которую никакіе тамъ десятки и даже тысячи «французовъ», никогда, даже «черезъ сотню милліоновъ годовъ», не соблазнятъ конституціоннымъ режимомъ:—«не сконституціонишь ее, коротки руки»—стильно выражается авторъ.

Дальше онъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что «вѣдь же неминуемо, вѣдь же положитъ Богъ Царю на разумъ познать, что безъ народа, безо всей самой земли, ни нашею старо-нѣмецкой чиновничьей машиною правительственной, ни нарочитою семигенеральщиной, все равно не справиться ни со смутьянами, ниже съ иными многими у насъ непорядками».

И затѣмъ, наконецъ, основная цѣль письма:

«Не лучше бы, конечно, призвать землю во-время; и спокойно, спокойно-грознымъ судомъ и расправою по старинному: Собора излюбленнаго всея земли, всѣхъ православныхъ хрестьянъ, всякаго чина людей, отъ каждаго города съ волостьми по столько-то человѣкъ добрыхъ, разумныхъ, постоятельныхъ, съ которыми Государю можно бы говорить и промышлять о всѣхъ людяхъ ко всему добру, покончить прежде всего съ этою бѣдою, со смутой и со смутьянами»...

И здѣсь, слѣдовательно, все та же, принятая затѣмъ и гр. Игнатьевымъ идея о тождествѣ задачъ земскаго собора, съ одной стороны, и чрезвычайной охраны, съ другой. О томъ, однако, какъ совмѣстить обѣ эти задачи въ одномъ учрежденіи земскаго собора, П. Д. Голохвостовъ пока умалчиваетъ, не безъ задней, конечно, мысли тѣмъ сильнѣе заинтриговать своего корреспондента.

«А въ чемъ основная, историческая и политическая суть земскаго собора,—оканчиваетъ онъ свое письмо къ г. Побѣдоносцеву—и много ли придется противъ старины въ немъ измѣнить, и что, не уступая никакимъ предразсудкамъ вѣка, подлежитъ свято хранить, дабы земскій соборъ, какъ во время оно былъ, такъ и впередъ остался естественной связью межъ Царя и земли и вѣрнымъ имъ обоимъ *оплотомъ ото всякихъ записей* (курсивъ нашъ. *Вл. Кр.*); это все позвольте, Милостивый Государь, пересказать и доказать, сколько Богъ

*

дастъ умѣнья, во второмъ письмѣ: если только ужъ и первое не найдете Вы лишнимъ».

Письмо это, очевидно, не съумѣло заинтересовать адресата. Но и въ Москвѣ и въ Петербургѣ оно было извѣстно въ спискихъ, «обратило на себя вниманіе высшихъ сферъ и несомнѣнно,—удостовѣряетъ г. Н. В.—что оно было читано, какъ говорили тогда, съ наслажденіемъ Цесаревичемъ и Императоромъ Александромъ II». Зналъ о немъ разумѣется и гр. Игнатьевъ, къ которому Голохвастовъ обращался и непосредственно съ записками подобнаго содержанія. И вотъ, когда гр. Игнатьевъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ пригласилъ въ Петербургъ, для разработки вопроса о земскомъ соборѣ, Голохвастова, назначивъ ему окладъ жалованья въ 3000 руб.

Характерно при этомъ, что—по категорическому требованію министра внутреннихъ дѣлъ—переговоры съ Голохвастовымъ, какъ и вся работа его велись въ строжайшей тайнѣ, проникнуть въ которую не должны были даже такіе ближайшіе сотрудники министра, какъ В. К. фонъ-Плеве. Чтобы замаскировать дѣйствительную цѣль переѣзда Голохвастова въ Петербургъ, и выдачу ему жалованья, онъ былъ вызванъ подъ предлогомъ сотрудничества въ «Сельскомъ Вѣстникѣ». Передача записокъ и докладовъ министру происходила въ церкви, послѣ обѣдни, «не возбуждая вниманія постороннихъ», сообщаетъ самъ П. Д. Голохвастовъ въ одномъ изъ писемъ къ И. С. Аксакову. И, наконецъ,—какъ разсказалъ недавно въ «Новомъ Времени» братъ покойнаго, г. Ал. Голохвастовъ,—доклады, составлявшіеся днемъ П. Д. Голохвастовымъ, гр. Игнатьевъ по цѣлымъ ночамъ *переписывалъ собственноручно*, для представленія государю.

Итакъ, работа, подъ покровомъ тайны и ночи, кипѣла. Россіи готовился какой-то необычайный сюрпризъ, который до поры до времени съ возможной тщательностью оберегался отъ «дурного глаза». Въ чемъ состоялъ сюрпризъ, современники покойныхъ творцовъ его такъ-таки и не узнали. Мы оказались счастливѣе ихъ и, пользуясь данными въ «Русскомъ Вѣстникѣ» извлеченіями, можемъ познакомить съ сущностью докладовъ г. Голохвастова нашихъ читателей.

Минуя многорѣчивыя и неудобопонятныя вступленія и отступленія, которыми блещутъ даже «извлеченія» изъ этихъ докладовъ, мы прямо перейдемъ къ сути.

«Какъ и для чего созвать первый соборъ?» вопрошаетъ авторъ и тутъ же спѣшитъ дать отвѣтъ: «громадно, народно, и, по возможности, неотложно». Это на вопросъ «какъ». А на вопросъ «для чего», дается такое поясненіе. Для того, чтобы «самъ Царь непосредственно своимъ ликомъ и своею рѣчью, воочію и во ушію народу» могъ пояснить: 1) «про несокрушимость вовѣки власти царской, самодержавной; и что никто смутьяновъ не накупаетъ, не подсылаетъ на

Царя, а что сами собой заводятся они отъ нехристіанскаго воспитанія, да отъ непутнаго ученья, и про строгости съ ними впредь; 2) про неотъемлемость земли какъ общинной отъ крестьянъ, такъ и господской, или чьей бы и отъ кого бы то ни было; 3) про устройство ссудъ крестьянамъ подъ земли, покупаемыя лично или общиною, причемъ переселенье станетъ вовсе почти не надобно; 4) про обязательность выкупа, про оброчныя и подушныя льготы, но которыя всѣ бы ни къ чему, буде не прекратить пьянства».

Затѣмъ слѣдуютъ еще пункты, въ которыхъ государь объявляетъ, что «хочетъ созывать соборы и впредь по надобности» и что «будутъ соборы и церковные». Такова часть программы, которая должна быть выслушана народомъ молча, «безъ совѣта». Что же касается той части программы, которая должна подвергнуться «совѣту Царя со всей землей», то г. Голохвастовъ рекомендуетъ ограничиться на первый случай однимъ вопросомъ, а именно вопросомъ о прекращеніи пьянства. Рекомендуетъ онъ поставить еще и второй вопросъ—«объ устройствѣ волостныхъ (или приходскихъ) и уѣздныхъ порядковъ»,—но совѣщаніе по этому вопросу должно быть отложено къ слѣдующему собору.

Поставивъ на обсужденіе перваго будущаго собора только одинъ вопросъ о прекращеніи пьянства, г. Голохвастовъ посвящаетъ затѣмъ особый докладъ изложенію соображеній, изъ которыхъ явствуетъ, что рѣшеніе этого вопроса отнюдь не должно быть связываемо съ мнѣніемъ большинства членовъ собора. Ибо, говоритъ онъ, большинство—«во первыхъ зло, во вторыхъ ложь, въ третьихъ—нелѣпость. Непремѣнное смиренье передъ числомъ сплошь да рядомъ равно смиренью головы передъ кулакомъ. Правда не въ числѣ. Иногда чѣмъ она истиннѣе, тѣмъ уединеннѣе. А тутъ: 100 головъ: изъ нихъ 51, значитъ, правда, 49 неправда»...

Беззавѣтно отдавшись творческой работѣ, Голохвастовъ переживалъ въ то же время и горькія минуты тяжелыхъ сомнѣній. О нихъ мы знаемъ изъ писемъ его къ Аксакову. Онъ выражаетъ опасенія, что гр. Игнатьевъ цѣнитъ не столько мысль его, сколько стиль, по поводу котораго министръ не разъ «разсыпался въ похвалахъ, съ знатоковскими замѣтками при этомъ». Но особенно тревожитъ его подозрѣніе, что составленный имъ проектъ «великаго собора» разобьется о чрезмѣрную осторожность графа, и вмѣсто собора онъ «приведетъ къ соборишкѣ, очень невинному съ виду, но очень опасному»... Увы! подозрѣнія Голохвастова болѣе чѣмъ оправдались: по здравому размышленію людей власти, не только его «великій» соборъ, но и всѣ «соборишки» признаны были совершенно ненужными придатками къ только что введенному тогда положенію объ усиленной и чрезвычайной охранѣ.

Рискуя навлечь на себя упреки въ недостаткѣ либерализма, мы должны чистосердечно сознаться, что въ скрытой отъ взоровъ общества борьбѣ откровенной реакціи съ славянофильскими тенденціями, поддерживавшимися гр. Игнатьевымъ, мы, хотя и нѣсколько заднимъ числомъ, всецѣло на сторонѣ первой. Мы торжествуемъ одержанную тогда реакціей побѣду, потому что это была побѣда здраваго смысла надъ безсмыслицей. Положеніе объ усиленной охранѣ, вмѣстѣ съ его творцомъ, фонъ-Плеве, могли вызывать какія угодно настроенія и чувства, но это во всякомъ случаѣ не былъ смѣхъ, которымъ даже въ то время неизбѣжно былъ бы встрѣченъ голохвастовскій «великій соборъ», если бы ему изъ нѣдръ министерскихъ канцелярій удалось всплыть на поверхность жизни.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что и мы хотѣли посмѣяться, извлекая работу Голохвастова изъ нѣдръ «Русскаго Вѣстника». Намъ не до смѣха, и этотъ заброшенный и забытый проектъ земскаго собора заинтересовалъ насъ не комической, а трагической своей стороной.

Вспомнимъ, что моментъ, который заставилъ бюрократическую мысль тяготѣть въ сторону земскаго собора, былъ однимъ изъ критическихъ въ нашей исторіи. Размѣры либеральнаго движенія, связь его съ революціонными элементами общества были не установлены и, какъ стало извѣстно гораздо позже, представлялись бюрократіей въ значительно преувеличенномъ противъ дѣйствительности видѣ. Грозы ждали съ разныхъ сторонъ и встрѣчать ее готовились чрезвычайными мѣрами. Въ отвѣтъ «крамолѣ» спѣшно составлялось Положеніе объ усиленной охранѣ, но такъ какъ «Положеніе» лишало самыхъ элементарныхъ гарантій все общество, все населеніе, то, чтобы позолотить пилюлю, намѣченъ былъ земскій соборъ. Пока проектъ собора составлялся да обсуждался, положеніе вещей прояснилось настолько, что наиболѣе рѣшительные представители бюрократіи сочли возможнымъ категорически протестовать противъ какихъ бы-то ни было компромиссовъ съ либеральной оппозиціей. Бюрократія почувствовала, что пока еще она можетъ единой и безконтрольной оставаться у кормила власти, въ широкой степени пользуясь разнообразными средствами репрессіи, и проектъ собора былъ отброшенъ.

Прошли года. Отдѣльныя вспышки общественной неудовлетворенности, болѣе или менѣе успѣшно подавлявшіяся мѣропріятіями полицейскаго свойства, слились теперь въ одинъ общій потокъ, съ которымъ считаться приходится самымъ серьезнымъ образомъ. Политическая жизнь страны подошла къ новому кризису, разрѣшить который могутъ опять только чрезвычайныя мѣры. Какія?—вотъ вопросъ, передъ которымъ въ нерѣшительности стоитъ бюрократическая мысль, разрѣшенія котораго въ тревожномъ напряженіи ждетъ общество.

И опять, какъ четверть вѣка тому назадъ, творческая фантазія

однихъ упорно возвращается къ испытаннымъ мѣрамъ репрессіи, тогда какъ менѣе рѣшительные предлагаютъ сочетать ихъ съ нѣкоторыми уступками общественнымъ требованіямъ. «Московскія Вѣдомости», выражающія настроеніе первой, радикальной, части нашей бюрократіи, взываютъ къ жестокому возмездію, къ открытой борьбѣ. Если усиленная охрана оказалась неспособной подавить движеніе, слѣдуетъ ввести военное положеніе. Не надо только медлить, не надо обнаруживать нерѣшительность слабаго *).

Въ противовѣсъ такой радикальной постановкѣ вопроса, которая, съ эстетической точки зрѣнія, заслуживаетъ, конечно, полнаго одобренія, партія уступокъ настаиваетъ на необходимости реформъ. Канцелярія этой бюрократической фракціи находится теперь не на задворкахъ «Сельскаго Вѣстника», какъ это было, въ видахъ конспираціи, при гр. Игнатьевѣ, а помѣщается совершенно открыто въ Эртелевомъ переулкѣ, въ редакціи «Новаго Времени». Сути дѣла такое перемѣщеніе квартиры, однако, не мѣняетъ, такъ какъ въ основаніе работъ здѣсь положены все тѣ же знакомые намъ записки и доклады Голохвастова, а въ переписчикахъ, взамѣнъ покойнаго министра, состоятъ: самъ Суворинъ - отецъ, Л. Толстой - сынъ, таинственные, но авторитетные «собесѣдники» и другія болѣе или менѣе случайнаго происхожденія лица.

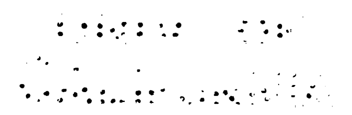
Становясь на путь реформъ, Голохвастовъ завѣщалъ осуществить ихъ «не спѣша, но и не мѣшкая». Завѣтъ этотъ соблюдается и теперь въ полной неприкосновенности и чистотѣ. Въ проектахъ же собора тронуты лишь нѣкоторыя детали, которыя по нынѣшнему времени могутъ показаться черезчуръ ужъ нелѣпыми, но весь остовъ его также остался непоколебимымъ. Все та же игра на «самобытности», на «духѣ» русскаго народа, которому будто бы противны внѣшнія правовыя нормы, желаніе придать собору непремѣнно сословный характеръ и при этомъ запрудить его представителями сословій до такой степени, которая могла бы оправдать раздробленіе его на рядъ мелкихъ «собориковъ» или «коммиссій» и т. д. Словомъ, это старая дѣтская сказка, угощать которой читателя мы отнюдь не намѣрены тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ элементовъ ея не вошелъ въ единственный пока оффиціальный по вопросу о народномъ представительствѣ доку-

*) Впрочемъ, насчетъ срока открытія кампаніи мнѣнія расходятся. Такъ, недавно еще, 28 января, военный губернаторъ Уральской области г.-л. Ставровскій передъ тысячной толпой уральцевъ произнесъ длинную рѣчь, смыслъ которой сводился, повидимому, къ отсрочкѣ возмездія до окончанія русско-японской войны. Отмѣтивъ, что вся общественная смута идетъ отъ интеллигенціи и, главнымъ образомъ, отъ студентовъ и „газетчиковъ", онъ увѣрилъ свою аудиторію, что по окончаніи войны все это вспомнится, и „воздадутъ каждому по дѣламъ его". (См. „Уралецъ" 1905 г., № 29).

ментъ, какимъ является рескриптъ 18-го февраля. А потому, слагая съ себя непріятную обязанность болѣе подробной оцѣнки нововременскихъ построеній, перейдемъ прямо къ выводамъ, вытекающимъ изъ всего здѣсь сказаннаго.

Какъ бы удачно соборы ни отвѣчали сознанію и духу своего времени, исторія ихъ не въ силахъ освѣтить для насъ проблемы ближайшаго будущаго. Начала, лежавшія въ основѣ земскихъ соборовъ, не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ, какія въ наше время могутъ и должны быть предъявлены къ представительнымъ учрежденіямъ, претендующимъ выражать реальный, а не фиктивный голосъ земли. Дѣло не въ томъ, чтобы эти учрежденія были «громадны, народны», не въ томъ, чтобы пропорціональнымъ составомъ своимъ они съ возможною точностью воспроизводили численныя соотношенія тѣхъ или иныхъ сословій, классовъ и группъ населенія. Для осуществленія той творческой цѣли, ради которой они намѣчаются, необходимо, чтобы они обладали въ глазахъ населенія достаточнымъ авторитетомъ, чтобы они были дѣйствительнымъ органомъ общественнаго мнѣнія страны...

Вл. Кранихфельдъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Pro domo sua.—Два юбилея: московскаго и харьковскаго университета. — Проектъ „свободнаго нововременскаго университета“. — Книга г. Головачева „Россія на Дальнемъ Востокѣ“.—Конецъ Суворинской „Желтороссіи“.—Что мы въ Маньчжуріи искали и что нашли.—Наше разочарованіе.—Единственный выходъ—ликвидація маньчжурской эпопеи.

12-го декабря состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату «о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка». Въ 8 пунктѣ этого указа сказано:

«Устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи».

Сопоставивъ теперь, спустя два мѣсяца послѣ того, какъ эти слова были опубликованы, эти строки указа съ положеніемъ печати, въ особенности подцензурной, какой выводъ напрашивается самъ собой, когда наши читатели встрѣчаютъ въ двухъ книгахъ подрядъ аншлаги съ сообщеніями, что «по независящимъ обстоятельствамъ» нѣтъ ни внутренняго обозрѣнія, ни вообще статей по текущимъ вопросамъ? До указа 12-го декабря, какъ ни какъ, а все же мы хотя полу-словами и намеками могли бесѣдовать на разныя темы. Что касается пишущаго эти строки, то въ теченіе десяти лѣтъ не было случая, чтобы первыя книги нашего журнала выходили безъ обычнаго «взгляда и нѣчто» по текущей литературѣ. И вдругъ «такой пассажъ неожиданный»: съ одной стороны, высочайшій указъ устраняетъ «излишнія стѣсненія», съ другой—абсолютный «перстъ молчанія»... Мудрый Эдипъ, разрѣши!

За отсутствіемъ такого греческаго мудреца, приходится и этотъ «инцидентъ» поставить въ рядъ тѣхъ неразрѣшимыхъ противорѣчій, которыми каждый день огорашиваетъ насъ теперь. Каждому дню довлѣетъ своя злоба, дни текутъ и мѣняются, но есть одно, что стоитъ неизмѣнно, отъ дней Тимковскаго и до нашихъ дней: это—административное усмотрѣніе, его же не прейдеши, какіе бы указы ни возвѣщались для того или иного «усовершенствованія». Въ концѣ концовъ для насъ второе оказалось горше перваго, и вслѣдъ за указомъ вмѣсто

бичей послѣдовали для насъ скорпіоны, тѣмъ болѣе неожиданные, что подцензурная печать, именно журналы, пользуется, главнымъ образомъ, уже опубликованными и преимущественно оффиціальными или оффиціозными свѣдѣніями.

Какой же выходъ для этой злополучной части печати? Пока—никакого. Остается совѣтъ ген. Куропаткина — «терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе». Мы пережили уже такъ много, пережили министерство Сипягина, Плеве, Святополкъ-Мирскаго. Переживемъ и то, что переживаемъ теперь. Вспомнимъ въ утѣшеніе «чугунный» уставъ о печати Шишкова, вспомнимъ времена Дубельта или время 80-хъ и 90-хъ годовъ. И вспомнивъ, утѣшимся: мы еще живы, журналы растутъ, печать развивается не по днямъ, читатели множатся какъ грибы. Такъ стоитъ ли смущаться противорѣчіемъ между 8 пунктомъ указа 12-го декабря и текущей дѣйствительностью?

Все это уже бывало, скажемъ вмѣстѣ съ мудрымъ Бенъ-Акибой изъ «Уріэля Акосты», и будемъ обрабатывать садъ свой, по совѣту не менѣе мудраго Панглосса.

Жизнь въ концѣ концовъ сильнѣе всего, и какъ это ни удивительно, а и у насъ въ этомъ году сошлись два рѣдчайшихъ юбилея—полуторавѣковый московскаго университета и вѣковой—харьковскаго. Два старѣйшихъ университета празднуютъ вѣковые юбилеи—развѣ это не достаточный поводъ для ликованія, въ особенности въ странѣ, столь бѣдный просвѣщеніемъ? Но даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ культура уже завоевала себѣ общее признаніе, такіе юбилеи не прошли бы незамѣченными. Напротивъ, именно въ этихъ странахъ подобные юбилеи вызвали бы рядъ торжествъ, въ которыхъ принялъ бы участіе весь народъ отъ мала до велика. Вспомнимъ столѣтіе гейдельбергскаго университета, на которое съѣхалась чуть ли не вся ученая Европа. Но тихо, безъ всякаго шума, даже безъ празднества прошли юбилейные дни въ Москвѣ. Правда, адреса, телеграммы и привѣтствія стеклись къ татьянину дню въ старѣйшій русскій храмъ науки со всей Россіи, и будущій историкъ все же отмѣтитъ, что день этотъ не прошелъ безъ вниманія со стороны общества, которое показало, насколько оно дорожитъ университетомъ, съ которымъ связаны лучшія воспоминанія о высокой просвѣтительной работѣ такихъ дѣятелей этого университета, какъ Грановскій, и такихъ питомцевъ его, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Пироговъ, и безчисленной арміи просвѣщенныхъ работниковъ, получившихъ именно здѣсь свой общественный «заказъ».

Московскій университетъ сыгралъ громадную роль въ духовномъ развитіи русскаго общества, являясь нетолько центромъ умственной и научной работы. Еще важнѣе было его значеніе, какъ хранителя высшихъ человѣческихъ идеаловъ въ самыя темныя эпохи русской жизни. Здѣсь-то находила себѣ прибѣжище гонимая мысль во времена сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, когда не было никакихъ формъ общенія для мыслящихъ и чувствующихъ людей, ясно видѣвшихъ, къ чему ведетъ страну бюрократизмъ, потерявшій всякій критерій для своихъ дѣйствій. Среди гробового молчанія, царившаго по всей

странѣ, только здѣсь съ каѳедры раздавались высокія слова правды и справедливости, жадно впитываемыя слушателями. И когда наступила эпоха возрожденія, эти слушатели показали, что слова эти не были для нихъ пустыми звуками. Они облекли ихъ плотью и превратили въ великое дѣло освобожденія народа отъ крѣпостныхъ цѣпей. Масса дѣятелей этой эпохи вышла изъ стѣнъ московскаго университета, работая затѣмъ въ комитетахъ, въ рядахъ мировыхъ посредниковъ, въ первыхъ земскихъ собраніяхъ и въ печати.

Послѣдняя четверть вѣка и для московскаго университета не прошла безслѣдно. Сдавленный уставомъ 84-го года, университетъ поникъ и захирѣлъ, и печальныя явленія конца 80-хъ годовъ рѣзко отразились на его составѣ. Съ этихъ поръ университетъ не могъ подняться на прежнюю высоту какъ по составу своихъ профессоровъ, такъ и по духу. Но это не вина университета, изъ котораго была изгнана свободная наука и вмѣстѣ съ нею одинъ за другимъ ушли лучшіе ея представители. Все послѣдующее было яркой иллюстраціей простой истины, что наука только тогда и можетъ стоять на высотѣ, когда она *свободна*. Науку хотѣли сдѣлать служанкой политики, ради которой кромсались и выкраивались особыя программы. Вліяніе университета на его воспитанниковъ мало-по-малу стало слабѣть и пало окончательно. Получилось странное, ничѣмъ не объединенное сожитіе, симбіозъ двухъ корпорацій—студенчества и профессуры. Профессора почитывали, студенты похаживали въ университетъ, но общаго ничего другъ съ другомъ не имѣли, что рѣзко сказывалось въ минуты волненій, когда этотъ нормальный, вѣрнѣе было бы сказать архи-ненормальный, — порядокъ нарушался. И такъ какъ волненія стали обычнымъ явленіемъ, то полное духовное разъединеніе университета дошло до крайняго предѣла. Обѣ стороны просто перестали понимать другъ друга, и вмѣсто науки явился дипломъ, какъ единственная цѣль прохожденія университетскаго курса. Цѣль университетскаго устава 84-го года была блестяще осуществлена. Политика выгнала науку изъ стѣнъ университета и въ переносномъ, и въ буквальномъ смыслѣ слова: наука была перелицована въ духѣ требованій времени, въ строгомъ соотвѣтствіи съ предписаніями программъ, а слушатели предпочли политику въ чистомъ видѣ такой изуродованной и изнасилованной наукѣ.

И то, что мы видимъ теперь, небывалое еще въ жизни университета явленіе—всеобщая забастовка учащихся и учащихъ вытекаетъ какъ естественное послѣдствіе всего предшествующаго университетскаго режима. Въ стѣнахъ все того же московскаго университета раздались и первые голоса о необходимости коренной реформы. Профессоръ Тимирязевъ выступилъ въ защиту академической свободы, видя въ ней единственное условіе, при которомъ мыслима нормальная жизнь университета: свободная работа свободной научной мысли. «Право университетскаго самоуправленія,—говоритъ онъ,—является, конечно, не самодовлѣющею цѣлью, а только средствомъ осуществленія гораздо болѣе важнаго общаго блага — обезпеченія одного изъ коренныхъ и первичныхъ источниковъ свободной мысли—свободы преподаванія... Карательное примѣненіе личной цензуры,—продолжаетъ уважаемый дѣятель,—въ дѣлѣ универси-

тетскаго преподаванія сравнительно менѣе вредно, чѣмъ его возможное предупредительное дѣйствіе, развивающее усиленное предложеніе тѣхъ качествъ на которыя предъявляется спросъ всемогущими бюрократическими охранителями науки». Отстаивая широкую академическую свободу, профессоръ Тимирязевъ возстаетъ противъ того полицейскаго режима въ университетѣ, при которомъ, по его выраженію, студентъ сталъ крѣпостнымъ человѣкомъ. «Вступая въ стѣны университета, студентъ съ первыхъ шаговъ и до выхода оплетенъ цѣлою сѣтью обязательныхъ лекцій, экзаменовъ, зачетовъ и т. д. Какъ дико звучать всѣ эти слова для слуха европейскаго или даже стараго русскаго студента, а между тѣмъ находились поколѣнія учащихъ и учащихся, которыя не могутъ себѣ представить свободной университетской науки внѣ этой школьно-полицейской обстановки... Не пора ли предоставить русскому человѣку,—спрашиваетъ онъ въ концѣ своей статьи,—пользоваться своими правами и свободой во всей ихъ полнотѣ и не начать ли съ начала, съ освобожденія мысли и тѣхъ учрежденій, которыя были дѣйствительными исконными ея орудіями тамъ, откуда они заимствованы нами» *).

Въ «Нов. Времени» г. Суворинъ думаетъ рѣшить вопросъ гораздо проще: выписать изъ-за границы врачей, инженеровъ, юристовъ и прочихъ университетскаго образованія «рабочихъ» и приставить ихъ къ дѣлу по указанію начальства. Рѣшеніе столь простое, что можно только подивиться, какъ оно раньше не пришло въ голову тому или иному канцелярскому «генію». Но какъ и всѣ простыя рѣшенія, оно страдаетъ однимъ недостаткомъ: неудобоисполнимостью. Бумага все терпитъ, и ничего нѣтъ легче, какъ предписать: за закрытіемъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, выписать изъ-за границы столько-то обученныхъ высшимъ наукамъ лицъ. А какъ быть съ неопреодолимымъ напоромъ жизни, стремящейся къ знанію, этого никакая бумага не рѣшитъ. Жизнь идетъ по своимъ, не бумажнымъ законамъ, и намъ, какъ бы ни хлопоталъ г. Суворинъ и всѣ его присные, нельзя не считаться съ этими законами жизни, не укладывающимися въ старыя излюбленныя рамки административнаго усмотрѣнія. Не поможетъ и другой проектъ той же нововременской канцеляріи, а именно г. Зенгера, который предложилъ (въ № отъ 11 февр.) замѣнить государственные университеты *частными* «факультетами», «высшими курсами», «университетами» и т. п. Если живо приняться за дѣло,—по словамъ г. Зенгера,—то уже къ осени будетъ открыто достаточное количество высшихъ заведеній всякаго рода и на всякую потребу. Мысль г. Зенгера пришлась очень по вкусу А. С. Суворину, и мы увѣрены, что онъ втайнѣ уже мечтаетъ открыть «нововременскій университетъ» въ pendant къ его «парламенту мнѣній». Обставить его нужными силами для г. Суворина ничего не стоитъ. Такъ, г. Борисъ Никольскій откроетъ курсъ особаго государственнаго права— «о значеніи участка какъ высшей и единственно-русской формы исконнаго государственнаго порядка». «Начатки» изъ этого курса онъ уже читалъ въ «Рус. Собраніи» и не безъ успѣха. По крайней мѣрѣ, вышелъ большой шумъ и много поучительнаго происходило въ залѣ, гдѣ леталъ не то звонокъ, не то

*) „Русскія Вѣдомости“ 1904 г., № 330.

предсѣдатель, гасло внезапно электричество, а въ разныхъ углахъ раздавались звуки «рукоприкладства». При надлежащемъ руководствѣ самого старика А. С. Суворина, г. Борисъ Никольскій справится и дальше съ своимъ курсомъ и съумѣетъ завершить его полной апологіей участка. Далѣе, г. Николай Энгельгардтъ прочтетъ курсъ русской литературы, въ коемъ, заимствуя, безъ указанія источниковъ (на то и «свободная» наука), изъ разныхъ авторовъ, докажетъ, что безъ цензуры русская литература никогда бы не развилась и не достигла своей современной высоты, а потому цензура и впредь должна оставаться высшей хранительницей и вершительницей интересовъ русской литературы. Г-нъ Меньшиковъ прочтетъ курсъ вообще о необходимости охраны русской науки фельдфебелемъ. Г-нъ Скальковскій—нѣчто о женщинѣ, о балетѣ въ частности, г. Буренинъ—о жидѣ, самъ г. Суворинъ—о земскомъ соборѣ всѣхъ околоточныхъ, урядниковъ, становыхъ приставовъ и земскихъ стражниковъ, земскихъ начальниковъ и т. д. Что касается слушателей «суворинскаго университета», то въ нихъ, мы увѣрены, недостатка не будетъ, какъ показываютъ письма, которыя украшаютъ столбцы этого органа. Мы имѣемъ въ виду не только письма за подписью столь обычною для этой газеты, какъ появившееся въ № 10.397 (отъ 14 февраля) господъ А. Б. Карудъ, С. М. Тоиди, И. Нойпшъ, и Григ. Цепулгъ, но и другихъ имъ подобныхъ корреспондентовъ, жаждущихъ просвѣтиться истиннымъ свѣтомъ свободной нововременской науки. Вотъ гдѣ,—вы подумайте только!—скрывается нынѣ жажда просвѣщенія.

Свою богатую идею г. Зенгеръ находитъ вполнѣ осуществимою, если только она не встрѣтитъ сопротивленія «въ вѣдомственномъ предразсудкѣ, будто опасно дать свободу преподаванія университетскихъ дисциплинъ лицамъ, не состоящимъ на государственной службѣ». Но, продолжаетъ онъ, «я откровенно скажу: мнѣ совершенно безразлично, не читаетъ ли въ аудиторіи справа отъ моей герцогъ Альба ботанику, а въ аудиторіи слѣва отъ моей Маратъ—санскритскую грамматику». Государство путемъ экзаменовъ пусть контролируетъ, читаютъ ли эти лица науку, но пусть не вмѣшивается «въ замѣщеніе нами каѳедръ, въ выборы нами ректоровъ, декановъ, въ наши учебные планы и программы». Совершенно вѣрно,—но тогда зачѣмъ же частные университеты? Если наши высшія учебныя заведенія получили бы то, о чемъ хлопочетъ г. Зенгеръ для частныхъ, то не было бы и забастовокъ, не было бы розни между учащими и учащимися. И какъ жаль, что г. Зингеръ не додумался до своей идеи «свободнаго университета» въ то время, когда онъ былъ еще министромъ народнаго просвящещенія...

Раскрѣпощеніе университетовъ — вотъ что приведетъ къ нормальному въ нихъ порядку. Не придется тогда праздновать юбилеи высшихъ учебныхъ заведеній при закрытыхъ дверяхъ, и мы вѣримъ, что въ концѣ концовъ такъ оно и будетъ. Время всякихъ паліативовъ и сурогатовъ прошло, и вмѣстѣ съ широкимъ потокомъ возрожденія всей русской жизни вольется и свѣжая струя свободы и науки въ затхлую атмосферу нашихъ университетовъ. Они снова займутъ подобающее имъ мѣсто насадителей и руководителей истиннаго просвѣщенія и культуры въ родной странѣ.

Неблагодарною въ смыслѣ результата, но любопытною въ психологическомъ отношеніи задачею было бы—сравнить наши особо-шовинистическія газеты, вродѣ «Нов. Времени», «Свѣта», «Бирж. Вѣд.» и т. п., теперь и годъ тому назадъ. Читающая публика забывчива и легкомысленна, на чемъ и спекулируютъ не очень устойчивые публицисты. Только этимъ и можно объяснить всѣ рѣжущія противорѣчія, которыми такъ обильно хотя бы одно только «Нов. Время» и такъ злоупотребляютъ теперь нѣкоторые изъ господъ военныхъ корреспондентовъ, какъ, напр., гг. Кириловъ изъ «Руси» и В. И. Немировичъ-Данченко изъ «Рус. Слова». Сопостовленіе того, что эти «добросовѣстные очевидцы» и «благородные свидѣтели» писали еще полъ-года тому назадъ, съ тѣмъ, что они разъясняютъ теперь въ яко бы покаяннымъ порывѣ, было бы весьма назидательно... для читателей, конечно, а не для гг. военныхъ корреспондентовъ, родъ которыхъ «неисправимъ, хоть брось». Вредъ, причиненный ихъ сообщеніями, все равно уже не исправить. Дѣло свое они сдѣлали, напустивъ такого туману, въ которомъ и сами они уже разобраться не могутъ. Поэтому и уловлять ихъ на противорѣчіяхъ представляется намъ болѣе чѣмъ неблагодарною работою, и гораздо полезнѣе обратиться къ тѣмъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ о нашемъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ, которыя стали появляться за послѣднее время въ видѣ вполнѣ солидныхъ и дѣльныхъ изслѣдованій.

Однимъ изъ такихъ безспорно можетъ считаться почтенная работа г. П. Головачева «Россія на Дальнемъ Востокѣ», въ которой авторъ, вооруженный всѣми имѣющимися нынѣ свѣдѣніями о Манчжуріи и Квантунѣ, спокойно и безпристрастно разбиваетъ одну за другой нововременскія мечты о «Желтороссіи». Этотъ терминъ, какъ извѣстно, былъ пущенъ въ оборотъ газетой «Чего изволите» еще тогда, когда о завладѣніи Маньчжуріей и рѣчи не было. Газета г. Суворина шла, такъ сказать, впереди событій и предуказывала пути для нашей дипломатіи, усердно муссируя «Желтороссію» и всячески стараясь привить новый, изобрѣтенный ею, географическій терминъ русскому читателю. И послѣдній не то что поддался обаянію новаго термина, но сталъ и въ самомъ дѣлѣ думать, что какъ есть Малороссія, Бѣлороссія, такъ почему бы не быть и «Желтороссіи». Мы увѣрены, что это роковое нынѣ словечко сыграло свою роль въ путаницѣ взглядовъ на наши задачи и цѣли на берегахъ Великаго океана. Заманчиво, въ самомъ дѣлѣ, мечтать у себя въ Петербургѣ о всякихъ «Желтороссіяхъ», когда юркій газетчикъ тутъ же распинается, что стоитъ только руку протянуть—и «Желтороссія» со всѣми ея сокровищами въ карманѣ. Правда, мы не отдавали себѣ яснаго отчета, гдѣ эта «богатѣйшая, текущая млекомъ и медомъ» страна. Но на то есть г. Сигма, есть г. Суворинъ, есть, наконецъ, г. Меньшиковъ: они разберутъ. И они разбирали...

И вдругъ оказывается, что разбирать-то уже поздно. Явилось совершенно непредусмотрѣнное объстоятельство, въ видѣ Японіи, съ одной стороны, а съ другой—въ видѣ населенности Маньчжуріи, ея культуры, совершенно не подходящей для будущаго русскаго поселенца, ея торговли, цѣликомъ захваченной другими, и многихъ другихъ обстоятельствъ, только теперь вполнѣ выясняющихся. Очевидность того, что «Желтороссія» такъ и останется въ области

мечтаній, стала нынѣ непререкаемымъ фактомъ даже для нововременскаго «парламента», въ которомъ мы прочли, безъ всякаго, впрочемъ, недоумѣнія, такое заявленіе въ статьѣ «Дѣйствительность Дальняго Востока» (въ № отъ 7-го февр.): «Если бы Портъ-Артуръ и Квантунскій полуостровъ были дѣйствительно выходомъ къ теплому морю! Къ сожалѣнію, это какая-то *ловушка*... По моему мнѣнію, Портъ-Артуръ не имѣетъ никакого для насъ значенія. Какой же это портъ, когда, пріѣзжая туда, приходится качаться на открытомъ рейдѣ по двое сутокъ, прежде чѣмъ удастся проскользнуть въ эту ловушку... Затѣмъ и внутренняя гавань Портъ-Артура мелководна. Съ моей точки зрѣнія, да и съ чьей угодно, рельефъ горъ, окружающихъ Портъ-Артуръ, и характеръ горныхъ породъ таковъ, что эта бухта обречена на прогрессивное обмелѣніе; разрушающіяся горныя породы сносятся въ море; сдѣлать здѣсь ничего нельзя... Не такъ-то приходится, стало быть, печалиться объ этомъ злополучномъ Портъ-Артурѣ», заканчиваетъ та самая газета, которая еще недавно, бія себя въ грудь, устами г. Суворина вопіяла, что «въ Портъ-Артурѣ нынѣ сердце Россіи». А когда Портъ-Артуръ былъ взятъ, тотъ же г. Суворинъ заливался слезами (въ «Маленькомъ письмѣ», конечно), заявляя, что онъ можетъ «только плакать, плакать». Теперь онъ быстро утѣшился, какъ видимъ, убѣдившись, хотя и немножко поздно, что Портъ-Артуръ—«это ловушка». Но «Квантунскій полуостровъ? Что же онъ представляетъ для насъ?» вопрошаетъ изумленный такой откровенностью г. Суворина читатель въ цитируемой нами статьѣ. «Да ровно ничего! — презрительно отвѣчаетъ г. Суворинъ.—Нельзя устраивать издали міровые центры, хотя бы и на американскій манеръ. Исторія экономическаго развитія и его законы одинаковы для всѣхъ странъ», поучительно замѣчаетъ онъ далѣе, совершенно запамятовавъ теорію «Новаго Времени» объ особыхъ законахъ развитія, созданныхъ для Россіи, и продолжаетъ: «Дальній, какъ конечный пунктъ сибирской магистрали, да это абсурдъ. Есть ли хотя одинъ міровой портъ, оторванный отъ территоріи страны, которой онъ принадлежитъ, и лежащій къ тому же на узкомъ полуостровѣ?» торжествуетъ газета. Итакъ, пусть пропадаетъ Дальній, кстати, онъ же въ рукахъ Японіи. Ну, а Маньчжурія, то бишь «Желтороссія»,—она какъ по вашему?—продолжаетъ допытываться назойливый читатель. «Мы сыграли въ руку американцамъ, выстроивши южно-маньчжурскую дорогу... Мы раздразнили ихъ апетиты. Толковалось о неисчерпаемыхъ богатствахъ края, попавшаго въ лапы сѣвернаго медвѣдя», меланхолически замѣчаетъ авторъ, пока, видимо, еще не рѣшаясь поставить окончательно крестъ на Маньчжуріи и взваливая отвѣтственность за наши ошибки на коварныхъ американцевъ, которые раззадорили насъ и втянули въ опасную игру. Но все-таки, какъ же быть съ «Желтороссіей»?—пристаетъ неотвязчивый читатель. Да никакъ, и даже очень просто. А. С. Суворинъ окрестилъ Маньчжурію этимъ именемъ такъ же просто, какъ Хлестаковъ разрѣшилъ Бобчинскому именовать своего сына, рожденнаго «внѣ брака, но какъ бы въ ономъ», Бобчинскимъ. Хлестаковская выходка г. Суворина есть только хлестаковщина, и больше ничего, хлестаковщина, надъ которой онъ такъ же мало задумывается, какъ теперь съ легкимъ сердцемъ

отказывается отъ Портъ-Артура, Дальняго и тому подобнымъ «ловушекъ». Ибо что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ?..

Были же, однако, и болѣе серьезные доводы за то, чтобы занимать Маньчжурію, или же мы сунулись туда, не взвѣсивъ всѣхъ за и противъ, если теперь такъ легко готовы наши «патріоты» отказаться отъ всего, что связано съ Маньчжуріей? Это пока никому не извѣстно, а извѣстно вотъ что, какъ узнаемъ изъ книги г. Головачева.

Онъ начинаетъ съ описанія нашей колонизаціи Приамурья, которая стоила громадныхъ средствъ, но привела къ самымъ печальнымъ результатамъ. За все время владѣнія этимъ краемъ, пространствомъ до одного милліона квадратныхъ верстъ, чисто-земледѣльческаго населенія здѣсь было не болѣе 175 тысячъ и около 60 тысячъ войска, чиновниковъ и инородцевъ, т.-е. около ¼ человѣка на квадратную версту, или 1 человѣкъ на 4 кв. версты. Селили этихъ «человѣковъ» здѣсь насильно, или заманивая ихъ сюда всяческими льготами, огромными надѣлами, вспособленіями и т. п. Няньчились съ ними, какъ съ грудными младенцами, и въ концѣ концовъ добились слѣдующаго: «Нигдѣ такъ ярко не выступаютъ лѣнь и безпечность жителей, нигдѣ не бросаются такъ въ глаза какія-то городскія замашки и претензіи вмѣстѣ съ крайней нищетой и бездомовностью... Казаки сами говорятъ: «у насъ въ станицѣ можно съ голоду помереть». Многіе стали «бѣгать» изъ поселеній, и пришлось принять энергическія мѣры противъ побѣговъ». «По мнѣнію старожиловъ, мѣстные казаки вырождаются, дѣти ихъ слабы въ физическомъ и умственномъ отношеніи, они чужды предпріимчивости и энергіи. Несмотря на 40-лѣтнее пребываніе въ краѣ, имъ извѣстны лишь ближайшія мѣстности къ станицамъ. Изъ боязни тигровъ и хунхузовъ, мѣстное населеніе почти не занимается охотой, несмотря на обилѣе дичи». Занимались сначала лучшія мѣста, потомъ, когда лѣса порубили, землю истощили и загадили, ихъ стали бросать и пускались въ поиски за новыми. Въ результатѣ полувѣкового заселенія, «Приамурскій край,—по свидѣтельству оффиціальной записки бывшаго губернатора области Унтербергера,—разсматриваемый какъ цѣлое, до сихъ поръ не только не имѣетъ продажныхъ излишковъ хлѣба, но, напротивъ, ввозитъ хлѣбные продукты въ большемъ количествѣ, чѣмъ ввозилъ 10 лѣтъ тому назадъ». «Такъ въ 1895 г. во Владивостокъ было ввезено морскимъ путемъ, 829.000 пудовъ хлѣба, а въ 1900 г. количество ввознаго хлѣба, непрерывно возрастая, достигло 3.000.000 пудовъ; кромѣ того, въ томъ же году изъ Маньчжуріи было ввезено въ Приамурье 1½ пуд. разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ».

Такъ мы хозяйничаемъ у себя, дома, безъ конкуренціи. Китайцы и корейцы только помогаютъ здѣсь русскимъ, снимая у нихъ свободныя земли и превосходно ихъ обрабатывая. Безъ нихъ ничего не было бы, особенно по части овощей, которыя только ими и культивируются. Главный городъ области Владивостокъ тоже исключительно административно-военный центръ, не имѣющій никакого торгово-промышленнаго значенія. Это искусственно созданный городъ. «Во-первыхъ, здѣсь устраивалась первоклассная крѣпость, тратились

милліоны рублей на возведеніе фортовъ, постройку казармъ; во-вторыхъ, здѣсь расположены военно-морскія учрежденія—обширныя мастерскія, докъ, часто стояли на отдыхѣ суда тихоокеанской эскадры; въ-третьихъ, въ послѣдніе годы ввозилась масса грузовъ для постройки уссурійской и маньчжурской желѣзныхъ дорогъ». Частная предпріимчивость, торговля и промышленность отсутствуютъ, потому что здѣсь имъ дѣлать нечего.

Амурская область за 50-лѣтній періодъ дала дефицита 32.788.309 руб. Приамурская область за 40 лѣтъ дала дефицита 231.508.414 р., а все вмѣстѣ, считая проценты на затраченный капиталъ и стоимость содержанія войскъ и администраціи съ 1900 г.—выразится въ 400.000.000, которые пришлось уплатить Россіи. За послѣднее десятилѣтіе расходы увеличились въ 40 разъ, при чемъ 90% ихъ падаетъ на администрацію, войско и флотъ.

«Причина этихъ огромныхъ дефицитовъ—страхъ утраты Приамурія: растутъ укрѣпленія, сооруженія, контингентъ войскъ, флотъ, особенно съ 1884 г., основывается приамурское генералъ-губернаторство. Въ 1895 г., послѣ японско-китайской войны, этотъ страхъ усиливается убѣжденіемъ, что Китай дряхлъ, что скоро послѣдуетъ его раздѣленіе, что Тихій океанъ—Средиземное море будущаго, и поэтому Россіи необходимо имѣть подлѣ Китая и Великаго океана прочную базу»,—и мы двинулись въ Маньчжурію, въ Портъ-Артуръ и Дальній. Что же насъ тамъ ожидало?

«Сторонники пріобрѣтенія Маньчжуріи указываютъ на нее, какъ на обширную и удобную страну гдѣ открывается большой просторъ для примѣненія экстенсивнаго хозяйства, слѣдовательно, какъ на территорію, куда можно направить широкій колонизаціонный потокъ изъ внутренней Россіи». На дѣлѣ оказалось нѣчто прямо поразительное. Эта огромная страна въ 600.000 кв. верстъ въ громадной части представляетъ горы, неудобныя для поселенія, топкія, заливаемыя половодіями долины и лишь небольшіе удобные для поселенія участки, всѣ уже занятые и перенаселенные. Климатическія условія тяжкія и для непривычныхъ свѣжихъ людей невыносимыя. Условія обработки земли очень сложныя, требующія огромнаго напряженія силъ, искусства, привычки и знанія.

Цифра населенія Маньчжуріи колеблется, но приблизительно ее можно принять отъ 12 до 14 мил. Главный контингентъ составляютъ китайцы, коренного маньчжурскаго населенія насчитывается до одного милліона. «Съ инстинктомъ земледѣльца, пріобрѣтеннымъ тысячелѣтней работой надъ землей, съ неслыханнымъ врожденнымъ трудолюбіемъ, съ крайне малыми потребностями, китайцы уже заняли едва ли не всѣ мѣстности Маньчжуріи, сколько-нибудь удобныя для земледѣльческаго труда». Гиринская и Мукденская провинціи населены очень густо—не менѣе 10 мил. туземцевъ. Квантунскій полуостровъ еще гуще—до 95 ч. на квадратную версту (одинъ на десятину). Земля очень цѣнится, что видно изъ того, какъ она дробится: высшая мѣра «му» около $1^1/_{17}$ десятины, меньшая «хао» около квадратнаго аршина. «Въ податныхъ спискахъ можно видѣть, что у мелкаго землевладѣльца числится нѣсколько «хао». Для широкаго экстенсивнаго хозяйства, о которомъ мечтаетъ

проф. Мигулинъ для русскихъ пришельцевъ въ Маньчжурію, тамъ уже нѣтъ мѣста, нѣтъ удобной свободной земли, и если въ Приамурьи возможно было согнать съ насиженныхъ мѣстъ нѣсколько тысячъ корейцевъ и манзъ, то эту операцію немыслимо повторить съ нѣсколькими милліонами маньчжурскихъ туземцевъ». Но допустимъ, что наши Хлестаковы также легко раздѣлываются съ десятками милліоновъ, какъ съ единицами... на бумагѣ, конечно. Чего имъ стѣсняться въ своемъ отечествѣ? Знаютъ ли они, что такое манчьжурская хлѣбная культура? Навѣрное, никому изъ нихъ и не снилось, что это—почти садовая культура полей, и при томъ культура единственно здѣсь возможная. И тѣмъ не менѣе, при всей кропотливости такой обработки, малоземелье таково, что земля не обезпечиваетъ земледѣльца, и большинство населенія прибѣгаетъ къ посторроннимъ заработкамъ.

Выводъ, надѣемся, ясный: русскому переселенцу нечего соваться въ Маньчжурію, немыслимо ему конкурировать съ китайцами и его вѣковой культурой. Переселенецъ, впрочемъ, и не совался. Шелъ въ Маньчжурію особый типъ русскаго завоевателя и патріота, получившій въ литературѣ имя «манчжурца». «Это—типъ, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ описаннымъ Щедринымъ въ свое время «ташкентцемъ». Глаза пріобрѣтаютъ болѣе хищный блескъ, ротъ расширется въ виду увеличенія аппетита, на головѣ появилась огромная мохнатая папаха, чтобы наводить подобающій страхъ на «невѣрныхъ». Типу этому свойственно носить сапоги бутылками, рубаху-косоворотку, толстую цѣпь новаго золота на животѣ, выступать храбро и съ гордостью посреди улицы и давать въ ухо нахалу-манзѣ, если онъ осмѣлится не посторониться передъ носителемъ культуры». Соотвѣтственно такому типу сложилась и жизнь русскихъ въ Харбинѣ, Портъ-Артурѣ, Гиринѣ. «Лучше всего организованъ въ Харбинѣ институтъ воровъ... Самое выгодное занятіе въ Харбинѣ—лупанары, и ихъ открываютъ даже счетоводы Восточной Китайской дороги». «Когда я вижу, — пишетъ корреспондентъ «Восточнаго Обозрѣнія», какъ повсюду третируютъ китайцевъ, хотя бы на нашемъ вокзалѣ, какъ ихъ тамъ толкаютъ, ругаютъ, бьютъ, дергаютъ за косу, опрокидываютъ лотки китайскихъ разносчиковъ, грабительски берутъ съ лотковъ папиросы, орѣхи, фрукты, то мнѣ кажется, что сюда пріѣхали не люди, а вырвались спущенные съ цѣпи злые псы, вкусившіе человѣческаго мяса». Относительно Портъ-Артура авторъ приводитъ слова Цабеля, который говоритъ, что «ни въ какомъ другомъ городѣ Востока женщинамъ не предоставлено столь независимое положеніе, какъ именно въ этомъ пунктѣ. Здѣсь преимущественно пребываютъ дамы полусвѣта, которыя здѣсь буквально кишатъ, и которымъ можетъ быть противопоставленъ лишь весьма слабый контингентъ дѣйствительно приличныхъ женщинъ».

Но промышленность, торговля — вотъ что главное. Постепенно явятся солидные люди, торговыя фирмы, а вмѣстѣ съ ними и лучшіе представители русской культуры. Однако, съ безпощадными цифрами въ рукахъ, г. Головачевъ разбиваетъ всѣ иллюзіи, убѣждая, что никогда въ Маньчжуріи не было и не будетъ ни русской торговли, ни русской промышленности. Мѣсто уже

занято, и такъ основательно, что о конкуренціи съ другими народами русскому промышленнику и торговцу нечего и думать. На долю Россіи въ торговлѣ съ Китаемъ въ 1894 г. приходилось 1,55%, тогда какъ Великобританіи—75%, Германіи—6,6%, Японіи—2,5%. Изъ общей суммы торговыхъ оборотовъ Россіи въ этомъ на торговлю съ Китаемъ приходилось 42,99 милл., рублей, причемъ *ввозъ* изъ Китая составлялъ 38,5 милл. руб., а *вывозъ* изъ Россіи 4,49 милл. руб. Эти данныя дѣлаютъ невозможнымъ всякіе разговоры о «преобладаніи русскаго вліянія въ Китаѣ», о «завоеваніи китайскаго рынка». Да русскій торговецъ туда и не ѣдетъ, такъ какъ не можетъ не только конкурировать своими плохими сравнительно съ западно-европейскими и американскими товарами, но его и не соблазняетъ сравнительно низкій процентъ прибыли, которымъ онъ долженъ здѣсь довольствоваться. Привыкнувъ у себя дома считать прибыль десятками процентовъ, онъ можетъ получить здѣсь какіе-нибудь 5—6%, да и то съ затратой большой энергіи и инициативы, которыхъ у него нѣтъ. А его русская недобросовѣстность, халатность, неаккуратность въ платежахъ дѣлаютъ невозможнымъ продолжительныя съ нимъ сношенія. «Не обманешь — не продашь», этотъ исконный принципъ русской торговли сразу подрываетъ всякій кредитъ и обрываетъ дальнѣйшія торговыя сношенія. И получается въ концѣ концовъ такой курьезъ. Въ то время какъ русская армія сражается не на животъ, а на смерть съ японской, — японскіе товары и японская торговля идетъ полнымъ ходомъ въ русской арміи, такъ какъ въ Мукденѣ, Гиринѣ, Харбинѣ всѣ товары доставляются японскими фирмами. Благодаря огромному составу арміи, въ Маньчжуріи развилась и процвѣтаетъ теперь японская промышленность, питающаяся русской арміей.

Что же дальше? Какъ быть теперь съ этимъ экспериментомъ въ видѣ оккупаціи Маньчжуріи со всѣми его послѣдствіями? Продолжать ли его настойчиво дальше, или ликвидировать съ наименьшимъ ущербомъ для интересовъ страны? Такова роковая дилемма, которая стоитъ теперь передъ русской бюрократіей требуя немедленнаго разрѣшенія, такъ какъ каждый лишній день вноситъ новыя осложненія.

Есть ли, прежде всего, надежда на возможность довести маньчжурскій экспериментъ до благополучнаго завершенія въ томъ видѣ, какъ это предполагалось его инициаторами и вдохновителями? Для этого необходимо побѣдить Японію, вытѣснить ее изъ Маньчжуріи, Квантуна, взять Портъ-Артуръ обратно, овладѣть Кореей, и главное—овладѣть моремъ, чтобы прервать доставку японскихъ силъ изъ Японіи на материкъ. Вотъ сколько всякихъ «если» надо себѣ представить, чтобы выполнить только первую часть задачи. Но далѣе предъ нами встаютъ — американцы и вся Западная Европа, тоже и не безъ основанія заинтересованные въ данномъ вопросѣ. Даже оптимисты «Нов. Времени», все еще продолжающіе отъ времени до времени выкликать «громъ побѣды раздавайся», и тѣ двусмысленно отвѣчаютъ на поставленные вопросы. Съ одной стороны, они ссылаются на какихъ-то французскихъ военныхъ специалистовъ, по мнѣнію которыхъ возможно взять Портъ-Артуръ и безъ помощи флота. Съ

другой, они увѣряютъ, что Японія истощена и желаетъ мира, и даже говорятъ о какихъ-то волненіяхъ внутри Японіи, направленныхъ противъ войны. Но что бы они ни говорили, можно одно сказать съ увѣренностью, что они и сами не вѣрятъ въ свои слова. Просто, бумага все терпитъ, а что изъ сего произойдетъ—не все ли равно?

Не будучи ни оптимистомъ, ни пессимистомъ, авторъ разбираемой книги трезво указываетъ на результаты войны, обнаружившіеся уже теперь, и приходитъ къ выводу, что дольше тянуть войну—не въ интересахъ Россіи.

«Девять мѣсяцевъ (теперь мы должны сказать 13, отчего выводы автора только становятся очевиднѣе. *А. Б.*) уже раскрыли всю глубину бѣдствій, порожденныхъ ею: нѣсколько десятковъ тысячъ людей погибло въ самомъ производительномъ періодѣ жизни, двѣ-три сотни семействъ, т.-е. болѣе милліона человѣкъ лишились существенной поддержки въ лицѣ оторванныхъ рабочихъ рукъ, промышленный кризисъ поставилъ въ безвыходное положеніе, конечно, не одну сотню тысячъ человѣкъ, сотни милліоновъ рублей затрачены на военныя цѣли, между тѣмъ какъ самыя элементарныя культурныя задачи остаются безъ разрѣшенія, и страна регрессируетъ въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи. Война какъ нельзя лучше показала крайне легкую уязвимость и чрезвычайную неустойчивость русскаго народно-хозяйственнаго организма. Исключительная роль бюрократіи въ русской государственной жизни, далеко выходящая за естественные предѣлы, исключительное ея вліяніе на экономическую политику страны въ концѣ концовъ оказались важнѣйшей причиной общаго упадка жизни въ Россіи, что въ заключеніе выразилось и въ крайнемъ упадкѣ ея матеріальнаго благосостоянія... Въ настоящее время до очевидности ясно, что отсталость Россіи отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлалась для нея причиной экономическаго гнета со стороны послѣдней, стала источникомъ моральныхъ униженій, словомъ, сдѣлалась истинной и грозной національной опасностью. Для борьбы съ этой отсталостью, и прежде всего для культурнаго подъема народныхъ массъ и должны быть мобилизированы всѣ живыя, творческія силы націи; на это преимущественно и должны употребляться средства, собираемыя съ народа, а не на грандіозныя, стоящія милліарды предпріятія, мотивы которыхъ представляются вполнѣ загадочными, а цѣли неясными и сомнительными, такъ какъ объектомъ этихъ предпріятій является оккупація отдаленныхъ чужихъ территорій, не имѣющихъ ничего общаго съ народно-хозяйственною жизнью страны»...

Такимъ образомъ, ликвидація маньчжурскаго эксперимента—вотъ единственное разрѣшеніе того узла, который завязала русская дипломатія на Дальнемъ Востокѣ. Авторъ не указываетъ, какъ и на какихъ началахъ должна совершаться эта ликвидація, но путь для нея намѣченъ съ достаточной ясностью въ заключительныхъ словахъ его поучительной книги: «Предоставленное въ Европѣ народу организованное право контроля надъ употребленіемъ собираемыхъ съ него средствъ не только является лучшей гарантіей бережливаго и дѣйствительно полезнаго ихъ расходованія, но и препятствіемъ для осуществленія сомнительныхъ предпріятій, по крайней мѣрѣ, въ слишкомъ широкомъ, разорительномъ и пагубномъ для страны масштабѣ».

Необходимость ликвидаціи, повидимому, стала теперь настолько всеобщей, что даже «патріоты» изъ суворинскаго «парламента мнѣній» какъ-то сонно и неувѣренно настаиваютъ на своихъ «патріотическихъ» мнѣніяхъ. Напр., г. Меньшиковъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ совѣтовать запасти побольше масла для облегченія плаванія второй эскадры по бурнымъ волнамъ Индійскаго океана. Самъ г. Суворинъ думаетъ, что «опаздывать съ миромъ можетъ быть даже слѣдуетъ», а вообще, конечно, и миръ—вещь недурная, хотя, впрочемъ, онъ получаетъ много писемъ, въ которыхъ одни не желаютъ мира, а другіе желаютъ «кто конституціи, кто революціи»; онъ же, Суворинъ, и самъ не знаетъ, что хуже («Новое Время» отъ 14-го февраля)... Все большая растерянность шовинистовъ очень знаменательна, ярко показывая, что и они почувствовали, если не сознали еще, насколько ихъ воинственное настроеніе рѣзко расходится съ настроеніемъ всей страны.

Вопросъ по существу уже рѣшенъ судьбою, и больше или меньше колебаній въ выборѣ момента, когда рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе,—это вопросъ политическаго такта и политической мудрости. И не намъ его рѣшать. Мы можемъ только выразить пожеланіе, чтобы этотъ моментъ наступилъ возможно скорѣе. И народные интересы, и интересы человѣчества сходятся въ этомъ пунктѣ непререкаемо, чтобы ни говорили гг. Суворины, Меньшиковы и всѣ современные «опричники», противъ которыхъ стоитъ вся, какъ одинъ человѣкъ, «земщина»... **А. Б.**

КЪ ПРЕДПРИНЯТОЙ РЕФОРМѢ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ О ПЕЧАТИ.

Въ числѣ реформъ, намѣченныхъ Указомъ 12-го декабря, значится и реформа дѣйствующихъ у насъ законоположеній о печати. Комитетъ Министровъ уже высказалъ свое заключеніе по этому вопросу, которое Высочайше утверждено 21-го января 1905 года, и дальнѣйшая разработка предначертаній, формулированныхъ въ журналѣ комитета министровъ, нынѣ передана особому совѣщанію, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Кобеко. Въ совѣщаніи принимаютъ участіе свѣдующія лица, по назначенію правительства, «съ предоставленіемъ предсѣдателю совѣщанія права приглашать въ засѣданія его лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій, въ томъ числѣ дѣятелей провинціальной печати». Степень участія приглашаемыхъ предсѣдателемъ лицъ въ работахъ совѣщанія точнѣе не опредѣлена. Что же касается общей задачи коммиссіи, то она заранѣе намѣчена разъясненіями, изложенными въ обнародованномъ извлеченіи изъ журнала засѣданій комитета министровъ 28-го и 31-го декабря минувшаго года. Одновременно комитетъ министровъ, принявъ во вниманіе, «что труды совѣщанія, въ виду сложности возлагаемой на него задачи, едва ли могутъ получить дѣйствіе ранѣе одного года», счелъ умѣстнымъ немедленно отмѣнить нѣсколько дополнительныхъ къ уставу о печати постановленій, признаваемыхъ имъ «съ точки зрѣнія охраны государственныхъ интересовъ, въ дѣйствительности, ненужными».

Эти отмѣны, выраженныя въ весьма нерѣшительной формѣ, не имѣютъ существеннаго значенія по вопросу о положеніи у насъ печати. Едва ли не самымъ новымъ и неожиданнымъ изъ сдѣланныхъ распоряженій является передача книгъ, признаваемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ политически вредными, «предварительно разсмотрѣнія ихъ комитетомъ», для отзыва въ Императорскую академію наукъ, а по предметамъ, «по коимъ въ академіи не имѣется соотвѣтствующихъ спеціалистовъ, въ иныя ученыя коллегіи». Такимъ образомъ, и академія наукъ и, возможно, университеты, разныя научныя общества и т. д. облечены новой функціей—въ роли какъ бы филіальныхъ отдѣленій цензурнаго комитета или главнаго управленія по дѣламъ печати. До сихъ поръ, во всей міровой исторіи, ни одному дѣйствительно «ученому» учрежденію, т.-е. ставящему себѣ единственной цѣлью безкорыстное и всецѣлое служеніе истинѣ, не приходилось выполнять такой роли, и врядъ ли настоящій ученый, какъ таковой, рѣшится принять ее на себя. Чтобы не искать далеко примѣра, припомнимъ хотя слѣдующія слова знаменитаго французскаго филолога и историка литературы, Гастона Париса, который, посвятивъ свои главные труды изученію родной старины, рѣшительно высказывался даже противъ придачи патріотическихъ тенденцій занятіямъ въ этой области. «Я исповѣдую всецѣло доктрину,—писалъ Гастонъ Парисъ, рѣшая вопросъ о зачаткахъ французской національности (см. его «La poesie au moyen-âge», 1-re serie, p. 90),—что наука не имѣетъ другого предмета, кромѣ истины, истины ради нея самой, безъ всякой заботы о хорошихъ или дурныхъ, вредныхъ или полезныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ она можетъ привести въ практической жизни». Это коренное условіе плодотворной научной работы.

Не намъ, конечно, здѣсь предрѣшать отвѣтъ академіи наукъ и иныхъ «ученыхъ коллегій», но не можемъ не напомнить, что для человѣка, посвятившаго себя служенію истины, ради нея самой, понятіе цензуры стоитъ совершенно внѣ его области мыслей.

Пока идутъ труды совѣщанія, окончательные результаты которыхъ, какъ указано въ журналѣ комитета министровъ, «едва ли могутъ получить дѣйствіе раньше одного года»,—положеніе печати остается по прежнему. Мы должны при этомъ напомнить нашимъ читателямъ, что хотя остается въ силѣ и 140 статья устава о печати, по которой могутъ быть изъяты изъ обсужденія тѣ или другіе вопросы, сообразно усмотрѣнію начальства, все же, согласно статьямъ 97 и 99 устава, дозволяется касаться даже вопроса о несовершенствѣ существующихъ постановленій, «тономъ, приличнымъ предмету», и соотвѣтственно постановленія комитета министровъ могутъ подлежать обсужденію. Но мы ограничимся указаніемъ на выдвинутую имъ основную дилемму, оставивъ вопросъ открытымъ до обнародованія результата работъ особаго совѣщанія.

Въ напечатанномъ извлеченіи изъ журнала комитета министровъ, на которое мы уже ссылались, если оставить пока въ сторонѣ выработанные имъ пункты немедленной отмѣны нѣкоторыхъ прежнихъ постановленій, усматриваются двоякаго рода соображенія: съ одной стороны, представлены дѣйствительныя нужды печати и указаны всѣ несовершенства дѣйствующихъ нынѣ

законовъ о печати; съ другой—поставленъ вопросъ лишь о болѣе цѣлесообразномъ правительственномъ надзорѣ за печатью.

Отрицательныя условія, въ которыя поставлена у насъ печать, весьма обстоятельно разобраны комитетомъ министровъ. Они сводятся къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: а) развитіе административныхъ взысканій фактически устранило судебный порядокъ преслѣдованія преступленій и проступковъ печати. б) Совокупность дѣйствующихъ нынѣ законовъ создала для русской печати столь тяжелыя условія, что они отразились весьма невыгоднымъ образомъ даже на развитіе русской научной мысли и задержали отъ оглашенія крупныхъ изслѣдованій и работъ нашихъ ученыхъ и переводовъ цѣнныхъ иностранныхъ сочиненій. Наконецъ, в) «путемъ полнаго запрещенія печати касаться того или другого вопроса, цѣлыя области русской жизни могли быть закрываемы для освѣщенія ихъ въ печати, которая при такихъ условіяхъ, конечно, не являла дѣйствительнаго отраженія государственныхъ потребностей и общественнаго мнѣнія». Многое вынужденно замалчивалось; многому,—только на основаніи того, что оно было дозволеннымъ, придавалось поневолѣ преувеличенное значеніе, въ то время какъ нельзя было высказываться «по предмету, дѣйствительно спорному и въ интересахъ государственныхъ нуждавшемуся во всестороннемъ освѣщеніи».

Діагнозъ поставленъ совершенно вѣрно. Журналъ комитета министровъ вскрываетъ, дѣйствительно, нѣсколько коренныхъ золъ, которыми поражена печать въ Россіи. Отсюда казался бы естественнымъ переходъ къ указанію радикальныхъ средствъ избавиться отъ этихъ золъ, освободивъ научную и общественную мысль отъ тяжелыхъ путъ, вредныхъ для умственной и государственной жизни страны, и замѣнивъ признаваемую пагубной систему административныхъ взысканій—отвѣтственностью лишь передъ закономъ. Въ журналѣ комитета министровъ говорится о необходимости *коренного* пересмотра нынѣ дѣйствующихъ правилъ о печати, критикуется «излишняя зависимость печати отъ административнаго усмотрѣнія», указывается неудовлетворительность какъ центральнаго управленія по дѣламъ печати, по отношенію къ столичной прессѣ, такъ и положенія, въ которое поставлены провинціальныя изданія; затѣмъ, высказавшись за учрежденіе особаго совѣщанія, о которомъ уже была рѣчь, комитетъ министровъ считаетъ необходимымъ,—«не предрѣшая *подробностей* устройства правительственнаго надзора за печатью на началахъ большей опредѣленности и закономѣрности», все-таки заявить свое убѣжденіе о необходимости такого *надзора*, который предположительно будетъ переданъ въ «независимое отъ вѣдомствъ учрежденіе, состоящее изъ высшихъ судебныхъ и административныхъ чиновъ». «Въ такое высокое, по составу своему, учрежденіе должны были бы поступать представленія администраціи всякій разъ, какъ злоупотребленіе печатнымъ словомъ вызоветъ не обращеніе къ судебному преслѣдованію, а принятіе иной, опредѣленной въ законѣ мѣры».

Этимъ и ограничивается по существу вторая, творческая работа комитета министровъ, въ дополненіи съ предшествовавшей ей критической, въ анализѣ нуждъ печати съ точки зрѣнія общественной и просвѣтительной. На эти во-

просы отвѣта не дается, или вѣрнѣе онъ данъ въ отрицательномъ смыслѣ, и выдвинутъ исключительно критерій надзора, опеки, признанія лишь государственныхъ потребностей, съ замѣной одного учрежденія другимъ, «внѣвѣдомственнымъ», но по сущности вполнѣ отвѣчающимъ нынѣ дѣйствующему учрежденію. Отсутствіе опредѣленнаго отвѣта на опредѣленно выраженныя потребности приводитъ къ нѣкоторому разочарованію. Оно не разсѣется, если особое совѣщаніе останется въ предѣлахъ, заранѣе ему какъ бы намѣченныхъ. Невольно задумываешься надъ причиной, побудившей комитетъ министровъ оставить передъ нами открытый вопросъ: какъ же быть съ тѣми, признанными имъ самимъ вполнѣ неудовлетворительными условіями, при которыхъ печать не являетъ дѣйствительнаго отраженія ни государственныхъ потребностей, ни общественнаго мнѣнія, и вынуждена молчать даже по спорнымъ предметамъ, «въ интересахъ государственныхъ нуждающимся во всестороннемъ освѣщеніи»? Но, можетъ быть, объясненіе дастся намъ въ работахъ совѣщанія, когда онѣ станутъ достояніемъ гласности.

Такъ какъ вопросъ о положеніи независимой печати признанъ у насъ, повидимому, еще спорнымъ, то, считая совершенно правильнымъ вышеуказанный діагнозъ ея болѣзненнаго у насъ состоянія, принятый комитетомъ министровъ, мы пользуемся случаемъ кстати указать по этому же вопросу на недавно вышедшій въ свѣтъ сборникъ «Въ защиту слова», куда вошелъ рядъ статей по наболѣвшему у насъ предмету. Въ этихъ статьяхъ, числомъ 35, подписанныхъ громкими и болѣе скромными именами русскихъ писателей, приведенъ рядъ иллюстрацій къ тѣмъ положеніямъ, о которыхъ сказано выше. Особый интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ статьи: В. А. Мякотина: «Одна страница изъ новѣйшей исторіи русской печати» и В. Я. Богучарскаго: «Законъ и жизненная практика». Затронуты и такія области, какъ судьба подцензурныхъ изданій, о которыхъ въ журналѣ комитета министровъ весьма мало сказано (статья К. К. Арсеньева: «Безцензурность и подцензурность»), но цѣнныя и любопытныя справки изъ нашей житейской практики не даютъ повода изобрѣсти какіе-либо абсолютно новые аргументы въ защиту принципа свободы печати. П. Н. Милюковъ, приступая къ разсмотрѣнію «субъективнаго и соціологическаго обоснованія свободы печати», высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: «Если вы спросите обыкновеннаго средняго англичанина, что онъ думаетъ о свободѣ печати,—онъ, вѣроятно, очень удивится и будетъ поставленъ въ затрудненіе: онъ давно уже объ этомъ сюжетѣ не думаетъ. И если вы будете все-таки настаивать, онъ можетъ быть скажетъ вамъ, что разсуждать о свободѣ печати это то же самое, что толковать о важности здоровья, объ употребленіи вилки и ножа за столомъ, о незамѣнимости желѣзныхъ дорогъ для цивилизаціи или о пользѣ стекла, и что лучше всего предоставить всѣ эти темы гимназистамъ среднихъ классовъ».

Дѣйствительно, нельзя не припомнить, что въ Англіи еще въ первой половинѣ XVII вѣка (1644) написанъ былъ памфлетъ Мильтона въ защиту свободы печати («Ареопагитика»), который г. Милюковъ съ полнымъ основа-

ніемъ называетъ «безсмертнымъ». Онъ переведенъ и на русскій языкъ. Англичане успѣли забыть вопросы о пользѣ или вредѣ цензуры, такъ какъ уже третье столѣтіе пользуются полной свободой печати. Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ цензура учреждалась, упразднялась, возстановлялась въ послѣдующія столѣтія, но въ теченіе XIX вѣкѣ «исчезла во всѣхъ государствахъ западной Европы и Южной Америки (въ Сѣверной Америкѣ она никогда не существовала), и въ настоящее время, кромѣ Китая и Персіи, сохраняется лишь въ Турціи, Черногоріи и Россіи». Приводимъ справку по энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона, какъ общедоступному источнику. Сознаніе, что переживаешь моментъ, уже пережитый другими націями, съ которыми на почвѣ культурнаго общенія мы давно сроднились духовно, не особенно способствуетъ вдохновиться для изысканія новыхъ аргументовъ въ пользу общепринятаго въ культурныхъ странахъ положенія. Недавно «Русск. Вѣдом.» напомнили, что даже въ Испаніи весь уставъ о свободѣ печати сведенъ къ одному положенію, выраженному въ нѣсколькихъ строкахъ. Намъ остается въ заключеніе лишь повторить слова Н. К. Михайловскаго, поставленныя въ заголовкѣ указаннаго сборника: «необходимость и благотворность свободы печати есть для меня такая же аксіома, какъ дважды два— четыре. Доказывать ее я не умѣю».

Ѳ. Батюшковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Крестьянскій вопросъ его значеніе. — Направленіе, данное ему Положеніемъ 19-го февраля и послѣдующимъ законодательствомъ. — Сельскохозяйственные комитеты и „Записка" предсѣдателя особаго совѣщанія о нуждахъ крестьянъ.— Положеніе вопроса въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Желательныя условія рѣшенія крестьянскаго вопроса. — II. Подзаконность дѣйствій должностныхъ лицъ. — Мѣры, намѣченныя комитетомъ министровъ. — Внутреннія условія законности дѣйствій, какъ властей, такъ и гражданъ.—III. Хроника.

I.

Въ ряду вопросовъ, выдвинутыхъ на первый планъ Высочайшимъ Указомъ 12-го декабря и требующихъ скораго и глубокаго рѣшенія, стоитъ крестьянскій вопросъ. По сложности и широтѣ захватываемыхъ имъ интересовъ онъ оставляетъ за собой всѣ другіе, такъ какъ касается не только правового и политическаго положенія крестьянства, но и экономическаго. Экономическое же положеніе крестьянъ тѣсно связано съ хозяйственными интересами всѣхъ остальныхъ классовъ населенія и измѣненіе его не можетъ не отразиться и на нихъ. Коренное и глубокое разрѣшеніе его неизбѣжно, такъ какъ экономическая политика истекшаго полустолѣтія и общія условія жизни крестьянъ привели ихъ къ столь тяжелому положенію, что дальнѣйшее его игнорированіе грозило бы правильному ходу государственной и общественной жизни. Это сознаніе въ настоящее время настолько всеобще, что заставило подавляющее большинство уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промыш-

ленности отдать свое вниманіе почти всецѣло крестьянскому вопросу и выставить цѣлый рядъ пожеланій коренного измѣненія правового положенія четырехъ пятыхъ русскаго населенія, пожеланій, близящихся въ настоящее время къ удовлетворительному разрѣшенію. Вопросы экономическіе — о крестьянскомъ малоземеліи, арендѣ, рабочій вопросъ въ деревни,—какъ затрагивающіе интересы классовъ, поставившихъ въ сельскохозяйственные комитеты большинство ихъ членовъ, трактовались съ меньшимъ единодушіемъ; тѣмъ не менѣе они были поставлены и были намѣчены пути и способы разрѣшенія основного изъ нихъ—крестьянскаго малоземелья.

Требованіе правового уравненія крестьянъ съ остальными гражданами Россіи было заявлено въ комитетахъ съ такимъ единодушіемъ, съ такой очевидностью вызывается силой вещей, что и Высочайшій указъ 12-го декабря, намѣчая рядъ настоятельнѣйшихъ реформъ, ставитъ удовлетвореніе этого требованія во главѣ угла.

Постановленіемъ комитета министровъ разработка практическихъ мѣропріятій по приведенію «законовъ о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи» и по обезпеченію имъ положенія «полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей», какъ предуказано въ Указѣ, передана особому совѣщанію о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Особое совѣщаніе, состоящее изъ высшихъ представителей нашей бюрократіи съ добавленіемъ нѣсколькихъ лицъ по вызову правительства, работаетъ надъ матеріалами доставленными ему губернскими и уѣздными комитетами. Отъ состава его и отъ полноты и характера находящагося въ его рукахъ матеріала будутъ зависѣть въ значительной степени и тѣ выводы, къ которымъ совѣщаніе придетъ. Нѣкоторыя указанія на ходъ и направленіе его работъ даетъ намъ произведенная по порученію совѣщанія сводка трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по вопросамъ о «крестьянскомъ правопорядкѣ» и «крестьянскомъ землепользованіи», а также «Записка по крестьянскому дѣлу» С. Ю. Витте.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ данныхъ, намѣчающихъ путь предположенныхъ реформъ, бросимъ взглядъ назадъ, на исторію крестьянскаго вопроса.

Положеніе 19-го февраля есть плодъ правительственной работы, совершенной въ крайне тяжелыхъ и едва ли нормальныхъ условіяхъ, и носитъ на себѣ слѣды ожесточенной борьбы государственныхъ интересовъ съ интересами привилегированныхъ классовъ тогдашняго общества—бюрократіи и дворянства, борьбы, протекшей безъ участія того слоя населенія, который всего ближе былъ заинтересованъ въ дѣлѣ—безъ участія крестьянъ.

Государственный интересъ, требовавшій освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, заключался, во-первыхъ, въ опасеніи народной революціи. Въ рѣчи, обращенной въ 1856 г. императоромъ Александромъ II къ предводителямъ Московскаго дворянства, выражена мысль, что «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу». Второй побудительной причиной являлось «развитіе силы и могущества Россіи» (рѣчь государя въ государствен-

номъ совѣтѣ 28-го января 1861 г.). Послѣ крымской кампаніи правительству лучше чѣмъ кому-либо было видно, что именно крѣпостной строй, тѣсно связанный со всѣмъ крѣпостнымъ государственнымъ укладомъ, и былъ причиной нашей слабости и нашего пораженія.

Извѣстно, что приступая къ работамъ по «улучшенію быта» крѣпостныхъ правительство не имѣло опредѣленнаго плана, и формы, которыя оно приняло, выработывались ощупью, въ процессѣ работы. Такъ, секретный комитетъ не шелъ въ 1857 г. дальше вопроса объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ. Въ рескриптѣ Назимову предположено полубезземельное освобожденіе крестьянъ, съ сохраненіемъ за помѣщикомъ вотчинной полиціи. Въ 1858 г. главный комитетъ, устанавливая основанія предстоящей реформы, признаетъ уже прекращеніе личнаго крѣпостного права. Но вопросъ о надѣленіи крестьянъ полевой землей въ собственность рѣшался еще отрицательно. Еще въ началѣ 1859 года, правительство, по поводу ходатайства Калужскаго комитета о правительственной гарантіи для выкупа полевыхъ земель, отвѣтило, что оно по этому вопросу не пришло еще къ окончательному рѣшенію. Надѣленіе крестьянъ землею въ собственность и правительственный выкупъ надѣльной земли были рѣшены въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Реакціонно настроенные главный комитетъ и государственный совѣтъ не оказались въ силахъ пошатнуть эти основныя положенія реформы, и ограничились лишь урѣзкой крестьянскихъ надѣловъ и введеніемъ дарового. Причина, почему государь всей силой своего авторитета сталъ на сторону основоначалъ проекта, выработаннаго редакціонными коммиссіями, изложена имъ самимъ. «Мы желаемъ,— сказалъ онъ въ цитированной уже рѣчи государственному совѣту,— давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщика, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для государства». Были, однако, и другія государственныя соображенія, дѣлавшія необходимымъ освобожденіе крестьянъ съ землей. Исключительно земледѣльческое государство, какимъ Россія являлась въ половинѣ XIX-го вѣка, не могло обосновать свои финансы на такой шаткой базѣ, какимъ являлось помѣщичье хозяйство, технически отсталое, лишенное капитала, собственныхъ орудій производства и организованное только въ барщинныхъ хозяйствахъ, и то крайне примитивно.

Плодомъ борьбы этихъ-то государственныхъ соображеній, съ интересами помѣстнаго дворянства, поддерживаемаго высшей бюрократіей, и явилось Положеніе 19-го февраля, отмѣченное слѣдующими характерными чертами. Надѣлы отведены были недостаточные; стоимость ихъ была переоцѣнена, а слѣдовательно и выкупные платежи оказались не соотвѣтствующими доходности надѣловъ; часть крѣпостного населенія — дворовые и дарственники, оказалась обезземеленной. Такъ отразилось на освобождаемыхъ крестьянахъ то обстоятельство, что реформа была проведена безъ ихъ участія.

Мы здѣсь не думаемъ поднимать вопроса, могло ли въ то время состояться это участіе и въ какой формѣ—это дѣло прошлое. Но выводъ, что исключеніе крестьянъ изъ обсужденія крестьянской реформы нанесло ущербъ крестьян-

ству, имѣетъ весь интересъ современности и долженъ быть принятъ во вниманіе при предстоящемъ второмъ коренномъ пересмотрѣ всего крестьянскаго дѣла.

Положительной стороной акта 19-го февраля являются тѣ правовыя условія, въ которыя онъ поставилъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Сословное самоуправленіе ограждало ихъ отъ посягательствъ помѣстнаго дворянства. Собственный волостной судъ избавлялъ отъ дореформеннаго общаго суда; значительная свобода распоряженія даже надѣльной землей (ст. 37 Общ. Полож. ист. 159—171 Полож. о выкупѣ) дѣйствительно приближала крестьянъ къ положенію «свободныхъ, полноправныхъ сельскихъ обывателей»; наконецъ, узаконеніе обычая и обычныхъ формъ землевладѣнія освобождало населеніе отъ излишней бюрократической регламентаціи. Если теперь эта сторона «Положенія» кажется уязвимой, то надо помнить, что редакціонныя коммиссіи дѣлали первую брешь въ крѣпостномъ строѣ, что имъ приходилось создавать юридическія нормы, обезпечивающія свободу и полноправность крестьянъ въ безправномъ обществѣ, въ государствѣ ультра-бюрократическомъ, не знавшемъ ни земства, ни суда присяжныхъ. Если бы крестьянское дѣло развивалось далѣе въ духѣ редакціонныхъ коммиссій, современный крестьянинъ былъ бы гражданиномъ русскаго государства, можетъ быть, бѣднымъ, но все-таки гражданиномъ. Начавшаяся послѣ освобожденія крестьянъ реакція, прогрессивно возраставшая до нашихъ дней, выразилась въ новомъ бюрократическомъ закрѣпощеніи крестьянъ и въ подчиненіи ихъ экономическихъ интересовъ интересамъ помѣстнаго дворянства. Крестьянское самоуправленіе было отдано подъ начало чиновниковъ, затѣмъ чиновниковъ-дворянъ. Власть «міра» надъ отдѣльнымъ крестьяниномъ доведена до крайнихъ предѣловъ; даже семейная жизнь подчинена усмотрѣнію «міра» и чиновника (законъ о семейныхъ раздѣлахъ). Свобода распоряженія имуществомъ уничтожена. Въ то же время, отчасти изъ соображеній фискальныхъ, но еще больше въ интересахъ помѣстнаго сословія, какъ нанимателя и какъ продавца пустырей и обрѣзовъ, было заторможено переселеніе, и крестьянинъ оказался прикрѣпленнымъ вновь къ землѣ.

Такъ какъ большинство, если не всѣ эти стѣсненія и ограниченія правъ «свободныхъ и полноправныхъ сельскихъ обывателей» будутъ вскорѣ отмѣнены, то о нихъ можно было бы и не упоминать, если бы не приходилось считаться съ ихъ результатами,—съ той чрезвычайной запутанностью отношеній и взаимныхъ правъ отдѣльнаго крестьянина и «міра», которая является ихъ прямымъ послѣдствіемъ. Съ этой запутанностью мы познакомимся ближе при разборѣ «Записки» предсѣдателя комитета министровъ, къ которой теперь и перейдемъ.

«Записка» эта глубоко не оригинальна. Въ этомъ ея величайшее достоинство. Пріятно и поучительно читать «Записку» столь высоко-бюрократическаго происхожденія, столь точно, въ то же время, воспроизводящую мнѣнія большинства комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, комитетовъ, худо ли, хорошо ли, но выражавшихъ все-таки мнѣніе части русскаго народа.

Сельскохозяйственные комитеты, по вопросу о порядкѣ крестьянскаго управленія подавляющимъ числомъ признали, что лишь дѣла хозяйственныя, проистекающія изъ общности земельнаго владѣнія, должны остаться въ завѣдываніи сельскихъ сходовъ, или другихъ органовъ сословно-крестьянскаго управленія. Прочія хозяйственныя дѣла (медицинское, школьное, дорожное, пожарное, общественное призрѣніе, общественное благоустройство) должны быть переданы въ вѣдѣнія выборныхъ безсословныхъ организацій, связанныхъ съ существующими земскими учрежденіями. Дѣла же административныя (полицейскія, податныя, паспортныя, по воинской и военноконской повинности) подлежатъ передачѣ—или тѣмъ же выборнымъ организаціямъ, или правительственнымъ органамъ общаго управленія.

Согласно съ этимъ, «Записка» С. Ю. Витте проектируетъ «хозяйственныя дѣла, подвѣдомственныя нынѣ сословно-крестьянскому управленію, распредѣлить между тремя организаціями: одной — частно-правового, по преимуществу, характера,—въ видѣ союза крестьянъ, имѣющихъ долю участія въ одной и той же надѣльной собственности, состоящей въ нераздѣльномъ владѣніи,—и двухъ организацій земскаго типа, вѣдающихъ интересы благоустройства въ предѣлахъ поселка и въ предѣлахъ извѣстной части уѣзда» (стр. 68). Часть, по крайней мѣрѣ, административныхъ функцій современныхъ крестьянскихъ учрежденій «Записка» предлагаетъ передать въ вѣдѣнія земскихъ же учрежденій—такова низшая—полицейская и податная служба. «Прочія административныя функціи крестьянскаго общественнаго управленія, изъ коихъ важнѣйшія: сообщеніе статистическихъ свѣдѣній по требованію различныхъ вѣдомствъ, регистрація населенія, паспортное дѣло, обязанности по воинской и военноконской повинности», кромѣ того «вызовъ обывателей по требованію, должностныхъ лицъ, розыски, дознанія, конвоированіе задержанныхъ, караулы, дежурства, встрѣчи и сопровожденія начальствующихъ лицъ и т. д.»,—все это отошло бы къ органамъ уѣздной администраціи (стр. 71). «Весьма важное въ системѣ послѣдней учрежденіе земскихъ начальниковъ, будучи освобождено отъ обязанностей судебныхъ и по надзору за сословно-крестьянскимъ управленіемъ, могло бы обратиться въ чисто административный органъ, направляющій и объединяющій работу уѣздныхъ органовъ общей полиціи и земской стражи, и наблюдающій за законностью дѣйствій мелкихъ земскихъ организацій» (ib.).

Сельскохозяйственные комитеты не занимались вопросами организаціи уѣздной администраціи, и поэтому эта часть «Записки» не опирается на твердую почву общественнаго мнѣнія, а является плодомъ чисто бюрократическаго творчества. Поэтому и вызываетъ рядъ недоумѣній. Зачѣмъ этотъ земскій начальникъ, лишенный всѣхъ своихъ нынѣшнихъ функцій? Чтобы объединить дѣйствіе полицейскихъ органовъ, занятыхъ сопровожденіемъ арестантовъ, встрѣчами начальствующихъ лицъ, розысками краденнаго и воровъ, сообщеніемъ (не сборомъ) статистическихъ свѣдѣній? И почему лицу, занятому исполненіемъ столь важныхъ обязанностей, допустимо подчинить мелкія земскія организаціи, хотя бы въ порядкѣ надзора? Не надо забывать, что и крестьянскія учрежденія были подчинены непремѣннымъ членамъ, земскимъ и

крестьянскимъ начальникамъ тоже только въ порядкѣ надзора. А, между тѣмъ, что они сдѣлали съ крестьянскимъ самоуправленіемъ?

Относительно обособленнаго крестьянскаго (волостного) суда, большинство комитетовъ высказалось въ томъ смыслѣ, что онъ подлежитъ уничтоженію съ замѣной или выборными мировыми судьями, или выборными безсословными коллегіальными судами (по типу гминныхъ). Меньшинство разбилось на множество группъ, вносившихъ тѣ или иныя поправки въ организацію современнаго волостного суда, всѣми признаваемаго крайне несовершеннымъ. Это несовершенство зависитъ, во-первыхъ, отъ личнаго состава волостныхъ судовъ, во-вторыхъ, отъ крайней неопредѣленности и спутанности гражданскихъ правъ крестьянъ, созданной спеціальными узаконеніями о крестьянахъ, многочисленными разъясненіями сената, и обязательнымъ сужденіемъ «по обычаю», который самъ, зачастую, теменъ, а, чаще,—отсутствуетъ. Въ согласіи съ большинствомъ комитетовъ, «Записка» видитъ лишь одно средство улучшить низшую юстицію, а именно: «ввести низшій судъ въ общую систему судебнаго управленія и ввѣрить его лицамъ съ образовательнымъ цензомъ», распространивъ, насколько это возможно, на крестьянъ дѣйствіе общаго матеріальнаго гражданскаго права. Крестьянская сословная обособленность и дѣйствіе особыхъ юридическихъ нормъ должны быть сохранены лишь тамъ, гдѣ они вызваны «дѣйствительной пользой и потребностями времени» (стр. 100). Подъ такими полезными и вызванными требованіями времени особенностями крестьянскаго правопорядка «Записка» понимаетъ: «Сословные союзы для завѣдыванія надѣльными землями, состоящими въ общемъ и общинномъ владѣніи; сословную замкнутость надѣльныхъ земель и неотвѣтственность ихъ по долгамъ владѣльцевъ; особый доступный для крестьянъ порядокъ размежеванія и судебно-межевого разбирательства; особое охранительное судопроизводство и нотаріальный порядокъ, имѣющіе цѣлью обезпечить крестьянамъ укрѣпленіе правъ на надѣльную недвижимость; сословную организацію поземельнаго кредита въ видѣ крестьянскаго банка; сословный порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель; сословныя особенности въ порядкѣ арендованія казенныхъ земель и въ договорныхъ отношеніяхъ съ казной; наконецъ нѣкоторыя сословныя отличія по государственной службѣ» (ib.).

Число «особенностей», какъ видимъ, довольно велико. Если отбросить тѣ изъ нихъ которыя имѣютъ процессуальный характеръ, то остальныя могутъ быть сведены въ двѣ группы. Одна изъ нихъ касается мѣропріятій землеустроительнаго характера, другая касается существенныхъ сторонъ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія. Въ настоящее время это надѣльное землевладѣніе регулируется слѣдующими нормами. Надѣльная земля не отчуждаема, не подлежитъ залогу и не несетъ отвѣтственности за долги. Съ этими ограниченіями субъектомъ правъ является община, отдѣльные члены которой владѣютъ долями общинной земли на основѣ дѣйствующаго въ данной мѣстности обычнаго права, ограниченнаго лишь закономъ о срокахъ передѣловъ. Пріемъ новаго члена въ общество, увольненіе полное и временное (по паспортамъ старыхъ) зависитъ отъ общества; выдѣлъ причитающейся части земли въ лич-

ную собственность совершается только съ согласія общества; съ согласія же общества можетъ быть допущена продажа уже ранѣе выдѣленныхъ надворныхъ участковъ и то лишь лицомъ приписаннымъ къ сельскому обществу. Уничтожено различіе между надѣльной полевой землей и усадьбой. Всѣ ограниченія, которымъ подлежитъ первая, распространены и на усадебныя земли вмѣстѣ съ постройками. Далѣе, какъ подворные участки, такъ и усадьбы признаны собственностью не отдѣльнаго лица-домохозяина, а всего двора. Замѣна личнаго владѣнія семейнымъ—путемъ сенатскихъ «разъясненій»—отмѣнила по отношенію къ надѣльной землѣ и связаннымъ съ нимъ хозяйственнымъ принадлежностямъ, институтъ наслѣдованія; въ связи съ этимъ семейныя раздѣлы были обусловлены согласіемъ міра.

Путемъ измѣненій основныхъ началъ положенія 19-го февраля, была такимъ образомъ создана новая крѣпостная зависимость отъ общины, подлежащая теперь болѣе или менѣе полной отмѣнѣ. «Записка» предлагаетъ отказаться отъ искуственнаго поддержанія общины, такъ какъ община есть, по существу, союзъ добровольный; предлагаетъ возстановить и даже расширить ст. 165, дающую право отдѣльному общиннику выдѣлять свой надѣлъ—по мнѣнію С. Ю. Витте, съ устраненіемъ черезполосности; семейное владѣніе «Записка» считаетъ необходимымъ замѣнить личнымъ, возстановивъ право наслѣдованія и завладѣнія, выходъ изъ общины и отлучки полагаетъ сдѣлать свободными.

Спрашивается: почему же, отмѣняя почти всѣ новеллы предшествующаго періода, касающіяся крестьянскаго землевладѣнія, «Записка» считаетъ тѣмъ не менѣе необходимымъ сохранить сословную замкнутость надѣльныхъ земель и неотвѣтственность ихъ по долгамъ владѣльцевъ? По соображеніямъ пользы и потребностей времени? Но вѣдь это очень жалкое основаніе. Гр. Толстой, г. Горемыкинъ, Сипягинъ и фонъ-Плеве, превратившіе «свободныхъ, полноправныхъ сельскихъ обывателей» въ крѣпостныхъ общины и бюрократіи, считали себя не менѣе тонкими знатоками пользы и потребностей времени, а между тѣмъ вся ихъ работа признана нецѣлесообразной и съ высоты престола повелѣно возстановить крестьянина въ его правахъ.

Основное условіе, которому должно удовлетворять всякое законодательство, если оно хочетъ быть свободнымъ отъ внутреннихъ противорѣчій и неразрѣшимыхъ коллизій, это единство положеннаго въ основу его принципа. Отдѣльныя законодательныя положенія должны исходить изъ единаго принципа, представляя его логическое развитіе. Принципъ, конечно, долженъ быть избранъ правильно и соотвѣтственно требованіямъ жизни. Такимъ основаніемъ предстоящей крестьянской реформы является уравненіе крестьянъ въ гражданскихъ правахъ съ другими сословіями. И этому-то принципу наносится «Запиской» тяжелый ущербъ, притомъ совершенно безцѣльный, — сословною замкнутостью надѣльныхъ земель. Прежде всего она ограничиваетъ наслѣдственное и завѣщательное право по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, право, отсутствующее нынѣ вполнѣ логично, такъ какъ владѣльцемъ надѣла является дворъ, и подлежащее возстановленію при замѣнѣ семейнаго владѣнія

личнымъ. Мотивы такого серьезнаго ограниченія гражданской равноправности крестьянъ очевидны. Это — желаніе удержать надѣльныя земли въ рукахъ крестьянъ, воспрепятствовать обезземеленію ихъ; въ виду этого же крестьянскія надѣльныя земли не подлежатъ залогу и свободны отъ отвѣтственности по долгамъ. Эта замкнутость надѣльныхъ земель была цѣлесообразна и не лишена была содержанія при замкнутости самаго крестьянскаго сословія. Но «Записка» не стоитъ на почвѣ дѣйствующаго закона объ обязательномъ выходѣ изъ общества для лицъ, получившихъ образованіе, состоящихъ на государственной службѣ и т. д. Сословная замкнутость крестьянъ весьма скоро исчезнетъ. Скоро мы увидимъ крестьянъ-врачей, крестьянъ-адвокатовъ, крестьянъ-администраторовъ,—крестьянъ-купцовъ, крестьянъ - землевладѣльцевъ мы имѣемъ и теперь,—и эта категорія лицъ будетъ рости. Какой же смыслъ поддерживать замкнутость *сословнаго* землевладѣнія въ обществѣ, разслаивающемся на *экономическіе классы* и стирающемъ сословное дѣленіе? Это не логично; но это и безцѣльно, потому что сословная замкнутость не препятствуетъ неравномѣрному распредѣленію надѣльныхъ земель внутри общины. Концентрація надѣльныхъ земель въ рукахъ экономически-сильныхъ элементовъ общины началась не вчера и будетъ только увеличиваться въ обществѣ, свободномъ отъ крѣпостныхъ путъ. Въ современномъ обществѣ, при его настоящей экономической структурѣ, можно охранять *мелкое* землевладѣніе, но нельзя охранять крестьянское *какъ таковое*, потому что послѣднее можетъ оказаться и крупнымъ, и среднимъ. Охрана же путемъ лишенія гражданской правоспособности представляетъ бюрократическій плодъ той же цѣнности, что и отмѣняемыя нынѣ «спеціальныя узаконенія».

Вопросъ объ охранѣ мелкаго землевладѣнія, вопросъ о томъ, чтобы земля не ушла изъ рукъ «народа», чтобы каждый желающій и, по условіямъ экономической жизни, вынужденный приложить свою руку къ землѣ имѣлъ бы и возможность сдѣлать это — есть вопросъ для современной Россіи первостепенной важности. Но разрѣшенъ онъ можетъ быть не выдѣленіемъ надѣльныхъ земель въ особую категорію, на правѣ ограниченной собственности, а общимъ направленіемъ аграрной политики, покоющейся на единомъ и общемъ аграрномъ принципѣ. Этотъ общій принципъ долженъ быть найденъ и опредѣленъ, и съ точки зрѣнія его, долженъ быть перерѣшенъ весь вопросъ объ обезпеченіи населенія землей, такъ какъ современныя земельныя отношенія въ деревнѣ, благодаря пореформенному крестьянскому законодательству запутались въ такой высокой степени, что юридически-правомѣрнаго и въ то же время справедливаго выхода они не имѣютъ. Мы имѣемъ въ виду прежде всего земельныя права отдѣльныхъ домохозяевъ. На чемъ они основаны? Положеніе 19-го февраля признаетъ надѣльную землю собственностью общества. Распредѣленіе ея между сочленами совершается по общественнымъ приговорамъ, на основѣ обычнаго права. Платежи производятся за круговою порукой. Отдѣльный сообщинникъ, внеся выкупную ссуду въ находящійся въ его пользованіи участокъ,—получаетъ его въ личную собственность. Эти юридическія нормы не заключали бы въ себѣ зародыша неразрѣшимыхъ противо-

рѣчій только въ томъ случаѣ, если бы община являлась коммунистическимъ хозяйствомъ, или если бы она была только юридическимъ союзомъ, въ которомъ право собственности на землю отдѣльнаго сочлена опредѣлялась бы только общимъ количествомъ внесенныхъ имъ выкупныхъ платежей. Наша же бытовая община, съ ея частыми передѣлами, общими и частными, обремененная выкупными платежами, которые, вслѣдствіе усвоенныхъ фискальной практикой раскладокъ, взыскивались не пропорціонально землевладѣнію отдѣльнаго крестьянина, а по другимъ признакамъ (благосостояніе),—вполнѣ запутала взаимные расчеты общины и ея сочленовъ по уплатѣ выкупного долга и нарушила всякое соотвѣтствіе между долями земельнаго владѣнія и долями участія въ платежахъ. Существуютъ семьи, которыя, владѣя въ свое время значительной земельной долей, погасили значительную часть выкупного долга; въ настоящее время онѣ владѣютъ меньшимъ количествомъ земли, вслѣдствіе измѣнившагося семейнаго состава, или уменьшенія платежной способности. На какое количество надѣловъ имѣетъ право такая семья при отдѣльномъ досрочномъ выкупѣ, при раздѣлѣ на подворные участки, при окончаніи выкупной операціи? Размѣръ землевладѣнія мѣнялся много разъ при передѣлахъ; размѣръ внесенныхъ выкупныхъ платежей варіировалъ внѣ зависимости отъ размѣровъ землевладѣнія; сначала дѣйствовала круговая порука, затѣмъ она была отмѣнена; закономъ 14-го декабря 1893 г. отмѣнена ст. 165 полож. о досрочномъ выкупѣ; если она будетъ возстановлена, равенство въ условіяхъ выкупа нарушится въ пользу однихъ семей и во вредъ другимъ. Чѣмъ ближе къ окончанію срока выкупа, тѣмъ болѣе шансовъ, что семьи, внесшія мало изъ общей суммы платежей, будутъ имѣть возможность получить много земли. Какъ регулировать рѣшеніе всѣхъ этихъ и множество другихъ земельныхъ споровъ, возникающихъ внутри поземельной общины? Предоставить все дѣло самимъ общинамъ? Это значитъ возстановить господство обычнаго права, самое существованіе котораго подвержено сомнѣнію. Предоставить дѣло суду? Но для этого необходимо наличность соотвѣтственнаго законодательства. А его пока нѣтъ. Да и можетъ ли существовать законодательство, которое правомѣрно ликвидировало бы всю путаницу, внесенную въ эту область смѣнявшимися теченіями внутренней политики?

Намъ кажется, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только перенадѣленіемъ крестьянъ, въ связи съ выработкой прочныхъ и всеобщихъ условій владѣнія и пользованія землею. Эту мысль мы готовы были бы защищать передъ учрежденіемъ, представляющимъ волю и мысль страны. Но такая обширная и глубокая реформа и не посильна для бюрократическихъ канцелярій, и не желательна въ ихъ рукахъ.

Сельскохозяйственные комитеты взглянули на земельный вопросъ, въ общемъ шире и глубже, чѣмъ разсматриваемая нами «Записка», но проявили мало единства во взглядахъ. Такъ, за замкнутость крестьянскаго владѣнія высказалось только 7 комитетовъ; за распоряженіе надѣльной землей на правѣ полной собственности—27. За право отдѣльныхъ крестьянъ отчуждать свои надѣлы, съ разнообразными ограниченіями — 47 комитетовъ; за установку пре-

дѣльныхъ нормъ сосредоточенья надѣльной земли въ однѣхъ рукахъ—19 комитетовъ; за упорядоченіе аренды надѣльной земли съ разрѣшеніемъ сдачи ея на общихъ основаніяхъ законовъ гражданскихъ—13 ком.; безъ согласія общества—11; за установку предѣла дробимости подворныхъ и усадебныхъ земель—48 комитетовъ, предѣла дробимости надѣловъ—22 комитета; за регулированіе наслѣдственнаго и завѣщательнаго права у крестьянъ общинниковъ — 31. За правильную и широкую постановку переселенія въ цѣляхъ борьбы съ малоземеліемъ — 96 комитетовъ; за надѣленіе крестьянъ государственными землями—46 комитетовъ; за развитіе дѣятельности крестьянскаго банка — 138 комитетовъ; за отчужденіе въ пользу крестьянъ частновладѣльческой земли принудительнымъ порядкомъ—14.

Но и этимъ не исчерпываются вопросы, подлежащіе пересмотру и рѣшенію. И въ числѣ ихъ прежде всего стоитъ вопросъ о выкупѣ.

Выкупная операція возложила всю тягость по ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній на плечи крестьянъ. Хотя, согласно волѣ государя, освобожденіе личности крестьянина объявлено было безвозмезднымъ, но путемъ преувеличенной оцѣнки земли крѣпостные владѣльцы получили возмѣщеніе не только за отходившую къ крестьянамъ землю, но и за право собственности на личность и трудъ крѣпостныхъ. Это обстоятельство должно разсматривать какъ послѣдствіе того, что условія выкупа вырабатывались бюрократіей съ участіемъ владѣльцевъ и безъ участія крестьянъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ выкупной долгъ крестьянъ казнѣ можетъ считаться погашеннымъ уже сдѣланными платежами, мы высказываемся за сложеніе остающейся ихъ части на слѣдующихъ основаніяхъ.

Императоръ Александръ II, въ цитированной уже рѣчи государственному совѣту, давая историческій очеркъ введенія и уничтоженія крѣпостного права, сказалъ: «Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено самодержавной властью». Историческая критика выяснила и мотивы этого установленія. Нарождавшееся самодержавіе въ концѣ XVI вѣка вынуждено было бороться съ двумя явленіями: съ грозившей Москвѣ обезлюденіемъ эмиграціей населенія, бѣжавшаго отъ податныхъ и высшихъ тягостей въ Заочье и на Донъ, и съ оппозиціей боярства и служилаго сословія росту самодержавной власти. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ остановило эмиграцію и, удовлетворивъ экономическіе интересы помѣстнаго класса, ликвидировало его оппозицію. Интересы крестьянства были принесены такимъ образомъ въ жертву интересамъ государства, какъ ихъ понимало московское правительство, и такимъ образомъ началась эпоха крѣпостного права. Кончилась она по волѣ самодержавной власти, тоже руководствовавшейся государственными соображеніями. Казалось бы поэтому правильнымъ на государство же возложить и матеріальныя затраты, связанныя съ реформой, имъ произведенной и для него необходимой. То обстоятельство, что эта реформа удовлетворяла вѣчной потребности крестьянства, не давало основаній возлагать на него одного тягости выкупа, такъ какъ свидѣтельствовало о трехсотлѣтней жертвѣ, принесенной имъ интересамъ государства и дворянства.

Мы знаемъ, что законодатель смотрѣлъ на этотъ вопросъ иначе. Онъ призналъ выкупъ обязательнымъ, опредѣлилъ его размѣръ и условія, но зато попытался дать крестьянину взамѣнъ выкупныхъ платежей гражданскія права и земельную собственность. Однако, послѣдующіе законодательные акты, сохранивъ выкупъ, лишили крестьянина и гражданскихъ правъ, и права распоряженія выкупаемой и выкупленной землей. Такимъ образомъ заключенная уже гражданская сдѣлка была измѣнена въ ущербъ крестьянству по волѣ правительства. Это даетъ основанія желать новаго коренного пересмотра ея въ интересахъ, на этотъ разъ, крестьянства и съ его участіемъ. Такой пересмотръ позволилъ бы ликвидировать ту путаницу взаимныхъ правъ общинъ и ихъ членовъ, которая явилась слѣдствіемъ несоотвѣтствія выкупныхъ платежей размѣрамъ недѣльнаго землевладѣнія.

Будетъ ли крестьянскій вопросъ поставленъ во всей его широтѣ въ особомъ совѣщаніи и къ какимъ конечнымъ выводамъ придетъ оно, мы предвидѣть не можемъ и не беремся. Одно можно сказать, что «Записка» его предсѣдателя обезпечиваетъ разрѣшеніе вопроса въ духѣ основныхъ пожеланій большинства сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

Въ совершенно другомъ положеніи находится тотъ же вопросъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ 14-го ноября 1902 г. по начало 1904 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ работала коммиссія по пересмотру законодательства о крестьянахъ, на почвѣ основныхъ началъ положенія 19-го февраля, въ цѣляхъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Своеобразное пониманіе этихъ началъ привело коммиссію къ проекту, имѣющему цѣлью «утвердить обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особый порядокъ управленія». Власть «міра» и администраціи надъ личностью и имуществомъ крестьянина получила въ проектѣ коммиссіи особое развитіе— видимо для того, чтобы лишній разъ доказать способность бюрократіи извращать и разрушать тѣ принципы, которыми она яко бы руководствуется. Составленный коммиссіей проектъ подвергся разсмотрѣнію въ губернскихъ совѣщаніяхъ особого состава. Въ нихъ входили представители высшей губернской администраціи и частныя лица по выбору губернаторовъ; совѣщаніямъ предоставлено было право обсужденія деталей, не касаясь принциповъ проекта, которые признаны непререкаемыми; въ виду этого въ совѣщанія приглашались лишь лица, заявившія о своемъ принципіальномъ согласіи съ проектомъ. Смѣна на министерскомъ посту фонъ-Плеве кн. Святополкъ-Мирскимъ не пріостановила занятій губернскихъ комитетовъ, такъ же какъ и назначеніе товарищемъ министра г. Кутлера, назначеніе, истолкованное въ свое время печатью, какъ признакъ поворота въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Пріостановилъ работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ только Высочайшій Указъ 12-го декабря, съ несомнѣнной очевидностью указавшій иную цѣль работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ, чѣмъ та, которую преслѣдовалъ проектъ фонъ-Плеве. Такая пріостановка была и логична, и необходима, и потому совершенной неожиданностью явилось циркулярное письмо министра

внутреннихъ дѣлъ отъ 31-го декабря 1904 г. начальникамъ губерній, въ которомъ, на основаніи принципіальной тождественности Высочайшаго Манифеста 26-го февраля 1903 г. и Указовъ 8-го января и 12-го декабря, предписывается губернаторамъ принять мѣры, чтобы губернскія совѣщанія окончили работы свои къ назначенному сроку. Какія работы? По обсужденію деталей проекта фонъ-Плеве съ сохраненіемъ его основаній? Нельзя поэтому не присоединиться къ мнѣнію «Русскихъ Вѣдомостей», высказанному въ № 6 за настоящій годъ. «Если пересмотръ законодательства о крестьянскомъ управленіи и судѣ предполагается теперь вести на «почвѣ основныхъ началъ» 19-го февраля, но не рѣшено, какъ ихъ понимать,—такъ ли, какъ понимаетъ предсѣдатель особаго совѣщанія, или такъ, какъ предсѣдатель министерской редакціонной коммиссіи,—то дальнѣйшее обсужденіе трудовъ послѣдней въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ представляется безспорно въ полной мѣрѣ безполезнымъ... Представьте себѣ картину: въ губернскомъ совѣщаніи обсуждаютъ и критикуютъ одну за другой статьи проекта редакціонной коммиссіи о расширеніи попечительной власти земскаго начальника надъ крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и судомъ, «а въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи», тѣмъ временемъ обсуждается другой вопросъ, вопросъ объ «освобожденіи» земскихъ начальниковъ вообще «отъ обязанностей судебныхъ и по надзору за сословно-крестьянскимъ управленіемъ». «Поэтому,—продолжаетъ газета,—нисколько не будетъ неожиданнымъ, если циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ не разсѣетъ недоразумѣнія (о томъ, какой изъ проектовъ имѣетъ больше шансовъ на осуществленіе), а, пожалуй, породитъ, въ обществѣ еще болѣе серьезныя недоумѣнія и сомнѣнія».

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ столь обычнымъ у насъ междувѣдомственнымъ антагонизмомъ, всю мѣру котораго въ предстоящемъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса мы теперь не можемъ ни предвидѣть, ни опредѣлить.

Реформа крестьянскаго законодательства въ духѣ Положенія 19-го февраля повлечетъ за собою реформу низшей юстиціи, земскаго самоуправленія, губернской и уѣздной администраціи, землеустроительной дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; переселенческаго дѣла, дѣятельности крестьянскаго банка, быть можетъ, выкупной операціи; потребуетъ созданія законодательства о поземельныхъ союзахъ и законодательнаго нормированія общиннаго землевладѣнія. Въ крестьянскомъ дѣлѣ завязанъ узелъ большинства нашихъ внутреннихъ вопросовъ, согласное разрѣшеніе которыхъ является не только желательнымъ, но и необходимымъ. Вопросы эти, разрабатываемые въ различныхъ министерствахъ и многочисленныхъ обособленныхъ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ, могутъ оказаться и не согласованными, и рѣшенными противорѣчиво. Органомъ объединяющимъ можетъ, въ русскихъ условіяхъ, быть только государственный совѣтъ, какъ высшая законодательная инстанція. Оставляя въ сторонѣ вопросы о работоспособности государственнаго совѣта и о его освѣдомленности о нуждахъ страны, не можемъ не обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости наблюдался тотъ же междувѣдомственный анта-

гонизмъ, что и теперь: редакціонныя коммиссіи и главный комитетъ представляли два враждебные лагеря; государственный-же совѣтъ не только оказался неспособнымъ стать выразителемъ истинныхъ интересовъ государства, но и не подтвердилъ мнѣнія, будто бы онъ «всего болѣе подготовленъ къ всестороннему и безпристрастному обсужденію законодательныхъ проектовъ»; кромѣ того, онъ не игралъ никакой активной роли въ созданіи основного освободительнаго законоположенія. Какъ извѣстно, проектъ Положенія, надъ которымъ редакціонныя коммиссіи работали отъ 17-го февраля 1859 г. до 10-го октября 1860 г., т.-е. въ теченіе 20 мѣсяцевъ, работали крайне напряженно, въ большомъ составѣ и производительно,—былъ разсмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ въ три мѣсяца, причемъ подвергся значительнымъ обрѣзкамъ и урѣзкамъ въ интересахъ дворянства. Въ государственномъ же совѣтѣ все обсужденіе было закончено въ $2^1/_2$ недѣли, съ 28-го января 1861 г. по 17-е февраля, *причемъ журналы засѣданія утверждались государемъ императоромъ обыкновенно согласно мнѣнію меньшинства*. Все-таки государственный совѣтъ успѣлъ провести, для большого числа мѣстностей, уменьшеніе какъ высшей, такъ и низшей нормы надѣловъ, а также ввести даровые надѣлы. Онъ сталъ, такимъ образомъ, на сторону дворянской партіи и сдѣлался орудіемъ партійныхъ, а не государственныхъ интересовъ.

Прецедентъ этотъ говоритъ самъ за себя.

Нельзя поэтому не пожелать, чтобы разработка всѣхъ законоположеній по указаннымъ выше вопросамъ была совершена въ одномъ высшемъ государственномъ учрежденіи, по своему личному составу и подготовкѣ способному дать имъ соотвѣтственное потребностямъ страны разрѣшеніе, и чтобы этому учрежденію предоставлено было не только утвержденіе уже выработанныхъ деталей *отдѣльными* коммиссіями и совѣщаніями проектовъ, а самое созданіе согласованнаго законодательства.

II.

Высочайшій указъ 12-го декабря, намѣчая рядъ «неотложныхъ» реформъ, имѣющихъ цѣлью «упроченіе правильнаго въ Отечествѣ нашемъ хода государственной и общественной жизни», отводитъ одно изъ первыхъ мѣстъ—подзаконности дѣйствій представителей власти. Указъ признаетъ «неотложнымъ принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона,—важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшей обязанностью всѣхъ подчиненныхъ намъ властей и мѣстъ, неисполненіе-же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія».

Сопоставляя неотложность этой и другихъ реформъ съ тѣмъ мѣстомъ Высочайшаго Указа, въ которомъ необходимость приступить къ реформѣ «хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство суще-

ственныхъ нововведеній», поставлено въ связь съ признаніемъ «той, или другой перемѣны—назрѣвшею»,—мы приходимъ къ заключенію, что и потребность въ подзаконности правительственныхъ дѣйствій «назрѣла» въ такой мѣрѣ, что неудовлетвореніе ея обусловливаетъ непрочность правильнаго хода государственной и общественной жизни. Это авторитетное заявленіе съ высоты Престола указываетъ на одну изъ дѣйствительно тягчайшихъ язвъ нашей общественной жизни,—такъ какъ произвольность и неподзаконность дѣйствій властей всѣхъ ранговъ и наименованій есть явленіе всеобщее и вноситъ въ жизнь какъ личности, такъ и общественныхъ учрежденій такую необезпеченность и шаткость, что правильное теченіе дѣлъ иногда становится даже невозможнымъ. Стоитъ оглянуться вокругъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Ставя своею цѣлью установить подзаконность дѣйствій «властей и мѣстъ» и отвѣтственность за произвольныя дѣйствія ихъ, приносящія кому либо ущербъ, Высочайшій Указъ предоставляетъ комитету министровъ предварительную разработку мѣропріятій и путей для проведенія этихъ началъ въ жизнь. Комитетъ посвятилъ названному вопросу три засѣданія—21 и 24 декабря 1904 г. и 4-го января 1905 г. Согласно мнѣнію комитета, для утвержденія законности въ дѣйствіяхъ властей необходимо, во первыхъ, установить незыблемыя формы законодательной дѣятельности самодержавной воли; во вторыхъ, усилить контроль надъ дѣятельностью исполнительной власти и отвѣтственность ея передъ судомъ.

Исходя изъ того положенія, что «встрѣчающіеся въ жизни нашей случаи изданія постановленій по дѣламъ законодательнаго свойства, съ отступленіемъ отъ установленныхъ закономъ формъ, имѣютъ важное значеніе не только съ формальной точки зрѣнія, но и по существу, ибо несовершенство способа составленія и предварительнаго обсужденія законодательной нормы можетъ нерѣдко отразиться на самомъ ея содержаніи»,—исходя изъ этого положенія комитетъ министровъ высказывается за обязательное обсужденіе всѣхъ законопроектовъ въ государственномъ совѣтѣ, или—въ видѣ исключенія и по непосредственному Его Величества усмотрѣнію—въ комитетѣ министровъ. Въ послѣднемъ случаѣ «Комитету настоять будетъ, согласно ст. 36 учрежд. комит. всеподданнѣйше представлять, въ разрѣшеніе порученнаго ему дѣла, къ Высочайшему подписанію проектъ именного указа Правительствующему Сенату. Одновременно съ симъ, слѣдовало-бы по мнѣнію комитета министровъ, опубликовать «разъяснительное законоположеніе», воспрещающее отдѣльнымъ министрамъ входить съ всеподданнѣйшими докладами относительно измѣненія законовъ. Подобное разъяснительное законоположеніе «должно послужить рѣшительнымъ препятствіемъ—развѣ только съ прямымъ нарушеніемъ служебнаго долга»—дальнѣйшему примѣненію отдѣльными министрами столь обычнаго въ послѣднее время способа воздѣйствія на самодержавную волю.

Въ изложенномъ мнѣніи комитета министровъ чрезвычайно важно указаніе на то, что достоинство законодательныхъ нормъ и «степень удовлетворенія ими вызывающихъ оныя потребностей»—всецѣло зависитъ отъ совершенства способа составленія и предварительнаго ихъ обсужденія. Только «совер-

шенный» способъ составленія и обсужденія закона гарантируетъ его внутреннее достоинство, его соотвѣтствіе народнымъ потребностямъ. Этотъ болѣе совершенный способъ комитетъ министровъ видитъ въ обязательномъ участіи въ составленіи и обсужденіи законовъ или государственнаго совѣта, или комитета министровъ. Однако, рядомъ съ этимъ комитетъ самъ указываетъ, что большинство нецѣлесообразныхъ, не основанныхъ на точномъ смыслѣ законовъ и нынѣ отмѣняемыхъ имъ постановленій по дѣламъ, напр. печати, сдѣланы имъ же самимъ. Что прохожденіе законопроекта черезъ государственный совѣтъ не всегда гарантируетъ совершенство его составленія и предварительнаго—въ совѣтѣ—обсужденія,—мы имѣли случай указать выше при разсмотрѣніи крестьянскаго вопроса. Собственное признаніе комитета освобождаетъ насъ отъ необходимыхъ историческихъ справокъ, касающихся его, и даетъ основаніе для вопроса: гарантируетъ ли обсужденіе законопроекта въ высшихъ, но вполнѣ бюрократическихъ учрежденіяхъ его соотвѣтствіе народнымъ потребностямъ и внутреннюю высокую цѣнность? Дѣло въ томъ, что для законовъ, какъ нормъ, регулирующихъ измѣнчивыя и развивающіяся отношенія живыхъ людей и учрежденій,—не существуетъ абстрактнаго и абсолютнаго мѣрила ихъ цѣнности и доброкачественности. Законъ хорошъ, когда люди ему подчиняющіеся довольны имъ, а духовныя и матеріальныя силы народа благодаря ему увеличиваются и совершенствуются. И наилучшимъ образомъ придуманный законъ долженъ быть признанъ негоднымъ, если онъ вноситъ въ жизнь людей недовольство и тормозитъ развитіе народныхъ силъ. Отсюда первое достоинство закона—это его гибкость, его легкая измѣнчивость параллельно измѣненіямъ нормируемыхъ имъ житейскихъ отношеній. Поэтому первымъ достоинствомъ законодательнаго органа—это его чуткость къ нуждамъ жизни, къ нуждамъ подчиняющихся закону живыхъ людей. И вотъ этой-то чуткости у высшихъ бюрократическихъ учрежденій и не можетъ быть. Какъ учрежденія, прямо и матеріально не заинтересованныя въ большинствѣ разрабатываемыхъ и издаваемыхъ ими законовъ,—они слишкомъ подчиняются идеологическимъ построеніямъ. Теперь, post factum, мы безъ боязни ошибиться можемъ сказать, что вся та борьба, которую министерство фонъ-Плеве вело съ земствомъ, и которая выдвинула цѣлый рядъ законопроектовъ, отчасти осуществленныхъ, отчасти не приведенныхъ въ дѣйствіе,—была продуктомъ крайне субъективныхъ воззрѣній министра, а не живыхъ потребностей государства и народа. Коллегіальныя бюрократическія учрежденія менѣе склонны, правда, увлекаться абстрактными и односторонними идеями, но и они не стоятъ внѣ ихъ вліянія; зато онѣ еще менѣе чутки, и, представляя тяжело и медленно дѣйствующій механизмъ, не обладающій притомъ законодательной иниціативой, въ среднемъ, еще менѣе способны гарантировать соотвѣтствіе закона народнымъ потребностямъ. Такъ широко практиковавшійся послѣднее время обычай испрашивать отмѣны, измѣненія законовъ, путемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министровъ, обычай, объявленный теперь источникомъ законодательныхъ ошибокъ, — вызванъ былъ потребностью облегчить законодательный механизмъ, сдѣлать его болѣе подвижнымъ, болѣе спасобнымъ

реагировать на требованія жизни. Если эти требованія часто ошибочно понимались, если направленіе правительственной дѣятельности благодаря единоличности дѣйствій министровъ принимало нежелательный иногда характеръ,—это все-таки не служитъ аргументомъ въ пользу бюрократической коллегіальности.

Въ цѣляхъ «поддержанія силы закона и обезпеченія неуклоннаго его примѣненія, путемъ усиленія надзора и облегченія способовъ обжалованія и отмѣны незаконныхъ распоряженій, комитетъ министровъ признаетъ настоятельную необходимость преобразованія въ Россіи административной юстиціи въ духѣ тѣхъ великихъ началъ, какія легли въ основаніе судебныхъ уставовъ императора Александра II». Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что комитетъ министровъ желаетъ сдѣлать дѣла о нарушеніи властями законовъ и о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ подвѣдомственными обыкновеннымъ судамъ присяжныхъ. Комитетъ предполагаетъ лишь рядъ преобразованій въ организаціи I-го департамента сената, имѣющихъ цѣлью: 1) ускорить дѣлопроизводство въ немъ, 2) сдѣлать его независимымъ отъ министра юстиція и другихъ министровъ, 3) сдѣлать сенатъ доступнымъ для лицъ, потерпѣвшихъ отъ произвольныхъ дѣйствій властей и 4) дать сенату право непосредственнаго обращенія къ верховной власти по дѣламъ административнымъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, и нѣкоторое расширеніе принадлежащаго ему права законодательнаго почина.

«Особаго же вниманія заслуживаетъ, по мнѣнію комитета, предположеніе объ устройствѣ мѣстныхъ административныхъ судовъ, призванныхъ отмѣнять незаконныя распоряженія высшихъ властей». «Съ 80-хъ годовъ,—продолжаетъ комитетъ,—идея административной юстиціи все глубже проникаетъ въ наше законодательство и выразилась уже, хотя не полно, въ учрежденіи цѣлаго ряда смѣшанныхъ губернскихъ присутствій—по податнымъ дѣламъ, земскимъ и городскимъ и т. п.».

По вопросу объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ комитетъ полагаетъ, что такъ какъ «по существующимъ узаконеніямъ привлеченіе должностныхъ лицъ къ отвѣтственности можетъ состояться лишь съ согласія и разрѣшенія начальства обвиняемаго, а лица прокурорскаго надзора, являющіяся органами государственнаго обвиненія, въ сущности устранены отъ возбужденія уголовныхъ преслѣдованій противъ служащихъ», то до судебнаго разбирательства доходитъ лишь небольшое число дѣлъ, касающихся притомъ обыкновенно низшихъ служащихъ.

«Въ виду этого, комитетъ министровъ присоединяется къ предположеніямъ Высочайше утвержденной коммиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части, въ выработанномъ ею проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства». Главныя предположенія этого проекта сводятся, *при сохраненіи административной гарантіи*, къ разрѣшенію потерпѣвшимъ подавать жалобы на должностыхъ лицъ прокурорскому надзору, къ предоставленію прокурору права обращаться къ начальству обвиняемаго съ требованіемъ разслѣдованія или судебнаго слѣдствія, и, наконецъ, въ случахъ истязанія, под-

лога и вымогательства, къ праву прокурора возбуждать своею властью предварительное слѣдствіе.

По вопросу о гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ комитетъ не выходитъ изъ предположеній коммиссіи д. т. с. Муравьева, считающей необходимымъ внести въ дѣйствующее законодательство лишь двѣ поправки: 1) предоставить частнымъ лицамъ право возбуждать противъ должностныхъ лицъ гражданскіе иски и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія послѣднихъ не даютъ основаній для возбужденія преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ, и 2) удлинить до года срокъ для возбужденія исковъ.

Вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности, а слѣдовательно и о такъ называемомъ «третьемъ пунктѣ», лишающемъ должностныхъ лицъ всякой самостоятельности, комитетомъ затронутъ не былъ.

Таковы въ основныхъ чертахъ предположенія комитета министровъ, долженствующія оградить законъ отъ нарушеній его должностными лицами. Они, какъ видно, всѣ носятъ исключительно репрессивный характеръ. Едва ли, однако, можно разсчитывать, что одной респрессіи достаточно для борьбы съ столь широко и глубоко укоренившимся у насъ зломъ. Это признаетъ и самъ комитетъ. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ,—читаемъ мы въ извлеченіи изъ журнала комитета,—что законность дѣйствій служащихъ обезпечивается не одною такою судебною отвѣтственностью, но и опредѣленностью примѣняемыхъ ими законовъ, нынѣ не всегда этому условію отвѣчающихъ».

Подъ «неопредѣленностью» законовъ надо, конечно, понимать не только ихъ недостаточно точную и удобопонятную формулировку, но и то обстоятельство, что дѣйствующее законодательство отводитъ чрезвычайно много мѣста «усмотрѣнію» должностныхъ лицъ. Любое постановленіе всякаго общественнаго учрежденія можетъ быть пріостановлено представителемъ мѣстной власти «по усмотрѣнію», и совершенно отмѣнено высшими правительственными органами, на томъ же основаніи. Во всей Россіи поступленіе не только на государственную службу, но и на земскую и даже иногда частную (желѣзн. дорога), а также въ высшія учебныя заведенія, иногда же и въ среднія, зависитъ отъ удостовѣренія въ благонадежности, выдаваемаго полицейскими властями, благонадежности, опредѣляемой вполнѣ произвольно учрежденіями, дѣйствующими внѣ всякаго контроля строгихъ процессуальныхъ формъ.

Во всей западной половинѣ Россіи возможность пріобрѣтенія земли покупкой зависитъ отъ разрѣшенія, даваемаго губернаторомъ. Губернаторская канцелярія имѣетъ право, по собственному усмотрѣнію, на основаніи «политическихъ соображеній» дать или не дать это разрѣшеніе любому лицу. Мотивомъ этого исключительнаго губернаторскаго права, стѣсняющаго и разстраивающаго ходъ экономической жизни во всемъ Заднѣпровіи, служило въ свое время стремленіе обрусить край, усиленіе въ которомъ польскаго элемента сочтено было нежелательнымъ. Но имъ же въ 80-хъ и 90-хъ годахъ мѣстная администрація воспользовалась, чтобы остановить пріобрѣтеніе земель въ Приднѣпровіи латышами и литовцами, переселявшимися туда въ значительномъ количествѣ въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Порядокъ, при которомъ личная неприкосновенность, право прiисканія занятій и средствъ къ жизни и правоспособность на заключеніе законныхъ гражданскихъ сдѣлокъ зависитъ отъ усмотрѣнія должностныхъ лицъ, не можетъ быть признанъ нормальнымъ, особенно потому, что создаетъ натянутыя и нервныя отношенія между представителями власти и обывателями, отношенія, которыя и являются психологическимъ основаніемъ многихъ дальнѣйшихъ нарушеній взаимныхъ правъ.

Какую путаницу въ дѣятельность и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ учрежденій вноситъ широта и неопредѣленность тѣхъ рамокъ, въ которыхъ дѣйствуетъ «усмотрѣніе» должностныхъ лицъ—объ этомъ съ особой силой свидѣтельствуютъ губернскія земскія собранія истекающей сессіи. Предсѣдатели различныхъ губернскихъ земскихъ собраній совершенно различно отнеслись къ вопросу о допустимости обсужденія собраніями вопросовъ общегосударственнаго и въ то же время мѣстнаго значенія. Въ то время какъ одни изъ нихъ пользовались своимъ правомъ снимать вопросы съ очереди крайне умѣренно, другіе довели дѣло до того, что нѣсколько земскихъ собраній разъѣхалось, не разсмотрѣвъ даже смѣтъ. Единственнымъ законнымъ основаніемъ дѣйствій предсѣдателей собраній, кромѣ необязательныхъ, съ точки зрѣнія закона, циркуляровъ, служитъ воспрещеніе земствамъ, какъ органамъ мѣстнаго хозяйства, касаться вопросовъ общегосударственнаго значенія. Но и теорія, и практика доказали уже искусственность и неудобопримѣнимость такого дѣленія, такъ какъ всѣ мѣстные вопросы, при извѣстной широтѣ постановки, становятся вопросомъ общаго значенія. Въ силу этого-то и выдвигается на первый планъ «усмотрѣніе». До чего доходитъ послѣднее, показываетъ слѣдующій фактъ:

«Тамбовскій корреспондентъ «Рус. Вѣд.» сообщаетъ, что изъ представленнаго земскою управою списка губернаторомъ вычеркнуто 14 вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ только что открытомъ чрезвычайномъ земскомъ собраніи: о неудобствахъ, встрѣчаемыхъ управою въ дѣлѣ приглашенія новыхъ служащихъ; о замѣнѣ предварительной цензуры карательной по суду и закону; о неудобствахъ примѣненія закона о предѣльности земскаго обложенія; объ учительскихъ курсахъ; объ образованіи комитетовъ для разработки крестьянскаго вопроса и о предварительномъ обсужденіи земскими собраніями вопроса о составѣ и программѣ занятій этихъ комитетовъ; объ организаціи больничныхъ совѣтовъ при больницѣ, лечебницѣ и управѣ; о проектѣ новаго аптекарскаго устава и др. По крайней мѣрѣ двѣнадцать изъ 14 вопросовъ — исключаемъ вопросы о цензурѣ и крестьянскій (?)—подлежатъ непосредственному и ближайшему вѣдѣнію земства» («Нов. Вр.», 12-го февр.).

До сихъ поръ мы слѣдовали за комитетомъ министровъ при перечисленіи способовъ обезпеченія законности въ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ. Однако, законъ нарушается не только должностными лицами, но и подчиняющимися законамъ гражданами. Соблюденіе полной силы законовъ должно быть обоюдостороннимъ и потому еще, что нарушеніе законности одной стороной провоцируетъ другую. Главнымъ условіемъ водворенія законности въ жизнь страны является поэтому соотвѣтствіе дѣйствующаго законодательства живымъ потребностямъ народа.

Высочайшій Указъ 12-го декабря вызванъ тѣмъ, что потребность въ намѣченныхъ имъ законодательныхъ нововведеніяхъ признана *назрѣвшею*; неудовлетвореніе ея дѣйствующимъ законодательствомъ дѣлаетъ непрочнымъ ходъ государственной и общественной жизни; отсюда и реформа законодательства. Но періоду зрѣлости потребности предшествуетъ періодъ назрѣванія; точно также и общественная жизнь, прежде чѣмъ ходъ ея станетъ настолько непрочнымъ, что потребуетъ «немедленныхъ» мѣръ, страдаетъ частными, но все разростающимися неустройствами. Потребность въ широкомъ земскомъ самоуправленіи, въ господствѣ законности, въ религіозной свободѣ, въ печати, могущей говорить «правду», теперь, дѣйствительно, очень сильна, всѣми сознается и ощущается, и удовлетвореніе ея, дѣйствительно, неотложно. Но и годъ, и пять или двадцать пять лѣтъ тому назадъ эти потребности были такъ же сильны и настоятельны, потому что онѣ для жизни общества то же, что воздухъ, пища и свѣтъ для жизни человѣка. Почему же не считались они тогда назрѣвшими? Только потому, что неудовлетвореніе ихъ не вызывало того общаго разстройства дѣлъ, которое мы наблюдаемъ сейчасъ. Періоды уже существующихъ, но еще не достигшихъ высшаго своего напряженія неудовлетворенныхъ потребностей, это періоды все учащающагося нарушенія отсталыхъ законовъ. Эти нарушенія, исходя изъ общества и народа, вызываютъ въ представителяхъ власти, мало непосредственно заинтересованныхъ въ тѣхъ или другихъ законодательныхъ нормахъ, реакцію, зачастую перегибающую лукъ въ другую сторону. Создаются «особыя положенія»; духъ неповиновенія вызываетъ къ жизни духъ произвола, самъ питается имъ, и страна бьется въ заколдованномъ безысходномъ кругу, тратя свои жизненныя силы въ высокой степени непроизводительно. А, между тѣмъ, выходъ простъ и не возбуждаетъ сомнѣнія: нарождающіяся и наростающія народныя потребности должны имѣть легальные органы, въ которыхъ онѣ могли бы свободно выражаться. Законодательство же должно быть подвижно и легко отражать на себѣ происходящія въ жизни перемѣны. Таково основное условіе законности дѣйствій и власти' и общества.

III.

Вторая половина января и первая февраля богата перемѣнами въ личномъ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ.

— Высочайшимъ указомъ отъ 16-го января уволенъ отъ занимаемой имъ должности начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. с. Звѣревъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

— 18-го января уволенъ по прошенію вслѣдствіе разстроеннаго здоровья министръ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. 20-го онъ же уволенъ въ 11-мѣсячный заграничный отпускъ. Назначенъ 23-го января м. внутр. дѣлъ гофмейстеръ Булыгинъ бывшій помощникъ московскаго генералъ-губернатора.

— 14-го января бывшій министръ юстиціи ст. секретарь Муравьевъ назначенъ посломъ въ Римъ.

*

— 20-го января товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Кутлеръ назначенъ товарищемъ министра финансовъ.

— 21-го января товарищъ министра юстиціи т. с. Манухинъ назначенъ управляющимъ министерствомъ юстиціи.

— 2-го февраля директоръ деп. общ. дѣлъ м. внутр. дѣлъ Ватаци назначенъ товарищемъ министра внутр. дѣлъ.

— Занятія комитета министровъ по приведенію въ дѣйствіе Высочайшаго Указа 12-го декабря продолжались и имѣли мѣсто 11-го января, по вопросу о примѣненіи «Положенія объ усиленной охранѣ». Обмѣнъ мнѣній по этому вопросу продолжался около 5 часовъ. Подавляющее большинство пришло къ убѣжденію о безусловной нежелательности возобновленія «Положенія объ усиленной охранѣ» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ срокъ его дѣйствія истекъ. Возобновленіе его можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно будетъ вызвано исключительными обстоятельствами, угрожающими государственной безопасности, причемъ таковыя постановленія о возобновленіи дѣйствій Положенія объ усиленной охранѣ должны быть обусловлены не годичнымъ срокомъ, а лишь впредь до выясненія вопроса и выработки особой коммиссіей новыхъ узаконеній въ указанной области («Русь»). Въ настоящее время коммисія назначена подъ предсѣд. гр. А. П. Игнатьева, въ составѣ: трехъ бывшихъ директоровъ департамента полиціи—Дурново, Зволянскаго и Петрова, бывшаго ген.-губ. Пантелѣева, кн. Вяземскаго, бар. Корфа, гр. Бобринскаго и сенатора Бутовскаго.

— 16-го января гг. Варшава и Лодзь и губерніи Варшавская и Петроковская объявлены на положеніи усиленной охраны.

— 23-го января Высочайшимъ рескриптомъ на имя члена государственнаго совѣта директора публичной библіотеки д. т. с. Кобеко онъ назначенъ предсѣдателемъ совѣщанія для пересмотра правилъ о цензурѣ и составленія проекта новаго устава о печати. Того же числа членами этого совѣщанія назначены: сенаторы Боровиковскій, Случевскій и Звѣревъ, тов. мин. нар. просв. Лукьяновъ, вице-президентъ академіи наукъ Никитинъ академикъ Ключевскій, почетные академики Кони, Голенищевъ-Кутузовъ, и Арсеньевъ, редакторъ-издатель «Вѣстника Европы» Стасюлевичъ, «Гражданина»—кн. Мещерскій, «Кіевлянина»—Пихно и «Новаго Времени»—А. Суворинъ. Кромѣ того, коммисія дополнена: предсѣд. учен. комит. при мин. народ. просв. Сонинымъ, членомъ совѣта того же мин. кн. Голицинымъ, г. Юзефовичемъ и сотрудн. «Москов. Вѣд.» кн. Цертелевымъ. 10-го февраля состоялись три засѣданія совѣщанія, причемъ постановлено: отмѣнить предварительную цензуру; установить явочный порядокъ и отвѣтственность органовъ печати—судебную («Слово»).

— 29-го января послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Шидловскаго особой коммиссіи для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. С.-Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ для устраненія таковыхъ въ будущемъ.

Коммиссія эта должна состоять изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, назначенныхъ по соглашенію предсѣдателя коммиссіи съ подлежащими министрами, представителей промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избранію самихъ рабочихъ. 8-го февраля д. т. с. Шидловскимъ опубликованы правила, касающіяся порядка избранія представителей промышленности и рабочихъ. Право участвовать въ избраніи представителей предоставлено рабочимъ всѣхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 100 рабочихъ; мужчинамъ и женщинамъ. Выборы двухстепенные. Всего отъ всѣхъ рабочихъ Петербурга и пригородовъ подлежитъ избранію 52 представителя. Въ настоящее время на многихъ фабрикахъ и заводахъ идутъ выборы; на нѣкоторыхъ они уже окончены. Всюду соблюдается полный порядокъ.

— Рабочіе Невскаго судостроительнаго и механическаго завода выбрали 7 депутатовъ, которые съ нѣкоторыми другими депутатами сдѣлали слѣдующія постановленія: 1) Необходимо выяснить размѣръ полномочій рабочихъ-депутатовъ, т.-е. ту роль, которую они примутъ въ трудахъ коммиссіи сенатора Шидловскаго; должны ли они касаться при обсужденіи всѣхъ сторонъ быта рабочихъ, какъ экономическихъ, такъ и правовыхъ, отъ которыхъ въ совокупности зависитъ все состояніе рабочихъ, или же рабочіе-избиратели ограничатъ своихъ выборныхъ. 2) Необходимо довести до свѣдѣнія рабочихъ-избирателей о всѣхъ пунктахъ программы, которую депутаты-рабочіе намѣрены внести на обсужденіе коммиссіи. Пусть всѣ рабочіе заранѣе ознакомятся съ содержаніемъ этой программы и будутъ ждать отъ работъ коммиссіи вполнѣ опредѣленныхъ, а не призрачныхъ результатовъ, дабы не было потомъ ненужныхъ разочарованій. 3) Необходимо путемъ печати выяснить въ возможно скоромъ времени, до созыва коммиссіи, отвѣтственность рабочихъ-депутатовъ передъ рабочими-избирателями. Подобное выясненіе заставитъ рабочихъ-депутатовъ строже отнестись къ своимъ задачамъ и полномочіямъ, которыми облекли ихъ Высочайшее постановленіе и рабочіе-избиратели. Это также необходимо и для всѣхъ рабочихъ, ибо при настоящихъ условіяхъ русской жизни, способствующихъ распространенію среди рабочихъ разныхъ нелѣпыхъ басенъ и слуховъ, рабочіе могутъ быть вовлечены въ печальное заблужденіе и по окончаніи работъ коммиссіи будутъ подвергать своихъ депутатовъ незаслуженнымъ нареканіямъ. 4) Необходимо установить гарантіи и права депутатовъ въ отношеніи администраціи заводовъ. Несомнѣнно, работы коммиссіи только выиграютъ, если рабочимъ-депутатамъ предоставятъ свободу собраній, слова и обезпечатъ неприкосновенность личности. 5) Въ заключеніе рабочіе считаютъ необходимымъ въ интересахъ дѣла возбужденіе и широкое освѣщеніе въ печати всѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть обсуждаемы предстоящею коммиссіей сенатора Шидловскаго («Бирж. Вѣд.»).—18-го февраля коммиссія эта закрыта.

— Министерство народнаго просвѣщенія разослало въ концѣ января попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляръ, въ которомъ рекомендуетъ образовать при каждомъ высшемъ учебномъ заведеніи особый совѣтъ изъ профессоровъ, для обсужденія вопроса о возможности возобновить занятія въ текущемъ полугодіи, а также тѣхъ мѣръ, которыя желательны въ случаѣ невозобнов-

ленія занятія. Въ настоящее время во всѣхъ безъ исключенія высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи начало занятій или отложено до болѣе или менѣе близкихъ сроковъ, или, въ большинствѣ, до начала слѣдующаго академическаго года.

— 4-го февраля въ Москвѣ взрывомъ бомбы убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ. 5-го февраля опубликованъ Высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Провидѣнію угодно было поразить Насъ тяжелою скорбью: Любезнѣйшій Дядя Нашъ, Великій Князь Сергѣй Александровичъ, скончался въ Москвѣ, въ 4-й день сего февраля, на 48-мъ году отъ рожденія, погибнувъ отъ дерзновенной руки убійцъ, посягнувшихъ на дорогую для Насъ жизнь Его. Оплакивая въ немъ Дядю и Друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были безпрерывно посвящаемы на службу Намъ и Отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ теплыя молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи въ царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 4-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«Николай».

— 4-го февраля управленіе Виндаво-Рыбинской ж. д. сообщило, что, по независящимъ отъ управленія обстоятельствамъ, съ 4-го февраля движеніе по дорогѣ прекращено впредь до особаго увѣдомленія. Независящее обстоятельство—стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ. По той же причинѣ остановилось движеніе на многихъ дорогахъ Царства Польскаго.

— Комитетъ министровъ въ засѣданіяхъ 31-го декабря 1904 и 4-го и 25-го января 1905 г., посвященныхъ порядку выполненія пункта второго Высочайшаго Указа 12-го декабря, постановилъ:

«I. Разработку предначертаній п. 2 Именного Высочайшаго Указа 12-го декабря 1904 г. о завѣдываніи мѣстнымъ благоустройствомъ произвести при участіи земскихъ и городскихъ учрежденій, по принадлежности.

«II. Исполненіе сей задачи, а равно начертаніе соотвѣтствующихъ проектовъ новыхъ земскаго и городового положеній, возложить, по принадлежности, на два особыя совѣщанія, образуемыя для сего въ Петербургѣ подъ предсѣдательсвомъ лица, Высочайшею Волею къ тому призываемаго, въ составѣ членовъ: 1) назначаемыхъ главными начальниками представителей подлежащихъ вѣдомствъ и 2) избираемыхъ земскими и городскими учрежденіями, по принадлежности.

«III. Предоставить предсѣдателю означенныхъ совѣщаній:

«а) въ случаѣ надобности соединять ихъ въ общее присутствіе;

«б) предложить симъ совѣщаніямъ подвергнуть ихъ обсужденію имѣющіе быть доставленными министромъ внутреннихъ дѣлъ матеріалы въ порядкѣ и постепенности поставляемыхъ имъ, предсѣдателемъ, вопросовъ, и

«в) выработанные въ совѣщаніяхъ проекты земскаго и городового положеній внести непосредственно въ государственный совѣтъ безъ сношеній съ вѣдомствами.

«IV. Въ отношеніи выборовъ отъ земскихъ и городскихъ учрежденій членовъ въ особыя совѣщанія (п. II) соблюсти слѣдующій порядокъ:

«а) въ губерніяхъ, въ коихъ введено Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, произвести выборы сихъ членовъ по расчету двухъ человѣкъ на губернію; при этомъ одинъ членъ избирается губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ своего состава (за исключеніемъ лицъ по назначенію), а другой избирается слѣдующимъ образомъ: каждое уѣздное земское собраніе губерніи выбираетъ изъ своего состава (съ приведеннымъ выше ограниченіемъ) по одному кандидату, которые выбираютъ изъ среды своей второго члена, и

«б) въ городахъ, въ коихъ введено городовое Положеніе 1892 г. (включая сюда и гор. С.-Петербургъ), и число жителей коихъ по даннымъ переписи 28-го января 1897 года превышаетъ 50.000 человѣкъ, а также въ пяти городахъ съ упрощеннымъ общественнымъ управленіемъ, указываемыхъ предсѣдателемъ совѣщанія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, произвести распоряженіемъ думъ и собраніемъ городскихъ уполномоченныхъ, по принадлежности, изъ ихъ состава (съ исключеніемъ лицъ по назначенію) выборы въ члены особаго совѣщанія, по одному отъ каждаго города.

«V. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ:

«а) безотлагательно выработать и сообщить предсѣдателю особыхъ совѣщаній (п. II) матеріалы для обсужденія оныхъ въ совѣщаніяхъ (п. III), и

«б) ко времени изданія проектируемаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ войти въ обсужденіе вопроса, не можетъ ли оно и въ какихъ предѣлахъ быть примѣнено къ 9 губерніямъ сѣверо и юго-западнаго края, и соображенія свои по сему предмету представить на уваженіе государственнаго совѣта, и

«VI. Предоставить министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ внести предположенія его объ измѣненіи дѣйствующаго Положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ на усмотрѣніе государственнаго совѣта безъ предварительнаго сношенія съ подлежащими вѣдомствами.

«Таковое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 4-го февраля 1905 года».

— Въ засѣданіи 8-го февраля, посвященномъ вопросу о старообрядцахъ, комитетъ министровъ постановилъ предоставить полную свободу дѣятельности всѣхъ старообрядческихъ сектъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подходятъ подъ категоріи изувѣрныхъ, и относительно которыхъ должны быть выработаны особыя мѣропріятія. Во исполненіе этого постановленія, между прочимъ, выпущено нѣсколько старообрядческихъ духовныхъ лицъ, томившихся въ заключеніи въ Спасо-Ефиміевскомъ и Соловецкомъ монастыряхъ. Равно освобожденъ изъ-подъ ареста и старообрядческій архіепископъ Іоаннъ.

— Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ по представленію главнаго управленія по дѣламъ печати 5-го февраля пріостановлены на 3 мѣсяца газеты «Наши дни» и «Наша жизнь». 11-го февраля газетѣ «Русь» воспрещена розничная продажа.

— Изъ Баку, отъ 8-го февраля, сообщаютъ телегр. Р. Т. А. Съ воскресенія въ разныхъ частяхъ города происходятъ вооруженныя нападенія мусульманъ на армянское населеніе, достигшія въ понедѣльникъ угрожающихъ размѣровъ. Говорятъ, что уже есть сотни раненыхъ и много убитыхъ. Мирное населеніе объято страхомъ, всякая дѣятельность пріостановлена.

— Баку, 9-го февраля. Послѣ того, какъ военной власти дана была сегодня утромъ возможность энергично дѣйствовать, наступило послѣ полудня безъ особаго кровопролитія успокоеніе. Армянское и мусульманское духовенство совмѣстно съ властями и почетными гражданами, въ сопровожденіи воинскихъ частей, обходятъ городъ, призывая къ миру и спокойствію и обезоруживая встрѣчныя шайки громилъ.

— Попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа объявлено 9-го февраля о закрытіи всѣхъ среднеучебныхъ заведеній Варшавы, кромѣ 2-хъ мужскихъ, и 2-хъ женскихъ гимназій, въ которыхъ сосредоточены учащіеся русскіе.

— Къ случаю на Іордани. (Приказъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа). Февраля 8-го дня, № 7. На основаніи 260, 262, 269 и 569 статей XXIV кн. св. в. п. 1869 г., изд. 3, предаю петербургскому военно-окружному суду: командующаго 1-ю Его Величества батареею гвардейской конно-артиллерійской бригады, капитана Давыдова, офицеровъ этой батареи: штабсъ-капитана Карцова, подпоручиковъ Рота I и Рота II; состоящаго для порученій при штабѣ войскъ Высочайше ввѣреннаго Мнѣ округа, генеральнаго штаба, подполковника Половцова и нижнихъ чиновъ названной батареи: канонира Николая Апалькова, артиллерійскаго каптенармуса Степана Гандарова и фейерверкера Евграфа Патрикѣева—по обвиненію: офицерскихъ чиновъ, первыхъ двухъ по 3 и 8 пунктамъ 144 и 145 ст. ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изд. 3, остальныхъ трехъ—по 8 п. 144 и 145 ст. ст. той же книги и свода и всѣхъ трехъ нижнихъ чиновъ по 2 ч. 104 ст. XXII кн. сводовъ в. зак. 1869 г. изд. 3. Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Владиміръ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Вопросы Жизни“—январь, „Русское Богатство“—январь, „Вѣстникъ Права“—январь, „Вѣстникъ Европы“—февраль).

Одинъ изъ главныхъ упрековъ, который чаще всего раздается по адресу «толстыхъ» журналовъ,—это упрекъ въ ихъ отчужденности отъ жизни, въ недостаткѣ руководящихъ статей по вопросамъ, которые въ данную минуту всего болѣе волнуютъ общество, ищущее въ ежемѣсячныхъ органахъ печати то или иное освѣщеніе современныхъ явленій и оцѣнку не однимъ только книгамъ и произведеніямъ литературы, но также фактамъ жизни, отдѣльнымъ

дѣятелямъ и широкимъ общественнымъ движеніямъ. Ежедневная пресса—непосредственный откликъ на злобы дня. Ежемѣсячный журналъ, высказываясь о тѣхъ же событіяхъ, имѣетъ возможность отнестись къ нимъ съ большей продуманностью, освѣтить въ болѣе широкой перспективѣ, подвергнуть критической провѣркѣ тотъ матерьялъ, который, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, сообщаютъ газеты. Такъ распредѣляются различныя роли «газетчиковъ» и «журналистовъ». Однако, читатель «толстыхъ» журналовъ нерѣдко разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ причемъ, не достаточно считаясь съ обстоятельствами, отъ редакцій, независящими, вспоминаетъ то или другое мнѣніе авторитетнаго лица, огульно осудившаго нашу журналистику. Въ числѣ «изобличителей» журналовъ вѣдь выступалъ и Л. Н. Толстой, выражавшій,—правда черезъ посредство «интервьюера»,—свое недовольство русскими ежемѣсячными органами печати. Ссылаются также на иностранные журналы,—которые будто бы носятъ совершенно другой характеръ, чѣмъ у насъ. Высказывалось даже мнѣніе, что принятый въ Россіи типъ «толстыхъ» журналовъ отжилъ свое время и пора-де перейти къ чему-нибудь другому, поживѣе, по современнѣе... Мы не станемъ утверждать, чтобы наши журналы представляли изъ себя идеалъ такой формы литературы, которой обезпечено существованіе на вѣчныя времена, отнынѣ и до вѣка, но пока— и именно за послѣднее время, число «толстыхъ» журналовъ не только не уменьшается, но даже растетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣли случай наблюдать какъ нѣкоторые, первоначально въ скромныхъ размѣрахъ, съ болѣе или менѣе спеціальными задачами журналы постепенно «толстѣли», приближаясь къ общему типу исторически сложившихся у насъ образцовъ ежемѣсячной прессы. Стало быть, жизненная практика отнюдь не противъ признаваемой обществомъ потребности. Отличіе нашихъ «толстыхъ» журналовъ отъ иностранныхъ нерѣдко преувеличивается. Въ одномъ только приходится признать безусловное преимущество иностранныхъ изданій—это ихъ меньшая связанность въ выборѣ авторовъ и статей, въ результатѣ двухъ коренныхъ отличій западно-европейскаго строя жизни отъ нашего. Едва ли нужно напоминать, что они заключаются въ признанной во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ свободѣ печати и въ выдѣленіи особой арены для дѣятельности политическихъ партій. Русскій и иностранный читатель (а таковые все же имѣются, ибо за послѣднее время спросъ на русскіе журналы за границу все увеличивается) должны считаться съ этими обстоятельствами, и пока они остаются безъ измѣненій, критерій требованій имъ поневолѣ долженъ быть подчиненъ.

Какъ разъ за послѣдній мѣсяцъ въ книжкахъ трехъ толстыхъ журналовъ мы находимъ аншлаги о независящихъ отъ редакцій причинахъ несоотвѣтствія задуманнаго съ выпущеннымъ въ свѣтъ. Красуется онъ и на новомъ, только что зародившемся, или вѣрнѣе преобразованномъ журналѣ—«Вопросы Жизни», который, какъ указано въ объявленіяхъ, является продолженіемъ журнала «Новый Путь» въ томъ направленіи, какое онъ получилъ съ октября 1904 года. Мы знаемъ, что съ указанной даты въ составъ редакціи вошли новыя лица, съ почтенными именами, гг. Бердяевъ, Булгаковъ и Жуковскій,

участіе которыхъ опредѣляетъ новую общественную физіономію журнала. Быть можетъ, и нѣкоторые изъ прежнихъ сотрудниковъ, составъ которыхъ объявленъ неизмѣннымъ, въ силу внутренней эволюціи вступили на новый путь, не тотъ, который значился на обложкѣ прежняго «Новаго Пути», а съ серьезнымъ и искреннимъ намѣреніемъ освободиться отъ того болѣзненнаго и противообщественнаго настроенія, которое составляло самую слабую сторону журнала въ его прошломъ. Направленіе новаго журнала опредѣлится яснѣе, конечно, лишь со временемъ. Мы знаемъ «идеализмъ» его главныхъ руководителей. Отвѣтственнымъ редакторомъ выступаетъ профессоръ Лосскій, котораго взгляды въ области отвлеченной мысли намъ также до нѣкоторой степени извѣстны. Въ первой книжкѣ обращаютъ на себя вниманіе статьи гг. С. Булгакова — «Карлейль и Толстой», Б. А. Кистяковскаго—«Права человѣка и гражданина», Г. Ш. — «9-е января 1905 г.». По поводу послѣдней статьи замѣтимъ, что пока только немногимъ журналамъ предоставлена была возможность высказаться о событіяхъ, такъ глубоко взволновавшихъ все русское и европейское общество. Значеніе ихъ съ чрезвычайной мѣткостью и выпуклостью опредѣлилъ Вл. Г. Короленко въ своей «Хроникѣ внутренней жизни», помѣщенной въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства:

„Бываютъ дни и бываютъ событія, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается значеніе самыхъ глубокихъ сторонъ данной исторической минуты. Разгадать ихъ,—значитъ найти вѣрное направленіе для самыхъ, быть можетъ, опредѣляющихъ шаговъ ближайшаго будущаго. Не разгадать, отвѣтить слишкомъ спѣшно и неправильно,—значитъ дать ошибочный отвѣтъ на роковую загадку сфинкса. А вѣдь такой отвѣтъ, если вѣрить мудрости древнихъ,—значитъ возможность гибели.

„Таково, по нашему глубокому убѣжденію, значеніе январьскихъ событій въ Петербургѣ".

Нѣсколько дальше авторъ припоминаетъ чудесное описаніе въ «Казакахъ» Л. Н. Толстого того перваго впечатлѣнія, которое производятъ на «равниннаго жителя» горы:

„Передо мной все время, всѣ эти дни и въ ту минуту, когда я пишу эти строки,—стоитъ неотвязно этотъ образъ геніальнаго художника... И мнѣ кажется, что теперь всѣ впечатлѣнія отъ нашего „общественнаго дня" такъ же разстилаются у подножія чего-то необычнаго, большого, мрачнаго, встающаго туманной громадой угрюмыхъ диссонансовъ надъ равнинами нашей жизни... И надъ всѣмъ,—надъ отставками и перемѣнами министровъ, надъ извѣстьями съ театра войны, надъ „предначертаніями" комитета министровъ высится этотъ угрюмый фонъ, залегая въ душѣ неотвязнымъ припѣвомъ... „А девятое января 1905 года"...

„Да, это девятое января поднялось надъ однообразіемъ нашей „равнинной исторіи", надъ ея буераками и оврагами, надъ холмиками „довѣрья" и извилинами бюрократической реакціи—какъ первый крутой изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть можетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе—и выше, и обрывистѣе, и круче...

„И невольно взглядъ приковывается къ этому явленію съ естественнымъ желаніемъ—разглядѣть, опредѣлить очертанія, найти перевалы и дороги..

„Но разглядѣть нелегко"...

Конечно, не легко, ибо слишкомъ много во всемъ этомъ было потрясающаго, ошеломляющаго, неожиданно поднявшагося надъ нашей «равнинной исторіей». Короленко совершенно вѣрно передаетъ впечатлѣніе отъ «этихъ дней» на человѣка, который вдругъ, изъ сравнительно мирной обстановки, отъ какого-нибудь своего, личнаго труда, обычныхъ занятій, попалъ въ водоворотъ событій послѣ того, какъ гроза разразилась, и застаетъ картину, которая, какъ герою разсказа Толстого, застилаетъ ему всѣ прошлыя воспоминанія, знакомыхъ и пр.: «а горы!» Эти горы виднѣлись вдали, на горизонтѣ. Когда путникъ войдетъ въ ихъ центръ, попробуетъ по нимъ взбираться, его впечатлѣнія уже станутъ иными. Представьте же себѣ, что онъ сразу былъ бы перенесенъ въ самыя горы, безъ постепеннаго подъѣзда къ нимъ, что они по какому-нибудь колдовству внезапно передъ нимъ выросли и давили со всѣхъ сторонъ: такое впечатлѣніе производили событія 9—11 января на непосредственныхъ свидѣтелей ихъ. Тогда разобраться еще труднѣе и начинается рядъ гипотезъ, изъ которыхъ нѣкоторыя проникли въ печать, далеко не всегда проясняя истинное положеніе дѣлъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, нелѣпость которыхъ нынѣ общепризнана. Онѣ своевременно были опровергнуты въ газетахъ, какъ «Наши Дни», «Наша Жизнь», «Русь», и снова встрѣтили отпоръ въ журнальныхъ обозрѣніяхъ, въ «Вопросахъ Жизни», въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Вѣстникѣ Права».

Что же касается послѣдовательности, то еще правительственнымъ сообщеніемъ установленъ фактъ, что первоначальная организація петербургскихъ рабочихъ принадлежитъ оффиціально утвержденному «Обществу фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ», «имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и отвлеченіе рабочихъ отъ преступной пропаганды». Извѣстно также, что первоначально въ различныхъ отдѣленіяхъ этого общества преобладали интересы экономическіе, а затѣмъ съ ними оказались сопряженными требованія политическаго характера. Однако, мнѣнія расходятся по вопросу о томъ, какъ это произошло, и, конечно, въ исторической перспективѣ это еще не можетъ быть окончательно освѣщено. Первое, наиболѣе легкое объясненіе—приписать все движеніе почину одного лица, при содѣйствіи нѣсколькихъ «агитаторовъ». Но роль единичнаго дѣятеля, каково бы ни было его возможное вліяніе, и немногихъ заправилъ отнюдь не служитъ достаточно удовлетворительнымъ объясненіемъ массового движенія. Совершенно правильно по этому поводу замѣтилъ г. Короленко, что по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были сообщены въ газетахъ, личность председателя «Общества», священника Георгія Гапона, представляющаго «психологію, необыкновенно сложную и не укладывающуюся въ простыя клички», не можетъ быть признана исчерпывающимъ факторомъ въ разыгравшихся событіяхъ; онъ «сталъ отголоскомъ широкаго массового движенія, увлекающій массу и самъ ею увлеченный»... Подобный круговоротъ могъ произойти и въ комбинаціи разныхъ требованій въ окончательной петиціи рабочихъ, и будущій историкъ не можетъ обойти молчаніемъ «среду и условія», въ которыхъ только и создаются такіе неожиданные вожди, среди «таинственныхъ стремленій того великаго цѣлаго, кото-

рое носитъ названіе человѣческой толпы и живетъ особенною колективною жизнью» («Р. Б.», стр. 171).

Исключительно «петиціонный» характеръ рабочаго движенія въ роковой день 9-го января подчеркиваетъ г. В. А. Гессенъ въ статьѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ «Вѣстника Права»: «было бы непростительной ошибкой,—пишетъ онъ,—видѣть въ ужасномъ событіи 9-го января революціонную попытку, подавленную вооруженной силой; всѣ эти разговоры и толки о временномъ или революціонномъ правительствѣ,—до очевидности нелѣпы. Рабочее движеніе, вылившееся въ форму «петиціоннаго шествія»—антиреволюціонно по своему внутреннему смыслу (вѣрнѣе было бы сказать—по формѣ). Рабочіе шли къ Царю, который все можетъ и все хочетъ сдѣлать для своего народа. Идеологія рабочаго движенія лучше всего доказываетъ, что этому движенію оставались чужды не только революціонные, но и вообще оппозиціонные элементы русской интеллигенціи. Кровавое столкновеніе вооруженныхъ силъ съ невооруженной и мирной толпой явилось результатомъ «роковаго недоразумѣнія»; оно создано напуганнымъ воображеніемъ и одряхлѣвшею мыслью бюрократіи».

На мирный характеръ шествія челобитчиковъ указываетъ и кн. Мещерскій въ «Гражданинѣ», который, кстати замѣтить, энергично возстаетъ противъ пущеннаго слуха объ иностранномъ подкупѣ: «какъ бы рабочій нашъ ни былъ на извѣстномъ заводѣ недоволенъ своимъ положеніемъ, невозможно допустить, чтобы гдѣ-либо на русской землѣ нашелся рабочій изъ русскаго народа, который далъ бы себя подкупить для бунта или для того, чтобы помѣшать вооруженію русской эскадры для войны съ врагами Россіи». Описывая шествіе рабочихъ на Дворцовую площадь, «Гражданинъ» пишетъ (обѣ цитаты перепечатаны въ «Вопр. Жизни»): «Они наивно вѣрили, что можно именно идти къ Царю во дворецъ, и что Царь ихъ приметъ. А что именно этому они не притворно, а искренно вѣрили, доказали они тѣмъ, что идя ко дворцу, а затѣмъ послѣ, *они не позволили себѣ ни одного возвышенія голоса*, ни одного поднятія руки».

Точно также въ «Церковномъ Вѣстникѣ» указано, что «толпы рабочихъ съ женами и дѣтьми, съ крестнымъ ходомъ пошли ко дворцу, къ Государю, какъ они говорили, а войска встрѣтили ихъ ружейными залпами... На улицахъ столицы... убито 96 человѣкъ ранено 333, *не считая, конечно, многихъ другихъ, не вошедшихъ въ регистрацію*. По разсказамъ, есть убитыя дѣти, есть женщины, есть простые зрители, совершенно случайно попавшіе подъ зарядъ. Виноватъ ли довѣрчивый народъ, въ жизни котораго всегда есть много неустройства, лишеній и обидъ, и которому всегда есть съ чѣмъ пойти и просить себѣ милости и защиты, виноватъ ли онъ, что и на этотъ разъ собрался и пошелъ просить о своихъ нуждахъ? Но, вѣдь, ему говорили: пойдемъ къ Царю, какъ дѣти къ отцу, раскажемъ ему наши нужды, поищемъ помощи и правды. А какое русское сердце не откликнется на этотъ призывъ». Эти соображенія «Гражданина» и «Церковнаго Вѣстника», по заключенію «Вопросовъ Жизни»,—«вводятъ насъ въ самый центръ вопроса о тѣхъ по-

слѣдствіяхъ, которыя день 9-го января будетъ имѣть для внутренняго развитія Россіи». Что же касается способовъ задержанія шествія, то «Вопросы Жизни» ограничиваются замѣчаніемъ: «мы не имѣемъ возможности выяснить, на основаніи показаній очевидцевъ, въ какой мѣрѣ точныя предписанія закона (которые были въ статьѣ приведены выше) нарушены были 9-го января командирами отдѣльныхъ войсковыхъ частей». Этотъ вопросъ съ юридической точки зрѣнія разсмотрѣнъ весьма обстоятельно въ статьѣ В. М. Гессена, на которую мы уже ссылались, и мимоходомъ затронутъ также хроникеромъ «Вѣстника Европы», опирающагося на статью въ газетѣ «Право» (№ 2), гдѣ сообщены выдержки изъ Свода Законовъ (т. II, ч. 1). «Необходимо установить и довести до всеобщаго свѣдѣнія, — пишетъ хроникеръ «Вѣстника Европы»,—были ли соблюдены въ точности, вездѣ и всѣми, всѣ (указанныя въ Св. Зак.) правила; необходимо выяснить, чего именно домогалась, къ чему именно стремилась толпа, направлявшаяся, съ разныхъ сторонъ, на Дворцовую площадь. Въ правительственномъ сообщеніи мы читаемъ, что большинство рабочихъ было введено въ заблужденіе относительно цѣли созыва на Дворцовую площадь—но вслѣдъ затѣмъ движеніе толпы приписывается «фанатической проповѣди священника Гапона и преступной агитаціи злонамѣренныхъ лицъ». Эти два указанія трудно согласимы между собой, совершенно различно освѣщая настроеніе толпы».

Итакъ, вопросовъ и недоумѣній много, но, повидимому, лишь будущему историку суждено окончательно разобраться въ нихъ и высказать свое откровенное слово, которое, быть можетъ, сознается нѣкоторыми уже теперь. Обсуждая далѣе объявленіе 13-го января, обращенное къ петербургскимъ рабочимъ и подписанное министромъ финансовъ и с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, обозрѣватель «Вѣстн. Евр.» отмѣчаетъ обѣщанные въ этомъ объявленіи рабочему люду «законные способы обсуждать и заявлять свои нужды» и говоритъ: «Необходимость обсужденія и заявленія рабочими своихъ нуждъ чувствовалась уже давно и получила оффиціальное признаніе въ законѣ 10-го юня 1903 года, которымъ учреждены фабричные старосты. Желанныхъ результатовъ этотъ законъ, однако, не принесъ, какъ вслѣдствіе стѣснительныхъ правилъ, которыми онъ регулировалъ собранія рабочихъ, такъ и потому, что не измѣнилась общая обстановка, характернымъ признакомъ которой осталось господство безправія и произвола. Не приведутъ къ цѣли и новыя попытки облегчить положеніе «рабочаго люда», если имъ будетъ данъ исключительно частный характеръ, если рабочимъ будетъ предоставлено говорить среди всеобщаго молчанія. Въ искусственно замкнутомъ пространствѣ не раздается свободное слово,—или, раздавшись, нигдѣ не встрѣтитъ отголоска и прозвучитъ безслѣдно. Судьба рабочихъ неразрывно связана съ судьбою русскаго общества и русскаго народа; подъемъ правового уровня можетъ совершаться только одновременно для всѣхъ—а безъ него немыслимъ и подъемъ матеріальнаго благосостоянія. Послѣднія событія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта простая истина проникла въ сознаніе большинства рабочихъ. Что рабочій вопросъ у насъ существуетъ—это теперь признано оффиціально; остается

только убѣдиться въ томъ, что онъ неотдѣлимъ отъ другихъ вопросовъ, поставленныхъ жизнью и формулированныхъ, отчасти, въ указѣ 12-го декабря 1904 года». Ссылка на данный указъ, явившійся, какъ извѣстно, отвѣтомъ на ясно выраженныя стремленія общества, отодвигаетъ вопросъ о причинахъ послѣднихъ событій, которыя, при всей ихъ неожиданности для большинства образованныхъ классовъ, являются симптоматическимъ признакомъ давно назрѣвшихъ потребностей.

Въ этомъ мнѣніи, кажется, сходятся всѣ авторы упомянутыхъ статей. Различное отношеніе ихъ къ событіямъ позволяетъ лишь отмѣтить особенность пріемовъ каждаго представителя журнала. Въ «Вопросахъ Жизни» г. Г. Ш. старается по возможности держаться прагматической точки зрѣнія, соблюденіе которой въ настоящее время представляетъ больше всего затрудненій. Вл. Г. Короленко въ «Рус. Бог.», приступая, какъ художникъ, къ изображенію картины, всталъ въ нѣкоторое отдаленіе и съ избранной точки зрѣнія охватилъ однимъ взглядомъ событія въ цѣльной, образной передачѣ, проникнутой слегка лирическимъ настроеніемъ, и съ нѣкоторыми указаніями въ глубь событій. В. М. Гессенъ въ «Вѣстн. Права», съ безпощадностью «законника», анализуетъ пунктъ за пунктомъ юридическія условія принятыхъ мѣръ и въ блестящей аргументаціи выясняетъ степень отвѣтственности каждаго въ трагической катастрофѣ, вызванной, по его мнѣнію, «крупнымъ недоразумѣніемъ». Хроникеръ «Вѣстн. Евр.», слѣдуя пріемамъ умѣреннаго парламентаризма, придаетъ своему изложенію характеръ наивозможно объективнаго обсужденія вопроса, не скрывая при этомъ его существенно важнаго значенія въ происходящей на нашихъ глазахъ эволюціи всего русскаго общества. Возможна еще одна точка зрѣнія—генетическая, которая осталась невыраженной въ печати. Недосказанности чувствуются во всѣхъ появившихся статьяхъ, причемъ выводы предоставлены въ большинствѣ случаевъ самимъ читателямъ, равно какъ и учетъ послѣдствій январьскихъ событій, съ которыми намъ такъ или иначе всѣмъ придется считаться. Однако, безпристрастный читатель все же долженъ будетъ снять упрекъ, о которомъ сказано въ самомъ началѣ этой замѣтки, съ «толстыхъ» журналовъ и признать, что прямо или косвенно жизнь вторгается въ нашу журналистику, властно заявляя свои права, хотя бы не всегда они были уважены «независящими обстоятельствами».

Мы рискуемъ другимъ упрекомъ въ нашемъ обозрѣніи, которое является весьма неполнымъ; но, остановившись на одномъ лишь моментѣ общественной жизни въ его отраженіяхъ въ нашихъ журналахъ, мы можемъ привести въ свое оправданіе то же соображеніе «равниннаго жителя», на которое сослался Вл. Короленко, и вслѣдъ за героемъ «Казаковъ» Толстого повторить его возгласъ-припѣвъ: «а горы!»

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Необходимость убѣжденій въ наше время.—Проповѣдь на эту тему „неоффиціальной части“ разныхъ „Губерн. Вѣдомостей“.—Признанія въ убѣжденіяхъ г. Бориса Никольскаго и что отсюда произошло въ „Русскомъ Собраніи“.—Циркулярное разведеніе „собственныхъ убѣжденій“.—Способы уловленія обывателя въ присутствіи таковыхъ.—Недоразумѣнія, возникшія между «идеями» и головою проф. харьковскаго унив. г. Вродовича.

Можно навѣрное сказать, что въ переживаемое время нѣтъ такого органа русской періодической печати, который бы не имѣлъ опредѣленнаго взгляда на событія. Даже болѣе того. Нѣтъ такого органа, который воздержался бы отъ высказыванія въ опредѣленномъ направленіи своихъ симпатій и антипатій. Напр., до сихъ поръ можно было только подозрѣвать, что «Губернскія Вѣдомости» разныхъ городовъ имѣютъ убѣжденія, ибо чѣмъ иначе было объяснить существованіе неоффиціальной части въ подобнаго рода газетахъ? Оффиціальный отдѣлъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», какъ извѣстно, служитъ для оглашенія непререкаемыхъ губернскихъ истинъ, которыя для данной области могутъ быть лишь приняты на вѣру. Каждый номеръ открывается рядомъ столь категорическихъ знаменій для грѣшныхъ извозопромышленниковъ и домовладѣльцевъ, для добродѣтельныхъ чиновниковъ и прочихъ обывателей, что только какой-нибудь мѣстный вольтеріанецъ можетъ усумниться. За оффиціальнымъ отдѣломъ слѣдуетъ обыкновенно часть неоффиціальная, которая уже имѣетъ дѣло съ вещами, дозволенными къ обсужденію. Но характеръ этой части былъ всегда столь невиненъ, что неоффиціальныя убѣжденія всегда оставались въ тѣни и скромно стушевывались.

Нынѣ заговорила и эта скромная часть «Губернскихъ Вѣдомостей». «Харьковскія», «Уфимскія», «Тамбовскія» и другія еще «Вѣдомости» ревностно заявляютъ о своихъ убѣжденіяхъ, мечутъ громъ и молнію на несогласно мыслящихъ; «неоффиціальный» отдѣлъ грозитъ заглушить увѣренный и спокойный голосъ оффиціальныхъ приказовъ. «Величайшая измѣнническая подлость», «позорный человѣкъ», «нахальство», «беззастѣнчивость» и прочіе перлы сыплются со страницъ еще такъ недавно институтки невинныхъ газетъ. У редакторовъ неоффиціальнаго отдѣла «Губернскихъ Вѣдомостей» завелись въ головѣ идеи, и отсюда пошла неоффиціальная смута. Они доказываютъ тамъ, гдѣ прежде ограничивались приказомъ, и, заявляя о своихъ убѣжденіяхъ, прибѣгаютъ къ особому тону изложенія.

Особенно усиленную дѣятельность въ этомъ смыслѣ обнаруживаютъ «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», причемъ онѣ выгодно отличаются отъ прочихъ «Вѣдомостей» какъ своей проникновенностью въ корень вещей, такъ и богатствомъ убѣжденій. Они вступаютъ въ послѣдовательную полемику даже съ рукописными произведеніями, посвящая имъ критическіе фельетоны. Полемика ведется такъ, будто «Вѣдомости» и неизвѣстная рукопись разсчитаны на одного

и того же читателя, которому одинаково доступно и то, и другое. Но, къ величайшему сожалѣнію, мы не можемъ судить, какимъ путемъ это достигается. Мы съ большимъ изумленіемъ прочли, напримѣръ, слѣдующее мѣсто въ статьѣ фельетониста «Вѣд. Одесск. Градон.», разбирающаго неизвѣстный и недоступный намъ документъ: «3-е требованіе заключается въ немедленномъ освобожденіи всѣхъ «борцовъ», подвергшихся преслѣдованію за свои убѣжденія. Противъ этого требованія возражать трудно, такъ какъ мы стоимъ на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія». Но такъ какъ на остальныя требованія и пункты автору, очевидно, не трудно возражать, что онъ и дѣлаетъ безъ оговорокъ, то ясно, что во всемъ прочемъ точки зрѣнія противниковъ не совершенно различны. Напр., насчетъ коммунистическихъ началъ хозяйственнаго строя у г. фельетониста при одесскомъ градоначальникѣ имѣются «неоффиціальныя» убѣжденія, которыя онъ излагаетъ въ формѣ притчи, для вящаго вразумленія. «Вотъ, работникъ Иванъ. Многіе годы трудился онъ неустанно, отказывалъ себѣ во всякой роскоши, во всякомъ даже маломъ удовольствіи для того, чтобы скопить небольшую сумму денегъ и купить землицы. И вотъ, мечта его осуществилась: на кровныя деньги пріобрѣлъ онъ себѣ пустопорожній участокъ, построилъ избу, насадилъ садокъ и ждетъ не дождется первыхъ плодовъ. Невеликъ и неказистъ его участокъ, да милъ онъ ему потому, что это его *собственный* уголокъ, что все здѣсь его трудами создано, его руками насажено. А вотъ, другой, Александръ. Онъ тоже неутомимо работалъ, тоже копилъ деньги и накопилъ нѣсколько сотенъ, да не купилъ земли, а положилъ деньги въ банкъ. Петръ же никогда денегъ не копилъ; работалъ онъ не всегда исправно, а что зарабатывалъ, то на себя и тратилъ; и одежду себѣ франтовскую справилъ и часы съ цѣпочкой, и водочкой себя баловалъ и съ дѣвками знался. А вотъ, еще и Семенъ. У этого была земля и садъ, и изба, да продалъ онъ все это, прибылъ въ городъ съ полной мошной и живетъ припѣваючи, нажитыя денежки спускаетъ. Справедливо ли будетъ, если у Ивана его землю отнять, а потомъ поровну всѣмъ четыремъ изъ общественной земли по участку выдѣлить? А вѣдь, такъ именно и хотятъ поступить гг. соціалисты» («Вѣд. Од. Град.», № 21).

Сила притчи заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, на сердце и съ непосредственной очевидностью. Послѣднее достигнуто г. фельетонистомъ неоффиціальной части при помощи весьма простого пріема: «вотъ, работникъ Иванъ», «и вотъ мечта его осуществилась», «а вотъ и другой Александръ», «а вотъ еще и Семенъ»,—и «вотъ» крышка «гг. соціалистамъ». Дальше авторъ приводитъ соображенія, поражающія преимущественно умъ, и находитъ, что безземельнымъ «воля дороже земли», а потому не зачѣмъ ихъ насильно «прикрѣплять» къ землѣ. Въ концѣ концовъ, возставая противъ «полнаго уравненія всѣхъ» въ интересахъ воли и свободныхъ вкусовъ каждаго, г. фельетонистъ при одесскомъ градоначальникѣ становится, очевидно, анархистомъ (примѣнительно къ существующимъ условіямъ). Если же продолжать считать его коммунистомъ, то приходится принимать обывательское опредѣленіе: «Коммуна значитъ: кому—на, кому—нѣтъ»...

* *
*

Даже г. Борисъ Никольскій, приватъ-доцентъ петербургскаго университета, членъ «Русскаго Собранія», владѣтель библіотеки въ $8^1/_2$ тысячъ томовъ и многихъ анонимныхъ ругательныхъ писемъ, потомственный дворянинъ, но безземельный (не потому ли, что воля ему дороже земли) и пр.,—даже онъ счелъ возможнымъ имѣть въ настоящее время убѣжденія строго неоффиціальнаго характера. Оффиціальная часть его существа выступаетъ, разумѣется, безъ всякихъ убѣжденій, о чемъ онъ публикуетъ въ «Новомъ Времени» въ письмѣ, посланномъ имъ въ отвѣтъ на приглашеніе пожаловать на совѣщаніе приватъ-доцентовъ и другихъ младшихъ преподавателей петербургскаго университета по вопросу о закрытіи университета. Письмо заключаетъ слѣдующее оффиціальное разъясненіе или, если хотите, правительственное сообщеніе:

«а) мое мнѣніе о томъ, открывать университетъ или нѣтъ, я признаю возможнымъ подать только на запросъ компетентныхъ лицъ или учрежденій; а безъ компетентнаго запроса участвовать въ коллективной подачѣ мнѣній счелъ бы со своей стороны неприличной и нелояльною манифестаціею;

б) когда состоится открытіе или закрытіе университета, я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ, какъ гражданина и честнаго человѣка, исполнить до конца всѣ лежащія на мнѣ обязанности въ полномъ соотвѣтствіи съ законными указаніями, которыя получу въ качествѣ приватъ-доцента отъ надлежащихъ лицъ или учрежденій, совершенно не считаясь съ какими бы то ни было дѣйствіями или рѣшеніями лицъ, закономъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ или рѣшеніямъ не уполномоченныхъ».

Такъ какъ г. Никольскому не дано писать приказы, подобно «Губернскимъ Вѣдомостямъ», то мы были бы совершенно лишены возможности узнать его убѣжденія, если бы не современная смута. Подъ ея вліяніемъ г. Никольскій выступаетъ съ неоффиціальными убѣжденіями въ «Русскомъ Собраніи», всетаки считая своей лучшей частью ту, которая воспринимаетъ циркуляры «компетентныхъ лицъ» и не имѣетъ своихъ мнѣній, такъ сказать, пустопорожнее мѣсто.

Итакъ, 28-го января «худшая часть» г. Никольскаго выступила въ «Русскомъ Собраніи» съ докладомъ о земскомъ соборѣ. Докладъ начинался патетически: «Изстрадалось сердце русское! Льется русская кровь тамъ, далеко. А здѣсь кричатъ либеральныя утки, гогочутъ радикальные гуси, поютъ о веснѣ соловьи. Загоготалъ весь птичникъ, которому чуждо русское горе!..

«Обнаглѣли жиды и требуютъ расширенія черты осѣдлости. Требуютъ рабочіе—отдѣленія церкви; либералы—конституціи, радикалы—революціи; заговорили о веснѣ, о земскомъ соборѣ.

«Все это ревъ безсмысленной толпы; все это—не русское!» (Цит. по «Руси»).

Оканчивался докладъ патріотическими стихотвореніями. А между началомъ и концомъ сокрушенъ былъ соборъ при помощи двухъ доводовъ. Экономическое соображеніе указываетъ на невозможность созыва собора въ виду того, что одна выборная перепись Петербурга стоила 15.000 руб.,—сколько же стоитъ всеобщая подача голосовъ? Другой доводъ противъ земскаго собора взятъ изъ домашней жизни. «Если мы, сидя дома, въ кабинетѣ, въ самой благопріятной

для умственной работы обстановкѣ, не придумали ничего, то много ли придумаемъ на многолюдномъ собраніи? Когда вы хотите засѣсть за простую работу, какъ вы поступаете: зовете гостей на обѣдъ, или запираетесь и никого не принимаете?» («Моск. Вѣд.»).

Что «простая работа», даже такая, какъ слушаніе доклада г. Никольскаго, невозможна на многолюдномъ собраніи «русскихъ» людей, стало понятно сейчасъ же. Князь М. Н. Волконскій, предсѣдательствовавшій 28-го января, пустилъ въ дѣло звонокъ и не допустилъ преній по докладу. Вслѣдствіе этого звонокъ «отлетѣлъ» отъ предсѣдателя. Электричество то гасло, то снова загоралось. Между «гостями» на обѣдѣ, созванномъ г. Никольскимъ, произошло страшное смятеніе и даже свалка. Эти чудесныя явленія показали, что «все это—ревъ безсмысленной толпы; все это—не русское!» И, однако, мѣстомъ дѣйствія было «Русское Собраніе». Впрочемъ, этотъ потрясающій эффектъ, произведенный докладомъ г. Никольскаго, мы склонны объяснить не столько нравами «русскихъ гостей», сколько именно убѣжденіями докладчика. Ужъ таково свойство всѣхъ неоффиціальныхъ мнѣній, что онѣ производятъ шумъ и сопровождаются буйствомъ. Между тѣмъ, «Русское Собраніе» думаетъ избѣжать скандаловъ изгнаніемъ неблагонадежнаго элемента изъ своихъ засѣданій, какъ оно постановило 4-го февраля. Рѣшеніе напрасное. Надо же, наконецъ, понять что убѣжденія—вещь чрезвычайно взрывчатая, и человѣка, лучшая часть котораго представляется пустопорожнимъ мѣстомъ, человѣка, который не привыкъ осторожно обращаться съ неоффиціальными словами и, вообще, не знаетъ, что съ мнѣніями дѣлать, опасно пускать на собранія. А г. Никольскій именно такой человѣкъ. Онъ наговорилъ много громкихъ словъ, устроилъ по своему докладу шумъ и почему-то вообразилъ, что все это—его убѣжденія, хотя, по собственному признанію, онъ не смѣетъ имѣть своихъ сужденій и таковыхъ избѣгаетъ. И до настоящаго времени онъ былъ невиненъ по этой части. Откуда же ему знать, его ли это убѣжденія въ докладѣ, или нѣтъ, разъ они до сихъ поръ и не ночевали у него?

Докладъ г. Никольскаго представляется намъ сплошнымъ недоразумѣніемъ, и происхожденіе его объясняется, вѣроятнѣе всего, такъ. Какое-нибудь «компетентное лицо» призвало г. Никольскаго и изрекло: «Въ 24 часа завести убѣжденія, сообразить долгъ предъ отечествомъ и представить».

И г. Никольскій завелъ, сообразилъ и представилъ «въ полномъ соотвѣтствіи съ указаніями, которыя получалъ отъ надлежащихъ лицъ и учрежденій».

Циркулярное разведеніе «собственныхъ» убѣжденій не является только гипотезой. Хочешь-не-хочешь, а по нынѣшнимъ временамъ каждый обыватель почти обязанъ имѣть свои убѣжденія, тогда какъ раньше онъ былъ даже преслѣдуемъ за нихъ и претерпѣвалъ. Прежде обыватель ждалъ «какъ прикажутъ», теперь онъ *обязанъ* итти на встрѣчу оффиціальной истинѣ. По нѣкоторымъ,—еще незамѣтнымъ признакамъ,—приходится думать, что скоро отъ обывателя вмѣстѣ съ паспортомъ будутъ требовать и убѣжденій. И не для какихъ-либо сыскныхъ цѣлей, а просто, на случай, если начальство спроситъ. А что со стороны начальства въ послѣднее время усиленный спросъ на

обывательскія мнѣнія, въ этомъ врядъ ли кто будетъ сомнѣваться. Правда, огорошенный новыми вѣяніями обыватель и теперь можетъ опасаться, что его убѣжденія не тѣ, какія надобны начальству, но для этого существуетъ указующій перстъ. Важно отмѣтить только то, что убѣжденія заявлять необходимо. Безъ этого не проживешь.

Эту нужду очень чувствуютъ въ Воронежѣ, напримѣръ. Извѣстный г. Безруковъ, оставшись при баллотировкѣ адреса на земскомъ собраніи въ подавляющемъ меньшинствѣ (въ числѣ трехъ), рѣшилъ извлечь изъ души воронежскаго обывателя нужныя ему убѣжденія. «Составивши свой собственный адресъ, онъ принялся энергично собирать на отдѣльныхъ листахъ подписи къ нему, при чемъ для полученія большого количества голосопъ, прибѣгнулъ къ своеобразнымъ пріемамъ. Придя въ какое-нибудь казенное учрежденіе и уговоривъ подписать адресъ начальство, онъ тѣмъ самымъ получалъ въ этомъ учрежденіи подписи всѣхъ подчиненныхъ—кто же рѣшится пойти противъ начальства? Хотя были случаи, когда не только цѣлыя учрежденія отказывали г. Безрукову въ своихъ голосахъ, но находились и отдѣльные смѣльчаки, которые, не считаясь съ мнѣніемъ начальства, отказывались подписывать адресъ г. Безрукова. Духовенство, казенныя учрежденія, учебныя заведенія—вотъ среда, въ которой неустанно агитировалъ г. Безруковъ, задѣтый за живое малымъ числомъ голосовъ, полученнымъ имъ самимъ въ земскомъ собраніи. Задавшись цѣлью добыть большое количество подписей, г. Безруковъ не брезгалъ и трактирами, базарами, вербуя голоса половыхъ, приказчиковъ; конечно, о сознательности подписывавшихся нечего распространяться. Получались такіе курьезы, что одинъ «молодецъ», подписавъ адресъ, спрашивалъ «свѣдущихъ лицъ, не достанется ли ему за это» (корресп. «Руси»).

Особенно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее характерное обстоятельство. Какой-нибудь «молодецъ» допрашивается не о своихъ нравственно-религіозныхъ убѣжденіяхъ, ему не предлагаютъ «удѣлать» споръ о душѣ, не экзаменуютъ насчетъ того, куда надлежитъ душа христіанина, и т. п. Нѣтъ, нынѣ всякій обыватель обязанъ быть убѣжденнымъ консерваторомъ или либераломъ и держать отвѣтъ по поводу своихъ политическихъ взглядовъ. Отдѣлаться отъ отвѣта стереотипной фразой «какъ будетъ угодно ваше—ству» уже нельзя. И потому нельзя, что начальству требуются «неоффиціальныя» убѣжденія. Начальству угодно, чтобы вы были «убѣждены», въ чемъ бы и расписались. Ковельскимъ предводителемъ дворянства разослано всѣмъ дворянамъ уѣзда слѣдующее циркулярное письмо: «Въ виду выраженнаго мнѣ многими изъ гг. дворянъ желанія поднести Государю Императору адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, какъ протестъ противъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣдніе дни и вполнѣ соглашаясь въ современности таковаго, имѣю честь препроводить вамъ, милостивый (ая) государь (ыня), копію съ текста подлиннаго адреса, съ просьбой, если сочувствуете, подписать таковой лично и предложить сдѣлать то же членамъ вашей семьи.

«Прошу не отказать, въ самомъ непродолжительномъ времени, возвратить мнѣ подписанный бланкъ, послѣ чего ваша подпись будетъ внесена въ подлинный

*

адресъ, отправляемый 31-го января сего года по назначенію. Если вы предпочитаете подписать подлинный адресъ, то соблаговолите пожаловать въ гор. Ковель до истеченія вышеупомянутаго срока. Въ совершенной надеждѣ, что предложеніе мое соотвѣтствуетъ вашему желанію, какъ и многихъ уже подписавшихся гг. дворянъ, прошу васъ, милостивый (ая) государь (ыня) не отказать принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и искренней преданности». (Слѣдуетъ подпись).

При письмѣ приложенъ текстъ адреса, въ которомъ. между прочимъ, упоминается о «козняхъ внутреннихъ враговъ отечества». («Наши дни»).

Подписать либеральный адресъ опасно, расписаться подъ консервативнымъ — «какъ бы чего не вышло». А гдѣ-нибудь да надо приложить свою руку. И, зажмуривъ глаза, обыватель хватаетъ перо, расписывается, открываетъ глаза и смотритъ, что вышло. И слышится ему сверху ласковый голосъ:

— Поздравляю. Вы консерваторъ.

Несмотря на успокоительное по тону объясненіе, что «вышло» консерваторъ, обыватель врядъ ли ободрится. Авторы циркулярныхъ писемъ и гг. Безруковы, сбирающіе подписи подъ адресами, кажутся ему столь же загадочными, какъ и Чичиковъ, а собственныя убѣжденія мертвыми душами. «Молодецкая» подпись, купленная въ Воронежѣ г. Безруковымъ, была, вѣроятно, ничуть не дѣйствительнѣе мертвой души, и таковыхъ г. Безруковъ набралъ, навѣрное, достаточное число. Похожденія хотя бы одного изъ современныхъ Чичиковыхъ, г. Безрукова, по своей замысловатости ничуть не уступаютъ приключеніямъ гоголевскаго героя. Можетъ быть, онъ выигралъ подпись въ шашки, обмѣнялъ на шарманку или «брудастаго съ усами» пса; можетъ быть, кто-нибудь изъ опасающихся (дѣло новое!) торговцевъ на базарной площади, отбивался отъ г. Безрукова, какъ Коробочка:

«—Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ».

А г. Безруковъ уговаривалъ:

«—Да, что пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька—пенькою, въ другой разъ пріѣду—заберу и пеньку».

Но если даже какимъ-нибудь чудомъ обыватель избѣжитъ подписанія циркулярнаго адреса или адресъ минуетъ его, то это не значитъ, что онъ получилъ право не изъявлять своихъ политическихъ убѣжденій. Въ этомъ, казалось бы, благопріятномъ для него случаѣ онъ подлежитъ воздѣйствію другого циркулярнаго письма, которое приглашаетъ его, вообще, убѣждаться и готовить на всякій случай общественную программу. Какъ одинъ изъ примѣровъ такой циркулярной пропаганды, приведемъ письмо инспектора народныхъ училищъ Канскаго и Енисейскаго уѣздовъ, разосланное всѣмъ подвѣдомственнымъ ему училищамъ.

«Гг. учителя и учительницы! Я глубоко вѣрю, что вы свой святой трудъ, посвященный къ мирному преуспѣянію народа, къ просвѣщенію ихъ ума и сердца правилами православной церкви, къ поддержанію прочнаго государственнаго вѣками освященнаго строя, къ укорененію преданности Царю и

отечеству, не промѣняете на сѣяніе среди мирнаго русскаго народа революціонныхъ идей, на распространеніе противоправительственныхъ прокламацій, въ которыхъ описывается якобы бѣдственное положеніе учителей и учительницъ, угнетенныхъ директорами и инспекторами народныхъ училищъ. Эти прокламаціи попадаютъ и высылаются учащимъ отъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Покорнѣйше прошу васъ всякія такія прокламаціи тотчасъ по полученіи высылать мнѣ вмѣстѣ съ конвертомъ, въ которомъ онѣ присланы вамъ. Предупреждаю, что лица, скрывшія прокламаціи и особенно распространяющія ихъ и революціонныя идеи среди народа и учащихся, подлежатъ немедленному увольненію и тяжелой отвѣтственности. Помните, что у Россіи враги кругомъ. Если сами русскіе будутъ стоять въ рядахъ враговъ ея, то что же станетъ съ Россіей, особенно теперь, когда явный врагъ — Японія и ея друзя ликуютъ по поводу паденія Портъ-Артура и надѣются нанести ей позорное пораженіе. Развѣ кто изъ васъ желаетъ этого Россіи, желаетъ ей смутъ и кровавой рѣзни?.. Молю идти своей дорогой, сѣять въ сердцахъ дѣтей и народа доброе сѣмя, какъ предписываетъ святая церковь, законы Россіи и долгъ службы. Инспекторъ народныхъ училищъ П. Сергіевскій» («Наши Дни»).

Если же, наконецъ, и это не поможетъ, и упорное молчаніе будетъ отвѣтомъ на циркулярное попеченіе, то существуетъ доброе старое средство не только обнаружить политическую партійность человѣка, но даже вывернуть его на изнанку. Дружеская бесѣда, сообщенная куда слѣдуетъ, получаетъ всѣ признаки политическихъ требованій и желаній. Все зависитъ отъ обстановки. За чашкой чаю обывательскія разглогольствованія носятъ вполнѣ невинный характеръ. Если же эту самую бесѣду «отвлечь» отъ чаю, то получается «платформа». Это сообразилъ г. Ревва, учитель кулевичской школы въ Тихвинскомъ уѣздѣ. Въ 1904 г. одна изъ учительницъ того же уѣзда г-жа В., возвращаясь послѣ рождественскихъ каникулъ къ себѣ въ школу, по пути, остановилась у г. Реввы. «Хозяинъ радушно встрѣтилъ гостью и между ними завязалась продолжительная бесѣда. Между прочимъ, разговоръ коснулся религіозныхъ вопросовъ, въ мнѣніяхъ по которымъ между ними произошло несогласіе. Учительница В., попрощавшись съ хозяиномъ, продолжала дорогу дальше, а г. Ревва на другой же день поспѣшилъ къ мѣстному становому приставу и лично заявилъ ему о взглядахъ на религію г-жи В., прося направить дѣло по принадлежности. Становой приставъ пытался было убѣдить г. Ревву въ неудобствахъ его жалобы (разговоръ происходилъ между двумя товарищами учителями; г-жи В.—женщина многосемейная и жалоба могла бы повлечь для нея непріятныя послѣдствія). Но г. Ревва настаивалъ на возбужденіи дѣла. Разслѣдованіе его училищнымъ совѣтомъ было поручено земскому начальнику, въ участкѣ коего находилась школа г-жи В. Опрошенное земскимъ начальникомъ мѣстное населеніе восторженно отозвалось о ней, какъ о прекрасной учительницѣ и безукоризненномъ человѣкѣ, тѣмъ не менѣе по настоянію учебнаго начальства она была вынуждена подать въ отставку. Г-жа В. своимъ учительскимъ трудомъ поддерживаетъ 4-хъ малолѣтнихъ дѣ-

тей и неспособнаго къ труду мужа; къ счастью, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она получила мѣсто учительницы въ другомъ уѣздѣ» («Наша Жизнь»).

Г. Ревва проявилъ такую сообразительность и такой тонкій нюхъ къ вѣяніямъ времени, что далеко оставилъ за собою становового пристава. Послѣдній видѣлъ въ разговорѣ только разговоръ, а г. Ревва нашелъ, что здѣсь можетъ и «дѣло» выйти.

Не одинъ г. Ревва соображаетъ. Въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» помѣщено письмо въ редакцію изъ Брянскаго уѣзда. Авторъ письма, нѣкій Григорій Константиновичъ Ермаковъ, проситъ редакцію помочь ему «разсѣять туманъ, которымъ стараются окутать мое имя», ибо мѣстные «охранители» сдѣлали на него доносъ «за вредное направленіе мыслей» и распространяютъ слухи, будто г. Ермаковъ «неблагонадежный», «измѣнникъ отечеству» и пр. Словомъ, г. Ермакову сформировали дружеской рукой политическія убѣжденія, отъ чего онъ усиленно открещивается. Дѣло было, по его словамъ, на свадьбѣ. Г. Ермаковъ «гулялъ», старшины «гуляли», урядникъ былъ тутъ же, въ числѣ гостей были и торговецъ Синицынъ и конторщикъ пивовареннаго завода Сбитневъ. На свадьбѣ, пишетъ г. Ермаковъ, «мы заспорили съ Сбитневымъ о значеніи литературы. И Сбитневъ понесъ такую околесницу въ своихъ сужденіяхъ, что я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ разъяснить ему правильный взглядъ на поднятый вопросъ, конечно, постольку, поскольку самъ былъ силенъ въ этомъ. Я говорилъ, что литература способствуеть разобраться намъ въ явленіяхъ, окружающихъ нашу жизнь, пріучаетъ насъ къ правильному мышленію, а слѣдовательно, учитъ правильно разсуждать. При послѣднемъ словѣ Сбитневъ вскрикнулъ: «Не о всемъ можно разсуждать!» Я отвѣчалъ ему: «Все, что доступно мысли человѣческой, о томъ можно разсуждать». Въ споръ вмѣшался «неотесанный» и «грубый» Синицынъ... Въ концѣ спора я назвалъ ихъ обоихъ невѣждами, чѣмъ признаюсь задѣлъ ихъ «интеллигентское» самолюбіе. Послѣ этого мнѣ пришлось разговориться о войнѣ. Я доказывалъ субъекту, спорившему со мной и ругательски-ругавшему японцевъ, что послѣдніе, какъ видно изъ газетъ, народъ храбрый и искусный въ военномъ дѣлѣ, и что съ ними воевать трудно. Кромѣ вышесказаннаго, моя «неблагонадежность» выразилась еще въ слѣдующемъ: урядникъ наступилъ мнѣ на ногу и не извинился; я за это вслухъ произнесъ по его адресу: «люблю полицію за вѣжливость» (это было сказано съ ироніей, и урядникъ, само-собой понятно, принялъ это къ свѣдѣнію). Въ заключеніе, во время свадебнаго ужина, мною былъ поднятъ тостъ за цивилизацію и прогрессъ»...

Вотъ и весь матеріалъ, который послужилъ для «платформы» г. Ермакова...

Такимъ образомъ, нынѣ обывателю некуда скрыться. Онъ долженъ пойти либо въ лѣво, либо вправо. Благодушествовать на одномъ мѣстѣ ему все равно не позволятъ. Политическія страсти разгорѣлись и знаютъ либо врага, либо друга. Какъ создаются тотъ и другой, мы уже видѣли: вся разница въ мѣстномъ колоритѣ и случайныхъ обстоятельствахъ.

Во всякомъ случаѣ теперь ужъ не анекдотомъ является чеховскій разсказъ «Въ банѣ». Моющійся дьяконъ былъ принятъ, благодаря своимъ длиннымъ

волосамъ за человѣка «съ идеями въ головѣ» и чуть было не пострадалъ, если бы не выяснился его санъ. Разница—и существенная—теперь только въ томъ, что раньше достаточно было имѣть вообще идеи, чтобы прослыть опасным, а теперь всякій обязанъ имѣть идеи, и въ зависимости ужъ отъ нихъ дѣлается «вреднымъ». Развѣ это не прогрессъ? Русскій человѣкъ добился, наконецъ, признанія, что голова безъ идей немыслима. Это, такъ сказать, естественное право даже россійскаго гражданина. И теперь, увѣровавъ въ это съ рвеніемъ прозелита, онъ административнымъ порядкомъ насаждаетъ идеи въ чужія головы. Конечно, неудобство отъ такого злоупотребленія естественными правами на «идеи» проистекаютъ сильныя, но, какъ выразился Марксъ, «разумъ всегда существовалъ, но не всегда въ разумной формѣ». Въ настоящей хроникѣ мы и знакомимся именно съ неразумной формой получившей право гражданства обывательской головы.

* *
*

Курьезная судьба выпала на долю головы профессора харьковскаго университета г. Бродовича. Во всей этой непривычной суматохѣ голова г. Бродовича «случайно», какъ онъ самъ извиняется, наполнилась не тѣми идеями, какими слѣдовало. Какъ оказывается, неудобно почувствовала себя не только голова, но и «идеи», забредшія по недоразумѣнію въ голову г. Бродовича.

Недоразумѣніе состояло въ слѣдующемъ, какъ изображаетъ его г. Бродовичъ въ письмѣ въ редакцію «Южн. Кр.»:

«Ознакомившись при посредствѣ вашего почтеннаго изданія съ полнымъ текстомъ юбилейнаго привѣтствія профессоровъ харьковскаго университета моковскому университету, я считаю себя вынужденнымъ довести при посредствѣ вашей газеты до всеобщаго свѣдѣнія, что я подписалъ это привѣтствіе, не прочитавъ (вслѣдствіе совершенно *случайныхъ* обстоятельствъ) *всего* адреса и не допуская мысли, что въ академическое привѣтствіе могутъ быть включены пожеланія чисто политическаго характера. Оказывается теперь, что во второй полонинѣ адреса заключались именно политическія desiderata. По моему же глубокому убѣжденію, профессора въ данное время болѣе чѣмъ когда-либо обязаны служить наукѣ и только одной наукѣ, не возбуждая вопроса о внутреннемъ переустройствѣ нашей родины, ведущей столь упорную внѣшнюю борьбу. Поэтому я беру свою подпись подъ адресомъ обратно, какъ сдѣланную мной по совершенно случайной оплошности, отъ всей души привѣтствуя славный осковскій университетъ, какъ питомникъ стольких выдающихся жрецовъ науки и вѣрныхъ слугъ Царя и Россіи. Примите и проч. Профессоръ Императорскаго харьковскаго университета *І. Бродовичъ*.

«P. S. Покорнѣйше прошу редакціи всѣхъ газетъ, напечатавшихъ адресъ харьковскихъ профессоровъ, напечатать и это мое письмо.

«Г. Харьковъ, 18-го января 1905 г.».

Необходимымъ дополненіемъ къ заявленію г. Бродовича служитъ отвѣтное письмо проф. Н. А. Гредескула, напечатанное въ «Харьков. Листкѣ»:

«Въ 8.340 нумерѣ газеты «Южн. Кр. напечатано письмо проф. Бродовича, въ которомъ онъ заявляетъ, что онъ беретъ обратно свою подпись подъ адресомъ

московскому университету отъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ харьковскаго университета, въ виду того, что въ этотъ адресъ «включены пожеланія чисто-политическаго характера». Признаюсь, я только теперь, послѣ прочтенія указаннаго письма проф. Бродовича, вздохнулъ облегченно отъ того смущенія, которое я (какъ, вѣроятно, и очень многіе мои товарищи) почувствовалъ, вернувшись изъ Москвы и узнавши, что подъ нашимъ адресомъ въ числѣ другихъ стоитъ также и подпись проф. Бродовича. Конечно, проф. Бродовичъ подписалъ этотъ адресъ *случайно*,—и не только въ томъ смыслѣ, что онъ, подписывая, не вчитался въ его содержаніе (какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ), но и въ томъ смыслѣ, что этотъ адресъ совершенно случайно попалъ къ нему для подписи. Но этого лица, посторонніе университету, не могли знать, а между тѣмъ, подпись проф. Бродовича подъ нашимъ адресомъ, несомнѣнно, компрометировала не только тѣ «политическія desiderata», которыя были въ него включены, но и то единеніе почти всѣхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ нашего университета, которое получилось на почвѣ выраженныхъ въ адресѣ политическихъ пожеланій. Въ виду изложеннаго спѣшу принести проф. Бродовичу искреннюю благодарность за его письмо въ «Южномъ Краѣ».

Сіе чрезвычайно поучительное дѣло о взаимномъ оскорбленіи проф. Бродовича и «политическихъ disederata», несмотря на свою исключительную пикантность, намъ кажется гораздо характернѣе для настоящихъ событій, чѣмъ подписаніе адреса воронежскимъ «молодцомъ» или докладъ г. Никольскаго. Ибо первый можетъ оправдаться невѣдѣніемъ, послѣдній приватнымъ характеромъ своихъ убѣжденій, служащихъ только для домашняго употребленія, а проф. Бродовичъ? По его «глубокому убѣжденію», онъ ничего не желаетъ, а «случайная оплошность» довела его до такого положенія, что онъ *оффиціально* выразилъ «политическія desiderata», какъ онъ стыдливо прикрывается латинскимъ терминомъ, не рѣшаясь выговорить слово по русски. Единственнымъ средствомъ избѣжать въ дальнѣйшемъ пикантныхъ превратностей для харьковскаго профессора можетъ служить лишь скорѣйшее обзаведеніе собственными пожеланіями. Если ему страшны «desiderata», пусть пожелаетъ хоть бѣлой севрюжины...

* *
*

Двое юнцовъ, гуляя по главной улицѣ Елисаветграда, бесѣдовали о событіяхъ въ Петербургѣ 9-го января. Какой-то неизвѣстный субъектъ, пишетъ корреспондентъ «Нашихъ Дней», подслушавъ бесѣду, подозвалъ городового и приказалъ ему немедленно арестовать юнцовъ и доложить начальству, что они говорили о стачкѣ. Городовой исполнилъ приказаніе «неизвѣстнаго» и поволокъ «преступниковъ». Въ участкѣ за это дѣло энергично взялся пом. пристава Нехорошкинъ. Посадивъ «крамольниковъ» въ кордегардію.

Нехорошкинъ помчался на квартиру одного изъ задержанныхъ, гдѣ и произвелъ самый тщательный обыскъ по всѣмъ правиламъ сыскного искусства. Результаты получились самые плачевные для Нехорошкина, ибо ничего «крамольнаго» и вообще подозрительнаго не было найдено. Лихой набѣгъ только страшно напугалъ семью задержаннаго и сосѣдей. Возвратившись, Нехорошкинъ,

для улучшенія состоянія собственнаго духа, приказалъ одного юнца отпустить, а другого, у котораго былъ произведенъ обыскъ, оставилъ на ночлегъ въ кордегардіи. На другой день и этого «крамольника» отпустили на свободу. Протоколъ, разумѣется, не былъ составленъ. По крайней мѣрѣ, таковой не былъ предъявленъ задержаннымъ для подписи».

Невинность дѣтскаго возраста не служитъ достаточной защитой противъ подозрительности охранителей. Еще одинъ шагъ, и русская жизнь покажетъ, что человѣкъ и рождается съ «идеями» точно такъ же, какъ и въ грѣхахъ. Какъ будутъ поступать въ такомъ случаѣ съ новорожденными, какъ будутъ опредѣлять ихъ принадлежность къ консерваторамъ или либераламъ, если за неграмотностью и неспособностью къ членораздѣльной рѣчи имъ ни адреса подписать, ни письмо въ редакцію написать,—невозможно предсказать. Можно только надѣяться, что городовой будетъ маршировать вмѣстѣ съ вѣкомъ, а «неизвѣстные» изобрѣтутъ новое чувство, и какъ-нибудь, съ Божьей помощью, мы избѣжимъ поголовнаго избіенія младенцевъ.

* * *

Въ «Южномъ Курьерѣ» сообщается: «Намъ приходится очень часто замѣчать подозрительныхъ субъектовъ, стоящихъ зачѣмъ-то на каждомъ углу и внимательно читающихъ афиши. Разъ мы замѣтили одного господина, который, идя въ одну сторону, шелъ по правой сторонѣ и притворялся пьянымъ; идя же обратно, онъ былъ совершенно трезвъ и шелъ по лѣвой сторонѣ. Такъ, мы замѣтили, онъ продѣлалъ разъ десять, дальше наблюдать уже не стали. Кромѣ того, насъ просятъ дать мѣсто слѣдующему факту: разъ одна г-жа, выйдя изъ своей квартиры, нашла у дверей, на лѣстницѣ, какого-то субъекта въ гороховомъ пальто, притворявшагося пьянымъ. На вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, тотъ понесъ околесную. Когда же пригрозили позвать полицію, онъ моментально отрезвѣлъ, вскочилъ на ноги и выбѣжалъ изъ дверей. Что это такое? Мошенники или кто другой?..»

Точно также безпокоитъ крымскую газету «Салгиръ» «какой-то господинъ». По ея разсказу, «въ залѣ симферопольской городской думы для референтовъ газетъ отведенъ городскимъ головою особый столъ. Во время засѣданія думы 21-го января, за этимъ столомъ, еще до открытія собранія, *засѣлъ какой-то господинъ*, выдававшій себя за сотрудника «Крыма». Появленіе никому неизвѣстнаго господина вызвало со стороны остальныхъ пяти представителей печати нежеланіе сидѣть съ нимъ за общимъ столомъ. По ихъ просьбѣ, однимъ изъ членовъ управы имъ былъ предоставленъ для работы другой столъ, а выдававшій себя за сотрудника «Крыма» незамѣтно скрылся куда-то и больше въ залъ думы не появлялся».

І. Ларскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Германское правительство и стачка рабочихъ въ Рурѣ.—Общественное мнѣніе и его отношеніе къ стачкѣ. — Торговые договоры. — Полковникъ Пикаръ о войнѣ. — Годичное собраніе рабочаго комитета въ Ливерпулѣ.—Столкновеніе Рузвельта съ сенатомъ.—Новое примѣненіе доктрины Монроё.—Японскій университетъ.

Въ Германіи совершилось нѣчто необычное. Прусское правительство, уступая давленію общественнаго мнѣнія во всей имперіи, объявило о своемъ намѣреніи ввести законодательныя мѣры, направленныя къ удовлетворенію горнорабочихъ Рурскаго округа, организовавшихъ стачку, продолжавшуюся около мѣсяца. Еще въ началѣ царствованія императоръ Вильгельмъ выказалъ желаніе заняться рабочимъ вопросомъ и разрѣшить его въ интересахъ рабочихъ классовъ. Онъ разсчитывалъ противодѣйствовать такимъ путемъ успѣхамъ соціалъ-демократіи въ Германіи, примѣнивъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ то самое рабочее законодательство, которое было введено съ тою же цѣлью его дѣдомъ Вильгельмомъ I и Бисмаркомъ подъ видомъ закона страхованія рабочихъ. Вопросъ о рабочемъ днѣ явился въ 1890 году главнымъ предметомъ обсужденія, какъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и на международной рабочей конференціи въ Берлинѣ, созванный императоромъ Вильгельмомъ по совѣту Бисмарка. Но за этимъ послѣдовали годы реакціи, во время которыхъ преобладающее вліяніе имѣлъ извѣстный Штуммъ, крупнѣйшій изъ желѣзозаводчиковъ Германіи.

Когда въ текущемъ году возникла стачка въ Рурскомъ горномъ округѣ, правительство вначалѣ относилось недоброжелательно къ стачечникамъ и довольно сурово напоминало имъ объ ихъ незаконномъ поведеніи, такъ какъ они бросили работу и нарушили контрактъ со своими хозяевами безъ всякаго предувѣдомленія, хотя патроны сами гораздо раньше нарушили договоръ съ рабочими, увеличивъ неправильнымъ образомъ число рабочихъ часовъ и введя разныя стѣсненія, какъ, напр., лишеніе рабочихъ положеннаго имъ по условію угля, нужнаго для хозяйства. Министръ торговли даже какъ будто старался обойти всѣ эти щекотливые вопросы вначалѣ и не захотѣлъ принять участіе въ переговорахъ съ владѣльцами копей и конференціяхъ, которыя правительство предполагало устроить для улаженія конфликта. Повидимому горнопромышленники считали свое положеніе очень прочнымъ, такъ какъ самымъ безцеремоннымъ образомъ игнорировали общественное мнѣніе, рѣшительно высказывавшееся въ пользу рабочихъ. Но стачка принявшая грандіозные размѣры и обнаружившая замѣчательное единство рабочихъ, заставила прусское правительство измѣнить свое отношеніе къ ней, и въ германской оффиціозной газетѣ «Norddeutch. Allg. Zeit.» появилось сообщеніе, что прусское министерство совѣщалось по рабочему вопросу, причемъ не только канцлеръ, но и самъ императоръ принималъ участіе въ этомъ совѣщаніи. Огромная часть образованнаго общества Германіи, къ которой принадлежатъ и многіе вліятельные классы, не симпатизируетъ капиталистамъ. Профессора, адвокаты и даже большая часть

чиновниковъ и должностныхъ лицъ въ странѣ, не будучи капиталистами, не могутъ согласиться съ точкою зрѣнія работодателей, заявляющихъ притязанія на какія-то особыя права, благодаря которымъ они могутъ совершенно не принимать во вниманіе измѣнившихся условій государственной и соціальной жизни. Поэтому слова одного изъ горнопромышленниковъ, заявившаго недавно: «копи принадлежатъ мнѣ, и я могу дѣлать съ ними, какъ со своимъ капиталомъ, что хочу!»—вызвали сильное негодованіе германскаго образованнаго общества. Напрасно также ассоціація горнопромышленниковъ, желая привлечь на свою сторону министерство и депутатовъ, доказывала въ своей запискѣ, что «ихъ дѣло—это дѣло монархіи, которая должна бороться со стачечниками, поведеніе которыхъ даетъ поводъ къ серьезнымъ опасеніямъ» и т. д., и т. д. Министры, быть можетъ, и раздѣляли точку зрѣнія горнопромышленниковъ, но депутаты оказывались не на ихъ сторонѣ.

Это замѣчательная стачка, безпримѣрная въ исторіи соціальной борьбы въ Германіи, началась 7-го января н. ст. небольшою остановкой работъ въ одномъ изъ цеховъ. Но уже тогда германскія газеты обратили вниманіе на этотъ незначительный конфликтъ и высказали опасеніе, что изъ этой маленькой искры можетъ разгорѣться большой пожаръ. Одна изъ газетъ уподобляла при этомъ Рурскій округъ вулкану, изверженіе котораго легко можетъ произойти по незначительному поводу. Газеты указывали на то, что и теперь, какъ въ 1889 г., стачка можетъ распространиться на весь горный округъ и сто тысячъ рабочихъ прекратятъ работу. Такъ и случилось. Сначала къ движенію присоединились 50.000 человѣкъ, но у нихъ не было ни организаціи, ни програмы, ни настоящихъ руководителей. Наконецъ предводителямъ четырехъ рабочихъ союзовъ, соединившихся для этой цѣли, удалось взять въ свои руки руководство движеніемъ. Тогда составлена была записка, въ которой, въ четырнадцати пунктахъ, изложены были требованія рабочихъ. Пока не былъ полученъ отвѣтъ отъ синдиката горнопромышленниковъ, движеніе не развивалось, но когда пришелъ отрицательный отвѣтъ, то была объявлена всеобщая стачка и въ самое короткое время 200.000 человѣкъ бросили работу.

Никогда еще Германія не была свидѣтельницей такой грандіозной соціальной борьбы, какъ по числу стачечниковъ, такъ и по тому спокойствію, которое царило во всемъ округѣ. Цѣлая армія въ 200.000 рабочихъ повиновалась какъ одинъ человѣкъ постановленіямъ своихъ вождей и ни разу нигдѣ не позволила себѣ никакихъ эксцесовъ. За все время стачки, продолжавшейся больше мѣсяца, не было ни малѣйшаго безпорядка и стачечники вели себя до такой степени корректно, что даже само правительство вынуждено было признать это въ рейхстагѣ и въ прусской палатѣ депутатовъ. Конечно, нашлись люди, которые заговорили о необходимости ограниченія права союзовъ и собраній, но имъ поставили на видъ, что въ Рурскомъ округѣ существуетъ полная свобода собраній и результатомъ этого является удивительный порядокъ, такой, какого не можетъ поддержать никакая полиція. Нѣтъ сомнѣнія, что такое образцовое поведеніе стачечниковъ много способствовало тому, что общественное мнѣніе скоро перешло на ихъ сторону. Давно было извѣстно, что въ

рурскомъ округѣ условія работы оставляютъ желаютъ многаго и усиливающееся неудовольствіе рабочихъ дѣлаетъ стачку неизбѣжной. Но владѣльцы копей ничего не хотѣли сдѣлать для улучшенія положенія рабочихъ и отказались даже вступить съ ними въ какіе бы то ни было переговоры, пренебрегая тѣми затрудненіями, которыя стачка вноситъ въ экономическую жизнь страны.

Сочувствіе общественнаго мнѣнія выразилось многозначительными демонстраціями, происходившими въ разныхъ мѣстахъ страны. Въ Баденѣ напримѣръ, представители всѣхъ классовъ и всѣхъ политическихъ партій, включая и консервативную, опубликовали возваніе въ пользу стачечниковъ. Всюду была организована подписка, и въ виду такого общественнаго настроенія прусскому правительству пришлось выработать новеллу, вносящую существенныя поправки въ законы, регулирующіе работу въ рудникахъ. Вожди рабочихъ имѣли полное право сказать въ собраніи: «Мы побѣдили». Стачечники не только одержали побѣду надъ синдикатомъ горнопромышленниковъ, но заставили прусскую бюрократію поступить вопреки своему принципу «никогда не показывать вида, что вынужденъ итти на уступки». Во всякомъ случаѣ то, что прусское министерство намѣрено произвести реформу горныхъ законовъ и что этотъ шагъ явился непосредственнымъ результатомъ стачки, является уже неслыханною доселѣ побѣдою рабочихъ организацій, съумѣвшихъ создать настоящее дисциплинированное войско изъ рабочихъ.

Конференція делегатовъ отъ рабочихъ, собравшаяся въ Эссенѣ, рѣшила большинствомъ голосовъ возобновленіе работы въ копяхъ, полагаясь на обѣщанія прусскаго правительства и графа Бюлова, но оставляя за собою свободу дѣйствій, въ случаѣ если требованія рабочихъ не будутъ удовлетворены. Въ своей мотивировкѣ делегаты заявляютъ, что въ виду обѣщанія реформъ, «они не желаютъ продолженіемъ стачки подвергать германскую торговлю и промышленность дальнѣйшимъ потерямъ и ущербу».

Понятно, реакціонная и консервативная печать возмущается дѣйствіями правительства, находя, что взятыя имъ на себя обязательства равносильны капитуляціи и что правительство создаетъ опасный прецедентъ для дальнѣйшаго развитія соціальной, политической и промышленной жизни. Особенно достается при этомъ графу Посадовскому, котораго «Гамбургская газета», одна изъ бисмарковскихъ рептилій, причисляетъ даже къ соціалистамъ и обвиняетъ чуть ли не въ государственной измѣнѣ. Въ рейхстагѣ рурская стачка дала поводъ къ очень горячимъ дебатамъ. Бебель напомнилъ объ императорскомъ указѣ, изданномъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ которомъ говорилось, что рудники должны быть образцовыми учрежденіями. Гдѣ же эти образцовыя учрежденія?—спросилъ онъ. Ядовитыя стрѣлы своего краснорѣчія Бебель направилъ, главнымъ образомъ, противъ прусскаго правительства вообще и противъ Бюлова въ частности. «Канцлеръ выступилъ съ угрозой, что онъ пуститъ въ ходъ всѣ государственныя силы противъ стачки, если она дойдетъ до крайности,—сказалъ Бебель,—но развѣ такъ долженъ говорить государственный дѣятель? Развѣ въ такой рѣчи не заключается неслыханнаго вызова? Слишкомъ много угрозъ раздается изъ высшихъ сферъ въ Германіи! Между

тѣмъ именно теперь правительству представляется въ высшей степени благопріятный случай доказать на дѣлѣ свою заботливость о благѣ рабочихъ, и оно должно выполнить свой долгъ и показать себя на высотѣ положенія». Бебель упрекалъ далѣе канцлера и государственную власть въ томъ, что они склоняются передъ силою капитала. Вмѣсто Бюлова, отсутствовавшаго въ рейхстагѣ, Бебелю отвѣчалъ графъ Посадовскій, старавшійся оправдать дѣйствія канцлера и въ общемъ говорившій въ довольно благожелательномъ тонѣ по отношенію къ стачечникамъ. Центръ, отъ имени котораго говорилъ Шпанъ, также высказался неодобрительно, относительно упорства и несговорчивости горнопромышленниковъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что еще раньше кельнскій кардиналъ архіепископъ Фричъ и кардиналъ Коппъ, архіепископъ Бреславля, прислали въ стачечный комитетъ деньги, такъ что благодаря матеріальной поддержкѣ, притекающей со всѣхъ сторонъ, стачечники могли продержаться дольше, чѣмъ это предполагалъ въ началѣ предсѣдатель синдиката промышленниковъ Кирдорфъ.

Это первая стачка въ Германіи, въ которой общественное мнѣніе страны стало на сторону стачечниковъ и которая не вызвала никакихъ столкновеній и безпорядковъ въ округѣ. «Германскіе рабочіе еще никогда не одерживали такой нравственной побѣды, какую они одержали теперь, и этотъ нравственный успѣхъ долженъ повести за собою матеріальныя послѣдствія», – говоритъ «Vorwärts», выражая полную увѣренность, что горнопромышленникамъ придется подчиниться общественному мнѣнію и съ организованной силѣ рабочихъ.

Жены горнорабочихъ русскаго округа также принимали дѣятельное участіе въ стачкѣ и показали, что политическое самосознаніе германской женщины сильно выросло за послѣдніе годы, несомнѣнно, онѣ много способствовали сохраненію порядка и спокойствія въ округѣ во время стачки. Женскія собранія, происходившія въ Эссенѣ и др. мѣстахъ, проходили всегда въ большомъ порядкѣ, хотя присутствовало на нихъ иногда до двухъ тысячъ человѣкъ, при чемъ нѣкоторыя изъ женъ рабочихъ выказали себя недюжинными ораторами. Всѣ женщины, несмотря на то, что стачка сильнѣе всего отражалась на ихъ домашнемъ хозяйствѣ и причиняла имъ лишенія и безпокойства, настаивали на ея продолженіи. «Если мужчины возьмутся за свои инструменты, то мы бросимъ свои!»—заявили онѣ категорически, намекая на то, что тогда онѣ устроятъ стачку въ домашнемъ хозяйствѣ, то-есть перестанутъ готовить кушанье и заниматься хозяйствомъ. Жены рабочихъ выказали въ данномъ случаѣ не мало героизма, поддерживая своихъ мужей и удерживая слабыхъ и колеблющихся отъ измѣны своимъ товарищамъ.

Сѣверо-германская газета напечатала оффиціальное сообщеніе о торговыхъ договорахъ Германіи, заключенныхъ ею съ семью государствами: Россіей, Австро-Венгріей, Италіей, Бельгіей, Швейцаріей, Румыніей и Сербіей. Самымъ послѣднимъ былъ подписанъ договоръ съ Австріей, вызвавшій всего больше затрудненій при заключеніи. Консерваторы и аграріи уже не скрываютъ своего торжества, такъ какъ новые договоры несомнѣнно являются побѣдой протекціо-

низма. Прусскій министръ земледѣлія, генералъ Подбѣльскій, на собраніи землевладѣльцевъ, совѣтовалъ имъ удовлетвориться достигнутыми результатами и не слишкомъ громко кричать о своемъ тріумфѣ. Но «Vossische Zeit.», такъ же какъ и либеральная печать, выражаетъ увѣренность, что большинство мелкихъ фермеровъ Германіи не извлекутъ никакой пользы изъ новыхъ договоровъ, которые выгодны только крупнымъ землевладѣльцамъ. Германская таможенная политика претерпѣла со времени образованія имперіи глубокія и послѣдовательныя измѣненія. Съ 1875 г. притворный либерализмъ Бисмарка уступилъ мѣсто, какъ въ экономической, такъ и въ политической области, грубой силѣ, которую онъ раньше скрывалъ въ трудныя минуты подъ покровомъ обращенія къ народу. Протекціонизмъ и абсолютизмъ являются въ Германіи выраженіемъ однихъ и тѣхъ же принциповъ и однихъ и тѣхъ же интересовъ, такъ какъ почти всѣ консерваторы либо собственники крупныхъ предпріятій, либо крупные землевладѣльцы. Желѣзный канцлеръ, самъ консерваторъ и прусскій дворянинъ, служилъ интересамъ тѣхъ и другихъ и навязалъ свою политику націоналъ-либераламъ, среди которыхъ въ то время произошелъ расколъ и которые были ослаблены послѣ выборовъ 1878 года. Политическіе интересы, личныя симпатіи и отчасти духъ подражанія, такъ какъ Франція тоже начала склоняться въ пользу протекціонизма, были главными мотивами, руководившими экономическою политикой канцлера. Но паденіе Бисмарка, несмотря на заявленіе императора, что «курсъ остается прежнимъ», послужило сигналомъ къ перемѣнамъ, распространившимся на всѣ области имперской политики. Не только по отношенію къ соціалистамъ, католикамъ и эльзасъ-лотарингцамъ измѣнился режимъ, но и въ коммерческомъ отношеніи обнаружилось стремленіе вернуться къ политикѣ торговыхъ договоровъ, которые и подписаны были съ разными странами, вызвавъ сильнѣйшую оппозицію аграріевъ. Казалось бы, результаты политики коммерческаго либерализма были таковы, что должны были бы упрочить ее въ странѣ и стяжать ей всеобщее одобреніе. Но прусскіе юнкеры не сдавались и идеи протекціонизма, вошедшія въ плоть и кровь консервативной партіи, не дали возможности укрѣпиться дѣлу канцлера Каприви, хотя, благодаря новой экономической политикѣ, импортъ, достигавшій въ 1892 г. 4-хъ милліардовъ 200 милліоновъ марокъ, достигъ до 6-ти милліардовъ и 300 милліоновъ въ 1902 г., а экспортная торговля въ тотъ же промежутокъ времени возросла съ 3-хъ милліардовъ 200 милліоновъ до 5 милліардовъ 100 милліоновъ. Извѣстно, съ какою энергіей и горячностью аграріи повели свою кампанію въ 1900 году. Несмотря на послѣдовательныя заявленія Бюлова и министровъ Посадовскаго и Подбѣльскаго, опиравшихся въ своихъ заявленіяхъ на рѣчь канцлера, все-таки для всѣхъ стало ясно, что таможенная реформа, въ которую должны были войти какъ выработка новаго таможеннаго тарифа, такъ и торговые договоры, непремѣнно должна будетъ привести къ торжеству аграріевъ-протекціонистовъ. Правительственный таможенный законопроектъ, опубликованный 26-го іюля 1901 г., подвергся значительнымъ видоизмѣненіямъ, но когда, послѣ очень бурныхъ преній въ засѣданіи рейхстага, продолжавшемся 19 часовъ и ожесточенной обструкціи, тарифный законопроектъ

былъ все-таки вотированъ въ третьемъ чтеніи 14-го декабря 1902 г., то успѣхъ аграріевъ уже ни для кого не составлялъ сомнѣнія. Тогда говорили, что съ такимъ тарифомъ нельзя будетъ заключить никакихъ новыхъ торговыхъ договоровъ, но Бюловъ утверждалъ противное и доказывалъ, что даже съ такимъ протекціонистскимъ тарифомъ можно вести переговоры о торговомъ трактатѣ. И дѣйствительно ему удалось это. Въ февралѣ прошлаго года былъ заключенъ первый торговый договоръ съ Италіей, затѣмъ послѣдовали Бельгія, Россія, Румынія, Швейцарія, Сербія и Австро-Венгрія. Переговоры съ Россіей, начатые въ Петербургѣ въ августѣ 1903 г., завершились въ 1904 г. свиданіемъ графа Бюлова съ Витте въ Нордернеѣ, результатомъ котораго явился русско-германскій торговый договоръ, благодаря русско-японской войнѣ, очень выгодный для Германіи и встрѣтившій очень сочувственный пріемъ въ этой странѣ, судя по отзывамъ печати. Нельзя того же сказать о другихъ торговыхъ договорахъ, и австро-германскій торговый договоръ, такъ же какъ и договоръ съ Румыніей и Швейцаріей, встрѣчаютъ горячій протестъ въ германскихъ либеральныхъ сферахъ, гдѣ заявляютъ, что промышленности придется платить за уступки, сдѣланныя аграріямъ. Всѣ эти протесты имѣютъ лишь академическое значеніе и рейхстагъ дастъ свою ратификацію договорамъ, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились протекціонистскія тенденціи современной Германіи. Интересно будетъ видѣть, какъ эта политика отразится на промышленномъ развитіи Германіи и на статистикѣ эмиграціи въ послѣдующіе двѣнадцать лѣтъ.

Полковникъ Пикаръ, хорошо извѣстный по дѣлу Дрейфуса, помѣстилъ въ газетѣ «Aurore» интересную статью о военномъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ. Послѣ очень безпристрастнаго обзора всѣхъ событій войны вплоть до послѣдняго времени, Пикаръ приходитъ къ заключенію о необходимости мира. Хотя никто не можетъ предсказать исхода большого сраженія, говоритъ онъ, но тѣмъ не менѣе позволительно думать, что даже если это новое предпріятіе не удастся японцамъ, положеніе русскихъ все-таки не станетъ отъ этого блестящимъ. Не говоря уже о томъ, что на морѣ ихъ положеніе безвозвратно потеряно, но на сушѣ имъ пришлось бы выполнить непосильную задачу, нетолько побѣдить армію маршала Оямы, но изгнать ихъ изъ Маньчжуріи, захватить снова Корею и вернуть Портъ-Артуръ.

«Россія,—говоритъ далѣе полковникъ Пикаръ,—не можетъ истощать свои силы въ такомъ предпріятіи, которое такъ удалено отъ ея жизненныхъ центровъ. Притомъ же она занимаетъ въ Европѣ такое положеніе, которое не дозволяетъ ей отправлять на Дальній Востокъ все свое войско и въ довершеніе всего ей еще приходится бороться съ весьма серьезными внутренними затрудненіями. Она уже принесла громадныя жертвы и ей пора остановиться на этомъ пути. Конечно, и Японія принесла такія же тяжелыя жертвы, и теперь, повидимому, наступаетъ моментъ, когда обѣ стороны должны чувствовать потребность въ прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Въ Россіи несомнѣнно усиливается число голосовъ въ пользу мира, и было бы большимъ счастьемъ

для нея, если бы, наконецъ, они были услышаны, раньше чѣмъ произойдетъ страшное и безполезное столкновеніе между двумя враждующими арміями къ югу отъ Мукдена.

Въ Парижѣ недавно образовалось очень симпатичное общество, именующееся теперь «Les Amis dn Peuple Russe». Въ числѣ членовъ этого общества находятся Анатоль Франсъ, Клемансо, историки и профессора Ланглуа и Сеньобосъ, извѣстный математикъ Пенлевэ, художники Каррьеръ и Лорансъ, сенаторъ Адольфъ Карно и др. Въ извѣщеніи объ организаціи этого общества говорится о его цѣляхъ и о томъ, что оно ставитъ своею задачей освѣдомленіе общественнаго мнѣнія Франціи насчетъ того, что творится въ Россіи. Вообще общество желаетъ доказать, что Франція сочувствуетъ Россіи въ ея борьбѣ за свободу и что Россія можетъ разсчитывать на ея нравственную и матеріальную поддержку. Подобныя же заявленія были сдѣланы и на митингахъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ и между прочимъ въ помѣщеніи «Societés Savantes», гдѣ Анатоль Франсъ, Октавъ Мирбо и др. произносили рѣчи и было получено длинное посланіе отъ Метерлинка. Предсѣдателемъ на этомъ митингѣ былъ математикъ Пенлевэ.

Въ Ливерпулѣ состоялось пятое ежегодное собраніе такъ называемаго «Labour Representation Commitee» (комитетъ представителей рабочихъ), — оранизаціи, созданной конгрессомъ трэдъ-юніоновъ. Этотъ комитетъ служитъ цѣлямъ политической пропаганды и является представителемъ 900.000 рабочихъ, 157 ремесленныхъ союзовъ и 73 мѣстныхъ союзовъ, также какъ фабіановскаго общества и независимой рабочей партіи. Годъ тому назадъ этотъ комитетъ былъ представителемъ 969.000 рабочихъ и 165 союзовъ, но это уменьшеніе объясняется введеніемъ болѣе строгой политической программы и организаціи политическаго фонда. Всѣ большіе ремесленные союзы Англіи и Уэльса имѣютъ своихъ представителей въ комитетѣ, за исключеніемъ союз горнорабочихъ, которые въ своихъ округахъ представляютъ такую силу, что и безъ помощи политической агитаціи могутъ выбирать своихъ представителей въ парламентъ. Политическій фондъ комитета теперь уже достигаетъ цифры 6.796 ф. ст., но въ парламентѣ комитетъ имѣетъ только четырехъ представителей. На будущихъ выборахъ, впрочемъ, онъ собирается выставить 42 кандидата.

Конференція 350 делегатовъ открылась заявленіемъ сочувствія русскимъ рабочимъ и внесеніемъ предложенія объ организаціи фонда помощи жертвамъ 9-го января. Вторая резолюція заключала въ себѣ выраженіе сочувствія вестфальскимъ горнорабочимъ и пожеланіе, чтобы они вышли побѣдителями въ борьбѣ съ синдикатомъ капиталистовъ, который желаетъ ихъ поработить. Затѣмъ начались рѣчи, причемъ соціалъ-демократъ Квельчъ упрекалъ комитетъ въ непослѣдовательности, указывая на то, что на послѣднемъ соціалистскомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ комитетъ выставилъ себя какъ соціалистскую организацію, между тѣмъ какъ въ Англіи онъ преслѣдуетъ чисто рабочую политику. На это комитетъ возразилъ, что такъ какъ на континентѣ

нѣтъ ни въ одномъ парламентѣ рабочей партіи, которая бы не была въ тоже время и соціалистской партіей, то тамъ приходится становиться рядомъ съ соціалистами. Этимъ заявленіемъ вопросъ былъ исчерпанъ и комитетъ перешелъ къ обсужденію слѣдующаго вопроса относительно пропитанія дѣтей въ школахъ на общественный счетъ. Одинъ изъ ораторовъ указывалъ, что 16 проц. дѣтей въ элементарныхъ школахъ питаются очень плохо и необходимо, чтобы государство позаботилось объ этихъ «недоѣдающихъ дѣтяхъ». Резолюція по этому вопросу не вызвала никакихъ преній. Послѣдующія пренія приняли уже болѣе горячій характеръ. Въ нихъ отразились отношеніе рабочаго комитета къ соціализму и къ либеральной партіи. Одинъ изъ делегатовъ союза плотниковъ и столяровъ внесъ предложеніе, исключающее соціалистовъ отъ участія въ рабочемъ комитетѣ, но ему съ горячностью возражалъ секретарь союза машинныхъ конструкторовъ, доказывавшій, что именно благодаря соціалистамъ возникло движеніе, которое привело къ организаціи рабочаго комитета, и исключеніе соціалистовъ было бы неблагодарностью. Дебаты, возникшіе по этому поводу, закончились побѣдою сторонниковъ соціализма, и соціалъ-демократическая федерація теперь получила доступъ въ рабочій комитетъ. Столь же горячія пренія возбудилъ вопросъ объ отношеніяхъ къ общимъ большимъ политическимъ партіямъ. Прежде представители рабочихъ въ парламентѣ, за исключаніемъ Кейръ Гэрди, всегда держались вмѣстѣ съ либералами и причисляли себя къ нимъ. Даже внѣ парламента они всегда поддерживали либеральныхъ кандидатовъ. Поступать иначе теперь значить идти противъ парламентскихъ обычаевъ, на что каждый англичанинъ рѣшается съ трудомъ. И на собраніи делегатовъ рабочаго комитета этотъ вопросъ возбудилъ горячіе споры. Все-таки одержалъ верхъ принципъ независимости рабочей партіи отъ двухъ другихъ политическихъ партій.

Прежде чѣмъ Рузвельтъ выступилъ, наконецъ, какъ законноизбранный президентъ Соединенныхъ Штатовъ—до 4-го марта онъ все еще считался только замѣстителемъ убитаго Макъ-Кинлея,—у него произошло серьезное столкновеніе съ сенатомъ, наиболѣе вліятельною изъ обѣихъ палатъ конгресса. Давно уже было извѣстно, что это собраніе милліонеровъ въ американскомъ Капитоліи не очень-то долюбливаетъ популярнаго президента, и еслибъ это отъ нихъ зависѣло, то Рузвельту пришлось бы уйти изъ Бѣлаго Дома. Но именно его популярность среди народныхъ массъ и была причиною его избранія и онъ не замедлилъ стать во главѣ движенія противъ крайностей протекціонизма и системы трестовъ. Однако, во всѣхъ подобныхъ начинаніяхъ онъ всегда наталкивался на серьезное сопротивленіе въ сенатѣ, гдѣ могучая организація капиталистовъ начала испытывать тревогу по поводу плановъ президента и рѣшила нанести ему ударъ въ области иностранной политики. Американское правительство заключило договоры о третейскомъ судѣ съ другими державами, и когда эти договоры поступили на разсмотрѣніе въ сенатъ, онъ 31 голосами противъ 13 принялъ поправку, согласно которой рѣшеніе относительно умѣстности третейскаго суда въ каждомъ данномъ случаѣ будетъ

принадлежать сенату. Такая поправка лишаетъ договоры о третейскомъ судѣ всякаго значенія, такъ какъ все будетъ зависѣть отъ согласія сената, а не отъ Рузвельта. Въ сущности, со временъ президента Джонсона, который въ шестидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе своего образа дѣйствій по отношенію къ южнымъ штатамъ и увольненія одного министра, также имѣлъ столкновеніе съ сенатомъ, еще не бывало столь серьезныхъ разногласій, какія существуютъ теперь между двумя важнѣйшими факторами американскаго правительства, президентомъ и сенатомъ. Безъ сомнѣнія, тѣ восемь державъ, съ которыми Соединенные Штаты заключили третейскій договоръ, могутъ сохранить и для себя свободу дѣйствій, введя въ этотъ договоръ аналогичный параграфъ, т.-е. поставивъ условіемъ согласіе своего парламента. Но тогда невольно возникаетъ вопросъ, стоило ли вообще заключать подобные договоры, обставленныя условіями, лишающими ихъ серьезнаго значенія.

Дѣйствія Рузвельта возбуждаютъ особенное вниманіе европейской печати, такъ какъ онъ считается однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ и типичныхъ послѣдователей доктрины Монрое. Недавно онъ еще разъ подтвердилъ это, установивъ нѣчто вродѣ протектората надъ республикою Санъ-Доминго. Раньше доктрина Монрое заключалась въ покровительствѣ американскихъ государствъ и въ защитѣ ихъ отъ какихъ-либо посягательствъ со стороны европейскихъ державъ. Теперь же эта доктрина распространяется дальше и даетъ право Соединеннымъ Штатамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла этихъ государствъ. Въ послѣднемъ посланіи конгрессу Рузвельтъ говоритъ, что Соединенные Штаты въ данномъ случаѣ выполняютъ нѣчто вродѣ международнаго полицейскаго контроля. Онъ доказываетъ, что Соединенные Штаты имѣютъ право вмѣшиваться въ дѣла другихъ американскихъ республикъ, если дѣла эти угрожаютъ интересамъ сѣверо-американскаго союза или если они таковы, что могутъ вызвать иностранное вмѣшательство, отъ котораго должны будутъ пострадать общеамериканскіе интересы.

Республика Санъ-Доминго, занимающая восточную часть большого острова того же имени, давно уже находится въ состояніи хронической анархіи. Какъ и въ сосѣдней республикѣ Гаити, отдѣльныя партіи оспаривали власть другъ у друга при помощи вооруженной силы. Гражданская война была тамъ самымъ зауряднымъ явленіемъ и влекла за собою полную дезорганизацію общественной власти и разстройство финансовъ. Интересы другихъ государствъ, также какъ и Соединенныхъ Штатовъ, не могли не страдать отъ такого положенія дѣлъ. Смута въ Санъ-Доминго дошла до такихъ предѣловъ, что, по мнѣнію Рузвельта, какъ разъ наступилъ моментъ, когда слѣдовало вмѣшаться. И вотъ между правительствомъ Санъ-Доминго и Соединенными Штатами состоялось соглашеніе, на основаніи котораго Соединенные Штаты, гарантируя полную неприкосновенность республики, берутся привести въ порядокъ ея финансовыя дѣла, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія. Соединенные Штаты назначатъ условія платежей, ограничатъ неразумныя притязанія кредиторовъ и выскажутся насчетъ дѣйствительности этихъ притязаній.

Въ Токіо изданъ недавно на англійскомъ языкѣ университетскій календарь, въ которомъ находится подробное описаніе японскаго университета и разсказывается его исторія. Университетъ покрываетъ обширную площадь и находится въ округѣ Хонго, въ предмѣстьи столицы. Большинство зданій деревянныя и такъ какъ они были построены въ видахъ возможнаго расширенія, то занимаютъ лишь одну седьмую часть всей площади, остающейся незастроенной. Всего дальше отъ остальныхъ университетскихъ зданій отстоитъ земледѣльческая колонія, которая построена въ округѣ Кодама, на разстояніи шести миль.

Въ настоящемъ своемъ видѣ университетъ существуетъ сравнительно недавно, такъ какъ онъ былъ реформированъ 1-го марта 1887 г., когда императорскимъ указомъ были слиты въ одно два независимыхъ учрежденія въ Токіо «Daighu» и «Кови Даідакко». Авторъ историческаго обзора, напечатаннаго въ календарѣ, говоритъ, что ранняя исторія этихъ обоихъ учрежденій очень смутная и прослѣдить ее довольно трудно. Постепенно различные отдѣлы университета были соединены вмѣстѣ и объединены въ одну общую организацію. Въ 1887 г. обсерваторія Токіо также была причислена къ университету, а земледѣльческая коллегія присоединена къ нему спустя три года.

Президентъ университета всегда выбирается изъ профессоровъ и послѣдніе трое изъ этихъ президентовъ занимали послѣдовательно постъ министра народнаго просвѣщенія. Теперешній президентъ Ямагава до своего назначенія былъ профессоромъ въ научной коллегіи. Все дѣло университетскаго преподаванія находится въ рукахъ 118 профессоровъ, 55 доцентовъ и 122 ассистентовъ. Во главѣ каждой университетской коллегіи находится директоръ, назначаемый министромъ просвѣщенія, но отвѣтственный только передъ президентомъ университета относительно выполненія своихъ обязанностей. Съ 1893 г. на профессорскія каѳедры допускаются иностранцы.

Академическій годъ въ японскомъ университетѣ состоитъ изъ трехъ семестровъ. Первый семестръ въ 105 дней, простирается отъ сентября по 24-ое декабря, второй, съ января по мартъ—84 дня и третій съ апрѣль по іюль—94 дня. По воскресеньямъ и во дни восьми большихъ праздниковъ лекцій не бываетъ. Правила относительно пріема и экзаменовъ студентовъ тѣже, что и въ Англіи. Курсъ въ медицинской и юридической коллегіяхъ продолжается четыре года, въ остальныхъ три. Больше всего студентовъ находится въ юридической коллегіи, гдѣ въ нынѣшнемъ году изъ общаго числа въ 3.771 человѣкъ, числилось 1.115, въ медицинской коллегіи числится 627, въ инженерной 528, литературной 370, научной 104 и земледѣльческой 406. Политика включается въ курсъ права. Въ университетѣ существуютъ каѳедры англійскаго, французскаго и германскаго законодательства, причемъ главное вниманіе обращается на главные принципы, заключающіеся въ этомъ законодательствѣ. Всѣ эти каѳедры заняты преимущественно иностранными профессорами.

Что касается академической жизни въ Японіи, то теченіе ея не нарушается войной и она не подвержена никакимъ потрясеніямъ. Правительство не можетъ вмѣшиваться въ порядки университетскихъ коллегій, и какъ профессора, такъ и студенты, чувствуютъ себя тамъ внѣ всякихъ вліяній и давленій,

*

могущихъ внести какія-либо неудобныя осложненія въ общій ходъ академической жизни. «Мы здѣсь хозяева, сказалъ одинъ изъ профессоровъ англійскому корреспонденту, и не потерпимъ никакого нарушенія нашихъ правъ въ этомъ отношеніи. У порога этой коллегіи кончается всякая другая власть, кромѣ той, которую представляетъ изъ себя нашъ университетскій совѣтъ».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Толки о мирѣ.—Перемѣна взглядовъ на войну.—Рабочій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Организація труда въ Америкѣ.

Несмотря на то, что внутреннія событія въ Россіи заслонили въ данный моментъ интересъ къ войнѣ, въ иностранныхъ журналахъ продолжаютъ въ прежнемъ тонѣ говорить о ней и обсуждать шансы мира. Лондонскій журналъ «Review of Reviews» не думаетъ однако, чтобы теперь эти шансы увеличились. Внутреннія событія, по мнѣнію этого журнала, не могутъ повліять въ смыслѣ ускоренія мира, кромѣ того, Россія, выработавшая новую программу флота, выполненіе которой потребуетъ громадныхъ затратъ, врядъ ли можетъ быть расположена въ данный моментъ выслушивать какія-нибудь предложенія о мирѣ. Она еще не одержала ни одной побѣды, испытала ни болѣе ни менѣе, какъ четырнадцать пораженій, и, заключивъ при такихъ условіяхъ миръ, Россія должна будетъ неминуемо спуститься до ранга второстепенной державы. Вотъ каковы, по словамъ англійскаго журнала, доводы, на которыхъ милитаристская партія въ Петербургѣ основываетъ свои требованія продолжать войну во чтобы то ни стало. Но и эта партія не можетъ закрывать глаза на тѣ опасности, которыя угрожаютъ Россіи и балтійской эскадрѣ. Планъ японцевъ теперь, когда Портъ-Артуръ находится въ ихъ рукахъ, не составляетъ уже тайны ни для кого. Русскій флотъ въ Тихомъ океанѣ не можетъ больше стѣснять дѣйствій японцевъ, которые, не опасаясь больше тихоокеанской эскадры, отрядятъ суда на встрѣчу второй русской эскадрѣ, какъ только она приблизится къ Малакскому проливу. Если бы русская балтійская эскадра была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, то японская эскадра не такъ бы легко справилась съ нею, но такого сосредоточенія не существуетъ, и способный, рѣшительный и расторопный японскій командиръ безъ труда можетъ нанести невознаградимыя потери авангарду русской эскадры, прежде чѣмъ другіе суда подоспѣютъ къ ней на помощь. Такого рода соображенія въ состояніи заставить поколебаться даже рѣшительныхъ сторонниковъ войны, хотя непримиримая партія все же продолжаетъ требовать войны до послѣдней крайности и уже настояла на отправкѣ третьей эскадры.

Взглядъ иностранной печати на исходъ войны уже вполнѣ опредѣлился. Никто не вѣритъ въ возможность побѣды Россіи на сушѣ или на морѣ, и весь вопросъ сводится лишь къ тому, когда и на какихъ условіяхъ она можетъ заключить миръ. Англійская періодическая пресса очень озабочена поведеніемъ Германіи и тѣмъ вліяніемъ, которое, по мнѣнію этой прессы, она

имѣетъ на русскую политику. Такое же мнѣніе высказывается и американскими журналами. Нѣкоторые изъ органовъ американской періодической печати, напр., нью-іоркскій журналъ «Review of Reviews», серьезно убѣждены, что произойдутъ перемѣны въ группировкѣ державъ, каковъ бы ни былъ исходъ теперешней борьбы между Японіей и Россіей. Американскій журналъ указываетъ на заигрываніе императора Вильгельма съ Россіей и на его ясно выраженное желаніе вытѣснить Францію и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что между взглядами Вильгельма II и русскаго правительства существуетъ гораздо больше точекъ соприкосновенія, нежели между взглядами Россіи и Франціи, которая теперь далеко не похожа на Францію временъ Карно и Феликса Фора. Если императору Вильгельму удастся его комбинація, то тогда произойдетъ сближеніе Франціи и Англіи. Съ другой стороны, какъ въ англійскихъ, такъ и въ американскихъ журналахъ говорятъ о возможности сближенія Россіи и Японіи, которыя изъ враговъ могутъ превратиться въ союзницъ. Вѣдь произошло же сближеніе Пруссіи съ Австріей тотчасъ же послѣ столкновенія 1866 года! Ничего нѣтъ невозможнаго, что такъ случится и относительно Россіи и Японіи, интересы которыхъ такъ тѣсно связаны на Дальнемъ Востокѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Россія высокомѣрно отвергла попытки Японіи, искавшей сближенія съ нею, и Англія искусно воспользовалась этимъ, чтобы заключить союзъ, результаты котораго не заставили себя ждать. Теперь Россія сознала, что ей выгоднѣе имѣть Японію своею союзницею на Востокѣ, нежели своимъ врагомъ. Конечно, все это только одни предположенія, не имѣющія никакихъ фактическихъ основаній, но всѣ эти разсужденія указываютъ, что Японія уже вступила въ концертъ міровыхъ державъ и всѣ признали ея значеніе. Маленькіе японцы, въ побѣду которыхъ никто не вѣрилъ вначалѣ, отправили шесть армій, одна за другой, черезъ море на континентъ, и эти арміи оказались настолько сильными, насколько сильны были тѣ, которыя столкнулись у Ватерлоо. Въ два мѣсяца они переправили въ Манчжурію столько солдатъ, сколько Англія могла отправить въ Южную Африку только въ теченіе двухъ лѣтъ. Все это заставляетъ иностранную печать почти единодушно признавать, что, если какой-нибудь азіатскій народъ имѣетъ право на гегемонію въ Восточной Азіи, то это именно японцы, въ которыхъ, по замѣчанію «North American Review», сосредоточивается цвѣтъ и сущность азіатской цивилизаціи и которые поэтому имѣютъ право брать на себя роль ея хранителя. Еслибъ Европа вздумала уничтожить результаты, достигнутые Японіей, то это имѣло бы роковыя послѣдствія. Американская дипломатія не должна допускать этого и обязана протестовать и дѣйствовать противъ всякихъ попытокъ, направленныхъ къ тому, чтобы лишить Японію тѣхъ преимуществъ, которыя завоеваны ею путемъ невѣроятныхъ и героическихъ усилій. Такимъ образомъ, американская печать, почти безъ исключенія, высказывается въ пользу Японіи и намѣрена защищать ея интересы.

Затяжная война дѣйствуетъ расхолаживающимъ образомъ даже на такія націи, пропитанныя духомъ милитаризма, какова германская. И въ германской печати теперь то и дѣло встрѣчаются статьи, указывающія, что энтузіазмъ

къ войнѣ началъ ослабѣвать. При современной постановкѣ военнаго дѣла, при всѣхъ усовершенствованіяхъ, война превращается въ массовое убійство. Исчезло то, что окружало ее ореоломъ. Пули и снаряды летятъ въ воздухѣ отъ невидимаго врага къ невидимому врагу и люди валятся, точно сраженные невидимою рукой. Недаромъ одинъ изъ германскихъ военныхъ корреспондентовъ, пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, восклицаетъ: «Они не вѣрны, всѣ эти передающіеся изъ рода въ родъ разсказы о воодушевляющемъ дѣйствіи войны. Война какъ дѣйствіе носитъ варварскій характеръ, какъ зрѣлище она жалка и отвратительна! Она требуетъ лишеній за лишеніями, она утомляетъ тѣло и притупляетъ умъ! Война можетъ принести потери и выгоды не многимъ, но никому не приноситъ счастья. Это проклятіе, которое тяготѣетъ надъ націями, и горе имъ, если онѣ не могутъ ни обойтись безъ нея, ни уничтожить ее!»

Германскій профессоръ Вернеръ Зомбартъ, недавно вернувшійся изъ Америки, прочелъ въ ферейнѣ берлинскихъ купцовъ и промышленниковъ публичную лекцію о рабочемъ вопросѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. По его словамъ, рабочій вопросъ играетъ въ настоящее время большую роль въ Сѣверной Америкѣ, на что указываетъ и недавнее президентское посланіе, почти цѣликомъ посвященное ему. Первое впечатлѣніе, которое производятъ народныя массы въ Соединенныхъ Штатахъ, въ томъ что касается одежды, помѣщенія и пищи, заставляетъ предполагать, что тамъ рабочій народъ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ у насъ. Обманчиво ли это предположеніе? Ни чуть не бывало, говоритъ Зомбартъ. Заработная плата выше и притомъ пища, жилище и одежда обходятся рабочимъ дешевле, нежели въ Германіи, но зато всѣ предметы роскоши стоютъ гораздо дороже. Посѣщеніе театра также обходится дороже. Получая болѣе высокую заработную плату, американскій рабочій расходуетъ свои силы гораздо больше и старѣется скорѣе. На этомъ основаніи рабочіе различныхъ возрастовъ получаютъ и различную плату. На стальныхъ заводахъ Карнеджи принимаются робочіе только до 35-ти-лѣтняго возраста и пожилые безъ всякой церемоніи выбрасываются изъ завода. Благотворительныхъ учрежденій въ Америкѣ мало и совсѣмъ нѣтъ соціальнаго законодательства; 168,000 дѣтей моложе 14 лѣтъ работаютъ въ американскихъ копяхъ. Надо прибавить, что и процентъ несчастныхъ случаевъ въ американскихъ копяхъ гораздо больше. Лучшее матеріальное положеніе американскаго рабочаго, по сравненію съ положеніемъ германскаго рабочаго, уравновѣшивается такимъ образомъ большимъ рискомъ и другими тягостями, которыя онъ несетъ на своихъ плечахъ. Синдикаты рабочихъ, въ которыхъ уже числится два милліона членовъ, представляютъ лишь организаціи, имѣющія цѣлью повышеніе заработной платы. Характеръ этихъ организацій напоминаетъ старинные цехи. Между ними и американскими промышленниками идетъ теперь война на жизнь и смерть, и они также устраиваютъ организаціи противъ рабочихъ синдикатовъ и для борьбы съ ними, лучшимъ средствомъ для этого

служатъ тресты, которые монополизируютъ не только промышленность, но рынокъ труда. Что же касается отношеній американскихъ рабочихъ къ соціализму, то тутъ слѣдуетъ принимать во вниманіе слѣдующіе пункты: 1) уровень жизненныхъ потребностей рабочаго выше и переходъ изъ положенія поденщика въ болѣе высокія сферы труда совершается въ Америкѣ скорѣе и легче. Пріобрѣтеніе свободныхъ участковъ земли до послѣдняго времени не представляло особенныхъ затрудненій. 2) Демократическая конституція и чувство равенства парализуютъ всякую оппозиціонную энергію. 3) Вожди рабочихъ пользуются въ американской государственной жизни вліяніемъ и могутъ составить себѣ положеніе. Тридцать должностныхъ лицъ въ Чикаго были прежде вождями рабочихъ.

Американскіе рабочіе распадаются на три дѣятельныя и вліятельныя группы. Первая, во главѣ которой стоитъ Гомперсъ, стремится только къ расширенію организацій и совершенно не занимается политикой. Затѣмъ слѣдуетъ вторая группа, которою предводительствуетъ Джонъ Митчель, тотъ самый, который руководилъ знаменитою стачкою углекоповъ въ 1902 г., улаженной Рузвельтомъ. Третью группу представляетъ радикальное крыло соціалъ-демократической организаціи, состоящее преимущественно изъ иммигрировавшихъ въ Нью-Іоркъ рабочихъ и рабочихъ горныхъ округовъ. Группы первая и вторая заявляютъ: Наша цѣль—повышеніе, жизненныхъ потребностей. Если этого возможно достигнуть при капитализмѣ—*хорошо*. Если нѣтъ—раздавите его! Эти группы поддерживаютъ только политику, благопріятную для рабочихъ, но третья группа называетъ такую политику—политикою нищихъ и поэтому отъ нея отворачивается.

Будущее американскаго рабочаго вопроса представляется профессору Зомбарту въ слѣдующихъ чертахъ: Голоса рабочихъ возрастаютъ съ каждыми выборами и съ 6.000 въ восьмидесятыхъ годахъ возвысились до 600.000 въ нынѣшнемъ году. Демократическая партія должна разложиться и возможно, что она объединится съ рабочими въ лѣвомъ радикальномъ лагерѣ. Америка—это страна неожиданностей, страна всякихъ перемѣнъ. Тамъ все находится въ движеніи. Но въ Америкѣ условія вовсе не отличаются отъ германскихъ въ качественномъ отношеніи и она вовсе не представляетъ «новаго міра» въ истинномъ смыслѣ этого слова. Это только міръ чистѣйшаго, рафинированнаго и не стѣсняемаго никакими традиціями и никакими учрежденіями капитализма.

Въ американскомъ журналѣ «Review of Reviews» напечатанъ очеркъ, посвященный предводителю рабочихъ Гомперсу, положеніе котораго авторъ сравниваетъ съ положеніемъ перваго министра. Гомперсъ снова былъ единогласно избранъ президентомъ федераціи труда—самой большой организаціи рабочихъ въ мірѣ. Гамперсъ не уроженецъ Америки; онъ родился въ Лондонѣ, въ 1850 г. и когда ему минуло десять лѣтъ, былъ отданъ въ ученіе къ башмачнику, но скоро перешелъ оттуда на другую работу—дѣланіе папиросъ. Тринадцати лѣтъ онъ эмигрировалъ въ Америку и уже четырнадцати лѣтъ всту-

пилъ въ первый союзъ рабочихъ, занимающихся изготовленіемъ сигаръ въ Нью-Іоркѣ. Когда ему минуло 24 года, его избрали секретаремъ мѣстнаго союза, а затѣмъ онъ шесть разъ подрядъ былъ его президентемъ. Въ 1887 г. союзъ отправилъ семь делегатовъ въ національную организацію и въ числѣ ихъ находился Гомпершъ. Результатомъ этого совѣщанія былъ международный союзъ всѣхъ рабочихъ, занимающихся выдѣлкою сигаръ и папиросъ. Союзъ этотъ опирался на демократическій принципъ и по совѣту Гомперша была принята британская система участія въ прибыли. Американская организація труда представляетъ всецѣло дѣло рукъ Гомперша. Она возникла въ 1881 году, какъ протестъ противъ «рыцарей труда», и съ тѣхъ поръ продолжала развиваться. Гомпершъ былъ избранъ ея президентомъ во второй же годъ ея существованія и затѣмъ, съ 1885 г. всегда снова избирался на этотъ постъ, за исключеніемъ только одного года. Съ 1886 г. президенту этой ассоціаціи было назначено жалованье въ тысячу долларовъ.

Въ настоящее время американская федерація труда, со своими двумя милліонами членовъ, представляетъ самую внушительную организацію на свѣтѣ. Она даже имѣетъ свою собственную юрисдикцію. Кромѣ двухъ милліоновъ членовъ, еще, по крайней мѣрѣ, милліонъ примыкаетъ къ этой федераціи, хотя и не числится въ ней. Съ точки зрѣнія численности членовъ, эта федерація стоитъ впереди всѣхъ и нѣтъ ни одного союза или общества, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ и политическихъ обществъ, которыя покоились бы па болѣе широкихъ основаніяхъ. Въ Америкѣ, какъ увѣряетъ авторъ статьи, федорація союзовъ заходитъ дальше, нежели въ Англіи или въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ въ Европѣ. Въ Англіи существуетъ конгрессъ трэдъ-юніоновъ, который стремится расширить политическія рамки для рабочихъ и общая федерація рабочихъ союзовъ, преслѣдующая практическія цѣли Въ Америкѣ и то и другое выполняется федераціей труда, которая служитъ представительницей интересовъ рабочихъ и поддерживаетъ ихъ въ промышленныхъ столкновеніяхъ, словомъ, эта организація становится уже боевою организаціей и имѣетъ въ виду отраженіе натиска капитала лучше организованными, лучше обставленными въ финансовомъ отношеніи, лучше дисциплинированными и болѣе значительными силами труда.

Такимъ образомъ, въ Америкѣ, въ этой странѣ рафинированнаго капитализма, какъ сказалъ Зомбартъ, трудъ все болѣе организуется для борьбы съ капиталомъ и возможно, что послѣдній не выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Надо помнить, что Америка страна всякихъ неожиданностей.

Рабочіе законы, говоритъ Поль Луи въ своей статьѣ въ «Revue Bleue», являются символомъ современной эпохи, знаменіемъ времени и выраженіемъ тѣхъ заботъ, которыя одолѣваютъ міръ. Въ области юридической и политической ничто не характеризуетъ лучше тридцати послѣднихъ лѣтъ. Первая половина XIX вѣка была поглощена конституціонными дебатами, спорами о правѣ голосованія и о раздѣленіи властей, конецъ же вѣка исключительно былъ за-

нять соціальнымъ законодательствомъ, которое озабочивало умы и даже перешло въ область дипломатическихъ совѣщаній, такъ какъ рабочій вопросъ все больше выдвигался на сцену. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ засѣдалъ первый конгрессъ международнаго рабочаго права. Мысль о такомъ конгрессѣ явилась сначала у швейцарскаго правительства, но императоръ Вильгельмъ II завладѣлъ ею. Ему хотѣлось ознаменовать какимъ-нибудь громкимъ актомъ свое вступленіе на престолъ и онъ колебался въ выборѣ политики. Идея швейцарскаго правительства показалась ему въ этомъ отношеніи очень удачной и онъ безъ церемоніи предвосхитилъ ее. Делегаты правительствъ, собравшіеся въ Берлинъ, стали обсуждать всѣ проблемы сразу, не вводя никакого метода въ свои обсужденія, такъ какъ всѣмъ казалось, что тутъ дѣло идетъ только о принципѣ, и никто не вѣрилъ въ развитіе и ростъ рабочаго движенія.

Послѣ этого конгресса державы больше не собирали своихъ делегатовъ, хотя нельзя совершенно отрицать пользу этого конгресса и подписанный конгрессистами берлинскій протоколъ все-таки кое-чего достигъ. Разумѣется, результаты эти были очень малы, въ сравненіи съ надѣланнымъ имъ шумомъ. Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени потребность въ такихъ совѣщаніяхъ увеличивалась и въ концѣ концовъ частная инициатива замѣнила правительственный починъ. Въ Базелѣ, въ сентябрѣ 1901 года была основана первая международная ассоціація для оказанія покровительства рабочимъ, сгруппировавшая всѣхъ сторонниковъ вмѣшательства, начиная съ католиковъ и монархистовъ и вплоть до соціалистовъ-революціонеровъ. Эта ассоціація дѣлится на восемь національныхъ секцій: французскую, германскую, австрійскую, бельгійскую, венгерскую, итальянскую, голландскую и швейцарскую и держится того принципа, что всѣ вопросы труда должны рѣшаться международнымъ образомъ. Ни одинъ народъ, по мнѣнію этой ассоціаціи не можетъ ввести у себя фабричной регламентаціи, не пригласивъ другіе народы послѣдовать своему примѣру; въ противномъ случаѣ введенныя имъ реформы будутъ неполными и будутъ лишены серьезнаго значенія, если государствое, которое введетъ ихъ у себя, останется изолированнымъ. Интересы всѣхъ государствъ, достигшихъ одинаковой ступени цивилизаціи, слишкомъ близко соприкасаются другъ съ другомъ, и государства должны прогрессировать одинаково. Кромѣ того и судьбы пролетаріата въ одной странѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ судьбами пролетаріата въ другихъ странахъ. Самымъ же капитальнымъ фактомъ исторіи рабочаго законодательства является никакъ не ограниченіе рабочаго дня или вознагражденіе несчастныхъ случаевъ, а провозглашеніе свободы союзовъ и свободы стачекъ. Эти двѣ свободы нераздѣльны и какъ бы къ нимъ ни относились, онѣ повсюду имѣли преобладающее значеніе въ правовомъ положеніи рабочихъ. Въ первой стадіи исторіи рабочаго законодательства всѣ цивилизованныя націи начинаютъ съ регламентаціи дѣтскаго труда и затѣмъ уже переходятъ къ регламентаціи труда взрослыхъ и покровительственнымъ законамъ. Этотъ первый фазисъ эволюціи рабочаго законодательства занимаетъ болѣе длинный

періодъ времени, чѣмъ другіе, и эволюція совершается скачками. Во второмъ фазисѣ цивилизованныя государства вводятъ въ законодательство вознагражденіе несчастныхъ случаевъ и послѣ этого вступаютъ въ третій фазисъ, который продолжается и до сихъ поръ. Главный вопросъ, стоящій теперь на очереди, это страхованіе старости и увѣчій. Германія первая взяла на себя инниціативу въ этомъ дѣлѣ, въ іюнѣ 1889 г., издавъ законъ обязательнаго страхованія рабочихъ, причемъ взносы дѣлаются рабочими, хозяевами и казной. Ея примѣру послѣдовали Италія (1898—1901) и Бельгія (1900 г.). Въ настоящее время эта главная проблема рабочаго законодательства выдвигается на первый планъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Но когда вопросъ о пенсіяхъ рабочихъ будетъ рѣшенъ, то государства станутъ лицомъ къ лицу съ еще болѣе трудными и сложными вопросами рабочаго законодательства: вопросомъ о безработицѣ, съ одной стороны и фиксированіемъ минимума заработной платы—съ другой. Но поставленная въ рамки, ограниченныя вѣковыми гражданскими законами, эволюція рабочаго законодательства не можетъ разрѣшить окончательно ни одной проблемы и только отклоняетъ ихъ или порою увеличиваетъ ихъ остроту. Совмѣстить и то и другое законодательство почти невозможно, и примѣненіе во всей ширинѣ рабочаго законодательства непремѣнно должно будетъ поколебать устарѣвшій гражданскій кодексъ. Съ этимъ фактомъ волей-неволей придется считаться каждому цивилизованному государству, которое пожелаетъ добросовѣстно провести всѣ реформы и разрѣшить проблему рабочаго вопроса.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Роль коллоидальныхъ веществъ въ жизненныхъ процессахъ.—О независимости двухъ частей желудка и о желудочномъ сокѣ.—Отравленіе при пищевареніи.—Значеніе углеводовъ и жировъ въ пищевомъ режимѣ туберкулезныхъ.—Какъ исчезъ бизонъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Громадное значеніе коллоидальныхъ веществъ въ жизненныхъ процессахъ стало выясняться только очень недавно; можно сказать, что въ клѣточной физіологіи вопросъ о коллоидахъ сталъ вопросомъ дня, въ которомъ скрещиваются всѣ загадочные вопросы «химіи жизни». Трудно намѣтить въ краткомъ обзорѣ хотя бы главныя теченія въ массѣ работъ, посвященныхъ коллоидальнымъ веществамъ, трудно нетолько вслѣдствіе растущаго съ каждымъ днемъ числа этихъ разнообразныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій, но и вслѣдствіе новизны и далеко не полной выработанности методовъ этихъ изслѣдованій. Мы можемъ ввести нашего читателя въ эту область только благодаря удивительно ясному очерку большого спеціалиста по данному вопросу *Г. Стоделя*, помѣщенному въ послѣднихъ №№ французскаго журнала «Revue scientifique».

Изученіе коллоидальныхъ веществъ началось въ 1850 году Грагамомъ, но въ теченіе 40 лѣтъ эти вещества находились въ пренебреженіи у физіологовъ и только за послѣднее время они начинаютъ оцѣнивать все громадное значеніе коллоидовъ во всѣхъ жизненныхъ процессахъ.

Какъ извѣстно Грагамъ раздѣлилъ всѣ твердыя вещества по свойству ихъ растворовъ на *кристаллоиды* и на *коллоиды*.

По первоначальной характеристикѣ коллоидами назывались тѣла, выдѣляющіяся изъ растворовъ въ видѣ студня или аморфныхъ хлопьевъ и растворъ которыхъ не проходитъ через животныя и растительныя перепонки; къ этимъ веществамъ причисляютъ, напр., желатину, клей, бѣлокъ, крахмалъ, гидратъ алюминія, желѣза, кремнезема и др. Кристаллоидами, въ отличіе отъ коллоидовъ, называли вещества въ твердомъ видѣ образующіе кристаллы, растворимыя въ водѣ и въ видѣ растворовъ быстро просачивающіяся черезъ перепонки; къ этимъ веществамъ относится большинство солей и кислотъ.

Въ настоящее время мы можемъ точнѣе и кратче характеризовать растворы коллоидовъ, просто сказавъ, что это—*неоднородные растворы*.

Всякій настоящій растворъ, растворъ кристаллической соли, имѣетъ совершенно одинаковый составъ во всѣхъ своихъ частяхъ; коллоидальный же

растворъ состоитъ изъ двухъ частей—изъ жидкости, въ которой въ взвѣшенномъ состояніи находятся зернышки ультра-микроскопическихъ размѣровъ.

Присутствіе этихъ зернышекъ доказывается прежде всего оптическими свойствами коллоидальныхъ растворовъ.

Уже Тиндаль показалъ, что присутствіе пыли или микроскопическихъ капелекъ въ газѣ или въ жидкости можетъ быть всегда обнаружено, если заставить проходить свѣтовой лучъ сквозь этотъ газъ или растворъ. Пыль разсѣиваетъ свѣтъ и пылинки или зернышки становятся видимы для наблюдателя, стоящаго внѣ пути падающаго свѣтового луча.

Оказалось, что всѣ коллоидальные растворы разсѣиваютъ свѣтъ, и это свойство указываетъ на присутствіе въ нихъ маленькихъ зернышекъ въ взвѣшенномъ состояніи.

Приборы іенскихъ физиковъ Зидентопфа и Зигмонди, съ которыми мы познакомили нашего читателя въ одномъ изъ научныхъ обзоровъ прошлаго года, приборы, построенные на упомянутомъ выше принципѣ и значительно увеличившіе силу микроскопа, позволили, такъ сказать воочію, увидѣть эти ультрамикроскопическія зернышки въ коллоидальныхъ растворахъ; и не только увидѣть, но и измѣрить величину ихъ. Величина эта у различныхъ коллоидальныхъ растворовъ оказалась различной, но въ общемъ измѣряющейся стотысячными частями миллиметра.

Всѣ свойства коллоидальныхъ растворовъ объясняются такимъ ихъ строеніемъ.

Бредигъ получилъ необычайно тонкій металлическій порошокъ, образуя вольтову дугу между двумя маленькими металлическими пластинками, помѣщенными въ водѣ; при этомъ вокругъ электродовъ, особенно же у катода, появляется какъ бы облако, образованное ультрамикроскопическими частицами, которыя постепенно распространяются по всей жидкости даннаго сосуда. Такимъ образомъ можно получить очень чистые коллоидальные растворы, сохраняющіеся въ теченіе многихъ лѣтъ, напр., растворъ золота, серебра, платины, кадмія и др.

Можно получить коллоидальные растворы и чисто химическимъ путемъ, вызывая образованіе очень тонкихъ осадковъ. Въ большинствѣ химическихъ реакцій осадки образуются такъ быстро и такъ быстро выпадаютъ изъ растворовъ, что для образованія подобныхъ коллоидальныхъ растворовъ приходится искусственно замедлять ходъ реакціи, напр., прибавляя къ растворамъ вязкія вещества.

Наконецъ, существуютъ, такъ сказать, естественные коллоидальные растворы, которые только въ этомъ состояніи и извѣстны; это вещества издревле коллоидальныя—альбуминъ, желатина, крахмалъ, гликогенъ и т. п.

Разсмотримъ теперь свойства коллоидальныхъ растворовъ.

Возьмемъ тонкій порошокъ, составленный, напр., изъ сѣрнокислаго барія, каолина и муки, и бросимъ эту смѣсь въ сосудъ съ водою. Вода замутится, но въ концѣ концовъ эти разнородныя зерна упадутъ на дно сосуда; при этомъ оказывается, что быстрѣе всѣхъ упадутъ зерна сѣрнокислаго барія и въ то же

время они совсѣмъ не впитаютъ въ себя воды, затѣмъ будутъ падать зерна каолина, впитывая въ себя нѣкоторое количество воды, и, наконецъ, медленнѣе всѣхъ пойдутъ ко дну мучныя зерна, но зато они больше всѣхъ другихъ набухнутъ отъ воды.

Совершенно то-же нужно отмѣтить и у различныхъ коллоидовъ. Нѣкоторые, какъ напр., коллоидальные растворы металловъ, будутъ относиться къ водѣ также, какъ зерна сѣрнокислаго барія, т.-е. совсѣмъ не поглотятъ воды. Замѣтимъ здѣсь, что, если эти зерна металловъ не падаютъ на дно, то только въ силу своихъ ультрамикроскопическихъ размѣровъ и непрерывнаго движенія, но, какъ мы увидимъ ниже, существуютъ весьма легкіе способы заставить ихъ выпасть изъ раствора.

Другіе коллоидальные растворы, напр., гидратъ желѣза, желѣзосинеродистая мѣдь, красящія вещества анилина, содержатъ зерна, которыя относятся къ водѣ, какъ порошокъ каолина, т.-е. содержатъ въ себѣ нѣкоторое количество воды; эти зерна гораздо труднѣе осадить,—иначе говоря, эти коллоидальные растворы болѣе устойчивы, чѣмъ первые—металлическіе.

Наконецъ, органическіе коллоиды, а также и нѣкоторые неорганическіе, напр., гидратъ кремнезема, имѣютъ зерна, поглощающія громадныя количества воды (иногда до 90% и даже до 99,5% воды). Здѣсь осажденіе зеренъ происходитъ еще медленнѣе, эти коллоиды еще болѣе устойчивые.

Между этими тремя классами коллоидовъ существуютъ, конечно, всевозможные переходы. Итакъ, въ нѣкоторыхъ коллоидахъ зерна осаждаются очень легко—при самомъ незначительномъ прибавленіи кислоты, основанія или соли, другіе же только при прибавленіи большого количества одного изъ этихъ веществъ. Остановимся нѣсколько на этомъ свойствѣ.

Всѣ жидкости, въ которыхъ находится въ взвѣшенномъ состояніи тонко раздробленное вещество, и всѣ коллоидальные растворы имѣютъ слѣдующее общее имъ свойство.

Если въ такую жидкость опустить два, достаточно удаленные другъ отъ друга, электрода (напр., въ двухъ концахъ U-образной трубки) и пропустить черезъ нихъ токъ, то увидимъ, что вокругъ одного изъ электродовъ растворъ освобождается отъ своихъ зеренъ и послѣднія сосредоточиваются вокругъ другого электрода, и черезъ нѣкоторое ввемя зерна осаждаются на послѣднемъ. Быстрота переноса зеренъ съ одного электрода на другой зависитъ только отъ разницы потенціаловъ этихъ электродовъ и независитъ отъ силы тока, какъ при электролизѣ.

Если этотъ опытъ ведется съ инертными порошками, находящимися въ взвѣшенномъ состояніи, то направленіе движенія этихъ зеренъ измѣняется въ зависимости отъ реакціи той среды, въ которой они находятся; если эта жидкость становится то кислой, то щелочной, зернышки направляются то къ катоду, то къ аноду, причемъ переносъ идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ кислѣе или щелочнѣе становится данная среда.

Что же касается коллоидальныхъ растворовъ, то зерна опредѣленнаго вещества всегда переносятся только на одинъ и тотъ же электродъ. Такимъ

образомъ можно предположить, что зерна коллоидальнаго раствора владѣютъ электрическимъ зарядомъ знака противоположнаго знаку того электрода, къ которому они направляются, и мы можемъ на основаніи этого разбить всѣ коллоиды на двѣ группы: 1) коллоиды положительные, отталкиваемые анодомъ и притягиваемые катодомъ, и 2) коллоиды отрицательные, отталкиваемые катодомъ и притягиваемые анодомъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ: гидратъ желѣза, гидратъ кадмія, анилиновыя краски—синяя метиловая, красная магдаловая, оксигемоглобинъ и др. Ко второй группѣ: золото, серебро, синяя анилиновая, зеленая метиловая, альбуминъ, крахмалъ, камеди и пр.

Какъ мы уже упоминали выше, нѣкоторые коллоиды осаждаются при дѣйствіи на нихъ кислотъ, другія—основаній; первые изъ нихъ принадлежатъ къ первой группѣ, вторые—ко второй. Такимъ образомъ коллоиды, осажденіе которыхъ зависитъ отъ катіона суть коллоиды положительные, коллоиды, осажденіе которыхъ зависитъ отъ аніона—коллоиды отрицательные.

Мы видимъ, слѣдовательно, что тотъ или иной характеръ осажденія коллоида объясняется тѣми или иными его электрическими свойствами.

Когда прибавляютъ электролитъ *), къ положительному коллоидальному раствору, то образуется нѣкоторая связь между катіонами электролита и электроположительными зернами коллоида; получившееся соединеніе нерастворимо и потому осаждается.

Законы, управляющіе образованіемъ подобныхъ соединеній, еще далеко не выяснены; мы знаемъ только, что такого соединенія образуется тѣмъ больше, чѣмъ больше осаждающихъ іоновъ находится въ данной жидкости; мы знаемъ также, что осадокъ содержитъ тѣмъ менѣе іоновъ, чѣмъ они болѣе высокой атомности и что изъ этого осадка всегда можно изгнать соединившіеся іоны, замѣнивъ ихъ другими того же знака и той же атомности. Такимъ образомъ, осажденіе неустойчивыхъ коллоидовъ есть функція ихъ электрическаго знака, иначе говоря здѣсь осажденіе происходитъ, благодаря электрическому разряду. Совсѣмъ иной процессъ идетъ при осажденіи устойчивыхъ коллоидовъ; въ этомъ случаѣ осажденіи совершается, благодаря (обезвоживанію. Мы уже указывали, что зерна устойчивыхъ коллоидовъ содержатъ большое количество воды; они могутъ осѣсть только послѣ того, когда отъ нихъ будетъ отнята эта вода; для этого нужно прибавить къ данному коллоиду значительное количество средней соли. Эти соли дѣйствуютъ здѣсь не своимъ электрическимъ знакомъ, а своимъ осмотическимъ давленіемъ, поэтому дѣйствіе ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше ихъ молекулярный вѣсъ и чѣмъ сильнѣе концентрація,—такъ какъ при этихъ условіяхъ осмотическое давленіе ихъ повышается.

Тѣ же свойства—электрическій знакъ и связь съ водой опредѣляютъ и реакціи коллоидовъ при дѣйствіи ихъ другъ на друга.

---

*) *Электролитомъ* наз. вещество, могущее быть разложеннымъ электрическимъ токомъ. Такое разложеніе называется электролизомъ и объясняется присутствіемъ въ данномъ веществѣ электроположительной (катіонъ) и электроотрицательной (аніонъ) частей.

Если смѣшать два неустойчивыхъ коллоидальныхъ раствора одного и того же электрическаго знака, то наблюдатель не замѣчаетъ никакихъ измѣненій, но если знакъ этихъ растворовъ различный, то происходитъ осажденіе.

Когда реагируютъ другъ на друга два очень разведенныхъ коллоида, то осадка можетъ и не образоваться, но тогда присутствіе въ избыткѣ одного или другого коллоида отмѣчается измѣненіями свойствъ общаго раствора, а именно измѣненія его электрическаго знака.

Если смѣшиваютъ устойчивый коллоидальный растворъ съ неустойчивымъ. то свойства смѣси приближаются къ свойствамъ устойчиваго коллоида тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше прибавляютъ этого послѣдняго. Здѣсь осажденіе перестаетъ быть осажденіемъ отъ электрическаго разряда и становится все болѣе и болѣе похожимъ на осажденіе путемъ обезвоживанія.

Итакъ, коллоидальные растворы суть жидкости, содержащія въ взвѣшенномъ состояніи различныя зерна; эти зерна владѣютъ электрическимъ зарядомъ, то положительнымъ, то отрицательнымъ, владѣютъ способностью входить въ соединеніе съ іонами или же зернами другихъ коллоидовъ, но противоположнаго знака; соединенія, получающіяся при этомъ не являются настоящими химическими соединеніями постояннаго состава,—пропорціи, въ которыхъ соединяются іоны и зерна коллоидовъ зависятъ отъ концентраціи входящихъ въ реакцію веществъ и потому это «соединенія въ измѣняющихся пропорціяхъ». Послѣ предварительнаго выясненія физическихъ и химическихъ свойствъ коллоидальныхъ растворовъ обратимся теперь къ той роли, которую они играютъ въ жизненныхъ процессахъ.

Живое вещество—протоплазма—есть смѣсь коллоидовъ.

Живая протоплазма содержитъ обыкновенно довольно большія зерна, различимыя подъ микроскопомъ, и, кромѣ того, массу зернышекъ ультрамикроскопическихъ размѣровъ. Гистологи изучаютъ строеніе протоплазмы, окрашивая и впрыскивая въ нее различные растворы. Интересно, что рисунки, получающіеся при подобной обработкѣ протоплазмы, удивительно похожи на фигуры, образующіеся осадками коллоидальныхъ веществъ. Всѣ гистологическія окраски. ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ процессовъ окрашиванія; всѣ же окрашиванія, и въ частности окрашиванія анилиномъ, производятся коллоидальными растворами.

Положительные коллоиды—анилиновыя кислыя краски, закрѣпляются на электрически отрицательныхъ коллоидахъ, на частицахъ клѣтки, имѣющихъ основной характеръ. Наоборотъ, коллоиды основные, которые являются въ то же время электрически отрицательными коллоидами, окрашиваютъ сильно ядро—наиболѣе кислую часть клѣтки.

Соединеніе красящаго коллоида съ клѣткой можетъ иногда снова распадаться—тогда клѣтка остается живой, это такъ называемыя окраски прижизненныя; или же такое соединеніе остается постояннымъ и, слѣдовательно, клѣтка умираетъ—таково большинство гистологическихъ красокъ; рисунки получающіеся при этомъ, принадлежатъ уже мертвымъ клѣткамъ.

Гистологическая техника давно уже чисто эмпирическимъ путемъ поль-

зуется многими свойствами коллоидовъ; такъ, напр, большинство клѣтокъ окрашивается только въ присутствіи протравы, которая чаще всего является электролитомъ, легко осаждающимъ коллоиды,—таковы: квасцовый карминъ, фуксиновыя чернила и др.

Присутствіе коллоидовъ въ протоплазмѣ позволяетъ намъ предвидѣть, что различныя реакціи и измѣненія этихъ коллоидовъ, находятся въ прямой зависимости отъ окружающихъ протоплазму электролитовъ.

Электролиты эти могутъ находиться или внутри клѣтки или внѣ ея, первые отдѣлены отъ вторыхъ клѣточной оболочкой, которая также состоитъ изъ коллоидовъ.

Отсюда проистекаютъ два основныхъ вопроса. Первый—въ какой степени электролиты внѣшней среды способны проникать черезъ оболочку клѣтки; и второй—какъ будутъ вліять эти различные электролиты на реакціи и измѣненія, происходящія въ коллоидахъ живой протоплазмы.

Разсмотримъ сначала первый вопросъ.

Оказывается, что клѣточныя оболочки проницаемы только для весьма незначительнаго числа тѣлъ. Нѣкоторые физіологи даже полагали, что сквозь такую оболочку можетъ проходить только вода, но, конечно, ясно, что при такихъ условіяхъ невозможно было бы питаніе клѣтки. Нужно, слѣдовательно, предположить: 1) что клѣточная оболочка способна всегда допускать нѣкоторые растворы, 2) или же, что она проницаема даже и для этихъ веществъ только при строго опредѣленныхъ условіяхъ.

Стодель думаетъ, что истинной является вторая гипотеза. Такъ, еще въ 1837 г. Дютрошэ указалъ, что животныя оболочки, обработанныя кислотой, пропускаютъ растворы солей гораздо легче, чѣмъ до этой обработки. Вообще можно утверждать, что всѣ живыя оболочки становятся болѣе проницаемыми послѣ смерти; опыты Галеоти, который дѣйствовалъ на клѣточныя оболочки хлороформомъ и эфиромъ, являются блестящими демонстраціями этого положенія. Такъ какъ оболочки живыхъ клѣтокъ всегда состоятъ изъ отрицательныхъ коллоидовъ, мы можемъ уже заранѣе предвидѣть, что ихъ проницаемость должна сильнѣе всего измѣняться подъ вліяніемъ кислоты, а также и дву и трехъатомныхъ металловъ (кальцій, стронцій, барій, аллюминій, желѣзо и т. д.).

Прямыхъ опытовъ съ растворами солей этихъ металловъ еще не сдѣлано, но косвенныя доказательства упомянутаго выше утвержденія мы можемъ найти въ опытахъ Лёба и его учениковъ. Опыты эти показываютъ, что различнѣйшія животныя клѣточки—сердце, мускулы, яйца рыбъ, морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ, голотурій, маленькихъ ракообразныхъ—всѣ быстро погибаютъ, если ихъ помѣстить въ растворъ хлористаго натрія (поваренная соль); наоборотъ, даже слабое прибавленіе соли дву или трехъатомнаго металла, значительно повышаетъ жизнеспособность этихъ клѣтокъ.

Конечно, эти явленія зависятъ не только отъ степени проницаемости клѣточной оболочки, но и отъ различныхъ химическихъ реакцій, происходящихъ, благодаря измѣненію окружающей среды, въ самой протоплазмѣ и въ ея обо-

лочкахъ. Работы подобнаго рода идутъ всего послѣдніе 5 лѣтъ и болѣе или менѣе окончательное рѣшеніе даннаго вопроса еще въ будущемъ.

Химическіе процессы, происходящіе въ живыхъ организмахъ, столь отличны отъ тѣхъ, которые химики наблюдали въ своихъ лабораторіяхъ, что процессы эти долго считали явленіями совершенно другого порядка, и только болѣе детальное и пристальное изученіе химиками каталитическихъ явленій позволило и жизненные химическіе процессы ввести въ область общей химіи.

Еще Берцеліусъ сравнивалъ переходъ крахмала въ сахаръ подъ вліяніемъ разведенной сѣрной кислоты съ подобнымъ же процессомъ, идущимъ въ присутствіи солода; а Лудвигъ утверждалъ, что физіологическая химія является частью главы о катализѣ. Цѣлый рядъ работъ Шенбейна, а за послѣднее время Оствальда и его учениковъ, все болѣе и болѣе углублялъ наше знакомство съ каталитическими явленіями и тѣмъ самымъ позволилъ предпринять систематическое изученіе діастатическихъ реакцій, происходящихъ въ живыхъ клѣткахъ.

Оствальдъ опредѣляетъ катализъ, какъ «ускореніе химическаго процесса благодаря присутствію посторонняго вещества».

Это общее опредѣленіе влечетъ за собою раздѣленіе каталитическихъ реакцій на двѣ группы. Въ первую группу нужно отнести каталитическія явленія, производимыя тѣлами, которыя не входятъ въ ускоренную реакцію, «которыхъ дѣйствіе ограничивается только дѣйствіемъ ихъ присутствія». Ко второй группѣ нужно отнести каталитическія дѣйствія, производимыя тѣлами, которыя образуютъ съ однимъ изъ тѣлъ, входящихъ въ реакцію, нестойкое соединеніе, благопріятствующее теченію главной реакціи, затѣмъ снова разрушающееся, и такимъ образомъ остающееся неизмѣннымъ по окончаніи процесса. Во всѣхъ этихъ случаяхъ оказывается, что достаточно чрезвычайно малаго количества катализатора, чтобы ускорить реакцію между большими количествами реагирующихъ тѣлъ.

Современныя изслѣдованія и особенно работы Бредига надъ чистыми каталитическими явленіями и Виктора Анри надъ ферментами показали, что діастатическія дѣйствія суть не что иное, какъ каталитическія дѣйствія, вызываемыя органическими тѣлами. Извѣстно, что достаточно весьма незначительнаго количества фермента, чтобы превратить большое количество вещества, на которое ферментъ дѣйствуетъ, и что въ томъ и другомъ случаѣ (каталитическія реаціи и ферментація) кривыя скоростей реакцій очень сходны.

Между катализаторами первой группы Берцеліусъ указывалъ на порошки металловъ и особенно на платину. Бредигу пришла мысль испытать, не будутъ ли дѣйствовать подобнымъ же образомъ полученные имъ электрическимъ путемъ коллоидальные растворы металловъ. Оказалось, что коллоидальный растворъ платины разлагаетъ окисленную воду, даже если платины приходится 1 граммъ-атомъ на 70 милліоновъ литровъ воды, а коллоидальный растворъ золота при такомъ разведеніи, что на 1 граммъ-атомъ золота приходится 1 милліонъ литровъ воды.

Кромѣ того, интересно отмѣтить, что это разложеніе можетъ быть совершенно

остановлено прибавленіемъ необыкновенно малаго количества такихъ веществъ, какъ хлороформъ, синильная кислота и т. п., дѣйствующихъ здѣсь какъ настоящій ядъ.

Всѣ эти аналогіи между коллоидальными растворами металловъ и ферментами дали Бредигу основаніе назвать эти растворы «неорганическими ферментами».

Разложеніе подкисленной воды платиной можно объяснить и не предполагая образованія промежуточныхъ соединеній платины и разлагаемаго вещества; достаточно предположить, что реакція происходитъ здѣсь на поверхности коллоидальнаго зерна, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ простого контакта, съ «дѣйствіемъ присутствія».

Но, съ другой стороны, Викторъ Анри показалъ, что дѣйствіе діастазовъ нельзя объяснить, не предполагая образованія соединеній, промежуточныхъ между діастазомъ и тѣломъ, претерпѣвающимъ измѣненія, или же—между діастазомъ и однимъ изъ продуктовъ этого измѣненія. Такимъ образомъ, явленія ферментаціи относятся ко второй группѣ каталитическихъ дѣйствій. Но мы знаемъ уже, что діастазы—это устойчивые коллоидальные растворы; зерна этихъ коллоидовъ способны образовать соединенія; но когда дѣло идетъ о коллоидахъ, то слово «соединеніе» должно пониматься въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Викторъ Анри замѣчаетъ, что коллоидальныя зерна діастаза имѣютъ, какъ и вообще всѣ коллоидальныя зерна, измѣнчивый составъ; измѣнчиво въ нихъ и содержаніе воды, но, кромѣ того, зерна эти входятъ въ соединеніе съ веществами, растворенными въ жидкости, въ которой находятся коллоидальныя зерна. Окончательнымъ выводомъ этого ученаго является, что растворимые ферменты—только частный случай соединеній, образуемыхъ коллоидальными зернами.

Знакомство со свойствами коллоидальныхъ растворовъ является крайне необходимымъ при изученіи образованія въ клѣткахъ такъ называемыхъ «запасовъ», такъ какъ большинство послѣднихъ—крахмалъ, гликогенъ, камеди и т. п. находятся въ коллоидальномъ состояніи и образованіе ихъ подчинено законамъ образованія коллоидальныхъ зеренъ.

Знаніе этихъ законовъ помогаетъ разбираться не только въ нормальныхъ физіологическихъ процессахъ живой протоплазмы, но и въ явленіяхъ патологическихъ, которыя иногда въ ней наступаютъ.

Возьмемъ хотя бы явленія такъ называемаго «склеиванія» красныхъ кровяныхъ шариковъ и бактерій при дѣйствіи на нихъ опредѣленныхъ «сыворотокъ» *); эти явленія представляютъ поразительное сходство съ дѣйствіями различныхъ коллоидовъ другъ на друга и съ тою ролью, которую могутъ играть въ этихъ явленіяхъ электролиты. Такъ, напримѣръ, красные кровяные шарики, промытые и помѣщенные въ растворъ хлористаго натрія, склеиваются при воздѣйствіи на нихъ неустойчивыхъ коллоидовъ, напр., гидрата окиси желѣза, сѣрнистаго мышьяка, красной магдаловой и др. Но этого склеиванія не

---

*) См. ст. П. Ю. Шмидта: „Иммунитетъ и сыворотка". Февр. 1905 г.

происходитъ, если, до прибавленія неустойчиваго коллоида, въ эмульсію красныхъ кровяныхъ шариковъ прибавить небольшое количество устойчиваго коллаида, напр., кровяной сыворотки. Прибавленіе однихъ солей усиливаетъ склеиваніе кровяныхъ шариковъ, прибавленіе другихъ, наоборотъ, ослабляетъ.

Выше мы уже указывали, что процессы гистологическаго окрашиванія протоплазмы объясняются образованіемъ коллоидальныхъ соединеній и явленіями сгущенія; большинство этихъ окрасокъ происходитъ уже съ мертвыми тканями; смерть протоплазмы сопровождается измѣненіями коллоидовъ, изъ которыхъ она образована. Эти измѣненія еще очень мало извѣстны, но новѣйшія изслѣдованія Галеотти не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ существованіи.

Электрическое сопротивленіе ткани значительно измѣняется въ моментъ смерти, но такъ какъ въ теченіе этого времени число электролитическихъ молекулъ не можетъ измѣниться, то измѣненіе должно быть обусловлено только образованіемъ новыхъ соединеній между электролитами и коллоидальными зернами. Напр., когда постепенно повышаютъ температуру ткани, взятой изъ животнаго съ постоянной температурой, и сравниваютъ кривую сопротивленій, измѣряемыхъ при каждой температурѣ, съ кривою при соотвѣтственныхъ температурахъ настоящаго неколлоидальнаго раствора, то наблюдаютъ, что кривая проводимости этого истиннаго раствора поднимается непрерывно; кривая же проводимости ткани поднимается приблизительно до 35° Ц., затѣмъ идетъ въ видѣ прямой линіи до 40° и только послѣ этого снова поднимается въ той же степени, какъ и кривая истиннаго раствора. Ясно, слѣдовательно, что между температурой 35° и 40° въ ткани что-то происходитъ; это «что-то» можетъ быть объяснено только присутствіемъ въ протоплазмѣ коллоидовъ, претерпѣвающихъ въ этотъ моментъ измѣненія, которыя и препятствуютъ тому, чтобы электролиты слѣдовали общему закону, выражаемому непрерывно поднимающейся кривой. Температурныя границы (35°—40°), въ которыхъ растворы тканей не повинуются законамъ истинныхъ растворовъ, являются въ тоже время и температурными границами жизни животнаго съ постоянной температурой. Такимъ образомъ, говоритъ Стобель, всѣ біологическія явленія характеризуются, прежде всего, тѣмъ, что протоплазма состоитъ изъ коллоидальныхъ растворовъ; и если физико-химическія теоріи оказывались до сихъ поръ безсильными объяснить многія изъ этихъ явленій, то причина такого безсилія коренилась въ незнаніи свойствъ коллоидовъ.

Независимость двухъ частей желудка и желудочный сокъ человѣка.

Прежде считали, что у высшихъ позвоночныхъ, въ томъ числѣ у человѣка и собаки, надъ которой и производились, главнымъ образомъ, физіологическіе опыты, желудокъ является органомъ вполнѣ однороднымъ, и что сокъ выдѣляемый имъ также однороденъ на всемъ протяженіи желудка. Мало-по-малу пришли къ заключенію, что это не такъ, и убѣдились, что желудокъ представляетъ собой соединеніе, по крайней мѣрѣ, двухъ органовъ. Слѣдовательно, не одни жвачныя животныя и птицы обладаютъ нѣсколькими желуд-

*

ками. Замѣчено это было послѣ того, какъ Гайденгайномъ, Павловымъ и др. хирургическая техника была настолько усовершенствована, что сдѣлалась возможнымъ изолировать по желанію ту или другую часть желудка и сохранять при этомъ собакъ въ живыхъ.

Извѣстно, что железы, выстилающія слизистую оболочку желудка у привратника или выхода, отличаются по своему строенію отъ тѣхъ, которыя выстилаютъ дно желудка. Эти послѣднія состоятъ изъ двухъ родовъ клѣтокъ, такъ называемыхъ, главныхъ клѣтокъ и обкладочныхъ. Железы же, находящіяся у привратника выстланы только однимъ видомъ клѣтокъ, аналогичныхъ, но все же не вполнѣ тожественныхъ съ главными клѣтками. Еще Гайдангайномъ былъ полученъ чистый пилорическій сокъ, благодаря изолированію части желудка у pylorus'а (привратника), причемъ часть эта была зашита на подобіе мѣшка и пришита къ стѣнкамъ живота, гдѣ, конечно, тоже было сдѣлано отверстіе; части же желудка, прерванныя выдѣленіемъ этого мѣшка, также были сшиты между собой. По изслѣдованіямъ Гайденгайна сокъ, выдѣляемый этимъ мѣшкомъ, былъ щелочный, богатый слизью, и содержалъ немного пепсина и, слѣдовательно, могъ, послѣ подкисленія переваривать бѣлки.

Но вопросъ заключался въ томъ, считать ли сокъ, полученный Гайденгайномъ, нормальнымъ, такъ какъ разрѣзы, сдѣланные черезъ всю толщу желудка, перерѣзывали нервные стволы; вполнѣ логично поэтому было предположить, что слизистыя оболочки желудка, лишенныя нормальной инерваціи, выдѣляютъ ненормальный сокъ.

Шемякинъ, съ цѣлью рѣшить этотъ вопросъ, измѣнилъ нѣсколько оперативный способъ Гайденгайна такимъ образомъ, что всѣ нервные стволы оставались въ цѣлости. Для этого Шемякинъ отдѣлялъ для образованія вышеупомянутаго мѣшка только слизистую оболочку (способъ Павлова), которая одна и образовывала этотъ мѣшокъ, но не перерѣзывалъ ни мускульной, ни серозной стѣноъ желудка.

Опыты Шемякина показали, что сокъ, выдѣляемый частью желудка у привратника, является постоянно щелочнымъ, тягучимъ, безцвѣтнымъ и содержащимъ примѣсь слизи. Выдѣленіе этого сока совершается безъ перерыва, но въ небольшомъ количествѣ, въ среднемъ немного больше 1 куб. сант. въ часъ, при условіи, что всякое механическое раздраженіе слизистой оболочки устранено. Въ противномъ случаѣ выдѣленіе сока дѣлается вдвое болѣе обильнымъ, въ среднемъ болѣе 2 кв. куб. сант. въ часъ. Чувствительность слизистой оболочки къ механическимъ раздраженіямъ является другой чертой, отличающей эту часть желудка отъ дна его, которое такой чувствительностью не обладаетъ. Но, кромѣ механическаго раздраженія, слизистая оболочка пилорической части желудка является чувствительной еще къ слѣдующимъ факторамъ: къ соку, выдѣляемому дномъ желудка, или просто даже къ соляной кислотѣ, къ пищѣ, и даже къ $1/2\%$ раствору соды; подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ веществъ количество выдѣляемаго сока увеличивается. Выдѣлительная дѣятельность этой части желудка, наоборотъ, уменьшается, когда пища изъ желудка начинаетъ

переходить въ 12-ти-перстную кишку; и только послѣ перехода въ кишечникъ всей пищи количество выдѣляемаго сока становится прежнимъ.

Такимъ образомъ, замѣчаются двѣ фазы при выдѣленіи пилорическаго сока: первая—является фазой увеличенія выдѣленія сока, благодаря непосредственному раздраженію слизистой оболочки пищей и кислотой сока дна желудка; вторая, наоборотъ, характеризуется уменьшеніемъ количества выдѣляемаго сока, которое совершается рефлекторнымъ путемъ, исходя вѣроятно изъ 12-ти перстной кишки, раздражаемой *кислой* пищевой кашицей, поступающей изъ привратника. Мы говоримъ кислой, такъ какъ слабая щелочность небольшого количества пилорическаго сока не въ состояніи нейтрализировать кислотность сока большей части желудка—его дна. И какъ это ни странно, но пищевая кашица, пропитанная соляной кислотой дна, должна оставаться кислой для того, чтобы ферментъ, который находится въ щелочномъ сокѣ пилорической части, могъ бы переваривать бѣлокъ, такъ какъ онъ можетъ это дѣлать только въ кислой средѣ. Но наибольшая дѣятельность этого фермента проявляется при сравнительно слабой степени кислотности пилорическаго сока, когда, слѣдовательно, часть кислоты дна желудка нейтрализована щелочью пилорическаго сока; такъ, кислотность этого послѣдняго должна быть въ 5 разъ слабѣе для успѣшнаго дѣйствія фермента, чѣмъ сокъ дна желудка. Пищеварительная сила пилорическаго сока въ 3—4 раза слабѣе пищеварительной силы сока дна желудка.

Пищеварительная дѣятельность фермента пилорическаго сока не увеличивается и даже иногда уменьшается при смѣшеніи этого послѣдняго съ сокомъ дна или поджелудочной железы, или же съ кишечнымъ сокомъ; желчь же совершенно уничтожаетъ способность пилорическаго сока переваривать бѣлокъ. На жиры ферментъ пилорическаго сока не оказываетъ никакого дѣйствія, но съ молокомъ даетъ такой же осадокъ, состоящій изъ хлопьевъ, какъ и сычужный ферментъ дна желудка.

Кромѣ того, Шемякинымъ было установлено, что ни раздраженіе, ни перерѣзываніе блуждающихъ нервовъ, иннервирующихъ слизистую оболочку желудка, не оказываютъ никакого вліянія ни на количество, ни на качество пилорическаго сока.

Но спрашивается, отражается ли эта независимость обѣихъ частей желудка на его анатомическимъ строеніи? Шемякинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Пища изъ дна желудка переходитъ въ пилорическую часть частями и черезъ довольно большіе промежутки времени (до нѣсколькихъ минутъ), твердыя частицы задерживаются привратникомъ довольно долго, но онѣ задерживаются также и между двумя частями желудка. Это является возможнымъ благодаря существованію сфинктера между 2-мя частями, сокращающагося ритмически, причемъ при максимумѣ его сокращенія обѣ части желудка совершенно отдѣлены другъ отъ друга и ни одна капля жидкости не можетъ пройти изъ дна желудка въ пилорическую его часть.

Въ связи съ этой работой Шемякина интересно разсмотрѣть нѣкоторыя новыя работы, касающія дѣйствія желудочнаго сока у человѣка.

Горнборгъ (Hornborg), Кадъ (Cade) и Латарже (Lotarjet) опубликовали свои наблюденія, первый надъ ребенкомъ, а послѣдніе надъ взрослой дѣвушкой, подтверждающіе факты, добытые проф. Паловымъ и его учениками о выдѣленіи желудочнаго сока у собаки.

У собаки введеніе въ ротъ пріятной пищи, вызываетъ, рефлекторнымъ путемъ, выдѣленіе желудочнаго сока, богатаго пепсиномъ и соляной кислотой, что продолжается $1^1/_2$ часа послѣ ѣды.

Горнборгъ производилъ свои наблюденія надъ пятилѣтнимъ ребенкомъ, которому за годъ до того былъ сдѣлана фистула желудка, вслѣдствіе полной закупорки пищевода. Оказалось, что у этого ребенка, какъ и у собаки проф. Павлова, введеніе въ ротъ и пережевываніе пищи, пріятной на вкусъ, говядины и хлѣба, вызывало обильное выдѣленіе очень дѣятельнаго желудочнаго сока. Но Горнборгомъ была констатирована также и разница между выдѣленіемъ желудочнаго сока у ребенка и собаки. 1) У собаки выдѣленіе желудочнаго сока продолжается $1^1/_2$ часа послѣ ѣды пищи пріятной на вкусъ, у ребенка же всего 1 часъ. 2) У собаки одинъ видъ любимой пищи, и въ особенности мяса, вызываетъ выдѣленіе желудочнаго сока; у наблюдаемаго же ребенка видъ пищи никогда этого не вызывалъ.

Кадъ и Латарже (изъ Ліона) имѣли возможность наблюдать 20-ти-лѣтнюю дѣвушку, у которой, благодаря желудочной грыжѣ, образовавшейся на первомъ году жизни, произошло отдѣленіе, вслѣдствіе ущемленія части слизистой оболочки дна желудка. Отдѣленіе слизистой оболочки произошло совершенно такъ, какъ проф. Павловъ искусственно производитъ у собакъ, при изученіи функціи дна желудка: маленькая полость была совершенно изолирована и состояла только изъ слизистой оболочки; такимъ образомъ, кровообращеніе и иннервація были тѣ же, что и въ нормальныхъ случаяхъ; грыжевой мѣшокъ открывался наружу фистулой.

Кадъ и Латарже констатировали, что натощакъ выдѣляется черезъ фистулу небольшое количество тягучей жидкости, слегка кислой (0,15—0,20°/₀), содержащей немного молочной кислоты, свободной же соляной кислоты въ ней не бываетъ.

Послѣ ѣды, состоявшей изъ жирнаго бульона, мяса, хлѣба и воды съ виномъ, количество сока, вытекающаго изъ фистулы, увеличивалось (въ особенности въ первые 2 часа послѣ ѣды), онъ становился болѣе жидкимъ, прозрачнымъ, болѣе кислотнымъ (1,95°/₀₀) и содержащимъ свободную соляную кислоту (0,60°/₀₀) и пепсинъ.

Артюсомъ (Arthus) и Пажесомъ (Pages)было установлено, что перевариваніе молока въ желудкѣ совершается въ нейтральной или кислой средѣ, и, кромѣ того, Артюсъ показалъ, что присутствіе молока вызываетъ въ желудкѣ появленіе сычужнагѣ фермента. Кадъ и Латарже подтверждаютъ эти факты. У молодой дѣвушки, при введеніи въ желудокъ молока, выдѣляется сокъ слабой кислотности (0,20°/₀₀), въ которомъ вовсе не находится свободной соляной кислоты, но зато присутствуетъ сычужный ферментъ.

Въ противоположность наблюденіямъ Горнборга, Кадъ и Летарже могли вы-

звать у молодой дѣвушки появленіе желудочнаго сока продолжительнымъ напоминаніемъ о любимыхъ кушаньяхъ; подъ этимъ психическимъ вліяніемъ выдѣлялся болѣе обильный сокъ, чѣмъ натощакъ, болѣе жидкій и болѣе кислый (0,80$^0/_{00}$ кисл. и 0,15$^0/_{00}$ свободной соляной кислоты), но менѣе дѣятельный, чѣмъ сокъ, вытекающій послѣ ѣды.

Отравленіе черезъ пищевареніе чрезвычайно часто встрѣчается и проявляется самымъ разнообразнымъ способомъ. Паскье (Pasquier) посвящаетъ этому вопросу статью въ «Gazette des Hopitaux». Каковы же симптомы отравленія черезъ пищевареніе? Прежде всего можетъ явиться недомоганіе, языкъ бываетъ обложенъ, а аппетитъ отсутствуетъ. Къ этому можетъ присоединиться выдѣленіе болѣе или менѣе дурно пахнущихъ газовъ. Печень очень часто становится болѣзненной и въ правомъ боку появляется ощущеніе тяжести.

Различныя нервныя разстройства являются очень частымъ послѣдствіемъ желудочно-кишечныхъ броженій, такъ какъ нервная клѣтка чрезвычайно чувствительна ко всякимъ измѣненіямъ, происходящимъ въ крови, а при ненормальныхъ броженіяхъ, совершающихся въ пищеварительныхъ органахъ, много ядовитыхъ веществъ переходитъ въ кровь.

Паскье считаетъ, что и судороги у дѣтей по большей части развиваются, благодаря отравленію при разстройствѣ пищеваренія.

Ненормально развившееся броженіе въ пищеварительныхъ органахъ играетъ громадную роль въ развитіи такихъ болѣзней кожи, каковыми являются экзема, прыщи и почесуха. Кислотность пота у страдающихъ этой послѣдней болѣзнью является слѣдствіемъ содержанія въ немъ молочной кислоты, которая и развивается при желудочномъ броженіи. Кислоты—молочная, масляная и др.—продукты броженій въ желудкѣ, выдѣляясь черезъ кожу вызываютъ прыщи. Что касается крапивницы, то она у нѣкоторыхъ лицъ появляется послѣ потребленія рыбы, ракушекъ и пр.; но, кромѣ того, крапивница у многихъ нервныхъ людей сопровождаетъ плохое пищевареніе.

Ядовитыя вещества, развивающіяся при разстройствахъ пищеваренія, могутъ дѣйствовать и на сердце и вызывать сердцебіеніе, неправильность пульса и, можетъ быть, еще болѣе серьезные сердечные припадки.

Англійская болѣзнь, отчасти по крайней мѣрѣ, есть результатъ плохого питанія, не говоря ужъ о подагрѣ, склерозѣ артерій, полнотѣ или худобѣ, малокровіи и всѣхъ болѣзней почекъ, въ особенности альбиминуріи (выдѣленіе и появленіе бѣлка въ мочѣ) и пр. Кромѣ всего этого, всасываніе ядовитыхъ веществъ изъ желудка и кишекъ вызываетъ одышку, доходящую у страдающихъ склерозомъ артерій до припадковъ, наблюдающихся при астмѣ. Но желудокъ и кишечникъ, растянутые и увеличенные въ объемѣ, вызываютъ одышку и чисто механическимъ путемъ, сдавливая и приподнимая грудобрюшную преграду. Ненормальное броженіе въ желудкѣ и кишечникѣ проявляется, между прочимъ, появленіемъ въ мочѣ такихъ веществъ, какъ фенолъ, индолъ, скатолъ, количество которыхъ не трудно опредѣлить.

Какъ же лечить отравленіе, происходящее черезъ отравленіе?

Прежде всего нужно вывести изъ организма ядовитыя вещества, образовавшіяся въ пищеварительномъ аппаратѣ, усилить выдѣленіе уже всосавшихся токсиновъ и затѣмъ давать только легко переваримую пищу.

Молочный режимъ въ такихъ случаяхъ большею частью очень полезенъ, въ тѣхъ же заболѣваніяхъ, гдѣ молоко не переносится, помогаютъ мучнистые супы или кефиръ. Вообще же нужно избѣгать пищи трудно-переваримой и легко подвергающейся броженію, какъ-то дичь, консервы, колбасы и проч. копченые и соленые продукты свинины, затѣмъ растительную пищу, которая содержитъ много клѣтчатки—капусту, бобы, рѣпу, брюкву и проч.

Углеводы и жиры въ пищевомъ режимѣ туберкулезныхъ больныхъ. Рене Лаферъ сдѣлалъ парижской академіи докладъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года о пищевомъ режимѣ туберкулезныхъ. Изслѣдованія свои онъ началъ съ изученія вліянія жира на туберкулезныхъ.

Наиболѣе постоянное и очевидное вліяніе жировъ на туберкулезныхъ, какъ, впрочемъ, и на здоровыхъ людей, заключается въ большемъ усвоеніи и сбереженіи азотистыхъ веществъ.

Какъ только туберкулезные начинаютъ потреблять жиръ въ различныхъ видахъ и въ постоянно увеличивающемся количествѣ, то кривая, выражающая общее количество выдѣляемаго азота (черезъ мочу и экскременты) сначала понижается, затѣмъ становится горизонтальной. Слѣдовательно, начиная съ извѣстнаго количества жира, потребленіе не увеличивается и становится поэтому безполезнымъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія его дѣйствія на сбереженіе бѣлковыхъ веществъ.

Но жиръ, какъ токовой, можетъ отлагаться въ тканяхъ. Имѣя въ виду этотъ фактъ Лаферъ давалъ жиръ туберкулезнымъ въ теченіе 5—8 мѣсяцевъ въ большихъ дозахъ (150—200 грам.), считая и жиръ, содержащійся въ самой пищѣ и жиръ въ видѣ рыбьяго жира, масла, прованскаго масла и пр. Другая же категорія больныхъ получала умѣренное количество жира (100—150 гр.). Оказалось, что у первой категоріи больныхъ, получающихъ большее количество жира, кривая вѣса ихъ тѣла подымается вначалѣ быстро, затѣмъ нѣкоторое время дѣлается горизонтальной, послѣ чего опускается, иногда даже ниже первоначальнаго вѣса, вслѣдствіе разстройства пищеваренія или же благодаря потерѣ аппетита, или же, наконецъ, вслѣдствіе полнѣйшаго неусвоенія, такъ какъ въ такихъ случаяхъ, какъ было замѣчено Лаферомъ, жиръ переходилъ въ экскременты, не подвергаясь совершенно никакому измѣненію.

У второй категоріи больныхъ (умѣренное количество жира)—кривая вѣса тѣла поднималась медленно, прогрессивно.

Такимъ образомъ 100—150 гр. жира является максимальнымъ *количествомъ дѣйствительно полезнымъ*, съ чѣмъ и нужно считаться при установленіи режима для чахоточныхъ. Изъ всего этого видно, насколько неразумное перекармливаніе туберкулезныхъ, къ которому такъ часто прибѣгаютъ, можетъ сдѣлаться вреднымъ.

Опредѣливъ количество жира, усвояемаго туберкулезными, Лаферъ присту-

пилъ къ изученію усвоенія углеводовъ и пришелъ къ заключенію, что эти послѣдніе, какъ и жиры, оказываютъ на организмъ такое же дѣйствіе.

Для сравненія усвоенія жировъ и углеводовъ, Лаферъ давалъ однимъ изъ туберкулезныхъ послѣдовательно то сахаръ, то жиръ, въ равныхъ количествахъ. Другимъ же—давались послѣдовательно сахаръ и жиръ, но не въ одинаковыхъ количествахъ (97 гр. сахара, жира же 41 гр.). При этомъ обѣ категоріи больныхъ во все продолженіе опыта, питались исключительно молокомъ, выпивая его 3 литра. Оказалось, что количество всего выдѣляемаго азота всегда больше, при употребленіи жира, чѣмъ при употребленіи сахара, въ особенности же это замѣчено, когда они даются не въ одинаковомъ количествѣ, хотя разница проявляется также и при одинаковомъ количествѣ потребленія сахара и жира.

Но потребленіе углеводовъ, кромѣ того, вызываетъ также лучшее усвоеніе и сбереженіе не только бѣлковыхъ веществъ, но также и жировъ, такъ что жиръ даже откладывается въ тканяхъ при питаніи углеводами и молокомъ. У обѣихъ категорій больныхъ вѣсъ тѣла постоянно уменьшался, когда переходили къ питанію жирами, даваемыми, конечно, сверхъ 3 литр. молока въ день. Сравнивая вѣсъ тѣла больныхъ, получающихъ жиръ, съ вѣсомъ тѣла больныхъ, получающихъ углеводы оказывалось, что какъ вѣсъ тѣла, такъ и сила, измѣряемая на динамометрѣ, у вторыхъ всегда больше вѣса тѣла и силы первыхъ.

Было извѣстно и раньше, что такъ какъ мускулъ при своей работѣ потребляетъ исключительно глюкозу (виноградный сахаръ), то для того, чтобы мускулъ могъ бы утилизировать и жиръ, этотъ послѣдній долженъ превратиться въ глюкозу, причемъ при этомъ превращеніи теряется много энергіи, въ видѣ теплоты, что можетъ быть полезнымъ въ холодныхъ странахъ, но не въ умѣренныхъ, въ особенности въ теплое время года, и быть совершенно безполезнымъ въ жаркихъ странахъ.

Изъ изслѣдованій Лафера видно, что даже въ умѣренномъ климатѣ потребленіе углеводовъ полезнѣй для организма, чѣмъ потребленіе жировъ; это подтверждается также и опытами Тулуза.

Почему перевелись бизоны въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ центральной части Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ еще относительно недавно паслись громадныя стада бизоновъ, еще въ 1870 году охотники и поселенцы оцѣнивали эти стада милліонами головъ. Желѣзная дорога, прорѣзавшая Сѣверную Америку съ востока на западъ, раздѣлила эти стада на двѣ части—сѣверную и южную. Къ этому же времени охота на бизоновъ достигла колоссальныхъ размѣровъ. Индѣйцы убивали ихъ для того, чтобы питаться ихъ мясомъ, бѣлые охотники изъ-за шкуръ, другіе изъ-за бизоньяго языка, находились спеціалисты, добывавшіе въ одинъ сезонъ до 2.500 бизоньихъ языковъ и выручавшіе за это до 1.200 рублей. Передъ этими цифрами блѣднѣли, конечно, охоты съ чисто

спортивными цѣлями. Такое безумно-звѣрское истребленіе громадныхъ стадъ полезнаго звѣря привело къ тому, что всего въ три года — съ 1872 до 1875 г.— всѣ южныя стада бизоновъ, въ которыхъ по приблизительному разсчету было не менѣе 6 милліоновъ головъ, были окончательно уничтожены. Одними желѣзнодорожными накладными зарегистровано 4 милліона бизоньихъ шкуръ, отправленныхъ за эти три года изъ южной части Штатовъ. Многія становища поселенцевъ должны были искать другихъ мѣстъ,—такое гніеніе распространяли вокругъ остовы убитыхъ бизоновъ.

Стадо, или вѣрнѣе, стада бизоновъ, отброшенныя желѣзной дорогой къ сѣверу, исчезли не такъ быстро и не только вслѣдствіе массоваго истребленія человѣкомъ, какъ на югѣ штатовъ, хотя и здѣсь—на сѣверѣ охота на бизона пріобрѣла характеръ безумной бойни къ концу 70-хъ годовъ.

Одинъ изъ американскихъ скотоводовъ, Р. Н. Бюннъ (R. N. Bunn), приписываетъ исчезновеніе бизона къ сѣверу отъ желѣзной дороги, главнымъ образомъ, слѣдующей причинѣ.

Желѣзная дорога отрѣзала бизонамъ путь къ югу и въ суровыя зимы они уже не могли уходить въ болѣе теплыя мѣстности и гибли сотнями тысячъ. Необычайно суровая зима 1880—1881 года (особенно въ Дакотѣ и Манитобѣ) закончила дѣло истребленія бизоновъ, начатое человѣкомъ; убійственно дѣйствовалъ на нихъ холодъ, но еще убійственнѣе оказался снѣгъ и снѣжныя бури. Снѣга въ этотъ годъ, начиная съ января по мартъ, выпала такая масса, что изъ за снѣжныхъ заносовъ останавливались надолго желѣзнодорожные поѣзда, прерывалось всякое сообщеніе между городами и деревнями, вся растительность была погребена подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ и всѣ дикія травоядныя гибли отъ голода.

Бюннъ послѣ этой зимы встрѣчалъ во многихъ мѣстахъ скучившіяся на небольшомъ пространствѣ сотни бизоньихъ скелетовъ; отсутствіе поврежденій на этихъ скелетахъ указывало, что они погибли не отъ руки человѣка, а отъ голода и стужи.

Несчастныя животныя, говоритъ Бюннъ, блуждали, ища травы, недоступной имъ изъ-за толстаго слоя снѣга, ища воды, недоступной за толстой ледяной корой; въ предсмертной тоскѣ они инстинктивно сбивались въ кучу гдѣ-нибудь подъ слабой защитой группы деревьевъ или какого-нибудь откоса и здѣсь медленно гибли отъ голода, жажды и стужи.

Такъ за одну зиму погибло все сѣверное стадо бизоновъ, численность котораго Бюннъ опредѣляетъ въ 20 милліоновъ головъ.

Снѣгъ и стужи извели бизоновъ не только въ штатахъ Дакота и Манитоба, но и въ области Саскачевана. Когда желѣзнодорожная линія протянулась отъ Канады къ Тихому океану и прорѣзала долину Саскачевана, то, по словамъ инженеровъ, равнины побѣлѣли отъ скелетовъ бизоновъ: на квадратную милю они насчитывали въ среднемъ 5.000 скелетовъ.

Исчезновеніе бизоновъ въ Сѣверной Америкѣ,—поразительный примѣръ той громадной роли, которую играетъ человѣкъ, часто безсознательно, въ измѣненіи фауны и флоры земного шара.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика. — Юридическія науки. Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Философія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сборникъ „Знанія", т. III.—*С. Юшкевичъ*. „Разсказы", т. II.—*Ст. Пшибышевскій*. „Сыны земли", ром. въ 3-хъ частяхъ.—*А. Ачкасовъ*. „Пѣсни русскихъ писателей о волѣ".—*А. Блокъ*. „Стихи о прекрасной дамѣ".

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1904 г. Книга третья. 1905. «Настоящій сборникъ посвящается,—какъ указано въ заголовкѣ книги,—товариществомъ «Знаніе»памяти Антона Павловича Чехова». Три статьи (въ томъ числѣ стихотвореніе Скитальца) посвящены непосредственно Чехову, а «Дачники» Горькаго, впервые появляющіеся въ печати, служатъ косвеннымъ отраженіемъ вліянія чеховскаго творчества на новѣйшую драму. Мы уже посвятили отдѣльную статью новой пьесѣ Горькаго (см. «Міръ Божій» 1904 г., декабрь), поэтому не будемъ на ней здѣсь останавливаться, ограничившись замѣчаніемъ, что въ чтеніи нѣкоторая ея несценичность сглаживается. Два очерка—А. И. Куприна и И. А. Бунина посвящены воспоминаніямъ о Чеховѣ. Кое-въ-чемъ авторы совпадаютъ, но разнится отношеніе обоихъ писателей къ тому, что и какъ они намъ сообщаютъ о Чеховѣ, котораго, повидимому, они въ равной мѣрѣ горячо любили и высоко цѣнили и какъ самостоятельнаго «несравненнаго» художника, и даже какъ, въ извѣстномъ смыслѣ, «учителя». Вліяніе личныхъ отношеній особенно отразилось на изложеніи г. Бунина, который, подъ впечатлѣніемъ субъективнаго настроенія, не съумѣлъ въ достаточной мѣрѣ объективировать свои воспоминанія: въ дорогомъ лицѣ все кажется значительнымъ, равно прекраснымъ, цѣннымъ, но не все это имѣетъ самостоятельную цѣнность, и внѣ освѣщенія личнаго чувства многія мелочи остаются просто мелочами. Такъ, влюбленнымъ дороги воспоминанія о совершенно незначительныхъ предметахъ и обстоятельствахъ, которыя сами по себѣ ничуть не характерны. Положительной стороной воспоминаній Бунина является лишь то, что онъ, будучи самъ поэтомъ, съумѣлъ выдвинуть въ Чеховѣ именно поэта. Гораздо содержательнѣе и объективнѣе воспоминанія г. Куприна. Изъ ряда мѣтко схваченныхъ и красиво переданныхъ отдѣльныхъ чертъ, характеризующихъ различныя свойства Чехова, условія его домашняго обихода, отношенія къ людямъ, къ дѣтямъ, даже къ животнымъ, пріемовъ творчества, получается крайне цѣнный матеріалъ для будущаго біографа Чехова и изслѣдователя его произведеній. Въ настоящую минуту такого рода воспоминанія наиболѣе желательны. Г. Бунинъ полемизируетъ съ авторами разныхъ воспоминаній о Чеховѣ, усматривая въ нихъ не мало лживости и «просто скудоумія», но самъ признаетъ, что для того, «чтобы образъ Чехова сталъ ясенъ русскому обществу, нужно, чтобы какой-нибудь большой и разносторонне одаренный чело-

вѣкъ написалъ книгу, посвященную прежде всего творчеству Чехова, такъ остро перестрадавшаго печали нашей жизни» и т. д. Такая книга не скоро можетъ быть написана, хотя, конечно, появленіе ея было бы весьма важнымъ, но пока мы особенно привѣтствуемъ воспоминанія, изложенныя съ такой искренностью, вдумчивой наблюдательностью и безкорыстной объективностью, какъ тѣ, которыя намъ далъ г. Купринъ. Послѣ очерка Вл. Г. Короленка «Памяти Чехова» (въ «Русск. Бог.» 1904 г., сентябрь), давшаго на ряду съ личными воспоминаніями о знакомствѣ съ Чеховымъ, преимущественно въ ранній періодъ его дѣятельности, и опытъ общей характеристики эволюціи его творчества, самымъ значительнымъ изо всего напечатаннаго по поводу кончины Чехова представляются намъ воспоминанія г. Куприна. Они цѣнны и по впервые обнародованнымъ документамъ, какъ, напримѣръ, письма Чехова по поводу его выхода изъ академіи наукъ. Вполнѣ цѣльнаго, законченнаго образа художника они не даютъ, но прекрасно характеризуютъ его «отраженный» образъ въ душѣ чуткаго и внимательнаго наблюдателя, который пошелъ по тому же пути художественнаго воспроизведенія явленій современной дѣйствительности. Изъ молодыхъ писателей, примыкающихъ къ школѣ Чехова, г. Купринъ, дѣйствительно, наибольшій реалистъ и остается вѣренъ завѣтамъ реальнаго творчества, которымъ слѣдовалъ и самъ Чеховъ.

Особнякомъ отъ прочихъ статей сборника стоитъ «Красный смѣхъ» Леонида Андреева. Это сильное, оригинальное произведеніе ни съ какой стороны не примыкаетъ къ творчеству Чехова и должно быть разсматриваемо само по себѣ. Разсказъ,—если только это названіе подходитъ къ нѣсколькимъ отрывкамъ, въ формѣ дневника двухъ братьевъ, выступающихъ одинъ послѣ другого и одинаково кончающихъ сумасшествіемъ,—фантастическій. Онъ пріуроченъ къ современной войнѣ, но представляетъ обобщенное, идейное обличеніе войны, независимо отъ обстоятельствъ времени и мѣста. «Самъ посуди: вѣдь нельзя же безнаказанно десятки и сотни лѣтъ учить жалости, уму, логикѣ,—давать сознаніе. Главное сознаніе. Можно стать безжалостнымъ, потерять чувствительность, привыкнуть къ виду крови и слезъ, и страданій—вотъ какъ мясники или нѣкоторые доктора, или военные; но какъ возможно, познавши истину, отказаться отъ нея? По моему мнѣнію, этого нельзя». Такъ разсуждаетъ братъ офицера, раненаго на войнѣ, когда его, безногаго, привезли домой съ театра военныхъ дѣйствій, и приходитъ къ выводу, что къ самому факту войны онъ не можетъ привыкнуть: «мой умъ отказывается понять и объяснить то, что въ основѣ своей безумно. Милліонъ людей, собравшись въ одно мѣсто и стараясь придать правильность своимъ дѣйствіямъ, убиваютъ другъ друга, и всѣмъ одинаково больно, и всѣ одинаково несчастны—что же это такое, вѣдь это сумасшествіе?» И авторъ, принявъ эту точку зрѣнія за исходный пунктъ своего отношенія къ войнѣ, со свойственной ему смѣлостью подошелъ къ самой сути дѣла, изобразивъ войну, какъ сплошь «безуміе и ужасъ». И само обозначеніе совокупности того и другого—«красный смѣхъ»—есть бредовая идея у человѣка, который, дѣйствительно, вскорѣ сходитъ окончательно съ ума, заразивъ своимъ безуміемъ и брата.

Отрывки распадаются на двѣ серіи: въ первой мы имѣемъ рядъ сценъ, записанныхъ участникомъ войны (или съ его словъ?), во второй—отраженіе событій въ душѣ человѣка, издалека слѣдящаго по письмамъ родныхъ и газетнымъ извѣстіямъ за тѣмъ, что происходитъ на далекомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Намъ, лично, больше понравилась вторая серія—въ ней авторъ какъ-то больше остается самимъ собой, полнѣе и непосредственнѣе передавая ощущенія, которыя могли имъ быть самимъ пережиты, какъ и каждымъ изъ насъ, слѣдящимъ издалека за ужасами кровавыхъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Въ первой части его творчество поневолѣ связано источниками, т.-е.

тѣми же газетными корреспонденціями, которыя каждый изъ насъ читалъ. Это, разумѣется, не служитъ препятствіемъ къ ихъ художественной переработкѣ, но, когда источники слишкомъ близки, слишкомъ хорошо намъ извѣстны, невольно подвергаешь провѣркѣ фантазію автора, спрашиваешь себя—такъ ли все было на самомъ дѣлѣ? Силой воображенія онъ хочетъ насъ сдѣлать очевидцами того, что онъ узналъ, какъ и мы, изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, и самъ какъ бы стѣсняется придать своимъ описаніямъ слишкомъ реалистичный характеръ. Отдѣльные штрихи прекрасны и мѣтки, когда затронута психика человѣка; внѣшнія описанія лишены отчетливости, временами расплывчаты, огульны, и только превосходный языкъ автора не только поддерживаетъ интересъ къ чтенію, но побуждаетъ перечитывать его произведеніе; при второмъ, третьемъ чтеніи оцѣниваешь всю виртуозность его стиля,—на этотъ разъ безъ всякой вычурности,—и строгую обдуманность композиціи. Обдуманнаго много, но есть страницы вдохновенныя, сразу захватывающія васъ; такъ, въ особенности оба окончанія—первой и второй части и, главнымъ образомъ, конечно, самый финалъ: сцены, когда къ теряющему постепенно сознаніе брату, является въ галлюцинаціяхъ его умершій братъ, жертва войны, и оба они, позвавъ домашнихъ, смотрятъ въ окно и мерещится имъ ровное, темнокрасное поле, все покрытое трупами, и земля выбрасываетъ все новые трупы, и появляются они въ домѣ, заполняя всѣ комнаты, и некуда уйти, такъ какъ «за окномъ, въ багровомъ и неподвижномъ свѣтѣ стоялъ Красный Смѣхъ»—эта сцена, реалистичная по пріемамъ изображенія бреда сумасшедшаго, символическая по своему значенію—безконечности и безчисленности жертвъ войны, захватываетъ всецѣло. Авторъ вами владѣетъ и вы уже не ставите никакихъ вопросовъ, подчиняясь силѣ изображенія.

Мы указали выше, что вопросъ о войнѣ взятъ авторомъ въ обобщенной формѣ, какъ бы независимо отъ времени и обстоятельствъ. Однако, нѣкоторыми подробностями событія, такъ сказать, локализуются и отмѣченныя въ разсказѣ усовершенствованія военной техники именно послѣдняго времени еще сильнѣе подчеркиваютъ рознь успѣховъ цивилизаціи съ пережиткомъ того, что для культурнаго человѣка должно представиться лишь актомъ «безумія». Всѣ эти проволочныя загражденія, волчьи ямы, фугасы и т. д., вѣдь это продукты цивилизаціи. И еще характерная особенность именно колоніальной войны. Если мы припомнимъ классическія страницы Л. Н. Толстого въ его разсказахъ о севастопольской оборонѣ, то даже при одинаковомъ отрицательномъ отношеніи къ войнѣ мы поймемъ коренную разницу настроенія у обоихъ авторовъ. «Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ (т.-е. защитниковъ Севастополя) не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами,—писалъ Толстой,—но какое-то другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей такъ преспокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ эти люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко появляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго—любовь къ родинѣ». Такое чувство было при оборонѣ Севастополя. И въ знаменитыхъ «Четырехъ дняхъ» Гаршина, поѣхавшаго добровольцемъ на освободительную войну съ Турціей, иное, чѣмъ у Леонида Андреева, настроеніе. Между прочимъ, въ «Красномъ Смѣхѣ» братъ погибшаго офицера только ставитъ вопросъ: «отчего такъ много сумасшедшихъ—вѣдь прежде не было такъ много сумасшедшихъ?.. Вѣдь дрались же люди прежде и всегда, и ничего не было такого?» Это симптомъ момента. Нужно знать *изъ-за чего* борьба и *гдѣ* она происходитъ. Въ одномъ мѣстѣ авторъ представилъ попытку изобразить и подъемъ воинскаго оду-

шевленія въ стилѣ древне-героическаго эпоса. Это отрывокъ карандашнаго письма жениха сестры разсказчика, полученный послѣ извѣстія объ его смерти на имя его покойнаго брата: «мертвый писалъ къ мертвому». Отрывокъ превосходно написанъ и, быть можетъ, не вполнѣ безсознательно авторъ придалъ ему какъ бы отблескъ эпическаго стиля. «Мы бродимъ по колѣна въ крови и голова кружиться отъ этого краснаго вина, какъ называютъ его въ шутку мои славные ребята». Такъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «Ту кроваваго вина недоста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи». «Воронье кричитъ. Ты слышишь: воронье кричитъ. Откуда ихъ столько?» пишетъ неизвѣстный корреспондентъ, только что понявшій «великую радость войны», и скорбнымъ припѣвомъ повторяются эти два слова: «воронье кричитъ», передъ и послѣ описанія ужасной рѣзни сонныхъ враговъ. «Часто врани граахуть, трупіа себѣ дѣлече», читаемъ мы въ «Словѣ» и дальше опять: «всю нощь съ вечера... врани възграаху». Искуснымъ пріемомъ Леонидъ Андреевъ, всего на двухъ страницахъ, вызвавъ въ памяти «древнее, первичное наслажденіе убивать людей» и сравненіе войны съ «кровавымъ пиромъ», учащая припѣвъ, взятый тоже изъ эпической поэмы, даетъ рѣзкій отпоръ героическому настроенію и знакомитъ насъ съ ужасами рукопашной рѣзни. Эта смѣсь «модернизма» въ лучшемъ смыслѣ слова съ отголосками «первичнаго наслажденія» человѣка-звѣря проведена съ большимъ искусствомъ. Иного рода «модернизмомъ» отзывается и заглавіе «Красный Смѣхъ», стоящее въ очевидной связи съ символикой цвѣтовъ и обычными обозначеніямъ у художниковъ: теплыя, холодныя, печальныя, веселыя краски. Съ этой точки зрѣнія почему красному цвѣту и не стать синонимомъ смѣха, отнюдь, впрочемъ, не веселаго смѣха, а дикаго, безумнаго, потрясающаго. Образъ все-таки получается неясный, но авторъ это предусмотрѣлъ: «война безраздѣльно владѣетъ мной и стоитъ какъ непостижимая загадка, какъ страшный духъ, котораго я не могу облечь плотью. Я даю ей всевозможные образы: безглазаго скелета на конѣ, какой-то безформенной тѣни, родившейся въ тучахъ и безшумно обнявшей землю, но ни одинъ образъ не даетъ мнѣ отвѣта и не исчерпываетъ того холоднаго, постояннаго этупѣлаго ужаса, который постоянно владѣетъ мною» (стр. 10-ый, II г.). Быть можетъ, «красный смѣхъ» тоже не есть исчерпывающій образъ, но онъ намъ данъ, какъ галлюцинація больного. «Ужасъ и безуміе» отъ начала до конца проходятъ черезъ все произведеніе Андреева, и картина изобличенія войны, какъ пережитка варварства, получается полная. Иначе у древняго Баяна, котораго мы только что припоминали по поводу нѣкоторыхъ совпаденій въ стилѣ; припомнимъ же кстати другой его выводъ, свѣтлый, примирительный, что наступитъ время когда «вороны перестанутъ каркать, галки замолкнутъ, сороки притихнутъ... и соловьи веселыми пѣсьнями свѣтъ повѣдаютъ!» Авось и это сбудется.

Ѳ. Батюшковъ.

Семенъ Юшкевичъ. Разсказы. Т. II. Изд. «Знанія». Спб. 1905 г. Ц. 1 р. Во второй томъ разсказовъ г. С. Юшкевича вошли двѣ болѣе крупныя повѣсти: «Человѣкъ», въ новомъ изданіи подъ заглавіемъ «Прологъ», и «Студентъ Павловъ», напечатанныя въ нашемъ журналѣ, два небольшихъ очерка «Гувернантка» и «Жалость», и драма «Чужая». Такъ какъ со всѣми особенностями таланта г. Юшкевича наши читатели хорошо знакомы, то, не вдаваясь въ детальный разборъ новаго тома его разсказовъ, остановимся только на одной общей имъ всѣмъ чертѣ. Въ большей части своихъ произведеній г. Юшкевичъ изображалъ среду евреевъ, ихъ бытъ, ихъ настроенія, мечты, надежды, и не столько отдѣльную личность, сколько именно массовыя картины, массовыя настроенія, что съ особой силой сказалось въ «Евреяхъ». Во второмъ томѣ почти исключительно дана среда русская. Исключеніе составляетъ небольшой очеркъ «Жалость», гдѣ дѣйствіе происходитъ опять-таки въ средѣ

еврейской. Но главныя произведенія—«Прологъ» и «Павловъ» изображаютъ настроенія, жизнь и среду русской интеллигенціи и русскихъ рабочихъ. Что касается драмы «Чужая», то здѣсь авторъ еще далѣе расширяетъ свои рамки и имѣетъ въ виду дать общечеловѣческій образъ, символъ, въ лицѣ героини Ирины представить измученную рабствомъ женскую душу, рвущуюся къ жизни и свѣту. Насколько ему удалось это, мы уже имѣли случай говорить (см. «Крит. Зам.» 1904 г., янв.). Менѣе другихъ повѣстей г. Юшкевича обратилъ на себя вниманіе «Павловъ», хотя по оригинальности какъ темы, такъ и формы эта вещь рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ произведеній этого автора. Написанная въ формѣ не то дневника, не то разсказа отъ перваго лица, повѣсть сразу захватываетъ читателя своимъ страстнымъ, порывистымъ языкомъ, въ которомъ ярко сказывается вся болѣзненность настроенія злополучнаго героя. Предъ нами несомнѣнно больной, нервно разстроенный, доведенный до галлюцинацій человѣкъ, который доводитъ до крайности свои порывы, мимолетныя мысли, но его болѣзнь имѣетъ нѣчто общее всему поколѣнію, къ которому онъ себя причисляетъ. Въ этомъ типичность Павлова, который не могъ пережить переходную эпоху, его создавшую, и войти въ новую, требующую не словъ, а дѣла, живого, сильнаго, дѣйственнаго духа, а не болѣзненныхъ порывовъ и преувеличенныхъ мечтаній. Павловъ мечтаетъ и въ мечтахъ онъ силенъ, онъ героически настроенъ, жизнь ему ни по чемъ. Но стоитъ ему отъ словъ прикоснуться къ жизни, и онъ не то что разбитъ, а хуже—онъ безсиленъ что-нибудь дѣлать. Повѣсть обрывается яркимъ проявленіемъ полнаго безумія Павлова. Но сколько такихъ же Павловыхъ, переболѣвъ горячечный періодъ увлеченій, стихли потомъ, успокоились и вошли въ избитую колею жизни, проложенную другими, и стали тѣмъ соромъ жизни, который запружаетъ ея пути и мѣшаетъ движенію. Вся повѣсть написана въ выдержанномъ тонѣ, мѣстами съ рѣдкой силой и яркостью, и, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ г. Юшкевича. «Прологъ», или въ первоначальной редакціи «Человѣкъ», и въ новомъ изданіи сильно купюрованъ, что затемняетъ основную задачу автора—показать, какъ подъ вліяніемъ ужасающихъ условій жизни большого города мало-по-малу просыпается сознаніе въ рабочемъ, и онъ становится изъ безсмысленной животной машины—человѣкомъ. Въ «Прологѣ» только первая ступень пройдена имъ. Герой повѣсти Никита только намѣчаетъ себѣ путь, который долженъ, несомнѣнно, привести его къ осмысленной человѣческой жизни, къ сознанію въ себѣ личности. Благодаря купюрамъ, повѣсть много теряетъ въ естественности и правильности развитія характера героя, но это уже не вина автора, а печальныхъ условій русской литературы. И тѣмъ не менѣе «Прологъ» съ полнымъ правомъ должно отнести къ числу немногихъ произведеній, знакомящихъ насъ съ жизнью рабочихъ и ихъ душевными настроеніями. *А. Б.*

Станиславъ Пшибышевскій. Сыны земли. Романъ въ трехъ частяхъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Москва. Книгоиздательство «Скорпіонъ». 1905 г. Ц. 50 к. Романъ г. Пшибышевскаго въ чтеніи и тотъ же романъ, какъ произведеніе, подлежащее обсужденію, почти двѣ различныя вещи. Сыны земли, герои романа г. Пшибышевскаго, люди въ сущности незамысловатые, и ихъ драма довольно проста и ужъ ничуть не блещетъ оригинальностью, но романъ «Сыны земли» такъ опутываетъ и ослѣпляетъ читателя вычурностями и искрящимся, мерцающимъ стилемъ, что кажется чрезвычайно сложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте изложить этотъ романъ, и при самомъ добросовѣстномъ отношеніи вы разскажете только слѣдующее.

Первая часть «Сыновъ земли», «Малярія», начинается съ того положенія героя, талантливаго, а можетъ быть геніальнаго, писателя Черкасскаго, когда

онъ покинутъ невѣрной женой. По этому своему любовному дѣлу Черкасскій производитъ шумъ, который заканчивается шумомъ уже по другому его же любовному дѣлу: Черкасскій вспоминаетъ и стремится къ своей первой любви Глинской, Ганкѣ. Шумъ, производимый Черкасскимъ, нужно понимать, конечно, не въ грубомъ смыслѣ, а въ тонко психологическомъ. Вторая часть романа, «Сумерки», рисуетъ Черкасскаго больнымъ отъ пережитыхъ имъ волненій, но Ганка (нынѣ жена другого) ужъ у него. Такимъ образомъ, новое любовное дѣло благополучно налаживается, однако, не безъ шума со стороны Черкасскаго. «Ultima Thule», послѣдняя часть «Сыновъ земли», счастливо довершаетъ удачное начало. Черкасскій и Ганка отбрасываютъ прочь всѣ предразсудки и вмѣстѣ уѣзжаютъ «въ сказочную страну тысячи озеръ, заповѣдныхъ лѣсовъ, вѣчной весны», но, какъ можно судить по подозрительнымъ разговорамъ и ситуаціи, они мчатся на санкахъ въ прорубь рѣки. Шумъ въ этой части наибольшій.

Но г. Пшибышевскій не думалъ только разсказать обыкновенную исторію (несмотря на трагическій конецъ) двухъ счастливыхъ любовниковъ. Его романъ имѣетъ въ виду нѣчто болѣе широкое по замыслу. Въ предисловіи къ «Сынамъ земли» г. Пшибышевскій говоритъ: «Ось нашей жизни—это любовь и смерть. Все, что только существуетъ въ человѣческомъ мірѣ: семья, общество, государство, война, убійства, преступленія,—все это вещи второстепенныя, необходимыя лишь для того, чтобы обезпечить существованіе рожденнымъ любовью же поколѣніямъ». Такимъ образомъ, любовная исторія Черкасскаго и Ганки и есть та самая ось, вокругъ которой вертится вся наша жизнь со всѣми ея «второстепенными вещами». Съ этой точки зрѣнія любовная горячка Черкасскаго съ его бредовыми переживаніями пріобрѣтаетъ міровое значеніе. Она показываетъ, какъ, оставшись въ началѣ романа не у любовныхъ дѣлъ, Черкасскій былъ охваченъ всеобщей «маляріей», заразившей всѣ общественныя отношенія. Малярія отравляетъ сознаніе и дѣлаетъ человѣка безсильнымъ при столкновеніи съ торгашествомъ, съ требованіями толпы и предразсудками. Изъ этой обстановки два выхода. Одинъ избрали два другихъ сына земли, и покончили съ собою. Другой выходъ заключается въ любви къ женщинѣ. Новая любовь освободила Черкасскаго отъ маляріи, а затѣмъ онъ и Ганка, скованные узами любви (говоря словами предисловія), «безотчетно стремятся все впередъ, впередъ—въ лучезарное будущее, чрезъ моря, покрытыя ледяною корой, подъ которой въ непостижимомъ величіи покоятся неразгаданныя тайны жизни; сквозь сонмъ разнообразныхъ видѣній и призраковъ, сквозь пучину сталкивающихся въ безумномъ водоворотѣ человѣческихъ судебъ, сквозь туманъ и мракъ предразсудковъ, вѣря въ великую силу вѣчно возрождающей къ новой и все болѣе совершенной жизни—Любви». Выходитъ, что самоубійство любящей пары не есть одинъ изъ обыкновенныхъ способовъ избавиться отъ гнета предразсудковъ, но совершенно уже по совсѣмъ непонятной любезности къ автору,—чтобы доказать его теорію любви, этой «невѣдомой силы, возраждающей, воскрешающей жизнь все сызнова, сызнова—до безконечности».

Романъ не даетъ возможности убѣдиться, чтобы любезность мчащихся въ прорубь Черкасскаго и Ганки принесла нужные г. Пшибышевскому результаты. Въ новой и болѣе совершенной жизни мы не видимъ героевъ, и романъ кончается, по нашему мнѣнію, напрасной смертью. Правда, самъ Черкасскій вѣритъ, и успѣлъ убѣдить и Ганку, что онъ летитъ не въ прорубь, а къ новой жизни, но этотъ герой Пшибышевскаго находится въ безпрерывной истерикѣ (можетъ быть, въ этомъ виноватъ стиль г. Пшибышевскаго?), и принимать въ серьезъ его словъ не приходится. Если же, за неимѣніемъ лучшаго, приходится серьезно считаться съ Черкасскимъ, какъ съ человѣкомъ, жизнь котораго яснѣе всего показываетъ намъ ось міра, то возникаетъ еще

болѣе сильное, чѣмъ истерика, неудобство. Дѣло въ томъ, что Черкассвій не только поступаетъ такъ, какъ полагается по теоріи г. Пшибышевскаго, но самъ является настолько ярымъ послѣдователемъ автора, что кажется сектантомъ-изувѣромъ. Конечно, онъ не сатанистъ (хотя семь лѣтъ изучалъ секты сатанистовъ), въ черныхъ мессахъ не участвуетъ (ибо это буржуазно), но что изъ теоріи, гласящей, что любовь—ось міра, онъ создалъ нѣчто вродѣ фаллическаго культа—несомнѣнно. Когда онъ, въ противоположность всеобщей маляріи современнаго упадка, воображаетъ то время, когда сущность жизни, любовь, поглощала, сосредоточивала въ себѣ «всѣ побочныя, второстепенныя вещи», время наиболѣе чистаго проявленія «оси» нашей жизни, онъ, между прочимъ, говоритъ о богѣ этого времени: «Онъ былъ богомъ инстинктовъ и плотскихъ наслажденій, и высшіе помазанники духа чтили его наравнѣ съ самыми низшими и убогими. Онъ былъ неисчерпаемымъ источникомъ жизни, размноженія и опьяненія... Женщину онъ одарилъ искусствомъ искушенія, онъ утопалъ въ оргіи красокъ, изобрѣлъ свирѣль, привелъ въ ритмическое движеніе мускулы, такъ что святое безуміе овладѣло сердцемъ, и священный Фаллосъ своимъ избыткомъ оплодотворилъ плодородное лоно. Онъ былъ Аполлономъ и Афродитой въ одномъ лицѣ. Онъ былъ богомъ семейнаго очага и богомъ домовъ разврата, строилъ музеи и великолѣпные храмы, вдохновлялъ генія творческимъ порывомъ и заботливо охранялъ плодъ материнскаго лона». Черкасскаго привлекаютъ «необузданныя страсти» и «святое безуміе» оргій, онъ жаждетъ пламенныхъ споровъ о любви. Этотъ вѣрный послѣдователь теоріи г. Пшибышевскаго всю жизнь бѣснуется вокругъ «священнаго Фаллоса» и доводитъ теорію г. Пшибышевскаго до логическаго конца, къ ея древнему прообразу, фаллическому культу. Столь легкое превращеніе современной теоріи міра въ секту говоритъ лучше всего о достоинствахъ и важности взглядовъ Пшибышевскаго на жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ и герои романа, эти сыны земли, получаютъ достойную ихъ характеристику. Ихъ жизнь и вѣрованія такъ же поучительны, какъ и воззрѣнія гейневскаго персонажа, который, подвыпивъ, увѣрялъ, что солнце—это только красный носъ опьянѣвшаго мірового духа. И вокругъ этого носа вертится весь опьянѣвшій свѣтъ. *Л. Б.*

Алексѣй Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. М. 1904. Изд. 2-е, дополненное. Стр. 186. Ц. 75 к. Мысль составителя—собрать всѣ пѣсни русскихъ писателей о волѣ, очень удачна и своевременна. Къ сожалѣнію, исполнена эта мысль гораздо хуже чѣмъ, въ виду «независящихъ обстоятельствъ», было можно. Наряду съ прекрасными стихотвореніями Аксакова, Рылѣева, Пушкина, Тютчева, Некрасова и другихъ, помѣщены и совершенно неинтересныя вещи Державина, Капниста, Губера, Берга; много вещей, слишкомъ извѣстныхъ, вродѣ «Отворите мнѣ темницу» или пушкинской «Птички»; есть, далѣе, въ сборникѣ *пѣсенъ* о волѣ большіе прозаическіе отрывки изъ Салтыкова, Успенскаго, Аксакова, Грановскаго, Бѣлинскаго и др. Съ другой стороны, подавляющее большинство пьесъ принадлежитъ старымъ авторамъ, авторы же послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій почти вовсе не представлены. Досадная особенность сборника — рекомендаціи составителя, предшествующія очень многимъ пьесамъ. Эти ничего не объясняющія ремарки написаны наивно и прѣсно. Приведемъ для иллюстраціи нѣкоторыя. Вотъ часть предисловія къ стихотворенію Жемчужникова: «Именно общественная свобода является элементомъ, налагающимъ извѣстныя оковы на злую дѣятельность человѣка. Напротивъ, гдѣ царитъ «кулакъ-скуловоротъ», — тамъ нѣтъ закона, тамъ смута, свара, рознь, анархія». Или передъ «Змѣемъ Тугариномъ» А. Толстого: «Вѣдь и татарское и всякія иныя плѣненія не всегда были немилосердны, однако, имъ-то обязано наше общество почти всѣми несимпатичными своими свойствами». Передъ «Освобожденнымъ рыцаремъ» Н. Пушкарева такой

комментарій: «А вотъ что можетъ сдѣлать долгое пребываніе въ тюрьмѣ «(разумѣется, моральной»). Кому и для чего нужны эти комментаріи? Еще два слова для свѣдѣнія: почти всѣ пьесы относятся къ волѣ въ тѣсномъ смыслѣ, къ освобожденію крестьянъ, или къ вопросамъ, непосредственно съ нимъ по времени связаннымъ. *Л. В.*

Александръ Блокъ. Стихи о прекрасной дамѣ. Книг-во «Грифъ». М. 1905. Стр. 135. Ц. 1 р. Цѣлый томъ стиховъ объ *одной* прекрасной дамѣ—теперь, когда у всѣхъ русскихъ людей одна *общая* прекрасная дама, и къ ней всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ переживанія... Постараемся, однако, отвлечься отъ условій минуты и присмотримся къ самымъ стихамъ. Основное свойство всѣхъ стиховъ сборника это — искусственная простота и, какъ слѣдствіе этого, неискренность. Даже въ обращеніи къ женщинѣ, гдѣ непосредственность чувства легче всего могла бы предохранить автора отъ нарочитости, даже въ нихъ придуманность и поза. Образы не лишены мѣстами *красивости*, настроенія, изящества, но и красивость, и изящество—внѣшнія, холодныя, неподлинныя.

„Я, изнуренный и премудрый,
Возставъ отъ тягостнаго сна,
Передъ тобою, златокудрой,
Склоняю долу знамена.
Конецъ всевѣдущей гордынѣ.
Прошедшій сумракъ разлюбя,
Навѣки преданный святынѣ,
Во всемъ послушаюсь Тебя.
Зима пройдетъ—въ пѣвучей вьюгѣ
Уже звенитъ издалека.
Сомкнулись царственныя дуги,
Душа блаженна, Ты близка".

Развѣ *такъ* перерождаются подъ вліяніемъ любви къ женщинѣ, развѣ это—языкъ полюбившаго и просвѣтленнаго сердца? «Въ тихомъ воздухѣ тающее, знающее... Тамъ что-то притаилось и смѣется. Что смѣется? Мое-ли вздыхающее, Мое-ли сердце радостно бьется? Весна-ли за окнами—розовая, сонная? Или это ясная мнѣ улыбается? Или только мое сердце влюбленное? Или только кажется? Или все узнается?» *Такъ* радуются счастливой любви, такъ переживаютъ влюбленность? Нѣтъ, перомъ автора водитъ желаніе *новизны* во что бы то ни стало, какой угодно цѣной; авторъ отравленъ новизной.

Рѣзкое впечатлѣніе фразы и выдумки производятъ и другія пьесы, не относящіяся къ личной любви. Таково стихотвореніе о зеленой лампадкѣ и лучикахъ («лучики побѣжали—три лучика»), таково дикое стихотвореніе о «Городѣ» (стр. 70) («Блещутъ искристыя гривы золотыхъ, какъ жаръ, коней; мчатся бѣшеныя дивы жадныхъ облачныхъ грудей...(?) Красный дворникъ плещетъ ведра съ пьяно-алою водой, пляшутъ огненныя бедра проститутки площадной...»). Приведемъ, наконецъ, кусочекъ совершенно-бредового стихотворенія «Обманъ».

„Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутыя кадки.
Въ свѣтлыхъ струйкахъ весело танцуетъ синева.
По улицамъ ставятъ красныя рогатки.
Шлепаютъ солдатики: разъ! два! разъ! два!"

И этотъ бредъ тянется не «разъ-два», а на протяженіи девяти длинныхъ строфъ. Въ стремленіи къ новизнѣ г. Блокъ сплошь и рядомъ игнорируетъ ритмъ; стихи ковыляютъ, спотыкаются, ерзаютъ въ разныя стороны. Конечно, у автора достаточно и музыкальнаго чутья, и умѣнья писать стихи, чтобы избѣгать этого «ковылянія» размѣра, но онъ дѣлаетъ это сознательно, во имя новизны quand-même. Но неужели такая «новизна» цѣнна? Что останется отъ стихотворной формы, если отнять у нея ея основное свойство—размѣрен-

ность, ритмичность? Всякое истинное расширеніе формъ стиха, дѣйствительное обогащеніе пріемовъ поэтическаго творчества можно только привѣтствовать, но можно ли признать обогащеніемъ то новое, что подрываетъ основную суть обогащаемаго? Но не только съ требованіями ритма не считается часто авторъ—попадаются мѣста, въ которыхъ нельзя уловить и смысла также. Что, напримѣръ, значитъ слѣдующая строфа:

„Я ловлю твои сны на лету
Блѣдно-бѣлымъ прозрачнымъ цвѣткомъ.
Ты сомнешь меня въ полномъ цвѣту
Бѣлогрудымъ усталымъ конемъ" (стр. 61).

Или: «Какія блѣдныя платья! Какая странная тишь! И лилій полны объятья, и ты безъ мысли глядишь» (стр. 22). Очень часто плохи и рифмы: вѣрно—двери, несказанны—Осанна, недвижны—непостижной, холодомъ—молотомъ, синею—инеѣ, снѣжная—нѣжное и др.

Одно стихотвореніе авторъ заканчиваетъ такъ:

„Кто-то долго, безсмысленно смѣялся
И кому-то становилось больно,
И когда я внезапно сбивался,
Изъ толпы кричали: „Довольно!"

Да, *такъ* писать—скажемъ и мы—довольно. Мы не станемъ «безсмысленно смѣяться» надъ авторомъ, но и намъ «становится больно» при видѣ сознательнаго самоуродованія и кривлянія: не всякіе «ужимки и прыжки» означаютъ новизну. *Л. В.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Ѳ. Зѣлинскій. „Изъ жизни идей".—*А. Фаресовъ.* „Семидесятники".—*А. Петрищевъ.* „Замѣтки учителя".—*Н. Бѣлозерскій.* „Записки учителя".—*Вл. Розенбергъ и В. Якушкинъ.* „Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ".—*К. Скальковскій.* „За годъ".

Проф. Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. Что такое идея? На этотъ вопросъ гейневскій кучеръ далъ классически простой и ясный отвѣтъ: «Идея—это всякая глупость, какая придетъ въ голову». Въ виду такой неопредѣленности содержанія идеи, мы въ правѣ спросить, о жизни *какихъ* идей трактуетъ книга проф. Зѣлинскаго? Предисловіе нѣсколько разъясняетъ смутное содержаніе заглавія. «Съ тѣхъ поръ, какъ мои занятія античнымъ міромъ приняли сознательный и самостоятельный характеръ, онъ былъ для меня не тихимъ и отвлекающимъ отъ современной жизни музеемъ, а живою частью новѣйшей культуры; я видѣлъ преимущественное значеніе античности въ томъ, что она была родоначальницей тѣхъ идей, которыми мы и нынѣ живемъ». Иными словами, проф. Зѣлинскій занятъ не столько идеями, сколько ихъ происхожденіемъ, и цѣль его книги—отыскать для каждой идеи источникъ ея въ древности. Въ пятнадцати статьяхъ и небольшихъ набросахъ, изъ которыхъ три («Идея нравственнаго оправданія», «Рабочая пѣсенка» и «Новый памятникъ древне-римскаго быта») были напечатаны въ нашемъ журналѣ, авторъ трудолюбиво собралъ всѣ идеи, пришедшія ему въ голову по разнымъ поводамъ, и съ истинно-вагнеровскою радостью тѣшится надъ каждымъ червякомъ, котораго ему удалось выкопать въ мусорѣ классической древности... «Какъ вы думаете гдѣ?» лукаво подмигиваетъ г. Зѣлинскій. «Въ чревѣ погребеннаго крокодила! Положительно, чувствуешь себя въ какой-то сказочной атмосферѣ!» восклицаетъ онъ въ упоеніи отъ такой находки.

Что-жъ! И это занятіе. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только не плакало бы,

можно сказать по поводу этихъ безобидныхъ профессорскихъ радостей, извлекаемыхъ изъ чрева хотя бы и крокодила. Лучше профессорскіе «игры и смѣхи», чѣмъ профессорскія крокодиловы слезы. Но въ томъ то и дѣло, что «умыселъ совсѣмъ другой» тутъ есть. Нашъ ученый филологъ не просто радуется своимъ находкамъ и разнымъ «идеямъ», приходящимъ ему въ голову по ихъ поводу. Находки воодушевляютъ его «на брань» и въ прямомъ, и въ косвенномъ смыслѣ. «Въ воинственномъ азартѣ» онъ начинаетъ разносить въ пухъ и прахъ всѣхъ несогласно мыслящихъ, всѣхъ тѣхъ «представителей нашей породы, которые безотчетно (?) нахватавшись дешевыхъ (!) убѣжденій (слушайте! слушайте!), унаслѣдованныхъ или благопріобрѣтенныхъ, послушно плетутся со всѣмъ прочимъ стадомъ, готовые ежеминутно jurare in verba вожакорумъ» (стр. 134). Хотя г. Зѣлинскій своими остротами напоминаетъ въ данномъ случаѣ классическаго слона, пляшущаго на канатѣ, но пусть читатели не ставятъ ему этого въ вину: г. Зѣлинскій повѣствуетъ на стр. 125, что на него напали... съ оглоблей и даже пытались отравить. «Что мечъ!—восклицаетъ онъ патетически.—Иногда даже эти «господа сильные» кажутся сравнительно сносными, бываетъ хуже. Бываютъ фальсификаторы, отравители общественнаго мнѣнія, путемъ замалчиванія и подтасовыванія фактовъ, а то и вольныхъ вымысловъ, выдающіе ложь за правду и зло за добро. Нѣтъ, лучше оглобля, чѣмъ ядъ!» (стр. 125—126).

Вполнѣ сочувствуя г. Зѣлинскому in his rebus adversis, мы все же позволимъ себѣ замѣтить: «Кто васъ, Китъ Китычъ, обидитъ? Вы и сами всякаго обидите», какъ можно судить по приведеннымъ выдержкамъ. И во всякомъ случаѣ мы въ правѣ задать ему вопросъ: «По какому случаю шумъ?» А также—гдѣ тотъ «сеничкинъ ядъ», гдѣ та «оглобля», противъ которыхъ г. Зѣлинскій поднялъ если не мечъ, то перо, «напоенное ядомъ» (хотя этотъ ядъ и надо принимать cum grano salis)? Никто не станетъ возражать противъ большинства проводимыхъ имъ въ книгѣ «идей». Напр., г. Зѣлинскій въ статьѣ «Первое свѣтопреставленіе» пишетъ, что «досужей головѣ угодно было предсказать намъ кончину нашего бреннаго міра къ первымъ числамъ благополучно истекшаго нынѣ ноября» (рѣчь идетъ о 1899 г.), тогда какъ первое свѣтопреставленіе было предсказано еще Сивиллой на первый вѣкъ до Р. Хр. Согласны и отъ имени всѣхъ, даже отравленныхъ ядомъ «вожакорумъ», читателей «ничесо вопреки глаголемъ». Еще болѣе согласны съ почтеннымъ филологомъ, когда въ статьѣ «Про нечистую силу» онъ красно и убѣдительно доказываетъ, что по части чертовщины античный міръ можетъ, вульгарно выражаясь, дать впередъ сто очковъ современности, и для каждаго современнаго бѣсенка мы найдемъ подходящую пару въ сонмѣ древнихъ чертенятъ. Мало того, сугубо правъ и въ томъ г. Зѣлинскій, что «Таня изъ «Плодовъ просвѣщенія» черезъ посредство мольеровскихъ Лизеттъ восходитъ прямо къ Доридамъ и Пиѳіадамъ древности», и т. д.

Да и вообще противъ античности врядъ ли кто теперь возражаетъ. Мы любимъ античность, мы въ восторгѣ отъ ея искусства, литературы и жизнерадостнаго духа, которымъ и понынѣ вѣетъ отъ ея идей и героевъ. Даже столь ненавистные г. Зѣлинскому «вожаки» заимствуютъ изъ богатой сокровищницы античности то или иное оружіе въ борьбѣ съ врагами. Достаточнымъ доказательствомъ этого служитъ то, что большинство статей г. Зѣлинскаго были напечатаны въ общихъ журналахъ («Вѣстн. Европы», «Научное Обозрѣніе», «Вѣстн. Самообразованія») и даже газетахъ («Сѣв. Курьеръ»). Стало быть, и мы, profanum vulgus, отнюдь не чуждаемся античности. Но «служеніе красотѣ не терпитъ суеты», и когда эту античность намъ навязываютъ насильно и съ усердіемъ не по разуму, по поводу и безъ повода силятся заслонить ею весь міръ, то вовсе не нужны «verba вожакорумъ», чтобы «и

крестомъ, и пестомъ» отбиваться отъ такой назойливости. И, можетъ быть, именно жрецы античности, въ родѣ г. Зѣлинскаго, больше всего повредили правильному отношенію современнаго общества къ античности своею нетерпимостью, нежеланіемъ считаться съ запросами и задачами этой современности и своимъ гробокопательствомъ. Черепокъ, отрывокъ пергамента съ отрывкомъ стиха, добытый изъ чрева крокодила, приводитъ ихъ въ неумѣренный восторгъ, изъ-за котораго они не видятъ и не хотятъ видѣть, во что выродилась эта самая античность. Не дѣвой прекрасной съ вѣчно румяными ланитами, а бабой-Ягой, костяной ногой, безъ малаго тридцать лѣтъ сидѣла она кикиморой въ нашей школѣ, гробовой плитой давила все живое, а господа филологи танцовали danse macabre на костяхъ ими убіенныхъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси. И этого мы не забыли, и не можемъ забыть, и если господа филологи пожинаютъ нынѣ горькіе плоды отъ своихъ трудовъ неправедныхъ, то тутъ не «сеничкинъ ядъ», не «фальсификаторы общественнаго мнѣнія» повинны, а они сами, и только они. Ибо давно уже сказано—male parta male dilabuntur, что въ вольномъ переводѣ значитъ: какъ аукнется, такъ и откликнется. На поставленный самому себѣ г. Зѣлинскимъ вопросъ: «А вы то, господа филологи, кого такъ любите?»—мы можемъ только отвѣтить: «inutilis questio solvitur silentio». А на его грозное «Quos ego!»—«вожаки» и «фальсификаторы общественнаго мнѣнія» не станутъ прибѣгать ни къ «оглоблѣ» ни къ «яду»: страшенъ г. Зѣлинскій, да милостивъ Богъ. Это громъ не изъ тучи. Въ радостные же дни грядущаго возрожденія и къ нимъ русское общество обратится съ словами любви и прощенія, скажетъ: «придите и вы». И развѣ только по адресу того или иного г. Зѣлинскаго кротко замѣтитъ: «ступай, и больше не грѣши»... *А. Богдановичъ.*

А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. Авторъ этой весьма соблазнительной по заглавію книги снискалъ себѣ въ литературѣ почетную извѣстность факельщика на литературныхъ похоронахъ. Какъ только тотъ или иной нотабль отъ литературы волею Божіею скончаетъ вѣкъ свой, выступаетъ сначала на страницахъ газетъ, потомъ въ какомъ-нибудь журналѣ г. Фаресовъ, съ траурнымъ флеромъ и съ прочими атрибутами своего ремесла, и начинаетъ печальнымъ голосомъ, возведя глаза къ небу, причитать, какой былъ покойникъ великій человѣкъ, какъ его мало понимали и цѣнили, и какъ онъ, г. Фаресовъ, былъ однимъ изъ немногихъ, понявшихъ все значеніе покойника. А потому и послѣдній платилъ ему тѣмъ же и въ откровенныхъ бесѣдахъ такъ-то и такъ-то отдѣлывалъ такихъ-то. Такъ было послѣ смерти Лѣскова, такъ было послѣ смерти Шеллера, такъ оно и въ настоящей книгѣ, гдѣ Энгельгардтъ, Войнаральскій и другіе семидесятники, избравъ г. Фаресова своимъ душеприказчикомъ, посвящаютъ его въ разныя свои святая святыхъ. Въ безконечныхъ разговорахъ съ г. Фаресовымъ, именитые покойники, словно напередъ условившись съ нимъ, изливаютъ душу передъ своимъ будущимъ не то біографомъ, не то панегеристомъ, а онъ все это жадно уловляетъ и на протяженіи иногда десятковъ лѣтъ бережно вынашиваетъ въ сердцѣ своемъ, чтобы затѣмъ, дождавшись ихъ смерти (непремѣнно смерти, ибо при жизни оно, знаете, не того: могутъ и запротестовать), все сіе выложить изумленному читателю. Разъ продѣлавъ такую «литературную» работу и вторично повторивъ ее съ тѣмъ же успѣхомъ, г. Фаресовъ теперь почувствовалъ, что надо нѣсколько разнообразить пріемы. И вотъ статью объ Энгельгардтѣ онъ теперь уже начинаетъ на другой манеръ. «Замѣчу кстати,—пишетъ онъ въ началѣ первой главы,—что при воспоминаніяхъ о крупныхъ лицахъ изъ русской жизни и литературы, съ которыми судьба сталкивала меня (А. Н. Энгельгардтомъ, Н. С. Лѣсковымъ, А. К. Шеллеромъ, П. И. Войнаральскимъ, А. К. Маликовымъ и т. д.), я часто

иллюстрировалъ ихъ разговоры со мною текстомъ изъ ихъ писемъ ко мнѣ или къ другимъ лицамъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ именно повторялось то самое, что я слышалъ отъ нихъ устно, въ менѣе, можетъ быть, связной рѣчи, но съ однимъ и тѣмъ же по существу содержаніемъ. Этимъ отчасти объясняется и то, что я могу на разстояніи иногда десятка лѣтъ возпроизвести цѣлую картину частной жизни человѣка, съ его живой рѣчью и дѣятельностью».

Такимъ образомъ, отнынѣ все, публикуемое г. Фаресовымъ, не подлежитъ сомнѣнію: «крупныя лица изъ русской жизни», изливъ ему душу устно, затѣмъ утверждали сказанное письменно, и обратно. Такая ихъ заботливость о себѣ (и о г. Фаресовѣ), вообще мало свойственная русскому писателю и дѣятелю, объясняется исключительной прозорливостью покойниковъ относительно г. Фаресова: въ его лицѣ они провидѣли именно того факельщика, который на литературной тризнѣ освѣтитъ своимъ факеломъ ихъ жизнь и душу.

И г. Фаресовъ старается. Онъ славословитъ во всю, елейно и сладостно растекаясь по бумагѣ, кое-гдѣ позволяя себѣ отпустить шпильку по чужому адресу. Въ настоящей книгѣ большая половина отведена А. Н. Энгельгардту. По существу въ ней нѣтъ ни одного новаго слова для того, кто знакомъ съ «Письмами изъ деревни» самого Энгельгардта и воспоминаніями о немъ г. Мертваго. Во многомъ это простой пересказъ своими словами «Писемъ» или большія выдержки изъ записокъ послѣдняго. Конечно, мы на каждомъ шагу узнаемъ, что г. Фаресовъ былъ въ интимнѣйшихъ отношеніяхъ съ Энгельгардтомъ. Въ такихъ же, само собою разумѣется, отношеніяхъ былъ онъ и съ прочими лицами, о которыхъ повѣствуетъ. Разбираться въ томъ, что здѣсь отъ истины, что отъ усердія добросовѣстнаго факельщика, не стоитъ, да и провѣрить этого нельзя: покойники тѣмъ и удобны, что молчатъ. Но есть одна общая черта, выдержанная во всѣхъ «Очеркахъ» г. Фаресова, кого бы они ни касались: всѣ его семидесятники—одинъ слаще другого, всѣ кротки до глупости и всѣ умиротворенно и умилительно о себѣ повѣствуютъ. Всѣ администраторы и смотрители, «коменданты» и исправники въ ихъ разсказѣ о своихъ мытарствахъ—одинъ лучше другого. И въ заключеніе всѣ герои г. Фаресова не только одинаковы по настроенію, всѣ, такъ сказать, на одну колодку шиты, но и говорятъ всѣ однимъ и тѣмъ же слащаво-елейнымъ языкомъ самого г. Фаресова. Въ концѣ концовъ получается такое впечатлѣніе, что все это г. Фаресовъ словно про себя самого повѣствуетъ, самого себя рисуетъ, самъ собою любуется: ахъ, что за славный человѣкъ г. Фаресовъ! Только при чемъ же тутъ «семидесятники»? А при томъ, что случилось однажды г. Фаресову, по ошибкѣ судьбы, попасть не въ канцелярію, куда онъ преблагополучно попалъ потомъ, а въ одиночное заключеніе, гдѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми изъ людей той эпохи. Съ нимъ затѣмъ произошелъ благой переломъ, ошибка судьбы была исправлена, и благодарный г. Фаресовъ сталъ изображать и другихъ якобы «семидесятниковъ» по своему образу и подобію.

А. Б.

Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя. Изд. «Знанія», 1905 г. Ц. 1 р. Съ книгой г. Петрищева наши читатели отчасти знакомы по большимъ выдержкамъ, которыя приводились нами въ отдѣлѣ «Изъ русскихъ журналовъ», когда отдѣльныя главы ея печатались въ «Русскомъ Богатствѣ». Уже эти отдѣльныя главы обратили на себя общее вниманіе, какъ интереснымъ и важнымъ содержаніемъ, такъ и прекраснымъ изложеніемъ, тѣмъ огнемъ негодованія и скорби, которымъ проникнутъ авторъ. Теперь въ цѣломъ видѣ «Замѣтки учителя» производятъ еще болѣе сильное и яркое впечатлѣніе. Съ первой и до послѣдней страницы книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, благодаря жгучей темѣ, превосходно разработанной авторомъ. Тема эта—подготовка

учителя, роль его въ нашей низшей школѣ и общественное его положеніе, какъ оно сложилось за послѣднюю четверть вѣка. Каждый фактъ въ книгѣ выхваченъ изъ жизни, каждое лицо—живое, не выдуманное, каждая сценка—эта сама живая дѣйствительность. Въ общемъ получается поразительная картина такого удручающаго мрака, безправья и произвола, что самъ собою возникаетъ вопросъ, да развѣ это просвѣщеніе? Развѣ предъ нами проходятъ учителя, наставники и воспитатели народа? Судя по отношенію къ нимъ, по ихъ забитости, по ихъ безсилью что-либо сдѣлать — они предназначены не просвѣщать, а напротивъ затемнять народную душу. Когда они этого не дѣлаютъ или дѣлаютъ не такъ, какъ предписывается начальствомъ,—ихъ изгоняютъ, травятъ какъ волковъ, забравшихся въ овчарню, и въ концѣ концовъ лишаютъ права учительствовать. И получается въ результатѣ не народное просвѣщеніе, а народное помраченіе. Въ талантливомъ изображеніи автора вырисовывается яркая картина этого помраченія за истекшіе двадцать пять лѣтъ. Горячо рекомендуя книгу г. Петрищева, мы желали бы, чтобы она сдѣлалась настольной книгой каждаго, кому дорого просвѣщеніе народа. Общество должно знать, въ какомъ печальномъ состояніи оно находится, и лучшаго источника для ознакомленія ему не найти. Мы еще не разъ вернемся къ книгѣ г. Петрищева. *А. Б.*

Н. Бѣлозерскій. Записки учителя. 1905 г. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 75 к. «Записки» г. Бѣлозерскаго далеко не имѣютъ ни общественнаго, ни литературнаго значенія, какъ только что отмѣченная книга г. Петрищева. Но и онѣ не лишены интереса, какъ признанія *учителя* средней школы. До сихъ поръ мы привыкли читать воспоминанія и отзывы самихъ учениковъ, что могло вызывать упреки въ односторонности, въ излишней придирчивости, наконецъ, въ недостаткѣ справедливости и недостаточномъ пониманіи цѣлей школы и проч. Какъ противовѣсъ подобной *ученической* односторонности «Записки учителя» несомнѣнно заслуживаютъ вниманія. Тѣмъ болѣе, однако, любопытны онѣ, когда оказывается, что и учитель въ своемъ осужденіи современной школы почти не расходится съ учениками. Его характеристика директоровъ, учительскаго персонала, всей системы обученія и воспитанія совпадаетъ въ главныхъ чертахъ съ тѣмъ, что намъ повѣдали воспоминанія г. Яблоновскаго, Никонова и др. Общее и полное осужденіе всей системы средней школы высказано г. Бѣлозерскимъ не менѣе рѣзко и энергично, чѣмъ и учениками. Напомнимъ заключительную сцену въ воспоминаніяхъ г. Яблоновскаго, когда окончившіе и получившіе аттестатъ зрѣлости юноши отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ на дворѣ гимназіи. А вотъ заключительный выводъ г. Бѣлозерскаго: «Бѣжалъ бы, если бы была возможность, — вотъ мысль, которая чаще всего сверлитъ мозгъ гимназическаго педагога, желающаго отстоять свою личность. И если такая возможность представляется, учителя бѣгутъ и бѣгутъ, въ акцизъ, на частную службу». И бѣжали бы, по признанію автора, «еще усерднѣе, если бы не то, что, пробывъ нѣсколько лѣтъ педагогами, учителя становятся неспособными ни къ какой работѣ, ни къ какому-нибудь осмысленному труду». Хороша, однако, система, которая дѣлаетъ неспособными къ осмысленному труду какъ воспитанниковъ, такъ и воспитателей. Вторая часть «Записокъ» г. Бѣлозерскаго описываетъ его частную учительскую практику въ болѣе или менѣе богатыхъ семействахъ. Такого общаго значенія, какъ первая, эта часть не имѣетъ, но наблюденія автора читаются не безъ интереса. *А. Б.*

Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. Москва. 1905 г. Изд. М. и С. Сабашниковъ. Ц. 1 руб. Статьи, собранныя въ этой книгѣ, были напечатаны въ разное время, главнымъ образомъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», одна замѣтка поя-

вилась въ «Русскомъ Богатствѣ» и статья «Въ мірѣ случайностей»—въ сборникѣ «На славномъ посту». Пересмотрѣнныя и дополненныя, онѣ всѣ вмѣстѣ даютъ чрезвычайно цѣльное впечатлѣніе объ отношеніи цензуры къ печати въ прошломъ и настоящемъ. Но хотя заглавіе книги и отличаетъ прошлое отъ настоящаго русской печати, содержаніе сборника разрушаетъ это хронологическое раздѣленіе. «Какъ ни странно,—говоритъ г. Розенбергъ въ замѣткѣ «Какой цензурный уставъ у насъ дѣйствуетъ?»—въ началѣ двадцатаго вѣка у насъ дѣйствуетъ почти во всѣхъ существенныхъ чертахъ Цензурный Уставъ 22 го апрѣля 1828 года». Позднѣйшія цензурныя правила 1865 года многочисленными «поправками» фактически были сведены къ уставу 1828 года. Но, что самое важное, не только юридическое положеніе печати не измѣнилось,—косности цензурныхъ «законовъ» не уступала и неподвижность цензурной практики. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ просмотрѣть первую статью сборника «Изъ исторіи русской цензуры» г. Якушкина.

«Насколько придирчива и мелка была тогда (въ царствованіе Павла I) цензура, говоритъ г. Якушкинъ, доказываетъ Высочайшее повелѣніе 1797 г., предписывающее извѣстное словоупотребленіе: велѣно было вмѣсто *обозрѣніе* писать *осмотрѣніе*, вмѣсто *врачъ—лѣкарь*, вмѣсто *граждане—жители, обыватели*, вмѣсто *отечество—государство*; слово *общество* совсѣмъ было запрещено и пр.». Характернымъ свидѣтельствомъ примѣненія этого указа являются воспоминанія Августа Коцебу, который разсказываетъ, напр., что въ его пьесѣ «Аббатъ Эпе» «Франваль не смѣлъ говорить «горе моей *родинѣ*»; онъ долженъ былъ сказать—«горе моей *странѣ*», потому что особымъ указомъ воспрещалось русскимъ имѣть родину»...

Впослѣдствіи указовъ о словоупотребленіи не издавалось, но цензурная практика до послѣднихъ дней, особенно въ провинціальной печати, продолжала руководиться принципами указа Павла I. Она тщательно вымаривала слова, предоставляя авторамъ придумывать на ихъ мѣсто другія. Духъ блаженной памяти Красовскаго, воздвигшаго себѣ незыблемый «словесный» памятникъ изъ погубленныхъ имъ словъ и фразъ, до сихъ поръ живетъ въ провинціи. Напомнимъ совсѣмъ недавнюю исторію мытарствъ «Вятской газеты». Недавно же пишущему эти строки пришлось убѣдиться, что въ крупнѣйшемъ городѣ южной Россіи цензоръ аккуратно вычеркивалъ въ одной мѣстной газетѣ слово *рабочій* во всѣхъ падежахъ, не трогая въ статьѣ никакого другого слова.

Уставъ 1865 года далъ въ руки цензуры новое оружіе, болѣе тонкое чувствительное въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слово кажется неуязвимымъ. Мы говоримъ о «вредномъ направленіи». Во второмъ приложеніи къ сборнику приводится сводъ данныхъ о мотивахъ предостереженій, полученныхъ журналами и газетами въ 1865—1904 гг. Весь сводъ «мотивовъ» пеститъ «вреднымъ направленіемъ». Но и этотъ новый юридическій поводъ для административныхъ взысканій былъ старымъ въ цензурной практикѣ до 1865 года. Приведемъ, напр., изъ статьи г. Якушкина справку о печальной судьбѣ журнала «Европеецъ», издававшагося въ 1831 г. И. В. Кирѣевскимъ. По поводу статьи самого издателя въ этомъ журналѣ—«Девятнадцатый вѣкъ» шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ было сообщено министру народнаго просвѣщенія кн. Ливену: «Его величество изволилъ найти, что вся статья сія есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобъ видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ «просвѣщеніе» онъ понимаетъ «свободу», что «дѣятельность разума» означаетъ у

него «революцію», а «искусно отысканная средина» не что иное какъ «конституція»... Оная статья не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ»... «Европеецъ» былъ запрещенъ. Для сравненія приводимъ изъ «Свода данныхъ о мотивахъ»... слѣдующее постановленіе, касающееся «Русской Мысли»: «Вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ В. Гольцева «Соціологія на экономической почвѣ», гдѣ изложено крайне вредное ученіе соціализма, при чемъ авторъ статьи, прикрываясь незначительными возраженіями и оговорками очевидно имѣетъ цѣлью пропагандировать ихъ (1893 г.)»

Отъ прочно установившейся цензурной практики, которая сводила къ нулю всѣ малѣйшія улучшенія въ правовомъ положеніи печати, страдали наравнѣ со всѣми и наши лучшіе писатели. Въ 1822 и 1824 г. Пушкинымъ написаны два «Посланія цензору», которыя въ полномъ видѣ, по свидѣтельству г. Якушкина, были напечатаны лишь въ 1870 г. Пушкинъ обращается къ тогдашнему цензору такъ (опускаемъ слишкомъ откровенные эпитеты):

. . . . что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ,
Рѣшилъ,—а тамъ поди, хоть на тебя проси!

Оба автора прекраснаго сборника заключаютъ свои статьи только однимъ указаніемъ: «Свобода печати,—вотъ о чемъ можетъ идти рѣчь въ настоящее время. Не измѣненіе и дополненіе устава 1865 г., вообще, не улучшеніе цензурнаго устава дастъ выходъ изъ трагическаго положенія русской печати. Русская печать должна быть свободна, а не приспособляться къ разнымъ, хотя бы улучшеннымъ, цензурнымъ правиламъ. Что же касается послѣднихъ, то, по выраженію нашего геніальнаго поэта, «censura delenda est!»

Вотъ заключенія, строго вытекающія изъ интересныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ и положеній гг. Вл. Розенберга и В. Якушкина. *Л. Б.*

К. Скальковскій. За годъ. С.-Петербургъ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Начинается книжка г. Скальковскаго эпиграфомъ —«слово ваше да будетъ всегда съ благодатью приправлено солью» (апостолъ Павелъ), а кончается строками: «Лошадь моя испугалась, и я учинилъ кувырколегію, можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ польскій король встрѣтился 2-го сентября 1683 г. съ австрійскимъ главнокомандующимъ». Въ срединѣ же между эпиграфомъ и заключительными строками г. Скальковскій съ увлеченіемъ учиняетъ кувырколегію «на томъ самомъ мѣстѣ», гдѣ произошло или происходитъ какое-нибудь историческое событіе. Эта особенность стиля и мышленія г. Скальковскаго давно всѣмъ извѣстна, и насъ привели въ смущеніе только слова апостола Павла, на которыя ссылается почтенный балетоманъ. Мы принялись искать той соли, которою г. Скальковскій «съ благодатью» заправилъ свои слова. Послѣ новаго тщательнаго перелистыванія книжки, натыкаемся на «чрезвычайно граціозный канканчикъ наноскахъ» въ «Дневникѣ меланхолика»... Неужели и тутъ, «на томъ самомъ мѣстѣ», гдѣ возвѣщены слова апостола Павла, неудачная кувырколегія? Но вотъ и новыя увѣренія г. Скальковскаго: «Меня спрашиваютъ, почему я давно ничего не писалъ о состояніи нашего балета? Не писалъ прежде всего потому, что времена такія, что не до печенія статей на розовомъ маслѣ, во-вторыхъ, о такой матеріи важной нельзя писать уксусомъ съ прибавкой нѣсколькихъ капель сѣрной кислоты»... Итакъ, соль должна быть, даже не соль, а уксусъ, сѣрная кислота, ибо даже беззаботный г. Скальковскій сознаетъ, что нынче «времена такія»...

По случаю, вѣроятно, «такихъ временъ» г. Скальковскій разсказываетъ своими словами біографію одного трагически кончившаго русскаго юноши.

Этотъ пересказъ «своими словами», словами г. Скальковскаго, ужъ, навѣрное, включающими и соль, и благодать, заслуживаетъ того, чтобы привести его цѣликомъ. Прежде всего онъ предваряетъ, что подъ видомъ страданій юноши въ брошюрѣ, которую излагаетъ г. Меланхоликъ, «перечисляется въ сущности рядъ оказанныхъ привиллегій или отступленій отъ правилъ». А затѣмъ слѣдуютъ біографическіе факты. «Описанный молодой человѣкъ не имѣлъ, по ошибкѣ, какого-то документа, права поступить въ гимназію, его все-таки приняли. Поступивъ въ университетъ, онъ тамъ бушевалъ, его уволили и опять приняли; опять забушевалъ, его сдали вмѣстѣ съ другими по новому закону въ солдаты. Въ военной службѣ, однако, сейчасъ же нашлись заступники, выдали свидѣтельство о какой-то болѣзни, и юношу изъ полка уволили. Поѣхалъ юноша на родину. Въ это время вышла уже амнистія, разрѣшили поступать уволеннымъ въ университеты, но не въ тѣ, откуда были уволены. Попросилъ, опять нашлись добрые люди, чтобы похлопотать, и опять, вопреки правиламъ, приняли въ прежнее учебное заведеніе. Казалось бы, чего гуманнѣе? Однако, нашъ юноша взялъ да и совершилъ крупное государственное преступленіе». Перечисливъ всѣ привилегіи, полученныя юношей, г. Скальковскій невинно изумляется предъ такимъ юнцомъ и говоритъ: «Вотъ тутъ-то и разберись». Остается только удивляться, почему г. Скальковскій забылъ послѣднюю привилегію русскаго юноши, полученную имъ вслѣдъ за послѣднимъ отступленіемъ отъ правилъ—его одинокую могилу...

Г. Скальковскій всегда былъ веселымъ человѣкомъ. Но, чтобы учинять кувырколегію или плясать «канканчикъ наноскахъ» на сравнительно свѣжей могилѣ,—для этого требуются профессіонально-шутовскія качества... Мы принимаемъ именно это послѣднее объясненіе, наиболѣе благопріятное для г. Скальковскаго. Тѣмъ болѣе, что стыдить г. Скальковскаго или негодовать на его «выходки» столь же неудобно, какъ неудобно горячо относиться къ продѣлкамъ шута. Г. Скальковскій веселится... Онъ кувыркался цѣлый годъ въ «Новомъ Времени», избравъ ареной для своихъ забавныхъ штукъ какъ разъ тѣ мѣста, гдѣ серьезные люди дѣлаютъ серьезное дѣло. А какъ профессіоналъ, откалывающій свои колѣнца съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, онъ аккуратно собралъ всѣ свои фельетоны и издалъ книжку «За годъ», этотъ памятникъ его трудовъ. Спеціально же для своего изданія онъ на потѣху привлекъ и апостола Павла.

Любитъ г. Скальковскій компанію солидныхъ людей. *Л. Б.*

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

І. В. Гессенъ „Судебная реформа“.

І. В. Гессенъ. Судебная реформа. Спб. 1905 г. in 8-vo. Стр. 4 нен.+268. Ц. 1 р. 50 к. Книга г. Гессена составляетъ второй томъ изданія «Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ», предпринятаго книгоиздательствомъ П. П. Гершунина. Популярная литература о судебной реформѣ 20-го ноября 1864 года у насъ вовсе отсутствуетъ, если не считать книжекъ Джаншіева «Изъ эпохи великихъ реформъ» и «Основы судебной реформы», а также сборника Кони «За послѣдніе годы». Въ этомъ смыслѣ должна сыграть извѣстную роль и книга Гессена, который популярность изложенія соединяетъ съ юридической дѣловитостью и жесткостью оцѣнки минувшаго судебнаго сорокалѣтія, знаменательно начинавшагося Панинымъ и завершившагося Н. В. Муравьевымъ.

Книга начинается главою «Старый судъ» (стр. 1—30). На немногихъ страницахъ нельзя сдѣлать строго научной его характеристики, поневолѣ пришлось быстро закончить ее тирадой изъ «Руси» Ивана Аксакова и попытаться затронуть вопросъ объ отношеніи общества и правительства къ этому страшному дореформенному суду (стр. 31—49), къ которому во многихъ отношеніяхъ суждено было вернуться русской жизни наканунѣ XX столѣтія. Поворотъ былъ тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ нестерпимѣе, что, испытавъ сладкаго, труднѣе довольствоваться горькимъ. Забывъ лучшіе помыслы вѣка, забывъ о правосудіи, какъ основѣ нормальнаго человѣческаго существованія, русская бюрократія уткнулась въ «проектъ согласованія судебныхъ уставовъ съ условіями государственнаго строя» (стр. 220—262). Согласованіе, какъ видно изъ книги г. Гессена, не могло быть чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ возврата къ преданіямъ эпохи, когда «въ судахъ была Россія черна неправдой черной», и это согласованіе выпало на долю такого лица, который *въ свое время* умѣлъ оцѣнить по достоинству основныя положенія судебной реформы (стр. 50—76, 262—268). Но эти основныя положенія, на которыхъ были построены Судебные Уставы, заслуживаютъ вниманія прежде всего со стороны отношенія къ нимъ общества и повременной печати (стр. 77—106). Общество, кажется, сразу же не обмануло насчетъ необходимости той атмосферы, среди какой эти «основныя положенія» только и могутъ жить. Надо было вести дѣло «далѣе», безъ этого «далѣе» нельзя было создать никакого прочнаго правосудія, безъ него основныя положенія могли лишь мелькнуть свѣтлой точкой, смѣнивъ одной минутой просвѣтленія ужасную тьму.

Глава, посвященная обрисовкѣ отношенія общества и печати къ основамъ судебной реформы, представляетъ въ книгѣ г. Гессена большой интересъ, она вызываетъ сожалѣніе, что не подвергнуты въ литературѣ всестороннему анализу съ широкой общественной точки зрѣнія шесть томовъ замѣчаній и отзывовъ, собранныхъ въ свое время, какъ матеріалъ для разработки судебной реформы. Отзывы эти отличаются пестротой. «Тѣмъ не менѣе,—пишетъ г. Гессенъ (стр. 80),—при всей пестротѣ отзывовъ, они, уже при бѣгломъ пересмотрѣ, оказываются глубоко проникнутыми единымъ духомъ, скованы однимъ желаніемъ; съ внѣшней стороны ихъ объединяетъ приподнятый тонъ, страстное отношеніе къ разсматриваемому вопросу; съ внутренней же—рѣшительно въ каждой строкѣ такъ и сквозитъ злобная ненависть къ произволу; здѣсь несомнѣнно желанія шли дальше тѣхъ граней, которыя были намѣчены въ основныхъ положеніяхъ; произволъ казался столь невыносимымъ, возможность возрожденія его представлялась столь ужасною, что естественно возникало стремленіе обрубить всѣ его корни, похоронить его такъ, чтобы отъ него и помину не осталось». Нельзя было не привести здѣсь этой цитаты, она лучше многихъ другихъ разсужденій г. Гессена свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое испыталъ авторъ, перечитывая шесть томовъ замѣчаній и пользуясь ими болѣе, чѣмъ скупо. Собранныя тогда замѣчанія не рисуютъ намъ особеннаго увлеченія общества предложенными на его обсужденіе основными положеніями, они заглядываютъ «далѣе», какъ бы подчеркивая даже, что проектируемая реформа (стр. 97) «по многимъ существеннымъ вопросамъ не поднималась даже до уровня общественнаго настроенія и надеждъ». При составленіи законопроекта судебныхъ уставовъ шесть томовъ замѣчаній игнорировались, ихъ постарались замолчать, на нихъ не ссылались даже тогда, когда ими пользовались... Для чего же было опрашивать общество, вводить его въ недоразумѣнія, испытывать его удивительное терпѣніе? У насъ любятъ организовывать коммиссіи и сдавать въ архивъ собранные ими матеріалы, любятъ какъ-нибудь провести время. «При такихъ условіяхъ,—пишетъ г. Гессенъ (стр. 110),—можно скорѣе недоумѣвать, почему, несмотря на практическую безрезультатность, общество съ не-

ослабной энергіей и трудомъ продолжаетъ откликаться на всякое обращеніе къ нему».

Въ главахъ «Накануне судебной реформы» (стр. 107—129) и «Медовый мѣсяцъ судебной реформы» (стр. 130—141) авторъ очень бѣгло описываетъ подготовку и введеніе Судебныхъ Уставовъ, отмѣчая первые признаки разложенія въ нашей дѣйствительности охоты поставить на надлежащую высоту правосудіе. Наконецъ, двѣ слѣдующихъ еще не упомянутыхъ нами главы: «Важнѣйшія измѣненія въ судебной реформѣ» (стр. 142—179) и «Черты современнаго состоянія правосудія» (стр. 180—219) приводятъ читателя къ тяжкимъ, но справедливымъ заключеніямъ автора о томъ, что бюрократическій режимъ схоронилъ основы Судебныхъ Уставовъ, подмѣнивъ ихъ усмотрѣніемъ, а стало быть упразднивъ логическое понятіе о правосудіи изъ практики подлежащаго вѣдомства. Несмотря на очень бѣглое изложеніе, главы эти производятъ очень сильное впечатлѣніе на читателя и окончательно удостовѣряютъ, что конечная цѣль автора сводится, главнымъ образомъ, къ изображенію исторіи разгрома судебной реформы. Эта цѣль удалась автору вполнѣ, онъ далъ намъ очень недурной комментарій къ блестящей картинѣ дѣятельности русскаго суда, набросанной мастерскимъ перомъ Л. Н. Толстого въ его романѣ «Воскресеніе». Большой публикѣ этотъ романъ раскрывалъ цѣлый міръ, зачитывавшаяся романомъ молодежь приходила въ паническій страхъ отъ своеобразнаго summum jus въ нашей странѣ. Начали, однако, раздаваться и голоса затронутаго элемента. Ужъ не пересолилъ ли художникъ, можно было бы спросить. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Компетентный авторъ книги «Судебная реформа», во всеоружіи знанія нашихъ судебныхъ порядковъ, свидѣтельствуетъ, что мы можемъ быть спокойны, что это все такъ на самомъ дѣлѣ и что отъ такихъ порядковъ нечего ждать многаго. «Присмотритесь къ процессамъ Тальмы, Скитскихъ, Золотовой, Мултанскихъ вотяковъ, о побоищахъ въ Кишиневѣ и Гомелѣ, и вы увидите, говоритъ нашъ авторъ, къ чему сводится это summum jus».

Было бы оплошностью со стороны рецензента не отмѣтить въ книгѣ г. Гессена тѣхъ замѣчаній, которыя относятся къ практикѣ Сената и на которыя читатель долженъ обратить особенное вниманіе. Строки, посвященныя полемикѣ съ г. Боровиковскимъ, также должны быть отмѣчены; говорятъ, что имъ, можетъ быть, дана нѣкоторая переоцѣнка, но для этой переоцѣнки у насъ нѣтъ подъ руками надлежащаго матеріала, и мы склонны думать, что на общемъ фонѣ изображенія г. Гессена онѣ характерны и отнюдь не выдѣляются рѣзко. Жаль, что въ предѣлахъ настоящей замѣтки нельзя остановиться на многихъ сторонахъ книги г. Гессена, но мы убѣждены, что популярный и сочный очеркъ нашего автора не минуетъ рукъ ни одного отзывчиваго къ запросамъ времени русскаго человѣка нашей бурной эпохи. *В. Сторожевъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

В. Базаровъ и И. Степановъ. „Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ".

Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Томъ первый. Происхожденіе современной Германіи. Переводъ съ нѣмецкаго В. Базарова и И. Степанова. Изданіе С. Скирмунта. 1905. Спб. Стр. 594. Цѣна 2 рубля. Давно уже слѣдовало имѣть въ переводѣ эту книгу популярнаго партійнаго историка, хорошо извѣстнаго въ Германіи. Достоинства работы Блоса несомнѣнны, недостатки же не таковы, чтобы могли сильно понизить значенія ея. Ибо недостатки въ книгѣ Блоса (какъ и во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ) все же имѣются, и вольтеріанцы не напрасно объ этомъ говорятъ. Переводчики въ своемъ преди-

словіи, говоря о Блосѣ, объ этихъ недостаткахъ вовсе не упоминаютъ, что и обязываетъ рецензента сказать объ этомъ нѣсколько словъ раньше, нежели перейти къ указанію на положительныя стороны работы.

Основная точка зрѣнія Блоса очень выдержана и вполнѣ опредѣленна: онъ приверженецъ матеріалистическаго истолкованія исторіи (какъ, быть можетъ, точнѣе всего опредѣляется экономическій матеріализмъ). Для пишущаго эти строки совершенно несомнѣнно, что изъ всѣхъ, пока выставленныхъ человѣческимъ умомъ, историко-философскихъ теорій названная теорія болѣе всего реальна и доказательна и меньше, нежели другія, побуждаетъ адептовъ заниматься словесными построеніями и фантастическими измышленіями. Этой теоріи (въ ея главномъ, въ ея основныхъ принципахъ) предстоитъ, вѣроятно, оказать исторической наукѣ еще больше услугъ, нежели тѣ, которыя ею уже оказаны, ибо, конечно, экономическая исторіографія послѣднихъ трехъ десятилѣтій въ самой серьезной степени стимулирована быстрымъ распространеніемъ матеріалистической точки зрѣнія. (Тутъ хронологически теорія предшествовала примѣненію ея къ разработкѣ фактическаго матеріала). Но именно людямъ, убѣжденнымъ въ могучей силѣ и великомъ будущемъ этого соціологическаго взгляда, не можетъ не казаться совершенно ненужнымъ тотъ пріемъ, который иногда пускается въ ходъ популярною литературою: есть налицо политическое явленіе,— значитъ, оно должно быть выведено изъ экономическихъ отношеній; эти отношенія во всей ихъ конкретности наукою еще не раскрыты, не выяснены съ полною опредѣленностью, значитъ, можно выдумать (въ аксіоматической, болѣе или менѣе формѣ) соотвѣтственную фразу и все пойдетъ какъ по маслу. Этотъ пріемъ и вреденъ, потому что фантазировать въ наукѣ значитъ лгать, и ненуженъ, потому что и апріорныя, и эмпирически-доказанныя основы теорій слишкомъ могучи, чтобы нуждаться въ словесныхъ карточныхъ домикахъ, и унизителенъ, потому что показываетъ поверхностное не совсѣмъ убѣжденное отношеніе къ своимъ собственнымъ воззрѣніямъ. Экономическая исторіографія только теперь стала шагать такъ быстро и успѣшно, но за тридцать лѣтъ не сдѣлаешь всего, что нужно, и пустыхъ мѣстъ (или вѣрнѣе, нерасчищенныхъ дебрей) въ этой области знанія еще очень и очень много. Вотъ почему, вѣроятно и отмѣченный пріемъ является столь искусительнымъ. Блосъ не совсѣмъ свободенъ также отъ этого недостатка. Когда онъ увѣренно говоритъ о разныхъ типахъ предпринимателей въ до-мартовской Германіи и о степени ихъ классоваго самосознанія и пр., то это больше экзерциціи на предустановленную тему, нежели передача реальныхъ и извѣстныхъ фактовъ. Когда онъ пишетъ, что къ 1849 году «крестьяне по большей части *чувствовали себя* удовлетворенными», это также не опирается ни на какіе опредѣленные факты, ибо степень ихъ «удовлетворенности» реформами 1848 г. не «учтена», а просто нужно написать эту фразу, чтобы потомъ написать другую фразу: «при огромномъ перевѣсѣ сельскаго населенія, настроеніе деревни должно было тогда явиться рѣшающимъ моментомъ для всего дальнѣйшаго хода движенія», и издали можетъ показаться, что это не просто словесное сцѣпленіе, а въ самомъ дѣлѣ объясненіе и выводъ. А въ 1527 году крестьяне тоже чувствовали себя удовлетворенными? Вѣдь и тогда они уже перестали шевелиться почти вовсе!

Къ второстепеннымъ недостаткамъ Блоса нужно отнести излишнія стратегическія подробности тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о войнахъ, излишнія анекдотическія справки тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о лицахъ. Вообще, много у Блоса анекдотовъ и вопреки основному своему воззрѣнію онъ склоненъ распространяться о нихъ такъ, какъ если бы они имѣли какое-либо значеніе. Ничтожное бурленіе мюнхенцевъ изъ-за ничтожной Лолы Монтесъ тоже зачѣмъ-то обстоятельно разсказано имъ, и онъ, возвращаясь къ этому сюжету не однажды, говоритъ: «Баварцамъ, конечно, стоило бы огромныхъ усилій добиться чего-нибудь отъ іезуитскаго управленія... Но вотъ въ Мюнхенѣ появилась Лола Монтесъ, кра-

сивая и пикантная, но въ тоже время легкомысленная и фривольная испанка, танцовщица». Между Лолой и министрами произошла борьба: «король далъ отставку ультрамонтанскимъ министрамъ, правленіе іезуитовъ было низвергнуто и Лола смѣло утвердила свою прелестную ножку на его развалинахъ. То, чего не могли бы тогда добиться самыя серьезныя усилія либеральныхъ «патріотовъ», танцовщица совершила шутя и, *такимъ образомъ*, преднамѣренно или непреднамѣренно *оказала серьезную услугу либерализму*». Вся эта игривость съ неожиданнымъ концомъ уже сама по себѣ тутъ только затемняетъ дѣло, но, въ довершеніе курьеза, разсказывая (чрезъ нѣсколько страницъ) о побѣдѣ іезуитовъ и бѣгствѣ Лолы изъ Мюнхена, нашъ авторъ забываетъ то, что онъ сказалъ и видитъ уже въ травлѣ *противъ* Лолы, травлѣ, поднятой бюргерами подъ вліяніемъ іезуитовъ, также нѣчто вродѣ «серьезной услуги либерализму», по крайней мѣрѣ называетъ эту «революцію» «единственнымъ сравнительно крупнымъ проявленіемъ политической жизни въ Германіи». Вотъ и разбирайтесь! Цѣлыхъ два исключающихъ другъ друга взгляда и все по поводу «прелестной ножки», которой историческое значеніе, казалось бы, совсѣмъ не заслуживаетъ вниманія со стороны приверженца теоріи классовой борьбы!

Такихъ эпизодовъ въ книгѣ не одинъ, не два и не три, но мы останавливаться на нихъ уже не будемъ. Наконецъ, еще одинъ недостатокъ (чисто) внѣшній: преувеличенно бойкій стиль, изобиліе подмигивающихъ словечекъ, часто слишкомъ развеселая манера писанья,—à la longue утомительная.

Что касается достоинствъ книги, то ихъ много и они очень существенны. Роль пролетаріата и буржуазіи въ событіяхъ 1848—1849 гг. выяснена отчетливо; борьба противъ абсолютизма разсказана необыкновенно ярко и драматично, съ глубокимъ знаніемъ дѣла; группировка партій, ихъ перетасовка и видоизмѣненія—все это пояснено такъ, что даже вполнѣ несвѣдущаго читателя сразу можетъ ввести въ курсъ дѣла. Послѣдовательный ростъ пароксизма трусости, овладѣвшій буржуазіею и погубившій всѣ завоеванія революціи, изображенъ Блосомъ съ безпощадною остротою анализа. Вообще, классовая психологія въ ея крупныхъ и мелкихъ проявленіяхъ замѣчательно очерчена въ этой работѣ. Эта книга—и живая популяризація исторіи, и цѣлый арсеналъ матеріаловъ по патологіи западно-европейскаго общества. Продуманныя и удачныя добавленія къ тексту Блоса, сдѣланныя переводчиками, окончательно ставятъ точки надъ тѣми «і», надъ которыми онѣ не были поставлены авторомъ. Это—лучшая на русскомъ языкѣ книга по исторіи «безумнаго года» въ Германіи. Переводъ, въ общемъ, хорошъ. Попались намъ, впрочемъ, и нѣкоторыя неточности.

На стр. 43, во фразѣ «поставленные лицомъ къ лицу съ великимъ переворотомъ» и т. д. оставлено безъ перевода имѣющееся въ подлинникѣ слово «Fortentwickelung», а слово «allgemein» передано словомъ «великій». На стр. 58 характерный именно къ Вѣнѣ примѣнявшійся терминъ «царства феакійскаго» (Phäakenthum) переведена почему-то словами «здѣшнему населенію». На стр. 99 русскаго перевода читаемъ: «Австрійское правительство постаралось задушить ее (политическую жизнь) при помощи суровыхъ бюрократическихъ мѣропріятій», тогда какъ въ подлинникѣ говорится только... «*ersuchte*... niéderzuhalten»; это придаетъ въ переводѣ фразѣ невѣрный смыслъ (и фактически тоже вовсе неправильный). На стр. 152 сказано: «... подавляющее большинство этихъ господъ *съ полнымъ разумѣніемъ управляемыхъ* носило золотую цѣпь» и т. д., тогда какъ въ подлинникѣ—ироническія слова «mit vollem Unterthanenbewusstsein», что точнѣе могло бы быть, напр., переведено «съ полнымъ сознаніемъ вѣрноподданичества». На стр. 285 словомъ «ограниченность» переведено слово «Engherzigkeit», что мѣняетъ смыслъ фразы, ибо рѣчь идетъ вовсе не объ «ограниченности», а именно объ узко-

сердечіи, о классовомъ себялюбіи, противополагаемомъ общественному идеализму: «въ нихъ не было и слѣда идеализма лѣвой»,—такъ кончается фраза. На стр. 591 фраза подлинника: «der Kreislauf war vollendet», переведена, неизвѣстно почему, такъ: «великое народное движеніе улеглось», хотя ни одного слова перевода не имѣется въ подлинникѣ (и обратно). Тамъ же, во фразѣ: «Союзный сеймъ, *этотъ оплотъ стараго порядка,* возстановился во всемъ своемъ до-мартовскомъ величіи и народъ совершенно спокойно отнесся къ его возрожденію» прибавлены переводчикомъ отмѣченныя курсивомъ слова, но зато оставлено безъ перевода придаточное предложеніе: «den drei Jahre zuvor der Anprall der Revolution hinweggeschleudert hatte».

Мы замѣтили еще нѣсколько недочетовъ, которые, однако, не могутъ заставить насъ измѣнить общую высокую оцѣнку качествъ работы, исполненной переводчиками. Имъ приходилось считаться съ весьма серьезными трудностями, представляемыми нѣсколько затѣйливымъ, часто утрированно-бойкимъ и хлесткимъ стилемъ Блоса. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ они удачно расчленяли слишкомъ сложныя и длинныя нѣмецкія фразы, не отдѣляясь отъ текста. Основательное пониманіе духа и нѣмецкаго, и русскаго языковъ обнаружено ими вполнѣ. Извлеченія изъ другихъ сочиненій, которыя вставлены въ текстѣ, помѣщены въ немъ весьма умѣло; вообще, эти дополненія такъ цѣнны, что русскому читателю, даже знающему нѣмецкій языкъ, мы бы посовѣтовали предпочесть русское изданіе. Онъ при этомъ потерялъ бы лишь прекрасныя иллюстраціи, которымъ снабженъ подлинникъ, и приложенія, не имѣющіяся въ переводѣ (тексты конституціи, нѣкоторыхъ законовъ, факсимиле письма, написаннаго Робертомъ Блюмомъ передъ казнью, и т. д.). Но зато въ добавленіяхъ къ русскому переводу читатель найдетъ многое, поясняющее и освѣщающее болѣе ярко пеструю вереницу излагаемыхъ фактовъ. Для лицъ, желающихъ облегчить пытливому уму современнаго рабочаго трудъ знакомства съ исторіей, эта книга окажется полезною: они ее, навѣрно, захотятъ и излагать, и рекомендовать для чтенія своимъ слушателямъ.

Евг. Т.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

К. Родбертусъ Ягецовъ. „Сочиненія», т. I.—*А. Колкотинъ.* «Кустарный вопросъ въ Россіи“.—*Ог. де-Виннъ.* „Среди фламандскихъ рабочихъ“.

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. Сочиненія. Т. I: Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. (Соціальныя письма къ ф. Кирхману, п. 2-е и 3-е). Переводъ проф. М. Н. Соболева. Спб. Ц. 1 р. 25 к. Проф. томскаго университета М. Н. Соболевъ обогатилъ русскую экономическую литературу прекраснымъ переводомъ двухъ главныхъ работъ Родбертуса, второго и третьяго «соціальнаго» письма къ Кирхману. Наша интеллигенція, къ сожалѣнію, мало знакома съ интереснымъ теоретикомъ «государственнаго соціализма», оставившимъ, во всякомъ случаѣ, глубокій слѣдъ въ исторіи экономической науки. Проф. Вагнеръ, восторженный поклонникъ Родбертуса, называетъ его «Рикардо научнаго соціализма»; Каутскій, въ одной изъ своихъ статей, сказалъ: «различные виды государственнаго соціализма въ существенныхъ чертахъ всѣ совпадаютъ съ *родбертусіанизмомъ*, отличіе ихъ отъ него заключается лишь въ меньшей послѣдовательности и ясности». Если Лоренца Штейна можно считать наиболѣе яркимъ выразителемъ идеи «соціальной монархіи» въ области государственнаго права, то, безъ сомнѣнія, никто опредѣленнѣе Родбертуса не освѣтилъ *соціальный вопросъ* съ этой точки зрѣнія. Признавая коренные дефекты въ существующемъ общественно-экономическомъ строѣ, от-

рицая незыблемость начала частной собственности, полагая трудъ въ основу народнаго хозяйства и считая его источникомъ всякой цѣнности, Родбертусъ не представлялъ себѣ эмансипаціи пролетаріата его собственными силами. Четвертое сословіе, самостоятельно выступая на политическую арену, для завоеванія себѣ человѣческихъ условій жизни, можетъ внести въ общественную жизнь лишь смуту и разложеніе, чему яркимъ примѣромъ служитъ парижская коммуна; рабочіе должны ограничиваться лишь выставленіемъ опредѣленной экономической программы, исполнить которую должно государство, въ лицѣ безпартійнаго, внѣклассового правительства. Вотъ это отрицаніе политической роли рабочаго класса и являлось кардинальнымъ пунктомъ разногласія между Родбертусомъ и Лассалемъ, не позволившимъ первомупринять участіе въ агитаціонной дѣятельности послѣдняго. И эта наивная вѣра въ соціальную миссію прусскаго короля жила въ помѣщикѣ-соціалистѣ почти до самой его смерти; къ сожалѣнію, Родбертусу не удалось увидѣть торжественнаго выступленія Бисмарка на соціальную арену и такимъ образомъ провѣрить реалистичность своего экономическаго «credo».

Мы не можемъ подробно останавливаться на содержаніи предлагаемыхъ въ переводѣ «писемъ», трактующихъ о процессѣ распредѣленія общественнаго дохода, поземельной рентѣ и кризисахъ. Основной недостатокъ родбертусовскаго соціализма заключается въ томъ, что общественно-экономическія противорѣчія онъ искалъ не въ области производства и обмѣна, ихъ несоотвѣтствіи состоянію производительныхъ силъ, а въ области распредѣленія продуктовъ; отсюда— та рѣзкая грань, какую онъ ставилъ между законами жизни природы и общества: «только въ природѣ вещи и отношенія носятъ свой разумный законъ въ самихъ себѣ, въ обществѣ же они требуютъ его отъ людей. Послѣднимъ поможетъ въ сознаніи истины нужда, если одна наука окажется для этого недостаточной» (стр. 71). Пауперизмъ и торговые кризисы, эти два «величайшихъ тормаза равномѣрнаго и непрерывнаго прогресса общества», происходятъ отъ слѣдующаго обстоятельства: «если оборотъ въ отношеніи распредѣленія національнаго продукта предоставленъ самому себѣ, то извѣстныя, связанныя съ развитіемъ общества, отношенія ведутъ къ тому, что при возрастающей производительности общественнаге труда заработная плата рабочихъ классовъ становится все меньшей частью національнаго продукта» (стр. 32). Такимъ образомъ, разстраивается внутренній рынокъ, гибнутъ многочисленныя предпріятія, создается нищета... а избавиться отъ этого можно постепеннымъ «огосударствленіемъ» народнаго хозяйства, устанавливающимъ пропорціональность возрастанія различныхъ видовъ дохода и не позволяющимъ рентѣ расти въ ущербъ заработной платѣ.

Кто внимательно прочтетъ книгу Родбертуса, тотъ прекрасно пойметъ всю нелѣпость упрековъ по адресу Маркса (упрековъ, въ которыхъ повиненъ и самъ Родбертусъ), будто бы творецъ «Капитала» многое заимствовалъ у автора «Соціальныхъ писемъ». Въ заключеніе скажемъ, что хотя идея государственнаго соціализма на Западѣ окончательно износилась и потеряла всякій кредитъ, но при специфическихъ условіяхъ русской жизни интересъ къ этой концепціи является весьма жгучимъ, а потому и появленіе въ переводѣ работъ главнаго теоретика названнаго направленія оказывается весьма своевременнымъ. *М. Бернацкій.*

А. Колкотинъ. Кустарный вопросъ въ Россіи. Опытъ объективнаго изслѣдованія. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. Тема, выставленная въ заголовкѣ, — весьма интересна, а обѣщаніе дать объективное изслѣдованіе, очень заманчиво. Кустарные промыслы у насъ сильно распространены, связь ихъ съ сельскимъ хозяйствомъ во многихъ мѣстахъ — очевидна. Каково современное состояніе кустарной промышленности, какими путями и въ какой степени капиталъ внѣдрился въ эту область, какія измѣненія происходятъ въ ней подъ влія-

ніемъ развитія у насъ капитализма, что ожидаетъ нашихъ кустарей въ ближайшемъ будущемъ, всѣ эти вопросы достойны глубокой научной разработки. Къ сожалѣнію, авторъ, обѣщавъ сдѣлать попытку объективнаго изслѣдованія, очевидно, не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ задачи послѣдняго: много распространяясь объ экономическомъ значеніи кустарныхъ промысловъ, въ пылу увлеченія этой идеей связывая съ нормальнымъ развитіемъ послѣднихъ даже прочность золотой валюты, призывая государство и земство на помощь кустарямъ, подъ условіемъ сохраненія ихъ самодѣятельности, г. Колкотинъ почти не затронулъ динамической стороны вопроса, не показалъ, какъ реальныя экономическія силы двигали нашу кустарную промышленность. Конечно, нѣкоторыя данныя, такого характера встрѣчаются въ книгѣ; но это—не результатъ наблюденія, не части цѣльной картины, а простыя ссылки на извѣстные труды и уже использованные матеріалы. Безъ сомнѣнія, нельзя считать совершенно безполезнымъ трудъ г. Колкотина: въ его работѣ имѣются полезныя свѣдѣнія о содѣйствіи кустарной промышленности со стороны государства, земствъ и частныхъ лицъ, но ради этого одного врядъ ли стоило выпускать книгу. Большая часть послѣдней посвящена не «изслѣдованію», а *разсужденіямъ* самого автора; историческій очеркъ кустарной промышленности, который долженъ былъ занимать центральное мѣсто въ работѣ, получилъ на свою долю всего 20 страницъ изъ 163. Авторъ не «раздѣляетъ распространеннаго мнѣнія, что фабрика и заводъ рано или поздно должны вытѣснить нашего кустаря» (стр. 28); онъ признаетъ такое вытѣсненіе во многихъ случаяхъ, но не считаетъ его общимъ правиломъ. Вотъ тутъ-то и нужно *изслѣдованіе*; неужели г. Колкотинъ считаетъ убѣдительными тѣ два-три примѣра успѣшной конкуренціи кустаря съ фабрикой, которыя онъ приводитъ? «Въ Вятской губ. кустари-кожевники выдѣлываютъ кожу дешевле, чѣмъ большіе заводы», говоритъ авторъ и полагаетъ, что поставленная имъ задача—доказать жизнеспособность кустарничества—разрѣшена. Вѣдь еще надо показать, во что обходится эта дешевизна, не есть ли такая борьба кустаря съ фабрикой лишь медленная его агонія, одна изъ причинъ вырожденія крестьянства; самъ авторъ ужасается заработной платой кустаря-ткача—14 коп. за долгій день и патетически восклицаетъ: «О, Боже, спаси Россію отъ разоренія!» (стр. 134). Можно судить, насколько вѣскими, при такомъ пріемѣ «изслѣдованія», оказываются подобные выводы: «кустарничество является факторомъ, въ извѣстной степени предотвращающимъ появленіе въ странѣ соціальнаго вопроса (пролетаріатъ и экономическое рабство), который роковымъ образомъ всюду слѣдуетъ за развитіемъ капитализма»... (стр. 50). Въ предисловіи авторъ признаетъ извѣстныя заслуги за русскимъ марксизмомъ и констатируетъ смерть «экономическаго славянофильства русскаго народничества»; неужели для него неясно, что марксизмъ сыгралъ у насъ особенно почетную роль въ смыслѣ разсѣянія страха передъ «капитализмомъ» и соціальнымъ вопросомъ, и неужели авторъ еще вѣритъ въ какіе-то особенные пути экономическаго развитія Россіи?

«Цѣль настоящей книги, — говоритъ г. Колкотинъ,—не пропаганда идей марксизма или народничества. Нѣтъ, время словъ прошло; теперь настало время дѣла». «Наша задача заключается въ томъ, чтобы освѣтить одну изъ основныхъ экономическихъ граней Россіи, не внося въ это освѣщеніе ничего субъективнаго» (стр. 3). Авторъ безусловно не достигъ намѣченной цѣли; въ этомъ мы склонны обвинять не его одного. Г. Колкотинъ писалъ свою работу въ качествѣ кандидатской диссертаціи; его руководители должны были указать, на какую сторону кустарнаго вопроса слѣдовало бы обратить особенное вниманіе, какія требованія предъявляются къ «объективному изслѣдованію»; быть можетъ, своевременные совѣты удержали бы автора отъ желанія возможно скорѣе познакомить публику со своимъ трудомъ. Ученическій ха-

рактеръ послѣдней врядъ ли позволяетъ автору самоувѣренно заявлять, что онъ внесъ «свою посильную лепту въ общую сокровищницу знанія» (стр. 4).

П. Бернацкій.

Ог. де-Виннъ. Среди фламандскихъ рабочихъ. Переводъ съ фр. З. Кочетковой. Спб. 1904. Ц. 50 к. Мы отъ души желаемъ возможно широкаго распространенія этой небольшой, но въ высшей степени интересной книжкѣ, живо и ярко написанной, проникнутой глубокимъ сочувствіемъ къ обездоленной массѣ рабочаго населенія, прекрасно обрисовывающей различные моменты изъ жизни трудящагося люда фламандской части Бельгіи. Читающій краснорѣчивыя страницы записокъ Ог. де-Винна, долженъ почувствовать, что рабочій вопросъ не есть филантропическая выдумка или плодъ доктринерской мысли, но—сама жизнь, корень современнаго экономическаго строя. Фландрія является особенно сильнымъ оплотомъ клерикализма, мощно стоящаго на стражѣ буржуазныхъ и аграрныхъ интересовъ; до послѣдняго времени пропаганда соціалистическихъ идей и агитація за всеобщее избирательное право встрѣчали непреодолимыя препятствія. Конечно, центральной фигурой оппозиціи являлся служитель Бога, г-нъ кюре, съ удовольствіемъ исполнявшій полицейскія функціи. Вотъ что разсказывалъ де-Винну сопровождавшій его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представитель рабочей партіи: «Однажды въ воскресенье намъ поручили раздавать газеты въ Ельзегемѣ. Мы отправились втроемъ. Придя въ деревню, мы зашли въ кабакъ, чтобы съѣсть свои тартинки, въ ожиданіи выхода народа отъ поздней обѣдни. Священника извѣстили о нашемъ присутствіи. Не успѣли мы сѣсть, какъ онъ вошелъ въ дверь... подошелъ къ стойкѣ и сказалъ хозяину: «Совѣтую вамъ не давать ничего этимъ людямъ и прогнать ихъ». Хозяинъ покорно подошелъ къ намъ и повторилъ приказаніе своего кюре». Когда пропагандисты удалялись изъ деревни, въ нихъ «бросали камнями, комками земли, рвали газеты—и все это подъ благосклоннымъ взоромъ кюре» (стр. 87—88).

Во многихъ округахъ священники распоряжаются на фабрикахъ, какъ у себя дома: удаляется всякій рабочій, хоть немного заподозрѣнный въ вольнодумствѣ. И поразительно то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно высоко держится знамя религіи смиренія и состраданія, тамъ свирѣпствуетъ вопіющая нищета: населеніе питается только картофелемъ и свинымъ саломъ, говядины и масла почти никогда не видитъ. Особенно тяжелымъ оказывается положеніе рабочихъ, выполняющихъ свой трудъ у себя на дому, по заказу фабриканта, или приготовляющихъ продукты за свой счетъ для скупщика; надо посмотрѣть только, во что обращается семейная жизнь, ради сохраненія которой часто ополчаются противъ фабричной работы.

Гдѣ нищета, тамъ, конечно, и необыкновенно высокій коэффиціентъ рождаемости, и также велика смертность. Одна рабочая семья произвела на свѣтъ двадцать одного ребенка, изъ которыхъ въ живыхъ осталось лишь пятеро. «Уходя,—пишетъ Ог. де-Виннъ,—я подумалъ: двадцать одинъ ребенокъ! Сколько тутъ было лишеній и страданій! Ну что же, не это ли чрезмѣрное размноженіе спасаетъ слабыя существа отъ исчезновенія ихъ рода? Пролетаріи безъ устали поставляютъ обществу новыхъ производителей, которые въ одинъ прекрасный день явятся мстителями за свой классъ, за непризнанное, поруганное варварствомъ нашего общественнаго строя, человѣчество» (стр. 16).

М. Бернацкій.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го января по 15-е февраля 1905 г.).

М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Стихотворенія и поэмы. Т. II. Проза Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1905. Ц. 3 р. за 4 тома.

В. Сѣрошевскій. Предѣлъ скорби. Китайскіе разсказы. Хайлакъ. Т. II. Изд. Н. Глаголева (2-ое). Спб. 1905. Ц. 1 р.

Альманахъ «Грифъ». Москва. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Сельма Лагерлефъ. Въ Іерусалимѣ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

В. Умановъ-Каплуновскій. Фарисеи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

В. Крыжановская (Рочестеръ). Свѣточи Чехіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 80 к.

В. Радичъ. Черноморскіе богатыри. Изд. Сойкина. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Путешественникъ, журналъ. Годъ изданія первый. Москва. 1905. № 1. Ц. за годъ 6 р.

Анна Саксаганская. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Алексѣй Мошинъ. Гашишъ и др. разсказы. Изд. Малаховскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Берта Зуттнеръ. Долой оружіе! Пер. съ нѣм. Изд. 3-ье журн. «Юный Читатель». Спб. 1905. Ц. 5 к.

З. Мостовенко. Изъ жизни птицъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Константинъ Дьяконовъ. Разсказы. Екатеринославъ. 1904. Ц. 1 р.

С. Ольгинъ. Люди и жизнь. Изд. Усовой. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Карменъ. На днѣ Одессы. Изд. Свистуновой. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

Алексѣй Плетневъ. Упитанные и отъѣвшіеся. Очерки. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Александръ Яблоновскій. Приключенія уличнаго адвоката. Изд. журн. «Южныя Записки». Одесса. 1905. Ц. 20 к.

Анри Лиштанберже. Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. Книгоиздательство «Творческая мысль». Москва. 1905. Ц. 2 р.

П. Мигулинъ. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905.

Г. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. Изд. «Библіотеки для самообразованія». Москва. 1905. Ц. 40 к.

Орисонъ Светъ-Марденъ. Строители судьбы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Куно Фишеръ. Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Изд. Жуковскаго. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Общедоступный сборникъ основныхъ крестьянскихъ законовъ. Книга 2-ая. Прил. къ журн. «Юристъ». Спб. 1904.

Ю. Айхенвальдъ. Чеховъ. Основные моменты его произведеній. Москва. 1905.

К. Казанскій. Суфизмъ съ точки зрѣнія современной психопатологіи. Самаркандъ. 1905.

А. Босъ. Элементарная алгебра. Изд. В. Березовскаго. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

А. Амонъ. Детерминизмъ и вмѣняемость. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Гнѣвушевъ. Политико-экономическіе взгляды гр. Н. С. Мордвинова. Кіевъ. 1904.

Ф. Ферстеръ. Свобода воли и нравственная отвѣтственность. Изд. Ѳомина. Москва. 1905. Ц. 25 к.

Т. Богдановичъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Гаральдъ Гѣфдингъ. Философскія проблемы. Книгоиздательство «Творческая мысль». Москва. 1905. Ц. 60 к.

Аксель Гарде. Основная мысль въ творчествѣ Генриха Ибсена. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

К. Михайловъ-Стоянъ. Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Изд. 3-ье. Спб. 1904.

Его же. Къ 100-лѣтнему юбилею М. И. Глинки. Спб. 1904.

Его же. Еврей Ивановъ. 20 лѣтъ на цѣпи. Спб. 1904.

Рѣки Амурскаго бассейна въ санитарномъ отношеніи. Спб. 1905.

А. Клоссовскій. Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Одесса. 1904.

М. Копытчукъ. Водолѣченіе. Полтава. 1904.

Д. Федоровъ. Руководство кузнечно-слесарнаго мастерства. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Дѣло отставного профессора Казанскаго университета А. Н. Хорватъ. Москва. 1904.

Н. Быковъ. Чеховъ въ ряду русскихъ классиковъ. Екатеринославъ. 1904.

А. Клоссовскій. Каѳедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1905.

Ф. Левинсонъ-Лессингъ. О занятіяхъ женскаго населенія С.-Петербурга. Спб. 1905.

Сборникъ работъ гигіенической лабораторіи Новороссійскаго университета. Вып. I. Одесса. 1905.

О состояніи народнаго здравія въ Россіи и о мѣрахъ къ поднятію его. Одесса. 1905.

Гербертъ Спенсеръ. Автобіографія. Сокращенное изложеніе. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Изъ исторіи Геродота. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Москва 1905. Ц. 60 к.

В. Тихомировъ Новая русская народная азбука. Вильно. 1904. Ц. 25 к.

Его же. Къ вопросу объ организаціи военно-медицинскаго вѣдомства. Вильно. 1904. Ц. 10 к.

Справочный календарь. (Городское и земское общественное хозяйство. Вып. I. Изд. Харитонова. 1904—1905. Ц. 3 р.

Отчетъ Государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1903 г. Спб. 1904.

Списокъ книгъ, допущенныхъ М. Н. П. въ библіотеки низшихъ и среднихъ учебн. заведеній и народныя читальни. Тамб. 1904.

Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ. Составилъ А. А. Кауфманъ. Спб. 1904.

Перепись Москвы 1902 года. Часть I. Населеніе. Изд. стат. отд. Моск. гор. управы. Москва. 1904.

Сборникъ по школьной статистикѣ. Вып. II. Симферополь. 1904.

Изданія Сытина. «Народная библіотека и школа»: 1) Разрушеніе Трои. Ц. 10 к. 2) Странствованія царя Одиссея. Ц. 10 к. 3) Начало стараго Рима Ц. 10 к. 4) Великіе законодатели Ликургъ и Солонъ. Ц. 10 к. 5) Два героя: Геркулесъ и Тезей. Ц. 10 к.

Его же изданія, «Историческая комиссія учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній»: 1) Владиміръ Мономахъ и его время. Ц. 15 к. 2) Іезуиты и ихъ вліяніе на исторію человѣчества. Ц. 30 к. 3) Крѣпостные вольные города въ Старой Франціи. Ц. 25 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Von der Quellen des Lebens». Sieben Aufsätze von D-r Iohannes Müller. München (Oskar Beck) 4 m. (Объ источникахъ жизни). Авторъ проповѣдуетъ необходимость «культуры человѣка въ человѣкѣ» и старается разыскать скрытые источники жизни. Мысли автора оригинальны и мѣстами очень глубоки. Названія главъ слѣдующія: «Что есть истина? Атеизмъ. Вѣра и знаніе. Вѣра и нравственность. Любовь. Кто былъ Іисусъ? Какъ намъ найти самихъ себя».

(Berlin Tag.).

«Historical Mysteries», by Andrew Lang. (Smith and Elder) (Историческія тайны). Въ самомъ названіи этой книги заключается нѣчто такое, что въ состояніи возбудить особенное любопытство среди читателей, тѣмъ болѣе, что слово: «тайна» и притомъ еще историческая, всегда вызываетъ интересъ. Въ данномъ случаѣ интересъ этотъ не будетъ обманутъ, такъ какъ авторъ сообщаетъ любопытныя историческія свѣдѣнія, основанныя на документахъ, о разныхъ запутанныхъ и таинственныхъ историческихъ процессахъ 18-го и 19-го вѣка.

(Journal des Débats).

«La crise anglaise», par Achille Viallate (Hacbette). (Англійскій кризисъ). Очень интересная книга, посвященная жгучимъ вопросамъ англійской политики, имперіализму и протекціонизму. По мнѣнію автора, Англія переживаетъ кризисъ, который и выражается въ этихъ двухъ формахъ. Результатомъ этого кризиса можетъ явиться обновленная Англія.

(Revue de Paris).

«Die Deutschen Städte und Bürger in Mittelalter», von B. Heil. Mit zahlreichen Abbildungen. Leipzig. (Teubner), 1 m. (Нѣмецкіе города и бюргеры въ средніе вѣка). Въ этомъ новомъ томѣ серіи, выходящей подъ общимъ заглавіемъ «Aus Natur und Geselschaft», разсказывается исторія возникновенія нѣмецкихъ городовъ, народившихся въ концѣ 1 столѣтія по Р. Х. и рѣзко отличавшихся по своему характеру отъ старыхъ римскихъ городовъ. Первою ступенью къ образованію городской общины всегда служилъ рынокъ, который удовлетворялъ наростающимъ потребностямъ торговли. Постепенно на этой основѣ развивалось городское право и соціальное расчлененіе стариннаго городского населенія. Первая глава книги посвящена описанію этого процесса и городской жизни въ XII и XIII вѣкахъ. Во второй главѣ описывается уже основаніе восточно-германскихъ колоніальныхъ городовъ въ славянскихъ земляхъ и развитіе этихъ городовъ вплоть до конца XIII вѣка. Остальныя главы обрисовываютъ ростъ германскихъ городовъ и ихъ экономическое, политическое и соціальное развитіе.

(Litterarsche Echo).

«Italienische Patrioten», von Eveline Martinenza - Cesaresco. (Georg Wigand). Leipzig. (Итальянскіе патріоты). Это рядъ біографическихъ очерковъ итальянскихъ патріотовъ времени борьбы за объединеніе Италіи. Прекрасно написанные, эти очерки читаются мѣстами съ захватывающимъ интересомъ. Авторъ хорошо знакомъ съ источниками и рисуетъ поэтому правдивую и жизненную картину этого бурнаго періода итальянской исторіи. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ: «Италія не была создана геніемъ двухъ или трехъ человѣкъ. Она возродилась потому, что въ каждомъ городѣ и въ каждой провинціи находились итальянцы, предпочитавшіе вѣнецъ мученичества хлѣбу рабовъ».

(Litterarsche Echo).

«Essai sur les éléments et l'évolution de la moralité», par Marcel Mauxion (Alcan). 2 fr. 50 (Опытъ изслѣдованія элементовъ и эволюціи нравственности). Авторъ занимается изслѣдованіемъ происхожденія того понятія объ идеалѣ, которое, съ различною силой, зарождается теперь въ сознаніи цивилизованныхъ народовъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ о современномъ положеніи проблемы нравственности и подвергаетъ критикѣ системы, основанныя на эволюціи и соціологіи. Затѣмъ авторъ ставитъ себѣ троякую задачу: во первыхъ, доказать, что нравственность— естественный фактъ, а отнюдь не принципъ, установленный a priori; во-вторыхъ,

что это фактъ эволюціи, и, въ-третьихъ, что это фактъ соціальный. Разрѣшенію этой троякой задачи онъ и посвящаетъ остальную часть книги.

(Polybiblion).

«Du Rôle de l'Individu dans le déterminisme social», par D. Draghiesco. (Alcan). 7 fr. 50. (Роль индивида въ соціальномъ детерминизмѣ). Въ предисловіи авторъ излагаетъ противоположныя ученія; два понятія, говоритъ онъ, постоянно противополагаются другъ другу: общество и индивидъ, необходимость и свобода. Но хотя детерминизмъ введенъ въ соціологію, нравственность и исторію, тѣмъ не менѣе реализація его требуетъ усилія воли. Въ первой части авторъ изучаетъ процессъ соціальнаго развитія и непосредственные результаты соціальной интеграціи. Онъ приходитъ къ заключенію о тожественности психологической и соціальной науки, соціологія можетъ быть только психологической. Вторая часть посвящена изслѣдованію отношенія между психологіей и соціологіей, а третья — соціологическому понятію о геніѣ. Кто бы ни былъ геніальный человѣкъ (генералъ или король, политикъ, экономистъ, художникъ или ученый), онъ всегда создаетъ соціальный детерминизмъ, хотя самъ въ то же время представляетъ продуктъ среды и коллективныхъ силъ. Онъ облагораживаетъ и преобразуетъ общество, которое проникается его дѣятельностью.

(Polybiblion).

«Sociologie économique», par Guillaume de Greef. (Alcan) 3 fr. 75. (Экономическая соціологія). Это трудъ догматическій и критическій въ одно и тоже время. «Авторъ доказываетъ, что соціальная наука всецѣло зависитъ отъ соціальной экономіи», которая тѣсно связана съ общей научной философіей, въ свою очередь основывающейся на механикѣ и математикѣ. Книга раздѣлена на семь главъ: 1) Опредѣленія. 2) Экономическая система. 3) Методъ въ соціальной экономіи. 4) Исторія соціальной экономіи; 5) Историческій матеріализмъ. 6) Физико-математическая школа въ соціальной наукѣ. 7) Общіе выводы.

(Polybiblion).

«Der Skeptizismus in der Philosophie», von Raoul Richter. Erster Band. (Leipzig). (Скептицизмъ въ философіи). Въ этомъ первомъ томѣ своего научнаго изслѣдованія, въ исторической его части, заключается прекрасное изложеніе исторіи и сущности греческаго скептицизма. Ученіе древнихъ скептиковъ изложено чрезвычайно живо и авторъ не ограничивается однимъ только изученіемъ ихъ философіи, но въ тоже время рисуетъ ихъ какъ дѣятелей и людей. Слѣдующій томъ будетъ посвященъ новѣйшимъ скептикамъ, причемъ авторъ намѣренъ прослѣдить духъ скептицизма не у однихъ только философовъ, а также у экономистовъ, поэтовъ и государственныхъ дѣятелей.

(Berliner Tageblatt).

«The Story of Esploration: III. Further India», by Hugh Clifford. London. (Lawrence and Bullen) 7 s. 6 d. (Исторія изслѣдованія; Дальняя Индія). Подъ «дальней Индіей» авторъ этой книги подразумѣваетъ Бирму, Сіамъ, Малайю и различныя области французскаго Индо-Китая и китайской территоріи. Всѣ эти страны тутъ сгруппированы вмѣстѣ не вслѣдствіе своего этнологическаго, историческаго или же географическаго сходства, а потому что онѣ служили предметомъ изслѣдованія и наблюденій автора, который разсказываетъ постепенную исторію ихъ открытія и исторію путешественниковъ, отъ самыхъ древнихъ мистическихъ временъ вплоть до новѣйшаго времени. Разумѣется книга изобилуетъ интересными и драматическими эпизодами, въ особенности же много такихъ эпизодовъ заключаетъ въ себѣ разсказъ о приключеніяхъ изслѣдователей въ 16-мъ вѣкѣ, во главѣ которыхъ находится Васко де Гама, показавшій дорогу другимъ. Живо описываетъ авторъ подвиги флибустьеровъ, являвшихся въ страну съ откровенно грабительскими цѣлями. Но наиболѣе глубокій слѣдъ во всѣхъ странахъ оставила инквизиція, которая явилась вслѣдъ за искателями приключеній и посѣяла ненависть и недовѣріе къ западнымъ пришельцамъ, характеризующія и до сихъ поръ всѣ народы Дальняго Востока.

(Saturday Review).

«Scientific fact and Metaphisical Reality», by Robert Brandon Arnold. (Macmillan). (Научный фактъ и метафизическая реальность). Быть одинаково справедливымъ къ наукѣ и метафизикѣ и насколько возможно координировать и объединить различные результаты, добытые ими, опредѣляя въ то же время, которой изъ двухъ принадлежитъ первенство—вотъ главный мотивъ, который руководилъ авторомъ въ его изслѣдованіи. Однако авторъ склоняется все таки въ пользу метафизики, хотя и восхищается трудами такого натуралистическаго философа, какъ Гербертъ Спенсеръ, ученіе котораго, по словамъ автора, представляетъ реальную исторію вселенной. Однако, въ будущемъ эта исторія можетъ быть продолжена только при помощи философіи скорѣе, нежели при помощи науки.

(Athaeneum).

«Studies of Boy Life in our Cities». Edited by E. I. Urwick. (Dent and C°.).

(*Очерки жизни мальчиковъ въ нашихъ городахъ*). Въ этой книгѣ заключаются очерки жизни юныхъ работниковъ въ Лондонѣ, написанные различными авторами, членами общества Тойнби, имѣющимъ постоянныя сношенія съ обитателями лондонскихъ рабочихъ кварталовъ и изучающимъ ихъ жизнь. Очень хороши слѣдующія главы: «Мальчикъ въ семьѣ», «Мальчикъ и его трудъ», «Мальчикъ-преступникъ» и «Клубы мальчиковъ». Въ общемъ, книга эта представляетъ очень полезный и интересный вкладъ въ современную соціальную литературу.

(Athaeneum).

«*Essai sur l'evolution psychologique du jugement*», *par Théodore Ruyssen. Paris* (*Alcan*). *2 fr. 50*. (*Опытъ изслѣдованія психологической эволюціи сужденія*). Авторъ разсматриваетъ сужденіе не съ точки зрѣнія логики, но съ точки зрѣнія психологіи, и такъ какъ онъ рѣшительный сторонникъ эволюціонной теоріи, то и здѣсь отводитъ перв е мѣсто привычкѣ и приспособленію и изслѣдуя первоначальные рефлексы у самыхъ элементарныхъ существъ, старается отыскать источникъ происхожденія этого умственнаго процесса у человѣка.

(Polybiblion).

«*The Gems Est*», *by A. Henry Savage Landor. In two volumes* (*Macmillan*). *30 s*. (*Драгоцѣнности Востока*). Въ этихъ двухъ, очень красиво изданныхъ, томахъ заключается интересное описаніе путешествія и жизни среди самыхъ дикихъ туземцевъ Филиппинскихъ острововъ и Зулу. Авторъ посѣтилъ самыя малоизвѣстныя и мало изслѣдованныя мѣстности внутри острововъ. Между прочимъ на Минданао онъ натолкнулся на странную бѣлую расу, гораздо бѣлѣе европейцевъ, и эту бѣлизну онъ приписалъ темнотѣ и густотѣ лѣсной чащи въ которой живутъ эти люди. По словамъ автора, это очень привлекательное, умное и способное племя ясно выраженнаго папуасскаго типа съ тонкими чертами и очень красивое. На сѣверѣ Люцона авторъ повстрѣчался съ другимъ очень дикимъ племенемъ, кровожаднымъ и свирѣпымъ. Это—охотники за головами, которые по временамъ бываютъ одержимы такою жаждою крови, что успокаиваются только тогда, когда имъ удается отрубить человѣческую голову. Но зато они искусные хлѣбопашцы и строители и любятъ украшать себя татуировкой и золотыми и серебряными кольцами, которыя они продѣваютъ въ уши. Во время своихъ странствованій по той области, гдѣ они обитаютъ, авторъ нѣсколько разъ подвергался серьезной опасности попасть къ нимъ въ плѣнъ, жизнь его висѣла на волоскѣ, но всякій разъ онъ счастливо избѣгалъ страшной участи, которая ему готовилась.

(Times).

«*Die Amerikaner*», *von H. Münsterberg* (*Mittler und Sohn*). *Berlin*. (*Американцы*). Авторъ этой книги, профессоръ Гарвардскаго университета въ Бостонѣ, хорошо изучилъ американскую жизнь, и, исходя изъ того убѣжденія, что въ сущности европейцы мало знаютъ Америку, онъ постарался представить истинную картину американской жизни и изобразить американцевъ такими, какими они есть въ дѣйствительности, со всѣми ихъ качествами и недостатками и темными и свѣтлыми сторонами ихъ общественнаго быта. Надо впрочемъ сказать правду, что авторъ находитъ гораздо больше свѣтлыхъ, нежели темныхъ сторонъ какъ въ характерѣ, такъ и въ жизни американцевъ.

(Frankfurt Zeit.).

«*Wie lebt und arbeitet man in den Vereinigten Staaten?*» *von D-r Hintrager* (*Fontane*). *Berlin* (*Какъ живутъ и работаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ*). Чрезвычайно интересные и увлекательно написанные очерки американскаго быта, полные юмора и въ тоже время глубокой наблюдательности. Особенно заслуживаютъ вниманія три очерка: «На фермѣ», «На югѣ» и «Американки».

(Berlin Tag.).

«*La Paix et l'enseignement pacifiste*». *Leçons professés à l'Ecole des Hautes Etudes sociales*. (*Felix Alcan*). *Paris*. (*Миръ и ученіе о мирѣ*). Вмѣстѣ съ движеніемъ въ пользу мира растетъ и литература о мирѣ, причемъ наибольшій вкладъ въ нее дѣлаютъ французы. Эта книга тоже французскаго происхожденія и представляетъ сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ извѣстными политиками и учеными, являющимися въ данномъ случаѣ проповѣдниками мира. Все что можно сказать въ пользу мира и противъ войны, съ политической, экономической, этической и культурной точки зрѣнія,—все это заключается въ этихъ лекціяхъ, въ которыхъ можно найти и ссылки на писателей и поэтовъ, а также политиковъ и ученыхъ, раньше уже высказывавшихся въ пользу мира.

(Frankfurt Zeit).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

C005262542